

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА
«ДУБНА»

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЯЗЫКИ ДИНАМИЧЕСКОГО МИРА

Ответственные редакторы:
член-корреспондент РАН *Н.Д.Арутюнова*
доктор филологических наук *И.Б.Шатуновский*

Дубна, 1999

ББК 81.0я43
Л 69-4

*Издание осуществлено при поддержке
Института Открытое общество (грант № ACD 904)
и Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 97-06-80095)*

Л 69-4 **Логический анализ языка. Языки динамического мира /** Отв. ред. Н.Д.Арутюнова, И.Б.Патуновский.— Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. — 520 с.: ил.

ISBN 5-89847-020-4

В книге рассматриваются лексические и грамматические способы концептуализации движения в физическом, социальном и ментальном пространствах. Анализ выполнен на материале различных современных и древних языков. Особое внимание уделено семиотике и символике движения в коммуникации и ритуале. Ряд статей посвящен образам движения в национальных культурах и в художественных мирах.

Для языковедов, филологов и культурологов.

ББК 81.0я43

Logical Analysis of Language: The Languages of the Dynamic World.

The book treats of a vast range of lexical and grammatical means which serve to conceptualize motion in physical, social and mental spaces. The analysis is based on the data of different modern and ancient languages. Special attention is paid to the semiotic and symbolic aspects of motion in communication and ritual. Several articles consider images of motion in prose and poetry and in national cultures.

For linguists, philologists and culturologists.

© Институт языкознания РАН, 1999

© Международный университет природы,
общества и человека «Дубна», 1999

© Коллектив авторов, 1999

ISBN 5-89847-020-4

Н. Д. Арутюнова

ПУТЬ ПО ДОРОГЕ И БЕЗДОРОЖЬЮ*

Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

М.Лермонтов

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косягорам,
Желтой глины скудные пласты.

А.Блок

1. Для нашей страны — страны бездорожья и беспредела, беспутства, распутицы и Распутиных, стихии, хаоса и безудержной воли «на просторах родины чудесной» — понятия дороги и пути играют необычайно большую роль (гораздо большую, чем в других европейских культурах) в семантике, метафорике, символике, художественном творчестве. Они определяют сам способ мышления о жизни и человеке. Можно было бы даже утверждать, что ПУТЬ — это своего рода якорь спасения, брошенный человеку в бушующем океане стихии и хаоса. Путь — это анти-стихия, анти-хаос, анти-воля и анти-своеволие. Он столь же важен в мыслях о прокладывании дорог для движения транспорта, как и для движения по дорогам жизни. Русского человека больше всего страшит «заметание дорог»: *Эй пошел, ямщик! — Нет мочи. Коням, барин, тяжело; Вьюга мне слипает очи; Все дороги занесло; Хоть убей, следа не видно; Сбились мы. Что делать нам? В поле бес нас водит, видно, Да кружит по сторонам* (Пушкин). Наиболее популярный в среде русской послереволюционной эмиграции романс (он был сочинен в 1918 г. Черновым, малоизвестным поэтом крестьянского происхождения) начинался словами «Замело тебя снегом, Россия, замело, занесло, запуржило». Только обретя путь, индивид, социум, нация преодолевают хаотическое и беспорядочное движение, растерянность и разброд, шатание и колебание. Темные силы совлекают

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 99-04-00294а.

человека с пути, светлые — наставляют на путь истины. «Я есмь путь, истина и жизнь», — говорит Христос. Резонанс этих слов звучит в пословицах: *Нужный путь Бог правит; Бог пути кажет; За Богом пойдешь, добрый путь найдешь.*

Итак, ПУТЬ — для нашего сознания — это противовес стихии, царящей у нас внутри и вокруг нас. Но он также противовес воли, заключенной в человеке и его окружающей. Он отвечает разумному выбору, а не «вольному хотению», о котором мечтает подпольный человек Достоевского.

Не случайно слово *путь* так часто входит в названия журналов и разного рода сочинений; ср.: «Путь», «Новый путь», «Путь православия», «Пути православия», «Пути русского богословия» Флоровского, «Русский путь» Солженицына, «Пути и судьбы» — книга В.Н.Орлова о Блоке и символизме, «Путь Александра Блока» — сочинение Натана Венгрова, «Пути и перепутья» — название первого сборника стихов В.Брюсова, «Распутья» — сборник стихов Блока, «Воздушные пути» — рассказ Пастернака и название альманаха, «Марина Цветаева в Москве. Путь к гибели» (М., 1992), «Путь духа. Николай Гоголь» С.Павлинова (М., 1998) и т.д. К этому ряду могут быть присоединены названия типа «Вехи», «Смена вех». Следует отметить также роль понятия пути в идеологии, социологии и политике; ср. всякого рода *уклоны* и *отклонения от генеральной линии*. Ободдряющий лозунг «Верной дорогой идете, товарищи!» часто мелькал на шоссе́йных дорогах, заменяя дорожные знаки, но не гарантируя выбора «верной дороги».

Дальнейший путь изложения будет размечен следующими вехами: 1) семантика в паре «путь — дорога» (проблема семантики хронотопа), 2) метафорика пути, 3) понятие пути в контексте художественной литературы: обращение к понятию пути А.Блока и символика дороги у Достоевского.

2. Семантика движения соединяет пространство и время. Движение составляет третий компонент, входящий в понятие хронотопа. Именно он определяет функциональное предназначение путей сообщения и способствует семантической дифференциации слов *дорога* и *путь*.

Речь идет об артефактах инструментального типа, то есть предназначенных для определенных целей, в данном случае для прибытия в пункт назначения. Этим обусловлен тот когнитивный фон, на котором вырисовывается значение этих слов и в пределах которого возможно разное распределение акцентов. Различие в семантических компонентах в свою очередь влияет на склонность слова к переносу значения и на появление тех или других метафорических смыслов.

Референтное значение слов *дорога* и *путь* вырисовывается на фоне когнитивного комплекса, объединяющего следующие сведения: 1) среда, в которой осуществляется движение, 2) контактная поверхность (информация о том, из чего сделана или где проложена дорога), 3) ее параметры,

4) отправной и конечный пункт движения, 5) движущийся объект — человек, предмет, животное, 6) средство передвижения, 7) направление движения и 8) время движения. Они могут быть распределены между такими опорными понятиями, как: 1) статический пространственно-предметный денотат, 2) динамический объект, 3) движение в пространстве, 4) движение во времени.

Словари определяют референтное (конкретное) значение слов *дорога* и *путь* — двух наиболее близких синонимов соответствующего семантического поля — в одинаковых терминах; ср. в словаре Ушакова: *дорога* — путь сообщения; полоса земли, предназначенная для передвижения; *путь* — полоса земли, предназначенная, приспособленная для передвижения, то же, что дорога в 1 знач. Действительно, почти во всех контекстах эти слова взаимозаменяемы и нередко чередуются в тексте; напр.: *Покажи вы мне тогда хоть капельку дороги, и я бы догадался и тотчас вскочил на правый путь* (Достоевский); *Выхожу один я на дорогу. Сквозь туман кремнистый путь блестит* (Лермонтов). Тем не менее, область их референции не вполне идентична. Анализируемые слова обладают семантической спецификой. *Дороги* обозначают артефакты, «встроенные» в природу; *пути*, наоборот, природу, превращенную в артефакт. Специфический интерес представляет украинское слово *шлях*, означающее, как показала Т.В.Радзиевская, в общей картине сельской жизни «часть обжитого пространства, но такую, которая выводит человека за ее пределы, в пространство новое, беспредельное и опасное» [10, 18].

Для референции слова *путь* релевантно понятие среды, и тем самым присутствие в денотате «контактной поверхности», то есть полосы, специально подготовленной для передвижения, не обязательно.

Слово *дорога*, напротив, осуществляет референцию именно к полосе, искусственно проложенной или встроенной в поверхность земли. В значении имени *дорога* выделяемы следующие аспекты: 1) локальный, то есть дорога как место (*лежать на дороге, выйти на дорогу, идти по дороге*), 2) «материальный» (*железная, чугунная, асфальтная дорога, каменка, щебенка, битая, накатная дорога*), 3) параметрический (*широкая, узкая, дальняя, длинная, короткая дорога*), 4) рельефный (*крутая, пологая дорога*), 5) относящийся к поверхности (*скользящая, неровная, мокрая, в рытвинах, покрытая лужами дорога*), 6) относящийся к форме (*окружная, извилистая, прямая дорога*), 7) отсылающий к пункту отправления или назначения: *дорога в город (из города)*, 8) относящийся к движущимся объектам (*автомобильная, велосипедная, пешая, пешеходная дорога, беговая дорожка*). Все эти аспекты выделяемы в самом денотате имени *дорога*.

Пространственно-предметная ориентация имени *дорога* проявляется и в таких сочетаниях, как *мостить, строить дорогу, дорожные реформы, дорожная служба, автомобильные дороги, посыпать дорогу песком, до-*

рожные работы, дорожный рабочий (мастер), дорожная пыль, железно-дорожник, дорожный дом, перейти через дорогу и др.; ср. также: *общая протяженность дорог* и т.п. О том же свидетельствуют производные имена: *подорожник*, (*ковровая*) *дорожка*, *дорожка* (в значении «узкая полоса, борозда, полоска на ткани»), *придорожный дом*.

Таким образом, в семантике *дороги* акцент поставлен на пространственно-предметном денотате. Именно он определяет характерные для этого существительного контексты употребления и производные значения. «Дорога» приглашает к описанию. Ее семантика стремится к конкретизации, то есть к сужению сферы референции: имя *дорога* легко и охотно принимает дескриптивные атрибуты: *грязная, скользкая, ухабистая дорога* (см. также примеры ниже).

Выше упоминалось, что семантика существительных *дорога* и *путь* инструментальна: они обозначают места, специально предназначенные для целенаправленного движения. Функция придает предметно-пространственному значению имени *дорога* динамические коннотации. Компонент «движение» занимает второстепенное место в семантике *дороги*. Он замечен в таких сочетаниях, как *тяжелая, легкая, утомительная дорога*, в которых *дорога* имеет значение «поездка, езда по дороге». Это значение, однако, не вполне автономно. Так, не говорят *проделать дорогу* (ср. *проделать путь*). Значение «поездки» встречается преимущественно в косвенных контекстах: *собираться в дорогу, придти прямо с дороги, брать с собой в дорогу, отдохнуть после дороги, поест перед дорогой, дорожные впечатления, дорожные вещи*. Еще менее акцентирован компонент, относящийся к агенту — путешественнику. От *дороги* нельзя образовать имя лица (**дорожник*), оно также почти не сочетается с притяжательными местоимениями (**моя дорога*). Наконец, *дорога* практически лишена темпоральной семантики: дороги бывают *длинными, дальними и короткими*, но не *долгими*. Сочетание *долгая дорога*, впрочем, встречается. Дело в том, что прилагательные *долгий* и *длинный* исконно могли означать протяженность как в пространстве, так и во времени; ср.: *длинный день, У бабы волос долог, а язык длинный* (пример из словаря Даля). Прилагательное *короткий* сохранило недифференцированное употребление: оно указывает на малую протяженность и во времени, и в пространстве. Семантика сочетания *короткая дорога* синтетично, но все же акцент в ней падает на значение пространственной протяженности. Сочетание *короткий путь*, напротив, означает только протяженность во времени.

Тогда, когда имя *дорога* занимает зависимую позицию, оно может получать темпоральное значение: *читать в дороге, разговаривать по дороге, проспать всю дорогу*. В таких контекстах имеет место регулярный эллипсис: *разговаривать по дороге* = *разговаривать, идя по дороге*, *проспать всю дорогу* = *спать во все время езды по дороге*, *читать в дороге* = *чи-*

тать во время поездки (езды по дороге). В просторечии употребляется выражение *всю дорогу*, имеющее значение «всегда». В этом сказываются, однако, не изначальные темпоральные коннотации слова *дорога*, а, напротив, склонность русского языка придавать пространственным понятиям темпоральный смысл.

Итак, во главе семантической пирамиды существительного *дорога* стоит пространственно-предметное значение, наделенное динамическими коннотациями.

3. Иначе устроена семантика существительного *путь*. В ней статическое, пространственно-предметное значение постепенно отступило на задний план. Некогда богатое семантическое поле «пути», включавшее множество денотативно ориентированных смыслов (оно хорошо представлено в словаре Даля), редуцировалось. Пространственно-предметное значение перешло от природного объекта к артефакту, то есть от *пути* к *дороге* (*шоссе, трассе* и др.). Не говорят **песчаный, асфальтный, вымощенный, пыльный путь, упасть на путь*. Выражения *лежать на дороге* и *лежать (стоять) на пути* не являются синонимами. Первое имеет статический, локальный смысл, второе метафорично. Оно означает «мешать кому-либо продвигаться вперед». Динамика *пути* хорошо видна при сравнении обстоятельств места *на дороге* и *на пути*. Первое статично, второе динамично и целенаправленно; ср.: *остановиться на дороге* и *остановиться на пути к выходу*. Существительное *путь* динамизирует предлог *на*, сочетание которого с предл. пад. отвечает на вопрос *где?*: *на столе (крыше)*. Обстоятельство места *на пути* семантически не полноценно. Оно подсказывает вопрос не «Где?», а «Куда?» и должно быть дополнено указанием на цель или пункт назначения, выявляющим перспективу движения. *Путь* получил четкое предметное значение только в применении к железнодорожной колее. Оно входит в семантическое поле *железной дороги*.

Понятие пути имеет более широкое значение, чем *дорога*, в применении к пространственному аспекту ситуации «путь-дорога». Пути не ограничены дорогами. В понятие путей сообщения входят судоходные реки, каналы, мосты, моря и океаны, словом, все то, что соотносится со способами и средствами передвижения. Так, можно говорить о воздушных, наземных, подземных и водных (морских, речных) путях, но не дорогах; ср. название рассказа Пастернака «*Воздушные пути*», *путина* — массовое движение рыбы, время, когда рыба идет массой; *Главсевморпуть* — название учреждения советских времен. Если для «дороги» существенна твердая поверхность, то для «пути» важна природная среда. Отсутствие дорог не свидетельствует об отсутствии пути. Когда говорят о каком-либо месте, что к нему не проложена дорога, из этого не следует, что к нему нет пути. Но если скажут, что туда нет пути, это будет значить, что речь идет о недоступном месте.

Итак, в семантике имени *дорога* акцент поставлен на пространственно-предметном аспекте ситуации, а в значении слова *путь* — на темпорально-динамическом. Но это не единственное различие между данными понятиями. Динамика пути связывает этот концепт с движущимся объектом и, прежде всего, с человеком. От слова *путь* легко образуются имена лиц и характеризующие их прилагательные: *путник, попутчик, спутник, беспутный, распутный, непутевый*. Прилагательное *распутный*, впрочем, как показал Д.Н.Шмелев, соотносительно с глаголом *распутить*, а не со словом *путь*, с которым его связала народная этимология [15]. С именем *путь* охотно сочетаются притяжательные местоимения: *мой (твой, наш) путь*. Различие в когнитивной ориентации «дороги» и «пути» проявляется в семантике дериватов: *попутчик* = тот, кто *идет* вместе с другим; *подорожник* = растение, произрастающее *около* дороги. Прилагательные *беспутный, распутный, непутевый* характеризуют человека со стороны поведения, действий, а *бездорожный* характеризует пространство по признаку отсутствия в нем дорог.

В значении слова *путь* профилирующими являются следующие аспекты: 1) среда пролегания (*водный, воздушный путь*), 2) наличие движущегося объекта (особенно лица), 3) продолжительность (*долгий путь*), 4) отношение к начальному и конечному пункту (*путь из варяг в греки*).

Итак, хотя слова *путь* и *дорога* сохранили взаимное тяготение и даже часто употребляются совместно (*в путь-дорожку дальнюю я тебя отправил*), хотя во многих контекстах они взаимозаменяемы, их пути-дорожки разошлись: *дорога* сохранила и даже упрочила связь с денотатом, а *путь* отделился от денотата и укрепил свои позиции в динамическом мире.

4. Оба слова — *дорога* и *путь* — имеют общую метафорическую направленность — перенос на человеческую жизнь. Метафорическое значение этих слов заменяет темпоральную модель жизни пространственной. Нужда в такой замене вызвана рядом факторов. Время устремлено из будущего в прошедшее, жизнь же «нового человека» представляется как движение из прошлого в будущее. Движение времени несет человека к концу, человек же стремится направить свою жизнь к цели. Время одномерно и прямолинейно. Оно не допускает развилки и перепутий. Жизнь может быть совсем не прямолинейной. Линия жизни постоянно искривляется и меняет направления. Скорость движения времени всегда одинакова, темп человеческой жизни изменчив. Движение во времени ведет к закату, движение в пространстве — к свету. Вспомним пушкинского «Странника», которому на вопрос «Какой мне выбрать путь?» юноша, *даль указуя пёрстом*, отвечает: «Иди ж, держись сего ты света; пусть будет он тебе единственная мета, Пока ты тесных врат спасенья не достиг». Ср. также у Блока: «Но все вперед влечет какой-то свет, И будто им могу светиться». Человек идет на свет, освещающий ему путь. Итак, в рамках модели

«Пути» человек обращен лицом вперед, к будущему, к цели. Ветер времени дует ему в лицо. В рамках модели «Потока времени» человек обращен лицом в прошлое. Ветер дует ему в спину и гонит его к концу (о моделях времени см. [1]). Человек может сойти с пути, сбиться с пути, уклониться от выбранного пути, но он не может «уклониться» от времени. Время представляет жизнь человека как цикл, пространство — как путь. Периодизация жизни двояка. Время делит жизнь на возрастные фазы, путь — на периоды развития и становления личности. Таким образом, по целому ряду признаков для моделирования жизни человека *qua* человека оказалась более адекватной пространственная, чем временная модель.

Противопоставление людей — человеческих личностей — иногда заменяется оппозицией их путей. Так, П.Йенсен пишет в своем проницательном анализе романа Пастернака: «Антипов не столько анти-под Живаго, сколько анти-путь к его пути; последний в немалой степени становится путем благодаря этой контрастной привязанности». Действительно, в тексте самого романа отмечается тот момент, с которого «пошло его предназначение», определившееся через оппозицию к пути Живаго [6, 98].

Общее метафорическое значение слов *дорога* и *путь* совпадает. Они могут чередоваться в одном тексте: *Я не совращался с своего пути. ... С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне* (Гоголь), *Бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, дорог и путей к нему для всякого* (Гоголь); ср. также у Блока: *Поэт в изгнании и в сомнении На перепутьи двух дорог. Ночные гаснут впечатленья. Восход и бледен и далек. Все нет в прошедшем указанья, Чего желать, куда идти? И он в сомнении и в изгнании Остановился на пути* (т. 1, 42); *И пойду путем-дорогой, Тягостным путем — Жить с моей душой убогой Нищим бедняком*. В некоторых контекстах анализируемые метафоры получают разные оценочные коннотации: *Я стар душой. Какой-то жребий черный — Мой долгий путь*. И далее: *Мне друг один — в сыром ночном тумане — дорога вдале* (Блок).

В большинстве случаев, однако, содержание метафор не вполне идентично вследствие различий в прямом значении этих слов. Так, денотативная ориентация *дороги* делает соответствующую метафору более конкретной и образной. *Дорога* привлекает внимание к событийной стороне жизни. Акцент на динамике движения и связь с движущимся объектом (человеком) придает метафоре *пути* значение внутреннего, духовного становления личности. Метафора жизни как *дороги* может сопровождаться дескриптивными определениями, метафора *пути* отдает предпочтение оценочным и темпоральным атрибутам; ср. *туманная, скользкая, грязная дорога* и *трудный, долгий путь* (см. примеры ниже).

Метафора *пути* настолько обычна, что может не уточняться определениями или контекстом. Она составляет фиксируемое словарями переносное значение слова *путь*. Метафорическое значение *дороги* нуждается в контекстуальной поддержке. Название журнала «Путь» не наводит на мысль о путях сообщения. Название «Дорога» может озадачить. И прямое, и метафорическое значение этого слова нуждается в уточнителях.

В метафоре «пути» как бы объединяются убеждения, заветы, вера, этические правила и действия, поступки, поведение человека. Употребление метафоры «пути» в таком синтетическом значении часто встречается в Ветхом Завете; ср. в Псалмах Давида: *В делах человеческих, по слову уст Твоих, я охранял себя от путей притеснителя. Утверди шаги мои на путях Твоих, да не колеблются стопы мои* (16, 4—5); *Укажи мне, Господи, пути Твои, и научи меня стезям Твоим* (24, 4); *Бог препоясывает меня силою и устрояет мне верный путь* (17, 33); *Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем. Блаженны хранящие откровения Его, всем сердцем ищущие Его. Они не делают беззакония, ходят путями Его* (118, 1—3). См. об этом в [11, 498]. В метафоре «пути» объединены: незабываемый закон (слово, откровение Божие) и поведение человека, данная человеку (или принятая им) этическая программа и ее исполнение. «Путь» соединил статическое значение с динамическим.

В реальном употреблении акцент может падать на тот или другой компонент значения, на нравственный кодекс или на его претворение в жизнь.

Лексическое значение *дороги*, в силу его связи с денотатом, статично, но метафора жизни-дороги, в силу ее связи с последовательностью событий, не утрачивает динамических коннотаций. Лексическое значение *пути*, ассоциируемое с движением, динамично, но метафора пути может переходить от движения к неподвижности. Так, в евангельских контекстах метафора пути часто осмыслялась статически, как Закон Божий: *Учитель, мы знаем, что Ты справедлив и истинно пути Божии учишь* (Мф. 22, 16). *В то время произошёл немалый мятеж против пути Господня* (Деян. 19, 23), *Он (Аполлес) был наставлен в начатках пути Господня* (Деян. 25). Путь Божий, когда его принимает человек, становился верой, место которой внутри человека.

Библейская метафора пути употребляется также во множественном числе: *пути Божии множественны и неисповедимы*. Под *путями Божьими* в таких контекстах имеются в виду способы обнаружения воли Божией и наставления человека на путь истины: *О, бездна и премудрости, и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!* (Рим, 33—34). Пути Божии определяют судьбы мира.

По-видимому, отнесение концепта пути к человеческой жизни первоначально не предполагало идеи движения вперед, развития, а, скорее, под-

разумевало обращение, принятие веры в единого Бога, его заповедей и воплощение их в жизнь. Библейская (особенно евангельская) метафора пути свидетельствовала о переходе от циклической модели времени к линейной и соответственно выделяла человека из мира природы. Она предполагала также, что человек свободно выбирает путь, но по пути его ведет Путеводитель — Бог, давший ему свой Завет. Тем самым в «пути» соединилась свобода выбора (этим *путь* отличается от *судьбы*) и добровольно принятый долг ему следовать, вера и *modus vivendi*. Путь, понимаемый как способ жизни, мог, впрочем, иметь как положительные, так и отрицательные коннотации; ср.: *путь святого, путь грешника, Каинов путь*.

Путь в религиозном контексте превращает саму модель жизни в ее цель. Отсюда, возможно, берет начало употребление слова *путь* в значении «способ достижения цели».

Позднее концепт «пути» стал прилагаться к творческой и социальной жизни человека; ср. *пройти путь от рядового до генерала, пройти большой (но не длинный) творческий путь*; ср. также: *путь праведника (святого, ученого, художника и т.п.)*. Точно так же, как пространство иногда определяется как совокупность возможных в нем путей, так и общество может быть представлено как совокупность возможных в нем жизненных путей его членов. Акцент в метафоре социального пути перенесен на внешнюю, событийную сторону жизни.

Путь, ориентированный на цель (пункт прибытия), обычно имел положительные коннотации. Падение само по себе снимает идею выбора. Падают под воздействием силы тяжести. Поэтому о падении не говорят в терминах пути; ср. некорректность предложений типа **Он прошел путь от отличника до бандита*. Однако если падение составляет прелюдию к возрождению, оно может составить необходимую фазу в духовном пути человека. Небезынтересно отметить, что «интериоризация» (отнесенность к внутреннему миру человека) придала слову *путь*, наряду с религиозно-нравственным значением веры, также и более практический смысл: *путь* стал означать «толк, прок, польза» (простореч.); ср. применительно к человеку: *И глазаст, и ротаст, а пути в нем нет*. Когда говорят, что в человеке *есть путь*, обычно подразумевают, что он способен разумно и успешно устроить свою жизнь. Например: *...коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром, что он гол как сокол* (Пушкин).

Огрубляя реальное положение дел, можно утверждать, что метафора придает динамичность значению слова *дорога* и статичность значению слова *путь*. Динамика жизненных событий выражается метафорой *дороги*, а статика, целостность и стабильность цели и нравственных принципов — метафорой *пути*. Иначе говоря, основные метафорические значения этих слов инвертируют распределение акцентов, характерное для их прямых значений.

5. Метафорический потенциал слов, означающих «пути и маршруты», не замыкается их отдельными, изолированными употреблениями. Метафора пути может охватывать целый текст — поэтический или прозаический — и даже определять жанр повествования (см. об этом [11; 13; 9]). В текст пути обычно вовлечен богатый лексикон слов, относящихся к движению и наименованиям дорог. В нем общее метафорическое значение слова *путь* как бы реализуется на фоне *дороги*. Иными словами, в состав обобщающей текстовой метафоры вводится конкретный фон, дающий ключ к ее интерпретации. Состояние «дороги» может определять душевное состояние путника или те препятствия, которые он встречает на пути. Духовный *путь* принимает образ *дороги*; ср. стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» и стихотворение Блока «Осенняя воля», а также примеры ниже; ср. также замечательный итальянский фильм «Дорога» (*La strada*), ярко демонстрирующий кино-текст пути. В этом разделе мы коротко остановимся на текстовом расширении метафоры пути в поэзии Блока и в прозе Достоевского.

Концепт пути приобрел, как известно, особое значение в русской культуре конца XIX — начала XX вв. Внимание к нему было стимулировано тем очевидным фактом, что Россия переживала затяжной период перехода к новым формам экономической, культурной, идеологической и повседневно-бытовой жизни. Менялся сам облик страны. Изменение форм жизни в первую очередь ассоциируется с изменением путей и способов сообщения, ибо именно они определяют темп жизни, интенсивность ее движения во времени. Из «дорожного лексикона» нередко черпаются символы эпохи. Так, для Достоевского символом уходящей жизни была *большая дорога* (см. ниже), а символом цивилизации, пришедшей на смену традиционной культуре, *железная дорога*; ср. слова Лебедева о том, что в «наш век пороков и железных дорог» утрачена «связующая настоящее человечество мысль» [5, т. 8, 315], а также его рассуждения об общем направлении развития, которому «железные дороги могут послужить картиной, выражением художественным. Спешат, гремят, стучат и торопятся для счастья, говорят, человечества!» [5, т. 8, 311]. Для Блока символом новой России стал шоссейный путь (см. особенно его статью «Безвременье» [3, т. 5, 73—75]). Шоссейный путь противопоставлялся образам традиционной и «природной» России. Например: *Вон и схимник. Книгу закрывая, Он смиренно ждет звезды, Но бежит шоссейная дорога, убегая вбок ... И опять влечет неудержимо Вдаль из тихих мест Путь шоссейный, пробега-я мимо. Мимо инока, прудов и звезд* [3, т. 3, 271].

В творчестве символистов, особенно Блока, концепт пути играл чрезвычайно важную роль; см. подробно [8; 16]. В 1905 г. проблема «пути» занимает доминирующее место в переписке между Блоком и А.Белым. Характерно, что предметом их разногласия является некий «путь реальной

мистики», в отступлении от которого А.Белый упрекал Блока [4, 155—162]. Идеологические метаморфозы постоянно меняют содержание метафоры пути. В век атеизма на смену пути, понимаемому как вера (см. выше), пришла мистическая интерпретация пути. Здесь нет ни нужды, ни возможности останавливаться на этой теме. Отметим лишь, что у Блока речь идет о его пути как человека и как поэта, с одной стороны, и о пути русских и России — с другой. Путь поэта и путь народа предстают то в близких, то в отдаляющихся один от другого образах. Этот аспект творчества Блока тщательно проанализирован Д.Е.Максимовым [8]. В первом случае путь мог быть *бесцельным, безнадежным и неизвестным*: *Бесцельный путь синее предо мною, Далекий путь, потоками изрытый* [3, т. 1, 441]; *И ночь. И в ночь тропой глухую Иду к прикрытой снегом бездне* [3, т. 3, 199]; *Весь-то жизненный путь мы прошли до конца, И концом оказалось начало* [3, т. 1, 434]. В этих контекстах из ранних стихов Блока, по-видимому, речь идет именно о *жизненном пути* человека. Однако путь, осуществляющий предназначение поэта, прям. Приведем пример из письма Блока к матери (1908 г.): «Ведь путь мой прям, как все русские пути, и если идти от одного кабака до другого зигзагами, то все же идешь все по тому же неизвестному еще, но как стрела прямому шоссе-ному пути — куда? куда?» [3, т. 8, 239]. Путь для Блока был осуществлением его личности, реализацией дарования. Еще раньше, в 1907 г. Блок писал А.Белому в ответ на его упрек в измене себе: «Я знаю, что сознательно иду по своему пути, мне предназначенному, и *д о л ж е н* идти по нему неуклонно» [4, 187]. Ту же мысль Блок повторил в 1911 г.: «...таков мой *путь*, теперь, когда он пройден, я твердо уверен, что это должное и что все стихи вместе — “трилогия вочеловечения”» [3, т. 8, 344].

Путь России (или души России?) в эпоху безвременья представлялся Блоку как кружение по болотам усталого всадника: «Это — бесцельное стремление всадника на усталом коне, заблудившегося ночью среди болот. Баюкает мерная поступь коня, и конь совершает круги; и, неизменно возвращаясь на то же и то же место, всадник не знает об этом, потому что нет сил различить однообразную поверхность болота». Путь приобрел зримый образ. Дальше следует нота своего рода «эстетического оптимизма». Оторвав от зеленой звезды долгий взор свой, всадник видит молочный туман с фиолетовым просветом. «Точно гигантский небывалый цветок — Ночная Фиалка — смотрит в очи ему ... и красота в этом взоре, и отчаянье, и счастье, какого никто на земле не знал, ибо узнавший это счастье будет вечно кружить и кружить по болотам, от кочки до кочки в фиолетовом тумане, под большой зеленой звездой» [3, т. 5, 75]. Эстетика возвращает Блока к идее вечного возвращения. И все же, вновь обращаясь к образу всадника на усталом коне, Блок заключает статью словами «Да не будет так» (с. 82). Если прямая линия грозит дурной бесконечностью, то замкнутость вечно-

го возвращения — порочным кругом. Приведенный фрагмент показывает, как легко метафора пути разворачивается в описательный текст.

Теперь коснемся роли понятия пути в поэтике Достоевского. В качестве примера возьмем два эпизода из романа «Бесы», а именно бегство Степана Трофимовича Верховенского [5, ч. 3, гл. 7. «Последнее странствие Степана Трофимовича»] и ночное путешествие Ставрогина к Кириллову и Шатову, а затем в Заречье к Лебядкиным, по дороге от которых происходит второй и решающий разговор Ставрогина с Федькой Каторжным [5, ч. 2, гл. 1—2. «Ночь»].

Анализ текста показывает различие в метафорическом значении *пути* и *дороги*. Степан Трофимович в юности сошел со своего *пути* и вышел на *дорогу жизни*. Он снял с себя все обязательства и 20 лет благополучно жил на иждивении генеральши Ставрогиной. Но вот в конце жизни, ущемленный в своем достоинстве и отдаленный от себя Варварой Петровной, он решил оставить «свое двадцатилетнее нагретое место» и бежать. *Alia jacta est*. Жребий был брошен. «Назвать и назначить место он ни за что не мог. Ибо решился он на какой-нибудь город, и вмиг предприятие его стало в собственных его глазах и нелепым и невозможным; ... Нет, уж лучше просто большая дорога, так просто выйти и пойти и ни о чем не думать, пока только можно не думать. Большая дорога — это есть нечто длинное-длинное, чему не видно конца, точно жизнь человеческая, точно мечта человеческая. В большой дороге заключается идея; а в подорожной какая идея? В подорожной конец идеи ... *Vive la grand route*, а там что Бог даст» [5, т. 10, 480—481]. Заметим попутно, что А.Блок, в творчестве которого идея пути играла, как мы видели, важную роль, при чтении «Бесов» особо выделил приведенный фрагмент текста [7, 22].

Итак, Степан Трофимович вышел на *большую дорогу*, надеясь обрести на ней свой *путь*. «Итак, в путь, чтобы поправить дело! В поздний путь, на дворе поздняя осень. Туман лежит над полями, мерзлый, старческий иней покрывает будущую дорогу мою, а ветер завывает о близкой могиле ... Но в путь, в путь, в новый путь!» Степан Трофимович «поднял знамя великой идеи и пошел умереть за него на большой дороге», на которой он надеялся обрести почву и постигнуть правду народа. Вот как описывает эту дорогу хронист: «Старая, черная и изрытая колеями дорога тянулась перед ним бесконечной нитью, усаженная своими ветлами; направо — голое место, давным-давно сжатые нивы; налево за ними лесок. И вдали-вдали едва приметная линия уходящей вкось железной дороги и на ней дымок какого-то поезда; но звуков уже не было слышно». Степан Трофимович удалялся от железной дороги — символа цивилизации. Он шел в народ. На большой дороге Степан Трофимович вновь встретил женщину — Софью Матвеевну, которая взяла его под свою опеку и с которой он захотел соединить свою жизнь. «Он видел перед собой ту, которую он уже предизбрал себе в

будущий путь» [5, т. 10, 494]. Большая дорога обернулась не путем, а той же дорогой жизни, приведшей его к смерти. Надежда на обретение народной правды оказалась напрасной. «Друг мой, — говорит он Софье Матвеевне, — я всю жизнь мою лгал. Даже когда говорил правду. Я никогда не говорил для истины, а только для себя ... Я, может, лгу и теперь ... Главное в том, что я сам себе верю, когда лгу. Всего труднее в жизни жить и не лгать ... и ... и собственной лжи не верить, да, да, вот это именно!» [5, т. 10, 497]. Софья Матвеевна читает ему место из Апокалипсиса о том, что ангел Лаодикийской церкви ни холоден, ни горяч. И Христос просит написать ему: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 15—16). Степан Трофимович не тепл и не горяч, и запоздалый порыв выводит его все на ту же дорогу жизни, на которой заботу о нем вновь берет на себя женщина (ситуация, весьма характерная для российского сильного пола). Символично, что путь, на который решил встать Верховенский-отец, продавая вместе с Софьей Матвеевной Библию, был водным и вел в Спасов, но не привел в него. Спасения не наступило. Дорога не стала путем. Степан Трофимович впал в забвенье в непроезжей, глухой деревне Устьево. Перед кончиной он принял причастие, воссоединившись с Христовой Церковью. Пародийность фигуры Степана Верховенского не исключает общей симпатии к нему автора. Не случайно на литературном вечере у губернаторши именно он высказывает идеи, столь близкие самому Достоевскому. Достоевский склонен соединять идеал и шарж, ценность и уцененность, глубокую мысль и тривиальность.

Но вернемся к теме пути. Последний путь Степана Трофимовича можно сравнить с ночным путем Ставрогина. Он скользок и грязен. Идя по нему, Ставрогин «увязал с каждым шагом вершка на три в грязь». Камердинер Алексей Егорович вывел его из дома по коридору. Затем они вышли на узкую каменную заднюю лестницу и спустились в сени, выходившие прямо «в темный, как погреб, отсыревший и мокрый старый сад». «Узенькие песочные дорожки были топки и скользки». «По чрезвычайно дождю грязь по здешним улицам нестерпимая, — доложил Алексей Егорович в виде отдаленной попытки в последний раз отклонить барина от путешествия» [5, т. 10, 183]. По извилистым дорожкам сада они дошли до каменной садовой ограды. Давая ключ от калитки, Алексей Егорович говорит Николаю Всеволодовичу: «Если изволили предпринять путь отдаленный, то докладываю, будучи неуверен в здешнем народишке, в особенности по глухим переулкам, а паче всего за рекой ... Благослови вас Бог, сударь, но при начинании лишь добрых дел» [5, т. 10, 184]. Характерно, что перед тем, как *предпринять отдаленный путь*, Ставрогин больше часа сидит неподвижно в углу дивана. Проснувшись, он «просидел еще минут десять, как бы упорно и любопытно всматриваясь в какой-то поразивший его предмет в углу комнаты, хотя там не было ничего ни нового, ни осо-

бенного» [5, т. 10, 182]. Из-под пресс-папье виднелся *угол* письма. Бока и углы комнаты оставались в тени. Платье было сложено *в углу* на стуле. Фонарь и зонтик, приготовленные в дорогу, стояли *в углу* в сенях. Дверца, через которую Ставрогин вышел *в тесный и глухой* переулок, была *в самом углу* садовой ограды. Когда Ставрогин приходит в дом Лебядкиных, опять возникает образ угла: столик с угощением стоит *в углу*. Лебядкин говорит: «Имею *угол*». Марья Тимофеевна раньше имела службу *в углах*. Угол — это символ одиночества, отъединенности, обособленности и в то же время тупика, безысходности. Выход через угловую калитку — попытка человека, загнанного в угол, найти из него путь. Однако калитка вывела Ставрогина в глухой переулок, то есть переулок, не имеющий выхода. Для многих персонажей Достоевского характерно движение от центра, «путь к чужой и страшной периферии, мешающей соединению с сакральным центром» [11, 491]. Образ такого пути создается *глухими и тесными* переулками, *узкими* каменными лестницами, *узенькими и скользкими* дорожками и *извилистыми* тропинками; см. [12, 610—611; 14, 696—697]. Для поэтики Достоевского характерны жанры «хождений» и «похождений», в которых метафора пути определяет структуру текста: духовный и нравственный путь человека сливается с его реальным движением в пространстве. Достоевскому чужда дескриптивность, но «пути следования» своих героев, как показывают приведенные примеры, он описывает с пристальным вниманием. Структура метафоры пути усложняется. В ней взаимодействие духовного пути человека и событий его жизни принимает форму «дорожных инцидентов». Они происходят на фоне конкретной дороги, образ которой отвечает сути «инцидента» и внутреннему состоянию путника. Выше мы коротко остановились на метафорике пути у Блока, которая может служить примером текста пути в поэзии. Рассмотренные фрагменты из романа «Бесы» иллюстрируют развертывание метафоры пути в прозе.

В заключение отметим, что концепт пути как целенаправленного движения играет большую роль применительно не только к жизни человека, но и к его ментальным действиям и движениям, поскольку и они целенаправленны. Метафора пути создает то, что когнитивисты называют *image scheme* в контексте рассуждения. Ср. такие выражения, как *остановимся на этом тезисе, вернемся назад, здесь нам придется сделать шаг в сторону, мы еще не прошли и полпути к цели* и т.д. Мы не будем останавливаться на этом вопросе. Подчеркнем лишь, что и здесь метафора пути влияет на построение текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
3. Блок А.А. Собрание сочинений. В 8 томах. М.-Л., 1960—1965.
4. Блок А. и Белый А. Переписка // Летописи Государственного литературного музея. М., 1940.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 томах. Л., 1972—1990.
6. Йенсен П.А. Стрельников и Кай: «Снежная королева» в «Докторе Живаго» // Scando-Slavica. Copenhagen, 1997.
7. Корецкая И.В. Блок о Достоевском (по неизвестным материалам) // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. М., 1987.
8. Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом сознании Ал.Блока // Блоковский сборник. № 2. Тарту, 1972.
9. Невская Л.Г., Николаева Т.М., Седакова И.А., Цивьян Т.В. Концепт пути в фольклорной модели мира // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. М., 1998.
10. Радзівевська Т.В. Концепт шляху в українській мові: поєднання ідей простору і руху // Мовознавство. № 4—5. 1997.
11. Топоров В.Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. М., 1997.
12. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Там же.
13. Топоров В.Н. Эней — человек судьбы. Ч. 1. М., 1993.
14. Цивьян Т.В. О структуре времени и пространства в романе Достоевского «Подросток» // Из работ московского семиотического круга. М., 1997.
15. Шмелев Д.Н. Несколько случаев лексико-семантической контаминации // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 3. М., 1964.
16. Hansen-Love Aage A. Veg und Ziel. Zum System der Bewegung im Russischen Symbolismus der Jahrhundertwende // Wiener Slavistischer Almanach. B. 23. 1989.

М. Гиро-Вебер, И. Микаэлян

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ПРИКОСНОВЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: *TOUCHER, КАСАТЬСЯ, ТРОГАТЬ*

1. Вводные замечания

Для человека, наблюдающего окружающий мир невооруженным глазом, движение прежде всего связано с перемещением живых существ и предметов в пространстве. В наивной физике осуществление движения требует определенной энергии. Чем меньше затрата энергии, тем слабее движение. В данной статье нас будет интересовать движение, при помощи которого субъект (S) устанавливает контакт с объектом (O), подвергая его минимальному физическому воздействию. Этого воздействия недостаточно, чтобы привести объект в движение, но его хватает, чтобы осуществить контакт. Дальше мы будем говорить просто о минимальном воздействии или о минимальной передаче энергии. В русском языке такого типа движение обслуживают по крайней мере три пары глаголов: *касаться/коснуться*, *трогать/тронуть* и *трогать/потрогать*, во французском — переходный глагол *toucher* и непереходный *toucher à*. Цель нашей работы — предложить предварительное описание семантики этих русских глаголов в сравнении с их французскими эквивалентами. В описании будет использован когнитивный подход Клода Ванделуаза, посвятившего глаголу *toucher* две работы [8; 9], и, частично, понятийный аппарат того же автора. Авторы не ставят себе целью проанализировать деривационный потенциал русских глаголов прикосновения и их синтаксические и стилистические возможности; поэтому в статье не предлагается систематического описания всех префиксальных образований от основ *касаться* и *трогать*. Тем не менее, чтобы учесть видо-временную и словообразовательную специфику русской глагольной системы, нам придется использовать некоторые примеры с аффиксальными дериватами. Мы будем рассматривать здесь глаголы *касаться* и *трогать* как своего рода гиперлексемы, представляющие однокоренные дериваты. Так, за гиперлексемой *трогать* стоят глаголы совершенного вида *тронуть*, *потрогать*, а также пары *дотронуться/дотрагиваться*, *притронуться/притрагиваться* и непарный *потрагивать*; гиперлексема *касаться* представляет свой коррелят совершенного вида *коснуться*, а также глаголы *прикоснуться/прикасаться* и *соприкоснуться/соприкасаться*.

Нас интересует сопоставление семантической структуры французских глаголов *toucher* и *toucher à* с русскими *трогать* и *касаться*. При этом в

нашу задачу не входит описание способов передачи этих французских глаголов в русском языке.

2. Переходный глагол *toucher*¹

К. Ванделуаз называет глагол *toucher* «пограничным глаголом действия». Вслед за Р. Лангакером он полагает, что агент при глаголе действия совершает некоторую физическую деятельность, сопряженную с контактом и передачей энергии объекту; при глаголе *toucher* передаваемая энергия — минимальна. Поэтому, в частности, данный глагол не имеет пассива, по крайней мере в своих основных употреблениях.

В большинстве случаев глагол *toucher* имплицитно предполагает некоторое движение. Однако он может описывать и чисто статические ситуации.

Важно отметить, что предварительное условие о минимальной передаче энергии позволяет отделить глагол *toucher* от ряда глаголов, описывающих другие типы воздействия одушевленного субъекта на объект (одушевленный или неодушевленный), тоже имплицитно предполагающие контакт, таких, как *prendre* 'взять', *casser* 'сломать' и т.п.

Как было уже отмечено, во французском языке существует переходный глагол *toucher* и непереходный *toucher à*, различающиеся по своим синтаксическим и, отчасти, семантическим свойствам. Обе лексемы могут употребляться статически и динамически. Рассмотрим сначала переходный глагол *toucher*.

2.1. Прямое употребление

В динамическом употреблении глагол *toucher* описывает возникновение контакта между субъектом и объектом. При этом существенно, что для установления контакта субъект должен совершить некоторое движение в направлении к объекту. В статическом употреблении описывается сам контакт без предварительного движения. Для раскрытия семантики этого глагола и разграничения его различных употреблений важно учитывать следующие условия:

- способность актантов к движению,
- продолжительность контакта,
- наличие/отсутствие силы,
- поверхность контакта,
- наличие/отсутствие орудия контакта.

¹ В описании французских глаголов *toucher* и *toucher à* мы в основном следуем работам К. Ванделуаза.

а) Способность к движению

Переходный глагол *toucher* может описывать контакт:

- между S подвижным и O неподвижным:

(1) *Pierre touche le manuscrit* — Пьер трогает рукопись;

- между S и O подвижными:

(2) *Il a touché l'épaule de l'enfant* — Он тронул ребенка за плечо;

- между S и O неподвижными:

(3) *Le fauteuil touche le mur* — ?Кресло касается стены;

- но не между S неподвижным и O подвижным:

(4) **Le mur touche Pierre* — *Стена касается Пьера;

при этом безразлично, является ли действие намеренным или ненамеренным:

(5) *Pierre a touché le manuscrit* — Пьер тронул рукопись;

(6) *Pierre a touché involontairement le manuscrit* — Пьер случайно коснулся рукописи.

Примеры (1) и (2) отражают динамическое употребление глагола. В примере (3) представлено его статическое употребление. В статическом употреблении переходный глагол *toucher* описывает смежное положение предметов или частей пространства. Здесь во французском языке есть два варианта употреблений глагола, в зависимости от того, о каком типе контакта (физическом или пространственном) идет речь. Физический контакт между неодушевленными предметами может быть проиллюстрирован примером (3), а пространственный контакт — примером:

(3a) *Le jardin de Jean touche le jardin de Pierre* — Сад Жана примыкает к саду Пьера.

Трактовка вышеприведенных примеров дана в соответствии с интерпретацией К. Ванделуаза. Однако при внимательном их рассмотрении становится ясно, что признак «подвижность» является здесь эквивалентом признака «одушевленность». Так, все примеры с одушевленным субъектом отнесены к динамическим употреблениям глагола, тогда как все примеры с неодушевленным субъектом — к его статическим употреблениям. Однако признак «подвижность» на самом деле является независимым от одушевленности. При двух неодушевленных участниках ситуации он соотносится с субъектом и, соответственно, определяет выбор подлежащего. Неподвижные субъект и объект в пространственном употреблении (3a) взаимозаменяемы, и их распределение определяется только коммуникативной перспективой — тогда как в примере (3) субъектом может быть только «потенциально подвижный» предмет. Сравни, например **Le mur touche le fauteuil* — *Стена касается кресла (подробнее об этом см. 4.2.2).

b) Продолжительность контакта

В нормальных прагматических условиях глагол *toucher* в динамическом значении выражает непродолжительный контакт. Так, по-французски нельзя сказать:

(7) **Il toucha longuement le front de l'enfant* — Он долго трогал лоб ребенка.

Устанавливаемый контакт бывает только коротким, мимолетным. При статическом употреблении это условие отпадает.

c) Наличие/отсутствие силы

В обычных условиях глагол *toucher* невозможен, если возникновение контакта сопровождается употреблением силы²:

(8) **Pierre touche le manuscrit de toutes ses forces* — *Пьер изо всех сил трогает рукопись.

Однако в условиях, когда установление контакта затруднено либо противодействием объекта, либо расстоянием, применение силы со стороны субъекта возможно:

(9) *Pierre touche violemment Jean au menton* — Пьер наносит Жану сильный удар в подбородок.

(10) *La balle a touché la cible* — Пуля попала в мишень.

Пример (9) характерен прежде всего для спортивного языка — в фокусе внимания остается установление контакта³. Наличие силы снимает ограничение на пассивную конструкцию. Можно, например, сказать:

(11) *Il a été touché par une balle* — Он был ранен пулей.

При этом субъект чаще всего бывает неодушевленным (это предмет-носитель силы, типа: *une balle* (пуля), *la foudre* (молния) и т.п.).

d) Роль поверхности контакта

Часть субъекта, находящаяся в контакте с объектом, должна быть меньше объекта. Другими словами, глагол *toucher* невозможен, если поверхность S находится целиком в контакте с поверхностью O:

(12) **La nappe touche la table* — *Скатерть касается стола.

Этот факт связан, по-видимому, с тем, что прототипическим орудием действия *toucher* является кончик пальца. Попутно отметим, что во фран-

² Имеется в виду не научное понимание силы, а то значение, в котором оно употребляется в языке (в быту).

³ В русском языке глаголы *касаться*, *трогать* соответствующего употребления не имеют; поэтому, например, французский фехтовальный термин *touché* сохраняется в русском без перевода (*туше*).

цузском языке этот глагол находится в деривационных отношениях с существительным *le toucher* (осязание)⁴.

е) Роль орудия контакта

Контакт между S и O осуществляется либо непосредственно, либо при помощи орудия-посредника:

(13) *Pierre touche le manuscrit avec le doigt* — Пьер трогает рукопись пальцем;

(14) *Le violoniste toucha les cordes avec son archer* — Скрипач тронул струны смычком.

Конечно, речь идет не о любом посреднике. В прямых употреблениях, где субъект одушевленный, он сам является каузатором движения, а инструмент контакта должен быть либо частью его тела (это, например, рука, нога, плечо и т.п.), либо ее продолжением (это, главным образом, предметы, которые человек может держать в руке, такие как кнут или линейка). К.Ванделуаз настаивает на том, что инструмент контакта должен быть под контролем субъекта. Если человек, например, держит на поводке собаку, которая трогает стену лапой, он не может сказать про себя, что он сам трогает стену. Комментируя пример человека с собакой, К.Ванделуаз отмечает, что субъект и посредник должны представлять собой единый источник энергии, и вводит концепт «единства энергии» (*“unité énergétique”* [9, 248—253]).

Итак, орудие контакта мыслится как продолжение руки.

2.2. Метафорические употребления и устойчивые выражения

В метафорическом употреблении переходный глагол *toucher* обозначает «вызывать сочувствие, приводить в умиление», что полностью отвечает одному из значений русского *трогать/тронуть*. Субъектом в таком случае может быть другой человек или его действия:

(15) *Cet enfant me touche* — Этот ребенок трогает меня;

(16) *Tes paroles me touchent* — Твои слова трогают меня.

Следует отметить, что в примере (16) субъектом является инструмент действия; эта фраза структурно связана с менее употребительным вариантом, где субъект — лицо:

(17) *Il m'a touché par ses paroles* — Он меня тронул своими словами.

⁴ Производное от этого глагола прилагательное *touchable* (осязаемый, осязаемый) почти всецело вытеснено более употребительным вариантом латинского происхождения *tangible* (лат. *tangibilis* от глагола *tangere*). Напротив, прилагательное *intouchable* (неприкосновенный, неприкасаемый = ‘которого нельзя тронуть’) сравнительно часто и употребительно.

Таким образом, неодушевленный субъект метонимически представляет человека.

Объектом в таких предложениях всегда бывает человек. Для этого значения характерно употребление формы страдательного залога:

(18) *Je suis touché par tes paroles* — Я тронут твоими словами.

По-видимому, данное переносное значение развилось из динамического употребления с наличием силы, где пассив возможен (ср. *Il a été touché par une balle*). Русское *трогать* в этом значении скорее всего просто калька с французского *toucher*. То же самое можно сказать про прилагательное *трогательный*, эквивалент французского *touchant* [6; 4; 5; 3, 811].

При метафорическом употреблении представление о движении уходит в тень, а в фокусе внимания оказывается контакт. При этом внимание перемещается на объект и его реакцию на контакт с субъектом. Именно этот смысл оказывается центральным. Исчезает также идея непродолжительности, мимолетности контакта и его слабости (отсутствие силы); и во французском и в русском языке можно быть *очень тронутым* (*très touché*), *глубоко тронутым* (*profondément touché*), *тронутым до слез* (*touché jusqu'aux larmes*) и т.п.

В другом переносном значении во французском языке выступает глагол *toucher* в устаревших оборотах *toucher les chevaux* (*тронуть лошадей*), *toucher les boeufs* (*тронуть быков*). Здесь контакт между одушевленным субъектом (которым может быть кучер, всадник или пахущий крестьянин) и объектом-животным чаще всего осуществляется при помощи орудия-посредника (кнута, шпор и т.п.), которое может оставаться имплицитным. Сам контакт при этом оказывается лишь средством каузации движения объекта. Заметим, что русское *трогать/тронуть* в этом значении продолжает употребляться.

(19) *Всадник легким ударом шпор трогает коня* (пример из [1]).

В русском языке имеется также возвратный глагол *тронуться* в значении «начать двигаться», в котором идея контакта вообще устранена.

(20) *Лошади тронулись* (Н. Островский); *Лед тронулся*.

Французский возвратный глагол *se toucher* имеет только либо собственно-возвратное значение (*Il se touche le nez* — Он трогает себя за нос), либо взаимно-возвратное значение (*Leurs genoux se touchaient* — Их колени соприкасались).

Еще один тип переносного значения представлен примером:

(21) *Cette mesure touche tout le monde* — Эта мера касается всех, переводится обычно русским глаголом *касаться*. Здесь сохраняется только представление о контакте, а идея движения отсутствует. Следует отметить, что глагол *toucher* сегодня сравнительно редко встречается в этом употреблении: в современном французском более употребительным в этом значении оказывается абстрактный глагол *concerner*. Однако *toucher* про-

должает функционировать, в частности в нескольких устойчивых сочетаниях, как, например, *Cela le touche de près* — Это его касается непосредственно.

Идея контакта налицо и в употреблениях типа *toucher de l'argent*, *toucher un chèque*, (получить деньги, получить чек), или *toucher quelqu'un par téléphone, par fax* (связаться с кем-либо по телефону, по факсу, и т.п.). Вообще, данный глагол полисемантический и очень частотный в современном языке⁵.

3. Непереходный глагол *toucher à*

Этот глагол также может употребляться динамически и статически. В отличие от переходного глагола *toucher*, в большинстве случаев он выражает отношения статические, прежде всего в переносном значении.

3.1. *Toucher à* в прямом употреблении

Непереходный глагол *toucher à* встречается в случаях, когда контакт между S и O еще не достигнут, хотя является целью движения субъекта. Типичным примером такого употребления является фраза:

(22) *Le bateau touche au port* — Корабль приближается к порту.

Фразеологические сочетания *toucher à sa fin*, *toucher à son terme*, *toucher au but* (приближаться к концу, приближаться к цели) построены по аналогии с вышеупомянутой динамической моделью.

3.2. *Toucher à* в метафорическом употреблении

В статическом употреблении глагол *toucher à* служит для описания только абстрактного, метафорического контакта между субъектом и объектом. Здесь типы объектов строго ограничены. Прежде всего это:

- крайние ментальные состояния человека: *folie* (сумасшествие), *aveuglement* (ослепление), *entêtement* (упрямство) и т.п.;
- некоторые виды культурной деятельности, считающиеся престижными: *la poésie* (поэзия), *la peinture* (живопись), *la littérature anglaise* (английская литература) и т.п.;
- некоторые вредные для здоровья продукты, такие как *cigarette* (сигарета), *drogue* (наркотик), *alcool* (алкоголь) и т.п.

⁵ Это весьма древний глагол; он засвидетельствован в литературных памятниках начиная с XI века.

Например:

(23) *Le geste de Jean touche à la folie* — Поступок Жана граничит с сумасшествием;

(24) *La femme de Pierre touche à la peinture* — Жена Пьера балуется живописью;

(25) *Cet étudiant a déjà touché à la cocaïne* — Этот студент уже пробовал кокаин.

По этим примерам видно, что *toucher à* описывает лишь весьма специфические виды контакта. В примере (23) поступок Жана еще остается в границах нормальных поступков, хотя частично напоминает ненормальные. В примере (24) жена Пьера, балующаяся живописью, не профессиональный художник, а только любитель. В примере (25) студент, который пробовал кокаин, по всей видимости, не наркоман — про наркомана никто всерьез не скажет, что он «пробует кокаин». Так что абстрактный контакт, который соединяет здесь субъект с объектом, ограничен по интенсивности и по времени, т.е. слабый. Отметим, что глагол *toucher à* не употребляется в случаях, когда речь идет о повседневной, постоянной, привычной деятельности субъекта.

Эти ограничения напоминают условия конкретного употребления переходного глагола *toucher*. И там, и здесь:

- контакт должен быть результатом минимального воздействия со стороны субъекта, без применения силы (кроме случаев, оговоренных в 2.1, b);

- поверхность контакта между S и O должна быть ограниченной;

- контакт должен быть непродолжительным.

Представление о непродолжительности и ограниченности контакта широко использовано в отрицательных контекстах с переходным и непреходным глаголом, где подчеркивается отсутствие даже самого слабого прикосновения:

(26) *Ne touche pas mes papiers!* — Не трогай мои бумаги!

(27) *Il n'a jamais touché à la drogue.* — Он никогда не пробовал наркотиков.

К этим примерам мы вернемся позже (разд. 4.2.4).

4. Русские глаголы *трогать* и *касаться*

4.1. Общие семантические компоненты глаголов прикосновения в русском и французском языках

Из пяти условий употребления французского глагола *toucher* (в основном значении) четыре соблюдаются и для русских глаголов *трогать* и

касаться. Это относится, во-первых, к условию, связанному с поверхностью контакта, которая должна быть меньше всей поверхности субъекта и объекта. Если поверхность *S* находится целиком в контакте с поверхностью *O*, по-русски, так же как и по-французски, используются другие глаголы, такие как, например, *покрывать*, *облегать* и т.п.:

(28) *Скатерть покрывает стол;*

(29) *Платье плотно облегает ее фигуру.*

Во-вторых, при обоих глаголах возможна ситуация, когда контакт осуществляется при помощи орудия-посредника. Этим посредником может быть:

— либо часть тела одушевленного субъекта:

(30) *Женщина, потрогав рукой постель его, сказала: «Ай, как жестко тебе»* (Горький);

(31) *Она коснулась земли руками;*

(32) *Придвинула она губы к самому моему уху, волосами щеку мою трогает* (Тургенев);

— либо инструмент-посредник, который одушевленный субъект держит в руке:

(33) *Шурочка задумчиво потрогала крючком пробор своих мягких волос* (Куприн);

— либо часть неодушевленного субъекта:

(34) *Яблоня касается окна ветвями.*

В русском языке, как и во французском, прототипическим инструментом здесь является палец или рука. Однако это может быть любая подвижная часть тела (можно тронуть ногой, головой, носом, спиной), а также предмет, непосредственно «прикрепленный» к данной части тела (тронуть ботинком).

Важно при этом, чтобы инструмент-посредник, будь то часть тела или предмет, находились под полным контролем субъекта (ср. понятие «энергетического единства» К.Ванделуза, разд. 2.1, е). По-видимому, поэтому пример (32) звучит не совсем естественно: волосы не являются «управляемой» частью тела человека⁶.

В-третьих, и *трогать*, и *касаться* оказываются неуместными, если возникновение контакта сопровождается употреблением силы. Нельзя, например, сказать:

(35) **Он сильно тронул меня;*

(36) **Он изо всех сил коснулся меня.*

⁶ Данное замечание относится к глаголам *трогать* и *касаться* с одушевленным субъектом. В примере (34) ветви яблони не являются инструментом. Здесь важно, что они являются частью субъекта.

При этом запрет на применение силы действует во всех неметафорических контекстах, тогда как во французском языке возможны ситуации, когда возникновение контакта затруднено либо противодействием объекта, либо расстоянием между субъектом и объектом, см. примеры (9) и (10). Однако, как отмечает К.Ванделуаз, такие ситуации не являются типичными для глагола *toucher*; напротив, действие *toucher* мыслится как установление контакта, сопровождаемого минимальной передачей энергии [9, 245—253]. Другими словами, примеры (9) и (10) относятся скорее к периферийным употреблением *toucher*.

В-четвертых, во всех динамических употреблениях русские глаголы прикосновения тоже предполагают контакт непродолжительный. Моментальность и однократность действия заложена в словообразовательном значении суффикса -ну- глаголов *тронуть*, *коснуться* и *прикоснуться*. Что касается остальных дериватов, они описывают действие либо как последовательность моментальных действий:

(37) *Осторожными движениями Липман снял протез, потрогал зуб* (Рыбаков);

либо как повторяющееся действие:

(38) ... *говорил Николай Петрович, потрагивая Аркадия то по плечу, то по колену* (Тургенев).

В примере (38) циркумфикс *по-...-ива-* дублирует значение глагола.

Итак, можно сказать, что для французского *toucher* и для русских глаголов *трогать* и *касаться* в их прямом употреблении общими являются четыре компонента:

- непродолжительность контакта;
- ограниченность поверхности контакта;
- факультативное наличие орудия-посредника;
- отсутствие силы.

4.2. Особенности русских глаголов прикосновения в сравнении с французским *toucher*

Семантическая структура русских глаголов прикосновения отличается от французского *toucher* по характеристикам актантов и их способности к движению. Кроме того, глаголы *трогать* и *касаться* различаются между собой по типу субъекта и по характеру глагольного действия.

4.2.1. Способность актантов к движению. И *трогать*, и *касаться* возможны в ситуациях, когда осуществляется контакт:

— между S и O подвижными:

(39) *Кто-то тронул Боброва сзади за плечо* (Куприн);

— между *S* подвижным и *O* неподвижным:

(40) *Руслан летит к Людмиле спящей,*

Ее спокойного лица

Касается рукой дрожащей (Пушкин);

(41) *Доктор, стоя, тронул клавиши фортепиано* (Чехов);

(42) [Чайки], *опускаясь на воду, едва касались ее и кругами поднимались опять вверх* (Гончаров).

Подобно глаголу *toucher* русские глаголы прикосновения не употребляются в ситуациях, когда субъект неподвижный, а объект подвижный:

(43) **Стена касается Петра*.

Если оба актанта неподвижны, глагол *трогать* исключен. Возможен только глагол *касаться*, и то предпочтительно в том случае, когда контакт нежелателен для объекта, ср. (44) и (45):

(44) ?*Кресло касается стены* (лучше: *Кресло стоит вплотную к стене*);

(45) *Холодильник не должен касаться стены*.

Для выражения смежного положения в пространстве единственно возможным оказывается глагол *соприкасаться*:

(46) *Моя земля тесно соприкасается с вашей* (Чехов);

(47) *За Волгой московские владения соприкасались ... с владениями новгородскими, ростовскими, ярославскими* (Ключевский).

Возможно и переносное значение этого глагола:

(48) *Оба мира [духовный и материальный] так тесно соприкасаются, что нет никакой возможности провести демаркационную линию, отделяющую один мир от другого* (Л. Толстой).

Однако глагол *соприкасаться* довольно редкий. Чаще в подобных контекстах встречаются его синонимы: *граничить*, *примыкать* и т.п.

4.2.2. Типы субъекта при глаголах *трогать* и *касаться*. При глаголе *трогать* в прямом значении субъект может быть только одушевленным:

(49) *Так что ж, прощай!* — сказал Бутлер, *трогая его по колену* (Л. Толстой);

(50) *Пес встал, зевнул и потрогал Гарта грязной лапой* (Паустовский).

Вследствие метонимического переноса субъектом может быть часть тела одушевленного существа:

(51) *Чья-то легкая рука притронулась к ее плечу ...* (Мамин-Сибиряк).

При этом глагол *трогать* всегда является динамическим.

Глагол *касаться* в прямом значении более универсален, поскольку он допускает два типа субъекта, одушевленный и неодушевленный, и в этом отношении он сходен с французским глаголом *toucher*.

(52) *Перстами, легкими как сон,*

Моих зениц коснулся он (Пушкин);

(53) *Чайки едва касались воды;*

(54) *Кусты сибирской яблони касались ветвями стекол маленьких окон* (МАС).

Однако, в отличие от глагола *toucher*, глагол *касаться* плохо передает статические отношения, то есть отношения между неподвижными актантами (см. выше пример (44) *Кресло касается стены*). Для этого глагола существенна «потенциальная подвижность»: в позиции субъекта могут оказаться предметы, способные менять местоположение, как кресло или стол, которые можно передвинуть. Так, кажутся совершенно естественными фразы, где субъектом являются именно «потенциально подвижные» предметы:

(55) *Поставь стол так, чтобы он не касался стены;*

(56) *Занавески касаются пола.*

Такое употребление глагола *касаться* (но не *трогать*!) полностью совпадает с возможными употреблениями глагола *toucher*. Если оба актанта при этом глаголе — неподвижные предметы, то любой из них может оказаться в роли субъекта, что обуславливает возможность их взаимно-возвратного употребления, ср. (57) и (58):

(57) *La maison de Pierre touche celle de Jean* — Дом Пьера соприкасается с домом Жана;

(58) *Leurs maisons se touchent* — Их дома соприкасаются.

В случае же, если один из актантов является «потенциально подвижным», то именно он выбирается в качестве субъекта:

(59) *Le rideau touche le plancher* — Занавеска касается пола;

(60) **Le plancher touche le rideau.* — *Пол касается занавески.

Таким образом, признак «потенциальная подвижность» предмета оказывается существенным для описания как русского глагола *касаться*, так и французского глагола *toucher*.

4.2.3. Типы воздействия на объект при русских глаголах прикосновения. Различие типов субъекта при глаголах *трогать* и *касаться* определяет различный характер воздействия на объект.

Переходный глагол *трогать*, подобно прототипическим переходным глаголам, выражает воздействие одушевленного активного субъекта на пассивный объект (неодушевленный или одушевленный). Однако отличие его от прототипических глаголов действия заключается в том, что это воздействие «минимальное». Следствием этого является минимальное же

воздействие на объект (затронутость объекта). В терминах Ванделуаза здесь можно говорить о «минимальной передаче энергии объекту».

Семантический компонент «минимальное действие» оказывается в фокусе, а идея контакта остается лишь импликацией, как и для других глаголов действия, направленного на объект (*братъ, ломать* и т.п.).

В прямом употреблении этих глаголов затронутость объекта может быть нулевой. Результатом минимального действия может быть лишь «ощущение» субъекта или объекта в результате контакта, ср.:

(61) *Я потрогала его лоб: он был холодный и влажный;*

(62) *Теплая рука матери тронула лоб ребенка.*

Однако в переносном употреблении в центре оказывается именно затронутость действием объекта. Помимо метафор, касающихся эмоционального воздействия, общих для обоих языков (см. разд. 2.2), в русском языке возможны метафоры, которых нет во французском, где глагол *трогать* описывает изменение состояния объекта:

(63) *И тронул сон его глаза* (Пушкин);

(64) *Его полные губы то и дело трогает улыбка* (Полевой);

(65) *... загар тронул только щеки ...* (Шолохов);

(66) *Седина тронула его виски* (Ожегов).

Эти метафоры эксплуатируют семантический компонент слабого воздействия на объект со стороны субъекта. Ср. также:

(67) *Ужели новая цивилизация тронет и этот забытый, древний уголок? Тронет, и уже тронула* (Гончаров).

С глаголом *касаться* дело обстоит иначе. Здесь субъект не воздействует на объект, а лишь устанавливает с ним физический контакт. Именно этот компонент оказывается в фокусе. С другой стороны, если контакт устанавливает человек, причем намеренно, то это может делаться с какой-то дальнейшей целью:

(68) *Он коснулся края цилиндра, чтобы надвинуть его немного набекрень* (А.Толстой).

Сам контакт тем не менее не предполагает воздействия на объект; в примере (69) отстраненность поцелуя проявляется именно в том, что прикосновение, контакт с объектом — еще не взаимодействие с ним:

(69) *Павел Петрович поцеловался с ним, то есть три раза прикоснулся своими душистыми усами до его щек* (Тургенев).

Будучи англоманом, Павел Петрович усвоил западную манеру символического поцелуя-приветствия.

Примечательно, что в примерах (68) и (69) глагол *трогать* невозможен⁷.

⁷ Возможен, по-видимому, только глагол *дотронуться*, см. об этом ниже, разд. 5.

Симптоматично употребление глагола *коснуться* в стихотворении Пушкина «Пророк». Нормально действия *коснуться* недостаточно, чтобы вызвать какие-либо изменения в объекте, но здесь происходит чудо: одним прикосновением серафим преображает зрение и слух будущего пророка. Чудесное превращение, вызванное прикосновением, является устойчивым мифологическим мотивом.

С другой стороны, если глагол *трогать* описывает преимущественно контролируемые ситуации, то глагол *касаться* нейтрален по отношению к признаку «контроль». С этим связана возможность употребления при этом глаголе неодушевленного субъекта.

Любопытно и то, что наречие *случайно* по-разному взаимодействует с этими глаголами. Так, например, высказывание

(70) *Я случайно тронул горячую сковородку и обжегся*
предполагает, что субъект совершил контролируемое действие, но при этом не знал, что сковородка горячая, тогда как высказывание

(71) *Я случайно прикоснулся к печке и обжег руку* (пример взят из [1])
следует трактовать, скорее всего, как факт нечаянного прикосновения: субъект не собирался прикасаться к печке.

Напомним, что устанавливаемый контакт для обоих русских глаголов, как и для французских лексем *toucher* и *toucher à*, — непродолжительный, ограниченный, крайне слабый (см. выше 4.1). При этом центральным семантическим компонентом глагола *трогать* можно считать компонент «минимальное действие», тогда как для глагола *касаться* таким компонентом является «минимальный контакт».

4.2.4. Глаголы *трогать* и *касаться* в контексте отрицания. Компонент «минимальное действие», характерный для глагола *трогать*, и компонент «минимальный контакт», характерный для глагола *касаться*, взаимодействуют особым образом с отрицанием. При глаголе *трогать* в таких контекстах отрицается не собственно прикосновение, а любое действие, которому мог бы быть подвергнут объект, причем, как правило, речь идет о типичном действии с данным объектом. Так, например, высказывание

(72) *Я эти деньги решил не трогать*
будет истолковано, скорее всего, как решение не тратить деньги.

Особо характерны для глагола *трогать* контексты, содержащие запрет на действие. Так, высказывание

(73) *Не трогай мой шоколад!*
понимается как запрет есть шоколад. Интересно отметить, что такой запрет кажется более категоричным, чем в высказываниях с конкретными глаголами *тратить* или *есть*. Вероятно, это связано с тем, что отрицание минимального воздействия на объект равнозначно отрицанию воздействия вообще. Таким образом, в отрицательных контекстах глагол слабого воз-

действия *трогать* представляет собой своего рода «универсальный глагол действия». Описывая сходное поведение глагола *toucher* во французском языке, К. Ванделуаз называет его «глагольным заместителем» (*pro-verbe*) по аналогии с местоимением (*pronom*).

В глаголе *касаться* отрицанию подвергается компонент «минимальный контакт». Так же, как и в случае с глаголом *трогать*, компонент «минимальный», попадая в контекст отрицания, дает значение «нулевой» (см. об этом [2, 33]). Высказывание

(74) *Не смей прикасаться к ней!*

воспринимается как категорический запрет малейшего контакта с объектом.

Поскольку для минимального (физического) действия, направленного на объект, необходим минимальный (физический) контакт с объектом, в отрицательных контекстах различие между *трогать* и *касаться* может нейтрализоваться, ср.:

(75) *Какое-то рукоделье лежало перед ней, но она до него не прикасалась* (Мельников-Печерский);

(76) *Она засмеялась и продолжала рассказывать, не дотрагиваясь до своего кофе* (Чехов);

(77) *Она почти не прикасалась к еде ...* (Шолохов).

Нейтрализация противопоставления между двумя глаголами усиливается в парах *прикасаться*—*дотрагиваться*, *прикоснуться*—*дотронуться* (см. об этом разд. 5).

5. Некоторые выводы

Итак, мы определяем глагол *трогать* как глагол «минимального действия».

Ситуации, которые описывает этот глагол, можно представить следующим образом: «активный одушевленный субъект совершает минимальное действие, направленное на пассивный объект. В результате этого действия с объектом может что-то произойти».

Глагол *касаться* мы определяем как глагол «минимального контакта». Он описывает следующие ситуации: «одушевленный или неодушевленный субъект движется в направлении объекта. В результате этого движения между субъектом и объектом устанавливается минимальный физический контакт».

Комментарий.

В нашем понимании «действие» в нормальном случае имплицитно контролируемую ситуацию, поэтому признак [+контроль] для глагола *трогать* является следствием компонента «действие».

Глагол *касаться* характеризуется признаком [\pm контроль]. Реализация положительного значения этого признака для данного глагола возможна при одушевленном субъекте. Если субъект одушевленный, то осуществляемое им движение может быть контролируемым. В этом смысле глагол *касаться* в данном употреблении можно считать глаголом действия. Но движение субъекта может быть и неконтролируемым (ср. *упасть*). В таком случае нельзя говорить и о действии.

Если субъект совершает контролируемое движение для установления контакта с объектом, то различие между *трогать* и *касаться* сводится к наличию/отсутствию воздействия на объект, что отражается в модели управления этих глаголов.

Но и это различие может нейтрализоваться. С одной стороны, существуют аффиксальные дериваты глагола *трогать*—*дотронуться*, *притронуться*, которые, сохраняя запрет на неодушевленность субъекта, устраняют компонент воздействия на объект. С другой стороны, при одушевленном субъекте глагол *касаться* может описывать контролируемую ситуацию, то есть движение с целью установления контакта. Следствием контакта в таком случае может быть воздействие на объект.

Сопоставление русских глаголов с французским глаголом *toucher* позволяет сделать следующие более общие выводы. Модель управления рассмотренных глаголов в русском языке обладает «большой концептуальной прозрачностью», чем модель управления соответствующих французских глаголов. Идея активного воздействия на объект, заложенная в глаголе *трогать*, находит свое соответствие в его прямопереходной модели управления. При таком действии субъект, прототипически, должен быть одушевленным; преимущественно человеком. Во всех неметафорических употреблениях глагола *трогать* эти условия соблюдены; они же определяют логику метафоризации этого глагола.

Глагол *касаться*, несмотря на то, что он предполагает в своей семантической структуре наличие объекта, не является переходным и тем самым устраняет идею прямого воздействия на объект. Поскольку такого воздействия нет, статус субъекта безразличен: он может быть как одушевленным, так и неодушевленным.

Поскольку модель управления в русском языке связана более тесно, чем во французском, с семантической структурой лексем, одному французскому глаголу *toucher* соответствует множество русских лексем с разным управлением. Наряду с необходимостью выражать в глаголе видо-временные значения, это является важным фактором дробления лексических единиц в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д., Палл Э. Русский глагол — венгерский глагол (управление и сочетаемость): В 2-х т. Будапешт, 1982.
2. Бозулавский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985.
3. Виноградов В.В. История слов. М., 1994.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. СПб, 1996.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь: В 2-х т. М., 1994.
6. Unbegaun B. Le calque dans les langues slaves littéraires // Revue des études slaves, 1932, t. XII, fasc. 1—2.
7. Vandeloise C. L'espace en français. Paris, Seuil, 1986.
8. Vandeloise C. La préposition à pâlit-elle derrière *toucher*? // Langue française, Larousse: 107—228, 1993.
9. Vandeloise C. Aristote et le lexique de l'espace (rencontres entre la physique grecque et la linguistique cognitive). Stanford, Collection "Langage et esprit" (sous presse).

ОБРАТИМОСТЬ КУДА И ЗАЧЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В обычной картине мира существуют некоторые стандартные связи между конечным пунктом движения и его целью. Некоторые локальные характеристики движения однозначно предполагают его цель, и наоборот. Так, в библиотеку ходят читать или брать книги, в театр — смотреть спектакль (а не фотографироваться, стричься или ловить рыбу и т.д.). С другой стороны, фотографируются в фотоателье (а не в библиотеке, на речке и т.д.).

Ср. рассуждения одного из героев рассказа Тэффи:

— Для чего человек *в ресторан ходит* — *зубы чистить*, что ли? — Человек ходит для того, чтобы есть и поедаемое запивать...

Слава богу, не догадалась, что *был в бистро* — старался не дышать в ее сторону (Три правды).

Фактически все основные учреждения, так или иначе связанные с нашей повседневной жизнью, являясь конечным пунктом движения, как правило, однозначно предполагают его цель: магазины, рынок, поликлиника, библиотека, кино, театр, парикмахерская, фотоателье, аптека, баня, ресторан, почта, химчистка (и т.п.), церковь и др.

При этом обозначением места могут выступать некоторые названия лиц, профессионально связанные с этими учреждениями; так что движение к месту есть одновременно и движение к этому лицу, и наоборот. Ср.: *пошел к врачу, к нотариусу, к парикмахеру, к фотографу, к сантехнику, к часовщику* и т.д.

В связи с этим на вопрос *куда он пошел?* нередко отвечают, называя цель движения, а не само место: *на рыбалку, на охоту, купаться, стричься, фотографироваться, за хлебом, за грибами* и т.д., поскольку никто не предполагает, что названные действия субъект будет совершать в кино или в библиотеке, музее и т.п.

Возможное преобразование вопроса *куда?* в вопрос *зачем?* отметила Н.Д. Арутюнова (Арутюнова 1992, 18). По данным толковых словарей, вопросительное местоимение *куда?* в разговорной речи употребляется в значении 'к чему?', 'на что?', 'для чего?', 'для какой цели?': *Куда вам столько денег?*; *Куда ты столько сахару навалила?* (сл. Ушакова; БАС).

Вопрос *зачем?* не имеет словарно закрепленного значения 'куда?', но в естественном диалоге нередко ответ содержит указание на конечный пункт движения, однозначно связанный с определенной целью.

Ср.: *Зачем он в такую рань из дома ушел?* — *На рынок (в поликлинику, в бассейн, в библиотеку и т.п.)*. Указание на место здесь является и обозначением цели. Так возникает обратимость *куда* и *зачем*. Правда, в от-

дельных случаях целевое действие может иметь варианты. В частности, в зависимости от пресуппозиции, касающейся социального статуса субъекта, *на рынок* — может значить *покупать*, а может — *продавать*.

Конечно, эти стереотипы могут разрушаться. *В кино и в библиотеку* можно пойти *погреться, встретиться с кем-то, от кого-то спрятаться* и т.д. Но это требует объяснений со стороны говорящего. В противном случае, при разрушении стандартных связей куда и зачем возникают коммуникативные неудачи.

Приведу некоторые примеры из нашей с Е.А.Земской статьи о типологии коммуникативных неудач.

1. А. А где Лида? Б. *В фотографию пошла*. А. Чего это она / вроде не едет никуда // неужели просто так фотографируется? Б. Да она не *фотографироваться*, ей там что-то делают для стенда.//

2. (В гости к М.И. приезжает А.В., старый друг семьи, прежде всего матери, М.И. Дома только две дочери М.И. — 7 и 16 лет). А.В.: А где М.И.? Младшая: Она пошла *в картинную галерею* // А.В.: Что-о? (удивлен, что, зная о его приезде, М.И. именно в этот день пошла смотреть картины). Старшая (с укором): Таня! Ну кто так объясняет? А.В., она действительно в картинной галерее, но она там работает, // *стенографирует*. // Там совещание какое-то. // Скоро придет. // (См. Ермакова, Земская 1993, с. 58—59). Совершенно ясно, что второй коммуникант остается в пределах стереотипных связей места и цели, поскольку говорящий не эксплицирует изменения.

Использование подобного явления находим у М. Булгакова:

— Мессир, — ответил Азazelло, — разрешите мне сказать... У нас двое посторонних: красавица, которая хнычет и умоляет, чтобы ее оставили при госпоже, и кроме того, с ней, прошу прощения, ее боров.

— Странно ведут себя красавицы, — заметил Воланд.

— Это Наташа, Наташа, — воскликнула Маргарита.

— Ну, оставить при госпоже. *А борова к поварам!*

— *Зарезать?* — испуганно вскрикнула Маргарита. — Помилуйте, мессир, это Николай Иванович, нижний жилец. Тут недоразумение, она, видите ли, мазнула его кремом...

— Помилуйте, — сказал Воланд, — на кой черт и кто станет его резать? *Пусть посидит вместе с поварами, вот и все!* (Мастер и Маргарита).

Некоторая несимметричность наблюдается там, где место допускает несколько целевых действий в пределах типовых связей. Так, если целевые действия *сдать рукопись, работать с редактором*, как правило, предполагают «в издательство», *купить авиабилеты* — «в авиакасса», *отправить бандероль* — «на почту», то соответствующие конечные пункты движения не обязательно однозначно указывают на цель: на почту ходят и

купить марки, получить разного рода корреспонденцию, звонить и т.д. Это же относится и к некоторым другим учреждениям.

Таким образом, в одних случаях больше место определяет цель, в других — цель определяет место, но сущности явления обратимости *куда* и *зачем* это не затрагивает.

Следствием обратимости *куда* и *зачем* является возможность однородности словоформ со значением направления и цели — однородности разнофункциональных членов предложения. Не местоименных, а знаменательных. Оговорка представляется существенной, потому что местоименные слова одного семантического разряда свободно игнорируют разнофункциональность и образуют сочинительные конструкции типа *кто и когда, где и почему, никогда и нигде, все и всегда* и т.д. (см. Ермакова 1989, с. 149—150; Санников 1989, с. 48—57). Однако среди знаменательных словоформ это иначе. Ср. невозможность сочетаний *соседи и вчера* (если второй компонент не носит присоединительного характера), **сегодня и в магазине* и т.п. Но совершенно естественны употребления типа: *Пошла постричься и на рынок; Пошел проводить мать и в библиотеку; Все лето ездили в лес и на рыбалку; Пошла купить хлеба и в мастерскую, в поликлинику и фотографироваться* и т.д. *Нарядные, веселые, они явно отправлялись в ресторан или потанцевать где-нибудь* (TV).

О возможности соединения сочинительными союзами разнофункциональных членов предложения неместоименного типа писал А.М. Пешковский. Условие такой однородности он видел в смысловой близости, которая может быть сильнее грамматических различий: «...объединяя те или иные соподчиненные члены как в **чем - ли б о** **о д н о р о д н ы е** [разрядка автора. — **О.Е.**], мы получаем возможность соединить их союзами, как бы далеко они ни отстояли друг от друга и грамматически, и логически» (Пешковский 1956, с. 442). Отмечая необычность соединения подлежащего и обстоятельства

Многие и часто поступают не лучше (Из дневника Шаляпина), он видит здесь победу смысловой близости над грамматическими различиями (Пешковский 1956, с. 442). Действительно, обе словоформы объединяются общим смыслом — *распространенность* (хотя здесь, видимо, нельзя исключить и присоединительные связи).

На основе **общего** смысла, объединяющего две цели, очевидно, иногда создаются и рассматриваемые нами сочинительные конструкции. Ср.: *По-прежнему они ходили гулять или в театр* — общая цель 'отдыхать' или 'развлекаться'. Но такое смысловое объединение бывает отнюдь не всегда. Ср.: *Пошел постричься и в химчистку, в библиотеку и на консультацию, за хлебом и в бассейн* и т.п.

Здесь, вследствие обратимости *куда* и *зачем*, видимая разнофункциональность становится однофункциональностью — соединяются либо два целевых, либо два локальных распространителя.

Но, как и обратимость *куда* и *зачем*, такая сочетаемость возможна при стандартных связях места и цели.

Ср. невозможность сочетания: *Пошел в баню и в разведку*. Но: *пошла в баню и сделать завивку*. Ограничения на рассматриваемую сочетаемость могут устанавливаться и прагматикой: несовместимостью и несоизмеримостью целей во времени и пространстве.

* *Пошел на каток и на операцию.*

* *Поехал в Лондон и побриться.*

Помимо целевых и пространственных словоформ, ограничения могут исходить и от глаголов движения. В отличие от *пойти*, *поехать*, *направиться*, обозначающих движение в сторону пространственного объекта, этой сочетаемости обычно не допускают глаголы, обозначающие **достижение** пространственной цели: *прийти*, *приехать*, *прибыть*, *прилететь*. Ср. невозможность употребления *Пришел в ресторан и потанцевать*: соединение *куда* и *зачем* предполагает направление в **два разных места**, одно обозначено словоформой с пространственным значением, другое — названием цели, осуществление которой связано с каким-то пространственным объектом. *Прийти* предполагает один пространственный объект и связанную с ним цель. Аналогично, исключаются в таких конструкциях глаголы с приставками конкретно-пространственного значения, например, указывающими на направление движения сверху вниз или снизу вверх — *взойти*, *взбежать*, *влезть*, *сойти*, *сбежать*, *слезть*, *спуститься* и т.п. Все они обозначают движения, направленные к **одному** пространственному объекту, с достижением которого к тому же не связана одна определенная цель. Ср.: *залезть (влезть) на крышу, на дерево, на столб, взбежать на второй этаж, в гору, на холм* и т.д. Поэтому невозможно, например, *взобраться на дерево и ... на охоту (за хлебом, на экзамен и т.п.)*.

Обратимость *куда* и *зачем* не исключительное явление в пространстве логических понятий. «Превращение» временных отношений в причинные и условные давно отмечено лингвистами в разных языках. Так, в частности, понимание временной последовательности событий как их причинно-следственной связи очень типично для русского языка. В.Г.Гак пишет: «Особенно частотен переход время → причина, по-видимому, вследствие наивного правила *post hoc, ergo propter hoc*» (Гак 1997, с. 129). В то же время вопросы *когда* и *почему* не бывают взаимозаменяемыми. На вопрос *когда он уехал?* не отвечают *из-за болезни матери* и т.п., равно как и на вопрос о причине отъезда не сообщается его время.

Между понятиями причины и цели существует явная смысловая близость. И это дает основания для употребления их в сочинительной конст-

рукции типа *я это сделал с досады и для восстановления справедливости*¹. Не случайно некоторые предлоги в русском языке синкретичны — выражают причинно-целевые отношения, например, *ради, во имя (во имя любви и дружбы, ради утешения)*.

Уже отмечалось, что на вопрос о причине может быть сообщение о цели и наоборот, отмечена также возможность взаимозаменяемости вопросительных слов *почему* и *зачем* в некоторых типах высказывания:

Ср.: *Зачем ты закрыл окно?* —

а) Чтобы мухи не летели.

б) Потому что сквозняк.

Или:

Зачем ты взял мою книгу?

Если это выражение протеста, то в равной мере возможно и *Почему ты взял мою книгу?* — здесь речь не идет ни о цели, ни о причине. (См. об этом Падучева 1985, с. 232—234; Рахилина 1989, с. 46 и др.).

Но ни в одном случае взаимозамены причины и цели в диалоге причинные словоформы (или конструкции в виде придаточного) **не называют при этом и цель** действия, равно как и целевые словоформы не обозначают причину. Цель при этом остается целью, а причина — причиной.

Так, отвечая на вопрос: *Зачем ты это сделал?* — *С досады (из зависти, от расстройства и т.п.)*, мы просто уклоняемся от объяснения цели (её, возможно, совсем не было)². В другом случае на вопрос: *Почему ты*

¹ Что касается соединения сочинительной связью разнофункциональных словоформ, то, несомненно, большие возможности при этом наблюдаются у разделительных союзов, в частности у союза *или*.

Так, нередко соединения уступительных и причинных словоформ. Например: *Несмотря на уединение или вследствие уединения жизнь Левина была чрезвычайно наполнена* (Л.Толстой); *Ты всегда хорошо относилась ко мне, несмотря на мои странности или, может быть, благодаря им* (А.Куприн).

Это соединение отнюдь не связано с обратимостью прямой и обратной причины. Здесь самую существенную роль играет прагматика. В первом случае автор предлагает читателю поразмыслить над причинно-следственной связью уединения и наполненности жизни, он лишь отмечает, что это может быть и прямая, и обратная зависимость.

Во втором — говорящий выражает свою неосведомленность о позиции адресата речи: привлекают ли его странности в человеке или, наоборот, отталкивают, но в некоторых случаях он может примириться со странностями — в знакомом человеке.

Естественно, что соединение таких словоформ союзом *и* потребовало бы особых условий.

² В интересном примере из М.Цветаевой, который приводит в своей статье Е.В.Рахилина, ситуация, на мой взгляд, именно такова: автор хочет подчеркнуть, что цели творчества у поэта нет и быть не может, есть только причина — невозможность не писать. Ср.: «Зачем я пишу? Я пишу, потому что не могу не писать. На вопрос о цели — ответ о причине, и другого быть не может» (М.Цветаева, Поэт о критике, цит. по: Рахилина 1989, 47).

это сделал? отвечая: Для утешения матери, для защиты..., в назидание детям, для сохранения... и т.п., мы называем цель, ничего не говорящую о причине. Именно этим взаимная замена *почему* и *зачем* существенно отличается от рассмотренной нами обратимости *куда* и *зачем*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
2. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
3. Ермакова О.П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
4. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
7. Рахилина Е.В. Отношения причины и цели в русском тексте // ВЯ, 1989, № 6.
8. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.

А. Д. Кошелев

ОПИСАНИЕ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР, СОСТАВЛЯЮЩИХ СЕМАНТИКУ ГЛАГОЛА *ЕХАТЬ*

Введение

Цель статьи — проанализировать некоторые механизмы функционирования языка на примере описания глагола движения *ехать*. Фактически мы постараемся решить следующую задачу: построить такое семантическое описание этого глагола, которое позволило бы а) объяснить способность владения этим глаголом носителем языка и б) служить основой для моделирования когнитивных аспектов этой способности.

1. О термине «действительность»

Прежде, чем говорить о языке и его функционировании, нам следует по возможности четко определить термин действительность, которым мы далее будем постоянно пользоваться. Условимся представлять действительность в виде совокупности образов — перцептивных впечатлений говорящего об окружающем мире, своих чувствах, ожиданиях и т.д., получивших первичное (доязыковое) осмысление. Эта совокупность образов мыслится нами как независимое от языка и параллельное языку логическое осмысление и представление окружающего мира. И.А.Мельчук называет этот уровень отражения реального мира концептуальным представлением. (В устной беседе он привел следующий пример: «Если я перехожу улицу и вдруг вижу несущуюся на меня машину, в моем мозгу в доли секунды просчитывается множество вариантов поведения. К этому анализу язык не имеет никакого отношения. Он лишь средство для его описания».) В дальнейшем эта совокупность образов и будет той «референциальной базой», той действительностью, с которой говорящий соотносит свои высказывания.

Далее центральным будет понятие отдельного образа действительности — фрагмента концептуального уровня, поэтому остановимся на нем подробнее. В перцептивном образе (= картинке) действительности можно выделить бесконечное множество самых различных объектов, свойств и отношений. Однако реально человек выделяет лишь те из них, которые в данный момент и в данном контексте — важнейшие для него. Такую пару — перцептивный образ и выделенные в нем свойства — мы и называем (осмысленным) образом действительности.

2. Об основной функции языка

На наш взгляд, основная функция языка заключается в описании внеположной языку действительности — совокупности осмысленных образов. Эта функция языка проявляется двояко: с одной стороны, говорящий умеет дать воспринятому образу действительности языковое описание — высказывание, фиксирующее своим значением нужные свойства (осмысление) образа, т.е. построить пару типа

(1) Образ действительности \Rightarrow Языковое высказывание.

С другой стороны, слушающий, восприняв это высказывание и не видя стоящего за ним образа (истинного референта), способен воссоздать соответствующий ему образ действительности (гипотетический референт), т.е. образовать пару типа

(2) Языковое высказывание \Rightarrow Образ действительности.

Воссозданный образ в чисто перцептивном плане, скорее всего, будет отличаться от исходного референта, однако характерные свойства будут иметь такие же, поскольку они зафиксированы значением высказывания.

Объединив (1) и (2), получим следующую модель языка

(3) Образ \Leftrightarrow Высказывание.

В терминах И.А.Мельчука эта модель имеет вид: Концепт \Leftrightarrow Текст, но вовсе не Действительность \Leftrightarrow Текст (об этом см. ниже).

Суммируя сказанное, можно утверждать, что язык — это средство для передачи осмысленного образа действительности от говорящего к слушающему. Говорящий **воспринял некоторый образ действительности с его характерными свойствами** и закодировал высказыванием. Слушающий воспринял это высказывание и декодировал его — **воссоздал подходящий образ действительности** (возможный референт) высказывания с такими же свойствами.

Замечание. Поясним отличие этой модели языка от модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». Согласно работе [Мельчук 1974: 12], «подход к естественному языку как к преобразователю “Смысл \Leftrightarrow Текст” вытекает, по существу, из общепринятого положения о том, что язык — это, прежде всего, орудие общения между людьми, т.е. средство передачи мыслей. <...> Попробуем проанализировать содержание утверждения “Язык — орудие общения”. Что значит “быть орудием общения”? Видимо, это означает “представлять собой систему средств передачи информации, составляющей цель общения”. Бесспорно, что в нормальных случаях речевой коммуникации говорящий говорит всегда только для того, чтобы выразить и передать нечто отличное от его слов — некоторую “информацию”».

С процитированным тезисом вполне можно согласиться, если иметь в виду следующее уточнение. Вся проблема в том, чтобы как можно строже разделить, с одной стороны, «текст» (= последовательность речевых сигналов), а с другой стороны — то, что он передает и что в идеале должно быть внеположно «тексту». «Смысл», как он определяется в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», не является, строго говоря, внеположным «Тексту», поскольку в большей или меньшей степени сам — результат языковой дея-

тельности. Ведь семантическое представление, описывающее смысл, базируется на семах — относительно простых лексических и грамматических значениях языка. Другое дело — «образ действительности» — результат перцептивной деятельности и первичного телеологического осмысления. Будучи доязыковым образованием он и в самом деле внеположен высказыванию.

В [Мельчук 1974: 22] специально оговаривается, что модель Действительность \Leftrightarrow Смысл не относится к собственно языковым механизмам: «... Мы считаем, что смысловое содержание высказываний должно быть внеположно модели “Смысл \Leftrightarrow Текст”. Это означает в точности следующее: при движении от смысла к тексту смысловое задание (= семантическое представление) формируется отдельным механизмом (некоторой другой моделью). Если речь идет, например, о словесном описании некоторой ситуации, то процесс правильного перевода зрительных, слуховых и иных восприятий в определенное дискретное описание этой ситуации (которое будет “смысловым содержанием”, или смыслом, соответствующих текстов) должен обеспечиваться особой моделью “Действительность \Leftrightarrow Смысл”. $\langle \dots \rangle$ Наша модель отвечает только за правильное воплощение полученного смысла $\langle \dots \rangle$ в правильный для этого смысла текст». В этом рассуждении пропущен очень важный этап: уровень первичной концептуализации «зрительных, слуховых и иных восприятий». Его введение позволяет разбить модель Действительность \Leftrightarrow Смысл на две модели: Действительность \Leftrightarrow Концепт (Образ) и Концепт (Образ) \Leftrightarrow Смысл, вторая из которых, по нашему мнению должна относиться к языку, а первая — нет.

Естественно считать, что правильность (корректность) образования пар типа (1) Образ \Rightarrow Высказывание и (2) Высказывание \Rightarrow Образ обусловлена семантикой высказывания. Однако решаемые здесь семантические задачи совершенно различны. В случае пары (1) требуется проверить соответствие значению высказывания (= совокупности общих свойств действительности) конкретных свойств образа. В случае же пары (2) требуется совершенно другое — образовать для высказывания подходящий образ действительности — возможный его референт.

Далее мы постараемся показать, что решение этих задач обеспечивает не одно целостное значение высказывания, а два его самостоятельных и принципиально различных компонента. Иными словами этот важный тезис можно сформулировать так: переходы (1) и (2) базируются на различных, самостоятельно определенных семантических компонентах высказывания. В связи со сказанным, главным критерием адекватности выявляемых семантических компонентов будет оценка их способности выполнять сформулированные только что семантические задачи, а не их соответствие нашей языковой интуиции.

Следует отметить, что анализ соответствия (2) Высказывание \Rightarrow Образ имеет большую традицию в когнитивной лингвистике и психологии. Ср., например, в [Шмелев 1977: 64]: «Произнося какое-либо слово, мы вызываем в сознании образ какого-то определенного предмета (действия, явления, признака)...».

Пожалуй, наиболее полно оно описано в работе [Гаспаров 1996: 246—292], где для правой части (2) используются термины «языковой об-

раз», «образный отклик» на воспринятое слово или выражение. Ср.: «Неудивительно, что, встречаясь в нашей языковой деятельности с этим словом (*трава*. — А.К.), мы с легкостью вызываем в представлении подходящий зрительный образ, подсказываемый памятью или воображением. Это простейший вид образного отклика, заключающийся в том, что в представлении говорящего возникает конкретная картина, в которой он непосредственно «узнает» предмет, обозначенный вызвавшим этот отклик словом или целым выражением» [Гаспаров 1996: 249]. И далее: «Важно, что всякое языковое выражение, всякая частица языковой материи способны получить тот или иной образный отклик в перцепции говорящего субъекта» [Гаспаров 1996: 261].

В лингвистике соответствие (2) изучается опосредованно, через анализ значения высказывания в рамках схемы Фреге:

Высказывание => Значение => {Референты = Образы действительности}, где значение трактуется как характеристика общих свойств референтов.

Образованию пары (1) Образ => Высказывание в исследованиях по лингвистике и психолингвистике уделяется гораздо меньше места, однако и оно не осталось совсем без внимания. Ср.: «Можно утверждать, что способность к образному отклику является универсальной чертой нашего обращения с языковым материалом. Нет такого языкового действия, которое не получило бы проекции в мире образных представлений — прямой или косвенной, полной или частичной, отчетливой или смутно-намекающей; и обратно (*разрядка наша*. — А.К.): в представлении не может возникнуть ничего такого, на что языковая память не способна была бы дать некоторый, хотя бы частичный и приблизительный, языковой ответ» [Гаспаров 1996: 265].

3. Концепт глагола *ехать*

Рассмотрим специфику соответствий (1) и (2) на конкретном примере. Предположим, мы услышали фразу *Он едет на велосипеде*. В нашем сознании моментально возникает некоторый образ описываемой ситуации, некоторая «картинка» — гипотетический референт услышанной фразы, т.е. образуется пара

(1a) *Он едет на велосипеде* => Образ «Человек движется на велосипеде».

Возникший образ может быть и вполне конкретным — какой-то запомнившийся референт глагола *ехать*, а может быть и более абстрактным — схематичное изображение соответствующих референтов. Главное, что Образ возникает произвольно, как реакция на услышанную фразу, т.е. является непосредственным продуктом языковой деятельности, без которого понимание этой фразы невозможно.

Представим теперь обратную ситуацию, в которой исходным является образ действительности: мы наблюдаем за человеком, движущимся на велосипеде. Желая описать этот образ, мы моментально порождаем данную фразу, т.е. пару

(2а) Образ «Человек движется на велосипеде» => *Он едет на велосипеде.*

Покажем, что при образовании этих пар используются совершенно различные компоненты семантики глагола *ехать*.

Чтобы лучше понять различие семантических задач, решаемых при порождении пар (1а) и (2а), представим себе, что их пытается образовать иностранец, не знающий значения глагола *ехать*. Зададимся вопросом: какое описание этого глагола позволит ему легко построить пару (1а)? Ясно, что такое, которое способно актуализировать запас подходящих образов из его собственного перцептивного опыта. А эту роль лучше всего сыграет описание, представляющее а) наиболее типичные референты и б) наиболее типичные примеры употреблений глагола. Именно такое описание мы и находим в толковом словаре [Ожегов 1970: 182]:

(4) *Ехать* — ‘Двигаться куда-н. при помощи каких-н. средств передвижения’. *Ехать на пароходе, на поезде, на велосипеде, на лошадях, в санях...*

(Более строгое и эксплицитное описание приведено в [Апресян 1996]:

(5) *А едет из Y-а в Z на W* = ‘А перемещается из Y-а в Z, потому что А находится на W, которое перемещается из Y-а в Z, и перемещение из Y-а в Z входит в число целей A’.)

Зададимся теперь другим вопросом: какое описание этого глагола нужно нашему иностранцу, чтобы успешно порождать соответствия типа (2а), причем не приблизительно, а так, как их порождает носитель языка? Ясно, что в данном случае требуется таксономически точное описание, охватывающее класс всех прямых (неметафорических) референтов глагола и только их. Решение этой, казалось бы, простой задачи наталкивается на ряд трудностей. Главную из них можно сформулировать так: описания (4) и (5) лексического значения глагола, отвечающие языковой интуиции носителя языка, не являются таксономически адекватными, т.е. дают существенно неточное описание класса референтов глагола. И напротив, точное описание никак не соответствует языковой интуиции рядового носителя языка и выглядит довольно искусственной конструкцией, «научным» объяснением «наивных» языковых представлений.

Мы не можем пренебречь точностью описания, ссылаясь на известное мнение о «размытости» языковых значений, поскольку приблизительные описания существенно искажают реальную картину. Тем более, что класс референтов глагола *ехать* обладает вполне четкой границей. С другой стороны, если мы принимаем точное, но интуитивно непрозрачное описание, то естественно возникает вопрос о его языковом статусе.

Проиллюстрируем сказанное. Покажем сначала, что ни (4), ни (5) не могут служить адекватным описанием класса прямых референтов высказывания *X едет*, т.е. решать задачу (2а). Более того, они не содержат ни одного таксономически релевантного признака движения «ехать».

Первый признак, на который следует обратить внимание, это — «движение по твердой поверхности». Действительно, о человеке, движущемся на легком плоту по реке или в летящем самолете, плохо сказать, что он едет. Заметим, что выражение «твердая поверхность» имеет терминологическое значение — ‘поверхность, при опоре на которую X движется устойчиво, не проваливается благодаря ее противодействию’. Поэтому, в частности, корректно высказывание *Мы едем на пароходe*, хотя движение осуществляется не по суше, а по воде. Кажется вполне обоснованным считать, что признак «твердая поверхность движения» сохраняет здесь свою релевантность. Просто его интерпретационный характер проявляется здесь с особой очевидностью. Ср. некорректность референтных высказываний **X едет на плоту / на паруснике / в лодке* — в этих случаях водная поверхность неизбежно трактуется как нетвердая — и корректность высказываний *X едет на военном корабле / на водных лыжах* — здесь эту поверхность вполне можно трактовать как твердую (= обеспечивающую достаточную устойчивость движущемуся средству и, через него, X-у). Заметим, что, во-первых, наличие поверхности движения необходимо для корректного употребления глагола *ехать*, ср. некорректность высказывания **Подводная лодка едет*, и, во-вторых, водная поверхность может иногда трактоваться как твердая и в случае толчкового движения, ср.: *Паук / водомерка бежит по воде*.

Во-вторых, необходим также признак «твердая опора X-а (W) непрерывна». Представим себе человека, движущегося на лошади. Если лошадь идет шагом или движется рысью, то можно сказать *Человек едет на лошади* (он посредством лошади практически постоянно опирается на дорогу). Если же лошадь движется галопом (периодически утрачивается опора на дорогу), то для носителя русского языка такое высказывание по меньшей мере сомнительно. Причем сомнительно тем более, чем длиннее прыжки лошади.

Обратимся теперь к анализу признака «средства передвижения», которому традиционно отводится роль основного идентификатора движения «ехать». Детальный анализ показывает, что этот признак, будучи типичным, не является в то же время таксономически релевантным. Чтобы убедиться в этом, заметим сначала, что само по себе использование средства передвижения X-ом не свидетельствует о том, что X едет. Действительно, если цирковой артист движется по арене в кольце, вращаясь вместе с ним, нельзя сказать, что он едет. Опора артиста на арену непрерывна, но опорная область меняется. Мальчик на роликовых коньках — едет; тот же

мальчик, использующий при движении специальные ботинки-сороходы (с пружинами, увеличивающими при толчке длину шага), не едет, а идет или бежит. Аналогично, человек, использующий при движении костыли, ходули, все-таки идет, а коляску — едет. Все эти примеры наводят на мысль, что дело не в использовании X-ом средства передвижения как такового, а в характере движения X-а, которое это средство реализует. Его роль можно определить так: **оно служит фиксированной опорной областью X-а, т.е. той областью, которой X непосредственно опирается на твердую поверхность при движении.**

Проиллюстрируем это на примерах. Сами по себе «средства передвижения» весьма разнообразны. Так, мальчик может ехать а) на самокате, отталкиваясь одной ногой от земли, на санках, на коньках, на велосипеде; б) на лошади, на слоне, на другом мальчике (верхом), используя не «едушее», а «идушее» средство. Наконец, он может ехать на фанерке (фанерной досочке) с ледяной горки. Во всех приведенных случаях а) и б) роль «средства передвижения» фактически сводится к роли «фанерки», обеспечивающей мальчику фиксированную область опоры на горку. Нетрудно видеть, что коньки, самокат, санки, велосипед и под. играют роль именно такой «фанерки», а машина, лошадь, другой мальчик — роль самоходной «фанерки». В случаях, когда условия таковы, что X может непосредственно опираться на дорогу, его движение с легкостью называется глаголом *ехать*. Так, высказывание *Мальчик едет с горки на ногах / на спине* вполне корректно, хотя здесь вообще никакого средства передвижения не используется.

Итак, средство передвижения — факультативная характеристика едущего X-а и поэтому она не должна фигурировать в точном определении этого типа движения.

Сформулируем теперь искомое описание.

(6) *X едет* = 'X движется, непрерывно опираясь на твердую поверхность фиксированной опорной областью'.

Фактически здесь выделено три релевантных признака: (а) «непрерывно опираясь», (б) «на твердую поверхность» и (в) «фиксированной опорной областью».

Значение, описываемое в (6), мы хотели бы считать таксономически адекватным. Его естественно назвать Концептом глагола *ехать*, поскольку оно задает «членение, концептуализацию мира», присущие этому глаголу.

Очевидно, что при всей своей простоте (6) не является интуитивно прозрачным. Его нельзя поместить в толковый словарь. Ведь выражения «твердая поверхность» и «фиксированная область опоры» являются, по существу, терминами, требующими специального и довольно подробного объяснения. Иначе говоря, оно не пригодно для решения задачи (1а)

Х едет => Образ «Х движется». В то же время оно вполне пригодно для решения задачи (2а) Образ «Х движется» => *Х едет*, поскольку является, по существу, инвариантом класса прямых референтов глагола. Если наш иностранец поймет его адекватно, он вполне сможет решать эту задачу осознанно. Для этого он должен проверить, соответствует ли характер движения в Образе «Человек движется на велосипеде» описанию (6). Не представляет труда убедиться, что соответствует: 1) дорога вполне может трактоваться как твердая поверхность; 2) опорная область — сиденье и колеса велосипеда — фиксирована и не меняется при движении и 3) опора на дорогу непрерывна.

Рассмотрим еще один пример. Пусть говорящий видит движущийся автобус и человека (Х-а), сидящего в нем. Чтобы дать этому образу языковое описание (сказать *Х едет*), он должен убедиться, что Концепт корректно соотносится с Образом движения, правильно интерпретирует его. И действительно, во-первых, Х имеет **фиксированную опорную область** — пол и колеса автобуса, через посредство которых он опирается на дорогу. Во-вторых, эта опорная область при движении **непрерывно опирается** на дорогу, и, в-третьих, дорога представляет собой **твердую поверхность**. В этом случае автобус — средство передвижения для Х-а.

Предположим теперь, что нас в Образе движения интересует не человек, а автобус (другое осмысление Образа). Легко убедиться, что можно также сказать *Автобус едет*, поскольку и для него аналогичная интерпретация корректна. Отличие лишь в том, что, во-первых, фиксированной опорной областью здесь будут только колеса и, во-вторых, для автобуса уже нет средства передвижения (прослойкой между ним и поверхностью служат колеса — часть автобуса).

Пусть, наконец, нас интересует тип движения колес автобуса (третье осмысление Образа). Легко убедиться, что, хотя **автобус едет**, его **колеса не едут**. Действительно, если Х — колесо автобуса, для него такая интерпретация неверна (оно движется, непрерывно опирается о твердую поверхность, но его опорная область постоянно меняется (не фиксирована)). Соответственно, высказывание **Колесо едет* не корректно.

Как мы видим, для образования референции, кроме Образа действительности и Концепта языкового знака, должна использоваться еще и специальная процедура, проверяющая корректность интерпретации Образа Концептом и приписывающая интерпретированному образу языковое высказывание. Условимся называть ее **Описанием образа**. Результат ее работы — пара типа (2а) Образ «Х движется» => *Х едет*. Эта процедура, естественно, относится к более широкой (чем язык) интеллектуальной деятельности человека, поскольку использует весь арсенал интеллектуальных средств (множество энциклопедических знаний об Образе, логиче-

ский вывод, порождение правдоподобных гипотез и др.) при проверке корректности описания данного Образа данным Концептом.

К числу важных признаков владения языковым знаком относится способность носителя языка описывать с его помощью новые и необычные образы действительности. Покажем, что этим свойством обладает и введенная только что модель образования референции. Представим себе движущее средство *X*, которое перемещается по шоссе или над шоссе на воздушной подушке высотой 10—15 сантиметров. Иначе говоря, между *X*-ом и шоссе имеется воздушная подушка, через которую *X* опирается на шоссе. Носитель языка вполне может сказать *X едет* (хотя фактически *X* летит над шоссе). Легко убедиться, что корректность этой референции подтверждается и нашей моделью, вполне допускающей интерпретацию данного движения *X*-а концептом (6).

4. Языковая память как хранилище референтов

Важно отметить, что образование референции проходит вне рационального осмысления носителем языка своей языковой деятельности. Ни самого Концепта, ни проверки соответствия ему воспринятого Образа движения *X*-а мы не осознаем. (Есть основания полагать, что Концепт — первичная семантическая характеристика глагола, формирующаяся у ребенка на начальном этапе овладения языком, подробнее об этом см. в [Кошелев 1996: 85, 86, 136—142].) На поверхности языкового сознания оказывается лишь результат процедуры Описания образа — ответ на вопрос: можно (корректно) или нет соотнести с данным Образом высказывание *X едет*, т.е. образовать референцию?

В процессе многократного и разнообразного образования референции посредством Концепта в памяти говорящего образуется хранилище встретившихся референтов — его персональный языковой опыт использования данного высказывания. Это хранилище как-то структурировано: наиболее частотные референты, по-видимому, представлены на более абстрактном уровне какими-то обобщенными образами (типизированными референтами). Например, типизированные образы человека, едущего в машине / автобусе, на велосипеде / мотоцикле, на санях / санках / лыжах, на лошади / верблюде и др. Некоторые однократно встретившиеся референты, возможно, вообще забыты. Другие, эмоционально окрашенные, так и хранятся в своем исходном виде. Между отдельными группами схожих референтов, как правило, нет четкого разграничения: одна группа может почти непрерывно (через промежуточные, менее типичные референты) перетекать в другую. Это хранилище можно представить в виде холмистого ландшафта или многогорбой статистической кривой, в которой горбы отмечают классы типичных референтов, а впадины — более редкие референты. Ко-

нечно, у разных носителей языка эти кривые различны, но обычно они близки в своей существенной части, поскольку носители языка имеют схожий языковой опыт.

Условимся называть эту совокупность запомнившихся референтов хранилищем референтов и обозначать так: {Хранилище референтов}. Ясно, что оно связано ассоциативной связью с глаголом *ехать*. Это дает нам основание предполагать, что хранилище референтов служит основой для другой процедуры, не менее важной, чем Описание образа. Эта процедура обеспечивает обратный переход — от воспринятого слушающим высказывания к образу (пусть обобщенному) движения X-а, т.е. к возможному референту. На основании языкового контекста, в котором было воспринято высказывание, энциклопедических знаний, логического вывода и пр., она (эта процедура) выбирает из хранилища референтов образ, наиболее подходящий к данному высказыванию. Условимся называть эту процедуру Воссозданием образа воспринятого высказывания. Ее результат — пара типа (1а) *X едет* => Образ «X движется».

Заметим, что процедура Воссоздания образа способна сформировать новый, ранее не встречавшийся образ, если располагает достаточной информацией об описываемом образе. Предположим, мы услышали фразу *Он едет на велосипеде, отталкиваясь ногами от земли*. Даже если мы раньше никогда не видели такой езды, нам не составляет труда ее наглядно представить. Однако образ фразы *Он едет на велосипеде вверх ногами* воссоздать гораздо труднее, если не знать, что речь идет о клоуне, который крутит педали руками.

5. Лексическое значение и его статус

Каков лингвистический статус {Хранилища референтов}? Нам кажется естественным считать его когнитивной структурой, конституирующей лексическое значение слова.

Попытаемся теперь понять суть значения слова, представленного в толковом словаре. Не вызывает сомнения тот факт, что это — описание наиболее типичных употреблений толкуемого слова. Естественно, такое описание отвечает интуиции носителя языка и трактуется им как описание реальной когнитивной структуры, имеющей самостоятельный статус существования. Однако, если считать хранилище референтов реальной когнитивной структурой языкового сознания, то оказывается, что данное описание отражает лишь верхушечную часть (горб) хранилища референтов, которая, естественно, никакого самостоятельного статуса не имеет.

Представим теперь исследователя, который стремится построить адекватное описание значения слова, не отталкиваясь от описания в толковом словаре, а опираясь на него. Как правило, получаемое в результате описа-

ние оказывается гораздо точнее, поскольку охватывает гораздо большую часть хранилища референтов и, возможно, содержит какие-то характеристические признаки (все характеристические признаки оно не может содержать, поскольку исследователь стремится сохранить интуитивную прозрачность описания). В то же время с изложенных выше позиций оно не может быть признано адекватным, поскольку не способно решить ни одной из рассмотренных выше семантических задач.

6. Семантическая структура глагола *ехать*

Итак, мы нашли искомые семантические компоненты глагола *ехать*: Концепт и {Хранилище референтов} (= Лексическое значение), которые совместно с процедурами Описания образа и Воссоздания образа обеспечивают (позволяют объяснить) решение соответственно семантических задач типа (2а) Образ «Х движется» => *Х едет* и (1а) *Х едет* => Образ «Х движется». Проиллюстрируем это еще раз. Обозначим ассоциативную связь чертой. Тогда искомую семантическую структуру можно представить так:

(7) Концепт — *Х едет* — Лексическое значение.

Если в сознании носителя языка возникает Образ движения Х-а, то процедура Описания образа соотносит с ним Концепт, который в свою очередь ассоциативно связан с высказыванием, то есть образуется такая цепочка:

Образ «Х движется» => Концепт — *Х едет*,
решающая задачу (2а).

Если же в сознании носителя языка возникает высказывание *Х едет*, то ассоциативная связь актуализирует хранилище референтов, а процедура Воссоздания образа выбирает из него подходящий образ, то есть образуется другая цепочка:

Х едет — Лексическое значение ({Хранилище референтов}) => Образ «Х движется»,
решающая задачу (1а).

7. Инвариант или прототип?

Семантическая структура (7) позволяет по-новому взглянуть на давний спор (то затихающий, то разгорающийся с новой силой) о природе языкового значения. Согласно одной точке зрения, в основе языкового значения если не всех, то многих слов лежит инвариант, ср., например: «...Понятие языкового инварианта — краеугольный камень эффективного семантического анализа» [Вежицкая 1999: 31]. Согласно другой — языковое значение имеет принципиально недискретную, «диффузную» при-

роду. Ср., например: «По моему глубокому убеждению, языковое значение является функцией языковой памяти, с ее бесконечной растекаемостью и пластичностью, а не произведением духовной машины, работающей предустановленным способом» [Гаспаров 1996: 260].

Наиболее распространенная вариация этой общей оппозиции такова: значение может быть либо инвариантным — для таксономических единиц языка, либо прототипическим — для общих имен (см. об этом замечательную статью [Вежбицкая 1996: 201—231]).

Как мы могли убедиться ранее, природа Концепта и хранилища референтов в (7) существенно различна. Концепт, во-первых, описан в терминах дискретных семантических признаков и, во-вторых, задает характеристические свойства всех прямых референтов, следовательно, может трактоваться как инвариант, задающий четко определенный класс прямых референтов глагола. Напротив, хранилище референтов, ярко и наглядно представляя типичные референты, теряет эти качества при отражении более редких референтов. Это и понятно, ведь они гораздо беднее в нем представлены. Все это свидетельствует о том, что хранилище референтов имеет структуру прототипа (в смысле Э.Рош). Стало быть, семантическая структура (7) позволяет (для глагола *есть*) примирить эти две, казалось бы противоречивые, точки зрения, поскольку служит наглядным примером органичного объединения в одном значении и инвариантного (дискретного) и прототипического (диффузного) компонентов значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
4. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
5. Кошелев А.Д. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах, вып. 1. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
6. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей “Смысл — Текст”. Семантика, Синтаксис. М.: Наука, 1974. (См. также 2-е изд.: Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей “Смысл — Текст”. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.)
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Сов. энцикл., 1970.
8. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977.

СЕМАНТИКА И СТАТИСТИКА:
ГЛАГОЛ ИДТИ НА ФОНЕ ДРУГИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ*

Введение

Согласно классическим работам по лексической семантике (Апресян 1974; Talmy 1975; Miller, Johnson-Laird 1976: 409—410; Lyons 1977: 494), под глаголами движения, или, более точно, перемещения, имеются в виду лексемы, обозначающие ситуацию, при которой субъект в какой-то момент времени занимает местоположение L_1 , а в некоторый следующий момент — местоположение L_2 . L_1 при этом является начальной точкой движения, а L_2 — его конечной точкой. В зависимости от ориентированности семантики глагола на начальную или конечную точку движения можно говорить о двух классах лексем: Ч.Филлмор, который и предложил эту классификацию, назвал две эти группы глаголами *Source-oriented* и *Goal-oriented* (Fillmore 1966; 1975; 1983 и др.), то есть «ориентированными на начальную точку движения» и «ориентированными на конечную точку движения», или, более коротко, «глаголы прибытия» и «глаголы удаления» (ср. здесь Рахилина 1990: 91—99, где рассматривается классификация русских глаголов движения)¹. Переводя эти термины на язык Московской семантической школы, можно сказать, что глаголы удаления — это глаголы с обязательной семантической валентностью начальной точки, а глаголы прибытия — с конечной. Тестом на принадлежность глагола к тому или иному классу может служить сочетаемость глагольной формы с обстоятельством времени или с вопросительным словом *когда*. Так, во фразах *Он ушел в пять часов* и *Когда он ушел?* речь идет о моменте удаления, тогда как *Он пришел в пять часов* и *Когда он пришел?* сообщают о моменте прибытия.

Понятно, что эти две семантические валентности являются важнейшими для глаголов перемещения. Тем не менее, «самый главный» русский глагол движения — *идти* — не ориентирован ни на одну из этих точек, хотя обе они могут быть при нем выражены. У *идти* (как, впрочем, у *ехать*, *плыть*, *лететь* и других так называемых глаголов способа движе-

* Некоторые проблемы, затрагиваемые в настоящей статье, в предварительном виде обсуждались в работах (Рахилина 1998) и (Майсак 1999).

¹ Среди других терминов для обозначения глаголов прибытия vs. удаления встречаются также: аллативные vs. аблативные глаголы (Ферм 1990), лативные vs. элативные глаголы (Рожанский 1992), центростремительные vs. центробежные глаголы (термин И.А.Стернина, см. Падучева, Крылов 1984: 42).

ния) обе эти семантические валентности факультативны, так что с точки зрения валентной структуры его можно было бы отнести к «чистым» глаголам перемещения.

В настоящей работе мы хотели бы обсудить релевантность такой семантической модели *идти* с точки зрения статистики, а именно с точки зрения статистического распределения данных валентностей при этом глаголе в реальных текстах.

1. Валентности глаголов движения в зеркале статистики

1.1. Предположения и результаты

В принципе, можно было бы ожидать определенного распределения обязательных и факультативных валентностей глаголов по частоте их употреблений в текстах: если валентность семантически обязательна, то было бы естественно, чтобы она формально выражалась чаще, чем необязательные валентности (напомним, что всегда выражаются только синтаксически обязательные валентности). Нам кажется, что в целом такое распределение должно соблюдаться, но абсолютно точной картины, к сожалению, здесь статистика дать не в силах: дело в том, что семантически обязательная валентность может быть поверхностно не выражена именно в силу своей обязательности — способ ее заполнения известен говорящему и слушающему, и тогда поверхностное выражение оказывается избыточным. Показательным примером здесь являются случаи дейктического заполнения начальной или конечной точки движения, ср. *Спасибо тебе большое, что пришел* (= 'сюда')... [ХС], *Уйдите* (= 'отсюда'), *Петр, ради Бога* [ЧП].

Между тем, если обе валентности имеют одинаковый статус (то есть обе обязательны или обе факультативны), то, в особенности для таких логически равноправных валентностей, как конечная и начальная точка перемещения, можно ожидать симметрию в их поведении, в том числе и статистическую. Это должно относиться и к интересующему нас глаголу *идти*, факультативные валентности которого выражаются в тексте лишь «по мере надобности»: раз координаты начала движения и его конца равноправны, то ничто, на первый взгляд, не указывает на то, что в случае факультативности этих валентностей какая-то из них должна выражаться чаще, а другая реже. Чтобы проверить эти предположения, мы провели статистический анализ употреблений глагола *идти* в текстах современной прозы (список источников и их обозначений см. в конце работы).

Для полноты картины, помимо валентностей конечной и начальной точек, мы учитывали и некоторые из других валентностей глаголов перемещения, тесно связанных с указанием на конечную или начальную точку²:

- направление движения со стороны начальной точки (когда в тексте не указывается, в каком именно месте движение началось), ср.: ...как **со стороны холла** наискосок через ресторан идет Михаил Афанасьевич... [ХС];
- направление движения в сторону конечной точки (когда не указывается, в каком именно месте движение должно прекратиться), ср.: *А сам продолжаю идти в направлении перрона...* [МП];
- цель перемещения, ср.: *Иди уже ужинать!* [ХС].

Таблица 1. Данные о выражении валентностей у разных глаголов перемещения (в % %)³

	“Изолир.” употребл. (только субъект)	Конеч. точка	Напр. к конеч. т.	Нач. точка	Напр. к нач. т.	Цель	Всего употреблений (предложений)
ИДИ	60,5	22	10,7	2,6	0	6,8	309
БЕЖАТЬ	55,9	21	11,2	9,8	2,7	2,7	295
ЕХАТЬ	53,95	34	5,7	5,8	0	6,2	291
ЛЕТЕТЬ	59,5	27,2	10,1	1,9	0,6	1,9	214
ПЛЫТЬ	83,6	8,2	8,2	0	0	0	65
ПОЛЗТИ	73,3	15	10	0	1,7	0	60
ВЕЗТИ	37,8	48,9	8,8	6,7	0	3,3	90
ВЕСТИ	55,3	39,5	2,6	6,6	0	5,3	76
СКАКАТЬ	73,9	4,3	21,7	0	0	0	23

В табл. 1 отражено сопоставление частот для конечной и начальной точек и связанных с ними валентностей; при этом учитывались только

² И этот список валентностей глаголов движения не является исчерпывающим. К прочим, не интересующим нас в данной работе, валентностям относятся: путь, по которому перемещается субъект (= “маршрут” (Апресян 1974: 126), “траектория” (Рахилина 1990)), точка входа/выхода из замкнутого пространства (*влетел в окно*), средство перемещения (*ехал на поезде*), положение субъекта относительно точки отсчета (*шел рядом/вперед/сзади*) и пр.

³ Сразу оговоримся, что мы считали случаи выражения двух валентностей в одном предложении (например, конечного и начального пункта вместе) дважды: и как случай выражения конечной, и как случай выражения начальной точки. В связи с этим сумма всех значений для одного глагола в табл. 1 и 2 может превышать 100 %.

прямые употребления — метафорические контексты, с нашей точки зрения, должны в данном случае рассматриваться отдельно. Чтобы оценить, насколько полученное распределение этих частот для *идти* является уникальным, мы рассмотрели еще и другие «чистые» глаголы перемещения (то есть не глаголы прибытия или удаления), различающиеся по способу движения. В таблицу включены и два глагола каузации перемещения (*везти* и *вести*).

Диаграмма 1. Частота выражения валентностей для разных глаголов перемещения (в % %)

Для начала отметим, что практически для всех глаголов крайне характерно опущение обеих локативных валентностей: речь идет о первой колонке таблицы, то есть о так называемых «изолированных» употреблениях (когда при глаголе выражен только субъект). Это обстоятельство показывает, насколько велика роль контекста или прагматических импликаций при установлении характеристик перемещения. Заметим, что значительная часть таких употреблений глаголов интерпретируется дейктически, в этом случае в начальной или конечной точке движения находится говорящий или наблюдатель (о понятии наблюдателя см. (Падучева 1996: 265—271), ср.: *А вон и господин барон идут* (= ‘сюда’) [ЧП], *Ну, ладно, идите* (= ‘отсюда’). *Я займусь* [ХС] и т.п.⁴

Но главная неожиданность табл. 1 и диаграммы 1 заключается в том, что они полностью опровергают исходное предположение о том, что для «чистых» глаголов движения частота выражения обеих факультативных валентностей будет приблизительно равна. Напротив, в глаза бросается

⁴ Оценить статистически частотность одной интерпретации (говорящий в начальной точке) или другой (говорящий в конечной точке) трудно в силу того, что имеется тяготение определенной дейктической интерпретации к определенной грамматической форме (так что это получилась бы статистика самих форм). Так, по нашим данным, императив более чем в 90% случаев интерпретируется как ‘иди отсюда’, то есть в данном случае говорящий находится в начальной точке перемещения, а формы настоящего времени третьего лица (*идет, идут*), напротив, интерпретируются чаще как ‘сюда, в мою сторону’.

асимметрия двух основных локативных валентностей: валентность конечной точки является преобладающей по частоте для самых разных глаголов, независимо от способа перемещения.

Между тем количественно асимметрия частот в сторону конечной точки является даже еще большей, чем это видно из второй и третьей колонок табл. 1. Дело в том, что валентности направления и цели не являются нейтральными к конечной и начальной точкам и, следовательно, их частота должна быть так или иначе учтена при подсчетах. Действительно, валентность направления к конечной точке и валентность цели можно назвать «конечно-ориентированными», поскольку обе они так или иначе указывают на характер движения относительно конечного пункта. Так, цель во многих случаях однозначно предсказывает конечную точку; здесь, видимо, работает то прагматическое соображение, что 'идти с целью Р' = 'идти в место L, где можно осуществить цель Р', ср.: *Я рассказал, что иду **отправлять** заказное письмо, а потом на Банную* [ХС], где валентность конечной точки эксплицитно выражена во втором случае, а в первом по умолчанию однозначно определяется как почта, то есть 'место, где отправляют письма'. Таким образом, если считать случаи выражения всех «К-ориентированных» (конечный пункт, направление в его сторону и цель) и «Н-ориентированных» (исходный пункт или направление со стороны начала движения) валентностей вместе, то перевес в сторону конечной точки будет гораздо большим (см. Майсак 1999: 178).

Но раз преобладание конечной точки над начальной для *идти* и ему подобных глаголов перемещения настолько велико, не означает ли это, что в целом классификация глаголов движения на глаголы прибытия, удаления и «чистого» перемещения неадекватна? Ведь *идти* (а также *ехать*, *плыть*, *лететь* и др.) оказывается гораздо ближе к глаголам прибытия, чем можно было предположить. Ниже мы вернемся к обсуждению этой проблемы, а пока попробуем ответить на другой вопрос: насколько правомерно само привлечение статистики при исследовании валентной структуры лексем? Может быть, «виновата» статистика, которая никогда ничего не отражает?

1.2. Можно ли верить статистике?

В качестве примера рассмотрим распределение валентностей у глагола *выходить*. Глагол этот замечателен тем, что он демонстрирует случай, в некотором смысле противоположный *идти*: обе интересующие нас валентности конечной и начальной точки являются для него обязательными (см. Апресян 1990: 494—495; ср. также Рахилина 1998: 99). Можно, следовательно, ожидать, что для *выходить* частоты выражения обеих обязательных валентностей будут приблизительно равны.

Таблица 2. Валентности у глаголов *входить* и *выходить*

Частота выражения (в %):	конечной точки	начальной точки	только субъект
<i>ВХОДИТЬ</i>	44,7	2,1	53,2
<i>ВЫХОДИТЬ</i>	34,7	37,9	31,6

Табл. 2, основанная на данных (Майсак 1999), показывает, что наше предположение оправдывается. Частоты выражения начальной и конечной точек у *выходить* практически равны, то есть обе обязательные валентности данного глагола ведут себя одинаково. Особенно впечатляюще поведение глагола *выходить* выглядит в сравнении с типичным конечно-ориентированным глаголом прибытия *входить*, у которого частота выражения исходного пункта не просто меньше конечного, но в целом совершенно ничтожна.

Эту проверку, как нам кажется, можно считать своеобразным тестом на осмысленность статистической процедуры в принципе: мы предполагали, что статус валентности (обязательность / факультативность) должен находить отражение и в частоте ее выражения, и случай с *выходить* показывает, что это действительно так: обе обязательные валентности этого глагола выражаются с практически одинаковой частотой. Значит, все-таки верить статистике можно — если, конечно, разумно интерпретировать статистические данные.

Замечание. Последняя оговорка все-таки не является лишней. Действительно, опираясь исключительно на статистику, не учитывая информации о валентной структуре глагола и о том, какие валентности являются для лексемы обязательными, а какие — нет, можно прийти к абсурдным выводам. Так, по данным (Майсак 1999), у глагола *уходить* валентность начальной точки выражается в 18,6 % случаев, а конечной — в 13,95 %, и это при том, что ни одна из них не выражена в подавляющем большинстве употреблений (67,4 %). Утверждать на основании этого, что и конечная, и начальная точки являются у данного глагола факультативными, было бы нелепо: мы знаем, что начальная точка, в отличие от конечной, является у *уходить* обязательной семантической валентностью, и ввиду этого скорее всего в большинстве случаев заполнена имплицитно (например, дейктически).

Любопытно в этой связи сравнить результаты статистического анализа (Майсак 1999) с независимо проведенным аналогичным исследованием (Stefanowitsch, Rohde 1999), посвященным статистике поверхностного выражения начальной и конечной точки у английского глагола *go* и других английских глаголов движения: и для русских, и для английских глаголов обнаруживается асимметрия в пользу конечной точки, но цифры в (Stefanowitsch, Rohde 1999) получаются существенно другие: так, для *go* конечная точка выражается в более чем 77 % случаев, тогда как отсутствует выражение как конечной, так и начальной точек менее чем в 20 % употреблений. (Ср. с данными табл. 1: конечная точка в 22 % случаев, начальная — в 2,6 %). Безусловно, количественные различия объясняются здесь в первую очередь тем, что семантически различаются сами русские и английские лексемы: в то время как в русском языке направление

лексикализуется в приставке, в английском вся информация о пути движения выражается предложными группами, и это «добавляет веса» конечной и начальной точке. С другой стороны, в (Stefanowitsch, Rohde 1999) не учитывается семантическая специфика глаголов (ср. ниже, раздел 2.2): в одном ряду с *go* сравниваются самые разные глаголы перемещения — как нейтральные типа *fly* и *march*, так и «ориентированные» на конечную или начальную точку типа *escape*. Но, тем самым, случаи невыраженности факкультативной валентности движения и случаи имплицитного, например дейктического, заполнения обязательной валентности (при отсутствии поверхностного выражения) не различаются.

Итак, подсчеты распределения валентностей в текстах отражают частоту употребления, которая, при известных оговорках, тесно связана с валентной структурой. Игнорировать частоту употребления валентностей представляется неоправданным, так как в этом случае упускаются из поля зрения важные особенности реального функционирования лексем.

2. Поиски объяснения: «когнитивный» и «семантический» подходы

Но если статистика что-то действительно отражает, факт асимметрии валентностей конечной и начальной точек нуждается в объяснении; попробуем указать возможные пути этого объяснения.

2.1. Конечная точка и ситуация движения в целом

Согласно одной из традиций описания семантики глаголов движения, которая восходит к работам Л.Талми, имеется абстрактная ситуация движения (motion event), которой свойствен определенный набор параметров: это сама «фигура», то есть субъект движения, «фон», относительно которого осуществляется движение, «путь», включающий начальную и конечную точку, и т.п. (см. Talmy 1975; 1985 и др.). Согласно Талми, эти параметры характеризуют любую ситуацию движения, но с разной степенью акцентируются и по-разному выражаются (лексически, морфологически) в конкретных глагольных лексемах различных языков.

Сторонники этой школы обратили внимание на явление асимметрии конечной и начальной точек, или источника (source) и цели (goal) движения: они отмечали, что конечная точка является более важной, нежели начальная, и это обстоятельство находит непосредственное отражение в языковой структуре (Verspoor et al. 1999: 98). Данное явление получило название *Goal-bias* («уклон в сторону конечной точки»), или *goal-over-source principle* («принцип преобладания конечной точки над начальной»). В типологической работе (Bourdin 1997) показано, что это явление можно считать почти что универсальным: конечной точке свойственна меньшая маркированность, что отражается в ряде ее свойств, таких как большая про-

стота выражения (грамматика или лексика, морфологически более простая или сложная форма), большее число семантических противопоставлений при выражении конечного пункта (в связи с этим возможно, например, асимметричное устройство парадигмы пространственных показателей) и т.п.⁵

Объяснение *Goal-bias* в рамках этой парадигмы обычно дается в когнитивных терминах: например, в Ikegami 1987: 135; Ungerer, Schmidt 1996: 225 и сл. указывается, что обычно информации о том, что конечная точка движения достигнута, самой по себе достаточно для представления всей ситуации движения в целом: зная конечный пункт, человек может восстановить и путь движения при помощи процедуры логического вывода. Аналогично, Л.Ферм называет конечную точку «логически главным направлением» при перемещении, как правило, она составляет рему высказывания и поэтому эксплицитно вводится в текст, а не устанавливается по контексту (Ферм 1990: 53—55).

В целом, можно сказать, что асимметрия локативных валентностей в сторону К выглядит универсальной (или почти универсальной) тенденцией естественного языка выделять и эксплицитировать конечный пункт перемещения. Объяснение этого кроется в самой природе перемещения, точнее — в его когнитивном представлении. Ситуация перемещения предполагает, что субъект изменяет одно местоположение (на котором он находится до начала движения) на другое, новое местоположение. Достижение нового местоположения субъекта и есть в каком-то смысле то, ради чего перемещение совершается. Именно вследствие того, что оно является новым, оно в наибольшей степени нуждается в эксплицитном обозначении. Исходное же местоположение может быть, во-первых, нерелевантно; кроме того, обычно оно известно просто по умолчанию: 'оттуда, где находился X'⁶.

Данный подход (условно говоря, «когнитивный») кажется весьма аргументированным и привлекательным, однако в нем сокрыт один недостаток. Асимметрия объясняется как общее свойство ситуации перемещения, то есть как явление, которое должно быть характерно для всех соответствующих глаголов, причем в одинаковой степени. Но ведь разные глаголы ведут себя по-разному (см. хотя бы цифры в табл. 1 и 2), и очевидно, что это мотивировано тем, что у каждой лексемы есть свои индивидуальные семантические свойства. Между тем внимание к индивидуальным свойст-

⁵ Ряд интересных случаев морфосинтаксической асимметрии между выражением источника движения и его конечного пункта рассматривается также в работе (Рожанский 1992).

⁶ Ср. знаменательное замечание Дж.Миллера и Ф.Джонсон-Лэрда: "It seems to make little difference where the traveling was *from*, but where it was *to* is critical" (Miller, Johnson-Laird 1976: 539).

вам конкретных лексем в целом не свойственно когнитивному подходу — однако, возможно, именно эти свойства объясняют данные особенности поведения лексем?

2.2. Конечная точка в семантике конкретной лексики

Подход, который исходит из свойств самой лексики, а именно из ее валентной структуры, можно условно обозначить как подход Московской семантической школы (степень условности этого обозначения становится понятна, если учесть, что сюда же можно отнести, например, и точку зрения Ч.Филлмора, см. выше).

Согласно этому подходу, у каждой лексики есть своя индивидуальная семантика, и именно она определяет набор семантических валентностей слова. Объяснение особенностей поведения конкретной лексики может быть дано в рамках такого подхода только, так сказать, изнутри — то есть опираясь на свойства данной лексики (а не «извне», то есть опираясь на общие свойства «абстрактной ситуации движения», как в когнитивном подходе).

Тем самым, чтобы объяснить такое явление, как *Goal-bias*, нам пришлось бы объяснить поведение каждого конкретного слова, исходя из его валентных свойств. Рассмотрим в качестве примера свойства основного глагола движения, *идти*.

2.3. Конечная точка в обобщенных употреблениях *идти*

Если воспользоваться известной формулировкой из «Лексической семантики», глагол *идти* обозначает один из конкретных способов движения — а именно перемещение по поверхности «переступая ногами и ни в какой момент не утрачивая полностью контакта с поверхностью» (Апресян 1974: 108). Однако очевидно, что *идти* часто употребляется и для обозначения других типов перемещения — с субъектами, не только не переступающими ногами, но и вовсе ног не имеющими. Мы говорим: *поезд* или *машина* **идет** (вместо *едет*), *корабль* **идет** (вместо *плывет*), *самолет* **идет** на посадку (вместо *летит*), *снег* **идет** (вместо *падает*), *вода* или *кровь* **идет** (вместо *течет*) и пр. В языковом мире *идут* и такие предметы, которые в физическом мире совершенно неподвижны — например, говорят: *эта лестница* **идет** на первый этаж и, более того: *там будет школа, а потом* **идет** наш дом.

В этом смысле *идти* можно назвать еще и «нейтральным», или «обобщающим», глаголом перемещения: язык как бы сам выбрал именно этот глагол для обозначения различных типов перемещения, тогда как область применения прочих глаголов движения (типа *двигаться*, *перемещаться* или

бежать, лететь) гораздо уже и специфичнее. Семантика «обобщающего» *идти* подробно описана в (Рахилина, в печати), здесь мы позволим себе остановиться лишь на некоторых принципиальных положениях.

Загадка *идти* состоит в том, что при всем многообразии обобщающих употреблений они все-таки ограничены. Не вполне ясно, однако, как проходит данная граница: почему, например, мы говорим *Вон идет наш поезд* (а не *едет*) или *Самолет идет на посадку* (а не *летит*), но при этом *К нам плывет акула* (а не *идет*) или *На нас летит дракон* (здесь *идет* тоже никак не подходит)? Представляется, что это ограничение связано с тем, что во всех контекстах, где *идти* допустим, обнаруживается целенаправленность движения, его неслучайность. Так, все транспортные средства *идут* по расписанию, причем жестче всего привязаны к расписанию и маршруту поезда — они *идут* по рельсам. (Ср. *поезда плохо ходят* (**ездят*) или *идут* (**едут*) с большими опозданиями и под.) Если же, например, *автобус едет* (**идет*) куда глаза глядят — это значит, что водитель заезавался и уже не следует маршруту, что движение имеет свободный и непредсказуемый характер. В том же ряду стоят и примеры типа: *корабль идет* (**плывет*) *в порт / в открытое море* или: *эсминец идет* (**плывет*) *к берегу / к вражескому кораблю* (ср., однако, в каком-то смысле в действительно более маргинальной ситуации свободного плавания: *он <кораблик> плывет* (**идет*) *себе в волнах на раздутых парусах*.) *Яхта* может *плыть*, а может и *идти* — в зависимости от ситуации, но на соревнованиях *яхты* (так же, как и *машины, конькобежцы, лошади* и др.) только *идут* (*первыми / последними / с хорошим временем* и т.д.), так как в этом случае коммуникативный акцент смещается со способа движения на его целенаправленность, ср. также: *лосось идет* (**плывет*) *метать икру в реки* — хотя каждая рыбина, разумеется, *плывет*, а не **идет*.

Эти и многие другие примеры подтверждают, что для обобщающих употреблений *идти* характерна некая заданность, детерминированность движения. Любопытно, что хотя движение в воздухе по самому своему способу совершенно непохоже на хождение, некоторые небесные объекты, издавна известные человеку своей приверженностью к строгому порядку движения, никогда не *летят* по небу, хотя часто *идут*, ср. *солнце медленно идет к зениту* или *идут* (**летят*) *тучи* (но загадочные кометы только *летают*). Птицы же, воплощающие в языковой картине мира свободу и независимость, только *летают*, и, как свидетельствует наш язык, воздушные средства передвижения человека пока больше похожи на птиц, чем на обычный регулярный транспорт (*Сюда летит* (**идет*) *самолет / вертолет / ракета*). Следовательно, возможность того, что объект будет *идти*, а не передвигаться более специфическим способом, зависит от того, насколько нам представляется известной и определенной его траектория движения, и, более того, от функциональной предназначенности объекта.

Тучи *идут*, в каком-то смысле, «по делу»: они приносят с собой дождь; кометы же *летят* сами по себе и «просто так». Тем самым, в обобщающих употреблениях *идти* возрастает роль конечной точки: *идут* те объекты, цель или маршрут которых определены — эти объекты идут уже не просто так, а именно куда-то.

Замечание. Эти же факторы влияют и на способ дейктической интерпретации *идти*. Например, автобусы, передвижение которых не только целенаправленно, но и функционально значимо для человека, *идут* обычно не просто «где-то там», а в направлении к говорящему / наблюдателю: «сильная» конечная точка стремится быть заполненной, в том числе дейктически, так что в случае дейктических употреблений обобщенного *идти* маркируется именно приближение.

3. Заключение

Рассмотренный нами пример показал, что в обобщенных употреблениях *идти* фактически попадает в класс глаголов прибытия. Конечная точка становится в этом случае обязательной в силу определенных индивидуальных свойств значения данной лексемы. Таким образом, было показано, что для *идти* *Goal-bias* не только имеет место, но и является семантически мотивированным. Если согласиться с Апресян 1974: 108, то эффект *Goal-bias* мотивирован и для глагола *ехать*, для которого перемещение в *Z* «входит в число целей»; таким образом, *ехать* тоже оказывается «законно» конечно-ориентированным глаголом. В принципе, аналогичная семантическая проверка должна быть произведена и для других глаголов движения — но в случае с *плыть*, *лететь* или *скакать*, как кажется, выявить почву для реального семантического перевеса конечной точки гораздо труднее. Сошлемся здесь на (Апресян 1974: 134), где конечный и начальный пункт *плыть* и *лететь* признаны равноценными⁷. Тем не менее, и для таких, семантически «симметричных» глаголов, как *плыть* и *лететь*, эффект привилегированности конечной точки должен как-то отражаться в толковании и валентной структуре.

Вместе с тем очевидно, что даже если можно было бы исходя из семантики конкретной лексемы объяснить абсолютно все случаи *Goal-bias*, в итоге мы все равно так или иначе столкнулись бы с явлением асимметрии конечной и начальной точки при большинстве глаголов движения. Это обстоятельство также потребовало бы объяснения — уже более общего характера; в рамках чисто семантического подхода объяснения общего характера представляют проблему: фактически, для них нет места в модели.

⁷ При этом обе эти валентности, на наш взгляд ошибочно, включены в число обязательных семантических.

Однако и сама данная асимметрия, как кажется, представляет собой гораздо более всеобъемлющее явление и распространяется отнюдь не только на валентные свойства глаголов движения. Так, в русском языке эта асимметрия отражается, в частности, и в поведении глагольных приставок с пространственным значением. Обычно приставки со значением прибытия и удаления равно возможны при глаголе, ср. *приплыл, доплыл — уплыл, отплыл* и под. И все-таки есть случаи, когда приставочно образуется только глагол прибытия, а соответствующий глагол удаления отсутствует, ср., например, возможность форм типа *прибрел, примаршировал* или *добрел (до леса), домаршировал, дотанцевал (до печки)* при проблематичности однокоренных глаголов с приставкой удаления *отбрел, отвыбрел, отмаршировал, оттанцевал* и пр. Кроме того, зона приставок прибытия, оказывается, и более разработана семантически, чем зона удаления: если у глаголов прибытия противопоставляются *прийти (к X-у)*, в смысле «прийти в дом X-а намеренно, в качестве основной цели перемещения», и *зайти (к X-у)*, в смысле «прийти в дом X-а без предварительного намерения, попутно», то на глаголы удаления данное противопоставление не распространяется (в частности, в данном примере, обоим вариантам прибытия — *прийти* и *зайти* — соответствует одно и то же *уйти*), ср. также (Ферм 1990: 122, 184).

Таким образом, *Goal-bias* оказывается достаточно универсальным принципом поведения разных средств выражения пространственных отношений, в том числе и для русского языка. Этот принцип требует исследования: выявления всех зон его действия, точной количественной оценки, а также непротиворечивого объяснения.

Обнаружить же его нам позволило исследование частот, которые характеризуют поверхностное выражение конечной и начальной точек при глаголах движения. Нам кажется, что и в целом исследование того, как распределены валентности в реальных текстах, и использование простейшей статистической процедуры может дать более ясное представление о действительной роли, которую тот или иной компонент ситуации играет в семантической структуре соответствующей лексемы.

Источники и обозначения:

Подсчеты проводились на материале произведений М.Булгакова, В.Войновича, А.Волкова, Венедикта Ерофеева, В.Пелевина, А.Солженицына, А. и Б. Стругацких, Г.Тропольского.

Обозначения ссылок: [АГ] = А.Солженицын. *Архипелаг ГУЛАГ*; [ББ] = Г.Троепольский. *Белый Бим Черное Ухо*; [МП] = В. Ерофеев. *Москва — Петушки*; [ХС] = А. и Б. Стругацкие. *Хромая судьба*; [ЧП] = В. Пелевин. *Чапаев и Пустота*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка (2-е изд.) // Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. I. М., 1995 (1974).
2. Апресян Ю.Д. Лексикографический портрет глагола ВЫЙТИ // Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995 (1990).
3. Майсак Т.А. Асимметрия валентностей у глаголов движения: «русский вариант» // Труды Международного семинара «Диалог'99» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Таруса, 1999.
4. Падучева Е.В. Семантические исследования. М, 1996.
5. Падучева Е.В., Крылов С.А. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М, 1984.
6. Рахилина Е.В. Семантика или синтаксис? К анализу частных вопросов в русском языке. München: Sagner, 1990.
7. Рахилина Е.В. ИДТИ или ПРИХОДИТЬ? // Труды Международного семинара «Диалог'98» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998.
8. Рахилина Е.В. Стой, кто идет? // Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Крысин Л.П. (ред.) Семантические исследования (в печати).
9. Рожанский Ф.И. Глагольные конструкции с пространственными аргументами. (Дисс. ... канд. филол. наук.) М, 1992.
10. Ферм Л. Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке. К вопросу префиксально-предложного детерминизма. Uppsala, 1990.
11. Bourdin Ph. On Goal-bias across languages: modal, configurational and orientational parameters // Proceedings of LP'96. Typology: prototypes, item orderings and universals. (Ed. by B.Palek.) Karolinum — Prague: Charles University Press, 1997.
12. Fillmore Ch. Deictic categories in the semantics of *come* // Foundations of language, 1966, 2, 219—227.
13. Fillmore Ch. Santa Cruz lectures on deixis. Bloomington: IULC, 1975.
14. Fillmore Ch. How to know whether you're coming or going // Essays on deixis. (Ed. by G.Rauh.) Tübingen: Narr, 1983.
15. Ikegami Y. 'Source' vs. 'goal': A case of linguistic dissymetry // Concepts of case. (Ed. by R.Dirven, G.Radden.) Tübingen: Narr, 1987.
16. Lyons J. Semantics. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
17. Miller G., Johnson-Laird Ph. Language and perception. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

18. *Stefanowitsch A., Rohde A.* The goal-bias in the encoding of motion events. Paper presented at the International Workshop "Motivation in grammar". University of Hamburg, July 7—9, 1999.
19. *Talmy L.* Semantics and syntax of motion // *Syntax and semantics*, vol. 4. (Ed. by J. Kimball.) New York: Academic Press, 1975.
20. *Talmy L.* Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // *Language typology and syntactic description*. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon. (Ed. by T. Shopen.) Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
21. *Ungerer F., Schmidt H.* An introduction to cognitive linguistics. London: Longman, 1996.
22. *Verspoor M. et al.* Putting concepts together: Syntax // *Cognitive exploration into language and linguistics*. (Ed. by R. Dirven, M. Verspoor.) Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, 1999.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Едва ли не самое яркое воплощение идея движения находит в глаголах движения/перемещения, которые составляют в русском языке многочисленную группу. Ее состав со временем варьировался, однако неизменным членом как в современном русском языке, так и в древнерусском является глагол *идти* (древнерус. *ити*). С течением времени глагол в отдельных своих значениях вышел за пределы обозначения смысла «движение», начав передавать действие и состояние ('действовать, работать', 'подходить, соответствовать' и др.). Появление ряда новых значений обусловлено сменой субъекта движения, которым является человек/животное или предмет².

Другие изменения в семантике глаголов этой группы связаны с такими категориями, как среда и способ передвижения — самостоятельно/несамостоятельно, с помощью транспортного средства. Преобразования в семантической структуре глаголов на пути от обозначения движения к действию и состоянию в связи с субъектом, средой и способом передвижения будут рассмотрены в данной статье.

Основное внимание уделено семантическим изменениям в структуре глагола *ити* в древне- (XI—XIV вв.) и старорусском (XV—XVII вв.) языке и частично в XVIII столетии. Как фоновые рассмотрены еще два глагола — *течи/тещи* и *грясти*. Их параллельный анализ показывает, с одной стороны, универсалии в семантике глаголов данной группы, с другой — демонстрирует специфику каждого из них, результатом чего стало *идти* прежде всего как 'шагать', а *течь* — как 'течь, литься'.

Предпочтение отдано именно *ити*, *течи/тещи* и *грясти*, поскольку общими для них являются выраженная направленность движения, исходно один и тот же способ передвижения — шагом — и среда — твердая поверхность, см. [4, 123—124; 5, 47—48; 3, 37]³.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 98-04-06268 «Исторический словарь современного русского языка».

² Часто упоминаемая в работах по семантике сочетаемость по сути является ограничением круга возможных субъектов. Ср., например, [1, 70].

³ За пределами внимания из-за ограничения объема остаются славянские и внеславянские языковые параллели, известные греческие эквиваленты славянских слов в переводных источниках. Исключен из рассмотрения также старославянский язык и его наследие. Речь пойдет лишь о материалах русской письменности, причем за исключением образного и переносного употребления глаголов.

ити

Как свидетельствуют памятники русской письменности, в XI—XII вв. в качестве субъекта при глаголе *ити* выступал человек. С XIII в., особенно в XIV в., в качестве субъекта фиксируются предметы, среди которых:

— реки, жидкости (с XIII в.)⁴: а двнна из того же лѣса идеть на полунощье (Пролог «Прилуцкий» на сентябрь-февраль, XIV—XV вв., 1416); бе-щисла ѿ мене гнон идеть зълъ (Пролог «Лобковский», XIII в., 11в);

— небесные светила: идаше бо луна через <по варианту> все небо. ѿ востока до запада (Ипатьевская летопись, список ок. 1425 г., 184 об.);

— атмосферные осадки: кгда видимъ на земли ндоушь дождь великъ (Хроника Георгия Амартола, XI в., список XIV—XV вв., 366);

— суда: слышав же великын. идеть корабль. и присталъ полнъ пшеници (Пандекты Никона Черногорца, XIV в., 1506);

— временные отрезки: ндоутъ лѣта. в наже не бѹдетъ ни оратвы ни жатвы (Палея Толковая, XIII в., список 1406 г., 90а);

— отвлеченные/абстрактные понятия с отрицательной коннотацией (типа *пагуба*, *гнев*, *гибель*): страшна и напрасна идеть на вы пагѹба (Пролог мартовской половины, 1383 г., 75а); сего ради страшна и напрасна идеть на вы погнѣль (Мерило Праведное, XIV в., 19);

— дым, пар и под.: і ѿкрывше раку. і се іако дымъ идаше ѿ неѹ (Пролог «Прилуцкий» на март-август, XIV—XV вв., 90г); пара идеть ис конѹи (Ипатьевская летопись, список ок. 1425 г., 290);

— то, что связано с обеспечением жизнедеятельности человека (зерно и под.) и с социумом (пошлины, дани): а что н(а)ши данщик(и) сверѹтъ в городѣ, и въ станѣхъ, и въ варахъ, томѹ ити в мою казнѹ (Договорная грам. моск. вел. кн. Дмитрия Донского с кн. серп. и боров. Владимиром Андреевичем, 1389 г.); новгородци не стерпаче безо князя сѣднѹи. ни жито к ни(м) не идаше ниѿкѹдѹже (Лаврентьевская летопись, список 1377 г., 102 об.).

Таким образом, к концу древнерусского периода в качестве субъекта при глаголе *ити* выступают предметы, а) связанные с жизнью и деятельностью человека как существа биологического и социального, б) принадлежащие окружающему миру, природе; в) понятия, отражающие нравст-

⁴ Хотя здесь и ниже приведено время фиксации того или иного субъекта или значения, эти даты не могут считаться окончательными, поскольку в научный оборот введены не все памятники русской письменности. Дальнейшие исследования могут внести более или менее существенные коррективы в приводимую хронологию, имеющую относительный характер. Поэтому даты приводятся с точностью до века, а не до года. В отнесении памятника к древне- или старорусскому периоду определяющую роль играет время его списка, если таковое отличается от времени его создания или перевода.

венно-религиозные (христианские) представления, причем в определенном аспекте — как неотвратимое наказание.

В результате появления новых субъектов движения глагол *ити* приобрел следующие значения: субъект реки, жидкости — *ити* 'течь, литься', атмосферные осадки — 'падать'⁵, суда — 'плыть', временные отрезки и отвлеченные существительные — 'наступать, надвигаться, приближаться', дым, пар — 'исходить, выделяться', то, что связано с обеспечением жизнедеятельности — 'поступать, доставляться', небесные светила — 'двигаться, перемещаться', где идея передвижения предмета по сути представлена в чистом виде.

Во всех перечисленных значениях глагола *ити* сохраняется смысл «движение». А поскольку в семантике глагола выражена направленность движения, акцент делается или на исходной точке, или на конечной, что особенно актуально для такой группы субъектов, как реки, жидкости.

В старорусский период, с одной стороны, продолжалось пополнение круга субъектов в пределах уже обозначенных значений; с другой — были зафиксированы новые значения. Так, например, в рамках значения 'падать' субъектом являются камни, песок, капель, падавшие с неба подобно осадкам и перемещавшиеся вертикально: *пѣсокъ отъ неба шель на хлѣбъ* (Г.Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, 1667 г., 118); *камене идетъ с утра и до полудни с небеси* (Слово о некоем старце, 1640 г., 7); *внизъ подъ тѣми жъ шеями идетъ капель* (И.Е.Забелин, Материалы для истории русской иконописи, 1660 г., 60)⁶.

В рамках значения 'исходить, выделяться' в XVII в., например, представлены холод/тепло (*изъ горы идетъ жаръ* — Дополнения к Актам историческим X, 1683—1698 гг., 327), а в XVIII столетии — звуки, запахи и др. При некоторых субъектах смысл «движение» мог быть значительно менее очевидным.

В рамках наиболее общего значения 'двигаться, перемещаться' помимо уже известных по древнерусскому периоду небесных светил в качестве субъекта выступают как другие природные и физические явления (и *стоялъ <столпъ облаченъ> тою ноци... со звѣздой шель чрезъ государство московское* — Записки приказных людей, XVII в., 1), так и артефакты (*чтобы не шель предъ нимъ крыжъ 'католический крест'* — Симеоновская летопись, списки XV—XVI вв., 244; *невод в воде идетъ* — По-

⁵ Не рассматривая с критических позиций, лишь упомянем иную интерпретацию происхождения данного значения — от выражения *идет туча* в результате расширения сочетаемости. Об этом и других значениях см. [2, 74].

⁶ Возможно, сюда же следует отнести гром в соответствии с представлением о нем как исходящем с неба: *гремятъ, громъ идетъ* (Лудольф, Русская грамматика, 1696 г., 40); ср. в XVIII в.: *от идущаго грома людей спасти* (Записки В.А.Нашокина, 1753 г., 116).

весть о Скандербеге, XVII в., 17). При этом в последнем случае следует предполагать несамостоятельный характер движения.

Поскольку *ити* является глаголом с выраженной направленностью движения, развитие семантики слова шло также по линии акцентирования начальной или конечной точки движения. В уже указанном значении 'исходить, выделяться' на первом плане оказывается именно отправной пункт, а в соотносительном с ним 'распространяться' — конечный пункт / направление: *слава добрая и хвала идет ныне везде* (Послание кн. С.И.Шаховского кн. Д.М.Пожарскому, XVII в., 52); *от ног <Диогена> уха-ние идет в верх* (Апофегмата, кон. XVII — нач. XVIII вв., 40). Аналогично в другой паре значений — 'поступать, доставляться' и 'предназначаться': *идутъ отъ нихъ праныя зелья* (Козмография 1670 г., 23); *отколе хлѣб шол во Псков* (Псковская 3 летопись, Ахр. список XVII в., 221 об.); *а старого дохода шло с тоѣ волости* (Писцовые книги Оболенской пятины 1496 г., 7); *а пересуда идетъ съ рубля по десяти денегъ* (Акты, собр. Археографическою экспедициею 1, до 1486 г., 87) — *а хлѣбъ, и кѣны, и даръ, а то идетъ матери моеи и сынѹ* (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1393 г., сп. XVII в., 168); *за то имъ идетъ особая плата* (Дополнения к Актам историческим X, 1685 г., 186).

Появлению новых значений соответствует утрата смысла «движение» и, соответственно, обозначение глаголом *ити* действия. Этот процесс проходил в рамках группы субъектов — предметов, связанных с жизнью и деятельностью человека как биологического и социального существа. На базе значения 'предназначаться' (< 'поступать, доставляться'), которое еще сохраняет некоторую связь с движением, появилось 'расходиться, тратиться', целиком представляющее действие: *по полѹтретия алтына на день харчю идетъ* (Хождение Афанасия Никитина, список XV—XVI вв., 387); *колко мыла идетъ и золы* (Домострой по Коншинскому списку XVI—XVII вв., глава 29). В свою очередь на основе этого значения и нового компонента — признака годности — появилось еще одно — 'использоваться, употребляться': *олифа и рѹда... в дѣло не шла* (Московский Печатный двор в 1649 г., 22); *которой списокъ в докла(д) идетъ* (Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г., 13).

В рамках группы слов со значением временных отрезков на основе взаимосвязи понятий движения и времени помимо известного прежде значения 'наступать, надвигаться, приближаться', соотношенного с будущим, фиксируется соотношенное с настоящим моментом 'длиться, продолжаться': *дни идутъ студеныя* (Шведские дела, 1569 г., 146); *лѣтѹ отъ созданія миру идущѹ* (Прославление Никиты, еп. Новгородского, Зиновия Отенского, XVI в., список XVI—XVII вв., 42). При выдвигании на первый план конечной точки (общей для времени и движения) у глагола *ити* появилось значение 'близиться, клониться': *Этот день идет к ве-*

черу (Онежские былины в записи Гильфердинга, Выгозеро, 892). При этом в плане субъекта при глаголе возможен выход за пределы слов, обозначающих временные отрезки, а также вообще безличное употребление *ити*: *идетъ къ осени* (Шведские дела, 1561 г., 96); *по всѣхъ во пр(о)ркѣхъ пр(о)рчествѣхъ ависа ц(с)ръства ко исходуу и дахоу* (Словеса святыхъ пророк, XIII в., список XV в., 183)⁷.

Связь движения со временем и наоборот позволила включить в число субъектов те предметы-понятия, которые обозначают действие, действительность и имеют временную протяженность: *а какъ ѹ королевичны столъ шелъ* (Шведские дела, 1562 г., 116); *у ихъ свадебка идетъ* (Онежские былины в записи Гильфердинга, Водлозеро, 1020). Глагол *ити* утратил исходную связь с движением и стал обозначать действие, процесс, приобретая значение 'осуществляться, совершаться', которое сохраняется до настоящего времени. Характерно фактическое неназывание субъекта — употребление в его функции местоимения *въсь* или безличное употребление глагола: *такоже и ѹ бога идетъ все строино* (Послание Стефана иноку-справщику Арсению Глухому, 1637 г., 34 об.); *а ростъ намъ на те денги давать, какъ идетъ въ людехъ, на пять шестой* (Архив Строева 1, 1563 г., 445).

Собственно новых групп субъектов, обусловивших появление новых значений глагола *ити*, в старорусский период было сравнительно немного, причем они чаще фиксируются в источниках XVII в. Глагол при таких субъектах утратил связь с движением и стал передавать действие или состояние.

Новое значение 'простирается, пролегать' было обусловлено субъектами, имевшими линейную протяженность. Среди них земельные участки, улицы, дороги, мосты, залежи полезных ископаемых: *в горахъ идуть мѣдныя руды жила* (Акты, собр. Археографическою экспедициею 3, 1643 г., 471); *а улица что съ поскотины идетъ внизъ* (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 2, XVII в., 32).

Значение 'действовать, работать' фиксируется при субъектах-артефактах, однако в XVII в. оно было еще слабо засвидетельствовано: *а монданы де еще не стали, идутъ без простоя* (Хозяйство боярина Б.И.Морозова 2, 1659 г., 192).

⁷ В рамках уже указанных значений происходили и контекстуальные подвижки. Например, 'двигаться, перемещаться' при наличии наречия *мимо* трансформировалось в 'проходить, протекать'. Субъектом обычно являлось слово, обозначающее какой-л. временной отрезок (*иде насъ мимо ѹже зима* — Н.Субботин, Материалы для истории раскола 4, 1668 г. 267); возможно употребление в этой роли и других понятий: *древняя мимо идоша, а вся быша новая* (Послание И.Санина архм. Вассиану о Троице, XV в., список XVI в. 306); *днесь утро миръ сен мнмѡ идетъ тако сонъ спавшаго* (Житие Андрея Юродивого, XII в., по списку Великихъ Миней Четнихъ, XVI в., Окт.1—3, 176).

В отношении тех случаев, когда глагол *ити* при субъекте предмете продолжает обозначать движение/перемещение, можно говорить также о различных конкретных способах движения ('течь, литься', 'плыть', 'падать' и др.). Именно конкретные способы движения вкпе с определенной группой субъектов формируют часть предметной сферы семантической структуры глагола *ити*. В другой части смысл «движение» как таковой утрачен, заменившись другими понятиями: 'простирается, пролегать' (фиксируется с XVI в., субъект — то, что имеет протяженность) — понятие протяженности и в связи с этим местоположения по ассоциации с движением; 'длиться, продолжаться' (фиксируется с XVI в., субъект — слова, обозначающие временные отрезки) — представление о течении, движении времени и протяженности движения во времени; 'осуществляться, совершаться' (фиксируется с XVI в., субъект — слова со значением действия, деятельности) — идея развития и/или действия и одновременно протяженности во времени.

Чем ближе к современному моменту, тем дальше от исходной идеи движения появляющиеся у глагола значения. Она трансформируется, в частности, в идею развития. Как конкретная разновидность развития может быть представлено значение 'расти', которое фиксируется с XVIII в.: **Рожь идет в колос, в ствол** (Э.Вейсман, Немецко-латинский и русский лексикон, 1731 г., 536); как развитие с положительным (или отрицательным) результатом — '(не) удаваться, ладиться, спориться', которое также фиксируется с XVIII в.: **дѣло нейдѣтъ** (Доклады и приговоры... в Сенате в царствование Петра Великого 1, 1711 г., 125).

Предметная сфера в семантической структуре глагола *ити* в древне- и старорусском языке значительно превышала ту, где субъектом движения выступал человек и которая была древнейшей. В ней семантические изменения были связаны с обозначением разных способов движения/перемещения и с переходом от движения к действию.

Исконным и остающимся основным до настоящего времени является обозначение передвижения человека/животного⁸ шагом, ногами. В особых комментариях оно не нуждается.

Фактически с XII в. глагол *ити* значил 'передвигаться на транспортном средстве по воде' ('плыть' о судах фиксируется с XIV в.). При этом в разных ситуациях глагол может сопровождать уточнение *моремъ, водою*: **из рꙋси можетъ ити по волзѣ. в болгары и в хвалисы** (Пролог «Прилуцкий» на сентябрь-февраль, XIV—XV вв., 1416); **оттꙋды ити моремъ до гꙋрмыза 4 мли** (Хождение Афанасия Никитина, список XV—

⁸ Способ передвижения некоторых животных мог быть принципиально иным, например, *течи* 'лететь' (о птицах), что представлено в русской письменности, но в данную статью не включено.

XVI вв., 371 об.); папа римской... идетъ водою и сѹхимъ пѹтемъ (Повесть о Скандербеге, XVII в., 43). Внутри этого способа передвижения возможна конкретизация по типу плавучего транспортного средства (ити въ соудѣхъ, въ лодьбахъ) или по другой линии (ити пароусомъ — XVII в.; в XVIII в. — ити на бечеве, бечевою, на шестахъ, на веслахъ)⁹.

Передвижение человека по суше на транспортном средстве или верхом фиксируется позднее (с XV в.?): тако идахоу на колнихъ и на санехъ (Ипатьевская летопись, список ок. 1425 г., 118); государь... шолъ в корѣте (Дневальные записки Приказа тайных дел, 1657—1675 гг., 239); идѣтъ на ослятѣхъ (Слово о некоем старце, 1640 г., 5). Если обозначение предыдущего способа передвижения человека — по воде — сохраняется в русском языке до настоящего времени, то для перемещения по суше со временем стал использоваться глагол *ехать*.

Еще один способ движения, при котором субъектом является человек, в самом общем плане можно обозначить как передающий физиологический процесс, в частности, во время родов: они съ сестрою изъ единыя матерни ѹтробы вместиѣ шли (Девгениево деяние, XI—XII вв., список XVIII в., 152).

Обозначение нормальной/анормальной физиологической деятельности человеческого организма может быть и иным, когда субъектом выступает непосредственно орган человека (на понос чрева... егда идетъ много проходѣ твои — Книга землемерия, 1738 г., 172 об.) или, при использовании безличной конструкции, как таковой субъект не назван: ѹмре, зане чревомъ не шло — Ермолинская летопись, список XVI в., 175).

Субъект не определен также и при обозначении передвижения внутри земли, как правило, при сооружении подкопа или чего-либо подобного, которое фактически осуществляет человек, используя различные средства: снастей подкопныхъ такихъ, которыми бѣ мощно итти крѣпкими самыми мѣсты (Гурлянд И.Я. Иван Гебдон Комиссариус и резидент, 1660 г., 47); идено в горѹ для сыскѹ мѣ(д)ные рѹды двема подкопы и шахтою (Собрание Гамеля, 1644—1646 гг., сст. 5). Использование безличных конструкций характерно именно для передачи такого типа движения и фиксируется в XVII в.

Наряду с тем, что глагол *ити* обозначал различные конкретные способы движения человека, он, начиная с древнерусского периода, передавал передвижение, перемещение вообще, безотносительно к какому-либо конкретному способу (верхом, пешком, на транспортных средствах): а велѣлъ имъ ѹ гостей рѹхляды попечатать, которые идѹтъ съ послы (Крымские дела, 1508 г., 19).

⁹ Относительно поздно — в XVII в. (?) — глагол фиксируется в значении 'плыть' по отношению к морским животным и рыбам, что сохраняется до настоящего времени.

Большинство значений, в которых при глаголе *ити* субъектом выступает человек, фиксируется уже в древнерусский период ('плыть', 'двигаться, перемещаться', 'идти войной, отправляться в поход', 'выходить замуж', 'приступить к какой-либо деятельности'). Они или обозначают движение/перемещение, или, как два последних, в некоторой степени сохраняют первоначальную связь с ним. Ср., например, в ранний период монашество как род деятельности, предполагавший перемещение в определенное место (*анастасии... оставь мира... и шьдъ в манастирь и бы мнихъ* — Пролог мартовской половины, 1383 г., 44в), а позднее фактическую утрату смысла «движение» и обозначение действия (*єжеи кто из господина идѣт в сочинители* — Смесь, 1769 г., 175).

Связь с движением утрачена также в случае *ити* 'действовать, поступать каким-либо образом, следовать чему-либо', которое фиксируется с XVIII в. и сохраняется до настоящего времени: *этот человек во всем идет по правдѣ* (Экономический магазин 1, 1780 г., 201). По-видимому, его предшественниками были употребления глагола *ити* в ситуациях, когда движение было связано с ритуальным действием (*идоу въ вашоу вѣроу, идоу на роуоу*).

Таким образом, глагол *ити* в предметной сфере с течением времени приобрел значительное количество значений, часть из которых даже исходно не была непосредственно связана с движением. Та сфера, где субъектом выступал человек, развивалась не столь интенсивно, в основном за счет передачи разных способов движения. Некоторые значения утратили впоследствии непосредственную связь с движением, тем не менее ее можно проследить.

течи

У этого глагола наиболее развитой также оказалась предметная сфера. Включение в круг субъектов движения предметов фиксируется уже в XI в. и продолжается по XVIII столетие включительно и позднее. Среди засвидетельствованных раньше других реки, жидкости, источники (Изборник Святослава 1076 г., 72 об.), горы (там же, 266), небесные светила. Соответствующие значения *течи* — 'течь, литься', 'двигаться, перемещаться'. Другие субъекты движения предметы, уже упомянутые при *ити*, отмечены также и у глагола *течи*, но в другое время и с иной частотностью: а) суда (*течи* 'плыть' слабо представлено — в источнике по списку XV в.); б) транспортные средства (*течи* 'ехать' слабо засвидетельствовано с XIII в., глагол встречается также в образном употреблении); в) атмосферные осадки (*течи* 'падать' известно по источнику XVIII в.; ср.: *житницы хѹды... рожь течетъ сквозь мосты* — Акты Московского государства, 1621 г., 253); г) временные отрезки (*течи* 'длиться, продолжаться' и 'наступать, надвигаться, приближаться' в старорусский период); д) предметы, имевшие линейную

протяженность (*течи* 'простира́ться, пролега́ть' слабо засвидетельствовано в XVIII в.); е) предметы-понятия, предполагавшие действие, деятельность и временную протяженность (например, *учения*; *течи* 'осуществля́ться, соверша́ться').

Как и у глагола *ити*, со временем в рамках одного значения происходило пополнение круга субъектов движения. В старорусский период при глаголе *течи* 'двигаться, перемещаться' субъектом являются отвлеченные/абстрактные понятия, но не с отрицательной коннотацией и не соотносящиеся с религиозно-нравственными представлениями (*власть*, *естество* и др.), а также явления природы и физические явления.

Некоторые субъекты отмечены только у глагола *течи*. Это речь (слово ихъ *течаше*... — Симеон Полоцкий, Беседы против протестантства, XVII в., список XVIII в., 74 об.), где представлено значение, переносное к 'течь, литься'. С XVIII в. фиксируется группа предметов в узком смысле, в основном артефактов, при которых *течи* значит 'протекать, пропускать воду': *лапти новы, да текѹтъ* (Собрание пословиц и присловиц российских, XVIII в., 58 об.). Таким образом, к концу старорусского периода значение 'течь, литься' становится основой для дальнейших семантических модификаций.

Та сфера, где субъектом выступал человек/животное, у *течи* была значительно менее развита. В отличие от предметной сферы, здесь приходится говорить скорее о различиях между этим глаголом и *ити*.

Во-первых, у *течи* фактически не засвидетельствовано обозначение разных способов движения/перемещения человека. Во-вторых, у него не представлены и многие другие значения ('идти войной, отправляться в поход', 'выходить замуж', 'приступать к какой-либо деятельности' и др.). Его основным значением, сохранявшимся в неизменном виде довольно долго, было 'идти; быстро идти': *На ловца и звѣрь течетъ* (Н.Курганов, Письмовник 1, 1790 г., 134). Он мог значить также 'двигаться, перемещаться'.

Наряду с обозначением непосредственного движения *течи* передавал движение в переносном смысле, как устремление: *текоуштинимъ на спсєникъ своє* (Изборник Святослава 1076 г., 65).

Позднее та часть семантики *течи*, где субъектом выступал человек, еще более сократилась и видоизменилась: в современном русском языке он употребляется по отношению к передвижению большого количества людей. В предметной сфере, которая остается доминантой, были утрачены как отдельные значения ('плыть', 'простира́ться, пролега́ть', 'осуществля́ться, соверша́ться' и др.), так и в рамках одного значения произошло сужение круга предметов — возможных субъектов. В наибольшей степени это коснулось значения 'двигаться, перемещаться'. Предметная сфера в двух своих основных значениях оказалась тесно связанной с жидкостями.

грясти

У *грясти* несколько более развитой оказалась та сфера, где субъектом выступал человек. Глагол при этом имел значения ‘идти, шагать’, ‘двигаться, перемещаться’ (безотносительно к способу перемещения, но часто с акцентом на исходном или конечном пункте движения или на направлении: *не дождавшеся келаря противу ему грядяху чрез реку, ови вродяху, нини... по лавам идуще* — Сказание Авраамия Палицына, 1620 г., 199 об.; *ѣпоу стѣфаноу градоущоу поутѣ(м) къ градоу москвѣ* — Житие преп. игумена Сергия чудотворца, списано бысть от премудрейшего Епифания, 1418 г., список XVI в., 116), ‘идти войной, отправляться в поход’. Глагол мог обозначать также конкретный способ передвижения — ‘ехать’ (*левъ и оселъ вкупѣ, на немъже грядаше человекъ къ божи* — Хронограф 1512 г., 134). Глагол передавал также движение в переносном смысле — как устремление, а также обозначал не собственно движение, а появление в контекстах, относящихся ко второму пришествию Иисуса Христа. Единственный из трех рассмотренных глаголов, *грясти* обозначал происхождение, которое ассоциируется с движением по восходящей линии: *симониане ѿ симона влѣху... тѣ(н) ѿ самаритѣн грядаше, х(с)во нарекъ си имѧ токмо* (Кормчая Балашова, XVI в., 446).

В предметной сфере были представлены значения и соответствующие им субъекты, уже известные по одному или двум другим глаголам (‘плыть’, ‘падать’, ‘простирается, пролегать’, ‘надвигаться, наступать’, ‘течь, литься’, ‘двигаться, перемещаться’). Время их фиксации в письменности может совпадать (*ити* ‘плыть’ и *грясти* ‘плыть’ фиксируются в конце древнерусского периода). В рамках значения ‘двигаться, перемещаться’ субъекты были очень разнообразны (небесные светила, ветер, тень, хвала и др.: *се вѣтръ велін грядаше ѿ сѣвера* — Скрижаль, 1656 г., 625). В рамках значения ‘наступать, надвигаться, приближаться’ субъектами являются понятия с негативной коннотацией (*беды, страдания, гнев* и *суд божий* — как у глагола *ити*) и временные отрезки, откуда лексикализация причастия *грядущее* как ‘то, что будет, будущее’: *да примѣтъ грядущее* (Львовская летопись 1, список XVI в., 241).

В памятниках русской письменности *грясти* не был представлен в деловых источниках; он известен по спискам Священного Писания, летописям, житиям и под., с чем связана его последующая характеристика как славянизма. В процессе языковой эволюции он сохранил обе сферы — предметную и относящуюся к человеку — с единственным значением в каждой из них (соответственно ‘наступать, приближаться’ и ‘идти, шествовать’). Изменения заключались в утрате большей части прежних субъектов, исключении из семантики обозначения разных способов движения. В связи с этим последовала утрата значений.

Таким образом, в истории русского языка у глаголов *грясти* и *течи* наблюдается сокращение как круга возможных субъектов в рамках отдельных значений, так и количества значений. У *ити* наряду с этим процессом представлен и обратный, то есть появление новых субъектов и новых значений. Произошедшая специализация глаголов связана с семантической избыточностью, когда все три слова имели одинаковые значения. При этом отдельные семантические ниши были представлены только одним глаголом (*ити* 'доставляться, привозиться', 'расходиться, тратиться') или преимущественно одним глаголом (*ити* 'простираться, пролегать', 'падать' и др.).

Глагол *грясти*, по сути, был и остается в рамках обозначения собственно движения, тогда как *ити/идти* в большей степени, а *течь* в меньшей стали обозначать действие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ибрагимова В.Л.* Лексико-семантический класс глаголов перемещения в русском языке // Исследования по семантике. Уфа, 1980. С. 55—72.
2. Краткий словообразовательно-этимологический словарь русской полисемии и однокорневой омонимии // РЯШ, 1984, № 2. С. 70—77.
3. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 4.
4. Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1980. Вып. 7.
5. Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1981. Вып. 8.

В. В. Морозов

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В работе проводится сопоставление английских глаголов *come* и *go*, а также некоторых их синонимов с русскими и французскими глаголами сходной семантики. Английские глаголы являются отправным пунктом сопоставления. Русские глаголы привлекаются для подчеркивания, выделения особенностей английских. Французские глаголы сопоставляются и с теми и другими для выявления присутствия в этих языках общего и частного, универсального и идиосинкразического. Работа не претендует на полное описание семантики и употребления изучаемых глаголов, в ней рассматриваются лишь некоторые наиболее актуальные с точки зрения педагогической практики проблемы.

Материалом исследования послужили соответствующие статьи двуязычных и толковых словарей, примеры употребления из литературы, радио и телевизионных передач. При анализе значения глаголов мы опирались на энциклопедическую концепцию лингвистической семантики [1; 2; 3], согласно которой языковые единицы и конструкции являются значащими не сами по себе, но только благодаря обращению к человеческому опыту, различным уровням энциклопедических знаний, к концептуальной картине мира, создаваемой человеком. Сопоставление глаголов проводилось с учетом и в подтверждение основных установок когнитивной грамматики, согласно которым семантическая структура конкретного языка не является универсальной, так как она в значительной степени зависима от специфики данного языка.

Как известно, усвоение и употребление языковых выражений осуществляется в контексте, количество возможных контекстов практически бесконечно, поэтому даже наиболее подробные толковые словари неизбежно упрощают проблему значения. Появление словарей активного типа, таких, как «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», изданный под общим руководством Ю.Д.Апресяна, значительно облегчает обучение. К сожалению, доступные англоязычные словари активного типа (напр., «Longman Language Activator», 1993) намного уступают этому словарю по степени подробности и качеству описания семантики и употребления. Кроме того, даже наличие достаточно подробных одноязычных словарей не устраняет проблему интерференции со стороны контекстуаль-

ных (референциальных и прагматических¹) значений формально подобных выражений ранее усвоенного языка (или языков). Поэтому в задачи данного исследования помимо изучения как можно большего количества контекстов реального употребления входила попытка построения для рассматриваемых глаголов схем (когнитивных структур) в духе когнитивной грамматики Линекера [3], как общих, так и специфичных для отдельных изучаемых языков. Представление о таких схемах могло бы не только облегчить процесс усвоения лексических и грамматических единиц иностранного языка, но и дать изучающему более глубокое представление о рассматриваемых языковых явлениях.

Как известно, английские глаголы *come* и *go* отличаются от семантически близких русских глаголов *приходить*, *приезжать*, *уходить*, *уезжать*, *идти*, *ехать* и др. прежде всего тем, что первые могут обозначать без каких-либо ограничений любой вид движения любых одушевленных и неодушевленных объектов в любой среде, с помощью или без помощи транспортных средств, в то время как для употребления последних существует большое количество разного рода ограничений. Для иллюстрации сопоставим следующие примеры.

- (1) Someone/something came/went somewhere on foot/by plane (air, boat, sea, train, rail etc.).
- (2) *Некоторые участники конференции приехали самолётом.
- (3) *Другие пришли на автобусе, поезде.
- (4) ?Его чемодан ещё не приехал.
- (5) Багаж пришёл со следующим поездом.
- (6) Письмо пришло авиапочтой.
- (7) ?*Багаж приехал с вокзала на такси, автобусе, трамвае.
- (8) *Книга приехала с вокзала на такси, автобусе, трамвае.
- (9) *Книги пришли с вокзала на такси, автобусе, трамвае.
- (10) Книга пришла по почте.

В значение русского глагола *приезжать* входит компонент активности, целенаправленности или же наличия у движущегося субъекта/объекта собственного источника энергии, движителя. Поэтому выражения *участ-*

¹ Как известно, некоторые исследователи считают неоправданным разделение прагматики и семантики: «The distinction between semantics and pragmatics (or between linguistic and extralinguistic knowledge) is largely artifactual, and the only viable conception of linguistic semantics is one that avoids such false dichotomies and is consequently encyclopedic in nature» [3, 154]. А.Вежбицка также отмечает, что «прагматические значения» неразрывно переплетены со значениями, основанными на «денотативных условиях», что деление науки о знаках на семантику, синтактику и прагматику не имеет смысла применительно к естественному языку, синтаксические и морфологические средства которого (так же, как и иллюкутивные средства) сами по себе являются носителями значения. В естественном языке значение заключено в интерпретации мира человеком [4].

ники приехали и поезд приехал приемлемы, а посылка приехала — неприемлемо. Размеры и количество движущихся предметов также имеют значение: отсюда неприемлемость выражения *его книга приехала на следующем поезде и допустимость (в некоторых контекстах) его чемодан приехал на следующем поезде, ?книги приехали на следующем поезде. Значение имеют вид транспорта, в особенности представления в сознании языкового сообщества о регулярности курсирования данного вида транспорта, наличии расписания, постоянности и сложности маршрута в прототипических ситуациях. Для того чтобы забытый чемодан мог *приехать* на следующем поезде, достаточно, например, передать его с проводником или машинистом. Практически невозможно, чтобы чемодан прибыл с вокзала до квартиры на такси без сопровождающего. Тем более неприемлем пример с книгой. Отсюда неприемлемость для обычных контекстов примеров (8) и (9). Даже предложение *багаж привезли со станции на такси* будет в первую очередь интерпретироваться следующим образом: *кто-то (но не таксист) привез багаж*.

Английский глагол *come* может быть использован для перевода предложений (2)—(10) практически без ограничений. Выбор предлогов для употребления в предложениях с рассматриваемыми глаголами (как в русском, так и в английском), безусловно, влияет на приемлемость неприемлемость самих этих глаголов в данных конструкциях. Однако объем данной работы не позволяет включить в нее эту большую тему, требующую отдельного подробного рассмотрения.

Кроме того, на приемлемость глагола *приходить* влияет множество других факторов: отношение к категории одушевленности-неодушевленности, размер, количество и характер неодушевленных предметов, обозначаемых подлежащим, вид транспорта, регулярность или же спонтанность доставки и др. Эти факторы не влияют на приемлемость глагола *come*.

(11) Книги идут по почте сюда. = The books are coming by post.

(12) Багаж идет к вам. = The luggage is coming (to you).

Для глаголов *уходить*, *уезжать* контекстуальных ограничений не меньше, а для английского глагола *go* их практически нет.

Французский глагол *venir* по своей семантике близок к английскому *come*. Однако в отличие от последнего он имеет несколько префиксальных дериватов (*survenir*, *parvenir*, *revenir*), которые разделяют с ним то множество употреблений, которые в английском приходится на долю одного глагола *come* (иногда с раздельно оформленными добавочными элементами в постпозиции).

Во всех русских предложениях со (2) по (10) может употребляться глагол *прибыть*. Однако глагольная пара *прибыть/прибывать* также отличается от семантически близких английского (*arrive*) и французского (*arriver*). Существуют стилистические ограничения для целого ряда кон-

текстов употребления. Для английского глагола *arrive* стилистических ограничений несравнимо меньше. Опрос носителей английского и русского языков, а также анализ многочисленных контекстов показывают, что данный английский глагол воспринимается как менее «официальный», чем русские *прибыть/прибывать*. Кроме того, *arrive* имеет более широкую сферу употребления и в отличие от своего русского эквивалента может употребляться в переносном смысле.

Словарь «Random House Webster's» перечисляет следующие значения английского глагола *arrive*.

1. to come to a certain point in the course of travel; reach one's destination: *We finally arrived in Rome.*

2. to come to be present: *The moment to act has arrived.*

3. to attain a position of success in the world.

4. Archaic. to happen.

<arrive at> to reach or attain; come to.

В словаре А.С.Хорнби (1974) даются следующие три значения этого глагола:

arrive vi 1. reach a place, especially the end of a journey: *arrive home; arrive at a port arrive in harbour*; 2. come: *At last they arrived. Her baby arrived (= was born) yesterday*; 3. ~at, reach (a decision, a price, the age of 40, manhood etc.) establish one's position or reputation: *The flood of fan mail proved he'd arrived.*

В словаре «Longman Active Study Dictionary» (1991) все значения также объединены в три пункта:

arrive — 1. to reach a place: *What time does the plane arrive in New York?/ The train arrived late at the station*; 2. to happen: *At last our holidays arrived*; 3². **arrive at sthg phr v** to reach a situation or decision: *After many hours' talk, the committee arrived at a decision.*

Статья *arrive* из Большого англо-русского словаря хорошо иллюстрирует употребление русских глаголов сходной семантики в контекстах, перечисленных выше.

arrive — 1. прибывать, приезжать; 2. 1) достигать (чего-либо), приходить (к чему-либо); to arrive at understanding достигнуть взаимопонимания ... to arrive at a conclusion прийти к заключению; 2) достигать какого-либо положения, возраста и т.п.; to arrive at a fortune получить состояние; to arrive at influence [at power] добиться влияния [власти];

² Цифра 3 добавлена нами, так как, хотя это фактически третье значение, принцип организации словарных статей в данном издании не предусматривает нумерацию значения глаголов с предлогами (phrasal verbs).

to arrive at the age of twenty достигнуть двадцати лет; 3. наступать (о времени); at last the hour arrived наконец час пришёл /настал/; 4. добиться успеха, признания; a genius who had never arrived гений, не получивший признания; 5. *уст.* происходить, случаться (о событии).

Отдельного рассмотрения заслуживает выбор предлога, употребляемого в конструкциях с данным глаголом, так как помимо предлогов *at* и *in*, употребление которых описано достаточно подробно (см., например, [5, 42]), до XVIII в. глагол *arrive* мог сочетаться с предлогом *to* (см., например, Jonathan Swift, "Gulliver's Travels", Part I, Chapter I). Использование именно этого предлога является одной из типичных ошибок, встречающихся в речи на продвинутом этапе изучения английского языка. Эта ошибка вызывается аналогией с другими глаголами движения (*go to, come to, walk to, sail to* и др.). Вопрос о том, как и когда начинается и завершается вытеснение предлога *to* в конструкциях с глаголом *arrive*, пока не исследован.

Сопоставление английского глагола *arrive* с французским *arriver* выявляет большое сходство в их семантике и употреблении, частично объясняемое этимологией английского глагола, заимствованного из древнефранцузского. Французско-русский словарь переводит значения французского глагола следующим образом:

arriver 1) прибывать, приезжать; *спорт.* финишировать; 2) наступать (о весне и т.п.); *la nuit arrive* настает ночь; 3) ('а) доходить до...; достигать; доводить (дело) до...; *arriver a l'age de puberte* достигнуть половой зрелости; *arriver au terme, arriver a ses fins* достичь цели, добиться своего; *je b'ai pu arriver jusqu'a lui* я не мог добраться до него; я не мог попасть к нему; 4) преуспевать; 5) (а + *infin*) удаваться; ухитриться, суметь что-либо сделать; *je n'arrive pas a comprendre* я не могу этого понять [...]; 6) случаться; *quoi qu'il arrive* что бы ни случилось; *il arrive que...* случается, бывает; *il m'arrive un malheur* со мной приключилась беда; *que cela ne vous arrive plus!* чтобы больше это не повторялось!; 7) *мор.* спускаться под ветер, уваливаться.

Возвращаясь к глаголам *come* и *go*, необходимо отметить их следующее важнейшее отличие от русских глаголов движения и сходство с французскими *venir* и *aller*, заключающееся в том, что ориентация движения, выражаемого данными глаголами относительно фокуса³ внимания (движение к нему или от него), в английском и французском обозначается лексическими средствами, а в русском добавлением к глагольной основе соответствующих префиксов. В большинстве случаев этот фокус охватывает и то место в пространстве, где говорящий находится либо в момент речи, либо находится, находился или будет находиться во время движения.

³ Дж. Поуви [6] использует термин "centre of attention".

(13) You can **come** here tomorrow when I'm out and use my study.

В остальных случаях употребление *come* определяется фоном движения (в когнитивной грамматике Р.Линекера используется термин *landmark*), обозначенным в предыдущем контексте. Фон — это то место, где находится, находился или будет находиться наблюдатель или то лицо, о котором говорилось в непосредственно предшествующем контексте.

(14) John will be there until lunch. Mary will certainly come too.

(15) John will be there until lunch. Mary will certainly come later.

(16) John will be there after lunch. Mary will certainly come earlier.

Употребляя тот или другой из этих глаголов в нарративе, говорящий, если он не находился вблизи фокуса внимания во время описываемого действия, передаёт восприятие реального или воображаемого наблюдателя. Таким образом одновременно возникает возможность манипулирования фокусом внимания слушающего или читающего.

(17) Mrs Salmon ... had been unable to sleep; she heard a door click shut [...] so she went to the window.

В примере (17), взятом Дж. Поуви [6, 33] из художественной литературы, внимание сфокусировано на месте нахождения персонажа до начала и в момент движения. В типичном переводе таких предложений на русский язык используется глагол *подойти*: ... (18) она услышала, как защелкнулась дверь, подошла к окну. Использование глагола *пойти* возможно только в очень специфических контекстах: большие размеры комнаты, прерванное, незаконченное движение и т.п. И наоборот, употребление глагола *come*: *she came to the window* несколько менее типично для английского, создаёт эффект скачка, резкого переключения фокуса внимания. Дж.Поуви [6, 34] приводит целую серию предложений из единого контекста, которые хорошо иллюстрируют возможности использования данной пары глаголов для переключения фокуса внимания. В описываемом ниже эпизоде Сюзан ждет гостя. В этом случае внимание фокусируется на Сюзан, в терминологии когнитивного подхода она является частью фона (*landmark*), в сторону которого движется гость (*trajector*). В этом случае употребляется глагол *come*:

(19) Susan was waiting for her friend to come.

(20) She saw her friend coming along the street.

(21) Her friend came into her room.

Однако когда движется сама Сюзан, употребляется глагол *go*:

(22) She went over to the window to look out.

(23) When she heard the doorbell ring she jumped up and went to answer it.

(24) She went up to her friend.

Глагол *go* в примерах (22)—(24) подчёркивает, актуализирует связь между прежним местом нахождения движущегося объекта (фигуры) и новым, процесс движения связывается с отправной точкой. Таким образом

создаётся эффект плавности перехода, плавности перевода кадровой рамки. Рамка движется вместе с движущимся субъектом. Если движется субъект, уже упомянутый в непосредственно предшествующих предложениях (тема, топик), то в нарративе употребление *come* создаёт эффект переключения кадра, новой перспективы. Новый субъект/объект (новый для кадровой рамки непосредственно предшествующего контекста) входит в рамку из-за кадра.

(25) John was having lunch when Mary came.

(26) When Mary came John was having lunch.

Важно отметить, что в кинематографе, откуда когнитивной лингвистикой заимствована часть терминологии, это именно так и происходит⁴. Если в сценарии написано: *Butch's hand comes into frame, pushing the door open*, то сначала на экране мы видим изображение двери, а потом в кадр «входит» рука.

Замена третьего лица субъекта движения на первое не меняет концептуального представления, связанного с данными глаголами. Хотя субъект движения говорит о себе, его сообщение рассчитано на восприятие его слушающим, глагол *come* создает эффект выключения предыдущего кадра (пропуска начала и середины движения) и включения нового, в котором появляется субъект (завершение движения). Фокус внимания — на главном предложении. В данном случае термин традиционной грамматики «главное предложение» также подчеркивает фокус внимания.

Если же глагол *come* употреблен в главном предложении, стоящем в препозиции к придаточному времени (реже места), фокус внимания (при обычной просодии, без актуализации членов главного предложения) — на придаточном. В терминах актуального деления все придаточное будет ремой по отношению к главному. Включается новый кадр, в этом кадре появляется субъект из предыдущего контекста, в котором прямо называлось или подразумевалось намерение субъекта направиться к фокусу внимания, обозначенного в данном кадре. Порядок слов и просодия главного предложения определяют его актуальное членение.

(27) I / John came when they were having lunch.

Если же главное предложение находится в постпозиции по отношению к придаточному, оно будет являться ремой по отношению к придаточному. Фокус внимания остается на теме (придаточном), в кадре появляется субъект главного предложения. Рематичность (коммуникативный, информационный фокус) актуализирует новизну (относительную нежиз-

⁴ В кинематографе мы видим визуальную реализацию на экране ментальных образов, возникающих у режиссёра при прочтении сценария, вербальными средствами выражающего ментальные образы, возникшие у сценариста, которые (условно) являются отражением визуального восприятия последним действительности.

данность, непредвиденность) появления субъекта главного предложения в данном кадре.

(28) ?When they were having lunch came I.

(29) ?When they were having lunch came John.

(30) When they were having lunch John came.

Таким образом семантика глагола *come* взаимодействует с семантикой синтаксиса и просодии. Линейная или просодическая организация высказывания (то есть актуальное членение) определяют коммуникативный, информационный фокус. Фокус внимания глагола *come* может попадать или не попадать в этот коммуникативный фокус (рему).

В контекстах, аналогичных (25)—(30), в русском языке глагол *приходить* (и, возможно, французский *venir*) в большинстве случаев функционирует так же или, по крайней мере, похожим образом. Глагол *подходить*, как показано выше (17)—(18), используется для переключения фокуса внимания не так последовательно.

Кроме того, в тех случаях, когда глагол *come* используется метафорически, в аналогичных контекстах в русском языке глагол *приходить* приемлем гораздо реже.

(31) All his political ideas **come** from the newspaper he reads (*приходят, происходят, ?проистекают, идут).

(32) The name 'terrier' **comes** from the Latin word 'terra' meaning the earth (*приходит, происходит, идёт).

(33) Their main problem **comes** from the fact that drinking water is very scarce in ther area (*приходит, проистекает, вызывается).

Ещё реже приемлемы глаголы *идти к*, *уходить* в русских предложениях, аналогичных следующим английским, где употреблен глагол *go*:

(34) Many phrases in the language **go** back to early religious writings (*идут к, идут из, относятся к).

(35) Jo just refuses to get into a car — it all **goes** back to when she had that accident (*идет к, идет с того времени).

Важным также является привлечение внимания к случаям употребления семантически неэквивалентных глаголов в идентичных ситуациях в идентичном типе дискурса в рассматриваемых языках:

(36) Обед готов! — Иду!

(37) Lunch is ready! — Coming!

(38) Madame! — J'arrive!

(39) Автобус идёт. Наконец-то!

(40) Here it comes⁵! At last!

⁵ Как известно, выражение *Here goes* обозначает начало действия (Now I'm going to make a start [Hornby]).

Отдельного подробного рассмотрения заслуживает грамматикализация глаголов движения в английском и французском языках, использование их во фразеологии.

Таким образом, мы видим, что для полного понимания значения и полноценного владения данными лексическими единицами необходимо принимать во внимание целый комплекс лингвистических и экстралингвистических параметров, небольшая часть которых упомянута в данной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Haiman J.* The iconicity of grammar: isomorphism and motivation // *Language*, Vol. 56, Number 3, 1980.
2. *Moore T., Carling Ch.* *Language understanding: Towards a Post-Chomskyan Linguistics.* New York: St.Martin's Press, 1982.
3. *Langacker R.* *Foundations of cognitive grammar. Vol. 1. Theoretical prerequisites.* Stanford Univeristy Press, 1987.
4. *Wierzbicka A.* *Cross-cultural pragmatics: The Semantics of human interaction.* Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter. 1991.
5. *Lewis M.* *The English verb. An exploration of structure and meaning.* Language Teaching Publications. 1986.
6. *Povey J.* *Get it right.* М.: Высшая школа, 1984.

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ И ИХ СТАТИВНЫЕ ДЕРИВАТЫ (В СВЯЗИ С ТАК НАЗЫВАЕМОМ ДВИЖЕНИЕМ ВРЕМЕНИ)*

Тема данной работы — динамика на пути ее превращения в статику, т.е. движение, которое «естественным путем» — в результате семантической деривации — переходит в неподвижность. Нас будет интересовать синхронная совместимость динамического и статического значения в пределах слова, а также модели семантической деривации (как продуктивные, так и непродуктивные), соотносящие одни значения с другими.

1. Динамика и статика

Глагол движения от глагола не-движения не всегда легко отделить: всякий тематический класс имеет размытые границы, в том числе и класс глаголов движения. Например, на метафоре движения построена семантика многих ментальных глаголов¹, см. Розина (наст. сб.), и других глаголов внутреннего состояния, ср. *дрожать* в значении 'бояться'.

Почти всякое физическое действие так или иначе предполагает движение. Возьмем, например, глаголы контакта (*закрывать*, *наполнить*) — нужно движение, чтобы войти в контакт; глаголы воздействия (*побить*, *уколоть*) — нужно движение, чтобы оказать воздействие; глагол *тонуть* иногда относят к классу глаголов движения вниз. Движение в узком смысле — это перемещение (перемена места), не осложненное дополнительными целями и последствиями. Но если говорить о движении в широком смысле, т.е. о глаголах с семантическим компонентом «движение», независимо от того, какое место этот компонент занимает в их семантической структуре, то в класс глаголов движения попадут:

1) *звать* — 'каузировать прийти'; *пропустить* — 'каузировать пройти'; *преследовать* — 'перемещаться вслед за, с целью' (не чистый глагол движения, поскольку не допускает показателя скорости: **преследовать быстро*) и т.д.;

2) *закрывать*, *наполнить* — глаголы, ориентированные на результат, а не на способ действия (см. об этом делении глаголов Levin, Rappaport

* Статья написана при финансовой поддержке INTAS, грант 96-0085, и Российского гуманитарного научного фонда, проект 99-04-00262а.

¹ Так, *постичь* и *достичь* имеют и.-е. корень *stig-* со значением 'шагать', ср. нем. *steigen* 'подниматься'. Связь между *постичь* и *достичь* обыгрывается в следующем отрывке: «Искусство и вообще всегда возникает в результате действия, направленного вовне, в сторону, на достижение (постижение) объекта, непосредственно отношения к искусству не имеющего» (Бродский. Об одном стихотворении).

1991); ситуация предполагает перемещение, но оно за кадром: *наполнить* X Y-ом = 'налить/насыпать Y-а в X до краев';

3) у глаголов в примерах ниже есть компонент «движение», хотя субъектом перемещения является у них участник в ранге За кадром — Наблюдатель в (1); звук в (2):

(1) а. И тогда желанный берег из тумана *выйдет* к нам [потому что Наблюдатель продвинется вперед];

б. *Следующая* станция — Пролетарская [«следует» не станция, а Наблюдатель];

(2) Уста жуют. Со всех сторон *Гремят* тарелки и приборы (Пушкин) [звуки со всех сторон движутся к Наблюдателю].

Одна из узловых проблем лексической семантики — многозначность слова. В рамках проекта «Лексикограф» (Кустова, Падучева 1994) регулярная многозначность представляется как порождаемая семантической деривацией (Шмелев 1964, Апресян 1974: 175); этим способом мы моделируем языковую способность говорящих, которые преобразуют, практически неосознанно, одни смыслы слова в другие, обусловленные меняющимся контекстом. Один из механизмов семантической деривации — мена актуализации, т.е. коммуникативного веса компонента, см. Падучева 1999а.

Изучение глаголов движения с точки зрения структуры их семантической парадигмы показывает, что многие стативные глаголы являются семантическими дериватами того или иного глагола движения. А если не ограничиваться глаголами движения, а включить в рассмотрение другие динамические классы, например, глаголы создания, то показатель активности перехода из динамики в статику возрастет еще больше. Так что сам переход в статику не специфичен для глаголов движения. Скорее типично для стативных глаголов быть производными. Как пишет Вендлер, «Actions fade into qualities and relations» (Vendler 1967: 109). Ср., например, *образовывать* в контексте *река образует изгиб*; *охватывать* (*плотина охватывает озеро с юга*); *делить* (*комнату с приятелем*); *устраивать* (*смена губернатора их не устраивает*).

Стативное значение часто возникает у глагола НСВ, производного от парного глагола СВ, как единственно возможное, если семантика глагола СВ не допускает выявления в ситуации процессной динамической фазы, так что для динамического производного НСВ нет «семантического материала»: *свел* / *сводит ногу*; *их доход составил* / *составляет 2,5 миллиона*. Рассмотрим некоторые модели семантической деривации, приводящие к образованию стативного значения у глаголов движения.

I. Одна из самых продуктивных моделей семантической деривации, порождающих стативное значение из динамического, — это НСВ перфектного состояния от СВ глаголов изменения состояния (change of state verbs).

Перфектное соотношение в видовой паре демонстрируют примеры

- (3) В этом здании *разместились* / *размещаются* редакции газет;

Два университетских здания *соединил* / *соединяет* бульвар, в которых глагол СВ обозначает прежде всего изменение состояния (этот тип видовых пар рассмотрен в Гловинская 1982: 91—100; перфектное соотношение выявлено в Падучева 1996: 116 и 157). Идея деятельности / процесса, ведущего к изменению состояния, в семантике СВ этих глаголов почти отсутствует, и это облегчает формирование значения перфектного состояния у парного НСВ.

У многих глаголов СВ значение изменения состояния является производным от значения движения. Возьмем, например, глагол *войти*. В своем первичном значении глагол *войти* относится к тематическому классу глаголов движения и имеет категорию действие. Итоговое состояние, наступившее как результат этого действия, — пребывание субъекта в ином месте; то есть глагол описывает изменение местоположения как результат деятельности целеполагающего субъекта:

- (4) В комнату *вошла* молодая женщина.

Огрубленная схема толкования для лексемы *войти*-действие такова:

Х вошел в Y = *Х действовал с Целью: шел по направлению к <месту> Y*
это вызвало

наступило состояние: *Х находится в Y*.

Семантический сдвиг «действие → изменение состояния» состоит в том, что компонент «деятельность», равно как и каузативный компонент, который его вводит, либо выпадает, либо уходит на коммуникативную периферию — в «фон». Остается компонент «наступление итогового состояния», который становится главной ассерцией (у исходного акционального значения ассертивный компонент — «деятельность»). Глагол *входить* в значении изменения состояния можно продемонстрировать на примере (5):

- (5) В дом *вошла* радость (≈ 'радость начала находиться в доме').

Следующий семантический сдвиг обусловлен меной таксономического класса участника *Y*. Для компонента «местоположение», фиксирующего итоговое состояние в примерах (4) и (5), существенно, чтобы участник *Y* принадлежал к таксономическому классу *ВМЕСТИЛИЩЕ*. Если таксономический класс *Y*-а меняется, меняется и итоговое состояние. Изменение определяется следующей инференцией (умозаключением), которая описана в Wierzbicka 1972, с. 93:

Х находится в месте Y \supset *Х является как бы частью Y*.

С опущенным *как бы* это заключение дает приемлемое толкование для примера (6):

- (6) Венгрия *вошла* в НАТО = 'наступило состояние: *Х* есть часть *Y*-а'.

Возможны вариации — в зависимости от того, является ли Y организацией, коллективом людей и т.д.: если Y — множество, то быть частью Y -а — значит быть его элементом.

Наконец, третий семантический сдвиг в семантике *войти* происходит при образовании от СВ изменения состояния производного НСВ. В примере (6), с глаголом СВ, имеется инцептивный компонент — ‘наступило состояние’. В (7), с глаголом НСВ, он пропадает (или уходит в фон), остается компонент «итоговое состояние», стативный; глагол НСВ выражает отношение часть-целое между участниками X и Y :

(7) Венгрия *входит* в НАТО = ‘ X есть часть Y -а’.

Интересно, что в англ. языке глаголы изменения состояния довольно редко дают семантические дериваты со значением перфектного состояния (впрочем, один пример описан в Kimball 1973: англ. *I've got* может иметь, и чаще всего имеет, не буквальное значение ‘я получил’, а семантически производное ‘я имею’, где ‘ X имеет’ — это в точности итоговое состояние от ‘ X получил’. Зато инцептивы в английском являются регулярными семантическими дериватами стативных глаголов (*She stands there* = ‘она стоит там’, а *Stand there!* может значить не только ‘стой там!’, но и ‘встань туда!’), а в русском инцептивы не могут быть семантическими дериватами — для этого есть специальная словообразовательная модель:

(8) а. Она *стоит* там; б. Пусть она *встанет* туда!

Примеры стативных глаголов НСВ, соотносимых с глаголами СВ, которые в своем первичном значении обозначают движение, а во вторичном — изменение состояния:

входить (*поездка входит в мои планы* = ‘является частью’)

высовываться (\approx ‘торчать’);

выступать (*Скулы выступают* = ‘расположены так, что образуют выступ’; ср. *отступающий подбородок*, Набоков. Машенька);

выходить (*Из одной точки выходят два луча*);

доходить (*Линия не доходит до краев; Сад теперь доходит до самой реки*);

заваливать (*Камень заваливает вход в пещеру*)²;

касаться; нависать; обнимать;

отходить (*ласковые морщины отходили от ясных, умных глаз*, Набоков. Машенька)³;

падать (*Подозрение падает на вас; Тень от лампы падает на тетрадь*);

подступать (*Сад подступает к самой реке*);

² И много других глаголов «полного охвата», см. Падучева, Розина, 1993.

³ В Taylor 1989 такого рода соотношения трактуются как метонимические; действительно, *морщинка* здесь концептуализуется как траектория пути, оставшаяся после его прохождения в виде следа: движение и оставшийся от него след в каком-то смысле смежны.

проступать (от *проступить* в значении 'стать видным/начать существовать');

сводить (*Носу сводит*);

составлять (*Генеральскую свиту составляют молодые офицеры* = 'они в совокупности и есть целое');

упираться (*Балка упирается в стену*).

Усиление стативного компонента (и подавление акционального) в семантике глагола действия может происходить за счет усиления роли Наблюателя. Именно это способствует перфектной интерпретации глаголов *высовываться*, *проступать*, *выступать*. Присутствие в ситуации воспринимающего ее субъекта объясняет однозначно стативное понимание *заслонять* (НСВ от *заслонить*) при неоднозначном — стативном и динамическом — *закрывать*.

По содержанию итоговые состояния у разных глаголов разные. Это может быть местонахождение (*располагаться*), контакт (*заваливать*), носительное расположение (*закрывать*, как в примере *Крепость закрывает вход в ущелье*; *упираться*, как в примере *коридор <...> упоравшийся в полуоткрытую дверь кухни*), отношение часть-целое (*Венгрия входит в НАТО*).

В примерах из (9), казалось бы, нельзя усмотреть описание уже наступившего, т.е. итогового состояния:

- (9) выпадать (*Этот случай выпадает из общего ряда*),
 выходить (*Выходит, что я прав*),
 наталкиваться (*Здесь мы сталкиваемся на сопротивление*),
 отпадать (*желание отпадает*),
 пропадать (*пропадает охота*),
 складываться (о впечатлении).

Интересно, однако, что человек говорит

- (10) Мне *приходит* в голову один случай
 тогда, когда он уже пришел.

II. Другой тип стативов составляют имперфективные дериваты от каузативных глаголов движения — НСВ сохраняет присутствующий в семантике исходного глагола СВ каузативный компонент:

вести, вызывать, затрагивать, задевать, звать (*путь, на который эти книги зовут вас*)⁴; направлять, отталкивать, влечь, гнать, манить, оттягивать (*Бутылки оттягивали нам карманы*), приводить, продавливать, привлекать, призывать (*Статья призвала к решительным действиям*).

Эти глаголы в НСВ выражают свойство (диспозицию; предрасположение) субъекта определенным образом воздействовать на объект и вызывать наступление соответствующего итогового состояния. Так, наступление ито-

⁴ Глагол *звать* в исходном значении предполагает участие голоса, но этот компонент здесь выветривается.

гового состояния у *привести* (СВ), в исходном значении, есть следствие деятельности Х-а, которая, вообще говоря, могла окончиться и неудачей:

Х *привел* Y-а в Z = Х действовал с Целью: шел, определенным образом воздействуя на Y-а

это вызвало

Y пришел в Z.

Между тем у производного НСВ способность к воздействию, которое переводит Y в определенное новое состояние, представлена как свойство Х-а, ср.: *Дорога ведет в Абрамцево*. Пациент Y при этом генерализуется и выходит за кадр.

Замечание. Несовершенный вид со значением диспозиции широко представлен в сфере ментальных глаголов, см. о значении диспозиции у глаголов воздействия на ментальное состояние — таких, как *объяснять, доказывать, подтверждать, убеждать* — в Падучева 1999б.

НСВ от некаузативного глагола может выражать свойство, которое не есть способность воздействовать (т.е. свойство, но не диспозицию):

западать (*клавиша западает* = 'обладает свойством западать');

лезть (о волосах);

отскакивать (*От него отскакивает, как от стенки горох*);

вмещать (X *вмещает* = 'может вместить');

входить (*Белье входит в чемодан*).

Значение свойства имеют в НСВ многие возвратные глаголы (семантически соотносимые с СВ исходного невозвратного):

Х *сводится* к Y-у = 'можно свести, и это свойство Х-а' (*замысел сводится* = 'можно свести');

выдвигаться (*Ящик выдвигается* = 'можно выдвинуть');

помещаться (*Кресло помещается* = 'можно поместить').

III. Особый класс стативных производных дают глаголы движения (такие, как *доходить, проходить, поворачивать*) в контексте подлежащих, обозначающих протяженные пространственные объекты, типа дорог, рек, каналов, границ, заборов и т.п., которые если не однозначно предопределяют направление движения по себе / вдоль себя, то во всяком случае естественным образом ограничивают его.

Уникальность аспектуальных свойств этих «географических» употреблений глаголов движения была выявлена в Апресян 1986: 25. Но они интересны также и в плане модели семантической деривации, которая связывает, скажем, *проходить* в исходном для него значении действия, т.е. целенаправленного перемещения субъекта в пространстве, с тем стативным значением, которое возникает при подлежащем, обозначающим неподвижный пространственный объект, как в примере

(11) *Дорога проходит* через лес.

Возможны разные описания этого соотношения, причем разные пространственные объекты здесь не вполне однородны. Так, для подлежащего *дорога* можно предположить, по крайней мере в некоторых контекстах, метафору (дорога сама идет, поскольку она направляет движение человека, *ведет* его), так что глагол остается глаголом движения, а значение НСВ — актуально-длительное:

(12) Потом дорога *выходит* к реке; Вскоре дорога *входит* в лес.

Однако в других контекстах географические глаголы интерпретируются как стативы:

впадать (*Енисей, вечно впадающий в Ледовитый океан*, Евг. Попов);

вытекать (*Волхов вытекает из озера Ильмень*);

доходить (*Лестница доходит до самой воды*);

идти (*Эта дорога идет в Архангельское; Граница все время идет по правому берегу реки*);

обрываться (*У реки дорога обрывается*);

поворачивать (*Тропинка поворачивает то направо, то налево*);

подниматься (*Дорога поднимается в гору*);

проходить (*На одном участке дорога проходит по ущелью / вдоль озера / под мостом / через поле*);

сворачивать (*Из передней направо был короткий проход, сразу сворачивавший под прямым углом направо же*, Набоков. Дар);

спускаться (*Лестница спускается к реке*).

Общее у дороги и границы то, что это сверхпротяженные пространственные объекты. Их нельзя сразу охватить взглядом, поэтому пространственное расположение такого объекта (а также форму его частей) легче всего описать, представив себе, что по нему / вдоль него кто-то движется. В таком случае НСВ описывает не само по себе расположение объекта или его части в пространстве, а скорее путь, который должен проделать в этом пространстве, хотя бы мысленно, движущийся предмет. Иначе говоря, семантика этих форм предполагает Наблюдателя, движущегося вдоль по нашему объекту в определенном, заранее известном направлении, ср.

(13) После переправы дорога *уходит* влево; Тут дорога *уходит* влево.

В Taylor 1989: 127 дана иная трактовка: путь представлен как след от движущейся точки, т.е. расположение неподвижного предмета в пространстве — как перемещение движущегося. Нам кажется идея перемещения мысленного взгляда Наблюдателя более естественной. Именно перцептивное событие с Наблюдателем дает материал для семантики СВ, которая требует исходного и нового состояния:

(14) У сторожки тропинка *повернула* направо и *спустилась* к реке.

Для глаголов *впадать*, *вытекать* (о реке) Наблюдатель, с которым могут происходить такого рода происшествия, маловероятен. Но теоретически такие употребления не исключены:

Гляди, Волга таки *впала* в Каспийское море.

Примеры (12)—(14) показывают, что в ситуации, описываемой географическим глаголом, одним из участников является отрезок пути, о свойствах которого идет речь, см. у *сторожки* в (14). Отрезок *Z* может быть задан через время, см. *потом* в (12); в примере (13) неоднозначность: *после переправы* и *тут* могут быть показателями как места, так и времени.

Итак, НСВ географических глаголов отличается от СВ в двух отношениях. В семантике НСВ 1) Наблюдатель может перемещаться лишь мысленно и 2) знает, как обстоит дело. Семантика СВ 1) в норме предполагает Наблюдателя, который реально идет по/вдоль дороги, реки и проч.; поэтому 2) по ходу своего движения он может обнаруживать те или иные свойства определенного отрезка *Z* протяженного объекта *X*, о которых он ранее не знал.

НСВ глаголов пространственного расположения отличается от НСВ перфектного состояния по своей взаимозаменимости с СВ. В самом деле, НСВ перфектного состояния почти синонимично СВ:

Ивы *нависли*, целуют в ключицы (Пастернак) [*нависли* ≈ 'нависают'];

Короткий коридор *уперся* в кухонную дверь [*уперся* ≈ 'упирается'];

Песчаная отмель глубоко *врезалась* в море [*врезалась* ≈ 'врезается'].

А глаголы пространственного расположения в СВ и в НСВ обозначают существенно разные ситуации; так, (15а) может быть описанием устройства квартиры, а (15б) — это своего рода репортаж с места происшествия (см. Апресян 1986):

(15) а. Узкий коридор сразу же *сворачивает* направо;

б. Коридор *свернул* направо.

Чтобы представить географические глаголы как стативы, необходимо поместить компонент «движение» в фоновую часть толкования:

X проходит под Y-ом ≈ 'некий участок *X*-а находится под *Y-ом*' <ассерция>; 'Говорящий представляет *X* как движущийся объект' <фон>;

X вытекает из Y-а ≈ 'X имеет началом Y' <ассерция>; 'X течет' <фон>.

Однако в контексте неистребимой дейктичности (в частности, временного дейксиса), как в примерах (12), (13), стативная интерпретация НСВ невозможна.

Есть употребления географических глаголов, которые не предполагают движущегося Наблюдателя — например, потому, что объект целиком помещается в поле зрения. Так, в (16) глагол движения выражает «форму существования» протяженного объекта и имеет бытийное значение:

(16) а. С горы *сбегает* ручей; К реке *сбегала* коленчатая лестница;

б. Неподалеку *протекает* река.

Стативное значение может возникать у глагола НСВ за счет мены диатезы, см. пример из Янко (наст. сб.): *вода течет в лодку* (процесс) и *лодка*

течет (свойство). Модель непродуктивна: *лодка течет* допустимо, а **мешок сыпется* — нет.

В семантической деривации, позволяющей объяснить соотношение в паре (17а)—(17б), тоже участвует мена диатезы, в результате которой предмет внимания переходит в позицию подлежащего и становится носителем свойства воздействовать (Пациенс воздействия генерализуется):

(17) а. Он *обратил внимание* на эту женщину;

б. Эта женщина *обращает* на себя внимание.

Возможно, мена диатезы участвует в семантической деривации, которая дает значение *выходить* (без парного СВ), представленное примером (18) (предполагается, что некто может *выйти* через окно на юг):

(18) Гостиница *выходит* окнами на юг; Окна гостиницы *выходят* на юг.

Ниже приводится, уже без указания предполагаемых моделей семантической деривации, еще ряд изначально динамических глаголов в статических значениях:

достигать (*Нильские крокодилы достигают 10 м в длину*);

обходить (*Он обходит этот вопрос молчанием*);

влечь (*Катя влекла его к себе все сильнее*);

вытекать (*Отсюда вытекает, что...*);

выходить (*Из килограмма муки выходит 20 пирожков*);

вызывать ('речью каузировать прийти' ⇒ 'обладать свойством каузировать');

доводиться (*Кем он тебе доводится? Иметь такого наставника не всем доводится*);

допускать (*Допускаю, что смысл был, но понять я его не смог*);

идти (о часах); идти (ей идет);

исходить (из конкретной обстановки);

кончаться (*Роман кончается свадьбой*);

начинаться (*Письмо начиналось приветствием*: отношение часть — целое),

подходить (*мне подходит* = 'нравится');

подходить (*Он подходит к этому вопросу философски*);

пропадать (*Где ты пропадал?*);

располагать (*двумя часами*); располагаться;

составлять (*составляет главное препятствие* = 'является').

Семантический путь от динамики к статике прошли, в частности, глаголы *следовать*, *предшествовать* и их причастия *следующий*, *предшествующий* (с синонимом *предыдущий*) — в тех контекстах употребления, где они связаны с показателями времени. Именно они служат в дальнейшем предметом нашего анализа. Но вначале надо сказать несколько слов о семантике времени.

2. Загадки из истории

Читатель словаря Срезневского сталкивается с диковинной энантиосемией:

[переднии, прѣднии⁵ = 'прежний, прошлый']:

Како оуставили *переднии* книзи, тако платите дань (Новг. I л. 6737);
Молю вы, за *преднее* бездѹмье поканте (Серап. сл.).

[переднии, прѣднии = 'будущий']:

Задньма оубо забываѹа, а на *прѣдньма* простираѹса (Панд. Ант.)⁶.

[зadньни = 'будущий']:

Се порадиша Тѣшата съ ѹакыом про складѣство про первое и про *зadньне* (Ряд. зап. д. 1299).

[зadньни = 'прежний, прошлый']:

Задньма оубо забываѹа, а на *прѣдньма* простираѹса (Панд. Ант.).

Текст иногда непонятен. Есть известная загадочная фраза в «Слове о полку Игореве»:

Преднюю славѹ сами похѹтитмъ, а заднюю ся сами подѣлимъ.

Срезневский переводит здесь заднюю (надо: заднею, твор. пад.) как 'прежнюю', а слово преднюю — как 'будущую' (под вопросом: в других своих употреблениях слово *переднии* может значить 'впереди находящийся' — Не сяди на *прѣдньмъ мѣстѣ* — и 'предыдущий', т.е. 'прежний' — Возвратимся на *предняя* словеса). Поскольку *зadньни* тоже может значить и 'прошлый', и 'будущий', понимание фразы в целом неоднозначно. Срезневский приводит фразу из Ипатьевской летописи

Хронографоу же *ноуѹа* есть писати все и *вса* въ (I) *вша*, *В* *вогда* же писати в *передньма*, *В* *вогда* же *востоуѹати* в *зadньма* (Ип. л. 6762)

как пример, где *переднии* = 'будущий', но полной уверенности в том, что это прочтение правильно, нет. В Новгородской берестяной грамоте (Зализняк 1995: 531) слово *заду* может быть прочтено как 'то, что было' и как 'то, что будет' (второе чтение кажется более вероятным):

Исправи слово то моѹ брат <...>, а *заду* не боѹа аз в том = 'Что я говорил, то слово исполни, а последствий того, что ты сделаешь, не бойся, я в том порукой'.

Возникает вопрос, как могла возникнуть такая парадоксальная ситуация, что слова *переднии* и *зadньни*, будучи антонимами, имеют каждое по два противоположных смысла — и 'прошлое', и 'будущее'. На этот вопрос мы ответим в разделе 4.

⁵ Слово *прѣднии* — вариант с неполногласием; могло писаться также через *ѣ*; и без *ѣ* после *д*.

⁶ Ср. также: А *впередние* годы с росолу дань платит(ѣ) старцемъ, а за прошлые годы с росолу дани старцемъ не платити (список 16—17 в. с грамоты 1552 г., цитируется по Словарю русских народных говоров).

3. Модели времени

Наш дальнейший анализ опирается на работу Булыгина, Шмелев 1997, где приведен обширный материал, касающийся отражения идеи времени в русской лексике. Представляются существенными следующие два положения, которые позволяют по-новому взглянуть на проблему направления движения времени.

1. Если слово имеет два значения, то начинать надо с предположения о регулярной многозначности и, следовательно, о том, что между этими значениями можно установить деривационные отношения.

2. Употребление слова основано на его принадлежности к той или иной таксономической (онтологической) категории, см., в частности, Падучева (в печати). Это касается не только глаголов (где важность различения действий, процессов, состояний, свойств и т.д. получила всеобщее признание), но и имен.

Едва ли верно устоявшееся мнение, что все употребления слова *время* основаны на пространственной метафоре: у этого слова есть и своя собственная онтологическая категория. И прежде, чем думать, КУДА идет время, следует понять, ЧТО же все-таки идет. Поскольку, скажем, человек, дождь, поезд, часы, занятия (*Тише, идут занятия!*) «идут» совершенно по-разному.

Дело в том, что в языке всякое имя (нарицательное) склонно иметь денотат, т.е. соотноситься с классом, в норме бесконечным, объектов «реального мира», принадлежащих одной и той же онтологической — или таксономической — категории. Слово *время* тоже понимается как обозначение чего-то существующего и надо понять, к какой онтологической категории относится его денотат.

Семантический анализ слова *душа* в Wierzbicka 1992 открыл дорогу в семантику для метафизических сущностей: душа существует, несмотря на то, что для нее нет места в трехмерном пространстве. Более того, в работе Урысон 1996 убедительно показано, что язык относит слово *душа* к той же обобщающей категории, что, например, *сердце, глаза*: все это органы — части тела человека (а также, возможно, и других живых существ), предназначенные для выполнения определенных функций⁷.

В словарях у слова *время* выделяется несколько значений, из которых нам понадобятся два:

время-1 — бесконечный процесс прохождения мира через последовательность моментов (часов, дней, лет и т.д.):

(1) *время* идет; *время* подошло к полуночи.

⁷ К той же категории можно отнести и такие слова, как *ум, голос, память*, поскольку язык склонен всякую способность человека локализовать в соответствующем органе (ср. *хорошие глаза, низкий голос, острый ум, дырявая память*). В Щеглов 1964 в качестве примеров «органов» приводятся слова *рука, разум, воля*.

Лексема *время-1* встречается и в каузативном контексте:

(2) *время* изменило его черты; серебро почернело от *времени*.

время-2 — промежуток времени в 1-м значении, т.е. отрезок или интервал процесса, обозначаемого как *время-1*:

(3) Прошло то *время*, когда сегодняшний день был похож на вчерашний;

(4) Во *время* ужина он встал из-за стола (Бродский); В это *время* она была в Австралии;

(5) Некоторое *время* он сидел спокойно.

Гипонимы лексемы *время-2* (*суббота, вечер, год*) относятся к той же онтологической категории, что и само *время-2*.

В литературе было обращено внимание на наличие двух противоречащих друг другу способов говорить о времени. С одной стороны, есть обороты речи, которые заставляют предполагать, что будущее впереди, а прошедшее — позади:

(6) У нас еще две недели *впереди*; Нам *предстоит* одно интересное дело [*‘в будущем’* = ВПЕРЕДИ];

Сейчас все несчастья *позади* [*‘в прошлом’* = ПОЗАДИ].

С другой стороны, есть слова, в семантике которых заложено предположение, что будущее позади настоящего, а прошлое — впереди (пример из Lakoff & Johnson 1980: 41 со ссылкой на устное замечание Филлмора):

(7) на *следующей* неделе = *‘на неделе, которая следует за данной, т.е. находится позади нее’* [*‘в будущем’* = ПОЗАДИ];

на *предыдущей* лекции = *‘на лекции, которая шла перед данной’* [*‘в прошлом’* = ВПЕРЕДИ].

Ср. также пример (8):

(8) Подожди, *придет* время; *Наступила* полночь; *Пришла* зима; *Близится* Рождество.

Здесь, как и в (6), будущее впереди; но есть важное отличие: в (8) как бы время движется на человека (*приходит, наступает* и т.д. — такова интерпретация в Булыгина, Шмелев 1997); а в (6) движется человек.

Можно думать, что разные употребления основаны на разных языковых концептуализациях определенных участков мира: речь идет не об отдельных метафорах, а о целых моделях; каждая модель покрывает сразу определенную систему словоупотреблений. Разные модели могут сосуществовать в одном языке.

Модель 1 (текущего времени) представляет время как особого рода процесс — выходящий за пределы трехмерного пространства, т.е. метафизический. Субъект процесса, обозначаемого словом *время*, — это мир, со всеми находящимися в нем объектами, состояниями, событиями, процессами: мир развивается, проходя через последовательность моментов (часов, дней, лет и т.д.), по которым мы определяем одновременность и

последовательность всех частных событий и процессов. Этот процесс развития язык представляет как движение, поскольку он имеет направление: когда говорят *Время идет*, оно движется, и по умолчанию всё, что движется, движется вперед (*Я плчусь всегда вперед*, Бродский). Вместе с миром движется, глядя вперед, находящийся в мире Наблюдатель. В рамках модели текущего времени слово *время* понимается в значении 1.

Модель текущего времени объясняет пример (6) и вообще большую часть дейктических употреблений временных слов. Представление о будущем как о месте, куда мы, идя вперед, должны прийти, отражено, например, в выражении *по достижении намеченного срока* (Булыгина, Шмелев 1997: 374). *Прошел год* — это как *Прошло собрание*: и то, и другое идет вместе с нами. Присутствие Наблюдателя доказывается тем, что (а) и (б) почти синонимичны:

а. Век подходит к концу;

б. Мы подходим к концу века.

Модель 2 (скалярная). Движение в прямом физическом смысле — это перемещение в пространстве, которое, в прототипическом случае, неподвижно. Это значит, что у трассы предмета, движущегося согласно Модели 1, т.е. мира, должны быть «обочина», и на ней — верстовые столбы: веки, отмечающие моменты времени и делящие время на измеряющие его отрезки. Это шкала времени, своего рода бесконечный календарь-часы⁸. Шкала времени — это та «трасса», по которой, трансцендентным образом, движется время, концептуализуемое в рамках Модели 1.

Шкала времени неподвижна:

(9) За сегодняшним днем стоит неподвижно завтра,
как сказуемое за подлежащим (Бродский. Часть речи);

Наличие трассы — дополнительное основание считать, что *время* в значении 1 обозначает движение. Таким образом, процесс развития мира — это движение уже по двум причинам: этот процесс имеет, во-первых, направление и, во-вторых, трассу.

Скалярная модель объясняет употребление временных слов в примере (7). В рамках той же модели интерпретируются слова *прежде*, *перед тем*, *вслед за тем*, *затем*, *после*.

В отличие от Модели 1, скалярная модель статична: слова *следующий* и *предыдущий* выражают соотношение между точками и отрезками на неподвижной шкале. Другое отличие скалярной модели от Модели 1 — в том, что она не требует Наблюдателя. Сами точки и интервалы — засечки на шкале — могут быть обозначены дейктически; но для выражения временного соотношения между ними Наблюдатель не нужен.

⁸ Модель 2 представляет время приблизительно как четвертую координату пространственно-временного континуума, то есть близка к той модели, которая была введена Эйнштейном в современную физику.

Остаются еще примеры из (8); для их объяснения служит

Модель 3 (встречного движения). Движение мира (с впередсмотрящим Наблюдателем) в соответствии с Моделью текущего времени порождает встречное *как бы* движение засечек на Шкале времени. Когда человек плывет на лодке по реке, ему навстречу *как бы* движутся сосны, дома и вообще все, что неподвижно стоит на берегу. Возникает псевдодвижение засечек на шкале в обратную сторону, порождаемое движущимся Наблюдателем. Время, которое идет мимо человека, можно объяснить только Моделью 3:

Шли годы. Они *шли* мимо меня (Пастернак. Письма // Знамя, 1998, № 5).

Модель встречного движения, подобно Модели текущего времени и в отличие от скалярной Модели, дейктична и динамична, т.е. предполагает движение. Но, в отличие от Модели текущего времени, здесь движется не бесконечное *время-1*, а отдельные его моменты и промежутки, засеченные на Шкале времени. Это сущности той же таксономической категории, что *время-2*, в том числе — события, метонимически связанные со своими отрезками времени. Мир, согласно Модели 1, движется вперед, и то, что движется на него, в лице его Наблюдателя, это не *время-1*, как бесконечный процесс, а события — в частности, состоящие в наступлении такого-то отрезка времени:

(10) Миг воделенный *настал*; *Наступил* конец;

Когда же *придет* настоящий день? *Пришла* весна;

Близится час разлуки; *Приближаются* праздники;

Подошел день свадьбы;

День за днем идет, мелькая (Пушкин);

Бегут за днями дни, / и каждый миг *уносит* / частицу бытия (Пушкин).

Эти обычаи *ушли* в прошлое / *отошли* в прошлое / *остались* в прошлом (за счет того, что мы продвинулись в будущее).

У шкалы времени есть своя структура — начало, передняя часть, и конец, задняя часть. Для Наблюдателя, движущегося в соответствии с этой структурой, задняя часть шкалы оказывается впереди, перед ним, а передняя — позади.

Концептуализация действительности не предсказывается языком однозначно; одна и та же ситуация может концептуализоваться в разных моделях времени:

Жизнь *вступила* в новую фазу (Модель 1) — *Наступила* новая фаза жизни (Модель 3);

Некоторые ограничения относительно того, какие отрезки времени и события могут *настать* и *прийти*, до конца не ясны. Почему, например, *скандал возник*, а не *наступил*, т.е. не пришел вместе со временем (а точнее — в ходе развития мира), — хотя допустимо *Наступили холода*, *Наступила тишина*; почему **наступило начало*?

Итак, имеются три модели концептуализации времени, которые несколько не противоречат одна другой. Модель 1 дейктическая, с настоящим временем; Модель 2 объективная, она лучше всего подходит для описания временных соотношений между уже происшедшими событиями, то есть для прошедшего, или внедейктического времени. Как справедливо отмечено в Lakoff & Johnson 1980: 43, слова типа *предшествовать* и *следовать* ориентируют временные отрезки друг относительно друга, а не относительно Наблюдателя в мире. Модель 3 — с Наблюдателем, который смотрит в будущее, — это модель, прежде всего, будущего времени. Далее главным предметом нашего внимания будет скалярная Модель 2, которая описывает статические соотношения между отрезками времени.

4. Статическое время

Скалярная модель времени позволяет понять семантику (и дать семантическое объяснение морфологическим особенностям) слов *следовать*, *следующий*, *предшествовать*, *предшествующий*, *предыдущий*.

У глагола *следовать* три основных значения⁹.

следовать 1

Х следует за Y-ом = 'Y движется; X движется, будучи позади Y-а, в том же направлении'; где X и Y — материальные предметы; X, скорее всего — одушевленный, и данные параметры (расположение по отношению к Y-у и направление своего движения) он поддерживает сознательно. Категория глагола — действие; тематический класс — движение. Например¹⁰:

(1) *Следуйте* за мной; За обозом чинно *следовали* женщины; Грушницкий *следует* за княжной везде.

Поскольку лексема *следовать* 1 обозначает действие, ее форма НСВ имеет актуально-длительное значение. Глагол СВ *последовать* составляет с НСВ *следовать* 1 видовую пару по Маслову (семантически здесь СВ инцептив от НСВ):

(2) Еще ребенком он *последовал* за отцом, которого сослали в Сибирь; За обозом чинно *последовали* женщины.

Нестандартность *следовать* как глагола движения состоит в том, что в его семантике не фиксирован способ движения: субъект может идти, как Грушницкий в примере (1); плыть (*Крейсер следовал за миноносцами*) или

⁹ Значений 'быть логическим следствием' и 'поступать согласно' мы здесь не рассматриваем.

¹⁰ Многие примеры в этом разделе — из МАС.

ехать. Глагол ставит акцент не на характере движения, а на его атрибуте, выражаемом предлогом *за*, что облегчает переход к стативной семантике¹¹.

следовать 2

Для этой лексемы исходной является форма СВ.

Х последовал за Y-ом = 'Х наступил после Y-а', где X и Y — отрезки времени или события, т.е. ситуации, занимающие отрезок/момент времени:

(3) Ночь *последовала* за днем без промежутка, как это бывает на юге (Лермонтов);

На «Гаврииле» показался огонь, за которым *последовал* взрыв;

За чаем *последовал* длинный и скучный вечер.

Парный НСВ *следовать* обозначает не действие, а соотношение; динамика остается только как таксономическая предпосылка об участниках X и Y; актуально-длительное значение невозможно, поскольку семантика СВ не включает процесса; для НСВ остаются только тривиальные значения — например, генерализованное: *За ночью следует день* — не 'сейчас' а 'за каждой ночью, вообще'.

следовать 3

Х следует за Y-ом = 'X и Y — составляющие некоторой последовательности (т.е. объекта, имеющего структуру однозначно упорядоченного ряда), и X занимает в этой последовательности место непосредственно позади Y-а'. Иначе говоря, *Х следует за Y-ом* = 'X располагается за Y-ом'. При этом X и Y не обязаны быть событиями, как при значении 2; это могут быть материальные объекты или объекты семиотической природы:

(4) В греческом алфавите буква *γ следует* непосредственно за *β*.

Ассертивным здесь становится компонент, который у *следовать 1* в presupпозиции — 'X находится позади Y-а'. В этом значении *следовать* выражает отношение порядка на двух объектах, которые не являются временными сущностями, т.е. речь идет о линейном расположении объектов, находящихся на одной прямой. Например, *следовать 3* может выражать относительное расположение слов в тексте: в норме текст — это последовательность. Динамический компонент утрачен теперь уже и в семантике X и Y. Именно в этом значении употреблено *следовать* в примере (5):

(5) В 2000 году за 28-м февраля *следует* 1-е марта.

Иное дело, когда X и Y стоят не в последовательности, а в ряду¹², по которому можно проходить в двух направлениях — туда и обратно. Так,

¹¹ Впрочем, этот самый важный компонент — 'после' — может утрачиваться, и тогда *следовать 1* значит просто 'перемещаться': *Корабль следовал в Кронштадт*.

¹² В математике *ряд* обозначает последовательность, что не соответствует значению слова *ряд* в обыденном языке.

следующая станция в ряду станций Камышинской ветки или лондонского метро будет разной, в зависимости от направления движения пассажира. В контексте ряда употребление *следовать* предполагает движущегося Наблюдателя, который самым фактом своего движения превращает ряд в однозначно упорядоченную последовательность. Примеры употребления *следовать* с движущимся Наблюдателем:

(6) За огородами *следовали* крестьянские избы; За этой первой комбинированной линией огня *следует* вторая заградительная.

В МАС *следовать* толкуется как 'располагаться, находиться непосредственно за чем-либо'; движущийся — актуально или узуально — Наблюдатель не упоминается. Между тем он для этого контекста обязателен: пространственное за — это дейктический предлог, и избы будут для Наблюдателя *за* или *перед* огородами в зависимости от актуального или узуального направления его движения. А во временном контексте *следовать* лишено дейктичности — направление на шкале времени задано однозначно.

Казалось бы, *следовать* 3 можно представить как полученное из *следовать* 1 за счет того, что движение субъекта переосмысливается как движение его взора, как в (7)¹³:

(7) Марья Ивановна, *следовавшая* глазами за всеми ее движениями, испугалась (Пушкин);

Старик <...>, *следуя* за взглядом Ковшова, повернул голову (МАС).

Однако в примере (7) *следовать* употреблено в значении 1, поскольку сохраняется предположение о том, что У пребывает в движении. Между тем у *следовать* 3 участник У статичен; так что *следовать* 3 имеет смысл возводить к *следовать* 2, а не к *следовать* 1.

Последовательность и ряд — это разные таксономические категории, ср. законное *прошел деревню из конца в конец*, где *деревня* — ряд, и у нее два конца (и два начала, по-итальянски *из конца в конец* — *da capo al capo*), и аномалию в строчке из Окуджавы *Из конца в конец апреля путь держу я* — у апреля один конец (и одно начало).

В силу однонаправленности движения времени *отложить* планируемое событие можно только на более поздний — более будущий — срок:

Если бы я следил за этой работой времени, я одумался бы и перестал *откладывать* исполнение своих желаний (Пастернак. Письма // Знамя, 1998, № 5),

тогда как *отложить* вещь (отодвинуть от себя) можно в любом направлении. Несколько иначе для *передвинуть*, *перенести*, см. Булыгина, Шмелев 1997: 374; однако у Пастернака в тех же письмах *передвинутое на десять лет* значит 'передвинутое вперед'.

¹³ Впрочем, по-русски лучше в этом случае сказать не *следовать*, а *следить*; английское *follow* более свободно в этом отношении.

Итак, шкала времени — это последовательность, и употребление *следовать* по отношению к ее элементам или частям не требует Наблюдателя (хотя и не исключает его): *следовать* 3 выражает статическое отношение — линейное расположение «пространственных» объектов.

Три значения *следовать* вместе взятые составляют типичную для русского глагола парадигму таксономических категорий. Лексема *следовать* 1 — это деятельность (тематический класс — глагол движения); у нее имеется парный СВ *последовать* 1. Далее, *следовать* 2 — это тривиальный НСВ от *последовать* 2 — происшествия; при этом (*но*) *следовать* 2 уже не относится к тематическому классу глаголов движения. Наконец, *следовать* 3 — это соотношение: как и у всех глаголов категории свойство/соотношение (таких, как *принадлежать*, *гласить*, см. Падучева 1996: 129), парного СВ у этой лексемы нет.

Чтобы убедиться в том, что набор таксономических категорий в семантической парадигме глагола *следовать* является типичным для русского глагола вообще, достаточно обратиться, например, к глаголу *закрывать*: *закрывать* 1 — это действие, с видовым коррелятом *заккрыть*; *закрывать* 2 — итератив от *заккрыть* 2 (как в примере *Он закрывл мне экран* = ‘заслонил’) — происшествие; и *закрывать* 3 — соотношение (*Крепость закрывает вход в ущелье*); последняя лексема не входит в видовую пару.

Итак, лексема *следовать* 3 употребляется с именами, обозначающими временные отрезки временной шкалы, и обозначает порядковое отношение между двумя смежными отрезками временной шкалы — в соответствии с Моделью 2, как в примере (5).

Глагол *предшествовать* имеет, по сравнению со *следовать*, дефектную парадигму семантических дериватов. Во-первых, свое исходное значение физического движения он в современном языке фактически утратил (*precede* в англо-русском словаре переводится чаще как *идет перед* или *находится/стоит перед*, а не как *предшествует*); его употребление в этом значении в (8) — сознательная архаизация:

(8) Когда курфюрст въехал на площадь, ему *предшествовали* двести рыцарей с обнаженными, на солнце сверкавшими саблями (Форш. Цит. по МАС).

Во-вторых, *предшествовать* не имеет парного СВ, поэтому значения происшествия (ср. *следовать* и *последовать* 2) у этого слова нет. Событийное значение выражается так наз. НСВ общефактическим:

(9) думала о <...> размолвке, *предшествовавшей* его [Григория] поездке в сотню.

Идея движения, выраженная корнем *шествовать*, в современном языке утрачена, так что *предшествовавшая* в (9) значит только ‘наступившая перед’.

Как и *следовать* 2, *предшествовать* 2 употребляется в контексте генерализации:

(10) крутящиеся ветерки, которые обыкновенно *предшествуют* грозе.

Значение 3, стативное, у *предшествовать* такое же, как у *следовать*:

(11) В греческом алфавите букве γ непосредственно *предшествует* β .

Выявленные стативные значения глаголов *следовать* и *предшествовать* позволяют объяснить, почему у причастий *следующий* и *предшествующий*, образованных от этих значений, особые отношения с грамматическим временем. Причастие наст. времени *следующий* (от *следовать* 3) употребляется в том числе и для обозначения соотношений между прошлыми событиями: причастия прош. времени от *следовать* 3 не существуют; слово *последующий* не является причастием от СВ *последовать*.

То же для *предшествующий*: если это причастие от *предшествовать* 2, то оно должно быть согласовано по времени с X-ом, см. форму прош. времени в (9); а у причастия от *предшествовать* 3 форма наст. употребляется и в значении прош.:

за *предшествующий* период; *предшествующие* поколения;

Понемногу в уме моем восстановились *предшествующие* обстоятельства (МАС).

Для слова *предыдущий* соответствующей формы прош. времени (**предшедший*) просто нет, форма наст. употребляется в значении прош.; поэтому в примере (7) из раздела III на *предыдущей* лекции = 'на лекции, которая шла перед данной'.

Наст. время причастия *следующий* может интерпретироваться в нарративном режиме — через текущий момент времени (*а на следующий день...*); но если оно понимается дейктически, то относит к будущему: *на следующей неделе* = 'на будущей неделе'.

5. Назад к древнерусскому

Вернемся теперь к древнерусским примерам. В свете сказанного ясно, что употребления, где *переднии* = 'прежний, прошлый', а *зadьнии* = 'будущий', соответствует Модели 2 (скалярное время): прилагательные обозначают зону шкалы; а употребления, где *переднии* = 'будущий', а *заднии* = 'прошлый', — Модели 1 (текущее время с вперёдсмотрящим Наблюдателем).

Таким образом,

переднии — 1) то, что впереди согласно Модели 1, т.е. будущее;

2) то, что относится к передней части шкалы времени,

Модель 2, т.е. прошлое.

zadьнии — 1) то, что позади согласно Модели 1, т.е. прошлое;

2) то, что относится к задней части шкалы времени, Мо-

дель 2, т.е. будущее.

При этом *переднии* в значении 'прошлый', производном от *впереди* и ориентированном на неподвижную шкалу времени, это статив. Семантика

этого употребления свободна от идеи движения. А *передний* в значении 'будущий' производно от *вперед* и ориентировано на Модель текущего — идущего — времени.

Современный язык концептуализует шкалу времени как бесконечную и допускает только указания об относительном расположении засечек на шкале, а не отсылку к ее передним или задним участкам. Так, в современном языке можно сказать *в первое время* только по отношению к выделенному конечному участку шкалы (например: *в первое время пребывания в Дубне, в первые дни месяца, в первые годы жизни*); т.е. *первый* значит 'начальный', если есть начало. А у наших предков «полная» шкала времени тоже имела начало и конец.

Следует сказать, что неоднозначная временная интерпретация слов со значением 'передний', 'задний' вовсе не является уникальной особенностью древнерусского языка. Вот как описывается в словаре Macdonell 1954 значение санскритского *pur-va*:

pur-va — being in the front [находящийся перед]; fore, fronting; being to the east of; preceding [предшествующий]; former, earlier; prior to, ancient, traditional, of the olden time.

Модели семантической деривации обнаруживают здесь свою универсальность.

Противопоставление динамической и статической модели времени позволяет объяснить многие факты современного русского языка. Почему, например, один и тот же корень *пред-* входит в состав слова *прежний* 'прошлый' и *предстоящий* 'будущий'? Простой ответ состоит в том, что *пред-* в *прежний* относится к передней части шкалы времени (Модель 2), а *пред-* в *предстоящий* — к тому будущему, которое стоит перед движущимся согласно Модели 1 Наблюдателем.

Итак, мы рассмотрели семантику ряда глаголов движения, употребляющихся во временном контексте, и показали, что в некоторых случаях там, где предполагались метафоры, раскрывающие языковую картину направления движения времени, на самом деле выражаются статические соотношения на временной шкале. Концепт слова *время* пополняют те слова, которые навязывают ему свои сочетаемостные предпосылки. Относительно слов *следовать*, *предшествовать* и их причастий мы показали, что они в контексте существительных, обозначающих отрезки времени, сами меняют свое значение — с динамического на стативное (что отражается в дефектности их видо-временной парадигмы). Тем самым наш анализ подтверждает предположение о том, что в русском языке наряду с динамическими, есть и статическая модель концептуализации времени, описывающая соотношение между его моментами и/или интервалами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
2. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986, с. 5—33.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация времени (парадоксы темпоральной ориентации). // Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
4. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
5. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
6. Кустова Г.И., Падучева Е.В. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания, 1994, № 4, с. 96—106.
7. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
8. Падучева Е.В. Семантика вины и контекстные сдвиги акцентов в толковании лексемы // НТИ, сер. 2, 1999а, № 10.
9. Падучева Е.В. Аспектуальные свойства глаголов с семантическим актантом Результат // Вопросы филологии, 1999б, № 3 (в печати).
10. Падучева Е.В. Пространство в облиии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка (в печати).
11. Падучева Е.В., Розина Р.И. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопросы языкознания, 1993, № 6.
12. Розина Р.И. Движение в физическом и ментальном пространстве // Наст. сб.
13. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания, 1996, № 4.
14. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964.
15. Щеглов Ю.К. Две группы слов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964, с. 50—66.
16. Янко Т.Е. Движение к худшему: глаголы движения в значении порчи // Наст. сб.
17. Kimball J. Get // Syntax and semantics. Vol. 2. N.Y., London, 1973.
18. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, London, Univ. of Chicago press, 1980.
19. Levin B., Rappaport M. Wiping the slate clean: a lexical semantic exploration // Cognition, 1991, 41, p. 123—151.
20. Macdonell A. A practical sanskrit dictionary. Oxford: Oxford university press, 1954.
21. Taylor J.R. Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory. Oxford: Clarendon press, 1989.
22. Vendler Z. Linguistics in Philosophy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1967.
23. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt: Atheneum, 1972.
24. Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. N.Y.: Oxford University Press, 1992.

ДВИЖЕНИЕ В ФИЗИЧЕСКОМ И МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

В цели данной работы не входит доказательство того, что в парадигму регулярной многозначности² глаголов движения входят ментальные значения. Это хорошо известный факт, о котором свидетельствует множество примеров — таких, как *Ко мне пришли гости — мысли пришли мне в голову; никого не допускать к себе — не допускать мысли о чем-то; мелькнула чья-то тень и исчезла — мысль мелькнула и исчезла; слезы бежали у нее по щекам — мысли бежали у нее в голове; я вернулся домой — мои мысли вернулись к пережитому и т.п.*³

Нас будут интересовать другие проблемы, возникающие в связи с наличием у глаголов движения регулярных ментальных значений: во-первых, какая концептуальная структура лежит в основе этой модели регулярной полисемии⁴ и, во-вторых, по каким лингвистическим правилам происходит переход от значения движения к ментальному значению.

1. Концептуальная основа

В Урысон 1997 было сделано наблюдение о том, что язык может представлять мысли как совершенно не зависящими от человека, так и частично контролируемыми им. Это полностью справедливо в отношении того, как процесс мышления описывается ментальными значениями глаголов движения.

Производные ментальные значения возникают у глаголов движения обеих основных таксономических категорий — у процессов и у действий. Ментальные значения, производные от глаголов процесса, изображают процесс мышления независимым от человека, а его самого — пассивным наблюдателем происходящего, ср.:

(1) Мне *пришли* в голову кое-какие новые мысли, которые могли бы показаться тебе интересными, и я охотно поделился бы ими с тобой (Булг.).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 99-04-02-62а) и ИНТАС (грант INTAS-96-0085).

² О понятии парадигмы регулярной многозначности см. Падучева 1998.

³ Ряд ментальных предикатов, производных от глаголов движения, приводится в работах Кобозева 1993 и Урысон 1997.

⁴ О концептуальных структурах как основе многозначности см. Розина 1999.

(2) Она [мысль] *улетела*, а тоска осталась необъясненной, ибо не могла же ее объяснить *мелькнувшая* как молния и тут же погасшая какая-то короткая другая мысль: «Бессмертие ... пришло бессмертие» (Булг.).

Ментальные значения, производные от глаголов действия, таких, как *прийти* (*пришел к выводу/оценке/мысли*), *дойти* (*до мысли*), *вернуться* (*к идее*), наследуют их акциональный компонент. Поэтому они представляют человека активным участником процесса мышления: он думает, рассуждает, как в примере (3), и контролирует свои мысли, как в примере (4):

(3) Переписываясь и разговаривая таким образом, они *дошли* до следующего рассуждения (Пушкин).

(4) Пилат *прогнал* эту мысль, и она улетела в одно мгновение, как и прилетела (Булг.).

В то же время и эти глаголы (в отличие, например, от таких, как *придумать* (*теорию*), *построить* (*гипотезу*), *сформулировать* (*идею*), *сочинить* (*симфонию*), приведенных в Булыгина—Шмелев 1997, представляющих мысль в широком смысле объектом создания) видят содержание мысли существующим независимо от человека. Таким образом, они сводят активность человека к сознательному направлению усилий на то, чтобы воспринять и сделать своей мыслью уже существующую идею (включить ее в свою личную сферу). В этом ментальные предикаты, производные от глаголов движения, сходны с производными от некоторых других глаголов — например, *открывать/открыть* (*теорию*) и *обнаруживать/обнаружить* (*особенности*). Как отмечается в Булыгина—Шмелев 1997: 165, глагол НСВ в данных парах не может выражать значения целенаправленной деятельности. Тем самым, человек в данной ситуации остается наблюдателем, пусть и активным, а в таком случае регулярная многозначность глаголов движения на деле связывает не движение и мышление, а движение и восприятие. Как кажется, следующий пример доказывает правомерность этого утверждения:

(6) Во всем мне хочется

Дойти до самой сути.

В работе, в поисках пути,

В сердечной смуте (Пастернак).

Суть («сердцевина») существует независимо от человека, и его усилия направлены на то, чтобы приблизиться к ней и воспринять ее — постичь. Кстати, сам глагол *постичь* тоже может служить примером связи между движением и восприятием, но уже в этимологическом плане: в своем основном значении это глагол ментального восприятия (*постигать* 'постепенно уяснять смысл', *постичь* 'уяснить смысл'), в синхронном плане непроеизводный; но исторически он образован от основы со значением движения — *стигать*, ср. праслав. **stignŋti*, *-*stigti*, связанное с *сте-*

зя, *стогна* 'площадь, улица' и родственное лит. *steĩgtis, steigiũos* 'торопиться, стараться' (Фасмер).

О существовании связи между движением и зрительным восприятием известно, и лежащая в ее основе концептуальная структура прозрачна: все, что появляется в поле зрительного восприятия, независимо от того, произошло это в результате перемещения, как в примере (5), или начала существования, как в (6), воспринимается как результат перемещения и описывается в терминах движения⁵:

(5) Голые женские тела поднимались между фрачными мужчинами. На Маргариту *наплывали* их смуглые, и белые, и цвета кофейного зерна, и вовсе черные тела (Булг.).

(6) На экран медленно *выплывали* цифры «1952».

Даже если что-то появилось в поле восприятия в результате устранения мешавшего восприятию препятствия, например, темноты⁶, как в примере (7), это все равно описывается в терминах движения:

(7) Между тем постепенно развидняется; уже различим оранжевый цвет абажура, низко висящего над столом, уже матово светится упитанный бок самовара, который стоит на печи, а сама печь *наплывает* из сумрака и *растет* (Пьецух).

Особенность ментальных предикатов, производных от глаголов движения, состоит в том, что они связывают движение не со зрительным восприятием чего-то внешнего, а с восприятием того, что происходит внутри человека в сфере сознания, ср. пример (8):

(8) Иные воспоминанья внезапно *выплывают* из мрака прошедшего (Тургенев, БАС).

Точнее будет сказать, что языку все равно, о внешней или о внутренней сфере восприятия идет речь, — во всяком случае, он плохо их различает. Это следует, прежде всего, из того, что глаголы зрительного восприятия регулярно описывают явления из сферы сознания, например, *видеть* (картину — проблему), *разбирать* (предметы в темноте — задачу), *рассматривать* (почтовую марку — возможность), *пересмотреть* (все фильмы — решение) и т.п., а во-вторых, из того, что явления из сферы сознания регулярно описываются как зрительно воспринимаемые образы, ср. (9), в частности световые, ср. (10):

(9) Однако в то же время неприятное облачко набежало на его душу, и тут же *мелькнула змейкой мысль* о том, что не прописался ли этот сердечный человек уже в квартире покойного (Булг.).

(10) ...мелькнувшая как молния и тут же *погасшая* какая-то короткая другая мысль: «Бессмертие ... пришло бессмертие» (Булг.).

⁵ Падучева 1997, Розина 1999.

⁶ О темноте как о препятствии для зрительного восприятия см. Падучева 1999.

Возможно, что это неразличение восприятия внешнего мира и мира сознания основано на представлении о том, что глаза могут поворачиваться зрачками внутрь, направляя взгляд в глубь человека⁷, ср.:

(11) Гамлет, перестань!

Ты повернул глаза зрачками в душу,

А там повсюду пятна черноты

(У.Шекспир, перевод Б.Пастернака).

(12) Он увидел лежащего на кровати, побледневшего и осунувшегося молодого человека, <...> с глазами, то обращающимися куда-то вдаль, поверх окружающего, то внутрь самого молодого человека (Булг.).

Ср. также:

(13) Это лишь казалось, будто взгляд ее устремлен на что-то внешнее, нет, она всматривалась в себя, в свое прошлое, несбывшееся, обладавшее над ней магической властью.

Для того, чтобы у глагола движения могло возникнуть производное ментальное значение, помимо прочих условий, необходимо, чтобы обязательным участником ситуации стал Субъект восприятия, или Эксперидент. Рассмотрим различные возможности вовлечения Эксперидента в ситуацию. Это и будут возможные пути перехода глагола от значения движения к ментальному значению. Возможно, что производные ментальные значения прольют некоторый свет на семантику исходных глаголов движения.

2. Языковые правила перехода от значения движения к ментальному значению

Начнем с наиболее очевидного случая — с действительных глаголов движения, то есть таких, в семантику которых Эксперидент в ранге За кадром⁸ — Наблюдатель — входит изначально, в их основных значениях. Пример такого глагола — *мелькнуть*.

мелькнуть

В число производных значений глагола *мелькнуть* входит ментальное, ср.:

(14) Тут только у наездницы *мелькнула* мысль о том, что она в этой суматохе забыла одеться (Булг.).

(15) И мысль о яде вдруг соблазнительно *мелькнула* в больной голове прокуратора (Булг.).

⁷ При этом воспринимается только то, что происходит в духовном мире человека; восприятие того, что происходит в физиологическом мире, описывается (и, значит, происходит) по-другому — ср.: *Он прислушивался к себе*.

⁸ О коммуникативных рангах участников см. Падучева 1998.

Х мелькнул у Y-а в Z-е =

до МН Y воспринимал: X не был в Z-е <презумпция>

в МН Y воспринимает: X есть в Z-е, а затем X-а нет в Z-е <ассерция>

в t > МН Y воспринимает: X-а нет в Z-е <имплицатив>

Говорящий изображает это как то, что Y видел движение X-а в Z-е

Наблюдатель — обязательный участник ситуации, описываемой основным значением *мелькнуть*, ср. (16) при недопустимости (17):

(16) Быстрые и бойкие шаги вниз; и вот *мелькнула* спина женщины (Булг.).

(17) **мелькнула* моя спина.

Здесь Наблюдатель неподвижен, а участник, занимающий центральную позицию синтаксического Субъекта, перемещается и попадает в поле восприятия Наблюдателя:

Х мелькнул =

в t < МН Y воспринимал: X-а нет в поле зрения Y-а <презумпция>

X двигался в направлении мимо Y-а <фон>

в МН Y воспринимает: X есть в поле зрения Y-а, затем

X-а нет в поле зрения Y-а <ассерция>

в t > МН Y воспринимает: X-а нет в поле зрения Y-а <имплицатив>

Перемещающимся может быть не участник в поле зрения Наблюдателя, а сам Наблюдатель, как в примере (18).

(18) Лошадь пошла галопом. Рядом *мелькнул* школьный двор, школьный сторож старик Габуня, притаившийся в кустах в ожидании разорителей школьного сада, *мелькнули* ребята, стоявшие в калитке их дома, соседские ребята у соседских калиток, *мелькали* прохожие (Искандер).

Тогда центральным участником становится Перцепт⁹, а Наблюдатель, который имеет дополнительную характеристику — активность, по-прежнему остается за кадром. Сам глагол *мелькнуть* при этом переходит в тематический класс восприятия. Такая полисемия, возникающая в результате сдвига признака 'активность' с одного участника на другого, типична для глаголов движения, ср. пример из стихотворения И.Бродского «Рождественский романс», где обыгрывается многозначность глагола *плыть*:

(19) *Плывет* в тоске необъяснимой

среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

⁹ Использовать термин Перцепт для обозначения роли воспринимающего Пациенса было предложено автору Е.В.Падучевой.

Вначале *плыть* интерпретируется как движение Субъекта-Агенса (кораблика), но пятая строка, в которой оказывается, что этот кораблик — фонарик, заставляет переинтерпретировать его значение: на самом деле движется Наблюдатель, а кораблик — Перцепт.

В основе ментального значения *мелькнуть* лежит именно первое значение с пассивным Наблюдателем. При переходе от значения движения к ментальному значению глагола *мелькнуть* происходит изменение коммуникативного статуса Наблюдателя: из участника За кадром (в дейктической рамке) он становится Периферийным участником, ср.: *Вдруг у него мелькнула странная мысль*.

По своей семантике глагол *мелькнуть* близок к глаголам *появиться* и *показаться*, в своих основных значениях также предполагающих Наблюдателя в дейктической рамке (Апресян 1995: 378, Падучева 1998). Однако при этом у *появиться* есть производное ментальное значение, близкое рассмотренному значению *мелькнуть*, ср. (20), а у *показаться* — нет, ср. (21) и (22):

(20) У Ивана *появились* новые соображения.

(21) *У Ивана *показались* новые соображения.

Но:

(22) Ивану *показалось*, что задача очень сложна.

Попытаемся ответить на вопрос, почему. В Падучева 1998 доказывалось, что хотя семантика обоих глаголов предполагает такого участника, как Локус, у *появиться* Локус — личное пространство говорящего, а у *показаться* — это дальнейшее пространство. Этого различия уже достаточно для ответа на наш вопрос. Глагол *появиться* может иметь значение восприятия мысли, так как поле сознания, в котором возникает мысль, принадлежит личному пространству Экспериента. У глагола *показаться*, хоть и есть производное перцептивное значение, но совсем другое — он обозначает восприятие Экспериемтом свойства Перцепта, находящегося во внешнем мире. К тому же у *показаться* есть пресуппозиция ‘существовало препятствие для восприятия’. Поэтому восприятие, которое обозначает *показаться* — неверное, как в (23):

(23) ...ему *показалось*, что над Ершалаимом засветились десять невиданных по размерам лампад (Булг.).

прийти

Переход от значения движения к ментальному значению в семантической структуре глагола *прийти* кажется более сложным, потому что Наблюдатель не является обязательным участником ситуации, описываемой основным значением *прийти*, в отличие от *мелькнуть*. Ср. (24), который показывает, что обязательные актанты *прийти* — Агенса и Место:

(24) Вчера вечером я *пришел* с покойным М.А.Берлиозом на Патриаршие пруды (Булг.).

Но если указание на Место в предложении отсутствует, в роли Места выступает дейктический центр, то есть то место, в которое помещает себя Наблюдатель — совпадающий либо с говорящим при речевом режиме интерпретации, как в (25), либо с тем, с чьей точки зрения ведется повествование при нарративном режиме¹⁰, как в (26) и (27):

(25) Кто там? Маша *пришла*!

(26) [Степа] условился, что Воланд придет к нему для уточнения деталей в десять часов утра сегодня... Вот Воланд и *пришел*! (Булг.)

(27) Придя, был встречен домоработницей Груней, которая объяснила, что сама она только что *пришла* (Булг.).

Таким образом, Наблюдатель является факультативным участником ситуации, описываемой *прийти*. Появление Наблюдателя в рамке в качестве факультативного участника при удалении указания на место — семантическая модификация достаточно общего характера. В частности, она имеет место в рамках одного значения наречий *вдалеке* и *вдали* (Апресян 1995: 640—641): при нереализованной второй валентности точкой отсчета расстояния до наблюдаемого объекта является место, в котором находится Наблюдатель; при реализованной второй валентности точка задается указанием места и положение Наблюдателя нерелевантно). Переход от основного значения движения *прийти* к производному ментальному в качестве одного из преобразований предполагает повышение статуса Наблюдателя от роли факультативного участника в дейктической рамке до Эксперимента в ранге Периферийного участника, ср. (28):

(28) Быть может, ей пришла мысль вить там гнездо (Булг.).

Сходным образом происходит переход от значения движения к ментальному значению у глагола *дойти*, ср. примеры (29)—(31):

(29) Немцы *дошли* до Москвы.

(30) Петя *дошел* последним.

(31) До меня постепенно *дошел* смысл ситуации.

и у целого ряда глаголов удаления (*уйти*, *убежать*, *улететь*, *удалиться*).

бежать

Бежать отличается от рассмотренных глаголов тем, что в своем основном значении ‘перемещаться определенным образом’ не предполагает Наблюдателя ни в качестве обязательного, ни в качестве факультативного участника. Возникает вопрос, какое значение этого глагола служит осно-

¹⁰ См. Апресян 1995: 632 о нарративном дейксисе, Падучева 1996: 13—14, 169 о речевых режимах.

вой для образования ментального. Ментальное значение *бежать* возможно только с множественным Субъектом, ср.:

(32) *Мысль *бежала* у него в голове.

(33) Мысли, которые *бежали* у него в голове, противоречили этому чувству счастья (Симонов).

Приведем толкование этого значения:

Мысли *бежали* в голове у Ивана.

Х-ы бежали в Z-е у Y-а.

до МН Y воспринимает: в Z-е нет X-ов

<презумпция>

в МН Y воспринимает: в Z-е есть x_i , затем

Y воспринимает: в Z-е нет x_i и в Z-е есть x_{ij} и т.д.

<ассерция>

Говорящий изображает это как то, что Y видел, что X-ы поочередно перемещались в Y-е.

Это дает основания предположить, что в том исходном значении движения, которое лежит в основе ментального значения *бежать*, Субъект множественный.

Рассмотрим несколько примеров:

(34) Из кухни в коридор уже *бежал* поток (Булг.).

(35) ...всюду пузырилось, вздувались волны, с крыш хлестало мимо труб, из подворотен *бежали* пенные потоки (Булг.).

(36) Кончались эти баталии одинаково: тетка Нюра, заплаканная, утирая концами головного платка неостановимо *бегущие слезы*, говорила...

В примере (35), где Субъект множественный, у *бежать* то же значение, что в примере (34) с единичным Субъектом — 'перемещаться сплошным потоком'. По аналогии с итеративным значением несовершенного вида можно назвать такое значение глагола во множественном числе тривиальным. В примере (36) у *бежать* другое значение: 'появляясь на какой-нибудь поверхности поочередно, перемещаться по ней и исчезать'. Ментальное значение образовано именно от него.

Однако и это значение не предполагает Наблюдателя в качестве участника какого-либо ранга, в то время как в ментальном значении *бежать*, так же, как в ментальных значениях других рассмотренных глаголов, Наблюдатель — обязательный периферийный участник, то есть Эксперидент. Остается предположить, что в данном случае до ранга периферийного участника повышается тривиальный Наблюдатель¹¹.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что Наблюдатель любого ранга легко становится периферийным участником в кадре — Эксперидентом. Для того чтобы это произошло, достаточно отсутствия «объективной» точки отсчета или реального места, на котором разворачиваются события — в данном случае они происходят в сознании Эксперидента.

¹¹ О тривиальном Наблюдателе см. Апресян 1997.

3. Аспектуальное поведение

Образование производного ментального значения у глагола движения сопровождается изменением аспектуального поведения. В Маслов 1948: 315 отмечается, что глагол *прийти* в значении движения, наряду с рядом других глаголов, обозначает факт точечного перехода к новому качеству, и потому невозможно сочетание с *постепенно*. В то же время в переносном значении это сочетание возможно, ср. *постепенно пришел к выводу*. То же относится и к глаголу *привести*, ср. *привести домой* — *постепенно привести к мысли*. Ниже мы попытаемся дать объяснение этим фактам, опираясь на анализ семантики производных ментальных значений глаголов движения, результаты которого были изложены в предыдущей части.

Сфера действия наречия *постепенно* в сочетании с глаголами СВ — результат действия/процесса, которые описывает глагол. Поэтому сочетание с *постепенно* возможно только для таких глаголов СВ, которые описывают действия или процессы, связанные с постепенным накоплением результата¹². При этом совершенно необязательно, чтобы у глагола СВ имелся парный глагол НСВ, имеющий актуально-длительное значение. Например, и *наполнить*, и *выкрасить* (глаголы из списка, приведенного в Маслов 1948: 313) описывают действия с постепенным накоплением результата (ср. *наполнил бассейн наполовину* и *выкрасил половину забора*) и сочетаются с *постепенно*, но у *наполнить* есть парный глагол НСВ *наполнять*, имеющий актуально-длительное значение, а у *покрасить* — нет (соответствующее значение действия в развитии выражается другим словом — *красить*).

Обратимся теперь к нашим глаголам. Цель действия, описываемого глаголом *прийти* в его основном значении, — перемещение в определенную точку, и результатом этого действия является то, что Субъект движения находится в ней. Этот результат никак не может быть накоплен постепенно — в точке либо находятся, либо нет, и поэтому сочетаемость с *постепенно* для *прийти* в значении движения исключена. В производном ментальном значении *прийти*, как уже говорилось, глагол восприятия. Глаголы восприятия могут описывать действия и процессы с накоплением результата, ср., например, *рассмотреть* и *проступить* в примерах (41) и (42):

(37) Я ее всю *рассмотрел*. Глаз у нее, как новая копейка, желтый и блестит, а клюв лиловый.

(38) *Проступили* очертания барж и пароходов у пристани (А.Н.Толстой, МАС).

¹² Ср. замечание Ю.С.Маслова о том, что каждая частица действия, описываемого таким глаголом, непосредственно отлагает в объекте соответствующую частицу результата (Маслов 1948: 311).

поэтому они сочетаются с наречием *постепенно* (*постепенно рассмотрел; постепенно проступают/проступили*). Естественное объяснение этой особенности глаголов восприятия — постепенное оформление образа воспринимаемого объекта в поле зрительного восприятия¹³.

Прийти в ментальном значении ведет себя в соответствии со своим тематическим классом — как глагол восприятия, для которого сочетаемость с *постепенно* совершенно нормальна. Так же ведут себя остальные производные ментальные предикаты, например, *дойти* (*до мысли*).

Здесь возможно возражение, заключающееся в том, что и непроизводные ментальные предикаты могут сочетаться с *постепенно* (например, *постепенно придумал новый сюжет*), а значит, не нужно обращаться к глаголам восприятия, чтобы объяснить сочетаемость ментального *прийти*, и само отнесение его к глаголам восприятия остается недоказанным. Но сходство производного ментального *прийти* и подобных ему предикатов с глаголами восприятия не ограничивается возможностью сочетаемости с наречием *постепенно*.

Прийти и *дойти* в ментальных значениях могут употребляться в двух конструкциях: 1) с Экспериментом в ранге центрального участника и Пациентом (Перцептом) — в ранге периферийного, например (39), и 2) с Перцептом в ранге центрального участника, а Экспериментом — периферийного, например (40):

(39) Я *пришел* к этой мысли не сразу.

(40) Эта мысль *пришла* ко мне не сразу.

Употребление в таких конструкциях характерно для глаголов восприятия, ср.: *Вижу* ворота имения — *виднеются* ворота имения; *слышу* песню — *слышится* песня и т.п.¹⁴. При этом если глагол описывает пассивное восприятие, он употребляется в обеих конструкциях, как *видеть* и *слышать*, а если активное — только в одной, как *рассматривать*; в конструкции с Перцептом-Субъектом ему соответствует другой глагол, ср.:

(41) Опершись локтями о песчаный бруствер, он *рассматривал* поле впереди.

(42) Поле *выглядело* неровным.

Прийти и *дойти* в рассматриваемых значениях ведут себя как глаголы пассивного восприятия. К тому же парные им глаголы НСВ в объективной диатезе, так же, как НСВ глаголов пассивного восприятия, могут иметь актуально-длительное значение, ср.:

(43) До меня постепенно *доходил* смысл происходящего.

(44) Ко мне медленно *приходило* осознание случившегося.

¹³ Здесь, как и всюду, речь идет не о реальном процессе восприятия, а о метафоре восприятия — о том, как восприятие изображается языком.

¹⁴ В рамках данной статьи мы игнорируем различия между возвратными и невозвратными глаголами.

и

- (45) Сквозь оконную марлю, выцветшую от стирки,
проступают ранки гвоздики и стрелки кирхи;
 вдалеке дребезжит трамвай, как во время оно,
 но никто не *сходит* больше у стадиона (Бродский).

Все это еще раз доказывает правомерность сделанного нами предположения о том, что наряду с другими ментальными глаголами, производными от глаголов движения, они являются не глаголами мышления, а глаголами ментального восприятия¹⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. Апресян Ю.Д. Лингвистическая терминология словаря // Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
4. Всеволодова М.В., Мадаени А. Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка). М., 1998.
5. Кобозева И.М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
6. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1948, т. 7, вып. 4, с. 303—316.
7. Падучева Е.В. О роли метонимии в концептуальных структурах // Диалог'99. Таруса, 1999.
8. Падучева Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // ВЯ, 1998, № 5.
9. Падучева Е.В. ПОЯВИТЬСЯ и ПОКАЗАТЬСЯ: о наблюдателе и его коммуникативном ранге // НТИ. Сер. 2. 1998, № 12.
10. Падучева Е.В. Родительный Субъекта в отрицательных предложениях: синтаксис или семантика // ВЯ, 1997, № 2, с. 101—116.
11. Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
12. Падучева Е.В. Тематическое выделение на уровне семантики и синтаксиса // Семантика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
13. Розина Р.И. Концептуальные структуры и языковые правила порождения значений: глаголы движения вниз // Язык, культура, гуманитарное знание. Сборник в честь Г.О.Винокура. М., 1999.
14. Урысон Е.В. МЫСЛЬ, ИДЕЯ // Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
15. Atkins B.T., Kegl J., Levin B. Anatomy of a verb entry: from linguistic theory to lexicographic practice // International journal of lexicography, vol. 1, № 2, p. 84—127.
16. Levin B. English verb classes and alternations: a preliminary investigation. Chicago; London: University of Chicago Press, 1993.

¹⁵ О связи характера диатез с принадлежностью глагола тематическому классу см. Atkins et al. 1988, Levin 1993.

ПОМЕХИ, ПРЕГРАДЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ В ФИЗИЧЕСКОМ, СОЦИАЛЬНОМ И МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Представление о препятствии занимает особое, выделенное место в ценностной картине мира. Оно связывает воедино большое количество разрозненных и разнородных явлений, объединяет их вокруг главного «элемента» — действующего субъекта, придает им аксиологический смысл и вводит их в круг операциональных понятий (ср. [18, 247—253]). Возникая как отражение и осознание явлений внешнего мира, оно воздействует на внутренний мир человека, влияет на его поведение, участвует в характеристике его действий и оценке его поступков. Всем этим свойствам представление о препятствии обязано своей связью с ключевым для человека концептом цели: *помешать* можно только тому, кто занят чем-то, имеет определенную *цель*, ср. *мешать работать/отдыхать/думать*, но **мешать ничего не делать/падать*. В результате само представление о препятствии оказывается антропоцентричным — субъектно-ориентированным, ценностным — аксиологически связанным, стратегическим — практически значимым и императивным — креативно заряженным.

Оно объединяет физический, социальный и ментальный мир человека, точнее, самые разнообразные понятия и смыслы, на первый взгляд не имеющие прямого отношения друг к другу, но при ближайшем рассмотрении оказывающиеся своеобразными аналогами: состоящими в тесном «семантическом контакте». Все это, в свою очередь, показывает, какую роль и значение в формировании понятия целенаправленной деятельности, а также в устройстве и функционировании языка, играет принцип аналогии — главный когнитивный механизм его развития и использования.

«Препятствие» и формирующие его смежные понятия

Целенаправленная деятельность концептуализируется в языке как движение *вперед*, *продвижение* к пункту назначения — наметенной *цели* в физическом, социальном или ментальном пространстве, ср. *продвинуться в освоении природных ресурсов, достигнуть взаимосоглашения/взаимопонимания/договоренности, прийти к заключению/выводу/мысли* (ср. [5, 18]). Все, что *встает* или *возникает* на пути, *пере-гор-аживает* его, *замедляет* или *мешает* ему, *осложняет*, *затрудняет* или *сдерживает*, оказывает со-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Института «Открытое общество», проект Research Support Scheme, грант № 462/1999.

противление, то, во что *упираются*, то, что *надвигается* и *нависает*, что *ограничивает* *возможности* и *свободу* (действия) и т.д., и потому требует дополнительных усилий, становится *помехой*, *преградой*, *препятствием*.

В результате слова *препятствия* — *помеха*, *преграда*, *барьер*, *препятствие* — имеют два круга употреблений: исходное, прямое, узкое, физическое, референтное — предметное, ср. *радиопомехи*, *водная преграда*, *звуковой барьер*, *спортивный бег с препятствиями*, и расширенное, производное, «мета-физическое» — предикативное, точнее, метапредикативное. В первом случае они обладают идентифицирующим, дескриптивным, специальным, «техническим» значением, во втором — характеризующим, квалифицирующим, оценочным, участвующим в концептуализации разнообразных предметных и не предметных сущностей. При этом сами слова *препятствия* обычно не используются, но их присутствие — «концептуальный след» — явственно проступает сквозь выражения *мешать*, *не давать* (*что-то делать*), *ограничивать*, *усложнять* и мн. др., формирующие саму идею *препятствования*; ср. также модель высказывания *Если бы не твоя/моя/его медлительность/лоспешность, то (все было бы хорошо); Хотя бы не было дождя/заторов/возражений*.

Таким образом, исходно, прототипически, *препятствие* обозначает естественно возникший на пути объект или явление, *преграждающие свободное* продвижение вперед, *затрудняющие* его или делающие *невозможным*, ср. название реки *Припять* от «припяти» — «препятствовать» (Фасмер). Перенесение представления о *препятствии* из физического, предметного, «естественного» мира в другие виды пространства значительно его обогатило, развило и придало ему концептуализирующий характер: «препятствие — это все то, что мешает достижению цели» — явно или неявно, прямо или косвенно, намеренно или случайно, реально, действительно или только в воображении.

Исходно важнейшим организующим началом, условием успешного продвижения к намеченной цели — пункту назначения, выступает зрительное восприятие: двигаясь, человек должен *смотреть* вперед и *видеть*, куда он идет и зачем, видеть перед собой — впереди — цель, к которой он *направляется* и *приближается* (представлять ее, «иметь в виду» и «не упускать из виду»), а также то, что *встречается* — *стоит* — на его пути. Так что все, что *ограничивает* видимость, кругозор, обзор и восприятие (ср. *пыль*, *дым*, *туман*, *тьма/потемки/темень*, *хоть глаза выколи*) — не только в прямом, но и в переносном смысле, также, аналогично, мешает достижению цели, ср. *темнить*, *пускать пыль в глаза*, *напустить туману*, *скрыть/завуалировать* и *утаить* (намерения), *прикрываться общими фразами*; *сбиться с пути (истинного)/свернуть на кривую дорожку, оступиться*; *не видеть дальше своего носа* vs. *ясно видеть/представлять (цель/трудности)*, *смотреть в лицо опасности/правде в глаза*.

Ключевыми при этом являются понятия пространства (ср. *ограничить*), восприятия (ситуации, ср. *споткнуться*) и направления (ср. *заблудиться*, *уйти в сторону*). Так, по аналогии с естественными препятствиями возникают искусственные — рукотворные — намеренно возводимые на чужом пути, ср. *овраг*, *гора*, *камнепад*, *ливень* vs. *ров*, *забор*, *замок*, *защитные сооружения*, *ограничивающие свободу действий*, способные предотвратить продвижение *вперед*: *положить ему конец*, *предел*, *край*, *рубеж*, *лимит*, ср. *преграда* — *ограда*, *ограждение*, *заграждение*, *граница*, *грань*, ср. *за гранью разумного*, *на грани провала*, *за пределами возможностей*, *дойти до ручки/до предела*, *предел терпению*.

Представление о препятствии тесно связано не только с понятием цели, но и с идеей его *преодоления*: преодоление препятствия — это условие достижения цели. При этом представление о том, что *мешает*, дополняется осознанием того, что *помогает*, *способствует*, то есть разбивает предметы и явления на те, что могут принести *вред*, и те, что способны принести *пользу*, а факт изобретения *орудий*, *инструментов*, *средств*, *способов*, *методов* — заранее, заведомо предназначенных для *расширения* человеческих возможностей в достижении цели, совмещает все три понятия, делает их аналогами, ассоциатами в описании целенаправленной деятельности в целом, структурирующими ее и упорядочивающими представление о ней.

Еще одним существенным представлением, с которым непосредственно связана идея препятствия и ее выражение в языке, является понятие *нормы* в самом широком смысле. Так, если на пути встречаются такие плохие и «вредные» вещи, как преграды и препятствия, то должны быть, наверное, и уравновешивающие их «хорошие». Однако в русском языке у понятия препятствия нет точного антонима, есть только более или менее близкие его аналоги: *опора*, *подспорье*, *поддержка*, *подмога*, *пособие*, *пособник*, *стимул*, *импульс*, *помощь* (в отличие, правда, от пары *препятствовать* vs. *способствовать*, ср. *способ*, который никак не антонимичен *препятствию*). Это, видимо, говорит о том, что в русском языке запечатлено оптимистичное представление о достижении цели: препятствия однозначно расцениваются как отрицательное явление, *нарушающее норму*, согласно которой цель достигается движением и приближением к ней, и где препятствия являются ненормативным явлением, «наносщим вред» и требующим *ответной реакции*, устанавливающей равновесие, симметрию и гармонию, а также дополнительных *усилий*: *завалы нужно разобрать*, *темные места — осветить*, *путь — проложить* и т.д.

Так что, несмотря на то, что всякое движение вперед встречает на своем пути многочисленные *помехи*: естественные и искусственные *барьеры*, явные и скрытые *препятствия*, *сталкивается с неожиданностями* или *непредвиденными* обстоятельствами, *тормозится* внешними или внутренними факторами и *сдерживается* субъективными или объектив-

ными явлениями и пр., — все они воспринимаются как «отклонения от нормы» (о понятии нормы см. [4, 3—9]). Соответственно, явления, которые концептуализируются в языке как реальные или потенциальные препятствия, описываются словами и выражениями, содержащими в своем значении «внутреннее», неявное, или явно выраженное отрицание. Их объединяет идея «нанесения вреда», воплощающаяся в таких «отрицательных» понятиях, как *отсутствие* или *недостаток*, *нехватка* необходимого (ресурсов, сил, средств: *маломощный*, *малосильный*, *малочисленный*, *малограмотный*, *малорослый*, *малодушие*), или *излишек* ненужного (*шум*, *грохот*, *потемки*, *скопление*), ср. смысл «слишком»: *слишком мало* (*не по плечу*, *не по зубам*, *выше чьих-либо сил* vs. *справиться*, *суметь*, *одолеть*) и *слишком много* (*лишнее*, *ненужное*, от чего нужно *избавиться*, что является *обузой*, *досаждает*, *надоедает*: *ненужный балласт*, *груз проблем*), в частности, *ограничение* (свободы действия, движения, возможностей, видимости, понимания, использования, ср. *шоры*, *пути*, *узкое место*, *подводные камни*, *гордиев узел* и пр.), а также разного рода «нарушения» порядка.

Так, *хаос*, *беспорядок*, *неразбериха*, *куча*, *груда*, *ворох*, *нагромождение* (*хлама*), (так что *сам черт ногу сломит*) — это *отсутствие* или *нарушение порядка* в расположении вещей, ср. *навести порядок*, *разложить по полочкам*, *расставить по своим местам*, а *суета*, *возня*, *кутерьма*, *суматоха*, *паника*, *толкотня* — беспорядочное движение, движение по кругу, по кривой или на месте — *отсутствие порядка* в движении, ср. *направить*, *упорядочить*, *нормализовать*, *регулировать* и пр. *Дыра*, *прореха*, *прокол*, *бреешь*, *пробоина*, *подомка* — это *изъяны*, *дефекты* или *неисправности*, препятствующие использованию объекта, вызывающие *нарушения* в работе и требующие *устранения*, так же, как и *остановки* и *ошибки* в работе: *сбой*, *заминка*, *загвоздка*, *недоработка*, *промах*, *оплошность*, *неполадки*, *перегибы*.

При этом *отсутствие* или *нарушение согласия* — *порядка* — в действиях людей характеризуется как *конфликт* (ср. *разногласия*, *разноголосица*, *разброд*, *разлад*, *ссора*, *скандал*, *грызня*, *склока*, *распри*, *раздоры*), а *согласованности* — как *разобщенность* или *неорганизованность* (*расходиться во взглядах/мнениях*, *идти вразрез*, *говорить на разных языках/о разных вещах*; *балаган*, *базар*, *вразброд*, *вразнобой*, *кто в лес, кто по дрова* vs. *идти в ногу*, *жить душа в душу*, *говорить в один голос*, *смотреть одними глазами*, *действовать сообща*, *заодно*, *в унисон*) и др.

Так что в социальном пространстве — в межличностных отношениях — идея препятствования дополняется осознанием присутствия «другого»: спутника, напарника, соратника, того, кто идет рядом или в другом — противоположном — направлении и потому имеет свои, отличные от других, цели, ср. *нам не по пути*, *пересечься*, *столкнуться с непо-*

ниманием, нарваться на отказ, что влечет столкновение интересов: сопротивление (ср. встретить сопротивление/в штыки), противопоставление и против-о-стояние — то, что направлено против кого-то, ср. плыть против течения vs. выступать против, идти против большинства, противиться, противник, напротив, вызов, протест; саботаж, бойкот и пр.). При этом интерпретация поведения, действий, поступков и высказываний другого носит ярко выраженный оценочный характер. Ненамеренное вмешательство в чужие дела характеризуется как неуместное или недостойное поведение: ср. подвести под монастырь, перепутать все карты, выбить почву из-под ног, перейти/перебежать дорогу, подрезать крылья, вскружить голову, прервать на полуслове, вклиниться в разговор, лезть не в свое дело, мозолить глаза, пятак спица в колеснице, как банный лист — назойливость, надоедливость vs. отделаться, освободиться, отвязаться, спастись (от надоедливого посетителя). Оно противопоставляется намеренному вмешательству, квалифицируемому как аморальное: чинить препятствия, лишить возможности, строить козни, ставить рога/препоны, плести сети/интриги, вставлять палки в колеса, рыть другому яму, связать по рукам и ногам, подставить ножку, стоять поперек пути, не давать ходу/проходу/шагу ступить vs. предоставить свободу действий, дать возможность, поощрять, посредничать, ходатайствовать, поддержать, подсобить, сыграть на руку, обрести почву под ногами. Особо выделены неискренность, обман, ложь, искажающие действительность и истинное положение вещей и потому дезориентирующие, вводящие в заблуждение, ср. водить за нос, притворяться vs. разоблачить (обман), уличить (во лжи), вывести на чистую воду и т.д. (подробнее см. [16]).

Таким образом, в социальной сфере представление о намеренности, контролируемости действия и поступка дало импульс для развития идеи *препятствования поведению*, наносящему вред (урон) другому человеку — в виде социальных правил поведения. Они воплотились в идее закона и смежных понятиях: право, обязанность, предписание, договор, уговор; совесть, мораль, этика и др. Они ограничивают, регламентируют, направляют межличностные отношения, ср. закон не дает / не разрешает, совесть/воспитание не позволяет; устанавливают границы дозволенного — разрешения и запреты — то, что нельзя нарушать, «преодолевать», игнорировать, чего следует придерживаться и чем следует руководствоваться и преступление которых наказуемо: подлежит юридическому, моральному или этическому осуждению или даже каре, ср. [6]. Это своего рода социальные препятствия; создаваемые обществом: они конвенциональны, основаны на условностях, договоренностях и социальных нормах в отношениях между обществом и гражданином — субъектами официальных отношений. Устанавливая пределы допустимого, общество ограждает

ет себя и своих членов от ущерба, который могут нанести действия индивида, преследующего свою личную (корыстную) цель.

Идея преодоления препятствия дополняется идеей возведения препятствия — на пути «плохого явления», *воспрепятствования* тому, что нежелательно, пагубно и пр. Она становится источником формирования особых видов социальной деятельности «против» чего-либо, направленных на «уничтожение» (предотвращение, прекращение и пр.) разного рода отрицательных факторов, обстоятельств и пр., ср. *пресечь посягательства (поползновения), положить конец (насилию), покончить с приписками, избавиться от вредной привычки, бороться с недостатками, искоренять/изживать бюрократизм, прекратить преследования, предотвратить утечку информации, ликвидировать задолженность, уничтожить/истребить/вывести вредителей, снять боль, запретить, вытравить*, ср. *выжигать каленым железом*. Такое преодоление или возведение «препятствий» может стать самостоятельной, постоянной целенаправленной деятельностью, приносящей пользу, и, в свою очередь, превратиться в борьбу или битву, ср. *борьба за урожай/с преступностью, победить недуг*, а если борьба идет не на жизнь, а на смерть, то она становится войной, Magn (преодоление препятствий) — *борьба, Magn (борьба) — война, Magn (препятствие) — враг*.

В ментальном пространстве конкретизация и развитие представления о препятствии происходит в процессе установления того, что порождает непонимание, вызывает неясность, влечет ошибки и искажения в восприятии, рассуждении и изложении; того, что заводит в «дебри», в тупик, в сторону или направляет по ложному пути: *путаница и неразбериха (запутаться, запутанный вопрос, путаные объяснения, скомканное/бессвязное/бессистемное изложение, (порочный) круг в рассуждениях, клубок мыслей/проблем, громоздкие аргументы, неясность, непоследовательность, заблуждение, ошибки в расчетах/вычислениях, обман, ложь, вымысел, дезинформация, исказить смысл, темнить, напустить туману), хаос и отсутствие смысла (абсурд, белиберда, абракадабра, ахинея, нелепость, городить/плести вздор (чепуху/чушь/околесицу), бессмысленный набор слов, сумбур/мешанина в голове, вывих в мозгах), недостаток ресурсов (пробел/лакуна (в знаниях, ср. восполнить пробел), неведение, незнание, невежество, неизвестность; винтиков в голове не хватает, без царя в голове, куриная/короткая память, провал памяти), то, что требует решения, устранения, прояснения, выяснения, упорядочения или какой-то другой ответной реакции: вопрос [14, 71], загадка, задача, головоломка, парадокс, проблема, противоречие, коллизия, ср. стоять перед сложной дилеммой, в голове не укладывается, поскольку сбиться и сбить можно не только с дороги, но и в счете, ср. сбивчивый ответ, сбить с толку*.

В результате происходит осознание амбивалентности препятствий: то, что возникает на пути к своей цели vs. то, что можно возвести на пути к чужой цели, то есть отношение к явлению зависит от того, кто его оценивает, от субъекта оценки. Слова препятствия (*помеха, преграда, препятствие, барьер*), в силу того, что они предикативны и оценочны, являются еще относительными и ситуативными, и потому субъективными, «субъектными», причем настолько, что теоретически любой объект или явление могут быть концептуализированы — представлены, поданы, описаны, заявлены — как препятствие (достаточно найти в них какой-то дефект). Кроме того, то, что мешает одному, может помочь другому; а то, что в одной ситуации *вредит*, в другой может оказаться *полезным*, ср. *воспользоваться неразберихой; художественный беспорядок*.

Так, то, что для идущего в одном направлении — преграда, для идущего в другом или противоположном направлении может оказаться благоприятствующим обстоятельством: то, что для меня — *встречный ветер*, для другого — *попутный*, а для того, кто сидит дома и смотрит в окно, он всего лишь внешнее и не влияющее на его «деятельность» явление. Кроме того, есть люди, для которых «ветер в лицо, а им приятно», и то, что мешает одному, может быть даже не замечено другим. То, что для одного — *непосильный груз, гнет, обуза, бремя, ярмо, хомут*, для другого — *приятный долг. Каменная стена* — символ непреодолимой преграды — для одного, и самого надежного ограждения — для другого, ср. *дождь/лес/горы стеной, стать стеной, стена непонимания, стенка на стенку, камень преткновения* vs. *как за каменной стеной, отгородиться китайской стеной* «полностью обособиться», *каменное лицо* «непроницаемое». Получается, как у счастливого человека: *счастливый* — это тот, кто *считает* себя счастливым, ср. *не было бы счастья, да несчастье помогло*. Соответственно, препятствие — это то, что данный конкретный человек в данной конкретной ситуации сам *считает* (или ощущает) препятствием на своем собственном пути к достижению данной конкретной, им самим поставленной цели. При этом важно не только осознать, что нечто мешает, но и идентифицировать, что именно.

Препятствие как явление и как представление

Препятствия играют исключительную роль в жизни человека. С одной стороны, они мешают достижению цели, с другой — позволяют осознать их место в процессе целенаправленной деятельности. В результате препятствия и их осознание — в виде представления — оказываются двумя резко противопоставленными сущностями. Препятствия деструктивны, представление о препятствии конструктивно: оно позволяет по-новому взглянуть на внешний и внутренний мир человека.

Препятствия активны: они *встают* на пути, даже если это лежащее поперек дороги бревно, они *возникают*, с ними *сталкиваются*, ср. *нарваться на неприятности*. Они *наносят урон* нормальному передвижению и продвижению вперед. Это дополнительный, *усложняющий* ситуацию фактор, *воздействующий* на нее и на субъекта действия, *затрудняющий* достижение цели, *отодвигающий* ее и способный сделать ее *недостижимой*. Но, в отличие от цели, препятствие самостоятельно, неподвластно субъекту, похоже на *нужду* и потому каузально¹: оно определяет ситуацию и контролирует ее, а само не поддается или плохо поддается контролю, *диктует условия* и *управляет* поведением, *вынуждает* действовать вопреки или помимо воли и ограничивает «по своему усмотрению» человеческие возможности.

Препятствия входят в прозу жизни, постоянно напоминая, что жизненный путь не усеян розами: *невзгоды, неприятности, тяготы, трудности, сложности, напасти* — все, что *наваливается*, *не дает* вздохнуть или закончить начатое, *мешает* осуществить задуманное или *рушит* планы, что *нужно снести, вынести, перенести, пережить* или *преодолеть*, с чем приходится *мириться* и что *вынуждает отказаться* от заветной мечты или превращает *заоблачные мечты* в *химеру*, вызывает горечь и разочарование. Встреча с препятствием воздействует на эмоциональную сферу человека, на его внутреннее состояние, и порождает отрицательную психологическую реакцию — переживание: стресс, шок, страх, неуверенность, сомнение, раздражение, отчаяние и пр., ср.: *Римский без содрогания не мог подумать о том, что ему придется сейчас идти одному по пустым коридорам. ... Увидев, что... перед ним сомкнулась цепь, он сделал наивную попытку ... прорваться между солдатами к ... месту казни... За это он получил тяжелый удар тупым концом копья в грудь и отскочил от солдат, вскрикнув, но не от боли, а от отчаяния* (примеры из Булгакова).

«Движение вперед» замедляется или прекращается, человек испытывает качественно новое состояние: ощущает себя *на распутье* и уже готов *пойти на попятную, повернуть назад, в сторону, распрощаться с задуманным, поставить крест и махнуть на все рукой*, ср.: *Солнце сожгло толпу и погнало ее обратно в Еришалаим*. Постоянный эпитет у преград и препятствий не случайно *неодолимые, непреодолимые и неустрашимые*, он звучит как приговор, означающий крушение надежд, ср.: *Иван почувствовал, что обессилел, что с заявлением ему не совладать, не стал поднимать разлетевшихся листков и горько заплакал*.

¹ Ср.: "The word *caused*, usually thought of as a neutral word, can be demonstrated to have predominantly negative associations as it is found to collocate with many unpleasant things, such as *damage, disruption, distortion, distress, death, delay, controversy, diarrhea, wounds, accidents, hardship*, etc." [19, 245].

«Усилительные» эпитеты для цели — почти те же, что и для мечты: великая, главная, грандиозная, высокая — дерзкая, дерзновенная, желанная, заветная, заманчивая, сокровенная — невыполнимая, несбыточная, фантастическая, что сближает их и подчеркивает их связь. Чем выше и дальше цель, тем больше она похожа на мечту, тем труднее ее осуществить, тем более преград и препятствий встретится на пути к ней. Мечта далеко не всегда становится реальностью, и именно наличие преград заставляет квалифицировать ее сумасбродной, несбыточной, неосуществимой (ср. [13]). Непреодолимая преграда превращает возможный будущий мир мечты в настоящий невозможный мир, в мир неосуществимых и неосуществленных надежд. Не случайно «мечтатель» и «не от мира сего» — почти синонимы.

Препятствия — это не обязательно материальный объект или предмет, на них не написано: «Я мешаю», чаще они неявны и ненаблюдаемы, и чтобы их преодолеть, нужно сначала «разглядеть», понять, осознать, идентифицировать, «назвать» то, что мешает, стоит на пути к достижению цели, и задаться вопросом «Что препятствует? Что это?», ср.: Почему, собственно, я так разволновался из-за того, что Берлиоз попал под трамвай? — рассуждал поэт. В конечном счете, ну его в болото... И далее, граждане ... разберемся вот в чем: чего это я, объясните, взбесился на этого загадочного консультанта?... К чему вся нелепая погоня за ним в подштанниках и со свечой в руках, а затем и дикая петрушка в ресторане?... И вместо того, чтобы поднимать глупейшую бузу на Патриарших, не умнее ли было бы вежливо расспросить о том, что было далее с Пилатом...? — Так кто же я такой выхожу в этом случае? — Дурак! — отчетливо сказал где-то бас.

Преграда может возникнуть в виде опасности, и тогда требуется осторожность, в виде угрозы, и тогда нужна защита, в виде «узкого места», и тогда нужна ловкость, сноровка и сообразительность. Один из «выходов» — освободиться от ненужного: выбросить из головы, скинуть с плеч. От опасности надо спасаться; укрыться, закрыться, оградиться — как от вредного воздействия, ср. крыша, прикрытие, укрытие, навес, завеса. Но для этого нужно сначала увидеть, почувствовать — «представить», составить представление о том, что мешает. Осознание препятствия позволяет по-новому взглянуть на ситуацию: ведь оно может не просто мешать достижению цели, но и стать причиной ее недостижения. Оно становится условием ее достижения и потому смещает фокус внимания и центр усилий на себя и само становится целью: с ним нельзя не считаться, оно вынуждает реагировать на него. Оно порождает новую цель — поиск путей его преодоления. Оно требует перестройки намерений и планов, поведения и способов действия, ср.: Намучившись с этими двумя Берлиозами, Иван все зачеркнул и решил начать с чего-то очень сильного.

Преодоление преграды требует специальных — других, и главное — дополнительных, более серьезных усилий, повышенного физического напряжения, отличного от прямого продвижения; рационального, практического подхода и особых умственных операций: осознания ее и создаваемой ею проблемной ситуации, поиска путей ее преодоления и постановки главного вопроса — о ценностях: *А стоит ли овчинка выделки?* Он влечет трезвый расчет, оценку ресурсов, сил, средств, возможностей, шансов, степени риска и его «стоимости»; чем «выше» преграда, тем больше она требует жертв: к звездам можно попасть только через тернии. Но жертвы должны быть оправданными, ср.: *Ради красного словца не пожалеет и родного отца*. Происходит переоценка ценностей: цель может измениться, изменятся и направление — путь к ее достижению, ср. *уточнить цель — отказаться от задуманного*, ср.: — *Да ведь он тут черт знает чего натворит!* *Кажись, надо его надо изловить?*... — *Вы уже попробовали, и будет с вас*, — иронически отозвался гость, — и другим пробовать не советую. Хотя и говорят попытка — не пытка, между ними много общего. Не случайно попытки могут быть напрасными, тщетными, безрезультатными, безуспешными, бесплодными, бесполезными, ср.: *Все попытки пробить стену молчания оказались тщетными* (пример из [3]). Попытки поэта сочинить заявление насчет страшиного консультанта не привели ни к чему.

Представление о препятствии позволяет также осознать, что самые большие препятствия человек создает себе сам. Ими становятся, в первую очередь, внутренние состояния, чувства, мысли и помыслы, намерения и страсти, установки и склонности, отклоняющиеся от нормы: *недостатки, пороки и дурные привычки*, которые часто сами конфликтуют друг с другом и с которыми приходится постоянно бороться, которые необходимо преодолевать или от которых, как от пут, важно освободиться, чтобы достичь желаемого, ср. *ощутить беспомощность/неспособность/страх vs. пересилить/превозмогнуть/преодолеть смущение (отвращение), одолеть/побороть замешательство (слабость, усталость, лень), обуздать желание/страсть; освободиться от мыслей (иллюзий, предрассудков)*. Показательно, что помехой может стать как самоуверенность, торопливость, поспешность, так и нерешительность, неуверенность, нерасторопность, медлительность, слабование, безответственность, небрежность, непрактичность, рассеянность и т.п., ср. *сделать что-либо по глупости/недоразумению/незнанию/неопытности*. Непреодолимым барьером, препятствием, преградой может стать влечение, желание, искушение, любопытство, отвращение, презрение, скука, смущение, стремление, тяга, упрямство [17, 173] и вообще любое другое сильное чувство. Концептуализируя свои внутренние состояния как препятствие и тем самым сознавая и оценивая их, человек получает дополнительную возможность самопознания и самоконтроля, ср. *перебороть, одолеть, подавить, укротить, победить, унять (дрожь), сладить, совладать, отогнать, прогнать, стряхнуть (сон), заглушить (боль), устоять (перед соблазном), сопротивляться, крепиться, перемогаться, сдерживать (возмущение) — «установить контроль», самообладание, выдержка vs. поддаваться, давать волю, распускаться, необузданный, неводержанный*.

Представление о препятствии не просто соприкасается с логическими категориями причины и условия, но и наполняет их конкретным содержанием.

ем, ср.: так обрадовался/испугался/удивился/задумался, что забыл сказать; причинять вред/беспокойство/неудобства. Так, главная особенность препятствий — в том, что это своего рода «антиинструмент», «инструмент наоборот», он не помогает, а препятствует. Но осознание препятствия становится своего рода стимулом: к поиску, творчеству, креативному поведению. Чтобы понять, что мешает, нужно задуматься, проанализировать ситуацию, выделить, идентифицировать, назвать и оценить то, что препятствует, и переориентировать свою деятельность. В этом проспективность представления о препятствии: чтобы нечто преодолеть, необходимо найти способ, как это сделать, придумать выход, изобрести инструмент — определить условие достижения цели. В результате человек научился использовать не только подручные средства и дальние силы (ср. угрозу «все маме расскажу» или «милицию вызову»), изобрел множество инструментов, приспособлений и устройств, но и развил находчивость, изобретательность (ср. хитрость, коварство, вероломство), позволяющие, в частности, обернуть проблемную ситуацию в свою пользу, ср. воспользоваться («выбрать (текущий момент) как наиболее благоприятный для совершения действия» [3, 155]) ситуацией/моментом/случаем/возможностью/заминкой/отсутствием/присутствием/темнотой/светом/туманом/неразберихой/замешательством/смущением/растерянностью/нерешительностью (к.-л.), ср. шантаж, вымогательство, лезть, под шумок, под покровом ночи, ср. упустить (из рук) возможность/момент.

Проспективность представления о препятствии проявляется также в том, что оно указывает на необходимость предвосхищения будущего и по возможности его контроля: чтобы избежать зла, защититься от вероятного ущерба, заранее, «наперед» приготовиться к возможным проблемам и пр., ведь будущее приносит не только сюрпризы и неожиданности, но чаще всего непредвиденные осложнения, иногда непоправимые. Попытаться предотвратить их или хотя бы к ним подготовиться — значит уже наполовину их преодолеть. Осознавая это, человек научился колдовать и загадывать, гадать и предугадывать (ср. примета, талисман, оберег, заговор), предсказывать и предвидеть, планировать и прогнозировать (см. [15]) и понял, что собственный, часто горький, опыт — самый надежный учитель, доказавший, что не зная броду, нечего лезть в воду.

Представление о препятствии позволяет производить ретроспективный анализ ситуации — деятельности и ее результата. Он выполняется постфактум, тогда, когда цель далась слишком большой ценой или вовсе не достигнута (ср.: Не рад, что ввязался в это дело), или когда результат оказывается отличным от задуманного, часто не в лучшую сторону, ср.: Римский постарался изобразить на лице улыбку, отчего оно сделалось кислым и злым. Преграды всегда конкретны, но не всегда явны и очевидны: не всегда можно точно сказать или понять, почему не удалось достичь цели, что помешало, чего не хватило, в чем ошибка. Поэтому часто осознание преграды — это результат ретроспективной рефлексии над ситуаци-

ей: взгляд назад превращает преграду в причину неудачи, провала, краха, поражения и пр., ср.: *Причина отчаяния Левия заключалась в той страшной неудаче, что постигла Иешуа и его, и, кроме того, в той тяжелой ошибке, которую он, Левий, по его мнению, совершил.*

Ретроспективность важна и для анализа ошибок — чтобы извлечь из них урок, и как самопсихотерапия. Психологически человеку свойственно искать себе *оправдание* и связывать свои неудачи с воздействием внешних сил: *винить* обстоятельства или *упрекать* ближнего и *обвинять* его в собственных промахах, *сваливать свою вину* (как ношу) *на других, с большой головы на здоровую*. Это помогает, как ни странно, сохранять внутреннее равновесие и позволяет не *впадать в отчаяние*, дает пищу для размышлений над превратностями судьбы и возможность списывать на нее свои ошибки: *не судьба, не дано, выше головы не прыгнешь, плетью обуха не перешибешь, сила солому ломит.*

Представление о препятствии участвует также в формировании философского осмысления жизни: вынуждает задумываться о ней и происходящих в ней перипетиях. Если бы не было преград, человек добивался бы всего, чего хотел. Осознав это и вложив в свое представление о препятствии, человек понял, что учат здравому смыслу, уму-разуму, мудрости и философии жизни не радости, удачи и удовольствия, а *трудности, неудачи, препятствия и ошибки*. Именно из них извлекается урок. Не обязательно стремиться к заветной цели во что бы то ни стало: нужно уметь вовремя *остановиться*, проанализировать происходящее и, возможно, *отказаться* от задуманного, *одуматься, передумать* или сделать новый выбор: остановиться на синице в руках, а не на журавле в небе, а не *упрямо и напролом* рваться туда, где осознание потерь омрачит радость победы, которая может оказаться пирровой, или вовсе ее затмит. Или напротив: не всякая преграда непреодолима, и ее преодоление начинается с «преодоления себя»: растерянности или мистического страха перед ней; не зря говорят *смелость города берет*.

Таким образом, препятствия деструктивны: активны, модальны, каузальны; они заставляют действовать «в усиленном режиме» или вынуждают бездействовать. Представление о препятствии, напротив, креативно, рационально, императивно и потому конструктивно: помогает ориентироваться в мире и осознавать свои возможности, *побуждает/вынуждает* изменять тактику, вносить коррективы и изменения в движение и планы. Возникая как внешний сдерживающий фактор, препятствия вторгаются в жизнь человека и воздействуют на его внутренний — психологический, эмоциональный и ментальный мир — создают «внутреннюю» проблемную ситуацию, проверяя его способности, заставляя его изменять мир внешний и изменяться самому, становясь импульсом, стимулом, каузатором многих новых для него «движений», требуя напряжения не только физических, но и душевных сил, ср. *психологический барьер, запастись терпением, со-*

*брать нервы в кулак: В десять же, совершив над собою форменное **насилие**, Римский снял трубку с аппарата.* В результате представление о препятствии оказывается важным для характеристики субъекта деятельности: его поступков и свойств его личности.

Представление о препятствии вносит в сложную жизненную ситуацию трезвый реализм, заставляет *спуститься с небес на землю, снять розовые очки, рассеивает иллюзии*, помогает понять свои слабости, реально оценить свои возможности и соотнести их со своими желаниями и в результате часто *сдерживать* их — контролировать, ср.: *чтобы жизнь медом не казалась*. Осознание препятствия перерождает ситуацию и переводит ее в качественно новую форму: из эмоциональной она превращается в рациональную — ментальную, интеллектуальную. Креативность представления о препятствии в том, что оно указывает на наличие «проблемного пространства», из которого требуется «изобрести» выход, и потому диктует необходимость *обдумывания и поиска решения*, ср.: *Положение финдиректора <Римского> было очень **трудным**. Требовалось тут же, не сходя с места, изобрести обыкновенные объяснения явлений необыкновенных*. В результате человек должен проявить инициативу: оценить ситуацию и сделать **выбор** (ср. [11]).

Субъект действия и его психологический портрет

Выбор — одна из самых психологически трудных для человека ментальных операций, не случайно чаще всего он бывает *мучительным*, в первую очередь потому, что имеет практические последствия, часто непредвиденные, ср.: *Иван <Бездомный> стал обдумывать положение. Перед ним было три пути... Чрезвычайно соблазнял первый: кинуться на эти лампы и замысловатые вещицы и всех их к чертовой бабушке перебить... Был второй: немедленно начать повествование о консультанте и Понтии Пилате. Однако вчерашний опыт показал, что этому рассказу не верят... Иван **избрал** третий*. Поиск и выбор выхода из ситуации может оказаться вдвойне драматичным: *легкий и обходной путь* проще и безопаснее, он, вполне вероятно, приведет к цели, но он предосудителен. Прямой путь (ср. *проложить дорогу*) всегда труднее и не гарантирует успеха. Выбор пути и тем самым преодоление страха перед преградами как ничто другое формирует личность и заставляет *проявить характер*, ср.: *Замыкалась процессия солдатской цепью, а за нею уже шло около двух тысяч любопытных, **не испугавшихся** адской жары и желавших присутствовать при интересном зрелище*.

Как говорят психологи, «идеальных условий для деятельности не бывает никогда. Чаще всего имеют место внутренние или внешние помехи, которые нормальное активное состояние могут значительно изменить,

превратив его в трудное» [8, 105]. Реакция на сложную ситуацию может быть активной или пассивной, креативной или паллиативной: ср. *укрыться от дождя — переждать непогоду*. Она проявляет свойства личности, внутренний мир человека и его характер, с одной стороны, а с другой — формирует их. В зависимости от средств, которые субъект использует для достижения своих целей, можно судить о его личных качествах: одни *ждут у моря погоды* или *прячутся за чужую спину*, а другие — *сами делают погоду и смотрят в лицо опасности*. Игнорируют препятствия, превращают их в «обстановку», фон, в несущественные обстоятельства люди особого склада, ср. *идти напролом/наугад/по головам, не остановиться ни перед чем, не постоять за ценюй*. Хитроумные, изобретательные, находчивые — обычно не унывают, дальновидные и предусмотрительные осторожны и внимательны, особенно на поворотах, и практически готовятся к предстоящим трудностям, ср. *запастись материалами/терпением/знаниями, а легкомысленные, беспечные, беззаботные — надеются на авось да как-нибудь, ведут себя опрометчиво или безалаберно*. Одни упорны, напористы, настойчивы, решительны или упрямы и добиваются своего вопреки, наперекор, несмотря на обстоятельства, ср. *воля к победе*, а другие слабохарактерны: *пасуют перед трудностями, опускают руки* или *крылья и вешают нос* или *голоу и падают духом*. Одни плывут против течения, а другие предпочитают — *по течению* или *идти по накатанной дорожке* и *по пути наименьшего сопротивления*. Кто-то *чит* закон, а кто-то его *обходит* и вообще готов *свернуть на кривую дорожку*.

Тот, кто *потерпел крах/провал/фиаско/поражение/неудачу, засыпался/провалился с треском* на экзамене, *обанкротился, выбит из колеи* или просто *сел в лужу / наломал дров*, тяжело переживает свое положение. Неудачи, потери и чрезмерные усилия могут сломать человека, «укатать», как *сивку — крутые горки*, и даже *толкают в пропасть*, ср.: *И я вышел в жизнь, держа роман в руках, — прошептал мастер и поник головой... Я впервые попал в мир литературы, но теперь, когда все уже кончилось и гибель моя налицо, вспоминаю о нем с ужасом* (ср. [7]). Но и тот, кто *усложняет* реальный мир малореальными преградами (ср.: *ломиться в открытую дверь*) и из всего *делает трагедию*, наживает комплексы, переводящие внутреннее психологическое состояние — *закомплексованность*, из практической сферы в клиническую — *медицинскую*, ср.: *обжегшись на молоке, дует на воду*.

Так что представление о препятствии не просто предполагает наличие субъекта целенаправленной деятельности, но еще и порождает целостное представление о нем — его психологический портрет, ср. *отчаяться, унывать, вывести из равновесия* vs. *добиваться, стараться, пытаться, силиться*; *бесхарактерный, слабохарактерный, нерешительный, поддаваться на уговоры* vs. *оказать сопротивление, решительный, целеустремленный,*

стойкий, упорный, упрямый, настойчивый, напористый, хладнокровный, безжалостный, беспощадный, безапелляционный, опытный, матерый, стреляный воробей, на мякине не проведешь. Таким образом, реакция на препятствие — **выбор** (пути и средств), как никакое другое действие, формирует, определяет и проявляет характер субъекта действия: его моральные, этические и нравственные качества, установки и ценности. Так что, несколько утрируя, можно сказать, что характер — это то, как человек реагирует на препятствия.

«Препятствия» в языке и языковой картине мира

Представление о препятствии — в некотором роде миропорождающий концепт: его «след» можно уловить не только в выделенных выше курсивом словах и выражениях, но и еще в целом ряде значений, смыслов, понятий, оборотов и конструкций, которые он тем самым объединяет и вводит в представление о целенаправленной деятельности, делая его более содержательным и законченным.

Так, в «Новом объяснительном словаре синонимов» [3] понятие преграды/препятствия почти не используется, но просматривается во многих выражениях. Это «неприятный фактор», от которого стремятся *избавиться, освободиться, отделаться, спастись*, которого *избегают* — то есть того, что, в сущности, *мешает*, не дает (что-то сделать), *ограничивает* возможности. Это также «трудности» и «отрицательные явления» — у *бороться, искоренять, изживать* и др.; «нечто плохое» — у *жаловаться, плакаться, роптать*, или «обстоятельства» — в толковании *привыкнуть, свыкнуться, притерпеться, приспособиться, приладиться, приноровиться, сжиться, терпеть, мириться, сносить (оскорбления)*. Более явно оно проступает в *беспокоить, тревожить* — «на (короткое время) прерывать чье-либо занятие или *нарушать покой*», ср. «не давать покоя, препятствовать покою», так же, как *прерывать, остановить, приостановить* — «не дать закончить(ся)». Ср. также толкования *набрести, налететь, напороться, наткнуться* — «встретиться с препятствием в результате движения, столкнуться» [2, 254] и др. [12, 1991].

Представление о препятствии содержится также в словах и выражениях, обозначающих повышенные усилия (ср. [9]): *потуги, поползновения, напрячься, тужиться, силиться, из последних сил*, ср. *становиться на уши, из кожи вон лезть, ложиться косями, разбиться в лепешку; гнуть свою линию — уповать на случай*; то, что требует затрат дополнительной энергии и напряжения сил, ср. *пихать, толкать, переть, тащить, волочить, взгромоздиться, взвалить, взломать, взобраться, свергнуться* — то, что делается с трудом, трудно, с усилием, с силой; реакцию на повышенные усилия или другие затраты: *обессилеть, рухнуть, с ног валиться от усталости, надорваться, надломиться, набить шишек, злключения, стараться, усердно, навыки — тщетно, безре-*

зультатно, напрасно, нереально; противостоять обстоятельствам/нажиму, сопротивляться, противиться, устоять — поддаться на уговоры, сломить; а также на способ их преодоления, ср. *оценить территорию — проникнуть (в запретную зону), найти подход/лазейку/обходные пути/общий язык, уладить/утрясти/закрыть вопрос*, дело идет на лад / как по маслу, без сучка и задоринки, *выйти из затруднительного положения, подобрать ключ — облегчить, ускорить, содействовать, защитить, заступиться, обеспечить, искать союзников, отмежеваться, размежеваться; (употребить) власть — навязать, задержать, не допустить; рассеять сомнения, выждать удобного случая, попасть в переделку, отважиться, пробивной, лезть на рожон, через «не хочу», через силу, через (ч.-л.) голову и мн. др.* Представление о препятствии грамматикализовано в целом ряде служебных слов и устойчивых оборотов: *несмотря на, невзирая на, через, хотя, против (течения), из-за, ср. чересчур (дорого), слишком трудно/хлоотно; поперек, вразрез, вопреки, наперекор, контр-пример, контр-атака, пере-плыть/-валить/-делать, при-бить/-быть/-делать, как бы (не простудиться); не стоит* и др. (ср. [1]). Интересно, что «слова препятствия» в фоносемантическом плане сами содержат преграду — смычной взрывной согласный, ср. барьер, англ. *obstacle, hindrance*.

Представление о препятствии — его осознание в виде языковых средств его воплощения и описания — позволяет реконструировать целостную «ситуацию препятствования» так, как она концептуализируется в языке, и вписать ее в представление о целенаправленной деятельности (ср. [10]). Ситуация (фрейм, сценарий) препятствования строится, соответственно, как модель ситуации целенаправленной деятельности, где на пути субъекта к достижению цели возникает явление или объект, делающие это трудным (проблематичным) или невозможным. Субъект стремится к цели активно/пассивно (*переждать непогоду vs. во что бы то ни стало*), реагирует на препятствие эмоционально/рационально: испытывает стресс, отказывается от задуманного — «идет обратно»; раздумывает (производит оценку своих сил и средств и/или переоценку ценностей, принимает решение «продолжать движение» и ставит новую цель: преодоление препятствия, выбирает (ищет, изобретает) способ его преодоления, который может быть неадекватным ситуации: *идти по головам, биться головой о стену, ломиться в открытую дверь vs. действовать осмотрительно, творчески, изобретательно*. При этом его поведение — реакция на возникшую ситуацию — сказывается на внутреннем состоянии субъекта: участвует в формировании и проявлении характера, установок, ценностей, отношения к другим людям, моральным и социальным нормам и пр.

Видно, что центральным моментом в ситуации препятствования оказывается реакция субъекта на осознание препятствия. Это отношение моделируется в языке как характеристика человека, *готового* преодолеть препятствие (ср. *бесстрашный*), *насующего* перед ним или находящегося в раздумье (ср. *на распутье, в сомнениях*). Фрейм также показывает, что представление о препятствии антропоцентрично: квалифицирует явление с точки зрения субъекта действия; представляет собой миропорождающий

концепт: задает рациональную модель целенаправленной деятельности; психологично: участвует в описании, объяснении и оценке внутреннего мира человека; и категориально: позволяет объединить множество разрозненных явлений в единое целое.

Роль представления о препятствии в ценностной картине мира проявляется в том, что оно участвует в структурировании внешнего и внутреннего мира: разделяет объекты, явления и состояния на приносящие вред и пользу, способствующие достижению цели и препятствующие ему, помогающие или мешающие действию, а также в характеристике субъекта действия в зависимости от его отношения к препятствиям, и тем самым еще раз подчеркивает антропоцентричность самой картины мира. Понятно, что представление о препятствии и его концептуализирующие свойства обязаны своим существованием языку, который и придал им креативный, конструктивный и телеологичный характер, запечатлев в себе — в лексике, фразеологии, грамматике и прагматике — весь опыт целенаправленной деятельности и представляя своему носителю безграничные возможности его дальнейшего осмысления: по аналогии, ассоциации, уподоблению уже освоенному. Он показывает, что преодоление одной преграды и достижение цели влечет за собой постановку новых целей, на пути к которым *открываются* новые горизонты, за которыми стоят новые, еще не виданные, незнакомые и необычные преграды, требующие не только прошлого опыта, но и готовности их встретить и преодолеть. То, что недавно казалось непреодолимым, может совсем *исчезнуть*; и наоборот — преодоление одних препятствий открывает другие — более сложные.

Таким образом, представление о препятствии связано в языке с многочисленными смежными с ним понятиями — аналогами, ассоциатами, коррелятами и «импликатами» — находящимися, благодаря ему, в тесном концептуальном родстве. Вместе они отражают континуум сопряженных в физическом, ментальном и социальном пространстве явлений, в целом образующих всегда актуальную для действующего субъекта ценностную картину целенаправленной деятельности, еще раз демонстрируя, что язык — это не разрозненные и самостоятельные классы слов и грамматических правил, а целостная система взаимосвязанных между собой средств, организованных не в последнюю очередь принципом аналогии, позволяющим языку самоорганизовываться, саморазвертываться и саморазвиваться. Но главное — мотивированно, осмысленно и, как хорошо видно из материала, антропоцентрично — представлять мир, внешний и внутренний, в его единстве, непрерывности.

Так, представление о препятствии показывает, что человек, стремясь к заветной цели, прокладывая и *расчищая* к ней путь, *возводя* при этом дороги, *наводя мосты*, изобретая все новые *средства, приемы и механизмы*, ле-

карства и снабдьбя, упоряочивая физическое, социальное и ментальное пространство вокруг и внутри себя: *раскладывая все по полочкам и по своим местам, вводя «правила движения», расставляя указатели и сигналы, показывающие безопасное направление движения и запрещающие производить движения, опасные для других участников движения, устанавливая порядок и расписание, организуясь в группы взаимопомощи* — партии, команды, союзы и пр., выводя *формулы* и создавая прочие ментальные инструменты — *доказательства, аргументы, факты, или ища оказии, зацепки, лазейки, не раз попадая в западню или тупик и мучаясь в поисках выхода*, и вообще осваивая и подчиняя себе окружающий мир, не только, а может быть, и не столько изменяет его, сколько меняется сам. И тот, кто *прошел огонь, воду и медные трубы*, не оставил их позади, а несет их в себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян В.Ю. Уступительность в языке и слова со значением уступки // ВЯ, 1999, № 5.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
3. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В., Гловинская М.Я., Крылова Т.И. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М.: Языки русской культуры, 1997.
4. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык. К проблеме «языковой картины мира» // ВЯ, 1987, № 3.
5. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.
7. Волков В.В., Суран Т.И. Концепция судьбы как встречи, вины, заслуги и воздаяния у М.А.Булгакова // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994.
8. Гримак Л.П. Общение с собой: Начала психологии активности. М., 1991.
9. Кустова Г.И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992.
10. Левонтина И.Б. Целевые слова и наивная телеология. АКД. М., 1995.
11. Левонтина И.Б. Noto piger // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999.
12. Малина З.М. Словарная статья существительного *пробка* // Семиотика и информатика. М., ВИНТИ, 1991, вып. 32.: Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка.
13. Радзиевская Т.В. Семантика слова *цель* // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992.
14. Рябцева Н.К. Вопрос как препятствие // Концептуальный анализ: Методы, результаты, перспективы: Тезисы конф. М.: ИЯз РАН, 1990.

15. *Рябцева Н.К.* Аксиологические модели времени // Логический анализ языка: Язык и время. М.: Наука, 1997.
16. *Рябцева Н.К.* Этическое знание и его предметное воплощение // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры (в печати).
17. *Сущинский И.И.* Словарь усилительных словосочетаний русского и немецкого языков. М.: Рус. яз., 1997.
18. *Янчук А.В.* Моделирование формирования операционных понятий в нейронной сети // Обработка текста и когнитивные технологии. Пушкино, 1999.
19. *Procter P.* A revolution in lexicography for the learner // Svartvik, Jan (ed.). Words: Konferenzer 36: Proceedings of an Intern. Symposium. Stockholm, 1996.

ГЛУХОЙ ЗАБОР, ИЛИ БЕГ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ*

В статье рассматриваются атрибутивные употребления прилагательного *глухой*. Обычно это прилагательное характеризует лиц или животных, имеющих порок слуха (*глухой дворник*), либо неясно различимые звуки (*глухие голоса*). Тем не менее сочетаемость *глухой* гораздо более сложна и развернута, ср.: *глухая деревня, чаща, молва, стена, злоба, крапива* и др. Чем объединены все эти употребления? Каков тот общий компонент смысла, который вносит во все эти сочетания данное прилагательное? Для ответа на эти вопросы мы проанализируем структуру значения *глухой* и процесс его семантической деривации, то есть построим цепочки метафорических переносов, связывающие прямое и переносное значение.

Процесс метафоризации предикатного (признакового) значения, согласно Н.Д.Арутюновой [1, 361], состоит в «присвоении объекту “чужих” признаков, то есть признаков, свойств и состояний, выявляемых в другом классе предметов или относящихся к другому параметру данного класса». Следствием этого является расширение области приложения каждого из этих признаков по принципу «от конкретного к абстрактному»: *твердая земля — твердая воля, острый нож — острый конфликт* и т.д.

И все же подобное «расширение» не бесконечно и не произвольно (ср. невозможность **острая воля, *твердый конфликт*), а значит, и семантические изменения подчиняются некоторым правилам. Ответ на вопрос, как и почему возникает то или иное значение слова, пытается дать когнитивная семантика. В рамках этого направления (равно как и в отечественной семантике) активно эксплуатируется понятие метафоры, которая, с точки зрения когнитивистов, считается естественным языковым механизмом, структурирующим наше восприятие мира (см. [9]).

Исследуя пути семантической деривации на синхронном уровне и объясняя каждое возникающее производное значение, когнитивная семантика приходит к выводу, что в определенной степени развитие значения слова в синхронии и диахронии повторяют друг друга. Так, Д.Герартс в [8, 661]¹ сравнивает два подхода к изучению и описанию лексического значения — когнитивный и так называемый историко-филологический — и приходит к выводу, что, несмотря на разницу в аппаратах описания, оба подхода располагают весьма похожими результатами. В работе Е.Свитсер [10] анализируется развитие концепта ‘слышать’ → ‘слушать’ → ‘обращать внимание’. Дериваты от этого корня обычно значат ‘сообщение’, ‘знаменитость’,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 99-04-00294а.

¹ См. также [4, 296—297].

‘слава’. Ван Гиннекен [11] рассматривал прилагательные, описывающие слуховое восприятие, и обнаружил, что в переносном употреблении они могут обозначать восприятие другого типа, например, зрительное²: *кричащие цвета, глухая крапива*. Соединив эти результаты, можно получить семантическую закономерность (в виде гипотезы) для языка, удовлетворяющего сформулированным условиям: прилагательное со значением ‘громкий = хорошо слышный’ может характеризовать имя, обозначающее славу и знаменитость. Это подтверждается некоторыми примерами из русского, ср. *шумная известность, громкая слава*.

Теперь, приняв эту объяснительную стратегию, обратимся к прилагательному *глухой* и проанализируем его сочетаемость. Как уже было сказано, в сферу его действия попадают объекты, напрямую со звуком не связанные. Значит, в семантику прилагательного входит некоторый компонент, более общий по значению, чем качество звука (‘незвонкий, приглушенный, неясный’) или способности слышать (‘полностью или частично лишенный слуха’, см. [5]). Ниже мы покажем, что этот компонент — динамический, т.е. *глухой* описывает особую ситуацию движения, в которой принимает участие обозначенный этим прилагательным объект.

Рассмотрим каноническую ситуацию распространения звука. Она включает некоторый источник, производящий звук, слушателя, воспринимающего этот звук, и саму звуковую волну³, которая перемещается от источника к адресату. Звучащая картина описывается с позиции наблюдателя, который может выполнять роль источника звука, или его адресата, а также может оставаться за кадром, но именно он «следит» за распространением звуковой волны, отмечает наличие помех на ее пути и оценивает качество звука. Оказывается, *глухой* может характеризовать любой компонент этой ситуации: и качество звуковой волны, и ее адресата, и (иногда) источник звука, но, очевидно, это свойство не может быть применимо к наблюдателю. Рассмотрим последовательно все эти случаи.

² Ср. здесь же употребление глагола *слышать* для обозначения других видов перцепции, например, осязания (*Слепые пальцами слышат, где очко на карте*) или обоняния (*Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблок...* (Бунин)). Подробнее о разных видах перцептивных глаголов [1, 346].

³ Наибольший интерес представляют способы заполнения валентности «(звуковой волны)». Ведь, как известно, «чистых» звуков в природе не существует, за исключением, может быть, эха, — все они являются результатом некоторой деятельности, работы инструмента или движения. Язык поддерживает эту идею и позволяет совмещать в одной лексеме как значение деятельности (или результата), так и звука, ее сопровождающего, ср.: *взрыв1* — ‘результат быстрого сгорания вещества’, *взрыв2* — ‘звук, сопровождающий взрыв1’. Эти значения связаны отношением метонимии. Звуковые прилагательные сочетается с подобными словами именно во втором значении: *громкие раскаты грома; глухой удар, выстрел; тихие шаги, голоса*.

1. Глухой адресат.

Глухим прежде всего мы называем человека, который плохо слышит, т.е. чей слух не воспринимает (или плохо воспринимает) внешние звуки. Это значит, что звуковая волна движется по направлению к адресату, доходит до его уха, но не может проникнуть внутрь, встречает какую-то преграду в слуховом аппарате — *глухой дедушка, дворник, котенок, попугай*. В роли адресатов обычно выступают названия таких людей и животных, с которыми приходится общаться более-менее регулярно (ср. *?глухой лев, колибри, ?глухой президент, спортсмен*)⁴. Данную ситуацию можно изобразить на картинке (см. рис. 1): глухим является объект в роли адресата, а наблюдателем может быть либо его собеседник (т.е. фактически источник звука), либо человек, не принимающий участия в разговоре, а воспринимающий его со стороны.

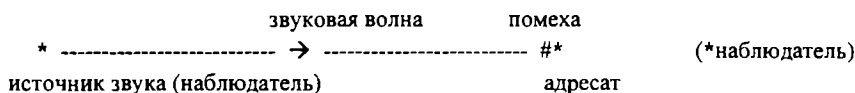

Рис. 1

2. Глухие звуки.

Теперь в фокусе нашего внимания движущийся компонент ситуации — звуковая волна. Звук, перемещаясь от источника, встречает на своем пути какую-то помеху и потому воспринимается не до конца отчетливо и ясно. Например, *глухой голос* может интерпретироваться как качество звука, произносимого человеком, с другой стороны, *глухие голоса* могут доноситься из соседней комнаты. В обоих примерах наблюдается движение изнутри наружу, причем обязательно с преодолением некоторой преграды: в первом случае прохождению звуковой волны препятствуют речевые органы человека, во втором — стены помещения. Поэтому звуки такого голоса воспринимаются как нечеткие и неясные. По тем же причинам плохо слышны *глухие выстрелы, удары, шаги, рыдания. Глухие раскаты грома*

⁴ Эта «регулярность» ситуации и заложена в семантике атрибутивной конструкции: прилагательное в атрибутивной позиции модифицирует значение существительного и описывает постоянное свойство объекта. Ср. с другой стороны возможность сочетаемости с прилагательным в предикатной позиции: *Этот спортсмен глухой*, где оно характеризует объект в конкретной ситуации общения, приписывая ему некоторый случайный, временный признак (подробнее о семантических различиях прилагательных в атрибутивной и предикативной позициях см. [7]).

доносятся издалека, преодолевая большое расстояние — звуковая волна доходит до уха наблюдателя⁵ в сильно редуцированном виде.

Эту ситуацию можно наглядно представить следующим образом (см. рис. 2):

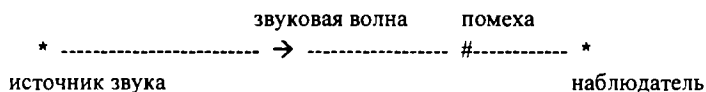

Рис. 2

3. Глухой источник звука.

В сознании носителя языка звуки тесно связаны со своими источниками. Эта связь порождает регулярный метонимический перенос, 'инструмент для издавания звука' — 'звук, издаваемый этим инструментом':

голос-1 — орган, издающий звуки (= голосовые связки): *голос сел, пропал; напрягать голос;*

голос-2 — звук голоса1 (*доносится, послышался чей-то голос; громкий, глухой голос*), см. также сноску 3. Видно, что прилагательное сочетается со словом только в его «звуковом» употреблении, т.е. не может характеризовать сам инструмент, как источник звуковой волны. Ср. сомнительность сочетаний *?глухой двигатель, мотор, гитара*⁶, которые в принципе могут быть осмыслены, но не употребляются в современном русском языке. Во всяком случае, если ситуация восприятия «глухого» источника звука существует, она аналогична предыдущему случаю, т.е. воспринимая звук как неясный и нечеткий, наблюдатель может сделать вывод о состоянии источника звука, например о наличии некоторой помехи, неполадки, влияющей на качество издаваемого звука.

Наглядное представление этой ситуации на рис. 2.

Заметим, что представленные картинки (см. рис. 1 и 2) практически идентичны. Разница лишь в точке зрения наблюдателя. В ситуации *глухой старик* наблюдатель либо является его собеседником, либо присутствует

⁵ По-видимому, в ситуациях такого типа звуковая волна не имеет прямого адресата: все *глухие «звуки»* воспринимаются как бы случайно (*послышались ее глухие рыдания; доносятся глухие раскаты грома*). Поэтому в этом случае в роли адресата (= воспринимающего уха) будет выступать наблюдатель.

⁶ По-видимому, эти «инструменты» не вполне предназначены для издавания звука и потому не имеют такого переносного значения (**послышался мотор, *доносится двигатель*). *Сегодня мы слушаем гитару И.Смирнова* (= звучание его гитары) — случай контекстной метонимии.

при разговоре третьим лицом. Поэтому в фокусе его внимания оказывается не звук, а воспринимающий его человек. С точки зрения такого наблюдателя звуковая волна перемещается снаружи внутрь объекта (адресата).

В ситуации *глухой голос* наблюдатель совпадает с адресатом, а значит, является субъектом восприятия: звук от источника движется по направлению к нему. Для такого наблюдателя движение осуществляется за пределы источника (или пространства, где находится этот источник), т.е. как бы изнутри наружу.

Существенно, что в обоих случаях движение звуковой волны связано с преодолением некоторой преграды, но если в ситуации *глухой старик* она проходит между наблюдателем (и звуком), с одной стороны, и адресатом, с другой, то в случае *глухой голос* — наблюдатель оказывается отделенным от звуковой волны (и ее источника).

Очевидно, оба случая можно свести к одной общей ситуации движения звука и считать их связанными отношением метонимии в смысле Е.В.Падучевой [2, 489]: «Диатетическое преобразование можно трактовать как метонимический перенос, поскольку и то и другое имеет семантическим следствием перемещение фокуса внимания говорящего с одного участника на другого». Действительно, подобно диатетическому сдвигу, при котором происходит смена коммуникативного ранга участника (*залить бензин в бак и залить бак бензином*), смещение фокуса наблюдения создает новую ситуацию движения звука (*глухой старик* и *глухой голос*). По существу обе они сводятся к одной схеме и различаются только расстановкой акцентов — выделенностью в ситуации того или иного участника (звуковой волны, источника или адресата).

Теперь проанализируем содержательное заполнение этой схемы в каждом конкретном случае, то есть исследуем принадлежность ее актантов в некоторому типу объектов — категории. Изменение этой категории — категориальный сдвиг актанта — дает нам модификацию основного значения прилагательного (*яркий фонарь* — *яркая личность, легкая сумка* — *легкий ветер, насморк*). Производное значение связано с основным по модели метафорического переноса, потому что метафора — есть не что иное, как категориальная ошибка (в терминах Н.Д.Арутюновой см. [1, 348]).

Важно отметить, что категориальный сдвиг не меняет роли актанта в ситуации переносного употребления слова. Именно это обстоятельство позволяет приписывать одинаковые свойства объектам совершенно разных категорий и классов. Так, прилагательное *яркий* описывает ситуацию воздействия, субъектом которого является яркий объект, поэтому невозможны употребления **яркое небо, душа, взгляд* — они ничего не излучают (подробнее об этом прилагательном см. [6]).

Ниже мы последовательно рассмотрим выделенные нами три ситуации движения, описываемые прилагательным *глухой* в прямом значении, и проследим процесс его семантической деривации.

1. «Глухой адресат».

Устойчивый признак — направление движения от источника к адресату, снаружи внутрь объекта; препятствие разделяет звук и адресата.

Модификации значения *глухой* связаны с изменением типа адресата. Эту роль могут выполнять

— названия населенных пунктов (*глухая деревня, хутор, поселок, место, окраина*), которые настолько удалены от исходной точки движения, что добраться до них (человеку или письму) не представляется возможным; ср. пример из Бродского: *Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря. И от цезаря подальше, и от вьюги...* (= чтобы быть недостижимым для них);

— имена сооружений-ограждений (*глухой забор, ворота, стена*), а также военные построения (*глухая оборона и кольцо*), сквозь которые невозможно проникнуть внутрь, потому что они представляют собой сплошную непроницаемую преграду: *глухая стена* — стена без окон, в *глухом заборе* нет щелей, точно также как в *глухой обороне* нет брешей;

— названия растений (*глухие заросли шиповника, кустарник, крапива*), сквозь которые невозможно пробраться, настолько плотно они растут; ср. также *глухие окна* (забитые досками и не позволяющие заглянуть внутрь дома) и *глухой воротник* (застегнутый и поднятый), за которым человек остается непроницаемым.

Все рассмотренные примеры соответствуют первой схеме (ситуация *глухой старик*) с той лишь разницей, что компонент движения связан не с перемещением звука, а с физическим движением или умозрительным движением взгляда. *Глухой* характеризует объект в позиции адресата: как правило, место или сооружение, до которого нужно добраться, сквозь которое нужно проникнуть, внутрь которого нужно попасть — другими словами, цель движения. Сочетаемость с *глухой* «блокирует» попадание движущегося объекта внутрь «адресатного» по двум причинам: либо цель слишком удалена, либо существует непреодолимое препятствие на границе целевого объекта.

2. «Глухой звук».

Устойчивый признак — направление движения от источника к адресату, изнутри объекта за его пределы; возможные преграды разделяют звуковую волну и наблюдателя.

Модификации данного значения связаны с изменением природы движущегося объекта:

— «содержательные» звуки, то есть нагруженные значением⁷ — *глухие слухи, ропот, молва*. В этой ситуации «глухим» становится смысл, скрытый за звуковой оболочкой слова и потому не понятный адресату. Ведь процесс интерпетации (= извлечения значения) связан с преодолением формальной оболочки слова;

— имена состояний и эмоций человека: *глухая злоба, раздражение, ненависть* и под. Интересно, что в таком контексте уместны лишь названия отрицательных эмоций, ср.: **глухая радость, веселье*. Все дело в том, что эмоции и чувства человека изначально локализованы внутри, и их функция состоит в том, чтобы быть выраженными, т.е. переместиться на поверхность и излиться наружу. Положительные чувства всегда искренни и понятны: их испытывают и выражают. Отрицательные эмоции можно затаить в себе с целью последующей реализации, ср.: Отношения обострились. *Глухая взаимная неприязнь* начинала у обоих выступать наружу (МАС). С другой стороны, их можно сознательно сдерживать и не показывать окружающим, ср.: [Гусейн] старался сдерживать закипавшее в нем *глухое раздражение* (МАС).

При этом подавляемые эмоции продолжают «рваться» наружу, помимо воли человека, и это стремление, по-видимому, имеет свое звуковое выражение (*чувства хлопочут, бурлят; в нем заговорила ненависть*). Однако, если эмоции остаются невыраженными, мы до конца не можем понять и оценить их — они остаются для нас смутными, неясными, т.е. глухими. Именно этот смысл 'невыраженности' и 'неясности' привносит прилагательное *глухой* в семантику имен чувств и состояний.

3. «Глухой источник».

Мы уже говорили о сомнительной интерпетации сочетаний типа **глухой мотор, глухая гитара*. Возможное осмысление их (в сильном прагматическом контексте) все же позволяет метафоризовать и эту ситуацию. В этом случае в качестве метафорических источников звука могут выступать названия места (как правило, населенных пунктов) или отрезков времени:

— *глухая деревня, хутор, полустанок, поселок* — место, откуда не доходит никакой информации, писем, новостей и пр.; препятствием на их пути является значительное расстояние до адресата;

— *глухая ночь, время, осень, полночь, пора листопада* — время, когда не доносится никаких звуков (потому что замирает жизнь и нет движения).

Приведем один пример из стихотворения Блока: *Рожденные в года глухие // Пути не помнят своего...* Словосочетание *в года глухие* может быть интерпретировано по 3-ему классу («глухой источник звука»), то есть

⁷ Этот метафорический перенос вполне закономерен, поскольку содержание, как внутренняя часть знака, заключена в форме слова, скрыта за его оболочкой и извлекается оттуда при интерпетации смысла.

‘в давние времена, от которых до нас не дошло никаких сведений и о которых мы ничего не знаем’. Но по мере прочтения (*Есть немота — то гул набата // заставил заградить уста...*) возникает и другое понимание: в эти времена преследовалось любое свободное выражение чувств и мыслей. В этом случае *глухие годы* попадают во 2-ой класс (*глухие звуки*). О множественности интерпретаций см. ниже.

Очевидным становится тот факт, что *глухой* запрещает сквозное движение: возникает преграда либо на пути снаружи внутрь объекта, либо изнутри — за его пределы. Но, оказывается, существуют такие объекты (или такие ситуации), в которых эти два типа движения совмещены и происходят последовательно. При этом сочетаемость с *глухой* **разрешает** движение внутрь, но **запрещает** движение наружу.

Действительно, в сочетаниях типа *глухой лес, сад, озеро, переулок* подразумевается движение внутрь объекта и невозможность движения из него, причем в каждом примере движение носит разный характер. Так, по словарю Даля, в *глухом озеро* впадают притоки, но из него ничего не вытекает. Похожим образом ведет себя и *глухой переулок*, в который можно проникнуть, но невозможно выйти с другого конца, поскольку это тупик. Здесь компонент движения связан с перемещением пешехода. Аналогичным образом устроены *глухой лес* и *глухая чаща*.

Интересный пример из этой группы — *глухая исповедь*. Ситуация исповеди предполагает диалог двух людей, состоящий из вопросов и ответов. Однако *глухая исповедь* превращается из диалога в монолог (при этом сама процедура может остаться в силе, а может и потерять всякий смысл):

Доктор выглянул в переднюю, закурил папиросу и прошептал, что это агония, что, конечно, священника можно позвать, что ему это безразлично, потому что больной все равно без сознания и ничему это не повредит.

— *Глухую исповедь...* — шептались все, но не решились пока звать (Булгаков. Белая гвардия).

Наконец, еще один интересный пример из этой группы. Мы уже рассматривали несколько пониманий сочетания *глухая деревня* — как место, куда невозможно добраться и откуда не приходит никаких новостей. Причина этому одна — значительная удаленность данного населенного пункта. Этим, однако, возможности интерпретации не исчерпываются. Ср. следующий пример из «Бесов» Достоевского:

И она [Софья Матвеевна] быстро зашептала ему, что здесь, в этой деревне, беда-с. *Деревня эта не проезжая, а глухая*, и что потому только и приезжают сюда, что здесь пароход останавливается...

— то есть деревня находится в стороне от торной проезжей дороги и представляет собой нечто вроде тупика.

Этот пример показателен в том отношении, что позволяет продемонстрировать возможности разной интерпретации одного и того же употребления, никоим образом не исключаящие друг друга, а наоборот, создающие наиболее полное и адекватное представление о семантике слова (об этом см. [3, 216]).

Итак, последняя группа примеров описывает особый тип движения, в котором специальным образом связаны два разнонаправленных перемещения: извне вовнутрь и изнутри наружу. Но возникает вопрос, возможна ли ситуация такого типа, связанная с перемещением звука, иначе говоря, существуют ли прямые употребления прилагательного *глухой*, описывающие такой тип движения. Оказывается, существуют. Речь идет о минимальной единице диалога — паре реплик. Первая из них выражает некоторую просьбу и подразумевает определенную реакцию. Однако просьба остается без ответа.

Эта ситуация чем-то напоминает пример с *глухим стариком*: беседуют двое. Но если в первом случае адресат просто не воспринимает звуковую волну, его глухота — порок слуха, болезнь, то во втором случае человек, будучи слышащим, намеренно не реагирует на звуки, обращенные к нему. Эта «глухота» вполне контролируема.

Описанная ситуация характеризуется определенным поверхностным выражением — у прилагательного возникает дополнительная валентность: *глухой к мольбам, страданиям, просьбам ближнего*.

Итак, мы рассмотрели семантическую структуру прилагательного *глухой*. Не предлагая никаких специальных толкований, мы попытались связать воедино все употребления этого слова. Интересным образом прилагательное сочетается со статичными объектами (*глухой человек, стена, злоба, крапива, деревня* и пр.), но при этом все они оказываются погруженными в некий динамический контекст, вовлеченными в ситуацию движения. В каждом примере эта ситуация характеризуется определенным направлением движения, наличием помехи, точкой зрения наблюдателя и т.д. Но, как мы показали, эти различия суть варианты одной общей динамической ситуации, которая и составляет семантический «инвариант» прилагательного *глухой* и объясняет столь разнообразное лингвистическое поведение этого слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
2. Падучева Е.В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола НАЗНАЧИТЬ // Типология и теория языка (сборник к 60-летию А.Е.Кибрика). М., 1999.

3. Рахилина Е.В. О старом: аспектуальные характеристики предметных имен // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997.
4. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
5. Словарь русского языка в 4-х т. М., 1981—1984.
6. Спиридонова Н.Ф. О семантике яркого и ясного // Диалог-99. Таруса, 1999.
7. Bolinger D. Adjectives in English: attribution and predication // *Lingua*. № 18, 1967.
8. Geeraerts D. Cognitive grammar and the history of lexical semantics // Rudzka-Ostyn B. (ed.) *Topics in cognitive linguistics*. Amsterdam, 1988.
9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.
10. Sweetser E. *Semantic structure and semantic change*. Trier, 1984.
11. Van Ginneken J. *Het gevoel in taal- en woordkunst*. Leuvense Bijdragen, 1910—1912.

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДИКАТОВ ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Как известно, любая поисковая деятельность (поиск, выбор, отбор и т.д.) является одним из компонентов целесообразной деятельности. Целесообразная деятельность обычно может быть представлена как совокупность ряда последовательных этапов [8]: 1) желание чего-либо, служащее толчком для перехода к последующим этапам; 2) практическое рассуждение, в ходе которого субъект уточняет возможные пути, ведущие к достижению желаемого положения вещей и соотносит с ними свои возможности; 3) «взвешивание», долженствующее привести субъекта к положительному решению о выполнении действия, ведущего к удовлетворению желания, или же к отказу от него; 4) намерение (стадия, отделяющая момент положительного решения субъекта о выполнении действия от начала приложения реальных усилий, направленных на достижение желаемой ситуации); 5) собственно действие.

Всякая поисковая деятельность (ПД) так или иначе привязана к специфике прохождения этапа практического рассуждения. На данном этапе уточняются самые разные типы возможностей субъекта относительно достижения цели P . При этом в его сознании могут актуализироваться такие альтернативы: 1) P невозможно; 2) субъект не знает, как достичь P ; 3) субъект (x) знает, как достигается P (например, P , если Q , то есть если x предпримет Q ($Q(x)$), то $CAUS(Q(x), P)$).

В последнем случае в свою очередь возможны варианты вида: 3.1) субъект может предпринять Q (то есть в его распоряжении имеются все средства и ресурсы (R), образующие его потенциал, необходимый для Q); 3.2) субъект однозначно не может осуществить Q ; 3.3) субъект не располагает всеми (или частью) средств (ресурсов) R , необходимых для выполнения Q , но считает возможным получить к ним доступ.

Одним из необходимых (но недостаточных!) условий получения доступа к R является знание местонахождения R . Естественным способом установления местонахождения R служит ПД. Тем самым ПД является одним из видов подготовительного процесса, предшествующего непосредственной деятельности (одним из способов приведения потенциала R в готовность — внесения в потенциал изменений, необходимых для его приложения к достижению P [2]).

При этом структура ПД вполне изоморфна структуре любой целесообразной деятельности, то есть и ПД складывается из тех же стадий желания, практического рассуждения, «взвешивания», намерения, предшест-

вующих непосредственным конкретным поисковым усилиям. Отличие состоит в том, что цель, преследуемая ПД (ср. 'узнать, где находится нужный объект', 'установить, выявить объект, пригодный для достижения конечной цели'), как и цель любой подготовительной деятельности, является промежуточной, то есть производной от конечной — той, которая призвана удовлетворить исходное желание субъекта. При этом достижение некоторых промежуточных целей может, в свою очередь, требовать определенной подготовительной деятельности, однако в конечном итоге их реализация сводится к непосредственному выполнению действий, не нуждающихся в какой-либо подготовке.

Любая ПД сводится к перебору объектов, последовательно попадающих в поле зрения субъекта и проверяемых им на соответствие тому или иному критерию отбора. При этом перебор объектов достигается:

- а) либо путем перемещения субъекта, благодаря чему в его поле зрения попадают все новые элементы, сличаемые с критерием отбора;
- б) либо путем перемещения объектов, благодаря чему они также последовательно попадают в поле зрения субъекта.

Перемещение субъекта может быть охарактеризовано как произвольное количество квантов движения в различных направлениях. Такие обязательные атрибуты движения, как способ перемещения, исходная, конечная точка, скорость, при поиске оказываются нерелевантными. Это не движение, цель которого — оказаться в той или иной точке пространства. Конечная точка не может быть задана заранее именно в силу неопределенности локализации объекта поиска. Существенным, однако, является то, что субъект не исследует те «участки пространства», в которых искомый объект заведомо отсутствует. Поиск обычно предпринимается как в случаях заведомого выполнения фактивной презумпции о том, что искомый объект находится в том или ином поисковом участке, так и тогда, когда субъект не исключает такой возможности. Так, контролер, исполняя свои служебные обязанности, не зайдет в общественный транспорт, если будет точно знать, что в вагоне нет ни одного безбилетного пассажира.

С другой стороны, возможны и такие виды ПД, когда субъект, оставаясь на месте, способен манипулировать объектами таким образом, что они последовательно попадают в его поле зрения и проверяются на соответствие критерию отбора — ср., например ситуацию поиска информации (листание книги, просмотр разных участков какого-либо компьютерного информационного массива и т.д.).

Перемещение субъекта в большей мере характерно для таких ситуаций ПД, которые описываются предикатами *искать*, *подыскивать*, предполагающими неопределенность границ поискового пространства, в котором может быть локализован искомый объект. Характерным лексическим средством, указывающим на перемещение субъекта в ходе ПД, является, напри-

мер, адвербиальный оборот *в поисках*. Подобные обороты (ср. *от радости, в отчаянии...*) могут претендовать на статус лексической функции [3] типа Adv Caus (*io*), то есть рассматриваться как предикат, требующий, чтобы синтаксической вершиной предложения стало указание на деятельность, которая осуществляется по причине (или с целью) действия (состояния), помеченного ключевым словом — в данном случае *io* = *поиск*. При таких адвербиальных оборотах синтаксической вершиной предложения часто оказывается предикат, обозначающий преодоление расстояния, не обязательно имеющий валентности исходной, конечной точки, но указывающий на общий маршрут, оцениваемый как большой, протяженный, что часто подкрепляется местоимением типа *весь*: *В поисках Анны он прошел от Лубянки до Остоженки (обошел весь Крепцатик, объездил всю страну)...*

Напротив, ситуации, описываемые предикатами *выбирать, отбирать, подбирать*, предполагают, что ПД осуществляется путем перебора элементов, уже сгруппированных в то или иное компактное закрытое множество. При этом соответствующее множество вычленяется на основе признака (или признаков), образующего важную часть критерия отбора, но не тождественного всему критерию отбора. В подобных случаях существенно то, что искомым объектом всегда находится в пределах только данного и никакого другого множества.

Если какие-либо лица хотят вызвать интерес к себе со стороны субъекта ПД, они могут и сами позаботиться о том, чтобы (физически или виртуально) оказаться в поле зрения субъекта ПД (ср. ситуации поступления в вуз, конкурса на замещение вакантных должностей, получения гранта и т.д.).

В таких случаях они прилагают усилия к тому, чтобы войти в состав поискового множества, чему обычно предшествует целенаправленное перемещение объекта (т.е. перемещение, конечная точка которого задана заранее).

Естественно, что процедура выбора может соотноситься не только с ПД. Так, она может соответствовать и другим стадиям целесообразной деятельности — ср., например, этап «взвешивание» [8], когда субъекту предстоит выбрать из двух альтернатив — предпринимать или не предпринимать задуманное действие. В других случаях выбор может быть связан с этапом рождения желания — когда предстоит выбрать между положительным или отрицательным ответом на чье-то предложение, то есть осознать, хотим или не хотим мы того же, чего хочет от нас другое лицо.

Иногда выбор должен осуществляться не по инициативе субъекта, а в силу каких-то внешних неблагоприятных обстоятельств, поставивших его в такие условия, что он не имеет права не выбирать. Это ситуации неизбежной потери — жертвы, когда субъект вынужден принять непростое решение, от чего ему следует отказаться ради неухудшения (или минимизации ухудшения) общей (холистической) [1] оценки своего состояния (выбрать меньшее зло, исходя из своих ценностных ориентаций). В таких

случаях говорят, что *выбор стоит (встал) перед кем-то*, что *кто-то стоит (поставлен) перед выбором*, говорят о *трудном, мучительном выборе*. В то же время в противоположных, желательных для субъекта ситуациях приобретения он часто вынужден выбирать что-то одно, хотя на самом деле хотел бы иметь больше. Ср., например, запрет на многоженство, преодоленный в ряде восточных традиций. Во всех подобных случаях (как жертвы, так и приобретения) сама перспектива выбора оценивается субъектом отрицательно.

С другой стороны, часто встречаются ситуации, когда перспектива выбора оценивается положительно, а его невозможность — негативно. Ср. соответственно: *у него есть выбор; у него есть право (свобода) выбора* и *у него нет выбора; у него нет права (свободы) выбора*.

Относительно же предикатов поисковой деятельности (ППД) следует подчеркнуть, что важный момент описания их семантики связан с уточнением валентного статуса прямого дополнения. По этому признаку данные предикаты можно разбить на две группы:

- 1) *искать₁, разыскивать*, у которых прямое дополнение всегда обозначает объект поиска, имеющий референтный денотативный статус [5, 9];
- 2) *искать₂, подыскивать, выбирать, подбирать, отбирать*, у которых прямое дополнение (или группа прямого дополнения) характеризуется нереферентным денотативным статусом, а его ролевая функция является достаточно неопределенной (подробнее см. ниже).

Предикаты первой группы соотносятся с более продвинутой стадией практического рассуждения, когда решение о том, какой именно референтный объект (лицо) будет вовлечен в ситуацию конечной цели (или ее достижение), уже принято, и задача ПД состоит только в том, чтобы его обнаружить. Предикаты же второй группы предполагают, что это решение принимается собственно в ходе ПД. Тем самым промежуточная цель, преследуемая ПД, состоит в том, чтобы установить, какой объект является пригодным для участия в деятельности по достижению вторичной цели. Рассмотрим каждую из групп ППД в отдельности.

Группа ППД1. Поисковые ситуации, описываемые ППД(1), допускают три типа интерпретации денотативного статуса искомого объекта.

1. Поиск референтного определенного объекта, напр.: (1) *Иванов ищет₁ Наташу*. В данном случае реальный критерий отбора, по которому осуществляется поиск, остается невыраженным. Этот критерий, в частности, может представлять собой какой-нибудь зрительный образ, нацеленный на обнаружение (опознание) уникального объекта — например, уникальность черт лица, характерные абрисы фигуры или платья, в которое Наташа сегодня одета, и т.д. В любом случае критерий отбора представляет собой простой или сложный признак (свидетельствующий о тождестве носителя данного признака искомому объекту), на соответствие которому

субъект проверяет любой из встретившихся ему объектов. При положительном результате проверки объект считается локализованным, найденным со всеми вытекающими отсюда следствиями, обусловленными вторичной целью поиска, в противном случае субъект переходит к рассмотрению следующего претендента.

2. Поиск референтного неопределенного объекта. Здесь мы сталкиваемся с аналогичной ситуацией за исключением того, что искомый объект является референтно-неопределенным по крайней мере для слушающего: (2) *Иванов ищет1 (разыскивает) одну девушку* или же для обоих участников речевого акта: (3) *Иванов ищет1 какую-то девушку*.

Рассматриваемый тип интерпретации денотативного статуса искомого объекта оказывается тесно связанным с еще одной важной проблемой, рассмотренной в работе [6]. Дело в том, что в разнообразных высказываниях о ПД (за исключением случаев, когда ее субъектом оказывается говорящий), присутствует «субъект пропозициональной установки» (в нашем случае — субъект поиска). При этом его представление об объекте поиска не обязательно совпадает с представлением говорящего. Так, в (3) лицо, являющееся для говорящего референтно-неопределенным ('какая-то девушка') для субъекта поиска скорее всего является референтно-определенным.

Таким образом, представление об объекте у говорящего и у субъекта могут совпадать, как, например, в (1)—(2), а могут и не совпадать. В последнем случае на поверхностном уровне фиксируется обозначение объекта либо с точки зрения говорящего (понимание *de re*), либо с точки зрения субъекта (понимание *de dicto*) [6]. (Как показано Е.В.Падучевой, при совпадении представлений об объекте у говорящего и у субъекта данное противопоставление нейтрализуется.) При этом другое (имплицитное) представление об объекте обычно подразумевается с точностью до типа его денотативного статуса, а конкретное обозначение (номинация) объекта остается невыраженной. Так, в (3) остается «за кадром» номинация объекта с точки зрения субъекта.

Еще одним эффективным средством создания различий в представлениях между говорящим и субъектом пропозициональной установки служит тот или иной модальный контекст, например, модальность возможности. В рамках этой модальности противопоставление между представлениями говорящего и субъекта усиливается: объект, являющийся референтным для субъекта, одновременно оказывается нереферентным для говорящего. Это становится очевидным при рассмотрении третьего типа интерпретации искомого объекта.

3. Поиск объекта, находящегося под квантором существования, напр.: (4) *Наверное, он ищет1 какую-нибудь девушку*. В данном случае искомый объект является для говорящего нереферентным, находящимся под кон-

стантным вариантом квантора существования [9]. В то же время в рамках «мира» одного из альтернативных предположений говорящего (если поиск имеет место) искомая девушка является для субъекта заведомо референтной, а не *какой-нибудь*. При этом реальный критерий отбора, которым субъект руководствуется при поиске, остается невыраженным.

Совпадение или несовпадение представлений об объекте говорящего и субъекта пропозициональной установки оказывается существенным для интерпретации аномальности или приемлемости высказывания. Рассмотрим, например, предложение (5) *?Он разыскивает какую-нибудь девушку*, которое интуитивно воспринимается по меньшей мере странно. Эту странность можно объяснить следующим образом:

1) употребление местоимения *какая-нибудь* в контексте реальной модальности свидетельствует о совпадении представлений об объекте у субъекта и говорящего;

2) *какая-нибудь девушка* при любых обстоятельствах является обозначением нереферентного объекта;

3) следовательно, в силу (1), объект является нереферентным и для субъекта;

4) в то же время особенность семантики ППД1 (к которой принадлежит и *разыскивать*) состоит в том, что в их значение входит указание об обязательной референтности объекта для субъекта поиска. Таким образом, возникает противоречие, которое и объясняет аномальность (5).

Заметим, что нормальность высказываний типа (6) *Он ищет какую-нибудь девушку* объясняется тем, что оно «автоматически» воспринимается как реализующее значение *искать*₂, а не *искать*₁, квазисинонимичное *разыскивать*. В этом случае группа прямого дополнения заполняет валентность не объекта поиска, а критерия отбора.

Предложения же типа (7) *Наверное, он разыскивает какую-нибудь девушку* представляются вполне удачными. Благодаря слову *наверное*, образующему контекст модальности возможности, в них, как и в (4), создается различие в точках зрения говорящего и субъекта предполагаемого поиска относительно типа референции искомого объекта. В представлении говорящего ему соответствует константный вариант квантора существования. Именно это представление (*de re*) говорящего соотносится с группой прямого дополнения, которая уже «не мешает» субъекту поиска в полном согласии с презумпцией *разыскивать* считать искомый объект референтным. Таким образом, модальность возможности превращает исходные высказывания типа (6) в «прозрачные», позволяя нейтрализовать первоначальное противоречие между презумпцией *разыскивать* и денотативным статусом искомого объекта.

Группа ППД2. Общим характерным свойством, объединяющим значения всех ППД (как первой, так и второй группы), является невозможность описания их семантики без учета таких неотъемлемых компонентов любой

ПД как: 1) объект поиска; 2) множество выбора; 3) вторичная цель (функция, которую должен выполнять искомый объект в ситуации конечной цели); 4) критерий отбора. Важным инструментом изучения семантики ППД оказывается также исследование их противопоставленных видовых форм — ср. [7].

Для предикатов первой группы противопоставление форм СВ и НСВ (ср. *искать* / — *найти*, *разыскивать* — *разыскать*) никак не меняет представление субъекта ПД о ее объекте, обозначенном группой прямого дополнения. Как в первом, так и во втором случае это объект, который, с точки зрения субъекта, является референтным.

Для предикатов же второй группы это противопоставление маркирует изменение представления субъекта о референции объекта поиска. При этом наиболее неоднозначной оказывается семантическая роль прямого дополнения при формах НСВ. По меткому выражению Е.В.Падучевой [7], «синтаксический актант в этом случае пребывает в растерянности — какого участника ему обозначать?». Действительно, в подобных ситуациях в нереферентной группе прямого дополнения одновременно неясно просматриваются, «мерцают образы» всех или почти всех из перечисленных необходимых компонентов ПД.

Как справедливо отмечается в [7], актуальное значение НСВ *выбирать* (как, впрочем, и всех других ППД второй группы) не допускает референтного употребления второго актанта — ср.: (8) **Грушницкий выбирает княжну Мери*; **Он ищет₂ (подбирает, подыскивает, отбирает) Анну*.

Для обозначения второго актанта ППД₂ в подобных ситуациях могут широко использоваться именные группы с неоднозначной референцией. Такими, например, являются разнообразные отпредикатные имена, которые в терминах лексических функций [3] трактуются как субстантивные лексические параметры типа Si: *жена* = S2 (*быть женатым*); *муж* = S2 (*быть замужем*); *друг* = S2 (*дружить*); *слесарь* = S1 (*слесарничать*); *врач* = S1 (*лечить*); *пациент* = S2 (*лечить*) и т.д. В некоторых контекстах такие лексические единицы могут приобретать референтный статус, напр.: *Жена улыбнулась* (т.е. 'женщина, являющаяся женой говорящего или героя повествования'); *Врач (слесарь) закурил* и т.д. Более того, они могут обозначать референтный объект поиска в контексте ППД₁: (9) *Иванов разыскивает жену (жену Петра)*; *Срочно найди (разыщи) врача (слесаря) — ему звонит жена*. В подобных случаях речь идет о поиске конкретного лица, а то, что оно одновременно является чьей-то женой (врачом, слесарем) — не более чем ситуативные характеристики, никак не влияющие на характер протекания описываемой ПД.

Однако, обозначая объект выбора при ППД₂, эти единицы могут иметь только нереферентный статус: (10) *Он ищет₂ (выбирает, подыскивает) (себе) жену*; *Иван ищет (подыскивает) (себе) друга*. В подобных ситуациях значение, выражаемое отпредикатным именем, нетривиально взаимодействует со значением ППД₂. При этом второй актант неявно указывает не только

на потенциальный (пока неизвестный) объект ПД, но и на другие необходимые компоненты ПД. В зависимости от типа значения единицы, обозначающей прямое дополнение, взаимодействие ее смысловых компонентов со значением ППД может проходить по-разному. Например, в случаях типа (10) целью ПД является выявление (пока еще нереперентного) лица, которое, с точки зрения субъекта, сможет претендовать на роль жены (друга) и т.д. Таким образом, данное наименование неявно указывает на конечную цель субъекта, легко вычисляемую из значения соответствующего субстантивного лексического параметра — создание семьи, завязывание дружеских отношений и т.д. В то же время ясно, что ПД осуществляется на множестве объектов, ни один из которых (пока) не может иметь желанного статуса (жены, друга...). Поэтому в подобных обозначениях никак не эксплицируются ни множество выбора, ни признаки потенциального объекта, учет которых подталкивает субъекта к принятию нужного решения.

С другой стороны, в примерах типа (11) *Фирма подыскивает (себе) врача; Компания выбирает (подбирает) слесаря для ремонтных работ* речь идет о том, что ПД осуществляется среди лиц, уже обладающих свойством 'быть врачом', 'быть слесарем'. Тем самым данные единицы содержат в себе указание (пусть и неполное) на множество, из которого осуществляется выбор, на характер вторичной цели (постоянное оказание медицинских услуг, выполнение квалифицированных слесарных работ), в которой заинтересован субъект, и одновременно — на часть критерия отбора, которым субъект руководствуется в ходе ПД.

Чем менее специфичной является единица, используемая для обозначения потенциального объекта — результата выбора (т.е. чем меньше других необходимых компонентов ПД отражается в ее семантике), тем более вероятно их самостоятельное выражение через стандартное или нестандартное заполнение соответствующей валентности. Ср.:

(12) *Грушницкий выбирает даму для танца* (валентность вторичной цели);

(13) *Он подбирает мебель, оптимально вписывающуюся в интерьер* (где причастный оборот заполняет валентность критерия отбора);

(14) *Он подыскивает (себе) жену из (среди) казаков* (валентность множества выбора).

Как отмечается в работе [7], множество выбора может быть задано и через дизъюнкцию — (15) *Он выбирает между Машей и Дашей*, где оно, в сущности, указывается перечислением его элементов. Показательно, что в данном случае каждый из элементов множества является референтно-определенным. Но это обстоятельство никак не влияет на денотативный статус потенциального объекта — результата выбора, который на данном этапе остается нереперентным.

Употребление же формы СВ данных предикатов указывает на то, что промежуточная цель достигнута — установлено лицо или объект, пригодный

для участия в достижении вторичной цели. Тем самым ситуация обретает устойчивое результирующее состояние, в котором уже можно четко выделить референтный объект — результат выбора, еще отсутствовавший на стадии ПД, обозначенной формой НСВ. Однако это еще не означает, что прямое дополнение при ППД в форме СВ всегда указывает только на объект (результат) выбора и имеет референтный денотативный статус. Так, в примерах:

(16) *Фирма выбрала (подыскала) (себе) врача; Компания отобрала слесарей для ремонтных работ;*

(17) *Он нашел2 (выбрал) (себе) жену (невесту, друга)*

прямое дополнение, соотносясь с уже референтным объектом, по-прежнему содержит указание и на другие компоненты осуществленной ПД — на вторичную цель ПД (16)—(17) и частично — на множество выбора (16).

В то же время меняется статус информации, которая для форм НСВ ППД2 соотносилась с критерием отбора. Как справедливо отмечено в работе [7], в предложениях вида (18а) *Он выбирает лучшую лошадь* и (18б) *Он выбрал лучшую лошадь* определение к прямому дополнению выполняет разные функции: в (18а) оно обозначает критерий отбора, а в (18б) — реальное свойство выбранного объекта. Строго говоря, предложения с формами СВ ППД2, подобные (18б), интерпретируются неоднозначно — в зависимости от того, воспринимается ли соответствующее свойство как релевантное критерию отбора или же как рассогласованное с ним. При этом наиболее вероятной оказывается такая интерпретация, которая лучше согласуется (коррелирует) с принципом естественной целесообразности. Если описываемая ситуация не заставляет усомниться в ее соответствии принципу целесообразности, то тогда естественно полагать, что реальное свойство выбранного объекта косвенно указывает на критерий отбора осуществленной ПД. В подобных случаях определение к прямому дополнению при формах СВ ППД2 естественно интерпретируется как обозначение того свойства объекта, которое оказалось релевантным критерию отбора и тем самым подтолкнуло субъекта ПД к выводу о пригодности данного объекта для участия в ситуации вторичной цели. Таким образом, в примерах типа (16)—(17) соответствующая информация (независимо от степени эксплицитности ее выражения), образно выражаясь, из «придаточного условия» трансформируется в «придаточное причины». Так, в (16) имеется в виду, что «...фирма (компания) сочла, что некий *x* пригоден для выполнения нужных ей ремонтных работ (постоянного оказания медицинских услуг), поскольку *x* является слесарем (врачом) и, кроме того, обладает рядом профессиональных качеств, свидетельствующих о его высокой квалификации в области того рода услуг, в которых заинтересована данная фирма (компания)». Аналогично (18б) = «Он выбрал лошадь *x*, поскольку она оказалась лучшей». Ср. также (19) *Для командования ротой отобрали самых опытных офицеров* = «...отобрали некоторое множество офицеров, поскольку они самые опытные (как офицеры)».

Если же описываемая ситуация противоречит принципу целесообразности, то тогда более вероятной становится интерпретация, согласно которой реальное свойство объекта оказывается нерелевантным адекватному критерию отбора и результат ПД с объективной точки зрения оценивается негативно: (20) *Он выбрал негодную лошадь (неспелый арбуз); Они подобрали плохих стрелков.*

Остановимся на еще одном аспекте, характерном для данных глаголов. Существенно, что сам факт употребления форм СВ ППД2 автоматически сигнализирует о том, что: а) то ли пройдена соответствующая подготовительная фаза к ситуации вторичной цели — как в (16); б) то ли достигнута сама вторичная цель — как в (17). Это свойство объясняется тем, что данные предикаты, обозначая в целом ограниченно контролируемые действия, в то же время в определенном смысле обладают признаком контролируемости, что вытекает из презумпции права субъекта на выбор. Имеется в виду, что если субъект сочтет, что объект произвольной природы удовлетворяет критерию отбора, то он заведомо способен и вправе распорядиться этим объектом нужным ему образом (в соответствии с характером вторичной цели). Такие полномочия субъекта обусловлены тем, что его действия согласуются с «правилами игры», установленными в соответствующей сфере человеческих или социальных отношений. Так, если субъект выбирает тот или иной товар в торговом учреждении, то его право подкреплено величиной суммы, которой он располагает в данный момент. В этом плане примечательны глагол *облюбовать*, жаргонно-просторечное выражение *положить глаз на* (ср. также укр. *вподобати*), в значении которых констатируется только, что субъект посчитал некоторый объект релевантным критерию отбора, но ничего не сообщается о последствиях, которые вытекают из этого обстоятельства.

Употребление форм НСВ ППД2 предполагает, что решение о том, какой объект (объекты) удовлетворяет критерию отбора, еще не принято. Кроме того, никто не может поручиться, что ПД закончится успешно — ведь нужный объект может быть и не найден. Если же объектом ПД является лицо, наделенное собственным разумом и волей, то успех ПД зависит не только от релевантности соответствующего лица критерию отбора, но также и от того, готово ли оно повести себя как кооперативный участник в ситуации вторичной цели. Естественно, что в обычной практике подобное поведение далеко не всегда может быть гарантировано заранее — ведь, например, такие ситуации, как совместный танец, вступление в брак с субъектом ПД или готовность к нему, ответные дружеские чувства, обязательно предполагают равенство обоих симметричных участников. Установление подобных кооперативных взаимоотношений должно опираться на взаимность — добровольное согласие партнера, заинтересовавшего субъекта.

Употребление же в подобных ситуациях форм СВ ППД2 констатирует успешность ПД, причем не только потому, что субъект обнаружил лицо, удовлетворяющее критерию отбора, но также и потому, что это лицо согласилось выступить кооперативным участником в ситуации вторичной цели, что и подразумевается в примерах (17), хотя и не попадает в них в коммуникативный фокус.

В то же время совершенно дикими выглядят выражения вида **отбирать, назначать (отобрать, назначить) (себе) жену (невесту, даму для танца, друга...)*. Дело в том, что эти предикаты опираются на презумпцию постоянного социально закрепленного превосходства субъекта над объектом (в смысле работы [4, 120—174])). Из этого следует, что объект должен беспрекословно повиноваться субъекту, что, безусловно, противоречит свойству равенства участников ситуаций, на которые указывает прямое дополнение. Ср. в связи с этим абсолютную нормальность примера (19), где такое противоречие отсутствует.

Свойство же контролируемости, присутствующее в значениях других глаголов группы ППД2, носит не постоянный, а ситуативный характер и правомочно только в пределах каждого конкретного акта ПД, согласованного с установленными социальными нормами.

Среди других важных аспектов исследования лексики ПД, заслуживающих отдельного рассмотрения, следует отметить взаимосвязь между типом референции объекта ПД и коммуникативными свойствами высказывания, а также особенности экспликации валентности критерия отбора при разных ППД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Сравнительная оценка ситуаций // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка, т. 42, 1983, № 4.
2. Жолковский А.К. Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 8. М., 1964.
3. Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики, вып. 19. М., 1967.
4. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
6. Падучева Е.В. Об именных группах со двоякой денотативной характеристикой // Семиотика и информатика, вып. 11. М.: ВИНТИ, 1979.
7. Падучева Е.В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола *назначать* // Типология и теория языка (от описания к объяснению). К 60-летию А.Е.Кибрика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
8. Труб В.М. Лексика целесообразной деятельности (опыт описания) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.
9. Труб В.М. Об одном подходе к исчислению типов объектных означаемых. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР, вып. 181. М., 1991.

В. И. Гаврилова

СОЗНАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ, СТИХИЙНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СИТУАЦИЯ СОЗДАНИЯ И СНЯТИЯ ПРЕГРАДЫ

Вводные замечания

Рассмотрим предложения, сказуемыми которых являются личные формы возвратных глаголов и предикативные формы причастий на *-н/-т*, образованные от глаголов *открывать(-ся)/открыть(-ся)*:

(1) Окно <u>открывается</u> с помощью этой кнопки	(4) Окно <u>открывается</u> от нажатия этой кнопки
(2) Окно <u>открывается</u> для проветривания	(5) Окно <u>открывается</u> при сильном ветре
(3) Окно <u>было открыто</u> ровно в два часа	(6) Окно <u>открылось</u> ровно в два часа

Глаголы *открывать(-ся)*, *открыть(-ся)* являются представителями лексико-семантической группы глаголов, описывающих ситуацию создания или устранения преграды для свободного доступа чего-либо или кого-либо в некоторое пространство, например: *закрывать(-ся)*, *закрывать(-ся)*; *откупоривать(-ся)*, *откупорить(-ся)*; *закупоривать(-ся)*, *закупорить(-ся)*; *запечатывать(-ся)*, *запечататься(-ся)*; *распечатывать(-ся)*, *распечатать(-ся)*; *отворять(-ся)*, *отворить(-ся)*; *приотворять(-ся)*, *приотворить(-ся)*.

Для краткости условимся называть глаголы, принадлежащие к этой лексико-семантической группе, *глаголами функционирования преграды*. Глаголы этой лексико-семантической группы представляют собой сопоставимые по значению переходные и возвратные глаголы¹ несовершенного и совершенного видов. Кроме того, широко распространено сказуемое

¹ Термин *возвратный глагол* мы употребляем для обозначения всех без исключения глаголов, имеющих в своем составе частицу *-ся*. При этом в разных лингвистических сочинениях этим термином обозначают иногда все глаголы с аффиксом *-ся*, а иногда только часть глаголов с этим аффиксом, объединенную особым значением. Например, в «Грамматическом словаре русского языка» А.А.Зализняка понятие *возвратный глагол* противопоставлено понятию *личная форма на -ся(-сь) со страдательным значением* [Зализняк 1977: 6—7; 85].

употребление (с нулевой связкой или со связками *был* и *будет*) причастий на *-н/-т* от глаголов этой группы, например: *закрыт, открыт, откупорен, закупорен, запечатан, распечатан, отворен, приотворен*.

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей соотношения конструкций, включающих в свой состав личные формы переходных глаголов *функционирования преграды*, с конструкциями, включающими в свой состав личные формы возвратных глаголов и предикативные формы причастий на *-н/-т* от этих глаголов.

Значение глаголов функционирования преграды в составе пассивных и квазипассивных конструкций

Что касается конструкций с возвратными глаголами и предикативными формами причастий на *-н/-т* в качестве сказуемых, то отсутствие в них синтаксического выражения актанта ситуации с ролью агенса может быть либо *отсутствием-неполнотой* в случае пассивных конструкций, например, конструкций (1)—(3), либо *отсутствием-запретом* в случае квазипассивных конструкций², например, конструкций (4)—(6) [Гаврилова 1979; 30—31], [Гаврилова 1986].

Сказуемые *открывается* и *было открыто* в пассивных конструкциях (1)—(3) представляют развитие ситуации как сознательно осуществляемое воздействие на окно внешних сил, а сказуемые *открывается* и *открылось* в квазипассивных конструкциях (4)—(6) — как результат стихийного проявления свойств окна вследствие стечения некоторых обстоятельств. Другими словами, возвратный глагол функционирования преграды в составе пассивной конструкции имеет значение целенаправленной деятельности, а в составе квазипассивной конструкции — значение стихийного процесса.

Так, например, можно двумя разными способами осмыслить фразу, которую постоянно слышат пассажиры московского метро:

(7) *Осторожно, двери закрываются.*

Эта фраза может быть понята либо как описывающая целенаправленное личностное действие (если мы будем примысливать то обстоятельство, что механизм закрытия дверей приводится в действие машинистом поез-

² Квазипассивные конструкции соответствуют диатезе объектный квазипассив в исчислении диатез А.А.Холодовича. Напомним, как принято представлять в виде схем диатезы актив, пассив и объектный квазипассив [Холодович 1963]:

Диатеза «актив»

Диатеза «пассив»

Диатеза «объектный квазипассив»

Субъект	Объект	Субъект	Объект	Субъект	Объект
Подлежащее	Дополнение	Дополнение	Подлежащее	—	Подлежащее

Прочерк обозначает запрет на выражение субъекта на поверхностно-синтаксическом уровне.

да); либо как стихийный процесс (если мы будем воспринимать его как процесс, являющийся результатом работы технических устройств).

Нам представляется, что осознание глагола функционирования преграды как саморазвивающегося стихийного процесса или как сознательной личностной деятельности может быть проинтерпретировано как наложение внешней модально-энергетической рамки, которая указывает на источник энергии происходящего перемещения. При этом значение сознательной личностной деятельности и значение самопроизвольного процесса образуют привативную оппозицию, в которой маркированным членом является значение личностной сознательной деятельности. А именно, источником энергии осознается либо **человек** (*личностная осознанная деятельность*), либо этот источник **обезличен и не назван** (*стихийный процесс*). Наложение этой модально-энергетической рамки не затрагивает собственно лексического значения глагола: так, все глаголы-сказуемые *открывается*, *открылось* и *было открыто* в примерах (1)–(6) соответствуют первому значению из толкования глагола *открыться* в Словаре русского языка С.И.Ожегова: «Стать открытым».

Конструкции с переходными глаголами функционирования преграды

Рассмотрим примеры конструкций, в которых в качестве подлежащего выступает одушевленное существительное, а в качестве сказуемого — переходный глагол исследуемого класса несовершенного или совершенного вида: (8) *Мальчик открывает дверь*; (9) *Мальчик открыл дверь*. Сказуемые этих конструкций обозначают действия, производимые личностью по своему произволу, т.е. действия, являющиеся результатом свободного решения этой личности. При этом энергетическим источником, за счет которого осуществляется процесс перемещения преграды, является энергия личности, обозначенной подлежащим.

В конструкциях (10) и (11), в которых подлежащим является существительное, обозначающее стихию, энергетическим источником, за счет которого осуществляется процесс перемещения преграды, является энергия этой обозначенной подлежащим стихии: (10) *Порыв ветра открывает дверь*; (11) *Порыв ветра открыл дверь*. В данном случае энергия, за счет которой осуществляется процесс снятия преграды, изливается не по чьему-либо произволу, а стихийно.

Конструкции с возвратными глаголами функционирования преграды

Возвратные глаголы функционирования преграды при предикативном употреблении по-разному ведут себя в зависимости от вида глагола.

Конструкции, в которых сказуемые выражаются личными формами возвратных глаголов совершенного вида исследуемого класса, *всегда обо-*

значают процессы, производимые стихийной энергией, т.е. энергией, не имеющей свободы своих проявлений, изливающейся в силу некоторого стечения обстоятельств: пример (6) и (12) *Дверь открылась, и вбежал мальчик*. Глаголы несовершенного вида могут иметь такое же значение: примеры (4), (5) и (13) *Дверь открывается, и вбегает мальчик*. Но значение стихийно развивающегося процесса у возвратных глаголов несовершенного вида конкурирует со значением целенаправленного действия — примеры (1), (5) и (14) *Эта дверь открывается очень редко — в дни больших приемов*.

Когда ситуация снятия преграды описывается с помощью квазипассивной конструкции — примеры (4)—(6), (12), (13) — эта ситуация воспринимается как процесс, в котором важна лишь способность преграды переместиться в ответ на внешнее энергетическое воздействие. При этом источник этого энергетического воздействия либо совсем уходит из фокуса внимания — примеры (6), (12) и (13), либо представлен как обстоятельство, способствующее перемещению преграды — примеры (4) и (5).

Изменение положения преграды может осмысливаться как стихийный процесс, даже если в самой конструкции или в ближайшем контексте имеются прямые указания на то, что в описываемой денотативной ситуации присутствует актанта с ролью производителя действия. В частности, изменение обязательно осмысливается как стихийный процесс, если сказуемым является возвратный глагол совершенного вида, например:

(15) *Дверь открылась от сильного удара ногой.*

(16) *Дерни за веревочку — дверь и откроется.*

Значения целенаправленного действия у переходного глагола функционирования преграды, с одной стороны, и значение стихийного процесса у возвратного глагола совершенного вида этой лексико-семантической группы, с другой стороны, взаимодействуя, образуют нерв следующего четверостишья:

(17) *Одна половина окна отворилась,*

Одна половина души отворилась.

Давай же откроем и ту половину,

И ту половину окна.

Специального обсуждения заслуживает ситуация, в которой в качестве преграды выступают веки, способные открывать и закрывать глаза.

Природа создала механизм естественной блокировки лишь для зрительного канала связи человека с окружающим миром. Так, опуская веки, т.е. закрывая глаза, человек отсекает от себя все зрительные впечатления и остается наедине со своим внутренним миром. Вот что пишет по этому поводу Г.Д.Гачев: «Почему мы мигаем, моргаем... Человек этим то творит, то уничтожает “я” и “не-я”. Вот глаза закрыты — и человек чувствует только себя...

Вот глаза открыты и человек оставил себя и испытывает острейшее чувство мира вне себя, “не-я” в отличие от “я»» [Гачев 1987, 211].

Ни слуховой, ни осязательный, ни обонятельный каналы человек естественным образом перекрыть не может: он принужден постоянно без перерыва слушать раздающиеся вокруг звуки, ощущать разлитые вокруг запахи и испытывать те или иные тактильные ощущения.

Открытие и закрытие глаз, за исключением пограничных случаев, осуществляется за счет биологических механизмов внутренне присущих индивиду, но при этом толчок для включения этих механизмов может быть произведен либо сознательно и целенаправленно (18), либо бессознательно и рефлекторно (19): (18) *Я закрываю глаза*; (19) *У меня глаза закрываются*.

При этом переходные глаголы функционирования преграды с дополнением *глаза*, как правило, выражают целенаправленное действие: примеры (18) и (20) *Я с трудом открыл глаза*, а возвратные глаголы выражают эту же ситуацию как бессознательный рефлекторный процесс: примеры (19) и (21) *У меня с трудом открылись глаза*.

Пограничная (маргинальная) ситуация закрытия глаз у уже испутившего дух человека является ситуацией, в которой действие целенаправленно и энергетически обеспечивается внешними силами. Эта ситуация оформляется с помощью активной конструкции, в которой подлежащим является существительное, обозначающее человека, закрывающего усопшему глаза:

- (22) *О, знала ль я, когда неслась, играя,
Моей души последняя гроза,
Что лучшему из юношей рыдая,
Закрою я орлиные глаза.*

Как мы уже говорили, возвратные глаголы функционирования преграды с дополнением *глаза*, как правило, входят в состав квазипассивных конструкций и обозначают имманентный стихийно развивающийся процесс:

- (23) *При вспышке яркого света глаза сами закрываются.*

Пограничным случаем употребления возвратных глаголов функционирования преграды в квазипассивной конструкции является ситуация, когда Божественная сила открывает очи для духовного видения:

- (24) *Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.*

Глаголы *открывать/открыть* (с дополнением *глаза*) или глаголы *открываться/открыться* (с подлежащим *глаза*) могут употребляться и в переносном значении: (25) *Он открыл мне глаза на происходящие в моем*

доме события; (26) *Наконец-то у тебя открылись глаза на все это, и ты понял, что я был прав.* При этом они обозначают ситуацию, в которой некто объясняет другому (или уясняет для себя самого) какие-то ранее оставшиеся не замеченными факты.

Сюда же примыкают примеры с предикатами *открываться/открыться* взгляду (27) и *раскрываться* в смысле становиться доступным для духовного взора (30) и (31):

(27) *Сущность языка — в той мере, в какой она вообще может открыться — открывается не «инструментальному», а философскому взгляду.*

(28) *В меру внутреннего очищения раскрывается Евангелие.*

(29) *В историческом процессе христианские догматы не изменяются, а только раскрываются.*

Конструкции с предикативными формами причастий от глаголов функционирования преграды

Сравним три следующих предложения:

(30) *Когда я проходил мимо в пять часов, окно было открыто, но я не знаю, когда оно было открыто³.*

(31) *Когда я проходил мимо в пять часов, окно было открыто, но я не знаю, когда оно открылось.*

(32) *Когда я проходил мимо в пять часов, окно было открыто, но я не знаю, когда его открыли.*

Значение первого вхождения *было открыто* в предложение (30) может быть определено как *пребывание в новом результирующем состоянии*, в то же время значение второго вхождения *было открыто* в предложение (30) было определено там же как *переход в новое результирующее состояние*.

Сравнение предложений (30) и (31) показывает, что значение *перехода в новое результирующее состояние* для глаголов функционирования преграды может быть выражено как присвязочной формой причастия на *-и/-т*, так и формой возвратного глагола совершенного вида. Когда же переход в новое состояние выражается возвратным глаголом совершенного вида, например, формой *открылось*, то этот переход, как мы уже говорили, осознается как обусловленный обезличенной энергией, а следовательно, как стихийный нецеленаправленный процесс. Когда же переход в новое состояние выражается предикативной формой причастия, например, формой *было открыто*, то этот переход осознается как целенаправленное личностное действие.

³ Этот пример обсуждался нами в работе [Гаврилова 1998].

Кроме того, сравнение предложений (30) и (31) показывает, что значение бытия в новом результирующем состоянии может быть следствием как целенаправленного действия, так и стихийного процесса.

В примере (32) в состав придаточного предложения входит неопределенно-личная конструкция со словоформой переходного глагола *открыть* в качестве сказуемого.

Форма переходного глагола *открыли* в составе неопределенно-личной конструкции в примере (32), как и предикативная причастная форма *было открыто* в примере (30), используется в том случае, когда считается, что переход в новое результирующее состояние является итогом целенаправленного личностного действия.

Значение первого вхождения *было открыто* в предложение (30) и единственного вхождения этой причастной формы в предложение (31) мы выше условились характеризовать как *пребывание в новом результирующем состоянии*. В коллективной монографии «Типология результирующих конструкций» для описания подобных причастных предикативных форм предлагается употреблять термин *результатив*, который определяется как «глагольные формы, обозначающие состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие» [ТРК 1983, 3].

В примере (32) результатив *было открыто* противопоставлен глаголу-сказуемому *открыли*, а в примере (31) этот результатив противопоставлен глаголу-сказуемому *открылось*. Но кроме того существует еще пример (30), который демонстрирует противопоставление двух омонимичных форм *было открыто*, а именно: первого вхождения *было открыто* и второго вхождения *было открыто*. При этом первое вхождение *было открыто* является результативом и имеет значение *пребывания в новом результирующем состоянии*, а второе вхождение *было открыто* имеет значение *перехода в новое результирующее состояние*, и его принято интерпретировать как форму *аналитического пассива* от глагола *открыть*.

В.П.Недялков и С.Е.Яхонтов отмечают, что «в русском языке *открыто* ... (причастие от глагола *открыть*); ... по смыслу ... может быть сопоставлено и с *открыть*, и с *открыться*», и называют этот результатив двудиагезным [Недялков, Яхонтов 1983, 10]. Но эти авторы не указывают на возможность сопоставления по смыслу результатива и пассивного инфинитива. Между тем, если быть последовательными, то к вышеназванному сопоставлению по смыслу результатива *было открыто* с глаголами *открыть/открыться* необходимо добавить еще одно сопоставление, а именно сопоставление результатива *было открыто* с глаголом *быть открытым*, если договориться таким образом обозначать пассивный инфинитив совершенного вида⁴.

⁴ Возможно, В.П.Недялков и С.Е.Яхонтов не принимают во внимание пассивный инфинитив *быть открытым* из-за того, что активные и пассивные формы глагола принято считать принадлежащими к одной и той же глагольной лексеме.

Необходимо отметить, что различие в значениях предикативных форм причастий на *-н/-т* может достигаться за счет расширения контекста с помощью разного рода временных обстоятельств. Так, в предложениях (33) и (34) сказуемое *было открыто* имеет значение перехода в новое результирующее состояние, в предложениях (35) и (36) — значение пребывания в новом результирующем состоянии, а предложение (37) двусмысленно: оно может быть понято либо как передающее смысл «удалось открыть», то есть как обладающее первым из этих двух значений, либо как передающее смысл «стояло открытым», то есть как обладающее вторым значением.

(33) *Окно было открыто за пять минут.*

(34) *Окно было открыто всего на пять минут.*

(35) *Окно было открыто всего пять минут.*

(36) *Прошлым летом это окно было всегда открыто.*

(37) *Окно было открыто в течение пяти минут.*

Серьезным аргументом в пользу объявления предикативных форм причастий на *-н/-т* формой стательного-результативного вида является то, что в примерах (35) и (36) предикативные формы причастий распространены обстоятельствами *всего пять минут* и *всегда*, не сочетающимися с формами совершенного вида. Поэтому неопределенно-личный оборот со сказуемым *открыли* невозможен с этими обстоятельствами. Кроме того в случае обстоятельства *всего пять минут* неопределенно-личный оборот не обладает двусмысленностью и несет лишь смысл «удалось открыть»:

(38) *Окно открыли за пять минут.*

(39) *Окно открыли всего на пять минут.*

(40) **Окно открыли всего пять минут.*

(41) **Прошлым летом это окно всегда открыли.*

(42) *Окно открыли в течение пяти минут.*

Парадигматическое противопоставление личных форм возвратных глаголов и предикативных форм причастий на *-н/-т* от глаголов функционирования преграды

Сказуемые пассивных конструкций и сказуемые квазипассивных конструкций с глаголами исследуемого класса образуют разные ряды парадигматически противопоставленных личных форм глаголов и предикативных форм причастий. Так, формы глаголов функционирования преграды, употребляемые в пассивных конструкциях, формируют следующие ряды парадигматически противопоставленных форм: *закрываются* — *закрывались* — *будут закрываться* в несовершенном виде и *закрываются* — *были закрыты* — *будут закрыты* в совершенном виде.

Схема 1

Несовершенный вид	Совершенный вид
(43) Двери закрываются (кем-то)	(46) Двери закрыты (кем-то)
(44) Двери закрывались (кем-то)	(47) Двери были закрыты (кем-то)
(45) Двери будут закрываться (кем-то)	(48) Двери будут закрыты (кем-то)

Противопоставление предикативных форм *закрыты* — *были закрыты* — *будут закрыты* в примерах (46)–(48) естественно рассматривать как противопоставление «форм настоящего времени (близкого по значению к английскому *Present Perfect*) — форм прошедшего времени — форм будущего времени» [Гаврилова 1998, 103]. Поскольку предложения с причастием на *-н/-т* с нулевой связкой и со связкой *был* (*-а, -о, -и*) отнюдь не являются синонимами: (46а) *Двери закрыты привратником* и (47а) *Двери были закрыты привратником*. А именно, причастие с нулевой связкой в предложении (46а) имеет перфектное значение, то есть означает, что двери остаются закрытыми вплоть до настоящего времени, в то время как причастие со связкой *был* в предложении (47а) не имеет перфектного значения, то есть не значит, что двери остаются закрытыми до настоящего времени. Поэтому предложение (47б) является безупречным, а предложение (46б) воспринимается как семантически неправильное: (47б) *Двери были закрыты привратником, но потом они сами открылись*, но *(46б) *Двери закрыты привратником, но потом они сами открылись*.

Формы глаголов функционирования преграды, употребляемые в квазипассивных конструкциях, формируют следующие ряды парадигматически противопоставленных форм: *закрывается* — *закрывалось* — *будет закрываться* в несовершенном виде и *закрылось* — *закроется* в совершенном виде.

Схема 2

Несовершенный вид	Совершенный вид
(49) Двери закрываются (сами собой)	(52) Двери закрылись (сами собой)
(50) Двери закрывались (сами собой)	(53) Двери закроются (сами собой)
(51) Двери будут закрываться (сами собой)	

Сказуемые в примерах (54)–(56) имеют значение сохранения во времени достигнутого результативного состояния. Эти примеры с равным основанием могут считаться постпредельной ступенью развития как действия перемещения преграды, описанного в пассивной конструкции (волеобусловленное протекание процесса — примеры (45)–(50)), так и в квазипассивной конструкции (самопроизвольное протекание процесса — примеры (40)–(44)).

Схем

Статально-результативный вид
(54) Двери закрыты (в течение часа)
(55) Двери были закрыты (в течение часа)
(56) Двери будут закрыты (в течение часа)

Поскольку, как мы говорили выше, как противопоставления, представленные в схеме 1, так и противопоставления, представленные в схеме 2 должны быть расширены материалом схемы 3, то мы должны говорить о схеме 4 (= схема 1 + схема 3), и о схеме 5 (схема 2 + схема 3):

Схем

Несовершенный вид	Совершенный вид	Статально-результативный вид
(43) Двери закрываются (кем-то)	(46) Двери закрыты (кем-то)	(54) Двери закрыты (в течение часа)
(44) Двери закрывались (кем-то)	(47) Двери были закрыты (кем-то)	(55) Двери были закрыты (в течение часа)
(45) Двери будут закрываться (кем-то)	(48) Двери будут закрыты (кем-то)	(56) Двери будут закрыты (в течение часа)

Схем

Несовершенный вид	Совершенный вид	Статально-результативный вид
(49) Двери закрываются (сами собой)	(52) Двери закрывались (сами собой)	(54) Двери закрыты (в течение часа)
(50) Двери закрывались (сами собой)		(55) Двери были закрыты (в течение часа)
(51) Двери будут закрываться (сами собой)	(53) Двери закроются (сами собой)	(56) Двери будут закрыты (в течение часа)

Примеры (46)—(48) по способу оформления сказуемого совпадают с примерами (54)—(56). Но в примерах (54)—(56) эти формы осознаются как формы со значением *пребывания в результирующем состоянии*, в примерах (46)—(48) эти же формы осознаются как формы со значением *перехода в результирующее состояние*.

Таким образом, когда перемещение преграды осознается как стихийный процесс, присвязочные формы причастий могут интерпретироваться только как имеющие значение *пребывания в новом результирующем состоянии*, а когда перемещение преграды осознается как сознательная д

тельность, присвязочные формы причастий помимо значения *пробывания в новом результирующем состоянии* могут получать значение *перехода в новое результирующее состояние*.

Отличительной чертой глаголов функционирования преграды является то, что они с одинаковой естественностью употребляются как в пассивных конструкциях (схема 1), так и в квазипассивных конструкциях (схема 2). Необходимо отметить, что существуют лексико-семантические группы глаголов, тяготеющие к образованию либо преимущественно пассивных конструкций по схеме 4, либо преимущественно квазипассивных конструкций по схеме 5. Так, примеры избирательности относительно пассивных и квазипассивных конструкций демонстрируют нам, с одной стороны, *глаголы созидательной деятельности* (пассивные конструкции), а с другой стороны, *глаголы физико-химических преобразований материи* (квазипассивные конструкции).

Глаголами созидательной деятельности мы будем называть глаголы, описывающие деятельность человека по созданию или изменению артефактов, например: *строить/построить; составлять/составить (смету); ремонтировать/отремонтировать*.

Эти глаголы могут образовывать трехчленные пассивные конструкции с *глаголами созидательной деятельности* и морфологически выраженным агенсом ситуации создания или изменения артефакта:

(57) *Дом строится (строился, будет строиться) рабочими.*

(58) *Дом построен (был построен, будет построен) рабочими.*

Эти примеры кочуют из одного грамматического описания в другое, где они приводятся в качестве иллюстрации сопоставления спряжения глаголов несовершенного и совершенного видов в страдательном залоге.

Случаи употребления глаголов этой группы в квазипассивных конструкциях хотя и встречаются, но для этой лексико-семантической группы глаголов являются периферийными, например: (59) *Дом не сам собою строится (строился, будет строиться)*; (60) *Дом не сам собою построен (построился)*. В работе И.Г.Милославского [Милославский, 1978] рассматривается пример (61) *Сама собою жизнь ведь не построится, Вода под камушек не потечет*, при этом форму *построится* предлагается интерпретировать как форму страдательного залога. Но примеры, подобные (59)—(61), остаются вне поля зрения основной массы исследователей.

Глаголами физико-химических преобразований материи являются, например, глаголы *нагревать/нагреть, намагничивать/намагнитить, расплавлять/расплавить*. Формы возвратных глаголов физико-химических преобразований, например, (62) *Вода нагревается*, обозначают процессы, которые с неизбежностью самопроизвольно осуществляются при возникновении определенных внешних для изменяющегося предмета условий (стихийные процессы). Формы парных переходных глаголов этой группы,

например, (63) *Повар нагревает воду на плите*, обозначают деятельность по созданию условий, необходимых для того, чтобы вызвать к жизни эти стихийные процессы.

Для глаголов *физико-химических преобразований* образование пассивных конструкций является периферийным явлением. Так, от глаголов этой семантики трехчленные пассивные конструкции с явно выраженным агенсом вообще невозможны: (64) **Вода нагревается поваром*. Это происходит, по-видимому, потому, что подлежащее соответствующей действительной конструкции является не агенсом действия, а его инициатором (см. [Степанов 1997, 210—211]). В то же время двучленные конструкции с глаголами *физико-химических преобразований* в определенных контекстах могут восприниматься как пассивные: (65) *Вода сначала нагревается кипятильником, а потом ставится на плиту*.

Различия в значениях, которые обнаруживают возвратные глаголы *созидательной деятельности* и возвратные глаголы *физико-химических преобразований*, могут быть сведены к различиям двух видов «неактивности», введенных О.Н.Селиверстовой: «...Существует по крайней мере два основных типа “неактивности” (с различными подразделениями и подвидами): 1) неактивность, которую можно связать с понятием страдательности (пациенса), т.е. такая неактивность, при которой X не определяет осуществление, поддержание Р; Р привносится какой-то внешней по отношению к X-у силой или во всяком случае является самоподдерживаемым; 2) неактивность, которая определяется либо тем, что X вообще в собственном смысле слова не действует, но, с другой стороны, энергия, необходимая для осуществления или поддержания Р исходит от него. Его свойства определяют существование Р» [Селиверстова 1982, 112].

Итак, глаголы *созидательной деятельности* и глаголы *физико-химических преобразований* в страдательном залоге характеризуются разными парадигмами. Глаголы *функционирования преграды*, как мы уже говорили, интересны тем, что для выражения разных значений могут использовать то парадигму, свойственную глаголам *созидательной деятельности* (схема 4), то парадигму, свойственную глаголам *физико-химических преобразований* (схема 5).

Глагол открыться — декаузатив или форма страдательного залога от глагола *открыть*?

Словоформы переходных глаголов и словоформы парных возвратных глаголов с пассивным значением принято считать формами разных залогов — действительного и страдательного — одного и того же глагола:

(66) *Рабочие строят дом* ⇔ (67) *Дом строится рабочими*.

(8) *Мальчик открывает окно* ⇔ (8пас) *Окно открывается мальчиком*.

(10) Порыв ветра открывает окно \Leftrightarrow (10пас) Окно открывается порывом ветра.

В то же время широко распространена точка зрения, согласно которой словоформы переходных глаголов и словоформы парных возвратных глаголов с квазипассивным значением — примеры (68) и (69), (8) и (8квпас), (10) и (10квпас) — не связаны между собой никакими залоговыми отношениями. А именно, считается, что словоформы переходного глагола, примеры (68), (8) и (10), имеют каузативное значение, а словоформы возвратных глаголов, являющиеся сказуемыми квазипассивных конструкций (69), (8квпас) и (10квпас), имеют декаузативное значение:

(68) Воду греют на плите \Leftrightarrow (69) Вода греется на плите.

(8) Мальчик открывает окно \Leftrightarrow (8квпас) Окно открывается от действий мальчика.

(10) Ветер открывает окно \Leftrightarrow (10квпас) Окно открывается от ветра.

Такой точки зрения придерживаются, например, В.П.Недялков, С.Е.Яхонтов [Недялков, Яхонтов 1983, 10] и И.Б.Долинина [Долинина 1991]. Так, при обсуждении примеров (70)⁵ Он открыл дверь и (71) Дверь открылась, И.Б.Долинина говорит, что в примере (70) словоформа глагола *открыть* обладает семой каузативности и что эта сема устранена в словоформе глагола *открыться* в примере (71) [Долинина 1991, 328]. При этом про конструкции, подобные (71), у И.Б.Долининой говорится, что они «называют действие или состояние объекта, возникающее только под воздействием извне (при каузации), но в силу характера его восприятия говорящим, приобретающее статус как бы автономного действия, которое не связано непосредственно с каузатором. ... Рефлексивные глаголы с декаузативным значением называют некоторую “микроситуацию”, которая является частью каузативной макроситуации, но осмысливается по ряду причин (каузатор не известен, не виден, не существует) как самостоятельная ситуация» [Долинина 1991, 330—331].

А.К.Переверзев возражает против автономного осмысления ситуации (70) и ситуации (71), поскольку считает, что «это одна наблюдаемая (реальная) ситуация, но только каждый раз по-разному интерпретированная» [Переверзев 1996, 113—114]. А.К.Переверзев говорит, что предложения, подобные (70) и (61), «обозначают одну и ту же реальную ситуацию. И хотя знания говорящего о ситуациях, стоящих за каузативными и рефлексивными пропозициями, различны, они различаются лишь объемом признаков и полностью накладываются друг на друга» [Переверзев 1996, 113].

⁵ Здесь и далее примерам, взятым из работ других авторов, присваиваются номера из сплошной нумерации примеров в данной работе.

Мы не будем в данном исследовании обсуждать правомерность трактовки переходных и возвратных глаголов физико-химических преобразований как каузативов и декаузативов. Но что касается глаголов функционирования преграды, то нам представляется, что трактовка переходных и возвратных глаголов в составе квазипассивных конструкций как каузативов и декаузативов лишает грамматическое описание объяснительной силы. Вряд ли разумно описывать раздельно и относить к разным глагольным лексемам, с одной стороны, формы переходных глаголов и формы возвратных глаголов функционирования преграды, выступающие в пассивных конструкциях, а с другой стороны, формы возвратных глаголов этой семантики, выступающие в квазипассивных конструкциях, поскольку в текстовом употреблении семантическая разница почти затушевывается и значения форм возвратных глаголов подчас имеют диффузный характер:

(72) Водитель открывает двери только на остановках.

(73) Двери автобуса открываются водителем.

(74) Водитель нажимает на рычаг, и двери открываются.

(75) Двери открываются автоматически.

(76) Двери легко открываются при нажатии рычага⁶.

(77) Водитель открыл двери, и пассажиры стали выходить из автобуса.

(78) Двери открылись, и пассажиры стали выходить из автобуса.

(79) Водитель открыл двери нажатием рычага.

(80) Водитель нажал на рычаг, и двери открылись.

(81) На этой остановке двери открываются только по требованию пассажиров.

Гораздо более естественной, как нам представляется, является точка зрения, уже высказывавшаяся в данном исследовании, согласно которой осознание глагола функционирования преграды как саморазвивающегося стихийного процесса (квазипассивные конструкции) или как сознательной личностной деятельности (активная и пассивные конструкции) может быть проинтерпретировано как наложение внешней модально-энергетической рамки, которая указывает на источник энергии происходящего перемещения. А именно, источником энергии осознается либо **человек** (*личностная осознанная деятельность*), либо этот источник **обезличен и не назван** (*стихийный процесс*). Наложение этой модально-энергетической рамки не затрагивает собственно лексического значения глагола.

⁶ Нам представляется, что примерам такого рода не следует приписывать особое залоговое пассивно-качественное значение. Их нужно рассматривать в одном ряду с другими употреблениями возвратных глаголов функционирования преграды, поскольку привнесение значения потенциальности не отражается на залоговом статусе глагольной формы. Так, например, никто не говорит о разном залоговом статусе словоформы в двух следующих предложениях, хотя в одном из них также присутствует сема потенциальности: *Он поет романсы русских композиторов* и *Он хорошо поет*.

Мы предлагаем считать, что глаголы функционирования преграды имеют одну парадигму, и при этом образующие эту парадигму личные или аналитические формы глаголов могут иметь либо значение стихийного процесса, либо значение сознательной личностной деятельности. И эта единая для всех словоупотреблений глаголов функционирования преграды парадигма устроена так, что глаголы функционирования в страдательном залоге образуют трехвидовое противопоставление «*несовершенный вид страдательного залога* (формы возвратных глаголов несовершенного вида) — *совершенный вид страдательного залога* (формы возвратных глаголов совершенного вида) — *статально-результативный вид страдательного залога* (формы присвязочных причастий на *-н/-т*)». При этом, когда глаголы функционирования преграды выражают сознательную деятельность, они имеют дефектную парадигму, в которой отсутствуют формы совершенного вида, но в качестве компенсации у форм статально-результативного вида развивается дополнительное значение перехода в новое состояние.

Наст. вр. несов. вид	<i>закрываются (сами собой)</i>	<i>закрываются (кем-то)</i>
Прош. вр. несов. вид	<i>закрывались (сами собой)</i>	<i>закрывались (кем-то)</i>
Буд. вр. несов. вид	<i>будут закрываться (сами собой)</i>	<i>будут закрываться (кем-то)</i>
Прош. вр. сов. вид	<i>закрылись (сами собой)</i>	—
Буд. вр. сов. вид	<i>закроются (сами собой)</i>	—
Наст. вр. стат. вид	<i>закрыты (в течение часа)</i>	<i>закрыты (в течение часа)</i>
Прош. вр. стат. вид	<i>были закрыты (в течение часа)</i>	<i>были закрыты (в течение часа); были закрыты (кем-то)</i>
Буд. вр. стат. вид	<i>будут закрыты (в течение часа)</i>	<i>будут закрыты (в течение часа); будут закрыты (кем-то)</i>

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилова В.И. Квазипассивные конструкции в русском языке. АКД. М., 1986.
2. Гаврилова В.И. К семантике некоторой разновидности конвертированной конструкции // Научно-техническая информация, сер. 2, 1979, № 3.

3. *Гаврилова В.И.* Краткое причастие на -н/-т как форма стательного вида страдательного залога // Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
4. *Гачев Г.Д.* Европейские образы пространства и времени // Культура, человек и картина мира. М.: Наука, 1987.
5. *Долинина И.Б.* Рефлексивность и каузативность (категориальная семантика рефлексивных конструкций, соотносительных с каузативными конструкциями) // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб: Наука, 1991.
6. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
7. *Милославский И.Г.* К какому залогу принадлежит глагол «нравиться»? // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
8. *Недялков В.П., Яхонтов С.Е.* Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). М.: Наука, 1983.
9. *Переверзев А.К.* Семантика каузации на фоне лексической и пропозициональной типологии // Вопросы языкознания, 1996, № 5.
10. *Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка / Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.
11. *Степанов Ю.С.* Действие. Ремесло // *Степанов Ю.С.* Словарь русской культуры. М., 1997.
12. Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). М.: Наука, 1983.
13. *Холодович А.А.* Залог. 1. Определение. Исчисление // Категория залога: Материалы конференции. Л., 1963.

В. В. Гуревич

ОТ ДВИЖЕНИЯ К ПОКОЮ ИЛИ НАОБОРОТ? (О НЕКОТОРЫХ ПАРАДОКСАХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ)

Когда мы анализируем значения, сводя некоторую сложную семантему к ряду более простых, мы тем самым устанавливаем отношения производности между соответствующими семантическими единицами. Однако при этом выясняется, что для некоторых семантических пар понятие «направления» семантической производности (от более простого, исходного значения — к более сложному, производному) как бы утрачивает смысл, поскольку вектор такого движения в равной мере можно признать направленным и в ту, и в другую сторону.

Такого рода двойственность отношений производности отмечается, в частности, в семантических оппозициях типа «движение» — «состояние покоя», и, шире, «действие (динамический признак)» — «отношение (статический признак)», «предмет» — «признак» («субъект» — «предикат»), «рема» — «тема высказывания», «определенность объекта» — «неопределенность», и ряда других.

Действительно, с одной стороны, понятие «движения в пространстве» (то есть некоторого действия, процесса) отражает динамику признака — изменение местоположения (статического состояния, пространственного соотношения предметов). Таким образом, представление о действии как будто производно от этих статичных представлений: оно возникает на их базе, включает их в себя. Когда мы говорим, например, что некоторый объект переместился из точки X в точку Y, это означает, что вначале объект находился в точке X, а через некоторое время находился в Y. Сводя понятие «движения» к понятию «местонахождения», мы, следовательно, сводим смысл «действие (процесс)» к более элементарному смыслу «отношение» («местонахождение» есть пространственное соотношение данного предмета с другими). Рассмотрим однако теперь семантику самого понятия «отношения» как некоторого статического признака.

Представление о том, что объект А находится близко (или далеко) по отношению к объекту Б, означает: «если мы будем двигаться от А, чтобы достичь Б, то нам потребуется для этого мало (или много) времени». Как видим, толкуя семантему «пространственные соотношения», мы сводим ее к семантеме «движение». По-видимому, такая двойственность в направлении семантической производности не есть просто результат логической ошибки (данный парадокс отмечен еще в известной апории Зенона о летящей стреле).

Та же двойственность в указанном плане характерна и для иных семантов «отношения». Рассмотрим, в частности, отношение тождества объектов. Оно по существу означает тождество двух наименований одного объекта: высказывание *А есть то же, что Б* (ср. Автор *«Войны и мира»* тот же, что автор *«Анны Карениной»*) означает, что А и Б называют один объект (в количественном плане). Понятие количественной единичности в данном контексте можно представить следующим образом: «если сложить объект, обозначенный как А, с объектом, обозначенным как Б, то результатом будет число 1». Как видим, мы снова толкуем статическое понятие «отношения» (тождества) через динамическое понятие «действия» (сложение объектов). Отметим, что в математике понятия «тождественно», «равно», «больше», «меньше» вводятся аксиоматически, как известные из практики; на практике же мы действительно устанавливаем такие количественные соотношения через сложение величин, наложение отрезков друг на друга и т.д., то есть операционально (через действия с объектами); следовательно, «действие» оказывается первичным.

В семантическом плане следует обратить внимание на то, что как в данном, так и в предыдущем толковании обнаруживается компонент с модальным значением «условия» («если»). По-видимому, он и создает представление о статичности признака: понятия «пространственного соотношения (местонахождения)» и «отношения тождества» обозначают лишь возможность действия, а не его реальное осуществление в описываемой ситуации. В свою очередь, понятие «условия» в данном варианте сводимо к понятию многократности называемого действия: *если двигаться от А к Б...* означает «всегда, когда мы двигаемся...»; *если сложить А и Б =* «всегда, когда мы складываем...». Иными словами, понятие «отношения» описывается через многократность каких-то действий, и, таким образом, понятие «действия» оказывается для него семантически первичным, исходным. Напомним при этом, что само понятие «действия» означает динамическую смену некоторых статичных отношений (*передвигаться* = «изменять местоположение», *улучшаться* = «становиться лучше»), то есть в принципе производно от отношения. Эта двойственность направления производности, впрочем, не свидетельствует о порочном круге в толкованиях, поскольку в последовательной цепочке «действие» — «отношение» — «многократные действия» первый и последний члены обозначают не тождественные (по конкретному воплощению) действия.

Обратимся к значениям «определенности-неопределенности предмета». Неопределенная именная группа (*Вам звонил какой-то человек*) при повторном упоминании в следующем высказывании, как известно, преобразуется в определенную (*Этот человек просил передать...*). Следовательно, понятие определенности предмета вторично по отношению к понятию неопределенности — оно возникает на базе неопределенности, тем

самым включая ее в свое содержание в виде пресуппозиции (*этот человек означает в данном случае «тот, о котором ранее было сказано, что он вам звонил»*).

Отметим, что семантема определенности непосредственно не называет каких-либо конкретных признаков объекта, выделяющих его из класса подобных. Значение определенного артикля (или иного детерминатива определенности) содержит весьма обобщенную анафорическую отсылку к ранее названному объекту: «*этот (человек)*» на самом деле означает лишь «*тот (человек), о котором ранее было нечто сказано*». Понятие определенности, следовательно, не отражает каких-либо отличительных признаков, создающих индивидуальную особенность предметов в реальном мире: оно отражает лишь факт тождества объектов, названных в двух разных речевых актах, то есть, как и понятие «тождество», оно имеет «метаязыковой», метатекстовый характер [2].

Рассмотрим теперь содержание понятия «неопределенность». Неопределенный артикль (или иной подобный детерминатив) в сочетании с существительным выражает значение «*один из класса предметов, названных существительным*». Попробуем истолковать семантему «один из класса». Выражение *один из моих друзей* по существу означает «*либо мой друг Петр, либо Иван и т.д.*». Представление об альтернативном переборе, скрытое в значении разделительного союза, в свою очередь, сводимо к модальности «возможности» (неуверенного предположения): «или А, или Б и т.д.» = «возможно, А, возможно, Б и т.д.» При таком толковании понятие неопределенности объекта, как видим, возникает на базе некоторого (пусть лишь воображаемого) предшествующего высказывания, называющего вполне определенные, индивидуализированные объекты (А, Б и т.д.): действительно, выражение *либо мой друг Петр, либо мой друг Иван* опирается на пресуппозитивные высказывания «У меня есть друг, которого зовут Петр» и т.д. Поскольку семантика неопределенности включает в себя своего рода алгоритм перебора всех конкретных объектов (переменных А, Б и т.д.), составляющих класс, эти конкретные объекты, естественно, должны существовать — и, кроме того, быть известными говорящему — до того, как он включает их в указанный дизъюнктивный перебор. Таким образом, в этом плане понятие неопределенности объекта вторично, производно от понятия определенности.

Подчеркнем, однако, снова, что подобный парадокс не означает какого-то порочного круга в приводимых толкованиях: в последовательности семантем «совокупность элементов А, Б и т.д., составляющая некий класс» — «один из элементов класса (= либо А, либо Б и т.д.)» — «тот элемент, который в предшествующем высказывании был как-то выделен из класса» референт последнего члена цепочки нетождественен с референтами элементов А, Б в первом и втором членах цепочки по следующим причинам.

Во-первых, для переменных (А, Б и т.д.) в используемых дизъюнктивных выражениях никаких конкретных отличительных признаков не называется, и, во-вторых, значение определенности объекта в последнем члене цепочки лишь отсылает к предшествующему речевому акту, опять-таки не задавая какого-либо конкретного отличительного признака объекта.

Обратимся к понятиям «тема (известное, заранее данное)» и «рема (новое)», как к содержательным элементам актуального членения высказывания. Представление о тематическом характере какой-то части высказывания, подобно представлению об определенности объекта, создается при повторении в данном высказывании (в виде пресуппозиции) ремы некоторого предшествующего высказывания, ср.: *В комнату вошла девочка* (подлежащее = рема). *Она* (подлежащее = тема) *весело улыбалась*. Тем самым семантически содержание темы как бы производно от содержания ремы: тема представляет собой пресуппозитивную часть высказывания, повторно называющую то, что в предшествующем высказывании составляло рематическую часть.

Однако, с другой стороны, следует учитывать, что любое высказывание содержит как рему, так и тему; пресуппозитивные элементы могут быть лишь скрыто выраженными, но в содержательном плане они обязательны для семантики высказывания, — как, например, в неполных предложениях (*Где ты был? — В кино*) или даже в структурно односоставных; так, высказывание *Холодно* означает «Сейчас в том месте, где я нахожусь, ощущается холод», то есть содержит пресуппозитивные компоненты «сейчас», «я», «здесь», «говорю». Иными словами, не существует какого-либо «изначально первичного», чисто рематического типа предложения, с которого могла бы начаться цепочка производности от ремы к теме (вспомним неразрешимую проблему первичности курицы или яйца).

С этим же сходно соотношение понятий «предмет» и «признак» (логические «субъект» и «предикат»): каждое из них на более глубинном уровне семантического анализа оказывается содержащим «двойственную», предметно-признаковую (субъектно-предикатную) семантему. Действительно, значение любого «предметного» существительного толкуется как «предмет, имеющий следующие признаки» (*стол* = «предмет, на котором сидят» и т.д.), то есть включает как «предметный», так и «признаковый» компоненты. В свою очередь, всякое «признаковое» (предикатное) слово при его толковании также выявляет не только собственно предикатные, но и «предметные» компоненты, и семантическое различие между существительным и глаголом может быть сведено лишь к различиям в актуализации (темо-рематической акцентировке) того или иного типа компонентов (см. [3, 21]).

Таким образом, в отношении понятий «предмет (субъект)» и «признак (предикат)», как и понятий «тема» и «рема», мы можем предположить, что

каждое из них по отдельности представляет лишь результат разных актуализаций (логических акцентировок) некоторой одной общей семантемы «высказывательного» (предложенческого) типа, то есть семантемы, содержащей как предметную, так и признаковую части, а также содержащей как рему, так и тему. В таком случае каждая из «вторичных» семантем («тема» или «рема», «предмет» или «признак») представляет собой лишь разные логические акцентировки одного и того же (свернуто представленного в их содержании) высказывания, и тогда, действительно, между двумя «результатирующими» семантемами не могут быть установлены отношения производности: обе они в равной мере производны от этой исходной «высказывательной» семантемы.

Данная ситуация напоминает, в частности, соотношения между лексическими конверсивами (*купить* — *продать*), описывающими одну и ту же ситуацию в разных ракурсах (с разной акцентировкой элементов) и не состоящими в отношениях «исходное — производное». Нечто подобное отмечается и в отношениях между дейктическими значениями «я», «ты», «здесь», «сейчас», которые также нельзя признать производными одно от другого. Действительно, каждое из этих слов представляет лишь разные ракурсы одного общего (пресуппозитивно присутствующего в их содержании) высказывания типа «Некто сообщает нечто кому-то в некоторый момент»: «сообщающий» обозначен словом «я», «адресат сообщения» — словом «ты» и т.д. Своеобразие такого рода семантических отношений в том, что все участники события (говорящий, слушающий, момент речи, место осуществления сообщения) уже имеются в приведенном исходном высказывании, и все они представляют собой одинаково обязательные компоненты содержания как для самого этого исходного высказывания, так и для каждого из базирующихся на нем дейктических семантем, изменяющих лишь ракурс представления ситуации.

Аналогичное явление было отмечено в работе Ю.Д.Апресяна [1, 75] в отношении значений «звук» и «слышать», которые могут быть признаны равноэлементарными: оба слова отражают одну общую ситуацию «Нечто воздействует на некоторую часть тела, вызывая определенного рода ощущения». В этой ситуации то, что воздействует, мы называем «звуком»; вызванное этим воздействием ощущение — «слышанием», воспринимающий это воздействие орган — «ухом». Следует снова подчеркнуть, что каждый из элементов этой общей ситуации, становясь содержательно «центральным» в значении одного из названных слов, как бы «тянет» за собой все остальные элементы, так что в каждом из слов «звук», «слышать», «ухо» обозначена вся ситуация целиком, но с различием в акцентировке элементов.

Сознавая, что все это лишь аналогия, мы можем предположить, что пары семантем «тема»—«рема», «предмет (субъект)»—«признак (предикат)»,

«действие» (в частности, «движение») — «статический признак» (в частности, «состояние покоя»), «определенность» — «неопределенность» не находятся непосредственно в отношениях производности, а представляют собой разные способы актуализации частей одной общей для них «высказывательной» семантемы, уже включающей в себя оба противопоставленных понятия. По всей видимости, именно поэтому в ряде случаев мы в равной степени можем толковать одно через другое — например, «движение» как «отсутствие покоя» и «покой» — как «отсутствие движения» и т.д.

Проблематичным (хотя и по-иному) оказывается и приложение понятий «исходное» и «производное» к сфере так называемых «элементарных» значений (семантических примитивов); к ним, помимо упоминавшихся выше семантем «субъект», «предикат», «признак», «действие» и ряда других, относятся также и значение слов «быть», «существовать» [1, 4]. С одной стороны, значение «существования» является несомненно наиболее элементарным (не сводимым к более дробным значениям) и исходным для целого ряда более сложных семантем: *возникнуть* = «начать существовать»; *исчезнуть* = «перестать существовать» и т.д. С другой стороны, указанные слова входят в группу так называемых широкозначных слов (типа *действовать*, *работать*, *осуществлять*, *производить*, *происходить*, *иметь место* и т.п.), особенность которых, как нам представляется, в том что в их содержании основным компонентом является отсылка к значению лексического окружения.

Действительно, *работать учителем* означает «учить», *работать врачом* = «лечить», *магазин работает* = «торгует», *лифт работает* = «перевозит» и т.д.; *работать*, таким образом, означает «производить то действие, которое названо в окружении глагола». В свою очередь, глагол *производить* содержит отсылку к тому действию, которое обозначено дополнением: *производить реконструкцию* = «реконструировать». Глагол *происходить* (*иметь место*) содержит отсылку к действию, обозначенному подлежащим: *произошло столкновение (поездов)* = «(поезда) столкнулись» и т.д. (ср. понятие лексических параметров/функций в концепции московской семантической школы, см. [1]).

Существительные-конкретизаторы при таких глаголах называют то действие (признак), которому глагол приписывает «осуществление». Сам глагол *существовать* также содержит в своем значении лишь указательную отсылку к некоторому предикатному значению, выраженному субъектной валентностью: *существует борьба классов* = «классы борются»; *существуют яйцекладущие млекопитающие* = «некоторые млекопитающие откладывают яйца»; *колдуны (= люди, способные колдовать) не существуют* = «ни один человек не способен колдовать». Глагол-связка *быть* содержит отсылку к признаку (действию), выраженному в именной части сказуемого: *быть учителем* = «учить»; *быть врачом* = «лечить». В целом,

таким образом, слова со значением «бытия, существования» выступают как бы заместителем некоторого неглагольного (по способу выражения) предиката, лишь «оглаголивая» его.

Поскольку значения слов *быть, существовать*, так же, как и слов *действие, признак, субъект, предикат* и т.п., являются лишь обобщенными заместителями каких-то более конкретных семантем, выраженных окружающими словами, они не могут быть признаны «первичными», «элементарными»: напротив, логичнее полагать, что эти семантемы возникают лишь на базе конкретных (замещаемых ими) неэлементарных значений, и, следовательно, в каком-то смысле являются вторичными, производными от более конкретных значений. В целом, понятие «элементарности» значений, при всей несомненной его важности, еще ждет своего осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
2. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
3. Гуревич В.В. Семантическая производность в грамматике. М., 1998.
4. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt, 1972.

Ю. П. Князев

ОБОЗНАЧЕНИЕ НАПРАВЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ, СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Как свидетельствует практика описания средств выражения пространственных значений в отдельных языках, их дифференциация требует учета десятков различных параметров (см., например, [4; 35, 159—185; 9]). Основным среди них обычно считается разграничение двух типов значений, которые, используя термины И.А.Мельчука, можно назвать, соответственно, локализационными и ориентационными (локализациями и ориентациями) [17, 52—60]. К ориентациям он отнес такие значения, как местонахождение, приближение, удаление, а к локализациям — значения, отражающие положение предмета относительно ориентира. Среди последних, в свою очередь, можно различать такие более абстрактные значения, как ‘внутри’, ‘на поверхности’, ‘около’, и более конкретные «граневые» значения: ‘под’, ‘над’, ‘сзади’, ‘спереди’ и т.п.

В русском языке для выражения пространственных значений используются падежи (ср. *в дом* vs. *в доме*), предлоги (ср. *над домом* vs. *под домом*) и глагольные префиксы (ср. *вбежать* vs. *выбежать*).

Предложно-падежные конструкции

В отличие от древнерусского языка, допускавшего использование беспредложных падежных форм существительных для обозначения места и направления (к ним восходит сохранившаяся в современном языке пара *дóма* и *домой*) [33, 173—179; 27, 15—22], в настоящее время падеж существительного может выполнять эту функцию только в сочетании с предлогами.

Следствием обязательности употребления предлога (и, соответственно, обязательности выражения присущего ему локализационного значения) является возможность нейтрализации семантического различия между предлогами *в* и *на* [11, 271—272]. Именно поэтому в сочетании с ориентирами, для которых противопоставление замкнутого пространства и поверхности несущественно или вообще неприменимо, наблюдаются либо колебания в выборе предлога (ср. *в поле* — *на поле*, *во дворе* — *на дворе*) либо закрепление разных предлогов при однотипных ориентирах (ср. *в музее* — *на выставке*, *в Крыму* — *на Камчатке*, *в сквере* — *на бульваре*, *в пригороде* — *на окраине*).

Употребление предлогов в таких случаях может выравниваться по аналогии. Так, с названиями стран обычно употребляется предлог *в* (ср. *в России, в Германии*), а с названиями крупных географических объектов — предлог *на* (ср. *на Кубани, на Камчатке*), в силу чего по отношению к независимой Украине стали говорить *в Украине, в Украину* (наряду с употреблявшимися до этого сочетаниями *на Украине, на Украину*). Тем не менее, даже если А.М.Пешковский прав, считая, что и здесь «основной образ легко восстановить» [21, 307], очевидно, что выбор предлога в таких случаях зависит не столько от пространственных свойств ориентира, сколько от каких-то дополнительных классификационных признаков¹.

В предложно-падежных конструкциях с пространственным значением используются все косвенные падежи, причем почти со всеми из них связано вполне определенное ориентационное значение. Значение приближения выражается конструкциями с винительным (ср. *в дом, на дом, под дом, за дом*) и дательным падежами (ср. *к дому*), значение местонахождения — конструкциями с предложным (ср. *в доме, на доме*) и творительным (*под домом, над домом, за домом, перед домом*) падежами, а значение удаления — конструкциями с родительным падежом (ср. *из дома, с дома, от дома*). Поэтому даже в тех случаях, когда предлог однозначно задает падеж существительного, употребление падежа в локативных конструкциях едва ли можно назвать «чисто синтаксическим» (ср. [18, 40]). Лишь родительный падеж в принципе совместим со всеми ориентациями и может участвовать в обозначении не только удаления, но и местонахождения (ср. *у дома, внутри дома*) и приближения (ср. *до дома, внутрь дома*).

Предложно-падежные конструкции с однотипным локализационным значением образуют в русском языке пять «серий». Примечателен их состав. Три из них различаются по локализационному признаку 'внутри' vs. 'на поверхности' vs. 'около': 1) *в дом — в доме — из дома*; 2) *на дом — на дом — со стола*; 3) *к дому — у дома — от дома*. Оставшиеся две серии выражают локализацию предмета относительно нижней и обратной сторон ориентира: 4) *под дом — под домом — из-под дома*; 5) *за дом — за домом — из-за дома*. Эти две грани ориентира отличаются не своей особой важностью, а наоборот — наименьшей функциональной значимостью, и, видимо, именно в силу своей сравнительной редкости соответствующая локализация больше других нуждается в эксплицитном обозначении. В этой связи можно заметить, что в дагестанских языках, обладающих разнообразными и чрезвычайно разветвленными системами локативных падежей и послелогов, именно значения 'под' и 'за' чаще всех других

¹ Сходная проблема возникает и во французском языке, где обязательным может быть выбор между предлогами *en* и *à*; ср. *en France* 'во Франции', но *au Canada* 'в Канаде' [26, 291—300].

«граневых» значений получают специализированное морфологическое выражение [9, 137].

Другие локализации выражаются только такими предложно-падежными конструкциями, которые специализированы на обозначении местонахождения. Так, в современном русском языке предлоги *над*, *перед*, *между* сочетаются только с творительным падежом, хотя вплоть до середины XIX века для выражения приближения употреблялись и сочетания этих предлогов с винительным падежом. Конструкции типа *взлететь над дерево* или *выбежать перед дом*, без оговорок включавшиеся Ломоносовым в его грамматику [16, 571—572], встречаются и в «Войне и мире» Л.Толстого: *Он (Наполеон. — Ю. К.) приказал вынести портрет перед палатку, с тем, чтобы не лишить старую гвардию, стоящую около его палатки, счастья видеть римского короля, сына и наследника их обожаемого государя*².

Таким образом, в русских предложно-падежных конструкциях возможности выражения локализационных значений зависят от выражаемого совместно с ними ориентационных значений. При обозначении местонахождения локализационные значения могут быть выражены гораздо более дифференцированно, чем при обозначении приближения или удаления.

Глагольные префиксы и предлоги

В свою очередь, поскольку основным механизмом перфективации в русском языке является префиксация, глаголы движения в контексте, требующем употребления глагола СВ, обязательно должны включать в свой состав префикс; ср. *Он поворачивается и идет к окну*, но *Он повернулся и пошел* (или *подошел*, или *отошел*) *к окну*. И наоборот, глаголы местоположения типа *стоять*, *лежать*, *сидеть* не сочетаются с локальными префиксами. Практически единственным исключением является глагол НСВ *отстоять* в примерах типа *Дом отстоит от деревни на полкилометра*. Ранее употреблялись и другие глаголы аналогичной структуры: *належать* в значении 'лежать на', *облежать* в значении 'лежать вокруг' [19, 55—65].

Согласно преобладающей точке зрения, между локальными предлогами и глагольными префиксами существует более или менее однозначное соответствие, проявляющееся, в частности, в «законе удвоения приставки-

² В большинстве славянских языков эти предлоги сохранили способность сочетаться с обоими падежами [34, 108—109, 124, 170—171], а в некоторых из них, в частности в болгарском, наблюдается обратный процесс — приобретение предлогами способности совмещаться с несвойственными им ранее ориентационными значениями: предлоги, обозначавшие ранее только начальную или конечную точку движения (*из*, *до*, *към*), теперь могут обозначать и местонахождение, и наоборот, у предлогов, выражавших местонахождение (*при*, *у*), возникает и значение конечной точки [25, 47].

предлога» — повторении после глагола того же предлога, что и приставка, или предлога, синонимичного с приставкой [3, 643—644]: *въехать в, выехать из, заехать за, наехать на, отъехать от, подъехать под, приехать к, съехать с*. Между тем сочетаемость префиксальных глаголов перемещения с предложно-падежными конструкциями, обозначающими начальную и конечную точки движения, регулируется гораздо более сложными и гибкими правилами (см. о них [1, 53; 28; 12; 31]), а сами значения даже этимологически родственных предлогов и префиксов более или менее существенно различаются между собой.

Так, глаголы с префиксом *на-*, в отличие от предлога *на*, обозначают не вообще перемещение на поверхность предмета, а столкновение с ним, причем обычно непреднамеренное, совершенное по неосторожности; ср. *наехать, налететь на столб* [24, 18—20]. Подобная ситуация обычно предполагает чрезмерную скорость движения. Поэтому приводимый в словаре Ушакова пример *Засмотревшись, я н а ш е л на дерево* звучит, с точки зрения современного языкового сознания, довольно странно. В результате фактической утраты префикса, специализированного на обозначении приближения к поверхности ориентира, эта функция распределяется между другими префиксами, выполняющими ее попутно, наряду с выражением своего основного значения, в частности, префиксами *в-* и *вы-*: *Сначала в о ш л и на палубу перевозчики. <...> Вскоре показались и в о ш л и на трап, потом на палубу двое японцев поблагодарнее и понаряднее прочих* (И.Гончаров); *В ы х о ж у один я на дорогу* (М.Лермонтов).

Другое направление изменения значения по сравнению с соответствующим предлогом (при этом не выходящее за пределы собственно пространственных значений) наблюдается у глаголов движения с префиксом *с-*. Они обозначают лишь такое перемещение от поверхности ориентира, которое предполагает или хотя бы не исключает движение сверху вниз: *Я мысленно видел, как Соня и Натали станут, держась за перила лесенки в купальне, неловко с х о д и т ь по ее ступенькам, погруженным в воду* (И.Бунин). *Большая неуклюжая повозка медленно с ь е х а л а с шоссе на плац* (А.Куприн).

В префиксе *под-* свойственная предлогу *под* локализация относительно нижней грани ориентира преобразуется в более общее значение перемещения к внешним пределам ориентира, к любой из его сторон: *подойти к дому, к зеркалу, к дереву, к реке, к обрыву; подплыть к берегу, под корягу; подлететь к потолку, под потолок*. Затруднения может вызывать локализация относительно обратной стороны ориентира, но и она не исключена: *Я услышал с з а д и с е б я сильный голос улана, с костылем п о д х о д и в ш е г о к о м н е из прихожей* (И.Бунин).

Глаголы с префиксом *за-* характеризуются семантическим сдвигом от конкретного локализационного значения 'за предмет' к более отвлеченно-

му ориентационному значению — обозначению перемещения к отдаленной или труднодоступной точке: *Отойдя шагов сорок и зайдя за куст бересклета в полном цвету с его розово-красными сережками, Сергей Иванович, зная, что его не видят, остановился* (Л.Толстой); *Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес* (А.Пушкин); *Он брал лодку, заплыл на ней в тростники на дачном озере и писал этюды* (К.Паустовский). О наличии «семантического моста» между этими типами употреблений свидетельствует способность глаголов с *за-* сочетаться с двумя предложно-падежными конструкциями, одна из которых обозначает движение за ориентир, а другая — внутрь ориентира: *Мои спутники старались укрыться куда-нибудь в тень: кто залез в кусты, кто — за камни* (В.Арсеньев); *Последние два дня дул крепкий штормовой ветер; наконец он утих и позволил нам зайти за рифы, на рейд* (И.Гончаров).

В глаголах с префиксом *вы-* объединяются локализационные значения, выражаемые предлогами *из*, *из-за* и *из-под*: *выбежать из дома, выйти из-за портеры, вынести из-под навеса*. Таким образом, перемещение от обычно невидимых («закрытых») граней ориентира — нижней и обратной — приравнивается к перемещению изнутри наружу.

В итоге лишь две пары глагольных префиксов различаются выражаемыми локализациями: *в-* (*войти*) — *под-* (*подойти*) и обратная по ориентации пара *вы-* (*выйти*) — *от-* (*отойти*). Элементы этих пар противопоставлены по признаку 'пересечение' vs. 'непересечение границ ориентира'. Таким образом, по сравнению с предложно-падежными конструкциями, использующимися при обозначении приближения и удаления, возможности глагольных префиксов выражать локализационные значения еще более ограничены. К этому нужно добавить, что для префикса *в-*, как и для *вы-*, пересечение границ ориентира понимается расширительно: оно включает и перемещение под или за предмет, если соответствующая область характеризуется относительной замкнутостью: *Она приостановилась на ступеньке балкона. <...> Потом вошла под длинный прозрачный навес березовой аллеи, в пестроту, в пятна света и тени* (И.Бунин).

Характеристики пространства в значениях глагольных префиксов

Глагольные префиксы с пространственным значением отличаются от соответствующих предлогов еще и тем, что они определенным образом характеризуют пространство, в котором происходит перемещение. В этом отношении русские префиксы можно разделить на три группы.

Большая часть префиксов служит для «отстраненного» языкового представления перемещения, которое можно назвать «объективным», ср. *отъехать от города, войти в комнату, выйти в коридор, подойти к окну*.

Перемещение, описываемое с участием этих префиксов, допускает произвольную степень детализации и может быть наблюдаемым от начала до конца: *Глебов, волнуясь, отошел в сторону, потыкался туда-сюда, ища Ефима, потом вошел через заднюю дверь в помещение магазина <...> и <...> вышел во двор* (Ю.Трифонов); *Смотри, вон машина отъезжает от ворот, подъезжает к реке, выезжает на мост, потом съезжает на берег и т. д.*

Подобное описание перемещения является «объективным» в том смысле, что выбор префикса в данном случае определяется прежде всего отношениями между движущимся предметом и начальной либо конечной точкой движения. Префикс *вы-*, например, предполагает перемещение из замкнутого пространства в более открытое, а глаголы с префиксом *в-* — наоборот — из более открытого пространства в более замкнутое [10, 106—107; 2, 491; 23, 149—152]. Существенно при этом, что «замкнутость» и «открытость» представляют собой не просто аналог бинарного противопоставления «внутри» vs. «вне», а «многозначную шкалу возрастания (убывания) замкнутости, имеющую свои полюса и ряд промежуточных значений» [12, 67].

В пользу такого решения свидетельствует факт существования целого класса объектов, пересечение границ которых может обозначаться глаголами с обоими префиксами: а. *Дрожки остановились перед трехэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо* (А.Пушкин) — б. *Еще не кончив письма, я вышел на крыльцо* (В.Короленко); а. *Я увидел, как отряд жандармов проехал на рысях по Владимирской и въехал в один из дворов против церкви* (В.Короленко) — б. *И, выйдя на двор, Левин <...> сам не знал хорошенько, за какие предприятия в любимом его хозяйстве он примется теперь* (Л.Толстой); а. *На следующий день наш двор наполнился множеством людей, принесли хоругви, и огромный катафалк не мог въехать с переулка* — б. *Я пошел к себе и долго лежал, глядя в потолок. Наконец встал, взял в прихожей картуз и чью-то палку и бессознательно вышел из сада бы на широкий шлях* (И.Бунин).

Как видно из приведенных примеров, если человек оказывается во дворе или на крыльце по пути домой, употребляется глагол с префиксом *в*, а если по пути из дома на улицу — глагол с префиксом *вы-*. Таким образом, устанавливается своего рода «шкала замкнутости» дом — двор — улица, допускающая включение новых промежуточных элементов: а. *Однажды она промочила в дождь ноги, вбежала из сада в гостиную, и он кинулся разувать и целовать мокрые и узкие ступни* (И.Бунин) — б. *Устав от работы, от сидения на одном месте, я выхожу в сад и веду беседы с директором дачи* (Ю.Трифонов).

И сам дом, с этой точки зрения, тоже неоднороден. Его периферию — «более открытые» части — составляют коридоры, передние, террасы, куда и *входят* — с улицы, и *выходят* — из жилых комнат: *В эту минуту из комнаты вышла на террасу Вера.* <...> Князь собирался идти в парк. *Вдруг Лизавета Прокофьевна одна вошла к нему на террасу* (Ф. Достоевский); *Мне нужно было за чем-то в лавочку, и я вышел в коридор* (В. Короленко); *После чая он вышел в переднюю велеть подавать лошадей* (Л. Толстой).

Возможны и колебания в оценке относительной степени замкнутости. На сцену — и из-за кулис, и из зала — *выходят*: *А потом наша октябрятская возжатая Люся вышла на сцену и сказала звонким голосом: Просим «Кота в сапогах» выйти сюда для получения первой премии за лучший костюм!* (В. Драгунский)³, а на мост можно и *въехать*, и *выехать*. В воду с берега — *входят*, а корабли в открытое море — *выходят*. На берег — и с суши, и из воды — *выходят*, но в последнем случае возможно употребление обоих префиксов: *Вытащив плот на берег, я прикрыл его листьями* (В. Катаев); *Я был порядочно измат, на берегу меня втащили без памяти. Нас принесло к материку, за Амальфи* (М. Горький).

Вторую группу составляют глаголы *прийти*, *уйти* и другие глаголы движения с этими префиксами, которые представляют пространственную локализацию абстрактно, лишь в общих чертах, так сказать, в «*умозрительном*» пространстве. Как отмечает Л. Ферм, сравнивая два высказывания: *Он вошел в школу* и *Он пришел в школу*, «в первом случае ситуация ясна и без контекста: открыл дверь, переступил порог, оказался внутри; а вот во втором случае ситуация без контекста неясна: субъект мог оказаться у ограды школьного двора, во дворе, на крыльце школы, то есть мы не знаем, где именно закончилось перемещение, знаем только, что цель — школа — достигнута» [28, 79]. Таким образом, глаголы *войти* (*выйти*) и *прийти* описывают перемещение с разных точек зрения. Если же рассматривать эти две группы глаголов в одной плоскости, можно прийти к выводу, что «в отличие от *выйти* и *вывести*, *привести* описывает перемещение не в какое-либо Место, а лишь к его окрестности» [22, 359], а это значило бы, что цель перемещения не достигается.

На разноплановость пространственных значений этих двух групп префиксальных глаголов указывает и то, что при их совместном употреблении глаголы с префиксами *при-* и *у-* выступают в качестве логического

³ Это отличает глагол *выйти* от близкого к нему по значению французского глагола *sortir*: «Если X вышел из комнаты, где находится говорящий, то по-французски следует употребить глагол *sortir*: *Il est sorti de la pièce*. Но если X вышел на сцену и стал видимым говорящему, находящемуся в зале, то следует сказать: *Il est entré en scène*» [6, 121].

вывода или предпосылки: [Лебедев]. — *А вот и приехал* и. Действительно, *в ь е з а л и* в вокзал. Хотя *Рогожин* и говорил, что он *у е х а л* потихоньку, но его уже поджидали несколько человек (Ф.Достоевский); *Я приехал* поздно, и в доме встретила меня только *Соня*. Когда *я* *выскачил* из тарантаса и *вбежал* в темную прихожую, она *вышла* туда в ночном фланелевом халатике (И.Бунин). Их употребление в одном сочинительном ряду для обозначения последовательности действий едва ли возможно; ср. **Он подошел к калитке и пришел в сад* в противоположность совершенно обычным сочетаниям типа *Он подошел к калитке и прошел (вошел) в сад*.

Возможно, что абстрактным характером перемещения, обозначаемого глаголами движения с префиксом *при-*, объясняется и их неспособность обозначать действие в процессе его непосредственного осуществления; можно сказать: *Поезд все ближе и ближе подходит к станции*, но нельзя сказать: **Поезд все ближе и ближе приходит к станции*⁴.

Можно добавить также, что глаголы с префиксами *при-* и *у-* входят в число дейктических средств ориентации относительно местоположения говорящего [37; 7, 41; 8; 5, 30—37], хотя и не предполагают непосредственного восприятия описываемой ими ситуации: сказать *Я приехал отсюда* можно только в том случае, если показываешь это место на карте или плане. Результат соответствующих действий, как правило, обозначается с помощью дейктических наречий: *Он уехал* — *Его здесь нет*; *Он приехал* — *Он здесь* [29, 59]. Показательно, что в такого рода соотношениях используется наиболее абстрактное дейктическое наречие *здесь*, а не наречие *тут*, подразумевающее конкретно-пространственную локализацию» [32, 52].

Представляется, что к этим глаголам вполне приложима та характеристика, которую дает наречиям *близко* и *далеко* Е.С.Яковлева; последние, по ее мнению, локализуют действие в умозрительном бытийном пространстве, в котором наличие объекта равноценно его функциональному бытию, а его отсутствие — функциональному небытию [32, 44—48]. Отсюда и особые прагматические эффекты, возникающие при употреблении этих глаголов: когда об отсутствующем говорят *Он вышел*, то обычно хотят дать понять, что тот где-то рядом или скоро вернется, а когда в той же ситуации говорят *Он ушел*, то это значит, что ждать уже не нужно.

Наконец, третью группу составляют глаголы с префиксом *за-* в значении 'попутно, мимоходом совершить действие' и глаголы с префиксом *с-*, обозначающие однократное перемещение в какую-либо точку с обязательным возвращением обратно ('пойти и вернуться'): *Натали, не нужно вам*

⁴ Моментальными эти глаголы являются не во всех славянских языках. В чешском языке глаголы *přicházet* 'приходить' свободно используется в контекстах типа: *Právě přichází* букв. 'Вот он как раз приходит' [20, 34]. Что же касается чешских глаголов с префиксом *pod-*, то они обозначают движение к нижней части предмета [38, 247—257].

быть со мною светски любезной, не обращайтесь на меня особого внимания, я з а е х а л только взглянуть на вас и опять скрыться (И.Бунин); *В гастроном з а б е г а л и последние посетители: было двадцать минут до закрытия. Ольга Васильевна з а ш л а купить мясо, кефир, что-нибудь к чаю для Иринки* (Ю.Трифонов); *Мама съездила было с Анисьей в собес в Призерское, но собес был уже навеки и безнадежно закрыт* (Л.Петрушевская); *Потом Вера хотела с б е г а т ь в продовольственный за бутылочкой* (Ю.Трифонов. Вера и Зойка)⁵.

Эти префиксальные глаголы, подобно глаголам *прийти* или *уйти*, не имеют жесткой связи с конкретным физическим пространством и допускают в качестве ориентиров нефизические (событийные) объекты: *зайти/сходить/прийти в гости (на работу, на день рождения)*. Между тем конкретные «объективные» префиксальные глаголы движения типа *войти* с подобными ориентирами несовместимы: нельзя сказать **Он вошел в гости (на работу, на день рождения)*.

Вместе с тем специфической особенностью глаголов типа *зайти* или *сходить* (в рассматриваемых значениях) является их тесная связь с **освоенным, обжитым бытовым пространством**: *сходить* естественнее всего туда, где уже не раз бывал, а *заходят* тоже обычно в знакомые места или к знакомым людям, куда можно прийти без особых церемоний, «заодно» с каким-то основным делом (см. об этом слове [31, 89]).

Таким образом, в каждой из рассмотренных трех групп глагольных префиксов пространственные отношения концептуализируются особым образом⁶.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления) // Вопросы языкознания, 1965, № 5.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
3. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
4. Владимирский Е.Ю. Система предлогов с пространственным значением // В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М., 1967.
5. Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж, 1993.

⁵ В отличие всех других рассматривавшихся здесь префиксальных глаголов движения, глаголы типа *съездить*, *сбегать* образуются от ненаправленных глаголов движения (*ездить*, *бегать*) и употребляются только в СВ, представляя собой своего рода семейфактивный (одноактный) коррелят исходного глагола [38; 36, 196—197].

⁶ К сходному выводу, но на основании анализа другой группы приставочных значений приходит и М.А.Кронгауз [15, 157].

6. Гак В.Г. Беседы о французском слове. М., 1966.
7. Гордеев Ю.М. О разграничении информативной достаточности / недостаточности слова (на материале глаголов движения с приставками *вы-*, *в-*, *у-* и *при-*) // Вопросы семантики. Вып. 1. Л., 1974.
8. Иоанесян Е.Р. Противоречивость и точка отсчета // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность языка. М., 1990.
9. Кибрик А. Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М., 1970.
10. Князев Ю.П. Сочетаемость предлогов и приставок // Сборник студенческих научных работ. Тарту, 1973.
11. Князев Ю.П. Нейтрализация морфологических противопоставлений в ряду смежных явлений грамматики (на материале русского языка) // Категория определенности — неопределенности в славянских и балтийских языках. М., 1979.
12. Князев Ю.П. К проблеме выбора языкового обозначения: *войти* vs. *выйти* // Тезисы первой конференции по теоретической лингвистике. М., 1993, с. 66—68.
13. Князев Ю.П. (Ред. Л.Ферм). Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке. Uppsala, 1990 // Russian Linguistics. 1995, v. 19.
14. Князев Ю.П. Особенности обозначения пространственных отношений в русском языке: падежи, предлоги и префиксы // Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения. Великий Новгород, 1999.
15. Кронгауз М.А. Глагольная приставка, или координата времени // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997.
16. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Полное собрание сочинений, т. 7. Труды по филологии. М.; Л., 1952.
17. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена, 1998.
18. Муравьева И.А. Локативные серии: словоизменение или словообразование? // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 53. 1994, № 3.
19. Нефедьев М.В. О появлении значения предельности у глагольных приставок // Русистика сегодня, 1996, № 6.
20. Петрухина Е.В. Славянская категория глагольного вида и сопоставительный анализ // Съпоставително езикознание, XVI, 1991, 4.
21. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
22. Розина Р.И. О некоторых производных значениях глаголов перемещения в русском языке // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М., 1996.
23. Свенцинская И. Некоторые аспекты методики исследования русских приставочных глаголов (на примере глаголов с приставкой *вы-*) // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
24. Сергеева Н.Н. Глаголы горизонтального движения-перемещения как семантико-синтаксический класс в системе современного русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970.
25. Спасова-Михайлова С. За финалната функция на предлозите в български и в някои други славянски езици // Славистичен сборник. София, 1966.
26. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
27. Топоров В.Н. Локатив в славянских языках. М., 1961.
28. Ферм Л. Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке. К вопросу префиксально-предложного детерминизма. Uppsala, 1990.

29. Шатуновский И.Б. Семантика вида: к проблеме инварианта // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1993.
30. Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Русский язык в школе, 1996, № 4.
31. Шмелев А.Д. Типы «невывраженных валентностей» // Семиотика и информатика. Вып. 36. 1998.
32. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
33. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.
34. Kopečný F. Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Praha, 1973.
35. Leech G. Meaning and the English verb. L., 1970.
36. Levin J.F. On «doing» Russian aspect // The Language and verse of Russia. In honor of Dean S. Worth. Moscow, 1985 (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. II).
37. Lüdtke H. Das semantische System der Präpositionen und Präfixe bei Verben der Bewegung im Rissischen // Zeitschrift für Phonetik, und allgemeine Sprachwissenschaft. Hf. 5/6. 1955.
38. Salnikov N. *Xodit'* und *sxodit'*. Zur Problematik von Aspekt und Aktionsarten // Opuscula Slavica et Linguistica. Festschrift für Alexander Issatschenko. Schriftenreihe Sprachwissenschaft. Bd. 1. Klagenfurt, 1976.
39. Šitařová K. Ruské předpony *nu-* a *noð-* u základních svoves pohybu // Ruský jazyk. 1967, č. 6.

В. А. Матвеев

ВЕЧНОЕ ПРОТИВ «МИМОШЕДШЕГО». ПРЕОДОЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу.

Ап. Павел. Послание к Колоссянам 2.8

Что Бог имеет Сына, веруй сему, а как имеет, не любопытствуй. Ибо через искания не постигнешь сего.

Не слушай, если бы кто сказал, что начало Сына есть временное, но знай, что начало его есть безвременное, Отец.

Кирилл Иерусалимский.

Огласительное поучение 11.19-20

Длинный ряд обвинений Максиму Греку в процессах 1525 и 1531 гг. начинается с лингвистического обвинения, которое уже одно могло стоить ему судьбы. Процессы были церковные: Соборы — специально на Максима Грека. Хотя сохранилось большое количество так называемых судных списков Максима Грека, по ним трудно понять, что именно и когда (на первом суде или через шесть лет) говорил Максим в свою защиту. Известно само дело: исправляя Триодь, он продиктовал исправить аорист **сѣде** на перфект **сѣдѣлъ** **и** **есть**, а прич. наст. **сѣди** на **сѣдѣвъ**. Заменяв «Христово седение на мимошедшее и минувшее», как сказано в обвинительном заключении, он тем самым подпал под ересь. Вероисповедальное обвинение сошло на нет уже в самом ходе суда, строгое православие Максима Грека не поколебалось, его признали святым и преподобным сразу же после кончины [Канонизация святых, 73—75]. А замена глагольных форм продолжает волновать специалистов в качестве лингво-экзегетической проблемы до сих пор: как и почему понимала каждая из сторон аористную и перфектную форму?

Историки и церковные историки нового времени обычно говорят о плохом знании Максимом русского языка (он как будто сам так объяснял замену), об «отвлеченности» (грамматичности) его подхода, противопоставляют ему содержательный подход его обвинителей-церковников. По Карташеву [Карташев, 1, 470], греческие аористные формы воспринимались русским слухом — по смыслу, а не по букве — как настоящее время. Максим же, заботясь о передаче греческого смысла, взял перфект, думая,

что **седѣль** **ѣсть** для славянского уха равно латинскому перфекту *sessum est* = «засел и сидит»¹. Согласно современным житийным материалам [Канонизация святых, 67], Максим думал, что «седел еси» обозначает состояние продолжающееся, а не законченное. А оно законченное — так надо понимать авторов материалов. Б.А.Успенский, детально исследовавший языковую ситуацию эпохи Максима и последующей, в вопросе о восприятии аориста и перфекта церковниками приходит в общем к такому же выводу: «Для них (оппонентов Максима и, позднее, никониан. — В.М.) **се-дѣль ѣси** означает завершенность действия в прошлом (Христос больше не сидит)... Форма **сѣде**, с их точки зрения, означает, что Христос начал сидеть в прошлом и продолжает сидеть в настоящем, т.е. эта форма имеет для них инхотативное значение: «стал сидеть» [Успенский, 366].

Если это так, то восприятие аориста и перфекта церковниками XVI и XVII вв. выглядит странно. Оно противоречит как древнему значению этих славянских и русских форм [Мейе, 206; Кузнецов, 192, 193], так и новому, развившемуся в XVI—XVII вв. в преддверии нового литературного русского языка². Возникает желание еще раз обратиться к материалу в поисках ответа на тот же вопрос: чем объясняется такое восприятие?

Думается, что богословскими представлениями и особенностями их выражения на любом языке.

Христианство открыло для работы человеческой мысли новую реальность — реальность высоких абстракций на тему личности в Боге и в человеке, бытия Бога и бытия мира, откровения Святой Троицы и Святого Духа.

Переворот в мышлении, произведенный христианством, послужил мощным толчком к новому развитию языков. Лексика языка — классического древнегреческого, а за ним и старославянского, приобрела новые значения сообразно новым представлениям. Фактически был создан язык христианства. Отцы восточной церкви, используя и философские термины, и слова из повседневного обихода, сообщили им способность обозначать новую реальность. Новое значение возникает в слове из его исходного по обычному переносу с конкретного на абстрактное. Например, $\epsilon\upsilon\kappa\lambda\iota\nu\acute{\iota}\omega$ было (в греческом классическом) просто «обновлять» — стало (в новозаветном) «обновлять = освящать», было $\alpha\theta\lambda\omicron\varsigma$ «состязание на ста-

¹ В рассуждении Карташева не видно путей к причинам такого «русского уха». Объяснение автора недостаточно уже тем, что сбрасывает со счетов смысловое наполнение данных глагольных форм в обоих языках: славянский аорист, в значительной степени адекватный греческому, столь же (и даже более, как будет показано ниже) далек от сокровенного смысла, как и перфект Максима Грека.

² Как хорошо известно, формы аориста значат факт действия в прошлом, то есть действие, ограниченное временными рамками; аналитический перфект — столь же ограниченное временем действие в прошлом плюс след этого действия в настоящем (см. один из учебников [Горшкова, Хабургаев, 220, 224, 301 и др.]).

дионе» — стало «мученичество за веру» (при этом оба значения греческого слова продолжали сосуществовать). Возникли новые системные отношения между словами. Для мирской философии, говорит Феодорит Киррский [Лосский, 42], нет разницы между понятиями «усия = сущность» и «ипостась = сущность» — в христианстве же эти синонимы стали основополагающими понятиями и оказались противопоставлены как общее и частное. Известны, далее, переводческие трудности — в осмыслении христианских понятий и в передаче их славянской лексикой. Тут и грубые морфологические, и тонкие семантические кальки, и слова-наброски. Славянские переводчики отваживаются на явные ошибки и семантические сдвиги, мысленно видя при этом то, что полагается видеть в данном месте содержания.

Пути развития, открытые лексике, недоступны для грамматических категорий. Реакция грамматических значений на изменение в обществе не видна невооруженным глазом. Уходящие в доисторию противопоставления, например способов действий [Мейе, 163], в виде следов обнаруживаются в глагольных основах и сейчас. Глагольным временным формам нелегко придать новые значения.

Уже отцы церкви IV в. видели в принудительности языка помеху для разумения божественных истин. Григорий Богослов говорит: «Божественная природа есть некое море сущности, неопределенное и бесконечное, простирающееся за пределы всякого понятия о времени и природе. Если наш ум попытается создать слабый образ Божий, созерцая Его не в Нем самом, но в том, что Его окружает, то этот образ ускользает от нас прежде, чем мы попытаемся его уловить, озаряя высшие способности нашего ума» [Григ., 196—197].

Об этом же говорит богослов нового времени: «Если мы и говорим о происхождении, о внутренних действиях или самоопределениях, эти выражения, предполагающие понятия времени, становления, намерения, только показывают, до какой степени наш язык и даже сама наша мысль бедны и недостаточны применительно к изначальной тайне Откровения. Мы снова вынуждены обратиться к апофатическому богословию, чтобы освободиться от понятий, свойственных нашему мышлению, и будем превращать их только в точки опоры³, с которых мы поднимались бы к созерцанию Той реальности, Которую не может вместить в себя тварный ум» [Лосский, 37].

В богословии важно коренное различие между вечным происхождением Лиц-Ипостасей Св. Троицы и миссией во времени в тварном мире Сына и Духа Святого, которая есть дело Воли, общей всем трем Ипостасям. В догмате о Бого-Человечестве Христа (утвержденном на Четвертом

³ Подчеркивание в цитатах здесь и далее — наше (В.М.).

Вселенском Соборе), уже содержится то, что в научном тексте мы называли бы противоречием, в художественном — оксюмороном, а в богословском называем путем к Откровению: по Божеству Он вечно рождается от Отца и во всем подобен Ему, по человечеству же Он во времени родился от Пресвятой Девы Богородицы и во всем подобен нам, кроме греха. Принимая этот догмат, каждый принимающий должен отрешиться от обычной семантики процессуальных глаголов, на каком бы языке он ни говорил.

Начало тварного бытия — изменяемость, переход из небытия в бытие. Тварь условна, многочисленна, ограничена. Троица абсолютно неизменяема. Движение и неподвижность разделяет тварь и Бога. Но Христос соединяет тварь и Бога, так что в Нем соединяются движение и неподвижность, временное окрашивается вечным — о котором мы вынуждены говорить на языке с грамматикой и тут же отрешаться от нее. Бог Отец посылает Сына на землю — это уж онтологическое представление, ибо Сын — это Любовь, Логос, посылаемый Божьей Волей, которая есть абсолютная тайна. Земной путь Сына, особенно крестный путь: распятие, сходжение во ад, воскресение, преображение, вознесение — это и действия (по человечеству), и не-действия (по Божеству). Так до точки, пока Сын не воссел одесную Отца. В этой точке кончается движение, кончается время, начинается вечность⁴.

Ограниченным человеческим умом и страсти и смерть Христа мыслятся в логике «или—или»⁵, с переключением регистра, а озаренным умом мыслятся одновременно, в логике «и—и». В богословских произведениях это находит языковое выражение в целом ряде текстовых показателей. «Православие всегда видит Христа в полноте Его Божества, прославленного и торжествующего даже в страдании, даже во гробе. Истощание, *κένωσις* всегда выполняется блистанием Божества. Умерший и покоящийся во гробе, Христос нисходит во ад как победитель и навсегда сокрушает силу вражью. В воскресшем и восшедшем на небеса Христе Церковь может видеть только одно из Лиц Пресвятой Троицы, «поправшего смерть» и «седающего одесную Отца». Христос «исторический», «Иисус из Назарета» такой, каким Он представлялся взорам чуждых свидетелей, Христос вне Церкви, всегда восполнен в полноте Откровения, дарованной

⁴ Не лишне напомнить, что противопоставление движения в тварном мире и неподвижности божественного восходит по крайней мере к Платону, которого восприняли отцы церкви. Феодорит, в «Эллинских болезнях» (V в.) цитирующий платоновский диалог «Тимей», 27, стал известен на Руси уже в XI веке, через перевод (XI в.) Хроники Георгия Амартола (IX в.) [Временник Георгия Монаха, II 62]. Платон обсуждает, какие глагольные формы лучше соответствуют этим понятиям.

⁵ «...не слушай тех, которые говорят об Отце, будто Он в одно время Отец, а в другое Сын. Таковое учение есть учение чуждое, нечестивое и не учение Церкви» [Кир. Иер., 11.18. С. 147].

истинным его свидетелям — сынам Церкви, просвещенным Духом Святым» [Лосский, 183].

Интересующая нас семантико-экзегетическая проблема сосредоточена в точке перехода от земного пути Христа к вечному Христову пребыванию у Отца.

Будучи бессилен в выражении божественного, человеческий язык тем не менее находит различные способы, чтобы приблизиться к границе тайны, удержаться на ней, позволить прочувствовать ее существование. Христианское богословие апофатично в принципе, оно мыслит (и высказывается) о Боге последовательным схождением к тайне путем отрицания того, чем Божество не является. Это имеет выражение в конструкции противопоставления — в главном апофатическом средстве. Этой цели служит соположение в одном синтаксическом единстве слов с противоречащей семантикой: отрицание того, чем Божество не является, и утверждение идеи вечности. Среди отрицаемого — внедренные в глагол категории времени и пространства. Вечность утверждается с помощью присоединения наречий «вечности» к словам, грамматически навязывающим представление об ограничении, получаются оксюмороны. Нейтрализовать значения временных форм можно с помощью повторения той же мысли в описательных выражениях. Все это имеет место в христианской богослужебной и богословской литературе.

В конечном счете все Священное Писание истолковано в духе его понимания как вечного⁶. В самом НЗ есть текстовые структуры, содержащие самотолкование. Таково начало Евангелия от Иоанна: в греч. повтор-толкование εἰς ἄρχῃ, в слав. синоним-толкование в началѣ — **искони**.

Толкования интересующего нас пункта символа веры содержит упомянутые выше признаки организации языкового материала. Все это область функционирования языка. Вот два примера. «Да проповедуется Един Сын прежде веков, седящий одесную Отца, не во времени, после страдания по мере усовершения получивший сие седение, но имеющий оное от вечности» [Кир. Иер., 11.17. С. 146]. «сѣди одесною мена Деян 2.34 —

⁶ Для иллюстрации приведем несколько мест о вечности рождения из святоотеческого произведения. «Рождение по Божеству не подлежит ни времени, ни месту, ни родословному исчислению. ... родил рождением неисследимым и непостижимым.

От тел тела и рождаются, и для рождения телесного потребно известное продолжение времени. Напротив, рождение Сына от Отца — без посредства времени.

Он родил Его не по предварительном размышлении; но вечно родил, родил несравненно скорее, нежели как у нас рождаются слова и мысли. Ибо мы, произнося слова во времени, употребляем на сие время; но рождение, силою Божию совершаемое, не имеет времени. Бог не привел Сына Своего из небытия в бытие, не принял в усыновление такое лицо, которое не было Сыном; но быв вечным Отцем, вечно и неизреченно родил Единого только Сына... азъ днесь родихъ тя (Пс 2.7) — днесь сие не есть что-либо недавнее, но вечное, безвременное, днесь, прежде всех веков» [Кир. Иер. 11].

этим высказал все. Ему бы сказать: твердо убо да уразумеет весь дом Израилев, что Он **сѣдитъ** одесную. Но он сказал: **сътвори́лъ** **ѣсть** Господом и Христом. Но так как то было слишком высоко, то он, оставив это, приводит другое, что гораздо уничиженнее — говорит: сотворил **ѣсть**, то **ѣсть** поставил. Следовательно, он здесь ничего не говорит о существе, но все об этом предмете (то **ѣсть** о воплощении). ...что последовало за вознесением, то надобно узнать из Слова. Так как глаза не могут проникнуть в высоту и показать, вознесся Он точно на небо или только как бы на небо. ...глазами уже не можем распознать по дальности расстояния» [Злат., 63, 64, 65].

Текст приспособливает грамматику к выражению божественных истин. «Мимошедшим» грамматическим временем возможно обозначать вечное. «Мимошедшее» при этом не меняется, оно просто не замечается, нейтрализуется объяснением.

История с Максимом Греком позволяет с близкого расстояния увидеть то горнило, где грамматическая форма, подобно лексеме, окутывается новым, как бы опущенным на него сверху смыслом. На глаз и на ухо падают те же звуки, что и в обычном тексте, но в них видится и слышится иное, вневременное значение. Тексты Писания и их толкования представляют языковую основу, по которой прочитываются истины христианства.

Митрополит Даниил на соборе велел прочесть «свидетельства от божественных писаний» о вечности Христова сидения, где, по его мнению, мимошедшего нет; в «Судных списках» приведено около сорока таких мест [Покровский, 90—96]. Посмотрим на эти (и не упомянутые в «Судном списке») контексты лингвистически.

Употреблены все три основы семантики «сидения» — с семой начала **сѣсти**, состояния **сѣдѣти** (и синонимы **стоати**, **быти**), каузатив **садити**. Глагольные времена довольно строго разделены по контекстам двух типов речи — нарративу и описанию. Есть и несколько мест, как будто незаконно сочетающих нарратив и описание.

Нарратив содержит переход от одного эпизода к другому в земном пути Христа, последний из которых — сидение. Семантика смены действий в рассказе — начало и конец каждого звена — поддерживается формами аориста. Последнее действие **сѣсти** тоже имеет начало: сема 'начало' содержится трижды — в основе, в окончании аориста, предписывается типом речи. Отметим, что в основе **сѣсти** нет семы конца действия, конец задан формой аориста **сѣде** и поддерживается формой текста.

В повествовательном типе речи употребляется прич. аор. в ряду **въскрѣсивъ** и **посаждѣ** Еф 1.20 (так в Острож; в Геннад **въскрѣшь**) = *воскресив и посадив*; аорист начинательного «сестъ» **възнесѣ** и **сѣде** Мк 16.19, а также Евр 1.3, Евр 10.12, Евр 12.1. В этих контекстах сидение — последний этап в движении Христа к Отцу. Везде в последовательности (или паре) аористных форм актуализируется начало и завершение, кроме

последнего аориста от «сесть», о котором богословие запрещает думать как о действии завершившемся (комментарий Лосского к Еф 1.20: «Поскольку это сделал Бог ко Христу, то это воля вне мира, вне времени» [Лосский, 139]).

Значение начала и конца действия, как и в рассказе, содержится в контексте проявления Воли с императивом **сѣди** (от **сѣдѣти**) в Пс 109.1: **сѣди** одесную Меня, доколе положу врагов Твоих ... Место точно цитируется в НЗ (в пяти местах: Мф 22.44, Мк 12.36, Лк 20.42, Деян 2.34, Евр 1.13). Сема конца сидения возникает только в контексте (условие задается наречием «доколе»), основа глагола не содержит ограничения ни на прошлое, до повеления, ни на будущее. Форма императива, повеление как таковое, тоже, по-видимому, не несет ограничения на время⁷. Однако сема начала присутствует в более широком предшествующем контексте (например Деян 1.34); идея начала Христа как проявления Воли Бога (воскресил, вознес) явно утверждается в толковании этого места Деян Златоустом (цитата приведена выше). Место поясняется толкователями XIX в.: *доколе* здесь обозначает навсегда [Толк. Библия]. Мысль о завершении действия, выраженная наречием *слав.* **дондеже**, снимается пояснением комментаторов, «доколе» уходит в тень, значение основы изменяется в противоположное.

В описательном типе констатируется само пребывание одесную Отца, адекватно выраженное суффиксальной основой состояния **сѣдѣти**.

В описательный тип речи попадают контексты, восходящие к Пс 15.8. В НЗ Мк 14.44, Деян 2.25, Деян 7.55, 1Пет 3.21, Рим 8.34, Кол 3.1. Пребывание Христа одесную Отца передано глаголами состояния **сѣдѣти**, **стояти** и **быти** в формах настоящего и описательного настоящего времени. Сема 'сидение' в основе состояния согласуется с глагольным настоящим временем в значении вневременного, вечного. Тут глагольная форма не противоречит богословскому смыслу.

В Лк 22.68-69 тип речи описательный, употреблено описательное настоящее время и в греческом, и в славянском: ἔσται καθήμενος «будет сидящий»: **Вселе будет сѣдан**. Это пророчество самого Христа, в котором, однако, есть наречие, задающее начальную точку сидения: ἀπὸ τοῦ νῦν δέ = **Вселе** = «отныне» при форме глагола, характерной для описания. Как и в нарративе, указание на начало сидения не противоречит вечности сидения «вперед».

В Евр 8.1 в описательном типе речи почему-то аорист, движение, переход из не-сидения в сидение: «имеем такого, который **сѣде**». В синод.

⁷ Псалмы не обязательно связаны между собой содержанием, но все же отметим, что предыдущий псалом завершается картиной, в которой Бог стоит одесную бедного (Пс 108.31). Оставляем в стороне расположение персонажей одесную и ошуюю друг к другу.

переводе библии адекватное аористу русское *воссел*, и если современные толкователи правы, то здесь соединены оба типа речи. Ожидалось бы наст. время.

Интересно одно место, где в славянском переводе обозначено вечное сидение (в обе стороны от момента речи), в то время как в греч. есть наречие, указывающее на начало вечного сидения: Евр 10.12 εἰς τὸ διηνεκές ἐκάθισεν = «навсегда воссел» — в слав. **всегда сѣдит**. Тип речи — смена действий (с аллюзией к Пс 109.1 и одновременно к Пс 46.9 и Пс 98.1: Бог воцарился, Он сидит⁸). Это победа толкования над точным переводом. Сквозь греческую форму переводчик увидел вечное сидение, христологический смысл, смело сдвинул смысл временного указателя, пренебрег значением аориста. Он смотрел поверх грамматического времени.

В средневековых и новых толкованиях авторы объединяют мотивы и сюжеты Писания, представляя Христа в полноте Его Божества. В точках, соотносимым с текстом Писания, употребляются различные грамматические формы, собственные значения которых нейтрализуются пояснениями, так что и сегодняшний читатель, например, современного же Лосско-го, отрешается от тонкостей грамматических смыслов: *умерший, покаявшийся, нисходит, навсегда сокрушает, воскресший, восшедший на небеса, «поправший смерть», «сседающий одесную Отца»* [Лосский, 183].

Два «Слова» Максима Грека воспроизводят оба типа контекстов «сидения», отмеченных в Писании. В «Слове о покаянии» (Слово IV), по Кол 3.1, — тип речи описательный, значение вечного сидения, предикат в форме описательного настоящего с прич. наст. В «Слове обличительном на еллинскую прелесть» (Слово V), по Мк 16.19, тип речи повествовательный, контекст смены действий: «Сам же, вознесшись с плотию своею на небо, как победитель смерти и пленитель ада, сел одесную Отца на престоле славы своей, откуда, как мы ожидаем, имеет придти как Судия». В греческом параллельном тексте⁹ Максим употребил форму κάθηται (в Септ и Острож Мк 16.19 аористы ἐκάθισεν — сѣде), которая неоднозначна. Это или презенс акт. от *verbum defectivum* κάθ-ηται, ἦται «сидеть», тогда место надо понимать как «вознесаясь — сидишь». В переводе Була-нина *ныне сидишь* — прибавлено наречие, которого нет в греч. тексте. Современный исследователь подстроился под средневековое восприятие: оно невольно проявилось в славянском переводе Евр 10.12 (см. выше). Значение презенса соответствует мысли о вечном сидении, следующем за скач-

⁸ Все три места из Пс обсуждает св. Иустин — один из самых ранних христианских апологетов [Иустин, 190—191].

⁹ Проф. Бушкович обнаружил (в Венской национальной библиотеке) греческий оригинал обоих «Слов» Максима Грека [Бушкович, 229] — настоящее открытие в максимогрековедении, ибо до сих пор считалось, что Максим написал их сразу по-славянски.

ком-тайной, отделяющим состояние вечного сидения от земного пути Христа. Мы уже говорили, что такое совмещение не есть стилистический идеал. Или это перфект мед.-пасс. от суффиксального καθίζομαι «садиться», «сесть». Тогда «вознесясь — воссел», контекст смены действий. Так это место смотрится в русском переводе XIX в. Значение перфекта напоминает о действии Сына по воле Отца, о последнем деянии в цепочке деяний воплотившегося Христа. Соблюдено единство времен, но в тени осталась мысль о вечности последнего деяния и тем самым о грани между человеческим и божественным во Христе. Греч. перфект был экзотической формой¹⁰, но это не помеха для стиля «Слова», написанного изящными гекзаметрами классического языка. В этой двусмысленности формы (в нашем исследовательском или—или) отражается таинственная связь двух представлений о сидении Христа. Форму καθίζομαι находим также в Пс 46.6 «Бог воцарился, Бог воссел-сидит на святом престоле своем». В Острож **сѣдитъ**. В синодальном переводе *воссел*.

Обратимся теперь к Триоди, в которой Максим велел «зачернить» и «выскрестъ» аористные формы. По жанру Триодь совмещает восхваления Христа в извлечениях из Писания и из минейных служб в различных вариантах и сочетаниях, не выходящих, конечно, за рамки символа веры. В службе на Вознесение, например в четверг и субботу шестой недели после пасхи в ирмосе песни 3 [Триодь Цветная] в прославлении Христа варьируется тема «вознесся и сел» (по Мк 16.19), «взошел на небеса и сел», «сделался соседителем». По типу речи это внедрение нарратива в форму прямого обращения к Богу с соответствующей заменой категории лица и варьированием временных форм. Написано, как сказал митрополит Даниил, «инде» **вознесеса и сѣде** (как в Мк 16.19), в соответствии с греч. аористом, «инде» причастие наст. времени **сѣдан**, а кое-где, добавим, и **сѣдитъ**. Максимовы противники признают правильными и аорист, и настоящее время, а правку Максима **сѣделъ неси** (так стало в Триоди вскоре после Максима) и **сѣдѣвъ** — ошибкой.

Глагольные формы здесь — те же, что и в других священных и освященных текстах. Форма **сѣдитъ** — не перевод (перевод требует все того же аориста), а толкование, возникшее из соединения двух контекстов Писания с наложением всей атмосферы моления, обращенного ко Христу. В аористе **сѣде** есть начало (оно заключено в древнем инфиксе презентной основы **сѣд-** глагола **сѣсти**) и конец действия (он в окончании **ε** аориста)¹¹

¹⁰ «Переводчики евангелия, уже не ощущавшие греч. перфектов (в их эпоху были мертвой формой), часто переводили их аористами, заменяя повествование законченным процессом» [Мейс, 206].

¹¹ В наших текстах не встретилось **сѣдѣ** — аориста чистой основы от **сѣдѣти**. Если они и были (и были поглощены формой **сѣде**), это не меняет дела. Аорист от длительного глагола все равно оставался действием, ограниченным на временной оси как слева, так и справа.

и в контексте смены действий). Погружаясь в атмосферу моления, можно не видеть начала (не придавать ему роли ограничителя вечности «вспять»), тем более можно не видеть конца, примысливая форме аориста продолжение состояния в настоящее и в вечность несмотря на форму, поверх формы. Так реконструируется восприятие церковниками XVI в. аориста **сѣде** (от **сѣсти**) в ключевых для православия местах о пребывании Христа одесную Отца.

А как смотрел и думал Максим Грек?

Если исходить из значения формы, то в славянском перфекте есть начало, следовательно, нет вечности «вспять», изначальной вечности, как нет ее и в аористе. Зато в перфекте есть продолжение в настоящем (ничто яснее не передает этого, чем глагол-связка «есть»), следовательно, в грамматической форме содержится возможность мыслить вечность состояния «вперед», от точки, в которой кончилось движение. В аористе такой потенции нет, хотя она есть в лексеме сидения. Заметим, что вечность в будущем — представление очень абстрактное, требующее большого отрешения от реальности, в то время как вечное, мыслимое и в настоящем, реальнее и более представимо. В это смысле перфект предпочтительнее аориста. Даже основа состояния (ставшая видовой длительностью) играет на руку этому представлению: **сѣдѣлъ** — это как бы **седельный*, как в современном рус. *лежалый, бывалый, зрелый, прелый*.

Так как ни в аористе, ни в перфекте нет значения вечности в обе стороны, в этом смысле между ними «разньства никоторого нет», как сказал Максим Грек. Заменяв славянский аорист на русский перфект, Максим достиг двух целей. Во-первых, он восстановил симметрию, заключенную в единстве форм (*воскресе и сел* — лучше, чем *воскресе и сидит*); во-вторых, взял живую форму, про которую для второй половины XVI в. уже известно, что она в живой речи заменила аорист [Никифоров, 151] — в этом смысле тоже между ними «разньства нет». В статье [Ковтун, Синицына, Фонкич, 111], основополагающей в лингвистической части максимогрековедения, приводится убедительный лексический материал того, что Максим лучше других предчувствовал норму литературного русского языка, которая начала проявляться только во второй половине XVI в. Получается, что Максим Грек со своим **сѣдѣлъ** *юси* лучше других предчувствовал норму и в области грамматики.

На «мимошедший» смысл перфекта легче закрыть глаза и уши, чем на аорист, в котором «мимошедшее» перевешивает. Максим Грек тоже закрывал глаза.

В неравном споре о мимошедшем и вечном проявилась интенция русского священства того времени придать святость, догматический вес аористу, то есть форме, а не сути, ибо такой сути — сути вечности — в аористе нет. Претензии к перфекту — это не защита догматической сути и не со-

держательный подход, а возражение перемене, отменяющей то, что признано от древности. Святитель Даниил был противником не изменения аориста на перфект, а изменения священных книг. Это отнюдь не борьба за букву вероисповедания, как было, например, с *filioque*. На Максиме Греке схлестнулись иные душевные движения, проявились — не в первый и не в последний раз в нашей культурной истории — две коренные человеческие природы: хранители старого и взрыватели старого во имя нового. Максим Грек, при всем его прочном православии, принадлежал ко второму типу людей. Это поистине трагическая фигура, принявшая на себя неразрешимое противоречие своей гиперборейской родины: нельзя было подновлять-портить священные книги, как нельзя было подновлять-портить иконы¹². И нельзя было не подновлять их в отсутствие других технических способов внести новое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буланин Д.М. Максим Грек. «Слово о покаянии» и «Слово обличительно на еллинскую прелесть». Предисловие и перевод Буланина Д.М. // ТОДРЛ XLVII. Санкт-Петербург, 1993. С. 229—240.
2. Бушкович П. Максим Грек — поэт-«гипербореец» // ТОДРЛ XLVII. Санкт-Петербург, 1993. С. 215—228.
3. Геннад: Библия 1499 года. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 8. М.: Московский патриархат, 1993.
4. Временник Георгия Монаха. Хроника Георгия Амартола в славянорусском переводе XI в. По рукописи: Троицкий (Тверской) кон. XIII — нач. XIV в. РГБ: Моск. Дух. Акад. № 100.
5. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.
6. Григ.: Григорий Богослов. Слово на Пасху // Григорий Богослов (IV в.) Творения Св. отца нашего Григория Назианзина Богослова, архиеп. Константинопольского. М., 1844—1851. Т. 1—4. Ч. III. С. 196—197.
7. Злат: Беседа VI. 2 // Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого архиеп. Константинопольского Избранные Творения. Беседы на Деяния (в 400 г. в Константинополе). Изд. отдел Моск. Патриархии, 1994. С. 64.
8. Иустин: Разговор святого Иустина с Трифоном иудеем // Св. Иустин философ и мученик. Творения. М., 1995 по изд. М. 1892. С. 132—358.

¹² Тревогу священства XVI в. по поводу правки священных книг в новое время принято передавать с легким высокомерием. Однако если посмотреть на дело как на узел диаметрально противоположных и одинаково необходимых культуре тенденций, то нельзя не выразить солидарности с просвещенным помощником Максима Михалем Медоварцевым: «Загладил две строки, а вперед гладити посумнелся есми ... не могу ... заглаживати, дрожь мя великая поймала и ужас на меня напал» [Покровский, 16].

9. Канонизация святых. Поместный Собор русской православной церкви, посвященный юбилею 1000-летия крещения Руси. Троице-Сергиева лавра, 1988.
10. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1—2. М.: Терра, 1992.
11. **Кир. Иер.:** *Св. Кирилл*, архиепископ Иерусалимский (ум. в 387 г.). Поучения огласительные и тайноводственные (347 г.). М.: Синодальная библиотека, 1991.
12. *Ковтун Л.С., Синицына Н.В., Фонкич Б.Л.* Максим Грек и славянская Псалтырь. Сложение норм литературного языка в переводной практике XVI в. // Восточнославянские языки. Источники их изучения. М., 1973. С. 99—127.
13. *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Изд-во Московского университета, 1953
14. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия восточной церкви. М., 1991.
15. *Максим Грек.* Сочинения преп. МГ в русском переводе. Ч. 2. Свято-Троицкая лавра, 1910. V. Слово обличительное против еллинского заблуждения.
16. *Мейе А.* Общеславянский язык. М.: Изд-во иностранной л-ры, 1951.
17. *Никифоров С.Д.* Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.
18. **Острож:** Острожская Библия. *библия сирѣчь книги ветхаго и новаго заветѣ по языку словенскѣ.* Острог, 1581. Фототипическое переизд. М.: Слово-Арт, 1988.
19. *Покровский Н.Н.* Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М.: Археографическая комиссия, 1971.
20. **Септ:** Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta Lxx interpretes editit Alfred Rahlfs. 1935, 1979. Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart.
21. **Толк. Библ.:** Толковая Библия, или комментарий на все книги св. писания Ветхаго и Новаго Завета. Петербург, 1904—1913. Стереотипное переизд., 3 изд. Ин-т перевода Библии. Стокгольм, 1987. Т. 1—3.
22. **Толк. НЗ посл.:** Толкование новозаветных посланий и книги Откровения. Даллаская Теологическая Семинария, 1983. Пер. с англ. М., РЕИ и СМИ, 1989.
23. Триодъ цветная. М.: Типография единоверцев, 1880-е годы.
24. *Успенский Б.А.* Grammatika sub specie theologiae (Претеритные формы глагола *быти* в русском языковом сознании XVI—XVIII вв.) // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. II: Язык и культура. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 363—388.

К ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ¹

1. Исходные понятия

1.1. Ситуация движения и ее участники. Простейшая ситуация движения, как известно, сводится к тому, что ее основной участник (перемещающийся или перемещаемый *объект*) последовательно на протяжении некоторого отрезка времени меняет свое местоположение. Те участки пространства, которые на протяжении этого отрезка времени последовательно занимает объект, составляют в конечном счете некоторое единое пространство, называемое *траекторией* движения. В составе траектории принято выделять по крайней мере следующие три лингвистически существенных участка, отражающие историю ее возникновения во времени: тот, где объект находился в момент начала движения (или *исходный пункт* движения), тот, где объект находился в момент завершения движения (или *конечный пункт* движения), и все те участки, где объект находился между началом и концом движения (или *маршрут*). С семантико-синтаксической точки зрения, объект [O], маршрут [T], исходный [I] и конечный [F] пункты движения являются аргументами глагола движения, заполняющими его семантические валентности; три последних аргумента носят название *локативных*. В предложении локативные аргументы могут быть синтаксически выражены при глаголе движения (*она [O] прошла из беседки [I] к воротам [F] по садовой дорожке [T]*), могут быть не выражены (опущены), но в принципе восстанавливаемы в данном контексте (*она [O] прошла к воротам [F]; книги [O] упали*) и, наконец, существуя в качестве семантических аргументов, не обладать возможностью появления в качестве синтаксического аргумента глагола. Последний случай наиболее интересен; он представлен контекстами типа *Она сняла с пальца [I] кольцо [O]*, где конечный пункт движения в принципе не может быть указан при глаголе (хотя, безусловно, существует и, как правило, известен: в приведенном примере объект в стандартной ситуации всегда оказывается в руках каузатора движения). Валентность конечного пункта движения у глаголов типа *снять* принято называть *фиксированной* (термин из работы Рахилина 1990).

По-видимому, не всякий глагол движения имеет все три локативные валентности даже на семантическом уровне: соответствующая ситуация может описывать такой фрагмент или тип движения, который не предпо-

¹ Настоящее исследование выполнено в рамках проекта по описанию глагольных категорий в языках мира при финансовой поддержке фонда им. А. фон Гумбольдта (ФРГ).

лагает указания всех составляющих траектории. Так, разумно считать, что русский глагол *рухнуть* не имеет валентности маршрута (ср. **рухнул по ступенькам* при приемлемых *рухнул на ступеньки / к ее ногам, рухнул с полки на ковер*, и т.п.). Глагольные лексемы в разных языках (даже семантически близкие) могут отличаться друг от друга как составом локативных валентностей, так и возможностью их поверхностного выражения. При этом следует иметь в виду, что синтаксическое отсутствие определенного локативного аргумента при глаголе может соответствовать любой из трех ситуаций: опущенного (семантически обязательного, но синтаксически необязательного) аргумента, фиксированного (но семантически обязательного) аргумента и отсутствия (семантического) аргумента. Определить, что именно стоит за синтаксическим отсутствием аргумента, не всегда легко. Существует немалое число языков, где глаголы только с одним выраженным локативным аргументом — норма; так, в этих языках возможны конструкции вида *змея ползет по дороге*, но невозможны конструкции вида *змея ползет в нору* (следует сказать нечто вроде *ползет, направляясь в нору*). По-видимому, в таких случаях целесообразно считать, что мы имеем дело с глаголами движения без валентностей исходного и конечного пункта (ср. аналогичное поведение русского глагола *стелиться* в контекстах типа *дым стелется по земле / *из трубы / *в окна*). Более того, вполне возможно существование глаголов движения вообще без локативных валентностей: в языке может действовать запрет не только на *ползет в нору*, но и на *ползет по дороге* (соответствующий смысл должен быть тогда передан как *ползет, перемещаясь по дороге*); впрочем, такие лексемы уже, по-видимому, нельзя считать глаголами движения в узком смысле. В русском языке подобного рода проблемы возникают, например, при анализе глагола *танцевать*. Вообще говоря, этот глагол описывает некоторое движение (обладающее в физическом мире своей траекторией), но в языке отсутствует возможность описать какие бы то ни было элементы этой траектории с помощью синтаксических аргументов глагола. Можно сказать *танцую, они оказались в спальне*, но не **они танцевали в спальню*; между тем, в английском языке конструкции вида *dance into the bedroom*, как известно, вполне могут оказаться приемлемы.

1.2. Локализация и ее разновидности. Из всей совокупности обстоятельств, связанных с глаголами движения, нас интересует одно: то, каким образом в языке локализуются части траектории движения; иначе говоря, какие существуют средства для обозначения того, *куда, откуда и где* осуществлялось движение объекта. Локализовать эти части траектории и значит задать ориентацию движения.

Собственно говоря, стратегия, к которой может прибегать язык для решения этой задачи, в главном не отличается от общей стратегии ориентации любых других объектов: соответствующий участок пространства

помещается в определенную систему координат, т.е. соотносится с известным говорящему *ориентиром* и указывается, как он расположен относительно этого ориентира. Ср. такие контексты, как (i) *шарик висит над / рядом со столом*, (ii) *шарик повесили над / рядом со столом* и (iii) *шарик пролетел над / рядом со столом*, где положение шарика во всех случаях определяется относительно положения стола (которое предполагается заранее известным); оформление ориентира статической ситуации в (i) совпадает с оформлением ориентира динамической ситуации движения в (ii) и (iii). При этом сама семантическая роль локализуемого аргумента остается невыраженной, она определяется из контекста: в (ii) локализуется конечный пункт движения, в (iii) — маршрут. Этот тип стратегии можно назвать *недифференцирующей* (относительно ролевых характеристик локативных аргументов), или «чистой локализацией»; ср. обсуждение этого явления в Кибрик 1970. При «дифференцирующей» стратегии выражается одновременно и локализация участка траектории, и семантическая роль соответствующего локативного аргумента. Так, в парах вида *шарик лежит под столом* и *шарик покати́лся под стол* локализация выражается пространственным предлогом (одним и тем же), а разные локативные роли — разными падежами; в случаях типа *шарик выкатился из-под стола* не только падеж, но и предлог участвует в выражении локативной роли (кроме того, как локализация, так и локативная роль в последнем случае выражены и глагольным префиксом, о чем подробнее см. ниже).

Таким образом, в языке могут иметься «чистые» показатели локализации (это чаще всего пространственные предлоги или послелоги, иногда приименные пространственные аффиксы или вспомогательные пространственные глаголы соответствующей семантики), «чистые» ролевые показатели (падежные аффиксы или предлоги) и смешанные локативно-ролевые показатели. Так, русский предлог *к* выражает не только определенную локализацию ('участок пространства в непосредственной близости от объекта'), но и определенную локативную роль (представляя данный участок пространства в качестве конечного пункта движения). Еще один тип информации, который может выражаться совместно с локативными и/или ролевыми показателями — это информация о типе ориентира. Объект может быть локализован одним и тем же образом (например, на поверхности ориентира), но в зависимости от определенных свойств ориентира (его размера, формы, физической природы и т.п.) для обозначения этой локализации могут выбираться разные показатели. В этом случае в языке используется так называемая *классифицирующая* стратегия локализации (на важность этой стратегии было обращено внимание в работах Talmy 1975 и 1985). В русском языке элементы классифицирующей стратегии можно усмотреть, например, в правилах употребления пространственных предлогов *в* и *на* по отношению к некоторым типам ориентиров,

ср. известные противопоставления вида *в поле / на лугу, в переулке / на улице, в Крыму / на Кавказе* и т.п. По-видимому, можно считать, что предлог *в* выбирает в качестве ориентира «объемные» участки *пространства* (к которым, в частности, относятся населенные пункты и страны), а предлог *на* — «плоские» участки *поверхности* (для которых в языковом отношении существенны только два измерения).

Принято различать около 10 основных способов локализации и 4 основные локативные роли. В число локативных ролей входят уже известные нам обозначения маршрута, исходного и конечного пункта; к этому списку добавляется также роль «места», т.е. обозначение пространства, где локализуется ситуация в целом. Естественно, роль места является единственной (но важной) локативной ролью для многих статических ситуаций, не предполагающих движения. При «недифференцирующей» локативной стратегии именно роль места задает образец для оформления всех других локативных аргументов.

Стандартным способом выражения локативных ролей в языках мира являются (пространственные) падежи или предлоги. Как уже было сказано, эти роли могут быть выражены в чистом виде или совместно с другими значениями (прежде всего, значениями локализации или классифицирующими). Падежи, выражающие данные роли в чистом виде, принято называть следующим образом (в скобках приводятся названия, которые являются достаточно распространенными, но в настоящей статье использоваться не будут):

ЛОКАТИВНАЯ РОЛЬ	НАЗВАНИЕ ПАДЕЖА
‘Место’	<i>Эссив (локатив)</i>
‘Исходный пункт’	<i>Элатив (аблатив)</i>
‘Конечный пункт’	<i>Директив (латив, аллатив)</i>
‘Маршрут’	<i>Пролатив (транслатив)</i>

Что касается локализации, то, как уже было сказано, наиболее распространенным в языке способом указания пространственных координат некоторой точки является соотнесение этой точки с известным говорящему и адресату ориентиром. Локализация есть, собственно, не что иное, как указание на положение определенного участка пространства относительно определенного ориентира. Иными словами, ориентир мыслится как объект, организующий вокруг себя некоторое пространство; это пространство (или «окрестность» ориентира) делится на целый ряд *топологических зон* (внешняя, внутренняя, передняя, верхняя и т.п. — название зоны отражает ее положение относительно ориентира). Набор этих зон и составляет частные значения локализации, доступные в том или ином языке.

Естественно, разные языки членят окрестность ориентира по-разному — с разной степенью дробности и используя разные параметры. Тем не менее, можно, как представляется, говорить о некоем универсаль-

ном наборе топологических зон, который является максимально дробным разбиением окрестности ориентира. Система локализации каждого конкретного языка, далее, может быть представлена как некоторое преобразование этого универсального набора.

Перечислим важнейшие характеристики этого набора.

Прежде всего, окрестность ориентира делится на внутреннюю зону (включающую сам ориентир и, если этот ориентир объемный, пространство внутри ориентира) и внешнюю зону; соответственно, во внутренней зоне различается поверхность и внутренняя часть ориентира. Дальнейшее деление топологических зон (как внутренних, так и внешних) исходит из возможной асимметричности устройства ориентира, которая в конечном счете связана с его функциональными особенностями. Так, у ориентира можно выделять переднюю (или фасадную, см. Fillmore 1975, Апресян 1995, Svorou 1993), заднюю и боковую части, а также верхнюю и нижнюю части. Не всякий объект, оказываясь ориентиром, изначально допускает такое топологическое членение (например, ведро не имеет естественной передней части, а нож — естественной верхней, но сочетания *перед ведром* и *над ножом* в определенных ситуациях все-таки возможны). Для дальнейшего изложения существенно зафиксировать следующий набор основных локализаций (все эти локализации могут выражаться с помощью грамматических показателей хотя бы в некоторых языках; толкования даны в иллюстративных целях и не претендуют на полноту)².

А. Внешние локализации:

APUD	‘любая область пространства рядом с ориентиром/вблизи ориентира’
ULTRA	‘пространство далеко от / вне сферы воздействия ориентира’
SUPER	‘пространство над ориентиром’
SUB	‘пространство под ориентиром’
ANTE	‘пространство перед ориентиром’
POST	‘пространство позади ориентира’
LAT	‘пространство сбоку ориентира (то есть не впереди и не сзади)’
CIRCUM	‘пространство вокруг ориентира’

Б. Внутренние локализации:

IN	‘пространство внутри ориентира’
INTER	‘пространство между элементами множества или совокупности, служащих ориентиром (ср. русск. <i>между, среди</i>)’
PART	‘периферийная часть ориентира (край, кромка, оконечность и т.п.)’
CONT	‘поверхность ориентира’
AD	‘верхняя поверхность ориентира’
LAT-C	‘боковая поверхность ориентира’
SUB-C	‘нижняя поверхность ориентира’ и т.п.

² Как это принято во многих работах по типологии, локализации условно обозначаются с помощью латинских предлогов.

Напомним, что каждая из этих локализаций может мыслиться в качестве одного из локативных аргументов глагола; так например, пространство под ориентиром (SUB) может выступать не только в качестве места статической ситуации ('суб-эссив': <отдыхать> *под кроватью*), но и в качестве конечного пункта движения ('суб-директив': <упасть> *под кровать*), исходного пункта движения ('суб-элатив': <вылететь> *из-под кровати*) и маршрута ('суб-пролатив': <проползти> *под кроватью*). Как можно видеть, в русском языке показатели суб-пролатива и суб-эссива совпадают, но это явление отнюдь не универсально: например, в абхазском языке совпадают показатели суб-пролатива и суб-элатива (Hewitt 1979: 136), а во многих нахско-дагестанских языках будут морфологически различаться все три роли. В абхазском языке регулярно совпадают показатели эссива и директива (противопоставляясь также совпадающим показателям элатива и пролатива), а в австронезийском языке манам нулевой показатель эссива и элатива противопоставлен показателю директива *-lo* (Lichtenberk 1983: 572—573).

Деление на «внешние» и «внутренние» локализации в приведенном списке имеет под собой скорее логическое, чем лингвистическое основание. В естественных языках локализации чаще противопоставляются по другим признакам (образуя в результате подклассы с разными грамматическими свойствами). Одним из таких признаков является деление на «центральные» (In, Cont/Ad, Apud/Ante...) и «периферийные» (Super, Sub, Post, Ultra...) локализации; другим — деление на «видимые» (Ad, Ante, Super...) и «невидимые» (In, Sub, Post, Ultra...) наблюдателю локализации. В качестве общего правила можно постулировать, что «видимые» и «центральные» локализации, как когнитивно более значимые, являются более грамматикализованными и иерархически доминирующими (так, если в языке грамматикализованы периферийные локализации, то в нем обязательно грамматикализованы и центральные, и т.п.). При этом, по нашим данным, противопоставление центральных и периферийных локализаций является в грамматическом отношении самым важным (то есть, например, «центральная», но «невидимая» локализация In в общем случае более грамматикализована, чем «периферийная», но «видимая» локализация Super).

1.3. Особенности ориентации движения. Поскольку статическая и динамическая ориентация имеют много общего, мы до сих пор рассматривали оба вида ориентации совместно. Но, естественно, у динамической ориентации (то есть у ориентации участков траектории движения) есть и свои особенности.

Особенности эти проявляются, во-первых, в том, что для ориентации статических и динамических ситуаций используются разные топологические зоны (или, если одни и те же, то с разной частотностью). Так, для статической ориентации гораздо более существенно деление поверхности на боковую, верхнюю, нижнюю и т.п., тогда как динамическая ориентация, как правило, опирается на более общее противопоставление поверхности,

внутренней зоны и ближайшей внешней зоны и в этом смысле проявляет тенденцию к меньшей дробности. С другой стороны, противопоставление передней и непередней зоны, возможно, является более грамматикализированным именно в подсистеме динамической ориентации. Примеры языков, в которых значение анте-эссива выражалось бы *морфологически* (например, особым падежом, не совпадающим с падежом для выражения локализаций типа APUD или CONT), очень немногочисленны, тогда как значения типа анте-директива (то есть движение *навстречу* ориентиру, к пространству *перед* ним) морфологически выражаются гораздо чаще.

Вторая — и, может быть, более важная — особенность ориентации динамических ситуаций состоит в том, что в этом случае могут использоваться особые параметры, невозможные для статических ситуаций. Основное отличие динамических ситуаций состоит в том, что движение может быть ориентировано не только по исходному или конечному пункту, но и по исходному или конечному *направлению*, причем начальный и конечный локативный актант могут оставаться неизвестны (ср. с *юга*, *вверх* и т.п.). Направление является характеристикой скорее маршрута, чем крайних точек траектории, и способы задания направления, как правило, отличаются от способов локализации этих последних; они будут более подробно рассмотрены в следующем разделе. Здесь отметим лишь, что специализированные грамматические средства для указания направления часто образуют особую подсистему в языке (ср. суффикс *-ward[s]* в английском в составе таких наречий, как *onward*, *downward*, *eastward* и т.п. или противопоставление предлогов *to* и *toward[s]*: первый предполагает, что объект должен достичь конечной точки, тогда как второй — нет).

1.4. **Глагольная ориентация.** Поскольку в содержательном отношении ориентация характеризует прежде всего (или даже исключительно) *объекты* реального мира, то мы вправе ожидать, что при грамматикализации показатели ориентации в естественных языках будут модифицировать существительные, выступающие в качестве обозначений ориентиров. Положение, между тем, оказывается более сложным. Действительно, именные падежные системы (в тех языках, где они есть) или пространственные предлоги/послелоги, управляющие существительными, в значительной степени берут на себя функцию показателей ориентации, выражая как локализацию, так и ролевые характеристики локативных аргументов. Однако достаточно часто показатели ориентации оказываются не именными, а *глагольными* (являясь либо особым элементом глагольной синтагмы, либо даже аффиксом в составе глагольной словоформы³). Таковы, в частности, и русские глагольные приставки, которые могут задавать ориентацию гла-

³ Л.Талми (Talmy 1985: 102—103) использует для обозначения таких глагольных модификаторов термин «сателлиты».

гольных аргументов как совместно с именными показателями (*про-полз по бревну*) так и практически самостоятельно (*пере-полз бревно*). В абхазо-адыгских и ряде индейских языков Америки (где у имен полностью или почти полностью отсутствует категория падежа) различные элементы глагольного комплекса выражают все компоненты ориентационной семантики — включая локализацию объекта, семантическую роль локативного аргумента и даже семантический тип ориентира.

Типологически в этом явлении нет, вообще говоря, ничего удивительного — это далеко не единственный пример того, что характеристики актантов глагола маркируются не при этих актантах, а при глаголе, и в этом можно было бы даже видеть одно из проявлений так называемого «вершинного маркирования» (Nichols, 1986). Однако в отличие от других случаев вершинного маркирования (типа показателей изафета у существительных или лично-числовых показателей глагола), наличие у глаголов показателей ориентации имеет менее выраженную синтаксическую природу и более тесно связано с семантикой не только именной, но и глагольной лексемы.

2. К построению классификации глагольных показателей ориентации

2.1. Относительная и абсолютная локализация. Один из основных типов информации, передаваемой ориентационными показателями глагола — локализация аргументов динамической ситуации. Глагольные «сателлиты» естественных языков прежде всего представляют собой показатели локализаций, составляющих некоторым образом выделенное подмножество универсального набора. В разных языках показатели локализации могут различаться по большому числу параметров, но одним из наиболее существенных и наиболее массовых источников типологических различий является, с нашей точки зрения, противопоставление двух возможностей задания самого *ориентира*. Мы будем называть их *относительной* и *абсолютной* локализацией.

При относительной локализации ориентир задается непосредственно в контексте; он является переменной при глаголе движения. Так, русский префикс *под-* (в контекстах типа *подложить газету под проигрыватель*) указывает на то, что конечный пункт движения находится в «нижней» топологической зоне ориентира; сам же ориентир выступает в качестве вершины именной группы, вводимой предлогом *под* и служащей аргументом глагола *подложить*.

При абсолютной локализации ориентир является фиксированным. Все употребления ориентационного показателя предполагают один и тот же, заранее заданный ориентир; иными словами, указание на конкретный ори-

ентир встроено в значение ориентационного показателя и выражается совместно со значением локализации.

Глагольные ориентационные показатели русского языка практически не содержат (если не считать некоторых периферийных употреблений) элементов такого типа, однако они достаточно заметно представлены в глагольных системах многих языков — американских индейских, австронезийских, абхазо-адыгских, обско-угорских и др. Примером могут служить ориентивы хантыйского языка (в морфологическом отношении представляющие собой так называемые приглагольные «частицы», то есть автономные словоформы типа английских *in*, *off*, *away* и т.п., см. подробнее Николаева 1995). Так, хантыйский ориентив *nik* обозначает не любое движение вниз, а только спуск к реке (или, в других контекстах, падение в огонь); семантический компонент 'река' (соотв., 'огонь') изначально является частью его значения.

Целесообразно выделять четыре больших класса абсолютных ориентиров (с несколько различающимися языковыми свойствами), которые мы предлагаем называть *предметными*, *гравитационными*, *антропоцентричными* и *дейктическими*; эти классы перечислены, так сказать, в направлении возрастающей грамматичности, и мы именно в этом порядке их и рассмотрим.

1) Предметные ориентиры обозначают любые фрагменты окружающей действительности, важные для человеческой деятельности. Это могут быть элементы ландшафта (особенно часто — гора или холм, а также река или море), выделенные артефакты (обычно характеризующиеся стабильной позицией: дом, очаг, угол внутри помещения и т.п.), а также части тела человека (рука, голова, лицо, рот и др.). Ориентационные показатели этого типа редко выражают предметный ориентир как таковой: как правило, в их значение одновременно входит и указание на определенную локализацию в связи с выбранным ориентиром (например, для ориентира 'дом' грамматикализуется скорее значение 'внутреннее пространство дома', а не 'поверхность дома', 'пространство за домом' и т.п.), и указание на семантическую роль соответствующего аргумента глагола (например, в языке может существовать показатель со значением 'домой', но не 'из дома' или 'мимо дома'). Существенно при этом, что сочетаемость различных ролевых и локативных характеристик с названием ориентира отнюдь не свободна: типичным является наличие в ориентационной системе языка только одной-двух фиксированных комбинаций. Пример хантыйского языка опять-таки может считаться характерным в этом отношении: в хантыйском существует грамматическая единица со значением 'к реке', но отсутствуют грамматические единицы со значениями, например, 'из реки' или 'над рекой' (разумеется, все эти значения можно выразить лексически, с помощью существительного 'река' — но уже не с помощью глагольного

«сателлита»). Можно утверждать, что фиксированные ориентиры грамматикализуются в естественных языках в прагматически наиболее естественных локализациях и/или локативных ролях, обычно в соответствии с иерархиями, обозначенными в разделе 1.2. Наиболее часто совместно с фиксированным ориентиром выражается директивная роль и такие локализации, как IN и APUD, хотя названия частей тела имеют в этом отношении свои особенности — они скорее предпочитают «контактные» локализации (т.е. CONT, PART, AD и др.). Реки и горы в качестве фиксированных ориентиров могут задавать не только локализацию, но и направление движения (соответственно, 'по течению/против течения реки' и 'к вершине/к подножию горы').

В диахроническом отношении предметные ориентиры в составе показателей ориентации, как правило, восходят к соответствующим именным основам, инкорпорированным в глагол или слившимся с пространственным предлогом. Их можно считать начальным этапом грамматикализации именных основ; следующими этапами является превращение фиксированного ориентационного показателя в классифицирующий и относительный. Примером абсолютного показателя, эволюционировавшего в обычный относительный, может служить англ. *away* (< др.-англ. *on weȝ*, букв. 'по дороге'), в современном языке выражающий локализацию типа ULTRA, в древнеанглийском же первоначально обозначавший движение 'своей дорогой', а впоследствии просто 'далее' и 'далеко'.

2) Пара гравитационных ориентиров описывает движение под действием силы тяжести (то есть к земле, 'вниз') и в противоположном направлении (то есть 'вверх'). Заметим, что, в силу своей физической природы, эти ориентиры употребляются прежде всего для описания направления движения, а не крайних точек траектории; но для нас сейчас существенно прежде всего то, что они являются фиксированными. Гравитационные показатели являются одними из самых распространенных в системах глагольной ориентации, хотя и не универсальными. В частности, такие богатые системы, как славянские, тем не менее практически не имеют в своем составе продуктивных гравитационных показателей; то же относится и к латинскому языку (в отличие от греческого, обладающего очень продуктивной парой превербов *kata-* 'вниз' и *ana-* 'вверх'). Заметим, что и в случае гравитационных ориентиров мы имеем дело не с локализацией в чистом виде, а с жесткой комбинацией локализации и директивной роли. Надежные примеры языков с особыми грамматическими показателями (не самостоятельными адвербиальными лексемами!) типа 'сверху' и 'снизу' нам неизвестны (возможно, потому, что и прагматически, и в описании языка значения типа 'снизу' и типа 'вверх' разграничить довольно трудно).

Наиболее сложные системы гравитационных ориентиров включают несколько дополнительных показателей за счет противопоставления *вертикального* и *наклонного* движения (обычно спуск или подъем по склону горы); тем самым, мы имеем пример грамматикализации различий между крутыми и пологими горными склонами. Подобные показатели зафиксированы по крайней мере в двух различных участках лингвистической карты мира: на Новой Гвинее (например, в языке аламблак, см. Foley 1986: 151—152) и среди нуристанских языков Памира.

3) Небольшая группа антропоцентричных ориентиров опирается на важный тип асимметрии, присущий живым существам (и в первую очередь, человеку): существование «лица». Для людей, в частности, лицо — это та сторона тела, на которой расположены основные органы чувств, т.е. глаза, нос и рот. При ориентации статических ситуаций этот параметр используется для задания передней (или фасадной) зоны топологической окрестности, но при ориентации динамических ситуаций он приобретает дополнительную функцию, поскольку задает направление движения: в нормальной ситуации человек движется *вперед*, то есть в ту сторону, куда направлен его взгляд. Это направление, естественно, тоже является абсолютным, а не относительным. Направление 'вперед' является базовым в классе «антропоцентричных» ориентиров, но отнюдь не единственным, поскольку на его основе определяется целый ряд других направлений, также имеющих абсолютную ориентацию.

Одним из таких направлений является направление 'назад'. Оно, однако, не является простым антонимом к 'вперед', поскольку, разумеется, 'назад' не означает 'в направлении, противоположном тому, куда направлен взгляд человека' (в русском языке этому последнему значению соответствует наречие *задом* и глагол *пятиться*: лексически такое значение вполне выразимо, но, насколько можно судить, в естественных языках никогда не грамматализуется). Смысл 'назад' более сложен: это движение по уже пройденному пути, но в обратном направлении (то есть такое движение, при котором прежний исходный пункт является конечным, и наоборот — разумеется, возвращаясь *назад* человек отнюдь не обязан при этом *пятиться задом*). Таким образом, 'назад' связано с идеей обратного пути, возвращения и смены локативных ролей. Оба направления, и 'вперед', и 'назад', в естественных языках нередко оказываются грамматализованы (ср. латинск. *progredi* 'двигаться вперед' и русск. *продвигаться*, а также латинск. *regredi* 'двигаться назад, возвращаться, отступать'), но, что интересно, 'назад' грамматализуется чаще и его семантические связи с другими категориями глагола гораздо интенсивнее. На примере хантыйского языка мы видели еще одну интересную возможность выражения абсолютного ориентира в семантической зоне обратного направления — это специальный показатель, описывающий возвращение

домой. В этом случае эксплицитно указан исходно начальный, а впоследствии конечный пункт движения, и он также является фиксированным.

На фиксированный характер английского ориентива *home* '[к себе] домой' (в конструкциях типа *drive home*) обращал внимание и Л.Талми (Talmy 1985: 107); в системе понятий Талми такие случаи описываются как «совмещение» в глагольном сателлите характеристик «маршрута» и «фона» ("Path + Ground conflation").

Другим производным направлением является латеральное, то есть движение 'вбок' или 'в сторону'. Опять-таки, здесь речь идет о направлении, задаваемом относительно исходного маршрута (\approx 'перпендикулярно исходному маршруту'), в ту сторону, куда указывает правая или левая рука идущего человека. Это направление грамматикализуется относительно редко, но показатели с таким значением засвидетельствованы.

Поразительным случаем грамматикализации направлений, связанных с правой и левой ориентацией движения, является пара так называемых «циферблатных» приглагольных показателей, в массовом порядке представленных в австронезийских языках Океании (носители всех этих языков являются обитателями побережий или маленьких островов); часто, помимо особых глагольных морфем, в данных языках имеются и пространственные наречия с тем же значением. Показатели эти описывают движение вдоль берега моря по направлению и против направления часовой стрелки (англ. 'clockwise' и 'anti-clockwise'). Реально, конечно, носители соответствующих языков при определении направления движения не имеют в виду европейский циферблат — апелляция к нему является просто удобным сокращенным способом описания такого движения. В австронезийских культурах значения «циферблатных» показателей описываются как 'движение [вдоль берега], при котором берег моря находится справа от идущего' и 'движение, при котором берег моря находится слева от идущего' (кроме того, может иметься в виду не только идущий человек, но и, например, человек, плывущий вокруг острова на лодке).

Интересно, что в ряде языков циферблатные и гравитационные значения совмещены, т.е. выражаются одними и теми же ориентационными показателями. Во всех известных нам случаях (фиджийский, манам и др.) используется одна и та же модель: одинаково выражаются значения 'вверх' и 'по часовой стрелке', с одной стороны, и значения 'вниз' и 'против часовой стрелки', с другой стороны. При этом, как подчеркивают авторы грамматик, готового объяснения этой пространственной метафоре в особенностях ландшафта соответствующих ареалов найти не удастся. В других языках Океании (например, в языках Новой Каледонии, ср. Moysse-Faurie 1983: 79) значение 'вверх' совмещено со значением 'на юг', а значение 'вниз' — со значением 'на север'.

4) Последняя группа абсолютных ориентиров использует в качестве фиксированной точки отсчета «дейктический центр», то есть то место, где находится говорящий. Важность дейктических значений для грамматики общезвестна; неудивительно поэтому, что дейктические показатели обнаруживаются в системах глагольной ориентации множества языков. Наиболее распространенными из этих показателей является пара, состоящая из «центростремительного» (локализацией является дейктический центр, «здесь») и «центробежного» элемента (локализацией является пространство вне дейктического центра, «там»). Естественно, обозначение локализации может дополняться обозначением семантической роли, причем различаются прежде всего директивные («сюда»/«туда») и эссивные («здесь»/«там») показатели; элативное значение, как и в случае с гравитационными ориентирами, здесь плохо отличимо от директивного по прагматическим причинам («отсюда» \approx «туда»), и грамматическими средствами они, по-видимому, не дифференцируются. В диахроническом отношении глагольные дейктические показатели часто представляют собой результат грамматикализации дейктических глаголов (типа *come* и *go*), с которыми в языке часто сосуществуют. Так, в языке манам имеются как самостоятельные дейктические глаголы *mai* «перемещаться в направлении говорящего» и *la[go]* «перемещаться в направлении от говорящего», так и соответствующие глагольные суффиксы — «центростремительный» *-mai* и «центробежный» *-laqo* (Lichtenberk 1983: 576—581). Эти суффиксы присоединяются к другим глаголам движения (типа «бежать»), в значении которых нет встроенного дейктического компонента (подробнее об их грамматическом поведении см. также ниже, раздел 2.3).

2.2. Типы ориентационных систем. Системы глагольных показателей ориентации в естественных языках могут различаться по очень многим параметрам — от числа показателей (три-четыре vs. несколько десятков), их морфологического типа (префиксы, суффиксы или автономные словоформы, которые, в свою очередь, могут быть частицами адвербиального типа, вспомогательными глаголами и т.д.) до набора семантических противопоставлений, выражаемых в системе. Мы коснемся только семантических различий.

Оценку семантического своеобразия ориентационной системы конкретного языка удобно производить по двум ключевым параметрам: (i) характер кумуляции различных пространственных значений у ориентиров и (ii) удельный вес различных типов локализации в системе.

(i) Глагольные ориентиры редко выражают локализацию в чистом виде. К значениям локализации добавляются (в разном объеме) ролевые и классификационные значения.

Основным следствием кумуляции локализации и ролевого значения является то, что в ориентационных системах возникает асимметрия: одни

комбинации оказываются обслужены особыми показателями в большом числе языков, другие же находятся в явном пренебрежении: либо в языке вообще не имеется грамматического способа выразить данное значение, либо оно выражается некумулятивно, то есть является менее грамматикализированным. Водораздел здесь проходит, как представляется, прежде всего между показателями «центральных» (и/или «видимых») и «периферийных» локализаций: доля кумулятивных ориентивов среди первых заметно выше. Наиболее частотны в ориентационных системах показатели индиректива ('внутри ориентира'), ин-элатива ('изнутри ориентира'), апудиректива ('к ориентиру') и супер-пролатива ('за ориентир поверх него; через ориентир'); с другой стороны, такие комбинации, как суб-элатив ('из-под ориентира') и пост-элатив ('из-за ориентира'), по нашим данным, непроемкими глагольными показателями практически не выражаются (так обстоит дело и в русском языке).

Не вполне предсказуемой может показаться очень высокая частотность ин-элативной комбинации в этом списке (ср. русск. *вы-*, лат. *ex-*, нем. *aus-*, венг. *ki-*, кит. *chu*, и мн. др.), при том, что в целом элативная роль грамматикализуется на порядок реже, чем директивная. С нашей точки зрения, здесь вновь вступает в игру параметр, противопоставляющий «видимые» и «невидимые» локализации: ин-элативное движение — единственное движение элативного типа, при котором конечная часть траектории видна говорящему, а начальная — нет; тем самым, это движение «от невидимого к видимому», которое по праву занимает место среди движений директивного типа с «центральным», видимым ориентиром в качестве конечной точки. Ин-элативная комбинация не просто одна из наиболее грамматикализированных: в целом ряде языков она вообще оказывается единственным значением относительной ориентации, выраженным самостоятельным показателем.

Может быть, именно привилегированный статус ин-элативной комбинации побудил ряд исследователей постулировать особую локализацию — пространство снаружи трехмерного ориентира (ср. локализацию 'Outside' в Comrie, Smith 1977 и Svorou 1993). С нашей точки зрения, необходимости в таком расширении списка локализаций все же нет (по крайней мере, для описания глагольной ориентации). Значения ориентивов типа русского *вы-* точнее описываются именно как комбинации элативной роли и внутренней локализации: это не столько движение *наружу*, сколько движение *изнутри*. Когнитивная выделенность этой комбинации следует из ее семантических свойств.

Добавление к пространственному компоненту классификационного приводит к появлению «классифицирующих» ориентационных систем, в которых информация о семантическом типе ориентира встроена в значение показателя ориентации. Классифицирующие глагольные ориентивы

особенно характерны для двух языковых ареалов: абхазо-адыгского и северо- и центрально-американского. Так, в абхазском языке используется не менее семи различных показателей локализации *IN* (то есть пространства внутри ориентира), выбор которых зависит от топологических характеристик ориентира. Не менее детальная классифицирующая система представлена в адыгейском.

Классифицирующие показатели в разных языках используют сходный набор признаков. Более детальное исследование этих показателей позволило бы создать универсальную классификацию топологических типов объектов (емкости, пространства, субстанции, строения и т.д., и т.п.), ориентированную на грамматически релевантные противопоставления в разных языках. Эта задача пока далека от окончательного решения.

(ii) Вернемся теперь ко второму из предложенных в начале этого раздела параметров вариативности ориентационных систем — к удельному весу различных типов локализации.

С точки зрения этого различия, система может отдавать предпочтение либо «точным», либо «неточным» локализациям. Под неточными локализациями мы в данном случае имеем в виду различные способы указания на направление движения — в отличие от указания на конечный (или начальный) пункт траектории. Как уже отмечалось раньше, сама по себе динамическая ситуация в принципе одинаково предрасположена к обоим типам ориентации: с одной стороны, движение как таковое в большинстве случаев мыслится как перемещение из начального пункта в конечный; с другой стороны, непосредственно наблюдаемый говорящим фрагмент движения, при отсутствии дополнительной информации, часто не дает возможности установить «лингвистическую историю» этого движения. Поэтому указание на направление более тесно связано с ситуацией «внешнего наблюдения» за движением и доступно в отношении большего числа динамических ситуаций. Указание же на начальный и конечный пункты траектории предполагает более полное знание о движущемся объекте; кроме того, оно более уместно в тех случаях, когда предметом обсуждения являются цели, намерения и в целом состояние сознания (активных) участников ситуации движения.

Таким образом, оба типа локализаций могут быть лингвистически значимы, но разные ориентационные системы обнаруживают в этой семантической зоне разные приоритеты. В системах типа славянских бесспорно преобладают точные (и относительные) локализации, тогда как, например, в языках Океании грамматикализуются, как правило, неточные (и абсолютные) локализации, причем доминируют гравитационные и дейктические ориентационные показатели. Характерным примером такой системы может служить та, которая представлена в языке квамера (австронезийский язык южно-вануатской группы, расположенный на ост-

рове Танна). В квамера имеется небольшой набор исключających друг друга глагольных суффиксов со следующими значениями (см. Lindstrom, Lynch 1994):

<i>-pen</i>	‘от говорящего; туда’;
<i>-pehe</i>	‘к говорящему; сюда’
<i>-irapw</i>	‘вниз; наружу’
<i>-uta</i>	‘вверх’
<i>-eraha</i>	‘к морю’
<i>-are</i>	‘от моря, вглубь острова’
<i>-esu</i>	‘вдоль моря по часовой стрелке [«берег слева»]’
<i>-rəhi</i>	‘вдоль моря против часовой стрелки [«берег справа»]’
<i>-aku</i>	‘куда?’ [показатель вопроса о направлении]

Все ориентивы квамера, во-первых, являются показателями направления (то есть «неточной» локализации) и, во-вторых, используют только абсолютную локализацию. Единственным исключением является показатель *-irapw* со значением ‘наружу’ (об особой выделенности ин-элативной комбинации было сказано выше), но и это значение совмещено с гравитационным. Интересно, что среди ориентационных показателей квамера ни один тип абсолютных показателей не является отчетливо преобладающим: представлена и предметная (‘к морю/от моря’), и гравитационная, и антропоцентрическая, и дейктическая ориентация.

Насколько можно судить, все системы языков Океании (причем как австронезийских, так и неавстронезийских) относятся к тому же типу, отличаясь лишь большей или меньшей детализацией отдельных семантических зон (так, дейктических ориентивов может быть более двух, гравитационные показатели могут дополнительно различать угол наклона, «циферблатные» показатели могут отсутствовать и т.п.). Такие системы являются, по-видимому, наиболее чистым случаем грамматикализации «неточной» локализации. Естественно, могут встречаться и смешанные системы, но с преобладанием той или иной тенденции. Так, можно сказать, что английская система является в целом системой «точной» (и относительной) ориентации, но доля неточных и абсолютных ориентивов в ней выше, чем в славянских языках: достаточно сказать, что гравитационные показатели *up* и *down* являются одними из наиболее грамматикализованных английских ориентивов. То же можно сказать о немецкой системе, которая, кроме того, обладает парой дейктических ориентационных префиксов (*hin-* и *her-*). Сочетание дейктических и относительных ориентивов (с преобладанием относительных) характерно и для грузинского языка. Латинская система также является смешанной и с преобладанием относительных ориентивов, но яркой особенностью латинского языка является присутствие не гравитационных, а антропоцентрических показателей (то

есть мир идущего вперед или назад человека оказывается важнее, чем мир вертикального или дейктического движения).

С другой стороны, возможны системы, в которых в целом преобладает «неточная» локализация, но некоторые показатели точной относительной локализации также представлены (читателя уже не должен удивлять тот факт, что это будут показатели в основном центральных локализаций). Характерным примером такой системы является хантыйская (заметим, что современная венгерская система эволюционировала в сторону сближения с системами германского и славянского типа, увеличив число относительных и уменьшив число абсолютных показателей). Так, в обдорском диалекте хантыйского языка зафиксированы следующие частицы, выполняющие функции показателей глагольной ориентации (см. Николаева 1995):

I.	<i>elti</i>	‘к ориентиру; на поверхность ориентира’
	<i>kim</i>	‘из ориентира’
	<i>suppi</i>	‘через ориентир; пополам [с глаголами деформации]’ (ср. тот же тип полисемии у русского <i>пере-</i>)
II.	<i>il, lap</i>	‘вниз’
	<i>nox</i>	‘вверх’ (также ‘начало действия’, ‘обратное действие’)
	<i>jel</i>	‘вперед; дальше’ (также ‘продолжение действия’)
III.	<i>nik</i>	‘к реке; в огонь’
	<i>wuti</i>	‘(вверх) из реки на берег’
	<i>joxi</i>	‘назад, домой’ (также ‘себе’)

Показатели первой группы выражают относительную и точную ориентацию; они сравнительно немногочисленны и набор их типологически ожидаем. Все частицы второй и третьей групп являются показателями абсолютной ориентации (почти в равной степени представлена гравитационная, антропоцентрическая и предметная локализация), причем большинство из них обозначают неточную локализацию, то есть направление. Таким образом, если, например, английская система является в целом системой относительной локализации с элементами абсолютной, то хантыйская система, напротив, является в целом системой абсолютной локализации с элементами относительной.

2.3. Ориентационные парадигмы. Прежде чем мы закончим наш обзор ориентационных систем, хотелось бы коснуться еще одной проблемы их функционирования. Это проблема того, в какой степени ориентационные показатели конкретного языка исключают друг друга в одной словоформе — иными словами, в какой степени эти показатели *парадигматичны*.

По причинам даже скорее экстралингвистическим, чем собственно лингвистическим, такие значения, как ‘вверх’ и ‘вниз’, ‘вперед’ и ‘в сторону’ или ‘под ориентир’ и ‘за ориентир’, не могут быть одновременно приписаны одной и той же динамической ситуации; естественно, что эти

— семантически несовместимые — значения образуют естественные парадигмы в любом языке, в котором они грамматически выражаются. Однако такие значения, как, например, ‘вверх’ и ‘к говорящему’ или ‘назад’ и ‘под ориентир’ с логической точки зрения вполне совместимы. Как они трактуются в естественных языках? Иными словами, в какой степени можно говорить о естественно-языковых *категориях* ориентационных значений?

Минимальными исходными категориями являются значения относительной ориентации, абсолютной предметной ориентации, гравитационной, антропоцентрической и дейктической ориентации. Если язык обладает ориентационными показателями всех указанных типов, то он может иметь пять различных категорий (не больше!), но может, естественно, какие-то (или все) из этих значений объединить в одну категорию.

Как и следовало ожидать, стратегии разных языков в этом отношении различны, но в целом все же можно сказать, что преобладает тенденция укрупнять парадигмы, трактуя многие логически независимые противопоставления как взаимоисключающие. Это хорошо видно на примере системы квамера, в которой дейктические, гравитационные и предметные показатели образуют единую категорию; такая стратегия является наиболее типичной. Если все же в языке имеется несколько категорий ориентационных показателей (которые могут более или менее свободно сочетаться друг с другом), то наиболее вероятным кандидатом на то, чтобы образовать особую категорию, оказываются дейктические показатели. Так обстоит дело в немецком, грузинском, китайском, абхазском и др. языках, где дейктические показатели модифицируют относительные; несколько иной тип усложнения отмечен для папуасских языков, где дейктические показатели часто сочетаются с гравитационными (относительная локализация для этого ареала, как уже было сказано, не характерна). Таким образом, в этих языках возникают противопоставления типа ‘вверх к говорящему’, ‘вниз от говорящего’ и т.п., в других языках с помощью грамматических средств невыразимые.

Своеобразный вариант парадигматизации дейктических показателей представлен в австронезийском языке манам. Манам обладает четырьмя суффиксами абсолютной ориентации (‘к морю’ / ‘от моря’ и ‘вверх / вниз’, последние также с циферблатными значениями) и парой дейктических глагольных суффиксов (центростремительным *-mai* и центробежным *-laqo*). Только второй из дейктических суффиксов может сочетаться со всеми абсолютными показателями, тогда как первый вообще не допускает их появления в словоформе (однако и отсутствие *-laqo* не означает автоматически, что движение происходит в сторону говорящего). Таким образом, система манам является промежуточной между чисто австронезийскими системами (типа квамера) и системами, характерными для неавстронезийских языков Новой Гвинеи.

На примере хантыйской системы мы видели, что в одну парадигму могут также объединяться показатели абсолютной и относительной ориентации; собственно, аналогичное объединение свойственно и всем системам индоевропейских языков. Вопрос о том, возможна ли их раздельная парадигматизация (то есть возможны ли грамматические комбинации вида 'к пространству перед ориентиром наверху', 'изнутри ориентира наверху' и т.п.) пока остается открытым: для ответа на него у нас недостаточно данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995, с. 629—650.
2. Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений // Язык и человек. М.: МГУ, 1970, с. 110—156.
3. Николаева И.А. Обдорский диалект хантыйского языка. Hamburg (MSUA, 15), 1995.
4. Рахилина Е.В. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München: Sagner, 1990.
5. Comrie B., Smith N. *Lingua Descriptive Studies: questionnaire* // *Lingua*, 1977, № 42, p. 1—72.
6. Fillmore Ch.J. Santa Cruz lectures on deixis. Bloomington: IULC, 1975.
7. Foley W.A. *The Papuan languages of New Guinea*. Cambridge: CUP, 1986.
8. Hewitt G.B. *Abkhaz*. Amsterdam: North-Holland (*Lingua Descriptive Studies*, 2), 1979.
9. Lichtenberk F. *A grammar of Manam*. Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1983.
10. Lindstrom L., Lynch J. *Kwamera*. München: LINCOM Europa, 1994.
11. Moyse-Faurie C. *Le drehu, langue de Lifou*. P.: SELAF, 1983.
12. Svorou S. *The grammar of space*. Amsterdam: Benjamins, 1993.
13. Talmy L. *Semantics and syntax of motion* // J. Kimball (ed.). *Syntax and semantics*, vol. 4. N.Y.: Academic press, 1975, p. 181—238.
14. Talmy L. *Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms* // T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. III: Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: CUP, 1985, p. 57—149.

ГЛАГОЛ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ
«ДВИЖЕНИЕ—ПОКОЙ—ОТНОШЕНИЕ»

На вопрос, что такое глагол, то есть что он выражает, можно ответить индуктивным и дедуктивным путем. Мы попробуем подойти к глаголу с первой стороны. Сначала сделаем несколько предварительных замечаний, связанных с теорией толкований. Анна Вежбицкая пишет, что толкование (или экспликация) есть предположение о значении слова [3, 339]. Ю.Д.Апресян называет толкованием лишь одну из перифраз языковой единицы, «правда, самую привилегированную» [2, 470]. По словам Анны Вежбицкой, «для того, чтобы иметь хорошие толкования, нам нужен хороший метаязык, а для того, чтобы иметь хороший метаязык, нам требуются сотни предварительных толкований. В обоих направлениях работа должна проводиться одновременно, и на это требуется немало времени» [3, 328]. И далее: «Невозможно истолковать все. Для того, чтобы что-то истолковать (без явных или скрытых логических кругов), нам требуется некое множество неопределяемых элементов. Если наши неопределяемые элементы, или примитивы, не будут интуитивно понятны и не будут объяснять самих себя, то и наши толкования ничего не объяснят. Как ясно видел 300 лет назад Лейбниц [...], семантические или понятийные примитивы могут быть обнаружены только методом проб и ошибок, то есть путем непрекращающихся систематических попыток истолковать как можно большее количество слов, чтобы можно было эмпирически выявить такие концепты, которые служат кирпичиками для построения всего остального».

В настоящей статье мы тоже пойдем по пути проб и ошибок и попытаемся разобраться в семантике глагола на основе лишь одного предложения: *Стрела летит* (схема 1). На вопрос, что выражает глагол *лететь*, можно ответить так: он указывает на то, что стрела перемещается, передвигается по воздуху. Тут можно добавить, что она поднимается силой толчка. Значит, здесь речь идет о перемещении. Если мы зададим себе вопрос: «А что такое перемещение?», мы можем, например, ответить так: перемещение — это действие по значению глагола *переместить*. В данном случае это значит ‘передвинуть стрелу при помощи лука с одного места на другое’, то есть изменить ее местоположение. Тут сразу возникает вопрос: а что такое местоположение? Мы можем ответить: слово *местоположение* означает расположение стрелы в определенном пункте. Стрела при полете в любой момент где-нибудь находится, поэтому можно говорить и о ее местонахождении, расположении (которое означает действие по глаголу *расположить* — ‘разместить, расставить’), нахождении (‘быть расположенным’) и пребывании в воздухе (‘быть, находиться где-либо’).

Понятийную основу последних двух слов составляет положение. При полете стрела всегда находится в определенной позиции. Последовательную смену позиций, в которые попадает стрела, можно охарактеризовать как ход развития события (полета), то есть как последовательную смену 'теперь' и 'здесь'. Положение стрелы содержит в себе указание на ее (а) расположение или местонахождение в пространстве, (б) состояние, обусловленное действием, совершенным человеком, то есть выстрелом из лука. Здесь мы сталкиваемся с понятием состояния. Оно является для полета стрелы релевантным. Но толкование состояния как положения, в котором кто-, что-либо находится [6] возвращает нас опять к положению. Здесь мы встречаемся с первым концептуальным тупиком, то есть случаем, когда получаем объяснение, которое уже упоминалось. «Как писал 300 лет назад Паскаль [...], если мы определили *свет* как "световое перемещение светящихся тел", то мы ничего не определили, потому что понятия '*световой*' и '*светящийся*' ни яснее, ни проще, чем само понятие '*свет*'» [3, 328]. Толкование в концептуальном тупике нас не продвигает вперед, а наоборот, отбрасывает назад. В такой ситуации существуют две возможности — или создать новый концепт, или вернуться назад. В данном анализе мы преследуем цель разобраться в глагольности без создания новых категорий или терминов, поэтому при попадании в концептуальный тупик мы всегда будем возвращаться назад.

Схема 1

В подобных случаях Ю.С.Степанов говорит о границах познания концептов [5, 74—75]. Он пишет: «Мы можем довести свое описание лишь до определенной черты, за которой лежит некая духовная реальность, которая *не описывается, но лишь переживается*. Здесь — предел описания вообще...» [5, 76]. Ср. также замечание Анны Вежицкой, которое можно истолковать как признание бессилия человеческого ratio: «Все, что МОЖЕТ быть истолковано, является концептуально более сложным и ДОЛЖНО быть истолковано; все, что НЕ МОЖЕТ быть истолковано (без логических кругов и переходов от простого к сложному и от ясного к неясному), НЕ ДОЛЖНО быть истолковано. Только таким образом мы можем узнать истинный алфавит человеческих мыслей» [3, 329—330].

Итак, здесь появляется новый аспект, а именно: состояние как покой, т.е. как форма покоя. Поэтому мы второй раз попадаем в концептуальный тупик (покой — это состояние) и нам придется вернуться к другим аспектам передвижения. Глагол **передвинуть** указывает на то, что речь идет о движении стрелы. Его можно по-разному толковать, но в первую очередь как изменение ее положения. Следует логический вопрос: «А что такое изменение?». На этот вопрос нет прямого лексикографического ответа, а лишь косвенное объяснение через глагол: изменение — это действие по значению глагола **изменить** — **изменять** [6]. Сам глагол **изменить** толкуется как ‘сделать иным, переменить’. Если дальше продолжим логическую цепь, то полет стрелы можно охарактеризовать как постоянную переменную, касающуюся пространства и времени. Сама переменная всегда подразумевает смену, замену одного другим. Если пойдем в направлении толкования глагола **переменить** (несов. **менять**), то мы получаем значение ‘сделать иным; заменить’, и таким образом круг замыкается. Но понятие смены дает новую возможность, так как оно содержит в себе значение ‘освободиться от чего-либо предшествующего’. В данном случае стрела освобождается от необходимости находиться только в одном месте. При ее полете наблюдается отсутствие зависимости от лука и человека, отправившего ее в воздух. У стрелы появляется свобода движения. В полете ей уже не мешает ни лук, ни человек, и стрела может двигаться в воздухе без ограничений. Таким образом, понятие свободы открывает два основных направления в толковании полета стрелы: а) как отсутствие зависимости и б) как отсутствие связанности.

Рассматривая полет стрелы как ее освобождение от зависимости от лука, мы выходим за рамки движения и поднимаемся на уровень другой сверхкатегории, в рамках которой надо объяснить, что такое зависимость и связь (связанность). Эти понятия представляют собой предмет интереса для целого ряда научных дисциплин, но мы хотим оставаться в русле лингвистики. Итак, в [6] у слова **зависимость** отмечаются два значения, при этом первое толкуется тавтологически: ‘состояние и положение зависимого’, толкование второго значения является, на наш взгляд, более удачным: ‘обусловленность чего-либо какими-либо обстоятельствами, какой-либо причиной и т.п.’

На наш взгляд, зависимость является, прежде всего, видом отношения. Когда речь идет о глаголе **лететь**, отношение можно рассматривать как (1) связь между стрелой и луком, стрелой и временем, стрелой и пространством, (2) как их зависимость и соотношение. Таким образом, **лететь** выражает определенную связь¹. Она проявляется в близости стрелы с луком и в единстве, которое образует стрела, пространство и время.

Рассматривать полет стрелы как соотношение бесперспективно, поскольку это ведет к новому концептуальному тупику, потому что мы возвращаемся назад к понятию отношения. Об этом свидетельствует и тот факт, что в словарях **соотношение** толкуется как 'взаимное отношение, взаимная связь, зависимость различных величин, предметов, явлений' [6]. И другое, близкое понятие — **корреляция** — также не дает дальнейшего продвижения, потому что оно толкуется как 'взаимная связь, соотношение предметов, понятий или явлений'. Поэтому нам придется разобраться, к чему приведет членение зависимости. Оно в первую очередь ведет к подчинению и следствию. Понятие подчинения² состоит в том, что стрела подчиняется силе лука и мышц человека. Стрела сама не вызвала такое состояние, она поставлена в данную зависимость другим объектом, ее заставили действовать. Стрела подчиняется воле какого-то человека, преследующего определенные цели. Здесь мы опять попадаем в концептуальный тупик, так как возвращаемся к уже упомянутому понятию зависимости.

Другой путь — путь следствия — дает возможность дальнейшего расчленения значения глагола **лететь**. Полет стрелы является следствием различных факторов — следствием усилий, приложенных человеком, следствием проявления энергии натянутого лука и т.д. Вообще, полет стрелы — это следствие следствий: натянутый лук — это следствие натянутых мышц; натянутые мышцы — это следствие проявления воли и т.д.³

Полет стрелы можно охарактеризовать и как последствие, как то, что возникает. А то, что возникает, называется результатом, т.е. полет стрелы является результатом действия человека и лука. И это конечный итог, то, из-за чего было совершено действие. Здесь появляется одно из важнейших понятий верболингвистики — действие. В данном случае действие представляет собой проявление энергии, задействованной луком и человеком. Это открывает перспективу рассматривать значение глагола **лететь** как

¹ Понятие связи применяется в теории и литературе в весьма различных смыслах. В частности, можно говорить о связи как процессе, осуществляющем взаимодействие одних устойчивых состояний с другими устойчивыми состояниями [4, 23].

² В словарях толкование подчинения является вербоцентрическим, ср.: «Подчинение ... действие по знач. глаг. **подчинить** — **подчинять**; ... **подчиниться** — **подчиняться**» [6], то есть **подчинить** — 'поставить в зависимость'.

³ Толкование следствия в словарях является не прямым и довольно упрощенным: 'то, что вытекает, следует из чего-либо, вывод или результат, последствие' [6].

проявление энергии⁴. В этом пункте создается новая проекция, ориентированная на силу, потому что источником полета стрелы является деятельность определенных органов человека. Стрела летит благодаря напряжению мышц, ее полет является результатом движения, в которое вложена физическая энергия человека. Силой человека и стрелы преодолевается другая сила — сила сопротивления воздуха и сила тяжести. Но вложенная сила не состоянии держать стрелу в вечном полете — она рано или поздно должна упасть.

Действие также подразумевает деятельность, воздействие и влияние. Поэтому развивая далее анализ, мы входим в план взаимодействия, то есть взаимной связи предметов, явлений, их обусловленности друг другом, и попадаем в новый тупик.

Силу стрелы можно трактовать как ее способность лететь, как ее возможность осуществить полет. Таким образом, в глаголе *лететь* мы находим еще один компонент — возможность осуществимости полета, его допустимости при наличии определенных условий, которые ему способствуют. Стрела способна лететь благодаря своей форме, наличию силы, которая ее заставляет лететь и преодолению сопротивления среды, в которой она движется (воздух, тяготение земли). Здесь возникает четвертый тупик, так как осуществимость полета — это возможность его осуществления. Поэтому мы возвращаемся ко второму аспекту действия — к деятельности. Она имеет с полетом лишь одну точку соприкосновения — работу органов человека, заставляющих стрелу лететь. В данном случае это мускулы человека, которые сжимаются, натягивают лук и отправляют стрелу в воздух. В этом месте появляется новый концепт — работа. Она относится лишь к периоду, предшествующему полету (вряд ли в каком-либо контексте можно сказать, что *стрела работает*) — полет стрелы является автономным, независимым от источника энергии, заложенной в ней. Работу можно объяснить как действие (или лишь как действие), поэтому мы опять возвращаемся назад, снова сталкиваясь с понятием действия. По этой причине мы пойдем в направлении другого аспекта действия — воздействия. Но и здесь возникает тупик: воздействие это то, что мы уже упоминали, а именно 'действие, оказываемое кем-, чем-либо на кого-, что-либо' [6]. Из-за этого придется перейти к новому элементу действия — к влиянию. Но и такая попытка заканчивается тупиком, так как влияние можно рассматривать лишь как действие, оказываемое человеком или луком на стрелу, то есть как воздействие.

Если мы хотим полностью разобраться в концептуальности данного глагола, мы скорее всего закончим с двумя понятиями, которые выходят за рамки глагольности, и относятся к категории предикативности. Первое — это событие (происшествие). Полет стрелы — это событие, то есть то, что действитель-

⁴ Энергией считается (1) общая количественная мера движения и взаимодействия всех видов материи, обладающая различными формами (механической, тепловой, электромагнитной, ядерной) и (2) деятельная сила, соединенная с настойчивостью, решительностью в достижении поставленной цели [6]. О видах энергии см. [1].

но происходит. О том, что для глагольной семантики оно является важным, свидетельствует то, что в немецкой грамматической традиции глагол, как правило, толкуется как часть речи, выражающая *Geschehen und Zustand*, то есть событие и состояние. Но, на наш взгляд, глагол не в силах всегда передать событие (происшествие) в полном объеме. Здесь проявляется то, что мы называем «глагольной недостаточностью», из-за которой глагол очень часто открывает свободные места другим словам для полной передачи определенной ситуации или ее фрагмента. Понятие ситуации является, пожалуй, тем максимумом, который может выразить глагол.

Итак, то, что мы получили в анализе-эксперименте, представляет собой «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает определенное слово [5, 4]. У нас появилась концептуализированная структура глагола **лететь**, представляющая собой сгусток целого ряда компонентов. Точнее, получена довольно длинная цепь понятий. Мы не утверждаем, что речь идет о конечном, исчерпывающем числе, мы также не думаем, что это единственный путь анализа, но мы считаем, что данным подходом охвачены все релевантные аспекты семантики глагола **лететь**, а именно:

1. перемещение
ρ	13. процесс
ρ	25. взаимодействие
ρ
2. местоположение
ρ	14. зависимость
ρ	26. сила
ρ
3. местонахождение
ρ	15. отношение
ρ	27. способность
ρ
4. расположение
ρ	16. связь
ρ	28. возможность
ρ
5. нахождение
ρ	17. соотношение
ρ	29. осуществимость
ρ
6. пребывание
ρ	18. корреляция
ρ	30. деятельность
ρ
7. положение
ρ	19. подчинение
ρ	31. работа
ρ
8. состояние
ρ	20. следствие
ρ	32. воздействие
ρ
9. движение
ρ	21. последствие
ρ	33. влияние
ρ
10. изменение
ρ	22. результат
ρ	34. покой
ρ
11. перемена
ρ	23. действие
ρ	35. событие
(происшествие)
ρ
12. смена
ρ	24. энергия
ρ	36. ситуация
ρ

Продолжая анализ, мы сталкиваемся с самым сложным вопросом: как разобраться во всех этих концептах и как определить, в какие корреляции они вступают. Чтобы подойти к данной задаче, надо соотнести приведенные выше понятия. Формально лучше всего их представить в форме сферы, так как она дает возможность понять общую их связь. Можно использовать корреляционную сферу, которая создана нами для анализа глагольных корреляций, то есть корреляционала и категориала. На базе анализа соотношений в этой сфере должна быть выработана схема, в которой были бы представлены иерархические отношения в концептуальной системе глагола. В данной сфере существуют следующие группировки: 1) пространственность (нахождение, местонахождение, пребывание, расположение, положение), т.е. глагол выражает то, что связано с пространством, 2) статичность, т.е. глагол выражает состояние, покой, 3) динамичность (изменение, перемена, смена), 4) корреляционность (отношение, соотношение, связь, зависимость, подчинение, следствие, последствие, взаимодействие, влияние), 5) активность (действие, деятельность, движение, работа), 6) дискретность (изменение, перемена, смена), 7) континуальность (непрерывность, постоянство), 8) энергетичность (энергия, сила) и 9) потенциальность (возможность, способность).

Исходя из проведенного анализа, можно сказать, что глагол — это часть речи, которая выражает концептуальный сплав, состоящий из динамики, статики, реляции, и в котором всегда по-разному сочетаются эти три суперденотата. Данный сплав мы называем дирестатом по первым буквам его компонентов. Он передает дирестатическую признаковость, компоненты которой могут вместе или отдельно и по-разному в каждом отдельном глаголе взаимодействовать. Поэтому можно сказать, что глагол выражает дирестатический концептуальный сплав. И самое краткое определение глагола могло бы иметь следующую форму: глагол — это часть речи, выражающая в различных пропорциях и комбинациях компоненты дирестатического концептуального сплава — динамики, статики и реляции. В каждом глаголе сплав имеет различную комбинацию трех компонентов: в одном случае в нем преобладает динамика, в другом статика, в третьем реляция. Но это самые простые случаи глагольности. В более сложных случаях сочетаются два компонента (динамика и статика, статика и реляция, динамика и реляция). В наиболее сложных случаях проявления глагольности в одном и том же глаголе объединены элементы всех трех компонентов. Поэтому семантика глагола — это концептуальная радуга, имеющая в разных случаях различное распределение красок, а сам глагол является своеобразным лингвистическим хамелеоном. Можно сказать, что глагол передает процессуальную и реляционную признаковость в форме глагольности, конститутентами которой является динамичность, статичность и коррелятивность. Глагольность содержит в себе 1) темпорально-пространственную континуальность и дискретность, 2) абсолютную динамичность, относительную

статичность, потенциальность и энергетичность, 3) сущностную коррелятивность и 4) ситуативную процессуальность.

Проведенный анализ позволяет критически рассмотреть существующие дефиниции глагола. Их основная слабость в том, что они не выражают в полном объеме все разнообразие и многоплановость глагольной семантики. Вторая слабость — это их односторонность. Но это уже проблемы другой работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Г.Н.* Виды энергии или формы движения // *Философия и научный коммунизм*. М.: Всесоюзный заочный политехнический ин-т, 1968. Вып. 44. С. 24—33.
2. *Апресян Ю.Д.* О языке толкований и семантических примитивах // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Том II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 469—476.
3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
4. *Свидерский В.И.* Противоречивость движения и ее проявления. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1959.
5. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
6. Словарь русского языка в четырех томах. Изд. 3-е, стереотипное / Гл. ред. А.П.Евгеньева. М.: Русский язык, 1985.

НАСТОЯЩЕЕ ДИНАМИЧЕСКОЕ НСВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. В русском языке в глагольной системе при помощи грамматических средств четко противопоставлены динамический и статический аспекты мира. А именно, в прошедшем и будущем времени НСВ описывает статический аспект мира, когда время идет, но ситуация, в том аспекте, который выбран глагольным словом, не меняется: *спал, читал, температура повышалась...* СВ описывает изменение, «событие»: идет время и вместе с ним изменяется мир, одно положение вещей сменяет другое: *заснул, проснулся, увидел, полюбил, прочитал* [3, 310—317]. В наст. времени, в котором в рус. языке форма СВ не употребляется, это противопоставление выражается иначе, в формах НСВ, который в одном случае употребляется в значении собственно НСВ — в статическом, актуально-длительном значении, а в другом — как СВ, обозначая смену ситуаций, событие. Будем называть последнее **актуально-динамическим** значением НСВ, или, сокращенно, просто **динамическим** значением. Это значение, в силу его специфики, возникает только в форме наст. врем. и поэтому является не чисто видовым, а видо-временным значением, складывающимся в результате взаимодействия значения временной формы и значения вида.

Наст. время указывает на одновременность ситуации с моментом речи. Очень важный момент, который обычно игнорируется: момент речи является динамическим «моментом», моментом его можно назвать только условно, на самом деле это и не момент, и не интервал, поскольку и то, и другое фиксировано на оси времени, он диалектически совмещает свойства и того, и другого, точнее, не является ни тем, ни другим: это динамическая, бегущая по оси времени (или бегущая вместе с временем) точка. И это важно для употребления глагольных форм. Мы можем отвлечься от этого и отвлекаемся в прош. и в буд. времени, а также в расширенном, неактуальном (узуальном, потенциальном и т.д.) настоящем, когда общее расположение событий и процессов по отношению к движущемуся моменту речи не меняется. Но мы не можем игнорировать движение момента речи в актуальном настоящем времени, самом настоящем из всех времен! Поскольку НСВ обозначает не меняющееся положение вещей, а наст. время — одновременность с моментом речи, бегущим по оси времени, отсюда актуальное статическое значение НСВ является в наст. врем. и очень точно названо **актуально-длительным**. Эта ситуация, состояние, процесс Р должен длиться, не меняясь, какое-то время вместе с моментом речи — хотя бы столько, чтобы можно было успеть сказать «Р».

Момент / интервал речи в этом случае является включенным показателем времени [2, 173]. Если Р — событие, то момент речи в этом случае бежит внутри события, по той его медиальной фазе, в течение которой не происходит изменений в ситуации, одна ситуация не сменяется другой: *Он читает книгу / пишет письмо / входит в этот момент в ворота дома*. Это обстоятельство накладывает онтологические ограничения на употребление глаголов в актуально-длит. значении: *входит* еще может пониматься в актуально-длительном значении, а *моргает* — уже нет.

Настоящее динамическое значение возникает в результате взаимодействия событийного значения типа СВ и значения наст. времени. Как СВ, эта форма описывает событие, состоящее из ряда сменяющих друг друга ситуаций, а цепочка этих форм в тексте — последовательный ряд сменяющих друг друга событий, как НСВ — указывает на одновременность с моментом речи. Но это логически возможно только в одном случае: когда движение момента речи совпадает с движением описываемых событий: *Петя входит в комнату, берет в руки стакан, стакан выскальзывает у него из рук, падает на пол и разбивается; Иванов обходит Петрова, передает мяч Раванелли, Раванелли бьет по воротам, Дасаев бросается в угол и парирует удар...* Событие начинается в тот момент, когда начинается высказывание об этом событии, и заканчивается вместе с ним¹. Поэтому настоящее динамическое является самым актуальным из всех времен: если то, что обозначается глаголом в актуально-длительном значении, простирается неопределенно по обе стороны интервала, по которому пробежал за время речи об этом момент речи, то то, что передается наст. динамическим, существует только в то время, когда по этому интервалу бежит актуальный момент речи.

Парадигматическим, образцовым для наст. динамического является настоящее репортажное, включая наст. автокомментария (в абсолютном настоящем). В этом случае наст. динамическое не может быть заменено никакой другой формой. НСВ акт.-длит. здесь неуместен, поскольку ситуация все время меняется, в то же время не имеющий наст. времени СВ деформировал бы временную перспективу, перенося совершающиеся в

¹ Синхронность речевого действия и описываемого им внеязыкового события, разумеется, может быть приблизительной: говорящий то, с риском ошибиться, забегают немного вперед (как фактически очень точно говорят об этих случаях футбольные комментаторы, «опережая события»), то немного отстает [см. 2, 163]; однако в целом, в большей своей «части» временные интервалы внеязыкового и речевого события и в этих случаях совпадают, например, так: _____, или так: _____, или так: _____, и т.д.

момент речи действия в прошлое или в будущее². Все остальные его виды — настоящее сценическое, настоящее изобразительное, настоящее повествовательное (историческое) и др. — мотивированы этим значением и сохраняют (в разной мере, но уже не все) его особенности.

Описанная выше специфика динамического НСВ обуславливает все остальные его особенности.

2. При употреблении настоящего динамического НСВ есть объективная дейктическая мера скорости событий, которая по необходимости совпадает со скоростью речи. При этом говорящий не может влиять на скорость описываемых событий, но может в некоторой степени регулировать темп речи так, чтобы он совпадал со скоростью «происхождения» событий. (Так комментатор ускоряет темп речи, стремясь поспеть за ускоряющимися событиями, и замедляет темп вместе с ними). Это накладывает объективные, онтологические ограничения на употребительность тех или иных глаголов в наст. динамическом: только те события, которые могут примерно совпадать, соизмеримы по скорости с моментом речи, могут описываться наст. динамическим: *входит, поднимает, зажигает, целует, обнимает, переворачивает страницу, идет к окну...*, но не *идет в театр, уезжает / приезжает из Англии, пишет роман, женится, разводится с женой, спит* (как «событие», в смысле 'поспал'), *поливает огород, убирает квартиру* и т.д.

3. В контексте настоящего динамического НСВ невозможны какие-либо обстоятельства времени, как абсолютные (*12 мая 15 часов 30 минут 26 секунд*), так и дейктические (*сейчас, в данный момент, в эту минуту, сегодня, в этом году* и т.д.). Как те, так и другие имеют статический характер, они останавливают время и поэтому несовместимы с движущейся динамической точкой отсчета. Наличие в предложении таких обстоятельств влечет интерпретацию НСВ как актуально-длительного, как бы короток ни был этот «длительный» промежуток. Поэтому *Он сейчас / в эту минуту / в данный момент входит в дом* понимается как 'находится в процессе вхождения', начало которого было до начала речи об этом, а окончание будет

² Особенно наглядно это видно в случае «квазиперформативов», описывающих речевые события таким образом, что описание совпадает с самим этим событием: *На этом я заканчиваю свой доклад / выступление; А теперь я перехожу к следующей части своего доклада; Я передаю слово Н.Д.Арутюновой; Итак, мы начинаем репортаж о... / нашу пресс-конференцию* и т.п. Поскольку они включены в текст, который сами описывают, то употребление СВ ведет к внутреннему противоречию. *Закончил (начал)* — плохо, потому что это значит, что до моих слов доклад завершен и должно быть молчание (или уже начат, хотя я еще ничего не говорил), а раз я еще говорю, следовательно, я еще не закончил. Поэтому здесь употребляется актуально-динамический НСВ: *заканчиваю* как раз и значит, что происходит (но еще не произошло, пока я говорю эти слова!) событие окончания доклада, которое заканчивается только и вместе с этими моими словами.

после. Если глагол не допускает актуально-длительного понимания, то и обстоятельства времени невозможны: **В эту секунду / минуту / этот момент / сейчас он подмигивает Маше*³.

4. Отсутствие временной дистанции между событием и его описанием обуславливает модус воспринимаемости (в широком смысле) описываемых событий. Говорящий (Г) одновременно является «воспринимателем» (чаще всего наблюдателем), на глазах («чувствах») или в уме, воображении которого в масштабе реального времени разворачиваются события, ведь иначе он никак не может в это же самое время рассказывать о них. Ср.: **Он говорит / *Мне сказали, что Григоренко останавливает лошадь ...* и т.д. Представление о том, что Г воспринимает происходящие события, создается именно и только актуально-динамическим настоящим, потому что то, что описывается актуально-длительным НСВ, вовсе не обязательно происходит на глазах рассказчика: *Мне сказали, что он сейчас сидит на веранде, пьет виски и смотрит в голубую даль* и т.д. Актуально-длительное значение, именно потому, что оно длительное, дает в принципе время для передачи информации от непосредственного наблюдателя к актуальному Г: кто-то увидел, сказал об этом мне, теперь я говорю об этом — а он всё сидит, пьет, смотрит... Отсюда следует максимальная конкретность того, что передается динамическим НСВ: только то, что может непосредственно восприниматься, может этой формой и описываться. Поэтому нормально, когда, например, агент сообщает по радию: *Вижу Ивана, Иван идет к столу ...*, но странно: *Иван видит Петра, Петр идет в бар...* — откуда Г знает, кого видит Иван? и как он «воспринял», куда тот идет? (цель движения, как и любого действия вообще, в отличие от его ориентира, непосредственно не наблюдаема и существует только в уме деятеля); **Иван убивает Петра* — в том, что описывается глаголом *убивать*, слишком много «невидимого»: не видна непосредственно цель агента, не очень виден непосредственно и результат (мертвого трудно сразу отличить от просто потерявшего сознание); *Маша покупает картину* — в действии *покупать* много невидимых условностей и очень мало чувственной конкретики. Вообще СВ часто обобщает событие, рисует его, так сказать, пунктиром, отвлекаясь от каких-то конкретных особенностей его совершения и протекания. Особенно часто это отвлечение касается медиальной фазы, соединяющей начальную и конечную, итоговую ситуацию. Так, *прийти, приехать* и др. глаголы движения с приставкой *при-* (*Х приехал в У*) фиксируют в качестве исходной ситуации отсутствие объекта Х в месте

³ В употреблении типа *Карпин бьет по воротам, но в это время / в этот самый момент судья поднимает руки вверх и дает свисток* (отмечены И.Б.Левонтиной, устное сообщение) НСВ динам. в сфере действия обстоятельства уже не описывает то, что происходит в момент речи: обстоятельство остановило время, и НСВ описывает «только что прошедшее» время.

У с одновременным движением Х тем или иным способом в У и в качестве итоговой ситуации — наличие Х в месте У, при этом этап появления, перехода Х-а от отсутствия к присутствию в значении опускается⁴, *побывал* (*Иван побывал в Англии*) фиксирует три ситуации-вехи: Иван не в Англии, Иван в Англии, Иван снова там, где он был вначале, при этом за рамками глагольного значения в виде своего рода пробела остаются этапы перемещения Ивана в Англию и из Англии, аналогично *потерял / забыл шляпу* (*стихотворение*) и др. Ср.: *Иван выкопал яму / подошел к дереву / вошел в комнату* и т.д., где в значении представлена и медиальная, переходная процессуальная фаза, соединяющая исходную и итоговую ситуации: ямы нет, Иван копает, яма есть; Иван вдали от дерева, Иван идет к дереву, Иван около дерева; и т.п. Но в динамическом НСВ, поскольку событие, все его этапы «проплывают» поочередно перед наблюдателем-Г в момент/период речи, ничего не может быть опущено! Динамический НСВ представляет поочередно все этапы события во всей их чувственной конкретности: сначала имеет место отсутствие действия/процесса, затем имеет место какое-то действие или процесс (и в этот период динамический НСВ как бы превращается на мгновение в конкретно-процессный НСВ, обозначающий действие/процесс, который ведет от одной ситуации к другой, и затем наступает завершающий этап: *Иванов обводит Петрова...* сначала, по значению, что-то вроде начинательного СВ: «пошел в обводку», затем — процессуальный НСВ: «обводит», наконец, фиксирующий результат СВ: «обвел». Можно сказать поэтому, что нейтрализация противопоставления НСВ и СВ в наст. динамическом не только формальная (в одной форме может выражаться как значение СВ, так и значение НСВ), но и семантическая: в о д н о м употреблении глагол соответствует как НСВ, так и СВ, причем часто поочередно целому их ряду! Так, выше пока не обошел, пока обводит — и ведь неизвестно, обедеет ли! — динамический НСВ соотносится с процессуальным НСВ, как только обошел — с результативным СВ.

Понятно, что глаголы СВ, абстрагирующиеся от медиальной фазы (обозначающие, по выражению Ю.С.Маслова, «скачкообразный переход ... в новое качественное состояние» [1, 60]), не могут употребляться в настоящем динамическом, ср.: **Иван приезжает домой на машине, *теряет ключ, открывает дверь перочинным ножом, входит в комнату, *запевает песню, закуривает* (есть переходный процесс: берет спички, чиркает, подносит к сигарете...) и т.п.

В том случае, когда СВ включает в свое значение представление о медиальном процессе, соотносительный динамический НСВ все равно отличается от него тем, что в НСВ эта медиальная фаза, так сказать, «выпячена», подчеркнута. Ср.: *Иван вошел в комнату* — СВ, образно го-

⁴ Это значение можно представить в виде пары рисунков, на одном из которых Х-а еще нет в У, а на другом он уже есть.

вора, «суммирует» событие, наблюдатель смотрит на него из более поздней временной точки, когда итоговая ситуация уже достигнута, и *Иван входит в комнату ≈ Иван не в комнате, он идет, пересекая дверной проем, и вот он в комнате.*

5. Поскольку Г говорит о том, что он непосредственно воспринимает, изложение идет целиком в фактивном ключе. Вопрос об истинности в контексте настоящего динамического просто не стоит, поскольку излагаемое здесь понимается как «поток действительности» (в тех случаях, когда события происходят в воображении, в уме Г — поток «мысленной действительности», и в этом случае вне сомнений, что это воображаемый поток мысленной действительности). Поэтому здесь отсутствуют речевые акты, выносящие в фокус истинность Р — утверждения, уверения, заверения, предположения и т.д.: **Наверное / *Я думаю, что он входит в комнату, берет в руки газету...* (в случае актуально-длительного НСВ все это возможно: *Наверное / Я думаю / Уверю вас и т.п., что он сейчас сидит на веранде, пьет виски, думает о Маше, вспоминает прошлое.*)

6. В коммуникативном фокусе в высказывании с динамическим НСВ всегда событие (действие), обозначаемое глаголом. Поэтому динамический НСВ всегда входит в рему и соответствующим образом акцентно маркируется⁵. Более того, в самом глаголе, в отличие от глаголов СВ, в фокусе все событие в целом, = все этапы обозначаемого глаголом события! К данному ничего не может относиться по определению: поскольку все происходящее, все эти этапы возникают поочередно и происходят в момент речи, они не могут быть известны до момента речи. Глаголы СВ в отношении возможностей внутрилексического коммуникативного членения допускают значительное варьирование. В фокусе в высказываниях с СВ также может быть все событие, вся история, описываемая СВ в целом (событийное, или аористическое, значение СВ). Однако СВ очень часто выносит в фокус завершающую ситуацию, итог или результат, что невозможно в случае динамического НСВ: *Петя пришел* = 'Пети не было в месте, где происходит акт речи, Петя шел, и в результате этого Петя здесь', где в фокусе только последняя пропозиция.

7. Не менее важны и собственно семантические отличия между употребляемыми в динамическом значении первичными (непроизводными) глаголами НСВ и производными (приставочными) глаголами СВ / НСВ в динамическом значении. Речь идет о семантических противопоставлениях в тройках типа *бежит vs. выбежал / выбегает*. Во многих случаях то, что

⁵ Разумеется, событие описывается не только глаголом, но глагольной группой в целом, в которую могут входить, помимо глагола, и другие зависимые от глагола слова, ср.: *Петя выходит из ворот, пересекает двор, подходит к сараю, открывает дверь* и т.д., где рему образуют группы *выходит из ворот, подходит к сараю, открывает дверь*.

выражается настоящим динамическим непроемчивым НСВ, просто не может быть передано глаголами СВ (и соотносительными с ними производными глаголами НСВ в динамическом употреблении, если они есть). Ср.: *Вратарь выбегает* (\approx *выбежал*) *навстречу нападающему...*, *подбегает* (\approx *подбежал*) *к нападающему...* и ... *бежит навстречу нападающему*. Аналогично, *пошел* (вообще не имеет соотносительного приставочного НСВ) *к окну*, *подошел / подходит к окну* и *идет к окну*. Если *выбегает*, *подбегает*, *подходит* обозначают (с сделанными выше оговорками) те же самые события, что и *выбежал*, *подбежал*, *подошел* соответственно, то *бежит* и *идет* не имеют точного коррелята среди СВ. Глаголы СВ и соотносительные с ними приставочные глаголы динамического НСВ слишком маркированы, имеют слишком «подробное» значение, и это часто мешает. Первичные глаголы НСВ, указывающие в своем первичном, актуально-длительном (конкретно-процессном) значении на конкретный процесс, «цепляют» событие за этот процесс, который в этом случае понимается как медиальная, переходная фаза между различными ситуациями, и обозначают событие симметрично по отношению к началу и концу, не маркируя какую-либо точку отсчета, какой-либо ориентир и т.д. Это позволяет им лучше приспособляться к контексту и обозначать более разнообразные ситуации за счет того, что их значение, не фиксированное жестко внутри, «доставляется» до событийного значения нужного типа. Ср.: *идет к столу, берет с него книгу...* = ‘пошел, шел, подошел к столу’ и *идет к столу, но на полпути останавливается, поворачивает...* = ‘пошел, шел некоторое время и, не дойдя, остановился...’. Это особенно важно для вторичных употреблений настоящего повествовательного: в настоящем изобразительном, повествовательном, сценических ремарках. Если в абсолютном настоящем использование настоящего динамического в определенных ситуациях не имеет альтернативы, то в плане абсолютного прошедшего или во вневременных по сути художественных текстах настоящее динамическое НСВ конкурирует с СВ и его «выживание» в этой борьбе обусловлено главным образом теми дополнительными значениями, которые эта форма представляет в распоряжение автора. Использование наст. динам. позволяет расширить репертуар возможностей даже в чисто количественном отношении: вместо двух форм — три «событийные» формы, различающиеся по значению, и из них одна немаркированная и особенно гибкая. Ср.: *Секунду дьячок ищет глазами икону* (Чехов. Хирургия) — *Дьячок секунду искал глазами икону...* — *искал* плохо, потому что секунда слишком маленький срок для *искал*. Хотя глаголы ограничительного способа действия обозначают, как говорится в грамматиках, действие, занявшее непродолжительный период времени, но, видимо, все-таки не настолько непродолжительный. В том же рассказе ремарка автора: *тянет* (фельдшер зуб) — приблизительно = *потянул*, но только очень

приблизительно! Ведь *потянул* — это некоторое время и не очень сильно; здесь — сильно и дольше, чем было бы нормально для *потянул*. Кроме того, *потянул*, как и другие глаголы ограничительного способа действия, обозначает действие начавшееся и закончившееся (не Р — Р — не Р), а *тянет* значит примерно ‘начал тянуть и тянет...’ (действие не окончено), что и требуется по контексту (в сфере глаголов движения и звучания примерно такое значение имеют начинательные глаголы: *процесс пошел*, *будильник зазвонил* и т.п.)⁶. Дьячок ... *лезет пальцами в рот* (Там же) = *залез* или *полез*? Скорее всего, ни то, ни другое. *Залез* — фиксирует итог, *полез* — начало и продолжение, а *лезет* — наиболее целостное, ибо схватывает в равной мере и равно фокусирует начало, середину-процесс и конец. В некоторых случаях для значения динам. НСВ не находится даже сколь-нибудь близкого глагола СВ: [Человек гонится за собакой.] *Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы* (Чехов. Хамелеон), где вместо *падает* можно сказать *упал*, вместо *хватается* — *схватил*, но вот вместо *бежит* ничего близкого подобрать из СВ невозможно.

В связи с этим несколько слов о критерии видовой парности Ю.С.Маслова [1, 53]. Очевидно, что не все глаголы СВ прош. и наст. динам. НСВ, заменяющие друг друга при переводе повествования из плана прошедшего в план наст. повествовательного (исторического), тождественны по значению, как предполагал Маслов. Некоторые тождественны, как *вошел* — *входит*, *упал* — *падает*, *схватил* — *хватает* (с указанными оговорками), а другие нет, как *пошел* — *идет*, *крикнул* / *закричал* / *прокричал* — *кричит* (и без лингвистического анализа ясно, что один глагол НСВ в одном значении не может быть одновременно тождествен по значению трем различным по значению глаголам СВ), *потянул* — *тянет* и многие другие⁷.

Таким образом, во многих случаях между СВ и НСВ динам. имеют место отношения не тождества, но некоторой, часто прагматически, ситуативно обусловленной эквивалентности. Более того, часто глагол НСВ выбирается вместо СВ, как было отмечено выше, не потому, что он эквивалентен глаголу СВ, а потому, что он отличается от глагола СВ, и ради того, чтобы выразить то, что не может быть выражено последним.

8. Сформировавшееся в абсолютном актуальном настоящем динамическое значение НСВ может быть перенесено в другие сферы — в сферу

⁶ Нечего и говорить, что форма НСВ прош. вр. акт.-длит. (*тянул*) здесь не подходит абсолютно (делает высказывание аномальным), ибо вообще не способна обозначать событие.

⁷ Глагол НСВ часто является немаркированным и в отношении кратности действия: *перекрестился*, *поклонился*, *поцеловал* и т.п. — один раз, *крестится*, *кланяется*, *целует* и т.д. — может быть, и несколько раз подряд.

абсолютного прошедшего или в область художественного творчества (вообще отвлеченную от реального времени, где текст не отражает действительность, а создает вымышленную, воображаемую действительность). Во всех этих переносных употреблении наст. динам. НСВ мотивировано его употреблением в абсолютном наст. и сохраняет в большей или в меньшей мере особенности последнего. В наибольшей мере эти особенности сохраняются в наст. сценическом (в ремарках), затем идет наст. изобразительное в художественных произведениях (*Выхожу один я на дорогу*), пересекающееся отчасти с наст. повествовательным (историческим). Что касается последнего, то оно отчетливо разделяется на два типа. Один из них — назовем его (а) — примыкает к наст. изобразительному и сценическому, образуя с ними тесную группу с нечеткими внутренними границами. НСВ в употреблении (а) обозначает события, протекающие в масштабе реально воспринимаемого времени, а меру эту, повторим, задает темп речи. Образно говоря, темп (потенциальной) речи / чтения текста относится к темпу изображаемых событий (разумеется, приблизительно) в масштабе 1:1. Другой — назовем его просто (б) — в наибольшей степени удален от актуально-динамического прототипа. В типе (б) описываются события, которые соотносятся с темпом времени реального восприятия в масштабе, условно говоря, 1:1 000 000: *В 1866 году Достоевский пишет роман «Игрок»; В 20 лет Кафка знакомится с Максом Бродом; С грехом пополам Кафка сдает ... государственные экзамены; Наполеон переходит Альпы и подходит к Мантуе; В 1863 г. Буслаев создает свою «Историческую грамматику»; После 14 лет заключения Эдмон Дантес бежит из тюрьмы... и т.д.*

Перечислим конспективно сохраняющиеся особенности наст. динамического во всех, кроме (б), переносных употреблениях; группа (б) будет рассмотрена отдельно.

Скорость «происхождения» изображаемых событий совпадает (разумеется, в каком-то приближении) со скоростью движения момента речи, точнее, скоростью чтения текста (текстового времени), т.е. темпом актуального, реального течения времени. Это позволяет, варьируя СВ и НСВ, изображать темп происходящих событий. Смотри, например, рассказы М. Зощенко. Там, где движение событий ускоряется и в единицу текстового времени «проскакивает» событие, занимающее неизмеримо больше времени, чем время рассказа об этом событии в тексте, используется СВ. Когда бег событий притормаживается и приближается к движению текстового времени, автор переходит на наст. динам. НСВ. Например: *...К этому спектаклю Василий Иванович очень серьезно готовился. Помылся, побрился (как поспал, какое-то время), галстук завязал. А в день спектакля Василий Иванович в очень радостном настроении пошел в театр. Пришел... «Пока, думает, ... разденусь...». Глядит, на стене объявление —*

двадцать копеек с персоны за раздевание. ... «Нету, *думает*, у меня таких денег. **Разделся** (не вдруг!) наш сердечный друг... *Подает* одежду с галошами за барьер (Мелкий случай). Особенно любит наст. динам. глаголы речи и мысли, вводящие прямую речь/мысль, см. в упомянутом рассказе *говорит, думает, орет* и т.д. с прямой речью. Ведь буквальная, теми же словами, передача речи заведомо совпадает, или, по крайней мере, принципиально соизмерима, с самой передаваемой речью по темпу!

Переносные употребления наст. динам. наследуют от прямого модус непосредственного восприятия, точнее — модус «как бы непосредственного восприятия». Как многократно отмечалось, при употреблении наст. исторического (повествовательного) события представляются как происходящие непосредственно на глазах повествователя. Сохраняется и связанная с последним обстоятельством конкретность и актуальность описываемых событий: как и в буквальном употреблении, переносные употребления НСВ динамического не терпят сколько-нибудь абстрактных значений, как-то поднимающихся над теми конкретными, актуальными процессами, которые только и можно непосредственно воспринимать. Ср. обыгрывание несуразности отвлеченных от чувственной конкретности употреблений динам. НСВ в авторских ремарках у Чехова в пародийной пьесе «Кавардак в Риме»: Рафаэли (*покупает у Сиротки картину Артура за тысячу рублей*); Графиня (*изменяет мужу*); Сиротка (*Выходит за внезапно полюбившего ее Артура*) и т.д. Сохраняется присутствие в значении всех фаз события, в том числе подчеркнутой, выделенной по сравнению с СВ, медиальной, конкретно-процессной фазы. «Высвечиваются» последовательно начало, срединный процесс, конец: *Выхожу один я на дорогу...* (Лермонтов) ≈ ‘я не на дороге, **я иду к дороге**, и вот я на дороге...’. Однако лексический круг глаголов, допускающих употребление в наст. динам., в переносных значениях несколько расширяется: настоящее историческое (повествовательное), по понятным причинам, допускает глаголы с большей долей отвлеченности в значении. В частности, в разговорном языке и в стилизации под разговорную речь активно употребляются выполняющие интродуктивную роль глаголы *приходит* и *приезжает*: **Приезжает** муж из командировки, а жена... (типичное начало анекдота); *И, значит, звонит по телефону. И вскоре **приходит** такая красоточка лет двадцати* (Зощенко. Западня) и некот. др., напр.: **Заказывает** она себе шинелькопс (там же).

Целиком сохраняются собственно семантические особенности НСВ динамического, о которых шла речь выше. Совершенно незывлемыми остаются во всех употреблениях коммуникативные особенности динамического НСВ: истинность вне вопроса, в коммуникативном фокусе событие (все его фазы).

9. НСВ динамического типа (б) является своего рода грамматическим антонимом к НСВ динам. типа (а): если (а), описывая события в темпе течения реального времени этих событий, в режиме наибольшей подробности, конкретности и актуальности, находится на одном полюсе шкалы конкретности и актуальности, то тип (б) занимает противоположный край, полюс этой шкалы, маркируя события, занимающие чрезвычайно длительный интервал времени и поэтому в высшей степени обобщенные, отвлеченные от актуальных, непосредственно воспринимаемых ситуаций и процессов, и в этом смысле неактуальные. Эти события могут быть охвачены только умом как обобщение конкретных процессов и событий. Естественно, что они не имеют актуальной медиальной фазы и вообще никаких актуальных, конкретных (которые могли бы быть непосредственно восприняты) фаз и результатов. (Это касается событий данного типа вообще, независимо от того, выражены они НСВ или СВ). Ср.: **В данный момент Бетховен создает свою симфонию; *Итак, Буслаев наконец-то создал свою «Историческую грамматику». Вот она, лежит на столе; *А вон и Наполеон подошел к Мантуе и берет штурмом мост;* и т.п. Естественно, что язык не может допустить смешения двух противоположных значений, одно из которых маркирует полюс актуальности, а другое — полюс неактуальности. Поэтому (а) и (б) абсолютно несовместимы: если автор берет масштаб (а), то он не может в том же контексте использовать масштаб (б), и наоборот. Поскольку вся тяжесть интерпретации НСВ динам. как (а) или (б) ложится исключительно на лексическое значение, возникает своего рода семантический провал между глаголами, которые могут употребляться в значении (а), и глаголами, которые могут употребляться в смысле (б). А именно: средние по длительности и абстрактности события вообще не могут описываться формами динамического (событийного) НСВ — ни (а), ни (б). Это, например, *Он выращивает на своем поле кукурузу; Дачник поливает огород* (ср. *Дворник поливает из шланга Петрушку*, которое вполне нормально в наст. динам.); *Врач лечит / вылечивает мальчика; убирает квартиру; отмывает руки от грязи; ремонтирует машину; чертит чертеж, рисует картину* и т.п. Заметим, что данные ограничения еще раз ставят под вопрос, теперь уже с другой стороны, возможность перевода СВ в НСВ наст. истор. как критерий видовой парности: ведь *выращивать — вырастить, поливать — полить, убирать — убрать* (урожай, квартиру) являются видовыми парами в любом разумном понимании.

Особенности, общие для типа (б) с первичным употреблением наст. динам.: специфика актуального членения — событие и все его фазы в фокусе и фактивность. Однако главный резон его существования, как представляется, именно маркировка максимального масштаба описания событий, которые описываются, так сказать, с высоты птичьего полета или даже полета самолета. Поэтому основная область применения (б) — это сжа-

тые конспективные биографии, сжатые изложения содержания глав, резюме предшествующих серий в сериалах [см. 4] и т.п. Любопытно, что (б), в отличие от (а), не терпит повествования от 1 лица: **В 1961 году я переезжаю из Баку в Ташкент. В 1966 году я поступаю в университет. В 1971 году защищаю диплом по теме...* По-видимому, то, что Г непосредственно наблюдал в своей жизни, слишком актуально, точнее, недостаточно неактуально для (б), требующего отсутствия подробностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслов Ю.С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
2. *Падучева Е.В.* Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
3. *Шатуновский И.Б.* Семантика предложения и нерелевантные слова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
4. *Leech G.* Meaning and the English Verb. L.: Longman, 1987.

Е. М. Верещагин

ЯЗЫК СТАТИЧЕСКОГО МИРА:
ЗАМИРАНИЕ ДВИЖЕНИЯ В СЛАВЯНО-РУССКОЙ ГИМНОГРАФИИ

Предметом рассмотрения настоящих разысканий являются *общие места* в православных богослужебных последованиях крупного объема — канонах и циклах стихир. Как кажется, именно общие места имеют эффектом замирание информационного времени в бесконечной цепочке реитеративных предикаций. Статика, порождаемая гимнографией, ведет к остановке времени и к (сверх-ценному) субъективному восприятию вечности. Не только отдельный молящийся, но и община изымаются из профанного мира, который, безусловно, принципиально неотделим от динамики времени.

Таким образом, мы исследуем текстовые *стимуляторы покоя*. Чтобы, однако, выделить явление, по контрасту разберем сначала *стимуляторы движения*, причем движения стремительного.

Нижеследующее изложение построено индуктивно: анализ конкретного материала предшествует теоретической спекуляции.

* * *

В последовании под 16-м января древней славяно-русской служебной минеи¹ среди тропарей канона поклонению веригам ап. Петра есть и такой (159^г, 12-18):

- (1) Вѣлхъ въ лѣжънѣ тѣ оубѣваѣ
- (2) мѣртвѣ въздвизаѣ
- (3) хромѣ же и раслабленѣ оустраба(ѣ)
- (4) и недоужънѣ стѣнемъ си исцѣлаѣ
- (5) заключенаѣ прошлѣ ѡси врата
- (6) и желѣза имѣже кланяемъ сѣ изиде, петре.

¹ Выписки производятся из славяно-русской Служебной минеи за январь (XII в.; из комплекта Новгородских Софийских миней), хранящейся в Рукописном отделе Государственного исторического музея (ГИМ) под шифром Син. 163. Тропарь представляет собой строфу, и чтобы выявить стихи в ее составе, графически располагаем один стих под другим (как это делается в изданиях поэзии). Для удобства отсылок стихи пронумерованы (от первого до шестого). Пунктуация источника устранена; в конце текста ставится точка; обращения выделяются запятыми с двух сторон. Конъектуры, если они необходимы, заключаются в квадратные скобки.

Для удобства дальнейшего анализа обозначим данное песнопение лирой *T* (тропарь).

Стихов в тропаре шесть, но эпизодов из жизни первоверховного апостола, к которым стихи отсылают, — семь.

Большая часть этих эпизодов содержится в пятой новозаветной книге — «Деяниях апостолов». Действительно, предикация *мрътвѣѣа въздвѣѣа* (2) имеет в виду воскрешение Петром праведной Тавифы (Деян 9:36-41).

Здесь и далее цитируем (не воспроизводя диакритику) Геннадиевскую Библию 1499 г. (ГИМ, Син. 915), пятисотлетие со времени написания которой отмечалось совсем недавно²:

Въ иѡнѣ же бѣ нѣкаа оучница именѣ тавифа. таже сказана глѣтса сѣрна. сѣа бѣше исполнь блгѣѣ дѣлѣ и мѣтѣа нхже творѣше. бы же въ дѣни тыа болѣвши еѣ оумрети. шмывѣше же ю, положиша в горници. близъ же соущи лѣдѣ иѡнѣ. оучници слышавше тако петръ естъ в неѣ. послаша два мѣѣа к немѣ. молѣше не шѣлѣ-нитѣса прѣйти до нѣ. възстав же петръ иде с нимѣ. еѣже прѣшеша, възведоша в горницу. и прѣсташа еѣ вса вдовица плачущи. и показюще ризы и шѣѣа. еѣнка творѣше с нимѣ соущи сѣрна. изгнав же вонъ вса петръ. преклонѣ колѣнѣ помолѣса: и шѣрашѣса к тѣлѣ. рече: «тавифа. възстани». она же шѣверзе очи свои. и видѣвши петра, сѣде. подав же еѣ рѣѣѣ, възстави ю. призвав же сѣѣа, и въздѣѣа, постави ю живѣ. оувѣѣно же бы се по всѣи иѡнѣ. и мнѣѣи вѣѣрѣѣа въ ѣа.

Таков эпизод воскрешения праведной Тавифы³, последовательницы (ученицы) апостолов, как он описан в Деяниях апостолов.

Здесь необходима оговорка. Для дальнейшего нам потребуется разработать технику лапидарного обозначения эпизодов, аллюзируемых в гимнографии. Мы хотели бы присваивать эпизодам этикетки, похожие на имена собственные. Такое возможно, поскольку сочетание апеллативов позволяет настолько сократить круг денотатов, что в нем окажется уникам. Действительно, если лексема *воскрешение* и лексема *ученица*, взятые по отдельности, называют множество событий и людей, то их сочетание *воскрешение ученицы* (при условии, что, по пресуппозиции, речь идет о Петре) — это номинация уникального эпизода. Номинация может быть как в форме словосочетания, так и фразы: *Петр воскресил Тавифу*. Номинативная фраза — это не обычное сообщение с темой и ремой; за ней сто-

² Цитируем продолжающееся издание Геннадиевской библии, и именно — том, содержащий факсимильное воспроизведение Апостола [Библия 1992].

³ Память 25 октября и (переходящая) в Неделю 4-ю по Пасхе, «О расслабленном».

ит гораздо больше (затекстной) информации, чем та, которая вытекает из прямого смысла лексем⁴.

Пусть (обычно лапидарная) номинация, предъявление которой способно немедленно вызывать в памяти (информированного человека) соответствующее событие, называется *nomen eventum*⁵.

Термин *nomen eventum* образован точно по аналогии с термином *nomen proprium*: если последний означает *имя собственное*, лично принадлежащее конкретному и единственному человеку, т.е. имя личности (персоны), то первый означает *имя событийное*, принадлежащее некоторому происшествию, т.е. имя случившегося (эпизода⁶). Собственно, **мѣртвыѣ въздвизаѣ** из тропаря это и есть *nomen eventum*.

Стих *Т* (3) отсылает сразу к двум повествованиям из той же книги «Деяний» (3:27; 9:33-34). В первом говорится об исцелении ап. Петром безымянного хромца. Во втором — об исцелении расслабленного по имени Эней. Ради экономии места на сей раз откажемся от цитирования. Событийных имен (*nomina eventa*) — два: *исцеление хромого* и *исцеление расслабленного*. В стихотворной строке (4) содержится отсылка к рассказу о чудотворениях ап. Петра: когда он шел улицами ближневосточных городов, то выносили на постелях больных и одержимых нечистыми духами, чтобы тень проходящего осенила их, — и совершались исцеления (Деян 5:15-16). *Nomen eventum* — *врачевание тенью*. Стихи *Т* (5) и (6) напоминает о двух случаях чудесного изведения Петра и других апостолов из заточения. Однажды первосвященник заключил апостолов в темницу, но ночью ангел отворил надежно запертые двери и вывел их на свободу (Деян 5:18-23). В другом случае царь Ирод Агриппа посадил ап. Петра в темницу и приказал «четырем четверицам» воинов стеречь его. В одну ночь, когда апостол, прикованный к воинам цепями, спал между ними, снова явился ангел: цепи (вериги) спали с рук, и ангел вывел пленника не только из тюрьмы, но даже и из города (Деян 12:3-10). *Nomen eventum* — *прохождение сасовов и спадение вериг*.

Что же касается предикации **вѣлхвы лѣжыѣ тѣ оубиваѣ** (1), то в «Деяниях» (8:9) упоминается некий муж, именем Симон, который волхвовал и изумлял народ. Тем не менее соотнести стих (1) с новозаветными повествованиями невозможно. Его разъяснение отыскивается в апокрифах: в частности, под 29 июня (в день памяти «славных и всехвалных первоверховных апостолов Петра и Павла») в проложном чтении

⁴ Ср. во всем аналогичную фразу: *Христос воскресил Лазаря* (Ин 11: 1-44). Затекстная информация совсем иная; она зависит от presupпозиции.

⁵ *Eventus* — это *participium perf. pass.* от *evenio* «приисходить, случаться»; т.о. термин *nomen eventum* буквально означает «имя случившегося».

⁶ Эпизод — от *эписодий*; (в античном театре) диалог между выступлениями хора, интермедия, вставка, т.е. некоторое уже завершившееся событие.

«Слово ѡ прѣнїи петровѣ с симономъ волхвомъ» говорится о том, что по молитве апостола летавший по воздуху волхв был оставлен поддерживавшими его бесами и, рухнув наземь, разбился. Таким образом, попен eventum для стиха (1) — убийство Симона-волхва⁷.

Устройство текста по типу рассмотренного Петрова тропаря можно назвать, используя термин из смежной общественной дисциплины, — fuga mentis⁸ «умственная гонка». Действительно, сжатое пространство текста, фактически состоящего из nomina eventa, отсылает к непропорционально большому объему затекстной информации, причем аллюзируемые эпизоды, возникая в памяти на секунду, калейдоскопически мгновенно сменяют друг друга.

В отличие от *T* второй текст, подлежащий анализу в настоящей работе, обозначим литерами *СП*, — речь идет о «Слове похвальном» ап. Матфию, избранному вместо Иуды-предателя. Источник содержится в Макарьевских Великих минеях-четиих, в последнем, августовском, томе, под 9 числом (ГИМ, Син. 997, лл. 118^vI 17-119^vII 51). Рассматриваем стихотворную часть *СП*.

Если в *T* были пронумерованы (арабскими цифрами) стихи, то в *СП* нумеруются строфы (и для отличия — римскими цифрами).

(I: 118^vI 1-23) Многа апѣскаа бл҃гї чюдеса

велика тѣхъ дарованїа поучина

неиздреченна премѣдрости глоубина

непостижимо тѣхъ словѣженїе дарованїа.

(II: 118^vI 23-37) нерасторгновена совокоупленна и крѣпость

неразроушимо собѣза сочетание

крѣпокъ тѣхъ зданїа покровъ

незыблемо дванадесѣто столпное оутверженїе

неподвижно дванадесѣте ѿдшевленныхъ камень положеное основанїе

непобедима крѣпость дванадесѣтны еже в силѣ дѣа воеводъ
ѡполченїа г҃на.

(III: 118^vII 12-119^vI 10) многы на тѣ восташа брани

мнози молвы

мнози кови

мнози навѣти

различна ѡзлобленїа

мнози силнїи ѿрїе ѡполчиша сѧ

мнози гонїтеле и моуѣнїтеле.

⁷ Славяно-русские апокрифы XVI в., в которых изложена история противоборства ап. Петра с Симоном Волхвом (Псевдо-Климентины), дипломатически опубликованы нами в популярной книге [Верещагин 1996].

⁸ Или mentalis.

(IV: 118^{VI} 12-119^I 10) Сниде юѹда ѿ высоты божественныя въ безноу пренсподнаго ада

и в того мѣсто восходитъ матфен на высоту нѣныя бл҃гти.

сниде юѹда в сѣтъ сребролюбїа

вчиняетъ сѧ матфен въ бл҃гть всемирныя апльскыя мрежа

премѣняетъ юѹда любовнымъ еже ко ѹчителю нравъ на злымъ нравъ предательства

пременяетъ матфен естественнымъ нравъ в любовь бжтвеную оучѣла

оставляетъ юѹда нищелюбна лице и приемлѣ сребролюбїа лоука-вѣства безобразїе

вчиняетъ сѧ матфен в бжтвенѣмъ сокровищнѣ нищелюбїа

и в лице верховныѹ оученикѹ иже ѡ нищете оучащаго

исходитъ юѹда ѿ лика дванадесатныхъ бгопроповѣдникѹ

вводитъ сѧ матфен во совокоупленїе тѣхъ бжтвеннаго сословїа

оставляетъ юѹда бл҃годать апльскаго слоуженїа

и посланїа, ѿ негоже ѡнъ и спадѣ,

и такоже воинноу впадшѹ своего ради несмотрѣнїа в рѹци соупротивныѹ

избираетъ сѧ инъ и вводитъ сѧ в того мѣсто

и чюдо како в малѣ времени премененїе бысть

юѹда бо ѿверѣте сѧ в сомнїше бгооуѣицѹ

матфен же в лице бгопроповѣдникѹ

и ѡвъ оубо въ пренсподнаа безны погыбели сниде

ѡв же на неизреченную высоту апостолькаа бл҃годати востече.

(V: 119^I 14-27) прїатъ бл҃гть всемирнаго посланїа ѿ него же волею испадѣ юѹда

прїатъ еппство его и апльскю бл҃гть по пррочеству сѣго дха

прїа бл҃гть исцеленїа еѧ лиши себе юѹда

еже изгонити бѣсы и исцелити всѧкъ недоу(г) и всакоу пазю в людѣ

прїатъ даръ сѣго дха егоже недостойнъ (инъ) бы

прїатъ сокровище бжвеныѹ бл҃гъ и таинство нѣнаго бслова.

(VI: 119^I 27-46) И таковыѹ бл҃гъ великое сокровище нмы. изыде во вселенныя конца. тако великїи дародатель не сокрываа но всѣ проповѣдаа величество бл҃гти

всѣ ѡбещаники твора[а] таковыѹ бл҃гъ

всѣ подаваа бгообразюмїа бгѣтство ѿ нестоимыѹ сокровищѹ дха

всѣ ѡбогашаа разѹмы бл҃гочїа и в себѣ неѡскоудно нмыи таковаа

всѣ просвѣщаа свѣто бслова

и в себѣ нмыи сѹгбо ѹмножаемо свѣтолитїе таковыѹ

всѣ исцелаа чюдесы

и знаменїи наставляла на истинны познанїе
и [прѣно] в себѣ имын неиздаемо сокровище дарованїа.
(VII: 119¹ 27-50, II 1-7) По всен Ѹбо внѣше ефиопїи и по всѣ
предѣлѣ еѧ блговѣстоуа
прелесть попалаа
кѸмиры потреблаа
и хромы (sic!) тѣѣ разрѸшаа
жертвы расточаа
сквары погашаа
бѣсы и тѣѣ прелесть погѸблаа
тмоу невиденьѧ прогона[а]
соѸетноюю мѣрость шбьюрожаа
всако вышенїе взимаемо на разѸмь бжїи смирлаа и потреблаа.

Прежде чем перейти к изучению природы информационного времени в Т и СП, приведем краткие сведения о личности и житии ап. Матфия, как они представлены в христианской традиции.

Согласно Деян 1:15-26, по Вознесении человек по имени Матфий был, при помощи жребия, избран в число двенадцати апостолов, чтобы пополнить место, оказавшееся свободным из-за предательства Иуды Искариотского (ср. выше строфу СП IV). Мотивом избрания была убежденность ранних христиан, что «сонм» ближайших апостолов должен непременно состоять из двенадцати человек, по числу колен израильских (ср. строфу СП II). Поскольку апостолом мог стать только такой ученик Христа, который присоединился к Иисусу из Назарета в самом начале его общественного служения и больше не отлучался от него, имплицитно, что Матфий соответствует этому требованию (вероятно, он входил в дружину из 70-ти учеников; ср. Лк 10,1). После избрания, в день Пятидесятницы при ниспослании Св. Духа в виде огненных языков, и на Матфия благодатно излились все духовные дары, которыми уже обладали прочие одиннадцать апостолов (ср. строфу VI).

За вычетом указанного фрагмента, ап. Матфий в Новом Завете не упоминается. Апокрифы сообщают, что Матфий вместе с апостолами Петром и Андреем участвовал в миссионерских путешествиях, а затем и самостоятельно проповедовал Евангелие в *вышнен ефиопїи*, то есть в Эфиопии Понтийской (нынешняя Мингрелия и Имеретия), среди *антропофагов* «человекоядцев», где искоренял язычество (ср. строфу VII) и где, естественно, язычники всячески преследовали его. Так, его влачили по земле, избивали, привешивали ко столбу, строгали бока железом и поджигали огнем.

Дальнейшие сведения расходятся: согласно одним источникам, ап. Матфий вернулся в «жребий свой», в Иудею, совершал там исцеления, полизировал с первосвященником Ананом и был побит камнями в местно-

сти Ветласкила («дом побитых камнями»); согласно другим, он принял смерть на кресте в Колхиде (ок. 63 г.).

Избрание Матфия двенадцатым апостолом, согласно Деян 1:15-26 (продолжаем цитировать Геннадиевскую Библию), совершилось таким образом:

И въ дни сѣа, въставъ петръ посредѣ оучѣнкѣ. рече: «[...] моужіе братіа побѣаше скончатисѣ писаніюу семѣ, еже прежде рече дхъ стын. оусты дѣдовы ѡ юдѣ бывшіимъ вождю. емшіимъ іса. тако причтенъ бѣ с нами. и дошелъ бѣ емоу радъ службы сем. Гни оубѡ стажа село ѡ мзды неправедным. и ницъ бывъ, простѣдесѣ посредѣ. и изліасѣ всѣ оутрѡба его [...]. Побѣе оубѡ сшѣшимсѣ с нами моужѣ во всѣко лѣто въ неже възиде и изиде в на іс гъ. наченъ ѡ крщеніа іваннова до негоже дне възнесесѣ ѡ на на нѣо. свѣтеле възкрсенію его быти с нами единомѣ ѡ сиухъ». и поставиша два. іѡсїю нарицаемаго варсавѣ нже нареченъ бы нѣстъ и матѣю, и помолвившесѣ рѣша: «ты ги срѣцовѣдче всѣ. покажи егоже избра ѡ сею шбою единого пріати причетъ слоуженіа сего и посланіа из негоже испаде юуда нти въ мѣсто свое». и даша жребіа нма. и паде жребіи на матѣю, и причтенъ бы къ единомѣнадесяте аплоу.

Таким образом, в новозаветном повествовании представлены сведения, отразившиеся в *СП* в строфах II, IV и V.

Т и *СП* — это не прозаические, а стихотворные тексты, целиком построенные на приеме итеративности, — а итеративность, как правило, не встречается в прозаической речи. Перед нами особая, искус(ствен)но построенная, *связанная* речь, — тот ее порядок, который в средневековых риторических руководствах называется *ordo artificialis*.

В *ordo artificialis* по сравнению с *ordo naturalis* (так в руководствах называется прозаическая, «обычная», *свободная* речь) преобразован и преобразован процесс изложения и выражения мысли. Соответственно надо предположить, что и время протекания коммуникационного процесса — для краткости оно именуется *информационным временем* (далее сокращенно: *ИВ*) — в *ordo artificialis* отлично от *ordo naturalis*.

С одной стороны, иногда этого *ИВ* для незатрудненной коммуникации мало, даже недостаточно. Например, стихотворная строка *Т* (3) *недоужнѣа стѣнемъ си исцѣлаа*, — а она завершена по форме и по смыслу, — будучи, конечно, сама по себе осмысленной, тем не менее для непосвященного невразумительна. В *ordo naturalis*, в прозаическом повествовании на ту же тему, *ИВ* протекает иначе: *Паче же прилагашѣ. вѣрюще гѣи. множество мужіи и женъ. тако на распѣтѣхъ износити недоуж-*

ныа, и полагаѣти на постелѣа и на шдрѣ. да градоуѣоу петроу поне сѣнь шѣѣни. нѣкоего ѡ нѣ. сѡжааше же сѣ множество ѡ крестныѣ градовѣ въ іерлѣмъ. приносяще недѣжныа. и стражѣщаа ѡ доу нечистыѣ иже исцѣлѣвааху вси. Та самая лексика, которая включена в строку-стих *Т* (3), представлена и в новозаветном повествовании (ср. три подчеркнутые лексемы), но если нарратив *вводит* информацию, новую для читателя, то тропарная строка *отсылает* к информации, относительно которой предполагается ее известность адресату.

С другой стороны, иногда ощущается избыточность ИВ. На самом деле, вот предикация из Деян 1:26: паде жребїи на матѣю, и причтенъ бы къ единомѣнадесяте аплоу. В *СП* (IV), если отвлечься от стихов, посвященных Иуде, это событие описано так: восходить матфеи на высоту нѣсныа благодати || вчиняет сѣ матфеи въ блгѣтѣ всемирныа апльскыа мрежа || пременяетъ матфеи естественным нравѣ в любовь бжтвеную оучѣла || вчиняет сѣ матфеи в бжтвеннѣмъ сокровищи нищелюбїа и в лице верховныѣ оученик иже ѡ нищете оучащаго || вводится матфеи во совокупленїе тѣхъ бжтвнаго сословїа || избираетсѣ инъ и вводится в того мѣсто и чюдо как в мале времени премененїе бысть || ѡв же на неизреченную высоту апостольскаа блгодати востече. Цепочка предикаций, в которой вновь и вновь повторяется информация об одном-единственном происшествии, может продолжаться и продолжаться, так что, несомненно, возникает эстетический эффект, — он известен под именем стилистики «плетения словес», — но тем не менее *ИВ* стоит на месте, как бы застывает.

Таким образом, хотя текст *Т* и текст *СП*, с точки зрения внешней стихотворной техники, устроены одинаково, тем не менее *ИВ* протекает в них не просто по-разному, а — противоположным образом.

Стихотворные строки из *СП* состоят из предикаций, который в отличие от предикаций *Т*, не являясь аллюзиями-намекami (nomina eventa) и не отсылают к конкретным эпизодам из жизни прославляемого святого.

Они выражают то смысловое содержание, которое обозначается внятным, но все же несколько неопределенным термином (*лейт*)мотив.

Под *мотивом*⁹, как правило, понимают однотипную схему повторяющихся (типических) ситуаций. Вычленение мотива достигается путем абстракции от индивидуальных черт ситуации и конкретного действия. Для словесности определенного периода и для литературного течения или школы характерны излюбленные мотивы: например, для античности — инцест или неодолимость рока, для средних веков — поединок отца и сына, поклонение даме, для романтизма — противопоставление бездушного города благам сельской жизни и т.д.

⁹ Ср. *movere* «двигать, приводить в движение».

Для христианской словесности (на Руси, в России; вплоть до XVIII в.) также характерен свой набор предпочитаемых мотивов. В частности, в нем присутствует мотив «апостольская проповедь», то есть «насаждение христианства среди язычников». Естественно, язычники подвергают апостолов всевозможным мукам.

В *СП* этот мотив так разложен на составляющие (III): **многы на тѣ восташа брани || многи молвы || мнози кови || мнози навѣти || различна ѡзлобленїа || мнози сильнїи црїе ѡполчиша сѧ || мнози гонители и моу҃чителїе**. Между прочим, в Житии Стефана Пермского, «равноапостола зырян», этот же мотив представлен следующим образом (цитируем [Повесть о Стефане 1982: 167]): Исперва убо сии Стефан много зла пострада от неверных пермян от некрещенных: озлобление, роптание, [...] хуление, укорение, уничижение, досаждение, поношение и пакость, овогда убо прещение.

В свою очередь выходившие на проповедь апостолы, в том числе и ап.Матфий, избранный вместо Иуды, — все без исключения — истребляли «поганных» божков и языческое богослужение, — ср. (*СП* строфа VII): Матфий ходил по внешней Эфиопии, **прелесть попалаа || кумиры потрѣбала || и хромы** (то есть **храмы**) **тѣ разрѣшаа || жертвы расточаа || сквары погашаа || бѣсы и тѣ прелесть погубала || тмоу невиденья прогона[а] || соуѣтнѡю мрѡсть ѡбьюрожаа || всако вышенїе взимаемо на разѡмь бжїи смирла**. Соответственно и равноапостол Стефан, действуя в среде язычников, идолы попра, кумиры скруша, богы их раскопа, еже суть блъваны истуканныя, [...] сѧ до конца испроверже, и топором посече я, и пламенем пожже я, и огнем испепели я, и без остатка потреби я [Повесть о Стефане 1982: 172].

Нетрудно заметить, что, несомненно, существовало стереотипное представление о том, как апостолу или равноапостолу следует вести себя среди язычников (разрушать требища, сокрушать идолов, изгонять бесов, развенчивать ложную мудрость, проповедовать смирение и т.д.). Существовало и стереотипное представление о реакции язычников на христианскую проповедь (язычники устраивают гонения, подвергают проповедников мучениям, ополчаются против них и даже предают их смерти). Если из фактической части жития известно, что апостол Матфий и равноапостол Стефан распространяли Евангелие среди язычников, то опытный книжник в похвальной части жития (или в самостоятельном похвальном слове) мог априорно разложить их деятельность на трафаретные составляющие и перечислять их сколь угодно долго, совсем не заботясь, стоят за ними конкретные факты или нет. Поэтому если взять разработку мотива «апостольская проповедь» из *СП* и перенести в Похвалу Стефану Пермскому или же, напротив, взять предикации того же мотива из Похвалы Стефану и перенести их в *СП*, то такие замены — а они реально наблюда-

ются — не только пройдут незамеченными, но будут найдены весьма уместными.

Для терминологического именования трафаретных компонентов определенного мотива используется термин *общие места* (κοινὰ τόποι, loci communes). Термин этот иногда прилагают к тому явлению, который у нас назван излюбленным (трафаретным) *мотивом*, или же к ходячим метафорам и символам. Мы, однако, хотели бы закрепить его за смысловыми представлениями и интенциями, на которые распадается мотив и которые, следовательно, могут получить различное языковое выражение.

Эти общие места, на наш взгляд, и ответственны за замирание *информационного времени* в тех семи выписках из *СП*, которые приведены в начале настоящего исследования.

С лингвистической точки зрения интересно, что входящая в общие места лексика обнаруживает семантические связи между собой — синонимические, антонимические, тематические, парадигматические, а также и такие качества, которые обусловлены внешней формой. Это означает, что, предположим, строфа, при условии ее мотивной цельности, объективно подсказывает исследователю, что входящие в нее лексемы семантически сопряжены. Применительно к мертвому языку такая подсказка дорогого стоит.

А главная функция мотивно цельной строфы состоит в остановке информационного времени — прироста информации, невзирая на ход физического времени, не происходит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Деяния свв. апостолов. Послания свв. апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды. Послания св. апостола Павла. Апокалипсис. М., 1992.
2. *Верецагин Е.М.* Христианская книжность Древней Руси. М., 1996.
3. Повесть о Стефане, епископе Пермском // Древнерусские предания (XVI—XVI вв.). М., 1982.

ПУТЕШЕСТВИЕ ШАМАНА

(по материалам шаманских легенд и волшебных сказок северных селькупов)¹

Среди фольклорных текстов северных селькупов, записанных на протяжении XX века, выделяются тексты, героями которых являются шаманы. Большинство из этих текстов было записано в первой половине века, когда шаманская традиция у северных селькупов была жива и сильна. В более поздних записях текстов, рассказывающих о шаманах, сравнительно немного. Шаманский фольклор довольно разнороден: здесь и мифы о великих шаманах, путешествовавших на небо и оставивших там след в виде разных созвездий или гор на луне, и героические легенды о шаманах-воинах, сражавшихся с соседними племенами или между собою, убивавших и воскрешавших, и истории о больших шаманах сравнительно недалекого прошлого. При внимательном рассмотрении шаманами нередко оказываются и герои волшебных сказок. Кроме того, к шаманскому фольклору следует отнести шаманские песнопения, исполнявшиеся во время камланий. К сожалению, имеются лишь единичные записи фрагментов камланий селькупских шаманов².

Анализ текстов показывает, что внешне картина мира селькупского шамана (*təʃurʉ*) мало чем отличается от традиционной картины мира простого селькупа (*kulʉl' qur*)³. Пространство вселенной организовано как система миров, связанных между собою и находящихся в постоянном взаимодействии. Мир людей — это земля (*təʃu*), **средний мир**, находящийся между **верхним миром** — небом (*nor, nuš šinʉy*) и **нижним**, или подземным **миром** (*təʃu pūtōqut* 'внутри земли'). Троичная система может дополняться еще и **подводным миром**. Сфера деятельности простого селькупа — земной мир, только этот мир он обычно воспринимает, только в пределах этого мира может свободно действовать. Главное отличие шамана от обычного человека заключа-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, исследовательский проект № 98-06-80100.

² Анализируемый корпус шаманских текстов включает 8 текстов, записанных в 1925-1928 годы Г.Н.Прокофьевым в пос. Янов Стан Туруханского района (только один из этих текстов опубликован [Прокофьев 1935], 8 текстов, записанных в 1941 г. Л.А.Варковицкой на Верхней и Нижней Байке (Туруханский район) (не опубликованы), 2 текста, записанных в 1970-е годы участниками лингвистических экспедиций отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ в с. Красноселькуп (опубликованы в [Очерки 1993]), 2 текста, записанные в 1996 г. автором статьи в пос. Ратта Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа (не опубликованы).

³ О традиционной картине мира селькупов см. [Прокофьева 1949, 1961, 1976]; отдельные ее элементы описаны в [Ким 1997, Пелих 1998].

ется в его активности в отношении подземного, подводного и небесного миров, эти миры ему доступны⁴. Шаман свободно, **по собственной воле** способен проникать в иные миры, подниматься на небо или спускаться под землю, воспринимать происходящее там и активно действовать за пределами мира простых людей. Но и на земле есть вещи и существа, не доступные восприятию простого человека, существование которых, однако, не вызывает у него и тени сомнения. Это духи, или черти (*lōsył*), непосредственно обитающие на земле или приходящие на землю из других миров. В отличие от простого смертного шаман способен видеть и слышать этих духов. Более того, у каждого шамана существуют его собственные духи, помогающие ему путешествовать по иным мирам и бороться с духами враждебными. Чем сильнее шаман, тем больше у него духов-помощников.

Шаман постоянно в движении. Это и физическое движение, перемещение в пространстве, и движение души, поднимающейся на небо или спускающейся в нижний мир, и движение мысли, направляющей события. Кроме того, важную роль в жизни шамана играют предчувствия и вещие сны — тоже своего рода движения ментального плана.

Вещие сны и предчувствия не есть прерогатива шаманов, но шаманы способны к этому больше, чем простые смертные. Предчувствие (описывается в текстах глаголом *kultelqo* 'почувствовать, догадаться') появляется у шамана произвольно (*lj kulDəlny "Kyssa man äsänył' ämänył' myqäqy olymDyn sərytqo tarymBäxi, ijap kuny qönyti?"*⁵ 'Ий почувствовал (догадался): «Ну-ка, отца с матерью головы побелели (белой шерстью покрылись), сына откуда они нашли (сын откуда у них взялся)?»' (Прок.)). Сновидение (описывается глаголом *qütäptyqo* 'пригрезить, увидеть во сне') может быть как произвольным, так и управляемым, вещий сон можно получить и по заказу. Так, в одной из легенд герой-шаман предлагает, чтобы каждый из двух его братьев и он сам увидели во сне свою судьбу: *UkkyrconDöqyt nil'cek kətyrūt "Qütäptylmyn qaj tettak ilendəmyt qaj pennan (qoš'ikälyk) ilendəmyt"* 'Однажды так сказал: «Давайте во сне нашем пригрезим, богато ли жить будем, плохо ли жить будем»' (Прок.). Все трое увидели вещие сны, и увиденное во сне сбылось.

Движение мысли шамана (описывается глаголами *tenyrqo* 'подумать', *tenyrpyqo* 'думать') заставляет события совершаться, как того хочет шаман, 'по его слову': *Təp ni<l'cik tenyrny "Koš' olä tap lōZöqy qondalel'ciläqy mat təkajsaŋeŋa!" ätyminDy lōZöqy kypaka nakalnəqy* 'Он так подумал: «Хоть бы эти два черта заснули. Я прошел бы!» По его слову два черта немного задремали' (Прок.); *Nil'cik tenyrBa "Kos olä səl'cimDälyl' kollimäqyt koš' olä*

⁴ См. [Прокофьева 1949, 339].

⁵ В примерах слова даются в написании источника. По техническим причинам для передачи ненапряженного *i* используется диграф *i<*.

utynDynṣny mṣyn ṣqyṭ i<llä al'ci<l'äk." *ṣymynDy mṣyn ṣqyṭ sēl'cimDäl' korry mṣäqynDy utynDynṣny i<llä callymṣna* 'Так думает: «Хоть бы во время седьмого оборота из руки его к двери чума вниз упал бы я». По его слову к двери чума во время седьмого оборота своего из рук его вниз выскочил' (Прок.).

В одном и том же тексте обычно не совмещается описание внешних, земных действий шамана (включая внешнюю сторону его профессиональной деятельности — камлания) и скрытого от глаз простых смертных путешествия души шамана в иные миры, совершаемого во время камлания. Текст либо описывает внешнюю сторону камлания, либо само шаманское путешествие. Исключение составляют волшебные сказки, где описание внешних сторон жизни героя-шамана может плавно перетекать в описание его путешествия.

При описании внешней стороны камлания в зависимости от типа камлания используются глаголы *sumpyqo* 'петь; шаманить при свете с бубном' и *qamtyryqo* 'шаманить в темном чуме без бубна'. Оба глагола описывают всю совокупность ритуальных действий шамана при соответствующем типе камлания: *JomBa cēlyt ZumBa, pit qamtyrny; qamtyrny aj ZumBa, qamtyrny aj ZumBa* — *karräl löZyt iĵap mēl'ci<nyty* 'Йомпа днем шаманит (с бубном), ночью шаманит (без бубна); шаманит (без бубна) и шаманит (с бубном), шаманит (без бубна) и шаманит (с бубном) — сына водяного вылечил' [Прокофьев 1935, 151].

Процесс камлания при внешнем подходе может описываться и более подробно. Так, специально может говориться о пении и облачении в шаманские одежды в начале камлания (*Mēl'Dy myta kojmyty* 'Всегда будто поет он' (Таз 1996); *IDynGaji il'Dzaly kojmytyla myta naj sumB'ij porqyp tokkalDen* 'Пусть возьмет дед твой, напевая будто, шаманскую парку наденет' (Таз 1996)), о движениях шамана, видимых окружающим (*Selej myta qorqyj il'Dza p'ical'BenDyGany naj* 'Непоседливый будто медвежий дед подпрыгивает' (Таз 1996); *KukennanDy myta naj sel'i sṣqyj il'Dza naj* 'Качаться будешь будто, непоседливый седой дед' (Таз 1996)); может рассказываться о назначении шаманом необходимой жертвы (*Ira sumpa. Qumyp metyllä sompyrtä contoqyt ni<l'cik kṣtyty*: "*Säqy lyptyk nṣna i tytyŋ iĵa matyqo nyk soryqo sä qampi* 'Старик зашаманил. Человека леча, во время камлания так сказал: «Черной материи нужно и кедр маленький срубить, туда привязать черную тряпку»' (Баиш.)), а также о целях и результатах камлания (*Täpär okkyr qip assa qṣqolamnyty*. "*Iran nuṣap karrä taṣGyrynylyt ira sumpyral'tygo*". *Ira tal'atyp pyramingo. Nunu na qip täpär qṣqolampat* 'Белку один человек добывать не стал. «Старика бубен на огне нагрейте. Старик чтобы шаманил». Старик счастье чтобы ему поправил. Потом этот человек белку добывать стал' (Баиш.)).

В одном из текстов детально описана процедура оживления шаманом погибшего воина. Богатырь-шаман воскрешает брата, убитого в ходе кровавой борьбы с соседним шаманом, который, между прочим, доводился глав-

ному герою тестем. После победы над тестем и полного примирения с ним герой разрезает тело убитого брата, варит его в котле, выливает варево на новую оленью шкуру, расстеленную в чуме, натянутом специально для процедуры воскрешения, в жертву приносят 12 оленей, и всю ночь шаман камляет с бубном у тела, а наутро с первыми лучами солнца мертвый оживает и начинает петь вместе с шаманом (*TəBtyl' qaryn celynty yntyty piry sykyltäqyn myta sitty qip sumpykuna* 'На следующее утро солнце на высоту лука поднялось, будто два человека шаманят (слышно)' (Прок.)). Поначалу воскрешенный еще слаб, силы возвращаются к нему постепенно, но к концу дня он уже может ходить, опираясь на посох.

В немногих текстах, описывающих важнейшую — невидимую — сторону камлания — путешествие шамана, точнее, его души в иные миры, о внешней стороне камлания, как правило, не говорится, сообщается только, в какую сторону — в верхний или нижний мир, на юг или на север — направляется шаман. При этом юг выступает аналогом верхнего мира, а север — нижнего: *Karrä illä sumpyqolamna* 'Под гору вниз шаманить стал' (Баиш.).

Если внешне во время камлания шаман совершает непоступательные движения, качаясь, подпрыгивая, кружась на одном месте, то по своей невидимой дороге он всегда движется вперед, в выбранном им направлении: *Kossyntyl' (koštyl') tətonty pais'qolamna...* *Kossyntyl' tettonty kurytqolamna.* *Nyny karrä ütyl' tətonty, mattonty ciqyltyqolamna* 'К жертвенной (плохой) земле спускаться стал'... К жертвенной земле зашагал. Потом под гору к водяной земле к обрыву подступил' (Баиш.). Частым способом передвижения шамана является полет. При этом может специально оговариваться, что шаман превращается в птицу (*Səgketqo esa. Nyny wəseija qənnə* 'Глухарем стал. Потом полетел-пошел' (Баиш.)), или использует какие-то специальные ухищрения (*JomBa tō putylməny, i<llä kol'alDa, karmattynəny ukkyr munDolyn ijat qōpyl'a i<nnä titeinDyty, panal'lä šütykotōqynDy l'okkalDeiñty, wəseca mor'ät tō* 'Йомпа отскочил, вниз повернулся, из кармана своего одну мышелова птенца шкуруку вытащил, поразмяв к спине (дословно: к месту между лопатками) прилепил, полетел через море' [Прокофьев 1935, 106]). Но это может специально и не оговариваться. Образ шамана-птицы подчеркивается в множестве деталей селькупского шаманского костюма⁶, поэтому вполне естественным воспринимается в тексте сообщение о том, что 'шаман на юг с птицами полетел' (*təpy surytsä tomy wəseca* (Баиш.)).

Нередко во время путешествия шаман принимает зооморфный облик, чтобы избежать грозящих в чужих мирах опасностей. Так, герой сказки шаман Йомпа превращается в разных зверей, чтобы вырваться из чума водяного: *JomBa ukkyr conDōqyt nil'ci<η esa: karräl löZyt mət shün'cōqyt əmy kurytqo pikylBa, əmy təBätqo pikylBa* 'Йомпа вдруг так стал (себя вести): в чуме водяного то горностаем обернется, то белкой обернется'.

⁶ См. [Прокофьева 1949].

В качестве транспортного средства шаман может использовать специальную шаманскую лодку *rotuk* или обычные нарты, а то и такой экзотический вид транспорта, как сковороды: *Nyny onty omeja na sagloqyntu unnä misalnyty*. 'Потом сам сел на эту сковородку, вверх дернул' (Байш.). Но основным средством передвижения шамана в иных мирах служит его бубен-олень: *Nyny hännä nujał' ätäp tarsaltykumpat*. *Numy sünnionty laqaltykumpa* 'Потом дальше оленя-бубен отвязал. Неба внутрь поехал' (Байш.).

Во время всего путешествия шамана сопровождают духи-помощники. В текстах их называют *lōsyť* ('черти'), или реже *sūryť* ('звери'). Иногда дается их описание: *merGy kutyl' suryp* 'большой крылатый зверь', *üssymyl' suryť* 'водяные звери', *tūs šī<myl pollentyl' suryť* 'огня золу глотающие звери', *ukkyr qatyl' šoqqa* 'однокогтистая сука', *muktyn əmDyl lōZyl' qōry* 'шестирогий чертов хор (бык-олень)' и т.д.

Независимо от того, поднимается шаман на небо или спускается в нижний мир, он проходит семь узких мест (*ti<cy* 'узкое место, перешеек, теснина'), где его подстерегают опасности, воплощенные во всевозможных враждебных духах. В текстах враждебные шаману духи описываются обычно очень красочно. Это могут быть красноногие звери (*narqy topyl' suryť*), разновозрастные мамонты (*okkyr pol' koššar ija* 'одногодовой мамонт', *šitty pol' kossar ija* 'двухгодовой мамонт' и т.д.), черти с различным количеством голов (*okkyr ol'yl' losy* 'одноголовый черт', *šitty ol'yl' losy* 'двухголовый черт' и т.д. до *sel'ci ol'yl' losy* 'семиголовый черт') и проч., и проч. Как правило, шаман благополучно преодолевает все узкие места, проскакивая их, предварительно усыпив бдительность врагов: *Na tyn kunnät ləl' ponatqo, suryl' ləl' ponatqo, ponamtylä takky taqqeija* 'Это (врагов. — О.К.) черта костяными отбросами, птичьими костяными отбросами позакидав, вниз по течению проскочил' (Байш.); *Numyt ticonty n'annä taqeica*. *Nyny sel'ci numyt ticyp taqyllä qəjina* 'К неба теснине (узкому месту) вперед проскочил. Потом семь небесных теснин проскочив, пошел' (Байш.).

Восприятие реальности иных миров визуальное. Шаман видит то, что происходит на небе и в нижнем мире. При этом в текстах обычно подчеркивается, что видение шамана — это именно его восприятие, а не воспринимаемая реальность: *Təpyť saitqo mity mol məť, nymty imakota li<py məkynťa*. 'Для глаз его будто чум, там старуха находится'. Во время своего путешествия шаман постоянно **вглядывается**, делая усилие воспринять, и в результате этого усилия из темноты начинают выступать, светиться (*cēlympyqo*) образы, он **видит**: *Nyny takky mennympyra*. *Takky celimpyra*. *Lattaryť ləl' tonty celimpynta* 'Потом вниз по течению (на север) **смотрит**. Внизу по течению (на севере) **светится**. У озера покойнических костей **светится** будто' (Байш.).⁷

⁷ О визуальном восприятии мифических образов шаманами см. [Siikala, Hoppal 1998, 87—88].

Зрительный канал восприятия является для шамана основным, пока его дорога проходит по иным мирам. Возвращаясь на землю, шаман открывает другой канал восприятия — слух. Попадая в мир людей, он начинает **прислушиваться** и слышит то, чего не слышат обычные люди: *Kulyl' tū süñcil' äonty qašēŋa... Tarry cār ükyl'tymra: numyn mārky äalpynta... MerGy kutył' suryp na tüt purqyt takty qašicuŋa.* 'В стойбище простого огня остановился... Еще **слушает**: неба ветер шумит... Большой крылатый зверь позади дыма этого огня остался' (Байш.).

В заключение следует отметить, что в волшебных сказках для проникновения в иные миры шаманы не обязательно камлают. Наряду с камланием они используют самые разные способы. Вот, например, как попадает в подводный мир сказочный герой шаман Йомпа: *KomanDysä JomBa cattymBaty, karräl löZyt m̄xyp p̄ory k̄ymyn i<llä ruŋalDymBaty, onDy aj n̄imyn i<llä patqyl̄ny karräl löZyt m̄x shün'n'onDy* 'Томаром (стрелой с тупым наконечником) своим Йомпа выстрелил, водяного чум вершины по середине вниз проломил, сам тоже по тому (месту) вниз залез водяного (черта) чума вовнутрь' [Прокофьев 1935, 108]. Путешествие шамана волшебных сказок нередко оканчивается женитьбой на девице божественного происхождения: дочери бога, водяного, северной матери — в зависимости от того, куда попадает шаман — на небо, в пучину вод или в нижний (северный) мир. Это может повлечь за собою дополнительные испытания, в частности, новые путешествия и повторное прохождение семи перешейков. Возвращение домой, в средний мир (мир людей), обычно представлено как бегство, во время которого сверхъестественные способности жены помогают шаману избежать гибели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997.
2. Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 2. Тексты. Словарь. М., 1993.
3. Пелих Г.И. (сост.) Селькупская мифология. Томск, 1998.
4. Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская грамматика. Часть 1. Л., 1935.
5. Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского шамана // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1949. Т. 11. С. 335—375.
6. Прокофьева Е.Д. Представления селькупского шамана о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1961. Т. 20. С. 54—74.
7. Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106—128.
8. Siikala A.-L., Hoppal M. Studies on Shamanism. Helsinki, Budapest, 1998.

СОКРАЩЕНИЯ

Байш.: тексты, записанные А.Л.Варковицкой на Верхней и Нижней Байке в 1941 г.

Прок.: тексты, записанные Г.Н.Прокофьевым в пос. Янов Стан в 1925—1928 гг.

Таз 1996: тексты, записанные автором в пос. Ратта на р. Таз в 1996 г.

ТИПЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ
В СЕВЕРНОРУССКОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ¹
(по материалам свадебных причитаний)

Свадебный обряд относится к числу переходных обрядов (см., например, [1, 248]). Весь сюжет русского свадебного обряда можно рассматривать как поездку жениха за невестой и возвращение с ней. Очень велика моделирующая роль пространства в свадьбе. В связи с этим «свадебный обряд может быть представлен в терминах пространственных перемещений» [2, 89].

В настоящей работе автор стремился ответить на вопрос, каким образом вербальные средства участвуют в формировании сложной системы перемещений, которая пронизывает свадебный обряд. Представляется, что с этой точки зрения наиболее важным жанром свадебной поэзии являются причитания — лирические импровизации, которые сопровождают первую, более драматическую и даже трагическую часть свадебного обряда, до отъезда молодых к венцу.

Материалом служил массив свадебных причитаний объемом 144 тыс. словоупотреблений. Массив включает свадебные причитания из собрания Барсова (около 72 тыс. словоупотреблений) и ряда других изданий свадебного фольклора. Записи 19 и первой половины 20 века распределены приблизительно пополам. Использован также материал словарных статей тезаурусного типа, составленных по методике, предложенной С.Е.Никитиной в [3]; всего около 30 статей. Эти статьи описывают лексику двух семантических групп: дом и семья. Практически во всех статьях присутствует лексика движения, а в большей части статей она представлена достаточно широко. Всего использованные статьи тезауруса содержат около 80 разных глаголов движения, не считая видовых пар.

Большинство свадебных причитаний исполняется от лица невесты. Возникает своеобразный парадокс: как действующее лицо свадебного обряда невеста наиболее пассивна, но эта пассивность возмещается ее вербальной активностью. Причитания так же, как обрядовые действия, имеют моделирующую функцию. Акциональный и вербальный планы обряда согласованы, но не тождественны.

Соотношение действия со словом может быть различным.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 97-06-80020).

Причитание может сопровождать, комментировать происходящее. Например, невеста в причитании комментирует появление свадебного поезда во дворе родительского дома:

Что за люди, да что з/а гости
Что к нам в дом да въехали?
Они громко да подъезжали,
Ко мне смело да подступали,
Со мной смело да поступали...

ЛРС N 497, с. 235 [Отъезд к венцу]

Причитание невесты может направлять действия других участников обряда, например родителей:

Ты кормилец сударь-батюшка,
Мамонька моя родимая,
Вы вставайте-ка ранешенько,
Вы варите пиво пьяное,
Наберите зелена вина,
Назовите дорогих гостей -
Мою крестову матушку.

ЧС N 7, с. 18 [Начало девичника]

Наконец, причитание может замещать действия отсутствующих участников обряда. Например, образ покойных родителей создается на чисто вербальном уровне:

Все доходит жо мамушка
До Дунай — рецьки быстрые,
До Кокшеньги-то славные.
Все ведь просит жо мамушка
Да не плота, да не лодоцьки,
Да тонки, тонки-то жордоцьки.

РС, N 69, с. 62 [Неделя. Причеты сироты на неделе]

Другой чисто вербальный эпизод свадьбы: невеста рассказывает сон, содержанием которого является посещение дома жениха:

Мне ле ведь сегодняшняя темна ноченька
Мало спалось, много во сне виделось:
<...>

Пошла я по третьей тропиночке,
Дошла я до избушечки.
Как у этой у избушечки
Ни щелей нет, ни протесочек,
Ни дверей нет, ни окошечек -
Только единая дымная трубочка.
Поглядела я в эту дымну трубочку:
На печи сидит кошка горбатая,

Среди полу лютой змей,
Он и вьется, увивается;
За столами за дубовыми
Сидит злой, несмирный сын;
По углам сороки-перевещицы,
С угла на угол перелетывают,
Вести-нависти перенашивают.

ЧС N 102, с. 111 [Ночь перед свадьбой]

В любом случае причитание оценивает происходящее.

Сам характер движения в обряде может быть различным. Применительно к причитаниям можно говорить о семиотически значимых перемещениях и семиотически незначимых перемещениях. Один из типов семиотически значимых перемещений — это перемещение с преодолением границ. Основное семиотическое противопоставление, существенное для свадьбы — это противопоставление своего и чужого. Свое — это все, что относится к «партии невесты»: ее семья, дом и хозяйство ее родителей, своя деревня. Чужое — все, что относится к «партии жениха». Мир своего, в частности, дом и двор родителей невесты имеет границы. Наличие границ — один из признаков «правильного» мироустройства. Мир чужого неструктурирован, в частности, может не иметь границ или иметь «неправильно» организованные границы. Так, дом жениха, описываемый в причитании невесты, не имеет окон, дверей, крыльца. Чтобы попасть в него, невеста использует «нерегламентированное» средство сообщения дома с внешним миром — *суковатую елочку*.

В причитаниях границы своего и чужого оказываются подвижными. Так, невеста, передвигаясь по пространству своего мира, может то преодолевать границы, то передвигаться свободно, в зависимости от того, приходит ли она при этом в соприкосновение с представителями партии жениха. Одно и то же пространство может иметь границы и не иметь их, в зависимости от того, движение какого персонажа описывается.

Приведем пример. В свадебном обряде есть эпизод «Вывод невесты перед столы» (см. [РС]). Он относится к утру свадебного дня (который в этом варианте свадебного обряда предшествует венчальному дню). Этот эпизод сопровождается причитанием невесты, которая комментирует происходящее. Схема перемещений, описываемых в этом причитании, такова. Невеста находится в кути (женский локус в избе). Отец и родня жениха находятся в сутках (красный угол, место хозяина и почетных гостей, иерархически наиболее значимая часть жилища, в которой расположен стол и иконы). Отец приходит за невестой в куть и предлагает ей выйти к гостям. Невеста выходит в сутки, где находятся гости. Далее невеста описывает свое психологическое состояние в этот момент. Таким образом, отец и невеста проделывают один и тот же маршрут внутри жилища (правда, в

противоположных направлениях), но описание этого маршрута в причитании невесты оказывается совершенно различным. Отец, перемещаясь из красного угла в куть, не преодолевает никаких границ, он остается в пределах «своего» пространства. Вот как это описывается в причитании:

Приходил ко мне батюшко

Да во светлую свитлицу:

Далее невеста воспроизводит приглашение отца выйти к гостям в форме прямой речи отца, то есть, с его точки зрения (о точке зрения в свадебном причитании см. [4]). Эта точка зрения не содержит упоминания о каких-либо границах, но констатирует необходимость перейти из одной зоны жилища в другую:

— Умывайсе билехонько,

Да наряжайсе бодрехонько,

Да иди-ко, су-дитятко,

Да во светлую свитлицу,

Да там ведь гости наехали,

Да краснорядци с товарами.

РС, N 174, с. 139 [Вывод невесты перед столы]

Далее невеста описывает собственный путь со своей точки зрения, и эта точка зрения предполагает необходимость преодоления границ: она переходит из «своего» пространства в пространство, где находятся представители партии жениха, и тем самым «чужое». Упоминается основная граница — *дверь* и *косяки*, а также, косвенно — *мост*, то есть пограничная зона между жилой и нежилой частью дома или между летней и зимней избой. (*Мостовины* — половицы на мосту, *переводины* — поперечные балки, на которые стелется пол):

Да я бел/о умываласе,

Да б/аско я наряжаласе,

Да я шла-то, катиласе,

Да наперед торопиласе.

Мостовинки-те скрыпают,

Да перев/одинки зыбают,

Да отворяла я, м/олода,

Да широко двери н/а пату,

Да двери-те отворилисе,

Да косяки пошатилисе.

То же причитание (РС, N 174).

В другом подобном причитании [РС, N 175] путь отца вообще не описывается, дается только отношение невесты к поведению отца. Причитание начинается со слов:

Да оммануд меня батюшко <...>

Дальнейший текст близок к тому, что приведен выше. При описании движения невесты упоминаются такие пограничные зоны, как *сарай*, *мостоцек* (в данном контексте эти слова употреблены как названия сеней), *двери* с их атрибутами (*скоба*, *верев*). Порог непосредственно не упоминается, но описание того, как невеста переступает порог, занимает четыре стиха:

Да я бело умываласе,
 Да я бодро наряжаласе,
 Да ишчо шла-торопиласе,
 Да по сараю пиленому,
 Да по мостоцьку кал/иному.
 Да доходила я, девиця,
 Да до дверей-то полотняных.
 Да забирала я, девиця,
 Да за скобу-ту булатную.
 Да верев пошатиласе,
 Да двери все отворилисе.
 Да перекл/онила, девиця,
 Да свою буйную голову,
 Да переставила, девиця,
 Да свою правую ноженьку,
 Да поглядела я, девиця:
 Да по всей светлой-то свитлице
 Да сидят гости незнамые,
 Да незнамые-незнакомые,
 Да в сутнем-то уголоцике.

РС, N 175

Приблизительно то же самое можно видеть в других причитаниях того же собрания [РС NN 172, 173, 262].

При описании движения сватов как представителей партии жениха по двору и по дому родителей невесты постоянно упоминаются границы и их насильственное преодоление: *половицы гнутяся*, *перила шатаются*, *мосты подламываются*. Таким образом, противопоставление семиотически значимого движения и семиотически незначимого движения отражается в самом тексте причитания.

Итак, семиотически значимое перемещение — это перемещение с преодолением границ. Невеста как раз и является тем персонажем свадебного обряда, который совершает основной переход: из мира своего в мир чужого, из родительской семьи в семью жениха. Другие персонажи, например, родители невесты, не меняют своего социального статуса, они остаются в прежнем положении (хотя и приобретают дополнительные социальные роли). Выход к гостям — представителям семьи жениха — это репетиция основного перехода, пока не меняющая статуса невесты. Граница своего и чужого в этот

момент оказывается преодолимой. После перехода в другую семью граница вновь станет непреодолимой: согласно многим причитаниям, невеста может вернуться в родительский дом только в образе птицы. В доме родителей остается ее заместитель — яблоня в саду. Невеста просит мать поливать эту яблоню, ухаживать за ней. В причитаниях будущее положение невесты изображается как подобное положению покойных родителей: они могут приблизиться к своему дому и даже подняться на крыльцо, но преодолеть основную границу, войти в дом они не могут.

Кроме наличия или отсутствия границ и различных способов их преодоления, можно выделить и другие характеристики движения, типичные для причитания, например, способ передвижения. Способ передвижения невесты, ее родителей и ее родни определяется маршрутом. По дому и своей деревне они ходят. Глаголы *ехать*, *приезжать*, *привезти* маркируют выход из «своего» мира или, наоборот, перемещение из «чужого» мира в свой. Наибольшей подвижностью обладает брат, для которого типичны локусы, являющиеся частью неосвоенного, дикого мира (гари, болота, лесики темные и т.п.). Атрибутом брата является конь. Эти свойства персонажа определяют то, что езда на коне для него является типичным способом передвижения. В причитании невеста обращается к брату: «Ты поезжай, родимай брателка, / Во чисто поле, во раздольице, / Ты расsey мою красоту <...>» [ОП N 88, с. 51]. Родители невесты едут в дом жениха «смотреть место». Невеста так описывает перемещение родителей в «чужой» мир:

Поехали батюшка
Со родимой-то матушкой
На чужу дальну сторону
Смотреть места крестьянства
Ко чужим ко добрым людям
И ко чужому добру молодцу.

ВФ N 3—2, с. 75 [Запричетки]

Характерно, что в описании данного варианта свадьбы, сделанном в первой половине двадцатых годов учительницей Л.Н. Смирновой [ВФ, 72], говорится о том, что родственники невесты *ходили* смотреть место. Подобные указания находим также в [ВФ, 4, 255]. Говоря о встрече с покойными родителями, «выходцами» «с того света» невеста также использует глаголы *приезжать*, *привезти*:

От придут мои родители,
Как придут они, приедут —
Вы стретайте, да красно солнышко,
На широкой да славной улице <...>

ЛРС N 447, с. 217 [Предсвадебная неделя]

Уж вы пойдемте-ко, пожалуйста,
Уж вы, подружки мои милы,

Уж во нов/ы сени решетчаты,
Уж ко перистому крылечушку,
Уж там карета прикатиласи,
Уж пара коней объявиласи,
Уж привезла родитель-матушку.

ПК N 143, с. 205

По отношению к сватам и другим представителям семьи жениха невеста постоянно использует глагол *приезжать* и подобные:

Уж и громко-звонко да подъезжали,
В новы сени да заезжали <...>

ЛРС N 430, с. 210 [Просватанье]

Уж я спрошу у вас, да люди добрые,
Покуда же зашли, заехали
Вы во наш-от то двор высокий <...>

ЛРС N 443, с. 215 [Предсвадебная неделя]

Такие примеры весьма многочисленны, хотя в описаниях свадьбы часто встречаются упоминания о *приходе* сватов.

В пританиях упоминаются также птицы, которые *летают*. Птицы — это вестники или разведчики. Птица может принести весть из другого мира, из другой семьи. Птицы способны преодолевать границы, непреодолимые для людей. Птицей, в частности, может обернуться сама невеста, чтобы вернуться в родительский дом после свадьбы, или брат невесты, чтобы по ее просьбе посмотреть, как живет семья жениха и рассказать об этом своей сестре-невесте.

Наконец, еще один аспект движения, существенный для свадебных пританий — это сам характер движения. Движение может быть правильным и оцениваться положительно или неправильным и оцениваться отрицательно. Положительно оцениваемое движение может обозначаться, например, глаголами *жаловать/пожаловать* и *катиться*. Первый из них выражает уважение и употребляется по отношению к почетным гостям, а также к самой невесте, например:

Уж ты это жо, тетушка,
Не гостишь да не жалуешь
К нам на нашу-то сторону,
К нам на пир да на бращинку

РС N 42, с. 54

Ты Таисья дочь Антипишна,
Ты пожалуй наша голубушка,
К нам во жарку парну баенку.

ЛРС N 478, с. 230

Глагол *катиться* применяется к различным положительно оцениваемым объектам, как одушевленным, так и неодушевленным, например:

Далеко я увидела,
По походе опознала
Тут идет да и катитце
Моя любимая сестрица

РС N 45, с. 54

Нас работа бояласе,
Нас вперед подаваласе,
Колесом-то катиласе.

РС N 97, с. 71

Катиться могут важные символические атрибуты невесты: *перстень*, *кр/асота* (головной убор невесты, символ девичества). Эти глаголы могут употребляться и совместно, например: *Катит-жалует сестрица двуродимая* [Рыбников N 9, с. 21], *Катит-жалует родитель моя матушка* [Барсов N 36, с. 387]. Негативно оценивается слишком быстрое и неловкое движение:

Не белы полы протоптала,
Не пороги у тя да прохоркала

ЛРС N 427, с. 208

Уж ты желанная моя да сестричушка,
Уж я малехонько тебе да сказала,
Уж ты скорехонько подбежала
Уж и снять с меня да девью кр/асоту!

ЛРС N 467, с. 225

Для описания движения покойных родителей используются особые глаголы. См., например, в причитании невесты-сироты описание появления покойной матери:

Што за стинь-то *шатаитце*,
Все идет *колубаитце*,
За межи *запинаитце*,
Да во дорожках *мешаитце*.

РС N 67, с. 61

Все эти аспекты движения могут быть описаны в форме тезауруса с использованием функций, предложенных С.Е.Никитиной. Наиболее существенными для описания движения являются следующие функции: субъект движения, локусы (исходная точка, конечная точка, маршрут движения), преодолеваемые границы, цель движения, внутренний атрибут (характер) движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И.Толстого. Т. 1. А — Г. М.: Международные отношения, 1995.
2. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К описанию организации пространства в восточно-славянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд / Под ред. К.В.Чистова и Т.А.Бернштам. Л.: Наука, 1978. С. 89—105.
3. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993.
4. Кукушкина Е.Ю. Точка зрения невесты как организующее начало свадебного причитания // Функциональная лингвистика. Язык в современном обществе: Мат-лы международной конференции. Ялта, 5—9 октября 1998 г. Симферополь, 1998.

ИСТОЧНИКИ

- РС:** Д.М. Балашов, Ю.И. Марченко, Н.И. Калмыкова. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьюге (Тарногский р-н Вологодской области). М.: Современник, 1985.
- Барсов:** Причитанья Северного края, собранные Е.В.Барсовым. Т. 2. Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья. Изд. подготовили Б.Е.Чистова, К.В.Чистов. СПб.: Наука, 1997.
- ВФ:** Вологодский фольклор. С.-З. книжн. изд-во, 1975.
- ЛРС:** Лирика русской свадьбы. Л.: Наука, 1977.
- ОП:** Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Новосибирск, 1981.
- Рыбников:** Песни, собранные Рыбниковым. Т. 3. Петрозаводск: Карелия, 1991.
- Чистов:** Причитания. Ред. К.В. Чистов. БСБП. М.-Л.: Сов. писатель, 1960.
- ЧС:** Чердынская свадьба. Пермь, 1969.

НА СВОИХ ДВОИХ: ЛЕКСИКА ПЕШЕГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

В русском языке имеется поразительно большое количество слов, обозначающих пешее перемещение. Эта область почти так же хорошо разработана, как, например, обозначения речевой деятельности. Помимо самого слова *идти*, которое имеет весьма общее значение и о котором мы далее говорить не будем, можно упомянуть следующие единицы: *бродить, брести, плестись, тащиться, пройтись, прохаживаться, похаживать, шляться, шататься, слоняться, шагнуть/шагать, маршировать, вышагивать, ступить/ступать, шествовать, ковылять, семенить, топать, расхаживать, разгуливать, гулять, прогуливаться, прогулка, поход, моцион, прошвырнуться, ковылять, семенить, красться* (ср. [3]). Список этот можно продолжить, особенно если включить в него находящиеся за пределами литературного языка единицы, такие как *канать* или *чапать*.

Мы используем здесь понятие пешего перемещения, имея в виду такой вид перемещения, при котором кто-либо (нас интересует прежде всего человек) перемещается на опорах (в прототипическом случае на двух ногах), переставляя их, так что в каждый момент он опирается по крайней мере на одну из них. Таким образом, пешее перемещение противопоставляется не только перемещению на транспортном средстве, плаванию, летанию, ползанию, но также и бегу, при котором в некоторые моменты движения субъект ни на что не опирается.

То, как мы употребляем это понятие, не вполне соответствует языковому значению слов *пеший* или *пешком* (а также разговорного фразеологического синонима последнего слова *на своих двоих*). Последние предполагают всегда перемещение на некоторое расстояние, которое можно было бы преодолеть и при помощи транспортного средства (включая лифт, но не детскую или инвалидную коляску). Ребенку на прогулке говорят не *Иди пешком*¹, а *Иди ножками* или *Иди сам*. Выражения *куда царь пешком ходит* или *Ты еще пешком под стол ходил* построены на намеренном нарушении этого ограничения. Есть еще выражение *на своих ногах*, но так говорят обычно о приходе больного в больницу, тем самым *на своих ногах* — не то же, что *на своих двоих*.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 99-04-00294а.

¹ Ср. немецкое *zu Fuß*, которое к этой ситуации применимо. Между прочим, английский глагол *walk* также не налагает никаких ограничений на длину проходимого отрезка, отличаясь тем самым от русского *идти пешком*, которое на первый взгляд кажется его точным эквивалентом.

Можно выделить несколько сквозных семантических признаков, которые противопоставляют друг другу лексемы внутри данной группы.

Во-первых, важно, акцентируется ли именно пеший способ перемещения, обязателен ли он. Так, *прогулка* может быть и автомобильной, и велосипедной, и морской, а *прогуливаться* можно только пешком, но, например, не на велосипеде.

Во-вторых, существенно, только ли человек может иметься в виду. Например, *бродить* или *разгуливать* могут и животные (ср. понятие *бродячие животные*), а *прогуливаются* или *слоняются* только люди. Ср.: *На улице, заросшей травой, никого не было, только бродили куры* (А.Лиханов. Крутые горы). Ср. следующий пример, который звучит комически, по крайней мере с точки зрения современного языка: *Индейки и цыплята, назначаемые к именинам и другим торжественным дням, откармливались орехами; гусей лишили моциона, заставляли висеть в мешке неподвижно за несколько дней до праздника, чтоб они заплыли жиром* (И.А.Гончаров. Обломов).

В-третьих, очень важно наличие пункта назначения и вообще цели движения (*слоняются* как бы вообще без цели, *совершают моцион* — для здоровья). Ср.: *Вы делаете продолжительные прогулки — это прекрасно, ничто так не поддерживает здоровья, как свежий воздух и моцион* (И.А.Гончаров. Обрыв).

В-четвертых, для этой группы глаголов имеет большое значение различие между движением и местонахождением, а также направление движения. Так, *слоняться* — движение, *болтаться*, *ошиваться*, *околачиваться* также предполагают движение, но в рамках некоторого места, а глагол *торчать* (во многих контекстах близкий по смыслу трем последним глаголам) — вообще указывает не на движение, а на местонахождение. Направление движения также может быть разным. Например, многие глаголы предполагают разнонаправленное или возвратное движение.

В-пятых, для одних глаголов этой группы характерны наблюдаемость и объективность действия, в то время как для других — интерпретационность и субъективность. Если человек *семенит*, это видно, если же *шляется* — нет.

И наконец, многие близкие по смыслу глаголы различаются с точки зрения того зрительного образа, который они вызывают (ср. далее о глаголах *брести* и *плестись*).

Мы, естественно, не имеем возможности подробно описать здесь каждое из перечисленных слов, поэтому остановимся лишь на некоторых их интересных особенностях и смысловых различиях между близкими единицами.

брести vs. *бродить*

В отличие от пар *плыть-плавать*, *лететь-летать*, *ползти-ползать*, которые устроены тривиально (второй глагол в каждой паре указывает либо на многократность, либо на разнонаправленность движения), смысловые отношения между этими глаголами довольно сложные.

Бродить предполагает, помимо разнонаправленности, во-первых, отсутствие пункта назначения и вообще цели, а во-вторых — небольшую скорость.

С указанием на цель *бродить* (в отличие, например, от *ездить* или *ходить*) несовместимо; ср. необычный для литературного языка пример: *В сенокос она бродила немного косить* (В.Белов. Рассказы о всякой живности). И напротив, очень естественно сочетание *бесцельно бродить* и подобные; ср. *Скажи, зачем без цели бродишь?* (А.С.Пушкин); *Ум его помутился: глупо, без цели, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродил он весь день* (Н.В.Гоголь. Невский проспект); *Я бродил бесцельно и долго и снова заглядывал в лица* (А.Битов. Преподаватель симметрии); *На другой день мать поднялась рано <...> и долго бессмысленно бродила по избе, выходила в сени, обошла ограду, а потом принялась чистить закоптелый дедов чайник* (А.Лиханов. Крутые горы).

Часто *бродить* подразумевает не совершенно бесцельное движение, но хаотичное блуждание в поисках чего-либо; ср. *Однажды я бродил по городу в поисках шести рублей* (С.Довлатов. Чемодан); *Я бесконечно бродил по городу в поисках Елены* (А.Битов. Преподаватель симметрии); *Михаил <...> стал бродить по лабораториям, искать наиболее увлекательную область бионауки* (Уппсальский корпус).

Очень часто такой характер движения связан с душевным состоянием субъекта — *неприкаянностью*, когда он не находит себе места². Ср. *То бродил как неприкаянный по котловине Сабиды, то нарочно заходил в самые колючие дебри, чтобы колючки, болью оцарапывая шкуру, заглушали внутреннюю боль* (Ф.Искандер. Широколобый); *Я бродил как шальной все эти дни: чувствовал какую-то боязнь, неприятное ожидание чего-то* (Н.В.Гоголь. Портрет).

Кроме того, в *бродить* есть еще один трудноуловимый смысловой компонент — указание на некую отрешенность. *Бродят* часто увлекшись беседой, в задумчивости или, напротив, ни о чем не думая, не обращая внимания на маршрут.

Брести предполагает движение в некотором направлении (это его тривиальное отличие от *бродить*). Однако есть и идиоматические особенности. *Бредет* человек (кстати, только человек) всегда не просто медленно, но через силу, вяло, не бодро (для сравнения: когда *Туристы бродят по горам*, они, возможно, передвигаются вполне бодро). *Брести* включает яркий зрительный образ: человек с трудом передвигает ноги, возможно волочит их. Понятен и источник этого образа: первичной для этого слова (во всяком случае, по Фасмеру [5]) является идея перехода реки по мелководью (*вброд*). Когда человек бредет, он как бы с трудом преодолевает сопротивление среды, как будто вокруг не воздух, а вода. Ср.: *Измороженную колонну каторжан легко было издалека отличить от простой арестант-*

² О слове *неприкаянность* и выражении *не находит себе места* см. [2].

ской — так потерянно, с трудом таким они брели (А.Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ); *И по тротуару медленно брел Леонтьев, читая на ходу газету* (В.Набоков. Подлец); — Эх, эх, — *вздыхал Николка и брел, как сонная муха, из столовой через прихожую мимо спальни Турбина в гостиную* (М.Булгаков. Белая гвардия); *Еще подтягивались отставшие, брели как во сне; завидев своих, сразу же валились на землю* (Г.Бакланов. Навеки — девятнадцатилетние).

брести vs. плестись

У *плестись* картинка похожая, но чуть-чуть другая. *Плетется* человек тоже медленно, вяло, через силу, но ноги у него при этом как бы заплетаются.

Интересно, однако, следующее. Многие глаголы, и в том числе *плестись*, имеют два режима употребления. Их можно обозначить как дескриптивный и интерпретационный. Дескриптивный режим предполагает указание на перемещение именно тем или иным определенным способом; ср.: *Старая седая дама в шляпе из серой соломки с полотняными ромашками и васильками и сиреневом, туго стягивавшем ее, старомодном платье, отдуваясь и обмахиваясь плоским свертком, который она несла в руке, плелась по этой стороне* (Б.Пастернак. Доктор Живаго); *Плелись дальше на запад толстые худосочные подростки из маршевых рот пополнения, в серых пилотках и тяжелых серых скатках, с испитыми, землистыми, дизентерией обескровленными лицами* (Б.Пастернак. Доктор Живаго).

При интерпретационном режиме говорящий хочет не столько охарактеризовать способ перемещения, сколько выразить свою оценку. В этом случае *плестись* подразумевает, что кто-то идет, с точки зрения говорящего, слишком медленно; ср.: *Ну где ты там плетешься?* В подобных контекстах не подразумевается, что кто-то особым образом переставляет ноги. Возможно, что человек просто останавливается у каждой витрины и поэтому передвигается медленно. Заметим, что для *брести* интерпретационный режим едва ли возможен. Такое различие между двумя очень похожими на первый взгляд глаголами объясняется тем, что у *брести* в фокусе внимания находится способ, а у *плестись* — низкая скорость³. По этой причине *плестись*, в отличие от *брести*, может расширительно употребляться по отношению к транспортным средствам; ср.: *Что-то мы еле плетемся, у каждого столба останавливаемся...* Однако в *плестись* все-таки есть указание на «пешестъ», в отличие от *тащиться*, который вообще не является глаголом пешего перемещения. Он может описывать переме-

³ Поэтому для *плестись* возможно и следующее образное употребление: *Ильдар вынул таблицу чемпионата и расстелил ее на столе, и все склонились над таблицей и стали говорить о команде, о той команде, которая, по их расчетам, должна была выиграть чемпионат, но почему-то плелась в середине таблицы* (В. Аксенов. Папа, сложи!).

ние самого разного типа⁴; ср.: *Хромая, глядя больное колено, я тащился к дивану, начинал снимать пиджак, ежился от холода, заводил часы* (М.Булгаков. Театральный роман); *Всю дорогу ей казалось, что «Красная Стрела» едва тащится, тогда как поезд стремительно мчался сквозь ночные леса, обдавая их паром и оглашая протяжным предостерегающим криком* (К.Паустовский. Телеграмма); *Добрый час он тащился на трамвае по скучным улицам Выборгской стороны, вдоль старых однообразных кирпичных зданий* (В.Каверин. Кусок стекла).

Вернемся теперь к глаголу *бродить*. Он, в отличие от *брести*, тоже имеет разные режимы употребления. Первый режим — дескриптивный (когда описывается способ перемещения); ср.: *Ну что ты бродишь как потерянный, сядь, посиди; И в странном, незнакомом городе — Петрограде — растерянно бродили пассажиры* (Е.Замятин. Мамай); *Коростелев, отдежурив свое время, не уходил домой, а оставался и, как тень, бродил по всем комнатам* (А.П.Чехов. Попрыгунья). Второй — интерпретационный; ср.: *брожу по лесу с ружьишкой* (картинка уже смазывается). В этом случае при расширительном употреблении, в основном в устойчивых сочетаниях, снимается даже указание на исключительно пеший способ перемещения; ср.: *бродить по белу свету*. В мультфильме «Бременские музыканты» герои распевают: *Ничего на свете лучше нету, / Чем бродить друзьям по белу свету*, едучи при этом на телеге. Ср. также: *А где сейчас наш отец? Где он бродит, как работает? Кто-то его видел в Казахстане* (В.Аксенов. Апельсины из Марокко).

бродить vs. *слоняться* vs. *шататься*

Говоря о слове *бродить*, стоит отметить также то, что в русском языке чрезвычайно хорошо разработана область лексики, связанная с описанием разнонаправленного, в частности хаотичного и бесцельного движения⁵. *Бродить*, в частности, имеет два довольно близких синонима — *слоняться* и *шататься*.

Это «человеческие» слова — животные (кроме слонopotамов) не *слоняются* и (кроме медведей-шатунов) не *шатаются*.

Слоняться — значит ходить в разных направлениях, причем не только без пункта назначения, но и вообще без какой-либо (видимой) цели; ср.: *Сколько вечеров он провел дома один, когда у него не было ее, или бесцельно слонялся по улицам с приятелем, философствовал, рассуждал о теории*

⁴ Он может даже не столько указывать на характер движения, сколько выражать недовольство говорящего; ср.: *Мы идем в футбол играть — она тащится за нами, брата своего несет* (Л.Петрушевская. Уроки музыки). *Плестись* в подобных контекстах не употребляется.

⁵ Трудно не усмотреть здесь связь с особенностями представления пространства в русской языковой картине мира; ср. [1, 2].

относительности и о других приятно-умных вещах (Ю.Казаков. Двое в декабре). *Слоняющийся* как бы не знает, куда себя деть. *Бродить* можно для удовольствия (*Ничего на свете лучше нету*), *слоняющийся* же — мается, по крайней мере на взгляд говорящего. Ср.: *Слоняешься по комнате, курева не можешь найти, перо мажет, бумага — дрянь, звонят друзья, сообщают разные гадости, за столом не сидится, тянет на кровать, тянет в ресторан, тянет на улицу, и так противно, свет тебе не мил* (В.Аксенов. Пора, мой друг, пора). *Бродить* и его производное *бродяга* окрашены в русской культуре несколько романтически; ср.: *Все пророки были бродягами, / Все бродяги немного пророки* (Л.Максимов)⁶. *Бродить* — это, возможно, отдых или даже работа (например, геологи *бродят* в поисках полезных ископаемых). В *слоняться* же есть легкое осуждение безделья, праздности. Ср.: *Посмотрите, в иных дворах мальчишки летом слоняются без дела* (Уппсальский корпус).

В *шататься* нет идеи полной бесцельности; ср.: *шататься по кабакам* (обычно не *слоняться*). У *шатающегося* есть цель, но она, с точки зрения говорящего, недостойная. Ср.: *Дома он жил совсем редко, все время где-то шатался* (В. Белов. Рассказы о всякой живности); *Всю осень шатался от двора к двору, надеясь пристроиться к кому-нибудь, едущему на клевера* (И.Бунин. Деревня). Вообще в этом глаголе еще сильнее выражена интерпретационность. Когда человек *шатается*, это вообще никак внешне не проявляется: он просто ходит. Это так говорящий оценивает поведение и цели субъекта. Необычно — *я шатаюсь*. Ср., впрочем, естественное в прошедшем времени: *В тот день всю тебя, от гребенок до ног, / Как трагик в провинции драму Шекспирову, / Носил я с собою и знал назубок, / Шатался по городу и репетировал* (Б.Пастернак). Аналогично устроен глагол *торчать*. Собственно, сам человек просто находится где-л., возможно, это ему нравится или у него есть какая-то цель, но говорящего это раздражает, кажется ненужным. Интересно также следующее. Когда кто-то *слоняется*, говорящий недоволен скорее тем, что он здесь, мозолит глаза, тогда как при *шататься* говорящий, напротив, недоволен отсутствием человека там, где ему положено быть. Ср.: *Посиди хоть день дома, вечно ты где-то шатаешься; Где ты шатаешься?* В основе этого слова — возникающая благодаря связи с его исходным значением идея незакрепленности. Ср. *зуб шатается, пьяный шатается*; ср. также *медведь-шатун*, которому зимой положено быть в берлоге, но его потревожили, и он «шатается».

Шататься не предполагает непосредственного наблюдения, поэтому перемещение не всегда должно быть пешим. Но все же *шататься* связано

⁶ Между прочим, из-за присутствующей в глаголе *бродить* идеи отрешенности и имеющихся у него романтических коннотаций в русском переводе комично звучит начало коммунистического манифеста: *Призрак бродит по Европе*. Ни в употребленном в немецком оригинале глаголе *umgehen*, ни, скажем, во французском *hanter* этих смысловых оттенков нет.

с небольшими расстояниями, сравнимыми с пешеходными. Это отличает его от глаголов *шляться* (ср. *шляться*, но не **шататься по заграницам*) и *носить* (*Столько лет / Где тебя носило?*). Следующий пример естественно понять в том смысле, что человек передвигался в основном пешком: *Все эти годы, что я шатался по свету, мечтал, воевал, пил водку, ссорился, кому-то завидовал, ревновал, искал славы, отчаивался, ленился, писал не то, что хотел*, — оно неустанно изготавливало из солнца кислород, листву, древесину (Д.Гранин. Обратный билет).

Помимо *брести* и *плестись*, в русском языке есть еще ряд глаголов, которые описывают разные способы ходьбы: *шагать*, *вышагивать*, *шесть*, *выступать*, *ступать*, *топать*, *семенить*, *ковылять*⁷. Важно отличать от них глаголы типа *шаркать*, которые являются глаголами способа перемещения, а не перемещения определенным способом. Толкование, скажем, *семенить* должно выглядеть как 'идти таким-то образом' (ср. *семенить по дороге*), в то время как *шаркать* — 'при ходьбе...'. Ср. аналогичное различие между, например, *шептать* и *шепелявить*⁸.

шагать vs. ступать

Весьма интересная пара — глаголы *шагать* и *ступать*. Они представляют пешее перемещение как последовательность отдельных квантов. При

⁷ Мы не можем сейчас подробно рассмотреть большинство этих глаголов. *Семенить* означает идти мелким шагом, стараясь передвигаться быстро; ср.: *Петр Степанович вдруг вспомнил, как он еще недавно семенял точно так же по грязи, чтобы поспеть за Ставрогиным, который, как и он теперь, шагал посредине, занимая весь тротуар* (Ф.М.Достоевский. Бесы). Зачастую такая походка связывается с мелочностью натуры, склонностью к подхалимству; ср.: *Журналисты смешивались с артистами, с писателями, с профессорами, семена от столика к столику и стараясь показать, что они везде — свои люди* (В.Ходасевич. Московский Литературно-художественный кружок).

Хромать и *прихрамывать* указывают на несимметричную походку, возникающую из-за того, что одна нога либо болит, либо короче другой. Наиболее важное различие между этими глаголами состоит не в степени отклонения от нормы, а в том, что *прихрамывать* — всегда свойство, *хромать* иногда и действие. Можно сказать: *Он медленно хромал по дороге* при абсолютно невозможном в этом контексте *прихрамывал*. При этом одинаково правильно *После перелома она хромает* или *прихрамывает*. *Ковылять* указывает на то, что обе ноги неполноценные. Переваливающаяся походка возникает за счет того, что человек неловко и с трудом ступает (но ноги не волочит). Причина обычно либо в том, что у него неудобные высокие каблуки, либо в том, что болят ступни.

⁸ Вообще аналогия между речевыми глаголами и глаголами пешего перемещения не случайна. Речь и хождение пешком — два вида деятельности, которые человек осуществляет постоянно и ежедневно. Обычно ходят или разговаривают с какой-то целью, но иногда и просто ради самого совершения этих действий, которые могут доставлять удовольствие. Поэтому в обоих группах глаголов есть такие, которые обозначают своего рода самодостаточные действия; ср.: *Конечно, он ей никто, посидели часок в "Национале", прошвырнулись по Александровскому саду, поболтали* (А.Рыбаков. Дети Арбата).

этом между этими глаголами есть существенное различие. Ср. следующий пример, в котором *шагать* и *ступать* абсолютно невозможно поменять местами: Чонкин ... *перелез через забор и, осторожно ступая меж грядок, пошел за хозяином, который независимой походкой шагал впереди* (В.Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Шагать означает 'передвигаться шагами'. *Шаг* — это перемещение на двух опорах из одной точки в другую. В фокусе внимания в *шагать* поэтому именно это, перенесение тела на опорах. Опоры при этом — это даже не всегда ноги; ср.: *Внимание толпы занял какой-то смельчак, шагавший на ходулях вравне с домами, рискуя всякую минуту быть сбитым с ног и грохнуться насмерть о мостовую* (Н.В.Гоголь. Рим); *Стали пропадать заводные медведи, танки, шагающие экскаваторы* (С.Довлатов. Чемодан).

Шагать имеет два режима употребления: в прототипическом случае этот глагол выдвигает на первый план представление о характере шагов (скорее всего, это шаги четкие, большие и т.п.). Ср.: *Вошел, широко шагая, Алексей Афанасьевич, одетый в свой излюбленный полувоенный костюм* (А.Бек. Новое назначение); *Он шагал все шире, твердо решив не дать солнцу обогнать себя* (И.Бунин. Захар Воробьев). В форме совершенного вида *шагнуть* этот глагол указывает на один или небольшое количество шагов; ср.: *Капитан поклонился, шагнул два шага к дверям, вдруг остановился, приложил руку к сердцу, хотел было что-то сказать, не сказал и быстро побежал вон* (Ф.М.Достоевский. Бесы).

Однако *шагать* имеет и ослабленное употребление. В этом случае *шагать* сближается с просто *идти*; ср.: *За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником* (А.П.Чехов. Хамелеон); *Они все шли и шли куда-то по институту, и Олег шагал рядом, взяв ее под руку, гордый и прямой* (В.Аксенов. Пора, мой друг, пора). Но и в ослабленных употреблениях *шагать* указывает на то, что человек идет если и не всегда быстро и бодро, но во всяком случае не волочит ноги и не спотыкается. Это связано с тем, что представление об определенном способе перемещения — на двух вертикальных опорах — в этом глаголе очень сильно. В некоторых контекстах *шагать* означает то же, что *перешагивать*; ср.: *шагать через лужи; Вы поверили в право шагающего через все и всех* (Ю.Домбровский. Факультет ненужных вещей). *Ступать* в подобных контекстах невозможно; ср. неправильное **ступать через лужи* при естественном *ступать по лужам*.

Ступать также представляет ходьбу как последовательность квантов, но в этом случае в фокусе внимания момент «опирания». Ср. следующий чрезвычайно характерный пример: *Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, <...> ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее, по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скороверменно подметок* (Н.В.Гоголь. Шинель). Этот глагол как бы показывает крупным планом ноги,

которые попеременно опускаются на поверхность. Поэтому *ступают* обычно, например, *тяжело, осторожно*, или *босыми ногами*, или, скажем, *по мягкой траве*. Ср.: *Как и всякий, кто несет на руках человека, Рубахин ничего не видел под ногами и ступал осторожно* (В.Маканин. Кавказский пленный); *Матвей, медленно ступая поскрипывающими сапогами, с телеграммой в руке, вернулся в комнату* (Л.Н.Толстой. Анна Каренина); *Незабудка пошла к нему, неловко ступая по гальке, холодащей ноги* (Е.Воробьев. Незабудка); *Я поднимаюсь и иду дальше, ступая по мягкому и скользкому* (А. и Б. Стругацкие. Жук в муравейнике).

Это же различие представлено и в формах совершенного вида *шагнуть* и *ступить*. Можно сказать, что *шагнуть* предполагает общее направление вперед, *ступить* — скорее вниз.

Ступать, как и *шагать*, имеет ослабленный тип употребления (правда, устаревший), в котором оно сближается с *идти*. Однако *ступать* в этом случае употребляется всегда в форме императива; ср.: *Леночка, ступай наверх с господином Леммом* (И.С.Тургенев. Дворянское гнездо).

шествовать vs. *выступать*

Эти глаголы — близкие синонимы, означающие 'идти торжественно, важно, не спеша' [3, 75; 4]. Ср.: *Шествуя важно, в спокойствии чинном...* (Н.А.Некрасов); *А сама-то величава, / Выступает будто пава* (А.С.Пушкин).

Стоит, однако, заметить, что они не тождественны по смыслу. Различие между ними состоит в том, что *выступать* указывает исключительно на определенный характер движения, его пластику, в то время как для *шествовать* не менее важна также его направленность вперед. Ср.: *По утрам городские дамы сновали с корзинами по базару, а под вечер важно выступали под руку со своими благоверными* (Короленко, БАС). Здесь едва ли возможно указание на направление; ср. неправильное **выступали в сторону главной площади*, **выступали к театру*. Между тем для *шествовать* как раз очень характерны контексты, в которых указывается направление; ср.: *Сидящие за столиками стали приподниматься и всматриваться и увидели, что вместе с огонечком шествует к ресторану белое привидение* (М.Булгаков. Мастер и Маргарита); *Всегда она была счастлива в любви, всегда она шествовала в очень смелом сарафане по пальмовой аллее навстречу любимому и верному человеку* (В.Аксенов. Перемена образа жизни). Именно поэтому *шествовать*, в отличие от *выступать*, свободно используется, когда речь идет о движении не реальном, а метафорическом; ср.: *Сами макбетовские ведьмы затруднились бы обольстить его каким-нибудь более блестящим жребием или отнять у него тот, к которому он шествовал так сознательно и достойно* (И.А.Гончаров. Обрыв); *Осень шествовала вперед, уже по утрам руки покусывало морозом, плющ побазгровел и усох* (И.Грекова. Вдовий пароход).

вышагивать

Это слово довольно близко к двум предыдущим, однако оно у него есть свои особенности. В отличие от этих слов, оно не указывает на плавность, напротив — *вышагивают* неизящно, старательно, может быть, маршируя. *Вышагивать*, как и *шагать*, предполагает более или менее крупные шаги. Так обычно ходят долговязые люди, а также некоторые животные. Ср.: *Сергей долго провожал его глазами, ему было приятно смотреть, как высагивает эта верста, как плывет высоко над толпой красивая, модно постриженная голова* (В.Аксенов. Папа, сложи!); *Тем временем Гумми в деятельном возбуждении высагивал по полю, высоко поднимая ноги, чтобы меньше тревожить застоявшуюся в траве жару* (А.Битов. Преподаватель симметрии).

пройтись vs. прогуляться

Пройтись — это осуществить минимум пешего перемещения. Этот глагол описывает два типа ситуаций. В первом случае имеется в виду всего несколько шагов (скажем, в магазине при покупке туфель). Ср.: *Тот сегодня впервые прошелся по квартире* (М.Булгаков. Собачье сердце); *Иван Иванович прошелся в волнении из угла в угол и повторил: — если б я был молод!* (А.П.Чехов. Крыжовник). Во втором случае описывается прогулка, но небольшая и говорящий еще минимизирует ее. Ср.: *Так, прошелся ради геморроя, — сказал он, особенно старательно выговаривая последнее слово* (И.Бунин. Деревня).

Прогуляться не может указывать на несколько шагов, это всегда более значительное действие. Ср.: *Никонову, <...> прогулявшемуся через весь город по утреннему солнышку, в первый момент не хватало здесь воздуха* (Г.Бакланов. Карпухин). Ср. неправильное: **Он прогулялся в волнении из угла в угол*.

Для *прогуляться* очень существенна цель — это всегда удовольствие или разминка. Само это слово может служить ответом на вопрос о цели перемещения; ср.: *Дойдем до реки Или, выкупаемся, полежим на камушках, прогуляемся по течению верст пять-шесть. <...> — Ну прогуляемся, покупаемся, встретимся с рыбаками, у костра посидим, уху сварим, — пояснил он* (Ю.Домбровский. Факультет ненужных вещей). Не случайно *прогуляться* особенно часто употребляется в форме инфинитива и в сочетании с *идти* или *пойти*. Ср.: *Послonyaвшись по дому и затопив жене плитку, он вышел прогуляться и, удивляясь этому новому способу передвижения, проложил маршруты к озеру и в магазин* (А.Битов. Жизнь в ветреную погоду). В этом отношении аналогично устроен немецкий глагол *spazieren*, который чаще всего выступает в составе сочетания *spazieren gehen* (в старой орфографии в одно слово — *spazierengehen*).

При этом заключенная в *прогуляться* цель обычно рассматривается самым говорящим как несерьезная, необязательная; ср.: — Ты куда? — Так, *прогуляться*.

прохаживаться vs. прогуливаться

Эти два глагола (не являющиеся точными видовыми коррелятами к предыдущей паре) очень близки по смыслу и в подавляющем большинстве контекстов взаимозаменяемы. Однако легкие различия между ними усмотреть можно. *Прохаживаться* предполагает скорее наблюдаемое действие, причем наблюдаем весь маршрут (часто это короткий путь туда и обратно: *по комнате, по палубе, вдоль вагонов, но не *по Тверской*). Ср.: *Раз в сумерках Петр Петрович прохаживался с Даром возле своего дома* (Ф.Абрамов. Потомок Джима); *Лысый и сивоусый, прохаживался милый старик Гиляровский, стараясь придать свирепое выражение добрейшему своему лицу* (В.Ходасевич. Московский Литературно-художественный кружок). *Прогуливаться* подразумевает обычно большее расстояние и скорее открытое место. Ср.: *Извозчик стоит, Александр Сергеевич прогуливается* (Б.Окуджава); *Я прогуливался вдоль здания бывшей кунсткамеры* (С.Довлатов. Чемодан); *Все чинно прогуливались по дощатому высокому перрону, мужчины курили пользуясь мундштуками* (Д.Гранин. Обратный билет). Ср., впрочем, также: *В ожидании, пока она вернется, я прогуливаюсь по комнате* (В.Ходасевич. Белый коридор).

У *прохаживаться* и у *прогуливаться* несколько разная цель. *Прохаживаются*, чтобы размяться или с какой-то утилитарной целью (например, что-то проверяя), *прогуливаются* — чтобы воздухом подышать, от скуки, чтобы побеседовать и т.п. Если цель исключает какое-либо удовольствие, то можно употребить только глагол *прохаживаться*; ср.: *Там возле клуба и щита для объявлений стоял уже стол под кумачом, висела стенгазета «Перековка» — экстренный выпуск — и прохаживалось несколько надзирателей* (Ю.Домбровский. Факультет ненужных вещей).

расхаживать vs. разгуливать

Эти глаголы интересны тем, что у них тоже два режима употребления — дескриптивный и более для них характерный интерпретационный. В первом случае оба глагола указывают на то, что субъект ходит в разных направлениях, не спеша и с уверенным видом (при *расхаживать* этот вид скорее важный, при *разгуливать* — скорее беззаботный). Ср.: *Между столами важно расхаживал в зеленом фраке своем толстый, рыжий «карточник» Василий* (В.Ходасевич. Московский Литературно-художественный кружок)⁹; *У Губа-*

⁹ К *расхаживать* в таком употреблении близок глагол *похаживать*; ср.: *А он между ними похаживает, / Золоченое брюхо поглаживает* (К.Чуковский). Замечательно, однако, что для него возможен только дескриптивный, но не интерпретационный режим. ..

рева была привычка постоянно расхаживать взад и вперед, то и дело подергивая и почесывая бороду концами длинных и твердых ногтей (И.С.Тургенев. Дым); «Нет вещи, которая бы могла меня сконфузить! — думал я, беззаботно разгуливая по зале, — я готов на все!» (Л.Н.Толстой. Детство).

При интерпретационном режиме эти глаголы не указывают на то, что человек ходит каким-то особым образом. Они лишь выражают оценку говорящим самого факта хождения. В этом случае имеет место некоторая гиперболизация и указание на неуместность, чрезмерность и т.п. (ср. такие глаголы, как *рассиживаться*, *распивать*). *Что ты тут разгуливаешь <чаи распиваешь, рассиживаешься> — ... а надо ... или ... как ни в чем не бывало.* Ср.: *И трое суток в обмундировании расхаживал по улицам, встречал патрулей, приветствовал их и чувствовал себя очень хорошо* (Г.Бакланов. Как я потерял первенство); *Итак, старый рисовальщик обознался, не может этот боксер одновременно сидеть в котласском лагере усиленного режима и разгуливать по Москве в одежде санитаря* (Ф.Незнанский, Э.Тополь. Журналист для Брежнева). Особенно интересен следующий пример: *Но надзиратели запрещали ночью разгуливать по камере* (А.Рыбаков. Дети Арбата). Вальяжно и беззаботно гулять по камере не позволил бы просто размер помещения. Здесь явно подразумевается запрет на любое хождение — даже минимальное. При этом такое хождение рассматривается как неуместное, нарушающее порядок и вызывающее раздражение. И эта оценка принадлежит не самому говорящему, а надзирателям, а слово *разгуливать*, в сущности, является цитатой.

Различие между двумя глаголами состоит в том, что *разгуливать* противопоставляется делу или порядку, а *расхаживать* скорее содержит указание на то, что субъект мозолит глаза наблюдателю.

Этнолингвистика пешего перемещения

Другие европейские языки тоже уделяют пешему перемещению определенное внимание. При этом в разных языках культурно значимы разные концепты. Ключевым для большинства языков оказывается различие между целенаправленным перемещением и движением, не направленным к определенному пункту назначения, когда человек не ставит себе цели попасть куда-то, а просто «гуляет».

Цель таких «прогулок» может быть разная. Она может состоять в физическом упражнении, в том, чтобы *размяться*¹⁰. В русском языке с этой точки зрения особенно интересно слово *моцион*. В нем эта цель выдвигается на первый план, и поэтому особенно часто оно употребляется в выражении *для моциона*. Замечательно при этом, что, в отличие от своего за-

¹⁰ В этом случае некоторые языки делают также различие между легкой разминкой и серьезной физической нагрузкой (ср. русск. *прогулка* и *поход*, немецк. *spazieren* и *wandern* и английск. *walk* и *hike*).

падноевропейского прототипа, оно указывает не на любое движение, а только на пешее перемещение (употребленный генералом Сиверсом из повести И. Грековой «На испытаниях» оборот *так, для моциона языка* приводит несомненный комический эффект)¹¹.

«Прогулки» могут осуществляться и с иными целями: для того, чтобы подышать свежим воздухом, отвлечься от работы — *развяться*. Само слово *развяться* очень показательно. Оно сочетает идею свежего воздуха (ветра) и отвлечения от забот. Кроме того, «прогулки» могут осуществляться с ознакомительной целью (*sightseeing*) или с целью общения с другими людьми (неспешные прогулки часто сопровождаются неспешными беседами).

Среди русских слов, связанных с пешим перемещением, самым семантически богатым является слово *гулять*. В отличие от слов *прогуливаться* или *моцион*, которые в своем значении уже содержат указание на цель, *гулять* может подразумевать самые разные цели (ср. хотя бы *гулять с ребенком, гулять с собакой, гулять с девушкой*). При этом, в отличие от *прогулки*, которая может быть не обязательно пешей, *гулять* (в своем основном значении) не используется в тех случаях, когда прогулка осуществляется с применением транспортных средств. Эти особенности связаны с тем, что в *гулять* на первом плане идея свободного выбора маршрута и вольного воздуха. Тема дыхания воздухом оказывается для глагола *гулять* настолько важной, что в некоторых употреблениих заслоняет тему перемещения. Когда ребенка везут *гулять* в коляске, сам ребенок при этом лежит или сидит и, возможно, даже еще не умеет ходить. Более того, можно даже положить младенца спать на балконе и говорить, что он на балконе *гуляет* (но в этом случае он не на *прогулке* и тем более не *прогуливается*!).

Мы уже писали о глаголе *гулять*, об источниках и структуре его многозначности [2]. Разные значения этого глагола объединяются идеей свободы выбора, отсутствия стеснений и необходимости выполнять скучную, рутинную работу. Эта возможность свободно следовать своим желаниям переживается как праздник, желания при этом могут быть разными и отнюдь не всегда ограничиваются пешим перемещением. Ср. следующий пример, в котором комический эффект создается как раз благодаря разному смыслу, вкладываемому в слово *гулять* собеседниками: *Императрица*

¹¹ Случай, когда заимствованное слово становится в языке важным и культурно специфичным концептом, не столь уж редки. Для нашей темы очень показателен в этом отношении немецкий глагол *marschieren*, восходящий к французскому *marcher*. Последний, однако, является нейтральным и совершенно не военизированным глаголом пешего перемещения и функционирования. Примечательно, что русское *маршировать*, будучи немецким заимствованием, до сих пор сохраняет оттенок чужеродности и ассоциируется с прусским милитаристским духом.

Мария Федоровна спросила у знаменитого графа Платова, который ска- зал ей, что он с короткими своими приятелями ездил в Царское Село:

— Что вы там делали — гуляли?

— Нет, государыня, отвечал он, разумея по-своему слово *гулять*, — большой-то гульбы не было, а так бутылочки по три на брата осушили... (Черты из жизни Екатерины II // Древняя и новая Россия, Т. I. 1879).

Такое понимание глагола *гулять*, как у графа Платова, зачастую свя- зывается со стереотипным представлением о русском национальном ха- рактере. Характерно рассуждение из статьи в газете «The Moscow Times» (Tuesday, October 5, 1999), в которой описывается, как некая женщина, де- лая покупки в Duty-Free, выбрала джин и виски Johnie Walker: *Пусть на- род гуляет, or let the people have fun, she said, in reference to a welcome home party she would receive. In this case she used the verb гулять, an all- purpose word that can mean anything from to stroll about town to have an extra-marital affair, but in this case, we can be pretty sure she meant to party. And what is a народное гуляние (a party of the people) without a little джин?*

Иногда даже не вполне ясно, в чем в точности состоит действие, опи- сываемое как *гулять*. Строки известной песни *Ой да загулял, загулял пар- нишка, парень молодой* не позволяют точно указать, в чем, собственно, это заключалось. Напился ли он, закрутил ли головокружительный роман — все это очень возможно, но не обязательно.

И правда, *загулять* — очень сложное понятие. Тут и самозабвение, и отсутствие границ, и какая-то отчаянность. Это безудержное веселье, пе- реходящее в бездонную тоску. Буйство, в котором проскальзывает жела- ние от чего-то убежать. Может быть, от себя? Это что-то имеющее отно- шение к столь важным для русской культуры идеям *воли* и *простора*.

Однако носители языка не всегда связывают глагол *гулять* с буйством. Ср. следующее слышанное нами высказывание: *На работу мне сегодня не надо, детей забрали, и я гуляю: лежу на диване и слушаю музыку*. Чтобы че- ловек описал свое времяпрепровождение посредством глагола *гулять*, оказы- вается достаточным ощущение праздности и праздника (замечательно, что сами слова *праздность* и *праздник* в русском языке связаны).

Не случайно во многих случаях прямо противопоставляются *гулять* и *работать*. На этом противопоставлении базируется внутренняя форма мно- гих слов, таких, как *прогул* и *отгул* (ср. также просторечное *гулять отпуск*).

Ассоциация бесцельного хождения, осуществляемого исключительно для удовольствия, с праздностью очень естественна. Не случайно соответ- ствующая комбинация значений имеется и у французского *flâner*, и у не- мецкого *bummeln*.

Так, французское *flâner* (этимологически, возможно, связанное с об- разом болтающегося в воздухе пузыря или воздушного шара или ходящего взад и вперед кузнечного меха [9]) в своем основном значении указывает

на неспешную пешую прогулку, совершаемую без определенной цели, напр.: *j'ai flâné dans les rues*. Ср. следующую строку из песни Ива Монтана: *J'aime flâner sur les grands boulevards*. Наряду с этим, *flâner* может употребляться в значении 'работать спустя рукава, прохлаждаться' (ср., напр., выражение *faire qc. sans flâner*). И наконец, глагол *flâner* развивает еще одно значение, прямо связанное с идеей отдыха, ничегонеделанья (ср.: *Comme il est bon de flâner le samedi matin*). Впрочем, идея праздности, которая составляет ядро третьего значения, присутствует уже в основном значении в виде коннотации; ср.:

J'ai flâné dans les rues;

J'ai marché devans moi, libre, bayant aux grues.

(Alfred de Musset)

Таким образом, этот глагол указывает не только на медленный темп, но и на определенное душевное состояние.

Поразительно похожа структура многозначности немецкого глагола *bummeln*, этимологически связанного с образом болтающегося языка колокола [9] (не удивительно, что в нем нет легковесности французского *flâner*)¹². Оно также описывает неспешную и бесцельную прогулку (ср. *durch die Hauptgeschäftsstraßen bummeln; ich bin durch ganz Paris gebummelt*). Между прочим, хотя ни французские, ни немецкие словари, как правило, этого не фиксируют, и *flâner*, и *bummeln* обозначают прогулку именно по городу, не преследующую, однако, цели осмотра достопримечательностей (*bummeln* при этом часто предполагает осуществляемое со вкусом разглядывание витрин). Во втором значении *bummeln* указывает на медленную, вялую работу (*bummele nicht, beeile dich ein bisschen*), в третьем — на безделье (*in den ersten Semestern hat er nur gebummelt*).

Заметим, что английские *walk* и *stroll* устроены совершенно иначе. В *walk* на первом плане пеший способ перемещения, в *stroll* — неторопливость и отсутствие заданного направления, однако без коннотации праздности. Идея дыхания воздухом сближает глагол *stroll* с русским *прогуливаться* (ср. в этой связи производное существительное *stroller* 'прогулочная коляска'). Отсутствие же связи с городским пейзажем сближает *walk*, скорее, с немецким *spazieren*.

Впрочем, глаголы *flâner* и *bummeln* не являются в соответствующих языках основными глаголами, описывающими прогулку. В глаголах *se promener* и *spazieren (gehen)* коннотации праздности также нет. При этом для глагола *se promener* (как и для исходного невозвратного глагола *promener*) способ перемещения не столь существен, ср. (*se*) *promener en voiture; Ils m'ont promené dans tout Paris* (в последнем случае прогулка, возможно, также осуществлялась на автомобиле).

¹² Первоначально *bummeln* имело значение 'болтаться', в настоящее время сохранившееся только в диалектах.

Как мы уже показывали на другом материале [2], лингвоспецифичность не всегда связана с непереводаемостью в собственном смысле слова. Иногда речь должна идти скорее о разной культурной нагрузке, плотности ассоциативного поля соответствующих слов. Так, французское слово *flâner* в большинстве контекстов хорошо переводится русским словом *прогуливаться*. Но слово *прогуливаться* в русском языке не обладает высоким культурным статусом — в отличие от *гулять*. Однако насколько концепт гуляния является важным и культурно нагруженным для русского языка, настолько для французского значителен концепт «фланирования» (вернее, концепт, выраженный французским словом *flâner*). Как уже было сказано, в семантической структуре слов *гулять* и *flâner* есть также много общего: идеи праздности, отдохновения души и т.д. Но культурный ореол у них совершенно разный.

О культурном содержании «фланирования» много писал знаменитый эстетик В.Беньямин [6—8]. Он связывал это понятие с Парижем¹³ — культурной столицей 19 века. Он описал тип фланера, который воплощал особое искусство жизни и представлял собою квинтэссенцию бытовой эстетики 19 в. Тип этот постепенно сошел на нет, когда улицы заполнились автомобилями. Фланер — это не просто определенный тип бытового поведения (например, как пишет Беньямин, в 1839 г. в Париже считалось элегантно ходить на прогулку с черепахой, задавая таким образом соответствующий темп ходьбы). Это еще и особая философия жизни. Фланер движется в толпе, но он один. Он абсолютно отрешен, но все замечает: цены, лица и т.д. Он предается праздности и бескорыстно отдается потоку жизни. Его не интересуют ни богатство, ни карьера. Фланер, по Беньямину, — это всеобъемлющая жизненная установка, проявления которой он находит и в интерьере, и в литературе, и в политике соответствующей эпохи.

Закончим наши заметки цитатой из четырехязычного швейцарского путеводителя по городу Беллинцона, которая интересна тем, что на каждом языке используется выражение, не являющееся стандартным словарным аналогом глагола *гулять*:

¹³ О любви парижан к прогулкам как возможности «людей посмотреть и себя показать» писал Г.Адамович в 1939 г., обращая в этой связи внимание еще на один специфический глагол: *Мы знали и прежде о существовании глагола s'endimancher. Иногда употребляли это слегка насмешливое слово. Но до жизни в Париже не подозревали, насколько оно срослось со здешним бытом и как точен и реален его смысл. <...> В Париже «андиманиширование» — явление, так сказать, массовое. В слово это закралась ирония, потому что, конечно, показная нарядность во внешнем облике не совсем вяжется с требсваниями хорошего вкуса. <...> слово s'endimancher придумано, вероятно, человеком брезгливым, вроде Теофиля Готье или Бербе д'Орвиля, «денди», «львом», желающим отмежеваться от толпы, но едва ли справедливо этот оттенок в нем хранит. <...> К труду, в крайнем случае, привыкают, а радуются отдыху. «Андиманиширование» есть безотчетное выражение этой скромной радости.*

Il centro della città, una vera e propria Firenze in miniatura, è fatto apposta per andare a zonzo...

Das Stadtzentrum — Florenz en miniature — lädt zum Bummeln ein...

Le centre ville, Florence en miniature, vous invite à flâner...

The centre is a real Florence in miniature, ideal for strolling around...

ЛИТЕРАТУРА

1. Зализняк Анна А. Преодоление пространства в русской языковой картине мира: глагол *добираться* // Логический анализ языка: Языки пространств (в печати).
2. Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Родные просторы // Логический анализ языка: Языки пространств (в печати).
3. Розанова В.В. Синонимия глаголов движения в современном русском языке // Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972.
4. Урысон Е.В. Походка, поступь // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (под общим рук. Ю.Д.Апресяна). Вып. 2 (в печати).
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986—1987.
6. Benjamin W. Charles Baudelaires, Tableaux parisiens // Benjamin Walter. Gesammelte Schriften, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 1972, B. IV.
7. Benjamin W. Paris, Capitale du XIX siècle // Benjamin Walter. Gesammelte Schriften, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 1982, B. V, Teil I.
8. Benjamin W. Aufzeichnungen und Materialien // Benjamin Walter. Gesammelte Schriften, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 1982, B. V, Teil I.
9. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Walter der Gruyter. Berlin, New-York, 1995.

«ПРЫЖОК В ИНОЙ МИР» КАК ЭЛЕМЕНТ ОБРЯДА ИНИЦИАЦИИ

В центре нашего описания — герой саги *Безумие Суибне*, король находящейся на северо-западе Ирландии области Дал Арайде. Согласно преданию, во время битвы при Маг Рат (637 г.) он был проклят святым Ронаном, в результате чего утратил рассудок, превратился в некое странное существо, называемое *geilt*, и стал затем голым скитаться по лесам и долинам Ирландии, жил, в основном, на ветках деревьев и, как принято говорить о нем, обрел способность к левитации, каковым способом обычно и перемещался. Но как именно «выглядел» его полет?

Действительно, строго говоря, применять по отношению к Суибне Безумному термин «левитация» мы можем лишь с большой долей условности, так как в саге ни разу не упоминается о полете как таковом. Если мы выйдем за рамки собственно легенды о короле Дал Арайде и обратимся к теме *geilt* в широком смысле, мы увидим, что в ней присутствуют два разных «течения», опирающиеся, видимо, на разные субварианты трактовки этой темы в устной традиции. Так, с одной стороны, упоминаемые в Хрониках *gelta* обозначаются именно как *volatiles*, т.е. «летающие». С другой, в норвежском трактате XIII в. *Speculum regale*, повествующем о «дикиховинах» Ирландии о них говорится, что «на их телах вырастают перья, как у птиц», но летать они при этом не могут, так как у них нет «опорных перьев» (о том, что «перья» следует понимать скорее как «шерсть» см. подробнее в нашей работе [Михайлова 1999]).

Какой же вариант предания о *geilt* послужил источником для составителя саги? Ответить на этот вопрос довольно сложно. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что тема *geilt*, а точнее — тема бегства с поля битвы, встречается и в других сагах, примыкающих к *Безумию Суибне* сюжетно, причем, как нам кажется, не только в эпизодах, в которых описывается состояние самого Суибне. Так, в заключительной части саги *Пир в Дуне-на-Гед* говорится, что «третьей победой битвы было то, что муж из мужей Альбана вернулся к своей земле без корабля и без лодки и другой воин был привязан к нему» [FDG: 84]. В аналогичном эпизоде в *Битве при Маг Рат* говорится, что этот воин был *lám-mharbh* [CMR: 320] — «полностью мертвый» и далее поясняется, что Конгал Клаэн имел обыкновение связывать перед битвой своих людей попарно, чтобы ни один из них не мог бежать с поля сражения. В *Пире в Дуне-на-Гед*, ниже, об этом же «муже», который называется уже друидом Дубдиадом, говорится, что он, буквально, *do deachaid fri foluamain as in cath* — «ушел через летание из битвы», что почти дословно совпадает с обозначением того,

как покинул поле битвы сам Суибне в *Безумии*: ... do dhul ar fainneal 7 ar foluamain a cath [BS: 1] — «... ушел на порхание и на *летание* из битвы». Переправиться из Ирландии в Шотландию «без корабля и без лодки», да еще с мертвецом, привязанным к ноге, естественно, можно только каким-то сверхъестественным способом. В переводе *Битвы* Ш. О'Донована добавлено, что он «переплыл» (swam) море, однако в оригинале об этом не говорится, фраза же, что Дубдиад, как и Суибне, «ушел из битвы в *летание*», ясно показывает, что составитель текста представлял себе, скорее всего, иной способ перемещения и что Дубдиад, как и Суибне, превратился в volatilis — «летающего». Видимо, таким же способом и Суибне переправился в дальнейшем из Ирландии в Шотландию, как сказано в тексте, tar an muir ccráosfhairsing, ccithainbhthenaigh [BS: 46] — «над морем широкозевным, бурным».

Но означают ли все приведенные примеры, что составитель саги *Безумие Суибне* придерживался той же версии, что и составитель хроник, и также видел в gelta в первую очередь существо, которое действительно способно летать? Скорее всего, нет. Но обратимся к самому тексту саги, а точнее — саг.

В *Битве при Маг Рат* составитель отводит описанию состояния Суибне довольно много места, причем после детального изображения тех ментальных и физиологических потрясений, которые приходится претерпеть Суибне (он испытывает крайний ужас, ноги его дрожат, пальцы не могут сжимать оружие, он весь покрывается потом, бледнеет и проч.) в тексте саги говорится, что он «пошел путем летания» (tháinic i ndlaí foluamain [CMR: 234]). Однако, если внимательнее присмотреться к изображению деталей этого «полета», мы увидим, что полетом он может быть назван крайне условно, и что описанное превращение скорее могло бы быть названо обретением невесомости:

...ó tháinic in dlaí fholuaimnech fhulla sin fháir-sium, ro lingestar leim luthmar, lan-étrom, conad ann ro fuirmistar ar glan-aiglind sceith in churad ba comnera do; ocus ro faemustar in t-ath-leim, conad ann ro fuirmistar ar indeoin cherdchomarthaig chirin eathbairt in curadh cedna; cid tracht nir airigestar sein esium ic fuirmed fair [CMR: 234]

— «...и когда отправился он в этот внезапный полет, он сначала прыгнул небольшим, легким прыжком и так что прыгнул он на верхушку щита воина, который стоял поблизости от него; и потом прыгнул он другим прыжком, так что вскочил на шлем того же воина, который при этом ничего не почувствовал».

* Поскольку Суибне *сначала* вскочил воину на щит, а *потом* на шлем, а тот этого не заметил, как можно предположить, составитель текста *Битвы* изобразил его не только утратившим вес, но и ставшим невидимым, однако текст самого *Безумия* данного мотива не подтверждает.

И далее:

...acht chena ni talamh do thaidluid, acht is ar formnaib fer ocus ar cennaib cathbarr ro chindead [ibid.] — «...но не по земле он шел, но по плечам мучей и по верхушкам их шлемов».

В примечании к данному эпизоду Ш.О'Донован пишет, что «в Ирландии существует старое поверье, которое и до сих пор бытует в диких горных районах, что безумцы (lunatics) становятся легкими, как пух, и могут взбираться по отвесным стенам и скакать, как сомнамбулы» [CMR: 234].

Довольно близко описана трансформация Суибне и в самом *Безумии*, составитель которого также отмечает обретение героем сверхъестественной легкости, которую он связывает с эффектом быстрого перемещения:

An tan immorro doriacht asin ccath amach ba hainminic nothaidhledh a chossa lár ar *lúas* a réime 7 an tan nothaidhledh ni bhenfadh a drucht do bharrúachtar an fheoir ar *ettroma* 7 *aerrdhacht* an chéme nochingedh [BS: 12] — «Когда бежал он от битвы, было редко, чтобы касались его ноги земли из-за *скорости* бега, и когда он двигался, не задевали его ступни стеблей травы из-за *легкости и воздушности* его шагов».

Словосочетание «легкость и воздушность» (*ettrom* 7 *aerdhacht*) при описании перемещений Суибне в тексте саги встречаются в дальнейшем неоднократно, однако воспринимаются они все же скорее как метафоры, а не как буквальное обозначение невесомости героя, поскольку в целом он, несмотря на способность необычайно быстро перемещаться, не изображается совершенно бестелесным и полностью лишенным веса. Так, его тело царапают колючие кустарники, он оставляет на траве следы, под его ногой может сломаться сухая ветка и проч. В отличие от *Битвы при Маг Рат*, в *Безумии* Суибне предстает не в виде бесплотного духа, а скорее как существо, хоть и наделенное сверхъестественными способностями, но в полной мере обладающее **телом**. Видимо, составитель *Битвы* опирался на иной тип интерпретации «состояния *geilt*», чем составитель *Безумия* Суибне (характерно, что град копий и дротиков, которые воины мечут в Суибне, не приносят в *Битве* ему никакого вреда, тогда как в *Безумии* он погибает от брошенного копья). Но, наверное, грань между отмеченными типами интерпретации «состояния *geilt*» была довольно зыбкой и самими составителями текстов в полной мере не ощущалась. При помощи каких же средств передается в *Безумии* Суибне то особое состояние, которое позднейшей традицией могло быть интерпретировано как левитация? И можно ли все это действительно назвать «полетом»?

С одной стороны, в саге действительно неоднократно упоминается необычайная легкость героя, что отчасти противоречит сказанному нами выше (ср. в саге *Битва при Альмайне* *gealta cen mine* «безумцы без малейшего (**веса**)). Так, при описании его перемещений часто употребляется эпитет со *hettrom aerdha* — «с легкостью воздуха», а его брат Логсеахан, об-

ращаясь ему, говорит, что он «подобен ветру», правда — не с точки зрения воздушности, а скорее — с точки зрения быстроты.

Говоря о «полете» Суибне, составитель текста постоянно использует также глагольное существительное *folúamhain* (совр. *folúain*), образованное от дефектного глагола *folúaimnid* ‘летает, порхает, планирует в воздухе’ [CDIL-F: 279] и означающее в отличие от *eitilt* (откуда ср.ирл. *etelachán* ‘бабочка’, а также совр. *eitlán* ‘самолет’), не столько полет как таковой, подобный полету птицы, сколько «порхание, планирование, парение» (как правило — над землей). Однако надо признаться, что для раннесреднеирландского периода разграничение двух глагольных основ по их семантике было выражено еще не достаточно четко. Обращение к конкретным текстам показывает, что в эпических текстах, как правило, даже при описании полета птиц использовались обычно те же глаголы движения с маркером направления, что и при описании нормальных передвижений героев. Оба глагола, обозначающие в более поздний период разные типы (или виды) полета, являются вторичными и оба восходят к глагольным основам с другими изначальными значениями. Как мы можем предположить, исходной глагольной основой для глагола *eitilt*- (ранняя форма — *etell*-) является основа *ell*-, встречающаяся только в сложениях и обладающая в качестве исходного значением «идти, двигаться, приводить в движение» (см. [Льюис, Педерсен 1954: 419], обретающее значение «летать, быстро двигаться» в сочетании с основой **et*- с общим значением «птица, перо, крыло». Глагол *foluam*- также является вторичным приставочным образованием к глагольной основе *lu*- ‘двигаться, летать’ [Льюис, Педерсен, 1954: 439], см. также — *luamain* ‘движение, быстрое перемещение, бегство, полет (фиг.)’ при *luam* ‘лидер, главенствующий в чем-либо, идущий впереди’ (в *Глоссарии* Кормака — *lám .i. luam in chuirp* — «рука, то есть предводитель тела» [CDIL-L: 222]. В древнеирландском данный глагол имеет также значение ‘нестись, мчаться’ (ср. аналогичный комплекс значений у латинского *volare*, при: *volatiles .i. gelta*). В гэльском *luaim* получило значение ‘беспокойство, суетливость, чрезмерная подвижность’ [MacIannan, 1979: 214]. В среднеирландский период происходит более четкое семантическое разграничение глагольных основ *(fo)luam*- и *eitilt*-; так, в современном ирландском первый употребляется скорее по отношению к развевающемуся на ветру флагу, тогда как второй описывает полет как таковой. Таким образом, как можем мы предположить, в тексте, составленном уже в XII в., данный глагол скорее всего употреблялся в уже более позднем значении — «парить, порхать», а также — «мчаться, нестись, быстро двигаться», но даже если и составителем была использована лексема, почерпнутая в устной традиции, употреблялась им она, несомненно, в уже в значении более новом, отличающемся от собственно «летать», обозначаемом основой *eitilt*-.

На уровне уже не чисто вербальном, а сюжетном, мы также можем отметить, что в тексте саги отсутствует описание полета как такового: герой обычно виден и легко опознаваем с земли и сам он хорошо видит все, что происходит внизу. Более того, практически во всех эпизодах Суибне изображается относительно статичным — он, как правило, сидит на ветвях или на скале, а его «перелеты» лишь упоминаются в тексте, но происходят обычно где-то «за кадром». То же можно сказать и о монологах Суибне, в которых описываются его блуждания по Ирландии: в них обычно называются географические пункты, иногда — достаточно удаленные друг от друга, герой отмечает, что в течение краткого времени он переместился из одного в другой, но при этом не указывается, каким же способом ему удалось это сделать, включая сюда его «перелеты» из Ирландии в Шотландию и обратно.

Строго говоря, намек на обретение Суибне способности перемещаться по воздуху содержится только в прозаической части второго проклятия св. Ронана, в котором тот, буквально, говорит:

Guidhim-si an Coimde cumachtach, an **ccomhairde** dochúaidh crann an fhagha isin aer 7 a nellaibh nimhe co ndeachair-si anail gach n-ethaid [BS: 9] — «Прошу же я Господа всемогущего, чтобы **так же высоко**, как пошло древко этого копья в воздухе и облаках, чтобы пошел и он, подобный каждой птице».

Однако более внимательное прочтение данной фразы неизбежно выявляет содержащееся в ней противоречие: брошенное копье (как мы знаем из контекста, попавшее в грудь Ронана, который находился от Суибне достаточно близко) не летит где-то в облаках, как птица, но, скорее, быстро проносится на относительно небольшом расстоянии от земли. И, в общем, надо признать, что именно такая участь и постигла Суибне: он не столько летал в нашем понимании этого слова, сколько быстро проносился над землей.

Но означает ли все сказанное, что кроме постоянного пребывания на ветвях деревьев, поведение Суибне с точки зрения чистой пластики никак не отличалось от способов перемещения обычного человека, не выходящего за рамки быстрого бега или прыжков? Хотя в отдельных случаях перемещения героя, кроме уже отмеченной нами глагольной основы *foluam* могут обозначаться и лексемой *gíth*, означающей «бег», в целом его поведение выходит за рамки естественной двигательной активности обычного человека. Как отмечает в своем исследовании, посвященном преданию о Диком Человеке, П.О'Риан, «гейлт» в ирландской традиции «могут летать и/или совершать необычайные **прыжки**; перемещаются очень быстро; не знают отдыха и способны покрывать огромные расстояния» [Ó Riain, 1972: 183].

Говоря о возможной левитации безумцев, П.О'Риан также отмечает ее условный характер; как он пишет, «встает вопрос, где именно должна быть проведена разграничительная линия между прыжками и собственно левитацией. Я предполагаю, что эта линия — чисто академическая и что на самом деле мы сталкиваемся скорее со способностью совершать экстраординарные прыжки /.../, которая затем была интерпретирована как полет» [ibid., p. 197]. Аналогичным образом интерпретирует тему левитации в саге и Н.Чэдвик, которая в упоминании полета героя видит «фигуративное изображение, понятое буквально поздним шанахи (shanachie)» [Chadwick, 1942: 141].

Действительно, мы можем отметить, что в отличие от левитации, тема прыжков в саге выражена гораздо более четко, проводится достаточно последовательно как на уровне языковом, так и на уровне сюжетном, и встречается не только в *Безумии Суибне*, но и в *Битве при Маг Рат*. Так, при описании охватившего Суибне на поле сражения безумия, говорится, в частности, что он сделал «легкий прыжок» (leim luthmar) на верхушку щита находящегося рядом с ним воина, а затем — «другой прыжок» (in t-ath-leim) на его шлем, а потом «третий легкий прыжок» (tres leim luthmar) — на вершину, буквально, «победного дерева» (bile buada, в пер. О'Донована — sacred tree), которое росло посреди той долины [CMR: 235]. Тема прыжков фигурирует и в поэтическом монологе героя уже в *Безумии Суибне*, где описывается та же сцена: «Потом я прыгнул вверх // в воздух надо мной...»

Сходным образом изображается и второй переход героя в состояние безумия в эпизоде с козлиными и песьими головами:

... не имело значения для него, сколь широка была простиравшаяся перед ним долина, так как не касался он земли, но прыгал (nolingedh) с одной вершины на другую и с одного холма на другой [BS: 64].

Особую значимость тема прыжков обретает в эпизоде со старухой, тещей Лонгсеахана, приставленной, чтобы сторожить Суибне. Вместо этого она начинает просить героя продемонстрировать ей один из прыжков, которыми случалось прыгать ему, когда он безумным скитался по лесам. И именно это не только опять возвращает Суибне в прежнее состояние, но и делает «гейльт» саму старуху, которая пытается ему в этом подражать:

«Вижу, старуха, что хочешь ты повеселиться да послушать рассказ про мои беды и тяготы. Трудной была моя жизнь, и наверное не выжил бы я, если бы не научился прыгать так, что казалось, лечу я быстрее ветра да легче воздуха. Так и носился я по Ирландии, от холма к холму, от долины к долине». — «Во имя Господа, — сказала ему старуха, — покажи мне, как ты прыгал, когда был ты безумцем». Тогда Суибне прямо с порога, где стоял он, прыгнул вперед и перенесся через постель на другой конец комнаты. «Клянусь своим разумом, — воскликнула старуха, — да я и сама

могла бы прыгнуть не хуже, чем ты». И она прыгнула вслед за ним. Тогда Суибне опять прыгнул и оказался во дворе. «И мне под силу такой прыжок», — вскричала старуха и прыгнула вслед за ним [BS: 39].

Из всех приведенных нами примеров становится совершенно очевидным, что совершение экстраординарных прыжков не только характеризует особую пластику персонажа, находящегося в «состоянии гельт», но и маркирует **переход** от состояния нормы к состоянию безумия. Именно так интерпретирует тему прыжков и, шире, левитации и Дж.Надь. «Опыт левитации, — пишет он, — и прыгания не только уводит Суибне из рядов обычных людей, но и обуславливает происходящие в нем внутренние перемены» [Nagy 1996: 23].

Аналогичный мотив прыжка как особого типа ритуализованно-маркированной акции, совершаемой при переходе из одного состояния в другое, отмечается и в других текстах, в которых, условно говоря, в той или иной форме трактуется тема «гельт». Так, например, в саге *Битва при Вентри* (*Cath Finntraga*) рассказывается о короле Франции по имени Болькан, который во время битвы потерял рассудок, выронил из рук оружие и, прыгнув в воздух, унесся на запад от поля сражения в долину, которая затем приобрела его имя [Chadwick, 1942: 119]. Дальнейшее развитие этой же легенды демонстрирует стойкость темы прыжков как особой «переходной» акции. В более поздней повести о Мис, дочери «короля всего мира» по имени Дайре, который также принимал участие в битве при Вентри и погиб там, рассказывается о том, что узнав о гибели отца, она нашла его тело на поле сражения, стала пить кровь, сочившуюся из его ран, потеряла от этого рассудок и став гельт, также устремилась на запад от этого места к горе, которая приобрела после этого ее имя — «Гора Мис» (*Sliabh Mis*) [O'Cuiv 1954]. В более поздней поэме о ней же говорится, что она при этом совершила «прыжок через долину» — *leim máige* [Mac Cana 1955: 373]. Сходная тема прыжка как пересечения границы между состояниями встречается и в предании о Мор Муман (*Mór Muman*), женщине, на которой лежало заклятье выходить за пределы двора (*liss*), где она жила. Однажды она услышала с неба голос, убеждавший ее покинуть дом и нарушить заклятие, потеряла рассудок (лексема *geilt* при этом не употребляется, а утрата рассудка кодируется словом *fualang* 'смятение, смущение', которое также встречается в контексте предания о Суибне) и, перепрыгнув через крепостной вал, отправилась бродить по Ирландии (см. [Mac Cana 1955: 78—80]).

Однако следует обратить внимание на то, что тема прыжков в ирландской традиции далеко не ограничивается контекстом «гельт» как в широком, так и в узком смысле. Так, в указанной работе П.О'Риана отмечается, что способность совершать удивительные прыжки может характеризовать не только безумца-гельт, но и ирландского героя, как правило —

в момент **перехода** из одного состояния в другое. Так, в частности, он упоминает о знаменитом «прыжке лосося», при помощи которого Кухулин перелетает над «мостом срыва» и оказывается в жилище великанши-воительницы Скатах, где предстоит ему пройти воинское обучение, то есть получить новый статус. Аналогичные прыжки он совершает и со своей невестой Эмер, когда похищает ее из дома ее отца [O'Riain 1972: 198].

В саге *Болельнь Кухулина* также встречается небольшой фрагмент, входящий в «топос чудесного прыжка»: после того, как Кухулин решил отказаться от призрачной любовницы Фанд и вернуться к своей жене Эмер, он, как говорится в саге —

...сделал три великих прыжка вверх и столько же на восток, в сторону Луахайра. И долгое время после этого он жил, не принимая пищи и питья, в горах. Ночевал же он на дороге, ведущей в Мид-Лухайр. Эмер пошла к Конхобару в Эмайн-Маху и рассказала ему, что случилось с Кухулином. Тогда Конхобар послал певцов, ведунов и друидов за Кухулином, чтобы они взяли его и привели в Эмайн-Маху. Кухулин хотел сначала убить их. Но они запели перед ним волшебные песни свои, крепко держа его за руки и за ноги, пока не начал проясняться его ум... [Ирландские саги 1933: 200—201].

Но если мы предположим, что аналогом чисто пространственных перемещений в героических сагах в *Безумии Суибне* могут быть названы «перемещения» героя от нормального состояния к состоянию безумия и обратно, то, продолжив эту параллель, мы увидим, что подобно тому, как перемещение Кухулина в Иной мир (жилище Скатах), осмысляемое в *Сватовстве к Эмер* как чисто пространственное, в *Безумии* тема прыжков является своего рода кодом, маркирующим переход в «иномирное» состояние, располагающееся физически внутри того же географического пространства. Как пишет П.О'Риан, «ясно, что прыжки являются своего рода индикатором и представляют собой атрибут как безумца, так и неопита» [O'Riain 1972: 198]. *Болельнь Кухулина* с данной точки зрения может быть названа явлением переходным.

Тема прыжков в предании о Суибне, как можно предположить, соотносится и с аналогичной темой в Житии святого Молинга, с которым Суибне не только находился в дружеских отношениях, но и по мнению Дж.Карни, отчасти ассоциировался. Как известно, Молинг получил свое имя после того, как совершил «три прыжка паломничества и три прыжка безумия» (*tri cemennd, 'ступени', ailiuthre ocus a tri lemind báisi* [Stokes 1906: 270]), спасаясь от преследования Злого духа. После этого святой, которого до этого звали Тайрхелл, получил новое имя *mo-ling*, букв. «мое прыганье», как говорит нарекающий его священник — *dona léimnaibh ro liuis* — «из-за прыжков, которыми ты прыгал». Данные прыжки св. Молинга носят характер несомненно символический (особенно — в контексте обретения нового имени), и были в свое время сопоставлены А. и Б. Рисами с тремя прыжками Вишну, при помощи которых он по-

крыл весь мир [Rees 1961: 66—67]. Данная параллель, как было показано затем в небольшой работе о Суибне Безумном Д.Козна [Cohen 1977: 123], опиравшегося в своем исследовании на методику Ж.Дюмезиля [Dumezil 1968], может действительно показаться несколько натянутой. Более того, мы даже не уверены в том, что предание о Молинге и его прыжках и легенда о Суибне Безумном находятся в непосредственной сюжетной зависимости друг от друга, по крайней мере — в том, что касается этого мотива. Возможно, обе темы восходят к одному источнику и близки, таким образом, лишь генетически. Но признание их родства заставляет нас автоматически увидеть за этой темой в целом своеобразное осмысление одного из элементов инициальной практики, к чему почти вплотную подходит в своем исследовании и П.О'Риан.

Но если инициация символизирует собой временную смерть и последующее воскресение как *уход* в Иной мир, находящийся за пределами обжитого пространства, не будет ли в таком случае переход Суибне к состоянию «гельт» также символизировать что-то в роде его временной смерти? Подобное предположение, правда — не в столь открытой форме, уже высказывалось. Так, Дж.Надь видит в эпизоде со старухой, *прыгающей* вслед за Суибне, «традиционный концепт контакта с Иным миром, который постоянно присутствует в легенде о Суибне, как и во многих других средневековых ирландских текстах» [Nagy 1996: 22]. Справедливо видя в фигуре *saillech* представителя Иного мира, он называет Суибне «ее зеркальным отражением», что неизбежно должно вызвать аналогичную интерпретацию и образа самого героя. Но, как нам кажется, ассоциация Суибне с Иным миром далеко не ограничивается лишь введением в предание о нем темы *saillech* и уподоблением героя, лишь в рамках одного эпизода, этой бесспорно супернатуральной фигуре. Как было блестяще продемонстрировано в работе А.Партридж, посвященной сопоставлению образа «гельт» и фигуры традиционной ирландской плакальщицы [Partridge 1980], **все** поведение Суибне во многом повторяет поведение женщины, оплакивающей умершего и, отчасти, символизирующей собой смерть. Одно из значительных мест в данном сопоставлении занимает и тема прыжков. Так, она отмечает некоторое сходство трех прыжков, которые совершает Суибне в момент перехода в состояние безумия, с тремя прыжками, описанными в известной поэме XVIII в. *Плач по Арту О'Лери*, которая приписывается его вдове Эвелин Дов или которая, по крайней мере, написана от ее имени. Так, в поэме говорится, что к вдове Арта прибежала его лошадь, и когда она увидела на спине лошади «кровь его сердца», она:

Thugas léim do tairsigh,
An dara léim do geata,
An tríú léim ar do chapall.
[Caoineadh Airt Uí laoghair, 1963: 33]

Я сделала прыжок к порогу,
второй прыжок к воротам,
третий прыжок на твою лошадь.

Интересно, что в дальнейшем в поэме рассказывается о том, что Эвелин, найдя труп мужа, стала пить его кровь, сочившуюся из ран, что, с одной стороны, является отголоском архаического и достаточно универсального ритуала, но, с другой, уже в рамках традиции ирландской интерпретируется как знак перехода в иную форму существования: ср. предание о Мис, которая стала «гельт» после того, как пила кровь из ран убитого отца. Однако, отметим, в легенде о Суибне данная тема не представлена вообще, что, видимо, демонстрирует ее вторичность по отношению к «комплексу гельт».

А.Партридж отмечает тему трех прыжков и в ирландских пассионах Богоматери, что показывает стойкость данного мотива в контексте «плача по умершему». Так, она цитирует фрагмент поэмы, датируемой концом XVIII в., в которой говорится, что узнав о гибели Христа, его мать «первым прыжком прыгнула на головы солдат, вторым прыжком — к саду рая, а третьим прыжком — к дереву Страстей» [Partridge 1980: 33]. Как отмечает она далее, «мотив оплакивания Христа является интернациональным, однако ни на одном другом языке мы не встретим упоминания о способности Девы Марии совершать прыжки, что заставляет нас предположить, что мотив трех прыжков является характерной чертой именно ирландского *saoinéadh* (“плача”)».

Но означает ли сказанное, что тема прыжков была автоматически перенесена в предание о Суибне из традиционной погребальной обрядности? Конечно, нет. Как и в случае с прыжками Кухулина и других ирландских героев, при помощи которых они буквально переносятся из одного мира в другой, ритуальные прыжки, совершаемые ирландскими плакальщицами, восходят к некоему архетипу, комплексу представлений, связанных с образом внеземного существа (с которым плакальщицы, отчасти намеренно, стремятся себя ассоциировать). Интересно, что в качестве одного из значений древнеирландского *léim* ‘прыжок’ в Словаре ирландского языка отмечается «переход от жизни к смерти», ср. *iar n-ar léim* — «после нашей смерти»; *go bfuair Tadhg léim* — «пока Тайг не умер» (букв. «получил прыжок») и др. [CDIL-L: 87].

Итак, сама тема прыжков в *Безумии Суибне* и кодирующая ее лексема *léim* (ling-) являются маркерами перехода героя в состояние не-бытия, или, говоря проще — указывают на то, что он уже не является нормальным живым человеком, а осмысляется как представитель Иного мира. Ср. сказанные им сам о себе слова: Не прыгал я так, **когда был живым**. В контексте описания инициации героя (ср. «прыжок лосося» в уладских сагах) она маркирует особое состояние воина, манифестирующее его в качестве медиатора между мирами.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ирландские саги 1933:** Ирландские саги. Пер. и комм. А.А.Смирнова. М.-Л., 1933.
2. **Льюис, Педерсен 1954:** *Льюис Г., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
3. **Михайлова 1999:** *Михайлова Т.А.* Об ирландских «диговинах» в норвежском «Зерцале»: источники и параллели // *Скандинавские языки. Диахрония и синхрония.* М., 1999.
4. **BS:** *Buile Shuibhne.* Ed. J.G. O'Keeffe. — *Mediaeval and Modern Irish Series*, vol. 1, Dublin, 1913.
5. **Caoine Airt Ui Laoghaire 1963:** *Caoine Airt Ui Laoghaire*, ead. S. O'Tuama. *Baile Atha Cliath*, 1963.
6. **CDIL:** Contributions to a dictionary of the Irish language. Dublin, 1913—1975.
7. **Chadwick 1942:** *Chadwick N.K.* Geilt // *Scottish Gaelic Studies.* Vol. V, 1942.
8. **CMR:** *Cath Mag Rath* // FDG.
9. **Cohen 1977:** *Cohen D.* Suibhne Geilt // *Celtica*, Vol. XII, 1977.
10. **Dumezil 1968:** *Dumezil G.* Myth et épopée. Paris, 1968
11. **FDG 1842:** The Banquet of Dun na n-Gedh and the Battle of Magh Rath. An Ancient historical tale. Ed. with tr. J.O'Donovan. Dublin, 1842 (repr. 1995).
12. **Mac Cana 1955:** *Mac Cana Pr.* Aspects of the theme of king and goddess in Irish literature // *Etudes celtiques*, vol. VII, 1955.
13. **MacIennan 1979:** A Pronouncing and etymological dictionary of the Gaelic language, by M.MacIennan. Aberdeen, 1979 (1925).
14. **Nagy 1996:** *Nagy J.F.* A new introduction // *Buile Shuibhne.* London, 1996 (repr. Irish texts Society, vol. XII).
15. **O'Cuiv 1954:** *O'Cuiv Br.* (Ed.) The Romance of Mis and Dubh Ruis // *Celtica*, Vol. 2, 1954.
16. **O'Riain 1972:** *O'Riain P.* A Study og the Irish legend of the Wild Man // *Éigse*, vol.XIV, 1972.
17. **Partridge 1980:** *Partridge A.* Wild men and wailing women // *Éigse*, Vol. XVIII, 1980.
18. **Rees 1961:** *Rees A. and Rees B.* Celtic heritage. Ancient tradition in Ireland and Wales. London, 1961.
19. **Stokes 1906:** The Birth and life of St. Moling. Ed. W. Stokes // *Revue celtique.* Vol. XXVII, 1906.

РОДУ ПУТЕШЕСТВЕННОГО...
(О КОНЦЕПТЕ ПУТИ В РУССКИХ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ)*

Не есть нам земля отечество,
а мы есть странники на земле.
(из духовборского псалма)

Наверное, нет других культурных концептов, целиком сотканых из пространственных параметров и по смыслу так далеко от физического пространства отошедших, выражающих столь внешнее по отношению к человеку как существу телесному и столь внутреннее и необходимое для формирования и самовыражения его личности, как концепт пути. Измеряемый километрами и годами, мозолями на ногах и горькими заблуждениями в душе, *путь* не дробится на отдельные куски-значения пространственной дороги, путешествия и жизненного выбора, а плавно перетекает из одного в другое, то расчленяясь на параллельные тропинки-смыслы, то вновь соединяясь в одну дорогу жизни и судьбы.

В русских конфессиональных путях старообрядцев, молокан и духовборцев слились воедино пространственные перемещения и духовные искания. Представители русского народного протестантизма — молокане и духовборцы — не употребляют слово *судьба* не только по отношению к индивиду, но и к своему социуму в целом. Судьба религиозного сообщества называется *путем*. Путь предопределен свыше, это удел избранных.

Миграции — коллективные и индивидуальные — вначале были только вынужденными и обусловленными извне: массовые переселения по приказу правительства царской России старообрядцев в Сибирь, молокан и духовборцев в Закавказье были тяжким испытанием их физической и духовной стойкости. Однако со временем, осознавая как нечто неизбежное, миграции стали привычными, а для некоторых разновидностей этих конфессий превратились в имманентный конструктивный признак культуры, рождающий новые тексты и новые культурные концепты, определяющий поведение социума не наружными обстоятельствами, а миропониманием, выразившимся в одном из утверждений молокан: «Мы живем в мире, но не являемся его частью». Так считают, например, старообрядцы-бегуны, или странники, не желающие иметь никаких документальных подтверждений своего существования в антихристовом мире, а потому меняющие места своего пребывания; в самом же предельном варианте, как

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 97-06-80020.

и первые старообрядцы-самосожженцы, проповедующие в своих стихах уход из жизни.

Так же считают духовборцы, которые, как они вспоминают, за свою веру «в столбах сидели, мохом обрастали» и, отвергая многие «учреждения человеческие, которые протекают к затмению народа» [1, 109], такие, например, как священство, водное крещение, поклонение иконам и войны, вынуждены были после кровавой расправы в 1895 г. в большой своей части (около семи тысяч человек) эмигрировать в Канаду. Так считают и молокане-прыгуны, в целях сохранения своего «упования» не раз пересекавшие просторы Тихого океана.

Модель мира, в которой идея перемещения в пространстве понимается как средство сохранения культуры во времени, порождает особые концептуальные поля, в которых привычные нам слова переосмысливаются; в конфессиональных жанрах устной народной культуры концепт пути хранит и глубокое сходство с традиционными смыслами, и неизбежные изменения в частоте употребления и в значениях соответствующих слов, обусловленные особой моделью мира.

В «светских» традиционных фольклорных жанрах слова *путь* и *дорога* синонимичны, часто образуют сочетание *путь-дорога* (варианты: *путь-дорожка*, *путь-дороженька*), при этом *дорога* встречается в два раза чаще, чем *путь*, а *путь*, как правило, не употребляется отдельно от *дороги*. Эти два слова имеют три значения: 1) 'протяженность в пространстве, имеющая направленность и предназначенная для передвижения', 2) 'путешествие', 3) 'жизненный выбор/судьба'. Все три значения диффузны, причем первое, пространственное, значение является главным и присутствует своими разными параметрами, в первую очередь, эпитетами, во всех употреблениях рассматриваемых слов. Фольклорная *путь-дорога* вбирает в себя судьбоносные события в жизни человека и социума.

В жанрах религиозного фольклора пространственное значение *дороги* и особенно *пути* ослабевает, а значение 'жизненный выбор, судьба' становится главным.

Путь и *дорога* в коллективных текстах этих групп уже не образуют двандва, они встречаются в текстах отдельно друг от друга, и слово *путь* явно преобладает количественно. Эта тенденция, заметная в православных духовных стихах, особенно в старообрядческих, усиливается в текстах духовборских псалмов.

В силу того, что в состав духовборских псалмов вошли некоторые духовные стихи, а также многочисленные варианты апокрифа «Сон Богородицы», который во всей русской народной культуре был оберегом в дороге, слова *путь* и *дорога* в некоторых употреблениях связаны с типичным не для протестантизма, а для народного православия перечислением опасностей в дороге-путешествии:

Кто этот список будет знать или у себя в доме держать, — тому будет счастье в пути и в дороге, откор от скорби, от огня, от пожара, от человеческого слова [1, 257].

И тот человек в путь пойдет, сей сон с собой возьмет и того человека избавлю на пути от грома и молнии, от деревянного лома... И тот человек пойдет в путь, — и того человека избавлю на пути от порчи, от стрел летящих и ран кровавых [1, 269].

Однако главное значение слова *путь* — следование указаниям Господа, который *дает путь, наставляет* на него, и сам есть *путь*:

Придите, разумеите, люди мои, о пути моем [1, 196].

Держись пути Его; Он вознесет тебя, чтобы ты наследовал землю. Блаженные все бояися Господа, ходящие в путех Его [1, 203].

Истинный, святой, прямой путь спасения был, как говорят духоворцы, указан их предкам самим Христом, и этот путь отрицает православные атрибуты, прежде всего, иконы — «богов языческих»:

отворочу вас со путя беззаконного, от злых лживых богов языческих; наставлю вас на путь спасения своего [1, 122].

Путь духоворцев — путь гонений, странствий, страдания, лишений:

{В.} Что значит духоворческий общий крест?

{О.} Тесный путь, вольная скорбь, нищета и странничество [1, 124].

Однако человек слаб, и часто выбирает *не тесный* — *прямой, праведный* путь спасения, а *пространный* — *нечестивый, беззаконный* путь:

А я тесным путем шутся, во пространном пути творюся [1, 153].

В псалмах фольклорного стиля, посвященных посмертной судьбе, *путь* в общем образном ряду снова становится пространственным:

Нарядите меня, братья, в сарахвинушку, проводите меня, братья, во путинушку [1, 166].

Возмолились к нему чадушки, возмолились к нему милые: Господи! Господи! тяжело нам в твое царствие небесное войти: все пути твои заграждены, на путях стоят двери железные, врата медные [1, 157].

В духоворских толкованиях слов-концептов — толкованиях иносказательных, через другие слова, *путь* связывается и с пространственным перемещением, и с духовным воспитанием:

{В.} Что есть нога? — {О.} Нога есть путь.

{В.} Что есть путь? — {О.} Путь есть поучение [1, 35].

Слово *дорога* менее частотно, чем *путь*, но не менее значимо. И хотя в большинстве своих употреблений дорога пространственна:

...кто вступит в законный брак и сей сон с собой при себе иметь будет, то в дороге и на распутьях от злых людей сохранен будет [1, 263], в вопросно-ответном псалме, специально дороге посвященном, дорога представляет сплав пространственных и духовных путей:

{В.} По чему ты шел? — {О.} По дороге.

{В.} Что есть дорога? — {О.} Дорога есть дарование Духа Святого.

{В.} Что у дороги? — {О.} Сверток мысли человеческой. Аще не помыслишь, то и не свернешь.

{В.} Что есть свернуть с дороги? — {О.} Лукавыя мысли.

{В.} Что вперед тебя ведет? — {О.} Страх. Слово Божие.

{В.} На чем дорога лежит? — {О.} На земле [1, 46].

Заметим, что символ дороги есть и на духовборской шапке, а участие народной этимологии в толковании слова (ДАРога в акающем диалекте духовборцев есть ДАРование) говорит об особой значимости этого слова наряду с *путем* (ПУть — ПоУчение) [Никитина 1996], и о том, что идея пути как следования Божьему учению и как способа сохранения культуры, одновременно с идеей непривязанности к определенному месту и земным благам (*вольная нищета и странничество*) входит в культурную модель духовборского мира.

В словаре молоканских духовных песен [2] слово *путь* — одно из самых частотных (более 300 словоупотреблений на 76977 общего числа словоупотреблений). Кроме того, путь — основная тема многих текстов. Слово *дорога* встречается в десять раз реже.

И у пути, и у дороги значение жизненного выбора, жизненного ориентира, указанного Богом, является преобладающим. Путь избранного народа, которым являются молокане, — *истинный путь, путь правды и веры живой, прямой, Евангельский, путь свободы, путь спасения*. Этот путь *трудный, прискорбный, тесный, колкий*:

Кто на Бога уповает, / Тот счастливый человек...

Бог ведет его степенями, / Трудным колким Своим путем.

А путь колкий есть прискорбный, / За то Царская тропина,

По которой Царь прошел, / В вечное царство Он взошел [2, 176].

Особо отмечается в песнях путь молоканских борцов-страдальцев:

Ваш путь благородный вы честно прошли,

И в жертву святую себя принесли [2, 235].

В концептуальном поле пути, кроме дороги, тропины/тропинки, стези находится специфически молоканское слово-концепт *поход*. В отличие от дороги, тропинки или стези, поход не является синонимом пути; это особый, отмеченный отрезок пути, где пространственное и духовное движение причудливым способом соединены. Путь — судьба, общий жизненный ориентир, поход — событие. Семантика *пути* вбирает в себя общехристианские воззрения, во многом *пути* молоканские и духовборские совпадают, неслучайно и пересечение с православными духовными стихами. Семантика *похода* отражает именно молоканскую эсхатологию и молоканскую историю, в том числе, и этническую. Само слово *поход* заимствовано из языка казачества, которое активно участвовало в молоканском движе-

нии. Слово перестало обозначать поход военный, однако названия атрибутов похода — *знамя, труба, горнисты* — остаются в молоканских текстах:

Как горнисты запоют, / Войны все в поход пойдут [2, 107].

Концепт похода связан с библейским сюжетом Исхода Израиля из египетского плена, с одной стороны, и идеей тысячелетнего царства, с другой. Исход из мест притеснения в страну обетованную отражен во многих молоканских песнях. Молокане — милленаристы, они верят, что после конца света и второго пришествия Христа на земле на тысячу лет для избранных (праведных, исповедующих истинную веру) наступит царство Божие (подробнее [Никитина 1998]). Эта вера, основанная на ветхозаветной книге пророка Исайи и новозаветном Апокалипсисе, пронизывает все стороны молоканской жизни.

Слово *путь* в значении 'жизненный выбор', имеет валентность на конечную точку/цель: *путь к свету Господню, путь к вечной жизни, путь к истине, к покою*:

Радостно, радостно шествую в путь / В вечный покой, где могу отдохнуть [2, 92].

О, если бы я знал, что придет всему конец, / То я бы помышлял о душе своей день и ночь. / Направлял стопы свои на путь / Ко древу вечной жизни, где есть залог бессмертия [2, 476].

Семантика слова *поход* требует указания и на начальную, и на конечную точки, ибо поход есть исход ИЗ чего-то и приход ВО что-то. Однако формально такое указание может осуществляться в заполнении валентностей не самого слова, а стоящих рядом глаголов перемещения:

Не пора ль тебе, Сион, / Управлять себя в поход.

От ужасной сей грозы, / Хотящей скоро прийти,

От Северной сей страны, / Время тебе, Сион, выйти

В дальнюю Южную страну, / Людскую пустыню,

В Едемскую долину, / Где растут райские сады [2, 248].

Концепт похода возник у молокан вместе с институтом пророчества в середине XIX в. Именно молоканские пророки возвещали будущий Исход из мест проживания (из Закавказья, позднее из Ирана) в убежище — мирную дальнюю страну, которой оказалась Америка:

Господь Духом возвещал, / Верным поход обещал.

Своей могучею рукой, / Перевел нас в край мирной,

Через широкие долины, / И глубокие моря

В чужую дальнюю страну, / В незнакомые племена [2, 290].

Голос свыше нам открыл, / В поход иттить нас возбудил.

Путем похода выступали, / Нужды скорби встречали...

Злым колючим путем шли, / В мирную Америку пришли [2, 377].

Однако подавляющее число молоканских песен посвящено не походу в Америку или в какую-либо другую «земную» страну. Настоящее убежище для избранного народа Сиона — Тысячелетнее царство:

Жди ты солнечный восход, / управляй себя в поход;

Вождь давно уже готов, / Он нас ждет под свой покров [2, 257].

или

Дух святой нам говорить, / В путь похода нам иттить.

Господь Духом возвещает, / Царство вечное обещает [2, 252].

Словосочетание *путь похода* входит в ряд *путь веры*, *путь спасения*, *путь истины* и указывает на поход как на смысл, содержание пути.

И поход, и путь — направленное, целеустремленное движение. И в поход, и в путь *идут*, *отправляются*. Однако у слова *поход* есть несколько явных отличий в сочетаемости по сравнению со словом *путь*. Так, *путь выбирают*, и он имеет много разных характеристик, поэтому у слова *путь* множество эпитетов, а слово *поход* практически не имеет эпитетов за исключением двух: поход бывает *истинный* или *ложный*, поскольку поход может быть не только по призыву Святого Духа, но и по ложному пророчеству. В поход *идут* или *остаются* в мире «у антихриста в зубах». На путь надо *вступать*, не него можно *направить*, на пути можно *твердо стоять*; в походе же можно только *идти*, но его надо *ожидать* и к нему нужно *готовиться*.

Подготовка к походу — это соби́рание Сиона — избранного народа: поход, в отличие от пути, всегда коллективен. Подготовка к нему прежде всего нравственная, символически воплощенная в белых ризах:

В белые ризы наряжайтесь, / Верные в поход управляйтесь [2, 81].

В белые ризы наряжайтесь. И к походу быть готовыми, дабы припятствий не было; оказаться обновленными, чтобы не стыдно нам было [2, 369].

Поход объявляется пророками, они — глас Божий:

Глас Божий к избранным людям!

Иттить, иттить им всем в поход [2, 229].

Начало похода всегда возвещает глас — либо пророка, либо Трубы; в последнем соединились идея трубного гласа, возвещающего конец света, и воспоминание о походных военных трубах.

Вот скоро в трубы вострубят, / Готовых в поход возбудят [2, 6].

Поход всегда нацелен в будущее, для описания похода характерна модальность призыва в форме императива или будущее время:

Знамя Божие поднимайте, / Выступайте вы в поход [2, 94].

Когда солнце закатится, / Сион в поход устремится;

Как светлая звезда взойдет, / Так Сион весь в поход пойдет [2, 30].

В поход идут всегда с песней: это опять реминисценция казачьего военного похода и в то же время — воплощение молоканской веры, названной одним американским молоканином «singing religion», ибо пение, соединяющее человека и Бога, занимает в молоканской жизни огромное место.

Поход в реальной жизни — очередная миграция, поход в жизни духовной — приготовление к тысячелетнему царству. Так в этом молоканском слове-концепте продолжается связь пространства и духа, заданная словами *дорога* и *путь*.

ЛИТЕРАТУРА

Никитина С.Е. Паронимическая аттракция или народная этимология? // Язык как творчество: К 70-летию В.П.Григорьева. М., 1996.

Никитина С.Е. Сотворение мира и концепт Исхода/похода в культуре молокан-прыгунов // От Бытия к Исходу. Сборник статей. М., 1998.

ИСТОЧНИКИ

1. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. В.Д. Бонч-Бруевича, вып. 2. Животная книга духоборцев. Виннипег, Канада, 1954.
2. Сионский песенник столетнего периода Христианской религии Молокан Духовных Прыгунов в Америке. Лос-Анжелес, Калифорния, 1964.

Г. М. Яворская

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ДВИЖЕНИИ (К ОПИСАНИЮ ЭТНОЦЕНТРИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ)

Предметом рассмотрения в данной статье являются характеристики двигательной сферы человека в том виде, как они отражены в семантике некоторых прилагательных украинского языка. В качестве исходного было принято положение о том, что этнические стереотипы, включая в себя «портретные характеристики», содержат также и представления об особенностях моторики как существенной составляющей внешнего вида человека. Принимая во внимание, что стереотипизируются не только представления о «чужих», но и о «своих», мы сосредоточились в данном случае на втором аспекте, обозначив его как область этноцентрических стереотипов.

Поскольку термин «моторика» не принадлежит к числу слишком распространенных, мы хотели бы предварить наше изложение несколькими замечаниями о его энциклопедическом содержании, чтобы обозначить тот референциальный фон, на котором вырисовываются очертания идиоэтнической языковой концептуализации. В медицинско-биологическом смысле мышечная активность, определяющая характер человеческих движений, представляет собой крайне сложное явление, в котором переплетаются анатомические, нейрофизиологические и психические факторы. При этом моторика человека, то, что называют *манерой двигаться*, предстает в виде некоего целостного образа, она проявляется в виде общего впечатления, которое с трудом раскладывается на отдельные признаки. Специалисты пользуются такими характеристиками моторики, как быстрота движений, их энергия, ассоциированность (плавность), ритмичность, автоматизированность (заученность) и т.п. Но эти признаки даже антропологам и медикам довольно трудно объективно определить, и, тем более, измерить. Не случайно именно клинические оценки моторики считаются наиболее содержательными. При таком подходе мышечная активность оценивается путем непосредственного наблюдения в совокупности с другими физическими характеристиками человека, формирующими его внешний облик, в первую очередь конституциональными (см., напр.: [6, 72—73]). Живое человеческое тело дано нам в постоянном движении, манера двигаться — это манера улыбаться и манера жестиковать, манера ходить и манера говорить.

Слово *манера* употреблено и повторяется тут не случайно. Оно свидетельствует еще об одном существенном содержательном признаке в понятии моторики — это соотношение в ней индивидуального и социального и, далее, — естественного и конвенционального. С одной стороны, целостный об-

раз двигательной сферы — это образ индивидуализированный. Если жест всегда социален, то моторика воспринимается как нечто индивидуальное и естественное. Однако «естественный» характер моторики при ближайшем рассмотрении обнаруживает явные социально-семиотические, то есть обусловленные культурой черты¹. Действительно, существуют представления о *походке королевы* и о *походке моряка*²; *размахивать руками* считается неприличным; когда ребенка *одергивают*, *призывают к порядку*, то есть формулируют некую социальную норму, то наряду с *замолчи!* чаще всего можно услышать: *не вертись!* и *стой (сиди) спокойно!*, а призывая двигаться в более быстром темпе при выполнении какой-то работы или задания, часто говорят *шевелись!* или *не спи на ходу!* и т.п. Все эти «воспитательные» формулы регулируют именно область моторики.

Возвращаясь от биологии и социальной семиотики к языку, следует отметить, что лингвистические характеристики двигательной сферы (напр. *резвый, проворный, медлительный*) вместе с указаниями на детали внешнего вида (*белокурый, черноглазый*), возрастные характеристики, признаки телосложения (*худой, толстый, высокий, низкий*) и т.п. формируют физический аспект языкового представления человеческой личности. Личность человека в языке представлена прежде всего как физическая, психическая и социальная [2, 55]. Согласно пристальным семантическим исследованиям последнего десятилетия, эти три сферы связаны как в реальной действительности, так и в ее языковой концептуализации. Например, эмоции как психический феномен неотделимы от физиологических реакций, та же связь фиксируется и на лингвистическом уровне [1], хотя и достаточно сложным, зависящим от специфики конкретных языков образом. Точно так же телесно-физические характеристики человека обнаруживают связь с социальными признаками (*толстый — сытый*), с признаками темперамента — *черноглазый — «страстный»* (ср. *горячий черноглазый юноша*, но не **дряхлый черноглазый старик*; *живые, блестящие черные глаза*, но не **мутные, сонные черные глаза*). В этом смысле обозначения особенностей моторики связаны как с названиями других физических признаков, в первую очередь, телосложения [12], так и с характеристиками темперамента, интеллекта, настроения и пр. Так, *вертлявый человек* обязательно мыслится как худощавый, *юркий* не может быть толстым и высоким (что связано с семантикой глагола *юркнуть*), *резвый* — этот тот, кто одновременно весел: *резвый смеющийся ребенок*, но не **резвый плачущий ребенок* (в отличие от, напр., *проворный*, который может быть и мрачным) и т.п.

¹ Показательно, что даже такой безусловно социальный концепт, как *поведение* (ср. также *вести себя*), отсылает в конечном итоге к движению и позе, как слепку с движения — *держат себя*.

² Ср. у О.Мандельштама: «...человеческая походка, или поступь [как начало всех поступков], как самый сложный вид движения, регулируемый сознанием» [7, 160].

Известно, что характеристики внешности во многом находятся под влиянием определенных культурных конвенций. Так, голубые глаза и светлые (рыжие) волосы в арабской культуре — признак дьявола [11, 93]. Черт в русской культуре тоже обладает определенными внешними признаками. Как замечает в эссе о Гоголе В. Набоков [8, 253—254], «до сих пор еще не составлено научное описание разновидностей черта, нет географии его расселения; здесь можно было бы лишь кратко перечислить русские породы. Недоразвитая, вихляющая ипостась нечистого, с которой в основном общался Гоголь — это, для всякого порядочного русского, тщедушный инородец, трясущийся, хилый бесенок с жабьей кровью, на тощих немецких, польских и французских ножках, рыскающий мелкий подлец, невыразимо гаденький». И чуть ниже: «...хилые конечности и бегающие глазки мелкого жулика (раз тщедушный — наверняка жулик) невыносимо раздражали Гоголя из-за сходства с чортом», «...мягкая вертлявость бедного животного [кошки] вызывала у него тошноту». Отметим здесь особенности сложения (*тщедушный, хилый, на тощих ножках*) и моторики нечистого, в частности, походки (*вихляющий, мягкая вертлявость, рыскающий*), а также его инородческую природу. Эти примеры иллюстрируют связь характеристик внешности, в том числе, признаков моторики, с определенными этническими стереотипами, бытующими в той или иной культуре. Впрочем, этот момент более или менее явно выражен и на уровне обыденных представлений о том, что англичане сдержанны и степенны, итальянцы постоянно жестикулируют, эстонцы не только двигаются, но и говорят очень медленно, и т.д., и т.п.³

Однако в языковой картине мира последовательно отражаются не столько внешние признаки «чужих», сколько представления о себе, иными словами этноцентрические стереотипы, зафиксированные в семантике соответствующих лексем. В украинском языке имеется ряд прилагательных, содержащих обобщенную характеристику моторики человека, а именно *моторний, проворний, меткий*. В Словаре синонимов украинского языка эти прилагательные приводятся под словом *швидкий*² 'скорый, быстрый' (о людях, животных, средствах передвижения и т.п. — тот, кто быстро бежит, летит, плывет, идет, способен это делать). По отношению к прилагательным *моторний, проворний, меткий* слово *швидкий* 'быстрый' выступает не как доминанта, а как гипероним, при этом общее для слов приведенного ряда значение формулируется как «тот, кто быстро и охотно делает что-либо» [10].

³ Взгляд на представителя другого этноса, «чужого», весьма редко бывает доброжелательным, а связь между немцем (говорящим «не по-нашему») и чертом, вообще, очевидно, относится к культурным константам.

Данные прилагательные отсылают к целостной картине двигательной сферы. Подобные целостные визуальные характеристики моторики в различных языках концептуализируются и оцениваются по-разному. В украинском языке, например, нет хоть сколько-нибудь полного лексического соответствия русскому *резвый* (в значении, характеризующем моторику, движения — *резвая девчушка*, а не перемещение в пространстве [9, 132]), а в русском языке отсутствуют прямые соответствия укр. *моторний* и *меткий*. Собственно уже тот факт, что в близкородственных языках эта сфера описывается преимущественно различными по происхождению словами, может расцениваться как показатель, во-первых, относительно позднего формирования такого рода понятий и, во-вторых, как свидетельство их связи с конкретной этнокультурной почвой.

Признаки моторики в самом общем виде оцениваются по темпу, а именно по градуальной шкале, задаваемой оппозицией 'быстрый' — 'медленный' относительно некоторого нулевого ('ни быстрый' — 'ни медленный') состояния. Однако в украинском языке скорость (быстрота) движений в такого рода прилагательных представлена не столько как количественный, сколько как качественный признак. Это означает, что в данном случае нормальным считается не нейтральный ('ни быстрый' — 'ни медленный'), а убыстренный темп движений, подобно тому как в паре *хороший* — *плохой* норма совпадает с прилагательным *хороший* (ср. [13]). Если в русском языке наряду с таким обозначением, как *резвый* (с положительной оценкой быстроты движений и реакции), существует, напр., прилагательное *величавый*, в котором положительно оценивается плавность и медлительность движений, то в украинском языке подобные лексемы среди специальных обозначений моторики человека отсутствуют. Так, для русск. *величавый* в переводных словарях приводятся соответствия *величкий* (то есть 'величественный', в котором подчеркивается статуарность и отсутствует динамика) и *пишний* — величественный, горделивый и несколько чванливый, заносчивый (от *пиха* — 'гордость, чванство'). Ср.: «Ніде немає таких дівчат красивих, моторних, жартовливих, не пишних, як на Гончарівці» (Квитка-Основьяненко).

Вообще обращает на себя внимание тот факт, что в украинском языке семантика медлительности, замедленности двигательных реакций (с отрицательной оценкой) концептуализируется преимущественно с помощью экспрессивных субстантивов, число которых достаточно велико, напр. *вайло*, *незграба*, *тюхтій*, *вахлак*, *вахлай*, *маруда*, *макуха*, *мацапура* и т.п. А соответствующие прилагательные (*незграбний*, *вайлуватий*, *тюхтюватий*) образуются как производные от них. Напротив, прилагательные со значением быстроты и ловкости движений образованы непосредственно от глаголов: *моторний* — от *моторити* 'делать, работать, действовать'

(этимологически неясное, возможно, от *мотати*, *метати* [5, 523]), *меткий* — ‘шустрый, проворный, ловкий, живой, скорый, бойкий’ [3, 420] от *метати*, *проворний* от *проворити* ‘делать, работать спешно, ловко добывать’.

Особенности семантики прилагательных рассматриваемого ряда раскрываются в их сопоставлении. Все они характеризуют способность человека двигаться энергично и быстро, то есть акцентируют некую потенцию, а не актуальное движение. В наибольшей степени этот семантический признак, то есть указание на общее свойство человека, выражен в значении слова *моторний*. Это проявляется, в частности, в его практически неограниченной сочетаемости с названиями лиц (*моторний хлопець*, *моторна дівчина*, *моторна молодиця*, *моторна Катря*, *моторна господиня*, *моторна в'язальниця*; «Пан Демид Пампушка голомозий... *моторний товстун*» (О.Ильченко)), и в невозможности употребляться с названиями отдельных частей тела: **моторні руки*, **моторні ноги*, в то время как другие прилагательные этого ряда допускают и такое употребление: *меткі руки*, *проворні руки*, *проворні ноги*, но в таких случаях признак актуализируется. Кроме того, *моторний* мыслится как постоянное свойство человека, не зависящее от каких бы то ни было внешних обстоятельств, подобно признакам телосложения. Это прилагательное не допускает при себе наречий с временным значением, даже таких, как *завжди* ‘всегда’. Так, с трудом можно представить себя сочетание ??*він завжди моторний*, так же как нельзя сказать **він завжди високий* или **він завжди товстий*, в то время как прилагательное *проворний* в принципе допускает подобное употребление: «*Він завжди такий проворний*, а сьогодні нічого не виходить — все з рук випада». В этом отношении укр. *моторний* отличается от русск. диал. *моторный*, по крайней мере судя по примеру, который приводит Даль (где локальная ограниченность проявления признака предполагает и временную ограниченность): В людях-то *моторен*, да дома каков? (*влад.*) [4, 358].

В связи с этим представляет интерес образование степеней сравнения у рассматриваемых слов. Так, все они допускают синтетическую сравнительную степень, то есть градацию качества. Но для прилагательного *моторний* характерно одно существенное ограничение — по степени проявления данного признака могут сравниваться разные лица, а не один и тот же человек. Ср.: «Хазяїн усе найбільш Денисові наказує, чим Трохимові, бо той понятливіший і *моторніший*» (Квитка-Основьяненко). В то же время свойства *проворний* и *меткий* могут быть представлены в разной степени у одного и того же лица в зависимости от времени и обстоятельств.

Следует отметить, что слова *меткий* и *проворний*, в отличие от *моторний*, кроме общей характеристики движений могут указывать и на пе-

редвижение в пространстве. При этом человек, если он *проворный*, перемещается таким образом, что всюду поспевает: «Була Меланка *молодиця проворна*: не було того весілля, де б вона не була свашкою; на масниці волочити колодку — вона перша приводниця» (Квитка-Основьяненко). Отсюда остается лишь один шаг до того, что по-русски называется *проворливый*, поэтому качество *проворный* (в отличие от *моторный* и *меткий*) может оцениваться как позитивно, так и негативно. Ср.: «Венера, не послідня шльоха, Проворна, враг її не взяв» (И.Котляревский). Кстати, для укр. *проворный* отмечается также значение «склонный к чему-либо, падкий», часто с отрицательными коннотациями (в синтаксических конструкциях с предлогами *на* и *до*): «Еней був парубок моторний І хлопець хоть куди козак, Удався на всеє зле проворний» (И.Котляревский). «А до хлопців не бійсь, проворна, — зло увернув він» (П.Мирный). Существенно, что здесь двигательная характеристика оказывается основанием для переносных значений с этической оценкой.

Что же касается *меткий*, то оно часто указывает на способность перемещаться настолько стремительно, что сторонний наблюдатель не в состоянии фиксировать фазы движения и у него возникает ощущение мелькания или промелька. *Меткий* объект исчезает из виду легко и незаметно и так же быстро появляется. Кстати, из всех рассматриваемых слов *меткий* наиболее свободно сочетается с названиями не только лиц и частей тела, но и вообще живых существ и даже явлений природы: «З бронепоезда побачили *метких вершників* трохи запізно» (Ю.Яновский); «Іван — маленький і *меткий*, мов позолочений дубовий листочок, підхоплений вітром» (П.Колесник); «І несподівано бринить.. голос меткої безжурної синиці» (М.Рильський). Представляют интерес также сравнительные обороты с *меткий*, употребляющиеся для характеристики человека: *мов блискавка*, *метка*; *метка, мов козеня* (то есть легкая, проворная, как козочка). Существенно, что *меткий* относительно человека употребляется в случае, если он «легкий» — то есть небольшого роста, худощавый. (Ср. русск. *юркий*, *шустрый* практически с тем же набором сигнификативных признаков, но с отрицательной оценкой.)

Следует отметить, что сочетаемость рассматриваемых прилагательных с названиями животных представляет отдельный интерес. К примеру, *проворный* в подобных сочетаниях практически не встречается. Характерно, что русское *проворный* в таких случаях передается украинским *меткий*: «З нори вибіг *меткий* і спритний *песець*» (Т.Семушкин) (в русском оригинале — *проворный ... пещец*).

Но наибольший интерес для нас представляют те употребления, где признаки моторики выступают в неразрывной связи с чертами характера, нрава и темперамента. Эта связь отчетливее всего обнаруживается в прилагательном *моторный* — ведь данное слово, кроме всего прочего, в наи-

большей степени выражает постоянный, устойчивый признак. У современного носителя украинского языка слово *моторний* вызывает стойкие текстовые ассоциации с первой строчкой хрестоматийного произведения украинской литературы — «Энеиды» И. Котляревского: «Еней був парубок моторний і хлопець хоть куди козак». По сути здесь мы имеем дело со «сжатием сюжета». Семантическая и аксиологическая модель употребления этого слова, заложенная в данном произведении, в определенной мере действует до настоящего времени. Если попытаться определить ведущий семантический компонент в значении данного прилагательного, то это, очевидно будет способность и готовность действовать, связанная не столько с мышечной силой, сколько с особенностями темперамента.

Слово *моторний* во всех случаях имеет ярко выраженную позитивную окраску. Человек, которого в украинском языке называют *моторний*, всегда полон жизни, хотя это отнюдь не *bon vivant*. Для него характерна открытость одновременно и жизненным впечатлениям и жизненным задачам, с которыми он активно и целенаправленно справляется. При этом характер таких задач варьируется в зависимости от определенных социальных и культурных моделей поведения. Так, если «моторность» козака (*моторний козак*) проявляется в том, что он пьет, гуляет и воюет (и все это делает хорошо), то *моторна дівчина* (*молодиця*), так же как *моторний сільський хлопець* (т.е. крестьянин, а не воин) реализуют это свойство в основном в трудовой деятельности (ср. с одной стороны, русск. *резвый* и его связь с игрой, а с другой стороны, прагматичное, но безнадежно прозаическое *расторопный*). Животным признак *моторний* приписывается исключительно редко, но характерно, что и в этих случаях речь может идти лишь о таких «трудолюбивых» созданиях, как белочки и пчелы (*моторні білочки, моторні бджоли*).

Свойство «моторний» сопровождается признаком внешней привлекательности, красоты. В диалектах для *моторний* отмечается значение «красивый» [5, 523]. Не случайно оно часто выступает рядом с позитивными портретными характеристиками и указаниями на аккуратность и даже некоторую шеголеватость внешнего облика («...вона не яка-небудь пустовійка, *дівчина роботяща, моторна, чепурна*» (О. Гончар)). Если характеристику *моторний* применяют к молодому человеку или женщине (девушке), а такие употребления преобладают, то очень часто это коннотирует сексуальную привлекательность. Напр., в ритуализованных контекстах, в ситуации сватовства: «...знов примощується мати Чайченка добрити: а моторний, а розумний, а славний!» (М. Вовчок). Следует отметить также некоторую демонстративность и вообще момент выставления этого свойства напоказ: «По дорозі жук жук, по дорозі чорний, Подивися, дівчинонько, який я моторний» (Номис).

Таким образом, семантика и коннотации рассмотренных прилагательных обнаруживают достаточно определенную связь с иерархией социальных ценностей, где во главу угла поставлено отношение к трудовой деятельности, и рисуют изнутри культуры некий «положительный образ», или стереотип, ее представителя/представительницы. Доминантой этого образа является ощущение полноты жизни — не даром в украинской номенклатуре разновидностей музыкальных темпов наречие *моторно* используется как соответствие для *vivo vivace*. Излишне напоминать, что речь идет не о реальности, а только о ее лингвистической картине.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания, 1993, № 3.
2. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М., 1978.
3. *Грінченко Б.* Словарь української мови. К., 1958, т. 2.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 2.
5. *Етимологічний словник української мови.* К., 1989, т. 3.
6. *Клиорин А.И., Чтецов В.П.* Биологические проблемы учения о конституциях человека. Л., 1979.
7. *Мандельштам О.* Слово и культура. М., 1987.
8. *Набоков В.* Романы. Рассказы. Эссе. СПб., 1993.
9. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.
10. Словник синонімів української мови. К., т. 2 [в печати].
11. *Стеткевич Я.* Народ Самуд в класичній арабській поезії // Східний світ, 1994, № 1/2.
12. *Яворская Г.М.* Лексико-семантическая типология в синхронии и диахронии. К., 1992.
13. *Bierwisch M.* Some semantic universals of German Adjectives // Foundation of Language, № 3, 1967.

Анна А. Зализняк

МЕТАФОРА ДВИЖЕНИЯ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Как неоднократно отмечалось (в частности [2, 95]; [13, 319]), ненаблюдаемый внутренний мир моделируется языком по образцу наблюдаемого внешнего, материального мира. Основным механизмом построения концептов этого ненаблюдаемого мира является метафора, а ядро «материальной» лексики, служащей основой для метафорического переноса, составляют производные от глаголов, в своем основном значении описывающих движение или расположение в пространстве, ср.: *предположение, представление, вывод, довод, предпосылка, состояние; полагать, надлежать, находить* <что...>, *исходить* <из чего-то> и т.п. Метафорическому переносу в ментальную сферу подвергаются также некоторые «простые» физические действия, ср. внутреннюю форму таких слов, как *содержание, выражение, образ* (от глагола *разить* 'ударять'), *впечатление* и т.п. Оставшаяся часть лексики интеллектуальной сферы обеспечивается неметафорическими средствами — корнями со значениями: 'знать' (*знать, ведать*), 'иметь мнение' (*думать, мнить, судить, гадать, сомневаться*), 'говорить' (*отрицать, противоречить, соответствовать*), 'видеть' (*рассматривать, взгляды, воззрения, точка зрения* — ср. [4]). Заметим, что все перечисленные значения попадают в список семантических примитивов А.Вежицкой в одной из его последних версий (см., напр. [14]).

В настоящей работе будет рассмотрен один небольшой фрагмент лексики, метафорически изображающей ненаблюдаемый нематериальный мир, а именно, значения, относящиеся к сфере интеллектуальной деятельности человека, возникшие на основе глаголов движения, типа: *исходить* <из чего-то>, *находить* <что кто-то говорит вздор> *предполагать*; *выходит* <что ты был прав> и т.п.

Мыслительная деятельность представлена языком как процесс (ср. *процесс мышления, ход мысли*), т.е. изначально концептуализуется при помощи метафоры движения, заключенной в самом слове *процесс* — от лат. *pro-cedo* 'идти вперед'. В [3, 165] различаются три «трассы» движения

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 98-06-80111 и РГНФ, грант № 98-04-06214.

мысли, которым соответствуют три основных значения существительного *мысль*: 1) из мирового пространства к голове человека (*мысль пришла мне в голову, пронеслась в голове*)²; 2) от человека к предмету его размышлений (эта трасса отведена для *мыслей* во множ. числе: *все его мысли были устремлены на науку*); 3) к цели мыслительной деятельности. Только последняя трасса представляет собой именно «ход мысли»: от постановки задачи к ее решению, от посылки к заключению и т.д., то есть собственно внутреннюю логику развития мысли³. Действительно, метафора *пути* является, по-видимому, наиболее детально разработанной языком для представления процесса мышления.

Глаголы движения участвуют в описании внутренних состояний человека двояким образом. С одной стороны, они входят в состав более или менее фразеологически связанных сочетаний, метафорически представляющих мыслительный процесс или состояние: *мысль пришла в голову, мелькнула, пронеслась в голове; зашел ум за разум; сойти с ума* и т.п. В таких глагольно-именных сочетаниях часто фигурирует существительное, обозначающее ментальное состояние или его «продукт»: *прийти к мнению/заключению, впасть в заблуждение, предаваться размышлениям, погрузиться в раздумье, взять в толк, прийти в недоумение, принять к сведению/во внимание, довести до чьего-то сведения/сознания* и т.п. Трудно сказать, употреблен ли здесь глагол движения в прямом, кинетическом⁴, или в переносном, ментальном, значении (точнее, здесь возможны различные лексикографические решения).

С другой стороны, глаголы движения могут сами иметь переносное значение, соотносимое с ментальной сферой: *я нахожу этот план нереалистичным; из этого следует, что я был прав; везет же людям* и т.п.

Предметом рассмотрения в настоящей статье является только последний класс случаев — хотя между этими двумя классами нет четкой границы, поскольку переносные значения обычно возникают именно из таких фразеологически связанных значений, распространяясь за пределы вызвавшего их к жизни контекста. То есть мы включаем в рассмотрение, например, глагол *дойти* в выражении *до меня дошло* и т.п. и не включаем — в выражении *дойти до сути*.

² Ср. также итал. *mi è piovuta nella testa una idea*, букв. ‘мне пролилась дождем в голову идея’.

³ Материал о сочетаемости слова *мысль* с глаголами движения см. в [12]; [8].

⁴ Возвращаясь к исходному значению греческих слов, в качестве прилагательного от слова *движение* мы будем использовать термин *кинетический*, оставив термин *динамический* (исходно — от существительного со значением ‘сила’) для обозначения соответствующей категории семантической классификации предикатов.

Среди переносных значений ментальной сферы, возникших на базе глаголов движения⁵, следует различать две основные группы — в соответствии с той ролью в актантной структуре данного предиката, которая отведена субъекту ментальной установки. Первую группу составляют предикаты, где субъект занимает позицию подлежащего (*избегать* <чего>, *склоняться* <к чему-то>, *полагать* <что>, *исходить* <из чего-то>; *возводить* <что-то к чему-то> и т.п.); такие глаголы описывают результаты ментальных операций, производимых человеком над каким-то объектом, а также различные внутренние состояния человека (*разойтись* = 'прийти в возбужденное состояние', *заблуждаться* и т.п.). К ней примыкает небольшая группа глаголов с субъектом в дательном падеже (*мне пришлось* <что-то сделать>).

Другую группу составляют предикаты, описывающие разного рода «идеальные» (логические, причинные, генетические, деонтические и др.) отношения между объектами, и при этом потенциальный субъект, устанавливающий эти логические отношения, не выражен (для него вообще не предусмотрено место в актантной структуре этих предикатов), ср.: *походить* (= 'быть похожим'), *восходить* <к 14 веку>, *выходит* <что ты был прав>; *идти* <кому-то> (Платье тебе *идет*), *следует* <из чего-то что-то> или <кому-то что-то сделать> и т.п. Эти значения находятся, безусловно, на периферии ментальной сферы и относятся к ней в той мере, в какой описываемые отношения являются производными от интеллектуальной деятельности этого невыраженного субъекта.

Интересующее нас переносное значение везде основано на метафоре перемещения в пространстве, но в первом случае она применяется к субъекту ментального состояния, а во втором — к его объекту (то есть в первом случае «движется» субъект, во втором — объект).

Здесь имеется, кроме того, один достаточно тонкий момент, касающийся аспектологии, без упоминания которого, однако, дальнейшее изложение невозможно. Сами глаголы *идти* и *ходить* (как и другие аналогичные пары) относятся оба к несов. виду. Что же касается приставочных образований, то все приставочные глаголы с основой *-идти* (*-йти*) относятся к сов. виду, в то время как глаголы с основой *-ходить* могут быть как сов., так и несов. вида — поскольку у этого глагола (как еще у нескольких других глаголов движения, хотя и не у всех) основа вторичного имперфектива глагола определенного движения совпадает с соответствующим глаголом неопределенного движения; тем самым глагол типа *заходить* представляет собой пару омонимов, один из которых является вторичным имперфективом к *зайти*, то есть является глаголом несов. вида, а другой образован присоединением приставки к основе глагола неопределенного движения

⁵ Имеются в виду в том числе приставочные глаголы, которые не имеют кинетического значения (как, например, глаголы НСВ *находить* или *походить*).

(*за + ходить*) и относится, как и все глаголы, созданные путем префиксации, к сов. виду; между такими омонимами обычно имеется также существенное семантическое расхождение; см. подробнее [9, 77—84]. Ясное понимание этого аспекта словообразовательной семантики приставочных глаголов движения в прямом значении необходимо для правильного восстановления путей их семантической деривации.

Далее. Всякий приставочный глагол движения, взятый в определенном значении, является либо парным глаголом, либо непарным глаголом НСВ, либо непарным глаголом СВ (к последней категории относятся, в частности, глаголы неопределенного движения с приставкой *за-* и глаголы определенного движения с приставкой *по-*; вообще категория глаголов *perfectiva tantum* менее отчетлива, так как отсутствие имперфективного коррелята у русского глагола не является системным обстоятельством и в принципе может преодолевать). Видовая парность устанавливается согласно критерию Маслова, т.е. на основании наличия у глагола несом. вида событийного значения (так называемого «тривиального» значения, совпадающего со значением соответствующего глагола сов. вида). Здесь, однако, имеется следующая трудность.

Глаголы движения несом. вида, обозначающие ментальные состояния, входят в более обширный класс стативных значений глаголов движения несом. вида — таких, как *входить* <в состав чего-то>; *доходить* <до стены>; *касаться*, *упираться* и многие другие; см. статью Е.В.Падучевой в наст. кн. Многие такие глаголы связаны регулярным морфологическим отношением с глаголом сов. вида и одновременно обнаруживают с ним существенную семантическую близость — но видовой пары не образуют, например: *относиться* — *отнестись* <к чему-то как-то>; *уважать* — *уважить*, *умолять* — *умолить*. Такие пары глаголов мы будем называть квазивидами. Например, квазивидовой является пара *пойти* — *идти* <кому-то> (*Это платье тебе пойдет/идет*) — в отличие от той же пары в обычном кинетическом значении, которая является видовой. По-видимому, квазивидовой является также пара *повезло* — *везет*, ср. странность фраз типа: *Еду я вчера в трамвае и вдруг входит контролер — но мне везет, двери открываются и я успеваю выпрыгнуть*. Во фразе типа *Получаю я вчера письмо из фонда Эйнштейна: мне везет* — я получил стипендию, которая звучит нормально, форма НСВ *везет* указывает не на событие (= *повезло*), а на свойство. Квазивидовой является пара *счесть/считать* <что...> — при том, что очень близкая по устройству и по семантике пара *найти/находить* <что...> является видовой. К квазивидовым, по-видимому, следует отнести также пары типа *раздразнить* — *раздразнять*, *наблюдсти* — *наблюдать*, где установление видовой парности обычным способом затруднено из-за малой употребительности глагола сов. вида (ср. [9, 123]).

Среди глаголов движения наиболее продуктивными в порождении ментальных значений являются основы *идти/ходить* и *вести/водить*⁶. В приводимом ниже перечне наиболее важных из них значения идентифицируются при помощи примеров (то есть толкования обычно не предлагаются). Для каждого из приводимых ниже глаголов указываются его аспектуальные свойства (для видовых пар приводится пример, подтверждающий наличие у глагола НСВ тривиального значения), а в некоторых случаях также путь семантической деривации, то есть место метафоры движения в формировании данного концепта.

Рассмотренные глаголы движения реализуют две разные схемы метафорического переноса. Первая, собственно метафора движения — где метафоризируется именно перемещение в пространстве (*выходить*, *находить*), и вторая, где метафорически переосмысливается не само движение, а скорее расстояние между объектами⁷, описываемое, однако, также в терминах движения (*подходить*, *приходиться*, *сходиться*, *расходиться*).

Возникновение ментального значения у предикатов с исходным значением «приближения» может сопровождаться изменением модели управления (*идет*, *подходит*, *близок* и т.п. — кому, а не к кому) — по образцу других экспериенциальных предикатов с дативным субъектом, описывающих внутренние состояния (*нравится*, *кажется*, *нужно* и т.п. — кому)⁸. Это происходит в том случае, когда речь идет о «близости» объекта к субъекту, которое осмысливается как определяемое некими внутренними свойствами субъекта (и в этом сходство с внутренним состоянием). В таком переносном значении, которое не касается внутреннего состояния, так же как и в исходном кинетическом, модель управления: к + дат. пад. Ср., с одной стороны: *близкие мне люди* и с другой: *люди, близкие к администрации президента* и *сидеть близко к двери*. См. также ниже глаголы *идти* и *подходить*.

Идти <кому-то> или <к чему-то> (Это платье тебе *идет*; К этому платью эти бусы не *идут*): образует квазивидовую пару с глаголом *пойти* (платье тебе *пойдет*; бусы к платью не *пойдут*).

Выходить/выйти: (*Вышло*, что виноват я / *выходит*, что виноват я; *Выходит*, виноват я): непарный глагол НСВ со стативным значением. В работе [1, 501] для этого значения предлагается следующее толкование: *Выходит, что Р* = 'Существует цепочка умозаключений, конечным выводом которой является суждение Р'. Это толкование хорошо отражает характерную особенность

⁶ Многие производные от *идти* и *вести* образуют пары с соотношением типа каузативного, ср.: *восходить* — *возводить* (традиция *восходит/возводится* к 14 веку), *происходить* — *производить* (*происходит/производится* отбор) и т.п.

⁷ Ср. переносные значения прилагательных *далекий* и *близкий*.

⁸ Аналогично: *Мне* (а не *ко мне*) пришла в голову идея — ср. статью Р.И.Розиной в наст. кн.

анализируемого значения, состоящую в том, что говорящий здесь занимает отстраненную и даже слегка враждебную позицию к излагаемому выводу (даже если он сам является его автором — в этом случае присутствует некоторое недоумение)⁹. Эта настороженность связана, по-видимому, с невозможностью проследить всю эту цепочку умозаключений — что, в свою очередь, обеспечивается метафорой движения, заключенной в глаголе *выходить*.

В работе [10, 45] метафора движения, на которой основано приведенное выше толкование, описывается следующим образом: «Цепочка умозаключений интерпретируется как маршрут некоего мысленного перемещения, конечным пунктом которого является делаемый вывод Р». Однако, как кажется, цепь умозаключений не является «маршрутом мысленного перемещения», так как перемещается здесь, безусловно, не субъект ментальной установки (как в слове *вывод* и других словах с основой *вести*), а ее объект — некий идеальный «предмет» логической природы. В данном случае, это представление о положении вещей, которое из неизвестного становится известным, так сказать, «выходит наружу», то есть как бы перемещаясь по темному коридору оказывается на открытом пространстве, где оно становится *видно*, то есть *известно*, — ср. ту же метафору в глаголах *обнаружиться* и *оказаться*: буквально 'стать видным'¹⁰.

Итак, метафора, лежащая в основе обсуждаемого значения глагола *выходить* — следующая: некий «черный ящик» или нечто вроде темного коридора, ведущего в освещенную комнату, а точнее — вроде непрозрачной трубы с отверстием на конце, по которой некий «предмет» (= верифицируемое суждение) движется к «выходу»; что с ним происходит в этой трубе, мы не знаем (отсюда — неполное доверие к этому выводу, о чем шла речь выше)¹¹.

Доходить/дойти: (До меня *дошло* (= 'я понял') / Каждый раз слишком поздно *доходит*). Видовая пара с предельным соотношением (Это до меня очень долго *доходило*, но наконец *дошло*). Метафора: объект (= мысленное представление) движется по направлению к субъекту.

⁹ Наблюдение А.Д.Шмелева.

¹⁰ На уподоблении «известное — видимое» (и, наоборот, «неизвестное — невидимое») основано значение множества других слов и выражений, ср.: *оказаться, обнаружиться, проясниться, очевидный, ясный, явный*, ср. *тайное становится явным* (= 'известным'), *пролить свет* <на что-то> (= 'сделать известным'), *осветить факты, свет истины* и т.д. — с одной стороны, и: *темный* (= 'невежественный' и 'непонятный'), *чужая душа потемки*: 'нельзя увидеть' (= 'неизвестно'), что в ней происходит' и т.д. — с другой, не говоря уже о прочих свидетельствах устойчивости данного соотношения в индоевропейских языках.

¹¹ Так, в [6] отмечается, что слово *вышло* (в употреблении типа *Так вышло, что мы все приехали одновременно*) предполагает неопределенность промежуточных звеньев и в силу этого несколько большую непредсказуемость результата, чем, например, в *получилось* (в аналогичных контекстах).

Исходить <из чего-то>: (Я *исхожу* из того, что он порядочный человек): непарный глагол НСВ. Метафора: начальная точка пути, по которому движется субъект. Морфологически *исходить* — имперфектив от вышедшего из употребления глагола *изойти*, который, однако, не имел соответствующего значения (см., напр., [11, 58]). Возможно, это семантическая калька с немецкого *ausgehen* <von etwas>, возникшая в XIX в. у глагола НСВ, уже имевшего другие стативные значения.

Находить/найти: (Все *нашли/находят*, что мы говорим вздор): квазивидовая пара с перфектным соотношением. Переход от кинетического значения *найти* <на что-то> (*нашла* коса на камень) к ментальному осуществляется через посредство промежуточного звена — значения (*найти* иголку в стоге сена). Переход от этого значения к ментальному осуществляется, по-видимому, через конструкцию с творительным предикативным, ср.: *Я пришел к нему вчера и нашел его вполне здоровым* ('увидел, что здоров' и/или 'счел, что здоров').

Подходить <кому-то> или <к чему-то>: (Эта квартира мне не *подходит*; Иван и его жена очень *подходят* друг другу; Занавески *подходят* к обоям). Глагол НСВ со стативным значением; *подходить* образует квазивидовую пару с *подойти*: (Вот этот арбуз вам *подойдет*? Джинсы не *подошли* моему сыну, придется их поменять). Метафора: расстояние между объектами.

Походить: (Комната его *походила* скорее на кладовую или чулан): непарный глагол НСВ со стативным значением. Поскольку это глагол несов. вида, это может быть только имперфектив к *пойти* (ср. *Сын пошел в отца* — *Сын походит на отца*), хотя в современном языке от глаголов с приставкой *по-* имперфективы не образуются (ср., однако, у Гоголя итеративное *помарщивался*). Метафора: расстояние между двумя объектами.

*Приходиться/прийтись*₁ <кому-то что-то сделать>: (Отвечать *пришлось* мне / Отвечать каждый раз *приходится* мне): тривиальная видовая пара.

*Приходиться*₂ <кому-то кем-то> (Она *приходится* мне двоюродной племянницей): непарный глагол НСВ со стативным значением.

Расходиться: (Их взгляды в этом вопросе сильно *расходятся*): глагол НСВ с множественным субъектом: 'быть непохожими'; образует квазивидовую пару с *разойтись* (С тех пор их взгляды *разошлись*). Метафора расстояния.

Наряду с глаголом НСВ *расходиться* (морфологически — имперфектив к *разойтись*), существует глагол СВ *расходиться* с другим значением (нервы *расходились*), образованный от глагола неопределенного движения *ходить*. С другой стороны, имеется глагол *разойтись* с единичным субъектом ('прийти в возбужденное состояние'). (Речь идет только о переносных значениях в пределах сферы внутренних состояний.)

Сходиться: непарный глагол НСВ с множественным субъектом: 'быть похожими': (В этом вопросе наши вкусы *сходятся*). Ср. также существительное *сходство*. Метафора: расстояние между объектами.

Среди значений ментальной сферы, производных от основы *вести*, следует назвать безличный глагол *довелось* <кому-то что-то сделать>, рассмотренный в [6], к которому примыкает близкое по значению *привелось*, глагол НСВ *доводиться* <кому-то кем-то>, синонимичный упомянутому выше глаголу *приходиться*. Для обозначения одной из важнейших ментальных операций используется слово *вывод* (глагол *выводить* в этом значении имеет ограниченную сферу употребления). Сам глагол *вести* в русском языке не имеет ментального значения — хотя в латыни и греческом такая семантическая деривация имела место (напр., у лат. глагола *duco* и греч. *ἵκω* наряду с основным значением ‘вести’ есть значение ‘полагать’). Кроме того, у глагола *вести* в русском языке имеется ряд производных, относящихся скорее к эмоциональной сфере: предельная видовая пара *довести/доводить* <кого-то> ‘постепенно привести в состояние предельного нервного напряжения или раздражения’; непарный глагол НСВ *изводить* <кого-то>, тривиальная видовая пара *завестись/заводиться* ‘прийти в возбужденное или нервное состояние по какому-то поводу’ и нек. др. Производные от *вести* широко используются в глагольно-именных сочетаниях, метафорически представляющих внутренние состояния, образуя каузативный коррелят соответствующим производным от *идти*, ср. *прийти в ужас, отчаянье* и т.п. — *привести <кого-то> в ужас, отчаянье* и т.п., *выйти из депрессии* — *вывести <кого-то> из депрессии* и т.п. (ср. [5]).

Автор признателен А.Д. Шмелеву за весьма существенные замечания, которые были учтены в окончательном варианте статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексикографический портрет глагола *выйти* // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
3. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
4. Арутюнова Н.Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
5. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка: Языки пространств (в печати).
6. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б. Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: А. Wierzbicka. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N.Y., Oxford, Oxford Univ. Press, 1992) // Russian Linguistics, Vol. 20, 1996, p. 237—246.
7. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Лекции по русской аспектологии // Slavistische Beiträge, B. 353. München: Otto Sagner Verlag, 1997.

8. Кобозева И.М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
9. Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996
10. Перцов Н.В. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996.
11. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 9. М., 1997.
12. Урысон Е.В. Мысль, идея // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
13. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
14. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ ПОРЯДКА*

Анализ любого концепта позволяет не только выстроить соответствующую концептуальную модель, но также выявить механизм, метафизическое know-how архаического мышления. В этом отношении можно говорить о философии концепта, а значит, о наличии оснований для сопоставления наивных представлений с научными. Исторические реконструкции концептуального поля «Порядка» помогают увидеть различие между финальной идеей наивного мышления, то есть «Порядком» как концептом современной культуры, и исконным представлением о «Порядке». Это различие значимо как само по себе (поскольку эксплицирует расхождение современных наивных представлений о «Порядке» с научными и сближение последних с представлениями архаическими), так и в плане объяснения его причин (данный, диахронический, аспект связан с выявлением специфических способов осмысления концепта «Порядок», характерных для наивного мышления; позволяет проследить его путь от одной модели к другой).

Концепт «Порядок» интересен прежде всего тем, что, как и концепт «Закон», обладает ярко выраженной методологической значимостью. С помощью «Порядка» архаическое сознание объясняло устройство Мира, с помощью «Закона» — способы достижения Порядка. «Мир», «Порядок», «Закон» — три концепта, отражающие три различных уровня развития мышления — от более древних форм (концепт «Мир») до более поздних (концепт «Закон»). Выделение «Порядка» и «Закона» в отдельные концепты соответствовало необходимости детализировать представления в соответствующей области знания. Фрактальные отношения между концептами («Закон» вычленился из «Порядка», «Порядок» — из концептуальной сферы «Мира») отражают поступательный характер осмысления одного отдельно взятого аспекта Мира — его структурированности.

Результатом последовательного развития общего для всех трех моделей понятия «структура» градуированно возрастает такой ее признак, как жесткость. В отвлечении от терминов концептуального анализа эта мысль может быть проиллюстрирована обыденным восприятием «закона», «порядка» и «мира» как понятий, различающихся степенью актуализации идеи регламентированности. Это значит, что каждому из них соответствует своя собственная шкала погрешностей. Современный носитель языка осознает это. Для нас диапазон отклонений, позволяющий оценивать поведение как нормальное, прямо зависит от предметной области. В правовой практике рамки допустимого варьирования значительно уже, чем, на-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 99-04-00294а.

пример, в той сфере, которую охватывает понятие «Мир», и даже понятие «Порядок». Здесь совпадение современных и исконных представлений заканчивается.

Мы воспринимаем «закон» и «порядок» как статичные понятия; «мир», напротив, ассоциируется с жизнью и подвижностью. Даже глагольные формы типа *упорядочить*, *навести (создать) порядок* предполагают действия, предшествующие порядку и завершение которых связывается с прекращением активности. Выражение *поддерживать (соблюдать) порядок* подразумевает порядок как некое застывшее соответствие (напр., вещи ее месту). Действия, которые совершаются в предметной области «закона», также характеризуют последний как лишенный динамичности, подвижности. Это, как правило, различные практические аспекты «закона», его *использование, применение*. Когда мы говорим, что *законы действуют* (или *не действуют*), мы опять-таки не имеем в виду собственно активность «закона».

Иначе воспринимались «закон» и «порядок» в период сложения соответствующих концептов. Порядок мыслился как целеориентированная организация «Мира», такое сложение его элементов, которое позволяет говорить не только о наличии у «Мира» определенной структуры, но также о восприятии его как функционирующей системы. «Закону» отводилась роль средства достижения и сохранения «Порядка». Особенностью наивных представлений было обожествление этих понятий и, как следствие, включение в их семантику идеи функционализма, присущего миру в целом. «Закон» и «Порядок» не просто структурировали неким образом жизнь и тем самым ограничивали ее. Соответствия, установленные ими, в полной мере отвечали общей идее устройства Вселенной и воспринимались как результат креативной деятельности Творца. Законодательное предписание в связи с этим помимо деонтической приобретало истинностную значимость.

Сопоставление наивных представлений с современными показывает, что сближение происходит, как ни странно, не на уровне обыденного, языкового, а научного восприятия. Именно наука возвратила нас к пониманию «порядка» и «закона» как системы отношений, не только объединяющих элементы мира, но также обеспечивающих его жизнедеятельность и функционирование. Это связано с тем, что данные понятия потеряли в современном мире сакральный смысл, и мы перестали воспринимать их исконную, функциональную, направленность. «Закон» и «Порядок» для нас, как говорилось, статичны. Они не только лишены динамизма, но даже противопоставляются ему, поскольку *ограничивают* всякое движение, *запрещают* и т.п. Данные концепты в современном восприятии — это оплот стабильности. И если они предполагают какое-то движение, то лишь дви-

жение со знаком «минус», грозящее им гибелью, типа действий *нарушить порядок и преступить закон*.

Обратимся теперь к двум концептуальным моделям «закона» (на самом деле их больше, однако размеры статьи вынуждают нас ограничиться двумя) с тем, чтобы кратко очертить метафизические основания его функциональной природы. Поскольку те же основания лежат в основе концепта «порядок», который, как мы говорили, исконно охватывал и область, впоследствии концептуализированную как «закон», мы будем часто смешивать эти понятия. Для нашей цели релевантна их общая связь с идеей функциональности, а не их различие. Затем попытаемся соотнести архаические представления с научным термином «функция».

1. Семантические мотивировки «закона» значениями и.-е. корней *dhe-, *legh-«класть» (скр. dhaman, лат. lex, англ. law «закон») и *nem-/ *nom- «делить» (гр. nomos «закон»), указывают на способы, которыми, согласно наивным представлениям, устанавливался «порядок». В связи с этим будем говорить о двух моделях «порядка»: 1) Как соответствии вещи ее «месту»; 2) Как структурированной совокупности «мест».

Первая модель актуализирует бытийный, онтологический, аспект «порядка». Корень *dhe- — означал ««устанавливать творчески», вводить в бытие, а не просто «класть нечто на землю» [1, 300]. «Положить» значило «пространственно определить», выделить место для чего-либо по отношению к другим предметам. Положить все на свои места и значило создать порядок. Включение семантемы «класть» в концептуальную модель «закона» опирается не на значение физического полагания предметов, а на распределение их по соответствующим местам.

Другая модель эксплицирует осмысление «порядка» и «закона» в терминах семантики посессивности. Действие «делить» синонимизируется здесь с «распределять»: значение гр. nemo, как его реконструирует Э.Бенвенист, — «распределять по закону», «получать в долю на законных основаниях». Таким образом, nemo означало не просто «делить», а «наделять по закону», т.е. в соответствии с какими-то правилами, и, следовательно, репрезентировало такое деление, которое было связано с установлением порядка. В этом состоит отличие nemo от других глаголов со значением «делить», напр., от deoimai [1, 72].

Обе модели включают понятие «место», которое осмысляется в тесной связи с идеями *предназначенности, целеполагания* элементов «порядка». «Место» в пространстве «порядка», в отличие от географического места — идеальный объект. Переход из плана материального в план идеального имел промежуточное звено, а именно архаические представления о «месте» как атрибуте нуменозной сущности. Божество всегда соплагалось какому-либо виду деятельности, поскольку было связано с практическими потребностями человека — получить хороший урожай, защи-

тяться от враждебных сил природы, преодолеть болезни, предотвратить падеж скота, а также с его познавательной деятельностью: наблюдаемые явления природы человек объяснял действиями богов (напр., движение солнца по небосклону — путешествием Зевса на огненной колеснице).

«Место», понимаемое как атрибут божества, имело материально-идеальную природу. Этим оно отличается как от географического места, так и от «места» в концептуальном пространстве «порядка». Противопоставление материальному ландшафту осуществлялось как оппозиция профанной местности сакральной. Поскольку осуществление божества всегда связывалось с его присутствием (так, например, появление весенних всходов греки объясняли участием Деметры, а славяне — Ярилы), то можно говорить о его одновременном появлении в различных частях географического ландшафта, которые, однако, будут одним и тем же мифическим местом. Как отмечает К.Хюбнер, «было много мест, где родился Зевс, много мест, где Афина появилась на свет, много местностей, откуда была похищена или куда возвращалась Персефона» [4, 149]. Однако противоречивость этих фактов не была очевидна для мифологического сознания, различавшего профанные и священные места. Присутствие божества одновременно в нескольких профанных участках пространства не означало его присутствия в различных сакральных местах. И наоборот, когда в одном мифическом месте появляется другое божество, то само место, сменив таким образом сущность, тоже меняется. В мифическом представлении «места» это не ожидающие своего «наполнителя» пустоты, а со-участники бытия. Без них невозможно реализоваться божеству, которое только тогда «есть», когда «имеет место» (что, впрочем, благодаря языковой привычке, может быть отнесено и к любой другой сущности). Поскольку при этом нет также «субстрата пространства», могущего существовать без своего божественного «содержания» [4, 148], то лишь взятые в единстве, они могут осуществлять себя.

Понятие «место», как оно представлено в концептуальных моделях «порядка», потеряв денотативную связь с местом географическим, сохранило идею функциональности, предназначенности, характерную для мифологического понимания «места». «Место» как элемент «порядка» имело, таким образом, не пространственные координаты, а функциональные, что свидетельствует о целеориентированности концепта «порядок».

Противопоставление географического места «месту» как элементу «порядка» закрепилось на языковом уровне. Нельзя сказать *место стула*, так как в данном случае подразумевается физическое, профанное «место», лишенное функциональных характеристик. Связь вещи с определенной координатой пространства возникает, когда имеется в виду «пространство» порядка, а значит, не географическая, а функциональная координата. В этом случае «место» может быть определено через функции

вещи, которые становятся его идентифицирующими признаками. Ср. атрибутивное употребление существительных, обозначающих объект такого «места»: *место директора* (ср. *директорское место (должность)*) или *место Луны*. Не *директор* и *Луна* характеризуются «местом»; напротив, последнее определяется обязанностями первого и предназначением второй. Можно сказать *поставить на место стул (книгу)*, когда «место» связано с порядком. У стула (книги) есть *свое место* в комнате, если в ней соблюдается *порядок*. В отличие от **место стула*, предложное сочетание *место для стула* вполне допустимо, поскольку репрезентирует идею целеполагания, которая так или иначе присутствует в понятии «место». Однако именно в контекстах, подразумевающих «порядок», отсутствует необходимость подчеркивать эту идею специально: она присутствует в них имманентно.

Каждая из моделей «порядка» актуализирует идею о его функциональности собственными средствами — с помощью семантики полагания в одном случае и семантики деления — во втором. Таким образом реализовались оба подхода к осмыслению этой идеи — ее онтологический и посессивный аспекты.

В рамках модели, мотивированной действием «класть», наличие «места» у вещи отождествляется с ее существованием: «*быть*» значит «*иметь место*». Поскольку наличие «места» это всегда и наличие соответствующих обязанностей, то актом полагания вещь не только «*вводится в бытие*», но также получает определенное предназначение. «*Быть*» в данном контексте означает не «*пассивно находиться*» в конкретной точке пространства, а «*осуществлять себя, свое предназначение*». В русском языке *существовать, осуществляться, сущность* — производные одного корня. Таким образом, «*быть*» («*существовать*») другим способом, не осуществляя себя, невозможно. Вещь становится сущностью, то есть чем-то, имеющим внутреннее содержание, только в пространстве «порядка», предоставляющем ей для этого соответствующее «место».

Модель «порядка», восходящая к действию «*делить*», мотивировала сочетаемость существительного «место» с глаголами посессивной семантики. Место (или должность) можно *получить* и *занимать*. «Место» в данной модели трактуется не как координата объекта, а как освоенная, присвоенная им «часть» единого пространства «порядка». Здесь сложились отношения, противоположные тем, что отмечались в онтологической модели: место определяет того, кто его занимает. Вопрос *какое?* (место) заменяется вопросом *чье?* Ср. выражения *занимать место (должность) директора (какое?, не чье?)* и *получить место Сидорова* (то есть быть назначенным на должность, прежде занимаемую Сидоровым (не какую?, а чью?)). Различие обусловлено заменой обобщенного имени объекта (*директор*), функционально связывающего последний с существующим

«порядком», на индивидуализированное обозначение конкретного лица, обязанности которого зависят от занимаемой должности и, следовательно, являются переменной величиной. Поэтому *Сидоров* воспринимается не как сущность данного «порядка», структурирующая и сохраняющая его самим фактом своего существования, то есть не как необходимый его элемент, а как случайный, временный *исполнитель*, отсутствие которого в данном «месте» (на данной должности) не влечет губительных последствий.

Отношения посессивности, в отличие от бытийных, имеют в концептуальном пространстве социального «порядка» временный характер. Они отражают один из аспектов его динамичности, подвижности. В социальной сфере «места» не закреплены за исполнителями. Понятие *карьеры* предполагает движение по *служебной лестнице*, а значит смену «мест». Поэтому сказать о месте, чье оно, то есть эксплицировать его посессивный план, равнозначно сообщить о нем ноль информации. Выражение *получить место Сидорова* оценивает, хоть и с точки зрения временного признака, самого Сидорова, а не его должность.

Целеориентированность рассматриваемой модели «порядка» (мотивированной действием «делить») связана с идеей *сопричастности*, то есть *участия* в общем процессе через свою *часть*, полученную в результате распределения (ср. также понятие «участь», эксплицирующее здесь идею предназначения). Еще раз подчеркнем, что имеется в виду не обычное, случайное, деление, а деление, осуществляемое на едином основании, подчиненное определенным правилам. Социальная сфера, в соответствии с данными представлениями, также разделена; ее составляющие — это места-должности, набор которых зависит от целей «порядка».

Обе модели переводимы в термины друг друга. *«Быть»* синонимизируется с *«иметь место»*; *занимать должность директора* — с *быть директором*; *получить должность (директора)* — со *стать директором*. И каждая из моделей репрезентирует функциональный аспект «порядка». Ср. взаимозаменяемость конструкций *быть директором*, *занимать должность директора* и *работать директором*.

Следует отметить, что существует определенная дистанция между архаическими представлениями, закрепленными в языке, и обыденным восприятием «порядка», в частности его социальной сферы. Возможность использовать в тождественных контекстах выражения *быть кем-то* и *работать кем-то* связана с потерей последним смысловоразличительного признака — «участвовать в общем деле, выполняя соответствующую функцию». Понятия «про-движение по службе», «служебный рост», «карьера», «служебная лестница» дают представление об актуальных аспектах, связанных с изменением места работы. По сравнению с ними понятия «обязанность» и «служебный долг» представляются периферийными: количественное неравенство отражает специфику служебных интере-

сов. Мы говорим *борьба за портфель* или *за кресло*, подчеркивая внешний, карьерный, фактор понятия «место» и игнорируя его связь с определенным набором обязанностей. Трудно сказать *Он хочет выполнять такие-то обязанности*, естественнее звучит *Он хочет получить такую-то должность*. Выражение *Он хочет руководить производством* будет воспринято как желание стать директором, а не стремление улучшить производственный процесс. Таким образом, нахождение в определенной точке «пространства» социального порядка, то есть на определенной ступени служебной лестницы или на определенной должности, а также смена служебной «координаты» не связывается современным носителем языка с представлением о динамичности «порядка». Несмотря на то, что функциональный характер самой «координаты» вполне осознается, он лишен значимости и соответственно нейтрализуется в семантике метаязыка служебных перестановок. Движение осуществляет служащий, а структура порядка, то есть набор «мест», неизменно сохраняется. Функционирование системы осуществляется независимо и вне этого движения.

2. В противоположность обыденному, научное восприятие «порядка» актуализирует как раз его функциональный аспект. В данном отношении наука выступает наследницей архаического знания.

Ю.С.Степанов назвал язык «пространством мысли», подчеркнув его связь с современным познанием с точки зрения «добывания знания и операций с ним», а также его способность быть «пространством философствования» [3, 35]. Как кажется, для архаического, донаучного, этапа познания справедливо обратное определение: мысль — это пространство языка. В период категоризации действительности язык не может служить объектом познания: его «версия» устройства мира еще не сложилась в единую картину. В этот период он выступает в роли субъекта, формирующего и «запоминающего» знание. Таким образом, связь научного и языкового знания имеет еще один, помимо отмеченного Ю.С.Степановым, аспект — противопоставление двух типов мышления. Концепты — явления культуры, не только языка. Поэтому в более широком плане это оппозиция науки и культуры.

О.Шпенглер, рассуждая о связи культурного и научного (прежде всего математического) осмысления действительности, возводит математику на уровень искусства, уходящего своими корнями в глубокую древность: «В начале каждой культуры существует архаический стиль, которому ... можно дать название геометрического. Есть что-то общее, определенно математическое в дилилоновом стиле греческих погребальных ваз, в храмовом стиле IV египетской династии, характеризуемом неограниченным господством прямой линии и прямого угла, в иератическом стиле древнехристианских саркофаговых рельефов и в романском орнаменте. Каждая линия, каждая человеческая или звериная фигура совершенным отсутстви-

ем стремления подражать вскрывают здесь мистическое числовое мышление» [5, 112]. В таком контексте обращение к понятиям «место», «сущность», «распределение», «сопричастность», а более широко, — к категории пространства (без которой действия «делить» и «класть» теряют всякий смысл) при осмыслении «закона», ставшего впоследствии центральной категорией познания, выглядит естественным и подчиненным еще не выделенному в специальную сферу математическому способу мышления.

Следует, однако, подчеркнуть другую сторону рассматриваемого явления — тот факт, что некоторые научные, в том числе математические, понятия имеют культурную предысторию. Так, понятия «закон» и «функция» сложились в недрах гуманитарного знания.

Архаическое мышление, ассоциативное по своей природе, порождает идею о единстве вещи и ее предназначения. Необходимым условием реализации этого предназначения является пространственное совмещение вещи со строго определенным местом. Что это, как не представление о функции, только выраженное не в однозначных терминах математических абстракций, а с помощью семантически богатых образов живого языка? Таким образом представление об отношении, которому в науке соответствует понятие «функция», задолго до возникновения математики (а именно в области научного знания Лейбниц впервые стал употреблять термин *функция*) сформировалось в языке.

Термин лат. *functio* «совершение, исполнение (например, обязанностей)» выражает сложившуюся в архаическом сознании идею о реализации положенного, предопределенного. Наука позаимствовала уже готовое слово. Отсюда следует, что означаемое научного термина в той или иной мере соответствовало означаемому использованного языкового знака. В этом отношении язык всегда предшествует науке, которая, в свою очередь, строго соответствует развитости языка.

Если в наиболее абстрактной форме выразить идею «закона», как она представлена в языке, то полученное определение буквально совпадет с научным определением функции: «правило, ставящее в соответствие каждому элементу множества число» [2, 246]. При этом первое множество математики называют областью определения, а множество чисел — областью значения. Если математическое понятие «число» заменить понятием «место» (или в более узком, социальном, смысле — «должность»), а под первым множеством понимать совокупность предназначений (обязанностей), то получим следующее определение: закон есть правило, *ставящее* (ср. *полагающее*) в соответствие каждой вещи (сущности) ее предназначение, а для сферы служебных отношений: каждой должности — определенные обязанности. Данное представление в деталях совпадает с концептуальными образами «порядка» и «закона». Правомерность замены понятий «число» и «элемент множества»

понятиями «место» и «предназначение» вытекает из научных определений, в соответствии с которыми «число», то есть «область определения», — это то, что задается, дано. В наивной картине первичны именно «предназначения», «роли», «обязанности», формирующие в своей совокупности целевой каркас мироздания. «Под них» уже «создаются» «места» (должности) и подбираются сущности (исполнители). Проявить себя, о-существоваться, сущность может только в строго определенном для нее «месте», то есть в соответствующей точке «области значения».

Другое научное определение функции также свободно сочетается с контекстом лингво-мифологических представлений о законе: «отображение одного множества (напр., обязанностей) в другое (напр., должностей)». В подтверждение полной аналогии приведем математическое понятие «образ функции», подразумевающее «множество точек области значения, которое можно получить, используя данную функцию». Графический образ социального порядка, построенный в строгом соответствии с этим определением, имеет вид ступенек иерархии (ср. наглядный образ, связанный с понятием «служебная лестница»). Таким образом совместились (по крайней мере, в одном фрагменте) наивная и научная картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
2. Ланкастер К. Математическая экономика. М., 1972.
3. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
4. Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993.

ДВИЖЕНИЯ РУК: КАСАНИЕ И ТАКТИЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОММУНИКАЦИИ ЛЮДЕЙ

Изображая сцену сотворения мира в Сикстинской капелле в Ватикане, Микеланджело Буонаротти, вопреки тому, что говорится в Библии — «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7), — нарисовал, как Бог касается тела Адама. Не хотел ли великий итальянский художник этим творческим актом подчеркнуть особую роль, которую играют касания в человеческой истории и культуре, в частности, религии и магии? Л.Тейлор в книге «Ступени человеческой жизни» пишет: «Чувство прикосновения — наиболее значительное чувство в нашем теле. Оно дает нам знание о глубине или толщине предмета и о его форме. Мы чувствуем, любим и ненавидим, прикасаясь к другим и ощущая прикосновения других». Недаром английское выражение *human touch*, помимо буквального ‘человеческое прикосновение’, означает также ‘человеческое измерение’.

Сферу употребления касаний образуют чрезвычайно разные по своему характеру ситуации общения, от повседневных бытовых до ритуальных и магических. За касаниями как кинетической формой поведения стоит огромный культурный пласт, уходящий в далекое прошлое. Происхождение касаний, их виды, функции и смыслы, а также высокая частота использования в коммуникативных актах делают касания чрезвычайно важным и интересным объектом изучения.

§1. Бытовые касания и их функции в коммуникативном акте

Все невербальные акты касаний можно условно разделить на два крупных класса: культурные (ритуальные, магические) и бытовые (повседневные). О культурных касаниях и их основных типах — целительных (терапевтических) касаниях, дьявольских прикосновениях и возложениях рук — нам уже приходилось писать в [1]. Ниже речь пойдет о бытовых касаниях (в дальнейшем слово «бытовой» обычно опускается) и их языковых концептуализациях.

На протяжении всей своей жизни, от материнской ласки и прижимания ребенка к груди во время кормления до закрытия глаз и прикосновений губами ко лбу умершего, человек сталкивается с касаниями. Можно выделить следующие **важнейшие функции касания в акте коммуникации**: (а) выражение дружбы и участия по отношению к адресату жеста; (б) отражение интимного отношения к адресату, в частности, сексуально интимного

(желание интимного телесного контакта, как считают многие, является глубоко спрятанной физиологической потребностью, которая возникает у человека в самом раннем детстве и тянется через всю его жизнь, см., например, [2]); (в) установление контакта между жестикулирующим и адресатом и привлечение внимания адресата к кому-либо или чему-либо (см. [3]) и (г) выражение доминантного положения человека на некоторой социальной шкале.

Касания часто происходят в диалогических взаимодействиях социально и коммуникативно неравных партнеров, например, в таких парах, как учитель — ученик, врач — пациент, начальник — подчиненный, хозяин — слуга и др. В норме в русской культуре большой общественный вес человека как бы дает ему «право первого прикосновения». Если же, напротив, первым своего партнера касается человек, обладающий более низким социальным статусом, то это действие, вне особо выделенных и оговоренных социальных ситуаций или речевых и невербальных актов, всегда оценивается как ненормативное нарушение субординации и даже, с этической точки зрения, как anomalous и неприличное. Аналогично, в тех случаях, когда имеется явное различие в статусах коммуникативных партнеров, инициативу при переходе к более интимным формам касаний обычно проявляет лицо с более высоким статусом. Это **правило коммуникативного тактильного поведения** очевидным образом относится не только к невербальным, но и к вербальным актам. Например, право на инициативу в переходе к обращению на «ты» или к обращению по имени, а не, скажем, по имени-отчеству (ср.: *Почему бы вам (тебе) не называть меня просто Боря?*), всегда принадлежит «старшему».

Той же привилегией проявления инициативы в касаниях обладает в европейской культуре мужчина, когда он ухаживает за женщиной. Обычно мужчина первым берет женщину под руку или за руку, обнимает за талию, кладет руку ей на плечо, а когда отношения становятся более интимными, первым целует и переходит к более интимным касаниям и ласкам. Видимо, тот факт, что мужчины чаще, чем женщины, выступают в разнополюх коммуникативных актах в роли инициатора касаний, объясняется их большей от природы сексуальной активностью.

Если первые две функции касаний в процессе коммуникации (когда сам акт касания происходит в ходе общения равных партнеров, а во втором случае и вообще близких людей) направлены на выражение межличностных отношений, то последние две функции (когда касание обычно осуществляется не только друзьями, но просто знакомыми или даже малознакомыми людьми) отражает **установку жестикулирующего на некоторую деятельность**. Целью касания здесь может быть привлечение внимания адресата жеста к кому-либо или чему-либо или желание жестикулирующего нацелить адресата на выполнение каких-то действий.

§2. Касание как невербальный социальный акт и его параметры

Из перцептивных способностей человека касание является одной из основных. Касание одним человеком другого — это всегда установление физического контакта с человеком, с его кожей, волосами или (уже как переносное употребление) с одеждой, с предметами, которые человек держит, носит и под. Как известно, в человеческой коже содержится огромное количество рецепторов, реагирующих на боль, температуру, давление, на неровности и шероховатости тела или другого материального предмета. Она занимает большое пространство человеческого тела, так сказать, расходится по телу по всем направлениям, и предохраняет человека от многих неприятных воздействий внешней среды. Кожа, в отличие от глаз, способна воспринимать и передавать сообщения в темноте: она мгновенно реагирует на внешние возмущения, отчетливо узнает объекты и распознает акты поведения. Э.Монтегю в этой связи пишет: «Касание — это ощущение, напрямую связанное с кожей, самым важным после мозга органом. Кожа, как и нервная система, развивается из наружного слоя эмбриональных клеток, или эктодермы. Это общая поверхность, покрывающая тело и позволяющая развиваться волосам, зубам и всем органам чувств — осязанию, зрению, обонянию, слуху, вкусу <...> О коже можно думать как о внешней нервной системе, оказавшейся на поверхности тела эмбриона. Таким образом, если нервная система — это скрытая часть кожи, то кожа, напротив, — это видимая часть нервной системы» [4, 2]. Не случайно, видимо, высказывание *Я это кожей чувствую!* является высшей оценкой ощущения и иррационального понимания; ср. Также: *На женское предательство у него был особый нюх, должно быть, обостренный всем его разнообразным опытом бывших разочарований. Вот и теперь он чувствовал его кожей, то и дело улавливая взглядом мнимое Риммино равнодушие, тщательно маскируемую счастливую напряженность, спортивно-задорную предрасположенность к интриге* (А.Макаров); *Есть люди страстей — чувств — ощущений — Вы человек дуновений. Мир вы воспринимаете накожно: это не меньше чем: душевно. Через кожу Вы воспринимаете и чужие души, и это верней* (М.Цветаева).

К касаниям относятся и физиологические нежестовые движения и конвенциональные жесты (о различиях между незнаковыми движениями и жестами см. [5, 173—175]); и те и другие обладают особыми условиями применимости. Так, касания охотно применяют между собой друзья, но человеку обычно не нравится, когда его трогают чужие. В норме человек избегает прикосновений на публике (если, разумеется, осознает её присутствие), нам не нравится, когда проявляют «чувство локтя» в транспорте, когда нас касаются в лифте, в очереди или в переполненном помещении. Нормальный человек обычно вынужден совершать много «лишних» движений и лавировать в людском потоке, чтобы избежать ненужных и неприятных прикосновений. Если же он сам, проходя или пробегая, кого-то задевает, то по этикетным

нормам, существующим в нашей культуре, ему полагается за это извиниться. Впрочем, речевой акт извинения в подобной ситуации может и предшествовать касанию, если человек предполагает, что касание неизбежно.

Люди разных культур любят трогать всё для них новое или необычное, и привычка эта сохраняется с самого раннего детства. Не удивительно, что в залах музеев, на вернисажах и выставках повсюду развешены таблички с надписью: «Руками не трогать!». Существуют целые общественные группы и даже народы, которые можно назвать **трогающими**; для трогающих людей условия использования касаний совершенно особые.

Трогающими являются, например, маленькие дети. У них есть даже свои детские игры, в которых акт касания является доминирующим; в русской культуре к таким играм принадлежат, например, салки или жмурки. К трогающим людям относятся и некоторые социальные категории взрослых — врачи, медсестры, парикмахеры, банщики, массажисты, портные или косметологи. Все они в силу специфики своей профессиональной деятельности вынуждены трогать других людей. Выдающийся современный физиолог, один из авторов психобиологической теории терапевтического гипноза Э.Росси как-то заметил: «Касание в ряде случаев может быть наиболее сильным биологическим и социальным сигналом из всех <...> Мы открыты к близости, а потому не удивительно, что люди, которым мы позволяем к себе прикасаться — массажисты и физиотерапевты, парикмахеры, врачи и медсестры, — часто становятся объектами нашего глубокого личного доверия».

Есть культуры, любящие касания, например, итальянская, арабская, турецкая и различные латиноамериканские культуры. По наблюдениям, которые сделал антрополог Т.Каннон, даже у тех итальянцев, которые давно живут в США и являются гражданами этой страны, касания гораздо более продолжительные, щедрые и искренние, чем, к примеру, у американцев-англосаксонцев, большинство касаний которых сводится к недолгим объятиям (hug), быстрым поцелуям и совсем формальным рукопожатиям.

У некоторых народов существующая тактильная практика жестко регламентирована и строго распределена по социальным и культурным сферам. Так, на острове Борнео Малайского архипелага в северных горных районах живет народ дусун численностью порядка 150 тыс. человек, который занимается в основном выращиванием риса, охотой и сбором плодов с лесных деревьев. Хотя в течение нескольких последних десятилетий на культуру этого народа заметное влияние оказали, да и сейчас продолжают оказывать китайская, индийская и арабская традиции, центральные ее области до сих пор остаются такими же, какими они были в далеком прошлом. Нам удалось получить от информантов данные (см. также работу [6]), которые говорят о том, что репертуар жестовых касаний в языке тела дусун достаточно богатый и в целом распределяется по трем крупным зонам: (а) жесты касания, обозначающие интерактивные культурные и социальные акты, дифференцирован-

ные в разных отношениях: различные виды обряда инициации, церемониальные гигиенические акты омовения или одевания, ритуальное нанесение татуировок или косметики; к ним можно добавить бытовые социальные акты: ухаживание, воспитание детей, сбор урожая риса, разделка мяса животного, приход в гости и целый ряд других социальных действий; (б) жесты касания, выражающие эмоции (около 50 различных жестов!) и (в) не менее полутора десятков интимных жестов-касаний.

Касания и правила тактильного поведения, или тактильного взаимодействия, описывающие контакты местных жителей друг с другом, базируются на разнообразных кинетических параметрах и переменных, среди которых ведущую роль играют тип культурного и социального контекста ситуации, возраст и пол участников невербального коммуникативного акта, наличие или отсутствие адапторов, способ и место касания, вид, функция и значение жеста, совершается ли касание вместе с другими жестами или речью и др. Например, касания, которые допускаются (а некоторые даже обязательны) во время церемониальных обрядов, по характеристике участников этих актов, по способу, месту и самому значению касаний значительно отличаются от тех касаний, которые разрешены во время ритуальных танцев, лечении больного или похорон.

Нарушение правил тактильного поведения в ряде культур карается весьма строго. Так, в культуре дусун за невыполнение или неправильное выполнение обязательных в данной социальной или коммуникативной ситуации касаний могут последовать весьма строгие наказания: за это бьют палками, а в более серьезных случаях изгоняют из общества и даже отрубаяют голову¹.

Касания в русской культуре — это всегда активное вторжение в личную сферу другого человека, поэтому касания здесь должны быть действиями осторожными и ненавязчивыми, чтобы не нарушить приватности другого. В условиях применимости правил тактильного взаимодействия, свойственных русской невербальной культуре, входят не только информация о доступности (неуязвимости) resp. недоступности (уязвимости) для касаний определенных областей тела или информация о типе касания и выражаемом касанием смысле, но также сведения об актуальном психологическом состоянии и качествах адресата, об отношении его к касаниям вообще и к данному типу касаний, в частности, например, не ущемит ли касание его гордость, не заденет ли честь, будет ли оно ему приятно. Так, людям, находящимся в тревожном или взволнованном состоянии или людям, часто теряющим контроль над собой, обычно необходимо участие, утешение, поддержка или помощь. Поэтому они нуждаются в том, чтобы их больше касались и тем выражали участие (хотя сами при этом других трогают меньше), а потому в отношении таких людей допустима большая по сравнению с нормой свобода касаний.

¹ Описание некоторых правил тактильного поведения в культуре жителей Борнео и санкций, которые применяются за неподчинение этим правилам, см. в [6].

С недостатком прикосновений связаны эмоциональные нарушения у людей, например, некоторые виды детских страхов. В свою очередь человек, чувствующий и понимающий другого, путем касаний может более эффективно на него воздействовать. Данный факт хорошо известен врачам-психотерапевтам, медицинским сестрам и психологам и обычно учитывается ими при обследовании и лечении больных.

Аналогичным образом ведет себя ребенок. Он тоже стремится к физическому контакту с другими людьми, ищет у них тепла и защиты — прежде всего, конечно, у родителей, а также у бабушек и дедушек. И младенца прижимают к груди, держат на руках, качают, гладят и пр. Ф. Дэвис в этой связи замечает, что «без прикосновений ребенок умирает, человеческое сердце болит, душа увядает» [7, 3]. Недостаточный объем касаний между матерью и младенцем действует не только на ребенка, но и на мать, в частности, на способность матери к вскармливанию. **Контактный**, или, как его называют в социальной психологии, **проксимальный**, способ взаимодействия по мере взросления ребенка постепенно сменяется **дистантным**, или **дистальным**, когда диалогическое взаимодействие в норме больше происходит на расстоянии: люди смотрят друг на друга, разговаривают, улыбаются и т.п. Уже в самом раннем возрасте у людей проявляются половые различия в проксимальном поведении (см., например, [8, 229—240]). Так, мальчик, рожденный и воспитывающийся в Европе или Америке, в течение первых нескольких месяцев жизни получает в норме больше, чем девочка, касаний и других форм проксимального поведения, однако где-то примерно к шести месяцам количество и частота касаний постепенно выравниваются, и далее ситуация меняется на противоположную. Кроме того, мальчики быстрее девочек переходят от проксимальных типов социальных отношений к дистальным.

* * *

Резюмируем сказанное. В первых двух параграфах мы ввели ряд важных понятий и противопоставлений, относящихся к науке о языке касаний и тактильной коммуникации — гаптике, и среди них функции касаний в коммуникативном акте, тактильное поведение, правило тактильного поведения, трогающие люди и культуры, контактный и дистантный способы тактильного взаимодействия, — и рассмотрели некоторые основные кинетические константы и переменные невербального акта касания. К ним относятся социальный статус и социальная роль участников коммуникации, возраст, пол, культурные, национально-этнические и расовые характеристики, межличностные отношения. Большой объем и большая площадь касаний, а также инициатива в касании непосредственно сопряжены с такими значениями кинетических переменных, как более высокий статус, мужской пол, белая раса, больший возраст. Кроме того, ведущую роль в касаниях играет фактор межличностных отношений, в частности, люди с большей охотой трогают близких себе людей, чем далеких.

§3. Осязание и зрение как сенсорные модальности

Между осязанием и зрением как двумя сенсорными модальностями нередко возникает конкуренция (см. об этом, например, [9; 10]), и это обстоятельство, казалось бы, должно было повлечь за собой всесторонний анализ соответствующих ситуаций. Однако этого до сих пор не произошло, что, возможно, объясняется не только исключительно важной ролью зрительного восприятия в жизни человека, но и чрезмерным исследовательским вниманием к руке как органу исполнительной функции в сочетании с пренебрежительным отношением к руке как элементу осязающему и осязающему.

Тактильное восприятие и тактильное поведение имеют свои отличительные особенности. Если зрительное восприятие является целостным и быстрым (я имею здесь в виду именно восприятие, не осложненное интеллектуальной деятельностью, как, например, для глаголов *рассматривать* или *исследовать*), то тактильное восприятие значительно более медленное, более фрагментарное и последовательное. Между тем в жизни человека часто встречается обман зрения, тогда как тактильную систему «провести» намного труднее. Поэтому при доказательстве существования, реальности какого-то объекта, например, выясняя, не мираж и не сон ли это, человек не может положиться на одно только зрение — он стремится потрогать, пощупать объект (ср. такие предложения, как *Не может быть! Это ты? — дай-ка я тебя потрогаю* и *Гюрза? А ее можно погладить?*). Данные тактильного опыта также очень сложно опровергнуть: в нашем языке даже нет для этого нужных выражений. Можно сказать: *Ты этого не видишь*, но едва ли приемлемо **Ты этого <кожей> не осязаешь* (для выражения другого смысла фраза *Ты этого не осязаешь* допустима). Возможно *Если не видишь, что у ребенка жар, пощупай ему лоб*, но крайне странно **Если не чувствуешь рукой, что у ребенка горячий лоб, посмотри, какая у него температура*.

Как замечает А.Коппола [11, 15], «едва ли нужно говорить о том, что зрение — это исключительно важная человеческая способность, но зрение можно переоценить в том отношении, что оно может сделать нас нечувствительными к тем вещам, которые предназначены для тактильного, а не зрительного восприятия («Sight can overestimated in the sense that it blind us to those things that are meant not to be seen but to be felt»). У кожного восприятия есть своя сфера применимости, отличная от зрительного (см. подробно об этом ниже, там, где идет речь о соотношении возможностей зрения и осязания). Здесь мы ограничимся лишь несколькими примерами. Если судить о наличии повышенной температуры у человека или животного можно и косвенно, например, по особому поведению, то температуру неодушевленного предмета мы по большей части определяем через касание. Известно, что маленькие дети зимой во дворе часто трогают руками металлические предметы и даже проводят по ним языком, желая убедиться, не холодные ли они. И та-

кие действия уже могут приводить к весьма неприятным последствиям, например, зимой дети иногда «прилипают языком» к пожарной лестнице. Кроме того, мы спрашиваем: *Это мягкая игрушка?*, высказываем свое мнение о свитере: *Какая грубая вязка!* или о клеенке: *Липкая!*, утверждаем: *Паяльник горячий*, и все эти высказывания содержат суждения о материальных объектах, вынесенные на основе нашего тактильного опыта. Точно так же обстоит дело и с человеческой кожей: потертость, потливость, ожоги, порезы, раны, нарывы, покраснения, болевые ощущения — все это разные по своему характеру изменения и реакции кожи, которые нередко случаются на протяжении человеческой жизни и кодификация которых в естественном языке подтверждается языковыми обозначениями. Ощущения, получаемые человеком от разнообразных касаний, вполне хорошо отражаются в языке.

Философ Джордж Беркли писал: «Пространство, открытость (outness) и расположение вещей на расстоянии, строго говоря, не являются объектами зрения... Я не могу видеть ни само расстояние, ни соотносительное положение предметов на расстоянии». Он считал, что человек в течение жизни постоянно учится связывать данные своего визуального и слухового опыта с информацией, постигаемой тактильно. А другой, не менее знаменитый философ Дени Дидро вообще полагал, что касание нередко поправляет и обучает зрение и слух. Позже были опубликованы данные, говорящие, что дети в первые годы жизни больше полагаются на тактильные, чем на какие-либо другие ощущения [9]. Объясняется это довольно просто: и у детей, и у взрослого человека разные сенсорные модальности имеют каждая свою область приложения, во всяком случае, именно так эти модальности отображаются в языке.

Чувства и ощущения, как и знание, бывают **прямые и косвенные**. В высказываниях *Я вижу, что эта замша мягкая* и *Я вижу, что это замша темно-коричневая*, а не черная обычно постулируются две разных лексемы *видеть* только на том основании, что нельзя увидеть глазами мягкость, но можно распознать цвет. Мы считаем, что **интеллектуальные процессы имеют место в обоих случаях**. В первом высказывании использование глагола *видеть* представляет собой, как давно и хорошо известно, отражение интеллектуальных процессов. Меньше обращалось внимания на то, что интеллектуальные процессы скрыты и в семантике самого видения, в частности, в модели *вижу, что*. Они экстериоризируются как выводы, которые делает человек на основании прямых свидетельств органов чувств, то есть в толкование рассматриваемого здесь зрительного *видеть*, выступающего в стандартной конструкции *X видит, что P*, тоже, на наш взгляд, входит сема 'думать'. Определяя, какой или какие каналы восприятия участвуют в установлении свойств или характеристик объекта, можно прогнозировать синонимию глагола *видеть* в контексте *X видит, что P* некоторым другим глаголам восприятия. Например, в предложении *Я вижу, что эта замша мягкая* глагол *видеть* близок по смыслу родовому глаголу *чувствовать*, в предложениях *Я вижу,*

что она хорошо поет или Вы видите, что он сказал? (М.Жванецкий) тот же глагол синонимичен *слышать*, а предложение *Я вижу, что здесь ели чеснок* может означать не только вывод из данных, полученных зрением, но также умозаключение, основанное на сохранившемся запахе.

В принципе бывают и конфликты различных сенсорных систем, в частности, зрения и осязания. Рассмотрим следующий диалог: — *Я вижу, картошка уже готова. — Да ты потыкай ее вилкой!* Реакция адресата здесь — несогласие с утверждением собеседника, и, по мнению адресата, истину можно установить только посредством тактильного ощущения.

Зрение не только охватывает объект целиком, его объем и поверхность; оно может обнимать сразу несколько объектов одновременно. Динамическое осязание, будучи фрагментарным, предполагает перемещение органа, например, руки, по объекту (телу) и сегментирование объекта (тела) или его поверхности. Ср. такие специфические движения, как простукивание и прослушивание, являющиеся важнейшими элементами медицинской диагностики, а также поглаживание, совершаемое для получения впечатления от формы предмета или свойств материала, из которого он изготовлен.

Руки лучше, чем глаза, распознают и ощущают: (1) очень маленькие объекты, их размер, малую кривизну и наклоны; (2) пропорции, или отношения величин, особенно для малых значений соответствующих параметров. Кроме того, руки (3) лучше, чем какие-либо другие органы человеческого тела, приспособлены для распознавания самых незначительных, мельчайших движений, таких, как, например, вибрации. Опытный водитель или автомеханик часто определяют, стучит ли мотор, то есть, как говорят профессионалы, *биение мотора*, положив на него руку, но иногда шофер делает это, просто сидя на сиденье и ощущая колебания телом. При движении руки зрение по возможности «следит» за движением и, как и осязание, добывает сведения о свойствах поверхности объекта, о его пропорциях, о наличии примесей на поверхностном слое объекта, о качестве материала или вещества. Использование двух или более перцептивных каналов обычно приводит к более точным данным об изучаемом объекте.

Получение нужной информации об объекте часто осложняется тем, что сенсорные модальности зрения и осязания и в реальном мире, и в языке имеют, помимо своих собственных областей приложения, *зону пересечения*. При установлении некоторых свойств объекта, как мы видели, далеко не всегда можно указать, на основании какого из рассматриваемых способов восприятия мы это делаем или какая из модальностей в данном случае является основной. Свойства *шероховатый*, *грязный*, *волосатый* и *пушистый* часто определяются *на вид*, но иногда, например, при малом количестве признака, их можно установить только *на ощупь*. Необходимую ей степень *густоты* супа или варенья хорошая хозяйка может определить зрительно, но предпочтительно подкрепить свой вывод с помощью ложки: тактильная информация гораздо надежнее.

В булочной хлеб продавцы заворачивают пакет в полиэтиленовый пакет, в частности, в гигиенических целях, поскольку *мягкость* хлеба определяется людьми исключительно на осязание. *Узкие* ли платки или брюки не всегда определяется зрением, для этого может потребоваться примерка, то есть восприятие признака телом. *Вес* коробки при большом ее объеме можно установить на глаз, поскольку в стереотипном представлении признаки объема и веса согласованы: большему объему соответствует больший вес. Однако, чтобы понять, действительно ли данная коробка тяжелая, в особенности, если содержимое коробки неизвестно, ее обычно пробуют поднять, не доверяя ни зрению, ни предшествующему опыту.

Осязание в каком-то смысле является процессом, прямо противоположным зрению. Так, мы уже отмечали, что во время акта осязания, в отличие от акта видения, преобладает **индуктивный процесс восприятия объекта, а именно происходит создание целостного образа объекта по его частям, то есть как бы синтез образа объекта.** Осязание предмета нередко напоминает действия слепого, осязающего человека. Мы позволяем себе проводить интеллектуальные операции индуктивного обобщения, не только устанавливая, например, температуру всего тела или предмета, прикладывая руку к какой-то одной точке, но и определяя ряд других его свойств, например, весьма своеобразно высказываемся по поводу болевых ощущений, основываясь на прошлом жизненном опыте или на существующих нормах. Прикладывая руку ко лбу, чтобы узнать температуру, прикасаясь к стакану, чтобы понять, горячая ли в нем вода, или ставя под мышку градусник, человек не совершает каких-либо последующих движений по поверхности тела; ср. странную фразу **Он двигал (водил) рукой по лбу ребенка, определяя, есть ли у него температура.* Испытывая сильную боль, человек зачастую не способен ее точно локализовать, и в таких случаях он обычно говорит: *У меня все (или везде) болит*, хотя нередко подсознательно прикладывает руку к тому месту или близко от того места, где болевое ощущение наиболее сильное, а вовсе не водит рукой по всему телу. Болевой опыт человека всегда субъективен, приобретает им с самого раннего детства и изначально тесно связан с жизненными событиями, социальными условиями и культурными факторами, а также с ролевым поведением. Все это позволяет человеку сравнительно легко строить общие суждения о месте, силе и характере боли по локальному ее восприятию.

Невозможность актов касания и осязания (о различии актов касания и осязания см. в нашей статье [1]) в той или иной жизненной ситуации приводит в действие разного рода компенсаторные сенсорные механизмы. Чтобы определить температуру человека или предмета, которые находятся от нас на большом расстоянии и потому недоступны непосредственному тактильному восприятию, мы пытаемся найти какие-нибудь косвенные признаки, которые дали бы нам более или менее достоверную информацию о температуре, в частности, обращаем внимание на особенности поведения человека, на наличие или отсутствие пара над жидкостью, на температуру окружающего воздуха и пр.

§4. Невербальные приветствия и прощания как основные типы жестовых касаний

Касания, как известно, составляют важнейший элемент жестового поведения людей. Жесты приветствий и прощаний, одобрений и утешений, заключения договоров и союзов, скрепляемые рукопожатиями, невербальные выражения дружбы и любви — все включают в себя касания в качестве важнейшего составного элемента. Жестовые приветствия и прощания — это не просто обычаи и ритуалы, значение которых проявляется только тогда, когда люди по какой-либо причине их не исполняют: приветствия служат для открытия встречи, а прощание — для завершения. Это церемонии, которые люди совершают, чтобы, прикоснувшись к другому, почувствовать его и напомнить партнеру, кто они друг другу и в каком социуме живут. Отклонения от норм приветствий и прощаний обычно плохо переносятся людьми и не только потому, что разрушают личные связи, но и потому что затрагивают систему общественных отношений в целом. Более эгалитарные общества используют эгалитарные или более эгалитарные ритуалы, в обществах с высоко развитой иерархической структурой чаще применяются иерархические церемонии. Изменения в системе приветствий и прощаний обычно идут рука об руку с изменениями в общественной структуре.

В разных странах и даже разных районах одной страны люди, как правило, приветствуют друг друга по-своему. Они или подходят близко друг к другу или находятся друг от друга сравнительно далеко, они принимают свойственные только для данной культуры или близких культур позы, смотря в лицо или в глаза друг друга неодинаковое количество времени, а то и вообще не смотрят один на другого; они говорят в разных тональностях и разными жестами выражают свои чувства к другому человеку. Описывая жесты приветствия и прощания, необходимо соотнести их с разными кинетическими признаками и с разными типами социальных, культурных, расовых и иных связей, функционально важных для данного народа. Это возраст и пол участников коммуникации, их образовательный и имущественный ценз, религиозная или кастовая принадлежность, регламентированы ли способы приветствия и прощания, индивидуальные характеристики жестикулирующего и адресата (например, свойственны ли им отношения, сохраняющиеся в настоящее время как реликтовые, например, в некоторых русских и украинских семьях дети, приветствуя мать, целуют ей руку), количественный показатель (двое приветствуют друг друга, один здоровается с несколькими людьми и под.), география жеста и среда обитания: страна или ее часть, город или село и др., культурная ориентация.

Так, в Индии в знак приветствия и прощания часто выполняется один и тот же традиционный жест **анджали** (форма этого жеста такова: «руки с прижатыми одна к другой ладонями направлены пальцами вверх; кончики

пальцев находятся на уровне бровей, руки обычно разведены так, что части руки от кисти до локтя располагаются горизонтально или под углом примерно 50—60 градусов друг к другу; голова чуть наклонена вперед»). В индуистском сознании **анджали** считается аналогом рукопожатия; тем не менее индусы, **ориентированные на западные формы поведения**, им не пользуются, а применяют обычные рукопожатия (правда, исполняют рукопожатия только мужчины, причем не очень старые и не близкие родственники). Как считают индологи, касания и физический контакт у индусов играет значительно меньшую роль, чем у европейцев или американцев: индусам не свойственны, например, поцелуи или объятия, даже такое объятие, как **hug**.

Жест **hug**, любимый на севере и юге Америки, редко можно увидеть в средней части этой страны. Не очень популярен он в центральной части России, тогда как в Германии, напротив, он вполне частый.

Среди жестов приветствия (а также среди жестов прощания) можно выделить две группы: **симметричные** — знаки **солидарности** и **несимметричные** — знаки **уважения**. Во время симметричных приветствий обе стороны производят тождественные или сходные невербальные знаковые действия, а в ходе несимметричных приветствий один из участников ситуации общения выполняет действия, которые другой не выполняет. Несимметричное приветствие в зависимости от значений различных кинетических признаков, таких, как возраст, пол, положение тела (например, наклонное оно или прямое), степень активности, тип взгляда (например, прямой или в сторону) и пр., может интерпретироваться как совокупность знаковых действий, выражающих доминацию или подчиненное положение лица. При симметричных приветствиях использование каких-либо кинетических характеристик, определяющих доминацию или подчинение, по правилам жестового поведения не допускается. Избираемый способ приветствия обусловлен личными отношениями партнеров и тем, как они представляют себе свой статус по отношению к партнеру в социальной иерархии.

Приветствия солидарности и прощания солидарности не идеально симметричны хотя бы по той тривиальной причине, что кто-то из двух всегда первым начинает приветствие, а другой это приветствие подхватывает. Партнеры никогда не начинают последовательность действий вместе, хотя заканчивают ритуалы приветствия и прощания одними и теми же действиями. Инициатива всегда принадлежит кому-то одному из участников коммуникации, причем то, кому она принадлежит, зависит от самых разных обстоятельств, едва ли поддающихся исчислению, например, один человек приходит к другому в гости, один вынужден подойти к другому на улице, один узнал другого, увидев в театре или ресторане, и т.п. В подобных <квази>симметричных солидарных приветствиях инициатива имеет смысл 'приглашения к взаимодействию, диалогу', тогда как в несимметричных приветствиях уважения она носит характер 'просьбы' или 'прошения'.

Симметричные приветствия и прощания отличаются друг от друга, помимо смысла, еще и условиями употребления: предварительные действия, которые предшествуют приветствиям, могут быть проделаны одним из участников диалога, когда его партнера нет, когда тот отсутствует, а действия, предваряющие жесты прощания (расставания), неизбежно выполняются в компании другого участника коммуникации (последнее наблюдение, принадлежащее замечательному антропологу и психологу Эрвину Гоффману, мы заимствовали из его книги [12]).

Наконец, жест-приглашение к взаимному приветствию, например, **протянуть руку для рукопожатия**, часто прочитывается как знак положительного отношения к адресату, а приглашение к прощанию, напротив, может интерпретироваться как выражение со стороны инициатора прощального жеста негативных чувств к партнеру.

* * *

Даже в сравнительно гомогенной группе людей возможны значительные расхождения в тактильном поведении, особенно при приветствии. Например, американцы, как показывают проведенные нами визуальные и фотонаблюдения, а также ответы американских студентов на вопросы предложенной нами анкеты, очень легко отличают невербальный стиль общения и, в частности, способы приветствия коренных латиноамериканцев, или «испанцев», от приветствий белых американцев, «anglo». По данным антрополога Р.Шатера, выделившего и описавшего элементы жестового, тактильного и проксеимного поведений жителей стран Латинской Америки, даже внутри самой латиноамериканской культуры существует значительная вариативность приветствий. Например, костариканцы гораздо больше любят касания, чем панамцы, а панамцы — более трогаящий народ по сравнению с колумбийцами [13]. Майори из Новой Зеландии встречают и провожают людей, обнимая их за шею и плача [14], а эскимосы, жители юга Аляски, приветствуют гостей легкими ударами по плечам и голове. Некоторые народы, населяющие берега Амазонки, в знак приветствия шлепают друг друга по спине, а полинезийцы обнимают и ладонями потирают спину друг друга. На островах, расположенных между северо-восточной Австралией и южной частью Новой Гвинеи, издавна существует следующая форма приветствия: слегка согнутые пальцы правой руки сцепляли пальцы правой руки партнера, после чего выпрямлялись таким образом, чтобы можно было скрести ими ладонь партнера, и эта последовательность движений повторяется несколько раз [15].

В [16] приводится следующий любопытный случай культурного несоответствия в актах касания у двух народов, которое имело своим последствием серьезную коммуникативную неудачу: «Однажды один американский бизнесмен, находившийся с деловым визитом на острове Ява, был приглашен на коктейль. И здесь американец, сам того не желая, разорвал невидимые культурные канаты, которые отмечают границы приемлемого поведения. Он хо-

тел завязать деловые отношения с одним из бизнесменов — жителей Явы и успешно продвигался в намеченном направлении. Однако, когда вечер уже близился к концу, американец положил руку яванцу на плечо, причем сделал это в присутствии других людей. Такое поведение было сочтено совершенно беспардонным и унижающим достоинство человека, поскольку нарушало давний традиционный этикет. И хотя американский бизнесмен почти сразу же принес своему яванскому коллеге самые искренние и изысканные извинения, завязать деловые отношения уже было невозможно».

Представляется очевидным, что культурные расхождения в жестах приветствия и прощания, как и в тактильном взаимодействии людей в целом, по существу являются различиями в семантике самих жестов, а также в степени значимости тактильного поведения для данной культуры.

На значение и интерпретацию жестовых касаний в любой культуре оказывают влияние следующие важнейшие факторы:

(1) **Какая часть тела и какую трогает.**

Касание губами руки очевидно имеет не ту же семантику, что касание губами губ. Точно так же, когда мужчина и женщина **идут, взявшись за руки**, данная поза значит одно, а когда женщина идет рядом с мужчиной и **берет его под руку**, то такая поза значит совсем другое.

(2) **Продолжительность жеста.**

Высказывания *Он задержал ее руку в своей* и *Он быстро отдернул руку* имеют, конечно, совершенно разные осмысления. Жест **продолжительный поцелуй** не синонимичен жесту **быстрый поцелуй**: если первый — это, бесспорно, жест выражения любви, то второй такого смысла не имеет.

(3) **Имеется ли, помимо касания, давление (сжатие) части тела партнера, и если да, то насколько сильное.**

Рукопожатие «вялой» рукой — это одна разновидность жеста, а **рукопожатие «мужской» рукой** совсем другая. Эмблематический жест **взять за локоть**, средний по силе, относится к семантическому типу коммуникативных жестов и может означать следующее (мы приводим толкование только одного из возможных значений жеста): ‘жестикулирующий (обычно это мужчина) показывает, что он хочет отвести адресата в сторону, чтобы с ней/ним побеседовать наедине’. Жест **сжать локоть** тоже имеет несколько значений, и в каждом случае предполагает за касанием приложение силы. Так, жестовая лексема **сжать локоть 1**, номинация жеста, обращенного к женщине, предполагает приложение со стороны исполняющего этот жест мужчины силы, большей, чем нужна для жеста **взять за локоть**; жест **сжать локоть 1** является симптоматическим и выражает сексуальное желание этой женщины. А еще один мужской жест **сжать локоть 2**, адресатом которого может быть уже человек любого пола, требует, вообще говоря, применения еще большей силы и выражает желание жестикулирующего предотвратить, по его мнению, очевидную и немедленную, реакцию адресата жеста на дей-

ствия или слова третьего лица, например, удержать таким способом адресата жеста от произнесения каких-то слов, которые, если бы были высказаны, могли бы причинить зло адресату или каким-то другим лицам.

(4) Происходит ли движение после того, как произошел контакт, и, если да, то какое.

После **рукопожатия** некоторые мужчины трясут сцепленными вместе руками — это, например, часто бывает при произнесении каких-то поздравительных слов. **Поглаживание** — это всегда движение вдоль поверхности тела, а **шлепок** — это отрывистый, быстрый, не очень сильный, однократный удар. **Похлопывание по плечу** — это обычно три-четыре удара, очень слабые по силе и наносимые по одному и тому же сегменту области плеча; важную роль в этом жесте играет адаптор-звук.

(5) Присутствуют ли при касании посторонние лица и, если да, то кто они.

Интимные касания не предполагают присутствие посторонних лиц. **Рукопожатия** совершаются как на людях, так и вне посторонних глаз, но если омонимичная рукопожатно жестовая форма обозначает 'пари', при котором сцепленные руки следует *разбить*, то присутствие, по меньшей мере, еще одного, третьего лица, «разбивающего», почти обязательно. Им бывает обычно человек, являющийся знакомым или другом двух спорящих: в русской культуре в норме не принято просить совсем не знакомых или мало знакомых людей, чтобы они разбили руки спорящих. Такого человека специально просят: «Разбей!». И **разбить пари** — это тоже жест, по форме — однократный удар, совершаемый сверху вниз и который должен приходиться именно в то место, где сцеплены руки, причем «посередине», как говорят дети.

(6) Тип контекста, в рамках которого происходит касание.

Прикосновение к руке или касание плеча скорбящего человека во время похорон на кладбище или во время траурной церемонии, где слова неуместны — это невербальное (тактильное, выражение сочувствия или утешения, знак выражения солидарности и единения с адресатом жеста в общем с ним горе. И совсем другое означает касание рукой плеча или руки товарища во время, например, спортивной эстафеты или игры: это сигнал того, что наступила очередь бежать (или, в ситуации игры, если не бежать, то действовать как-то иначе, причем вид действия определен правилами игры) человеку, которого коснулись. Иными словами, это сигнал передачи хода партнеру по команде.

(7) Характер стиля невербального поведения и взаимоотношений между партнерами.

Р.Хеслин [17] выделил пять типов **невербальных стилей** (он сам называет их ситуациями, хотя, на наш взгляд, то, о чем он говорит, это скорее стили невербальных поведений-касаний) и пять типов характерных для каждого из них отношений между коммуникантами: (а) функциональный стиль и деловой (профессиональный) тип взаимоотношений; (б) социальный стиль и

вежливость как тип отношений; (в) стиль дружеского общения и теплота; (г) любовное общение и близость (интимность); (д) сексуальный контакт и сексуальное возбуждение. В данную классификацию сознательно не включаются «отрицательные» касания, такие, как шлепки, щелчки, пощечины и пр., поскольку эти касания гораздо более редкие, хотя, разумеется, классификацию можно было бы легко дополнить. Мы здесь этого тоже не делаем, так как приведенная классификация нужна нам лишь для иллюстрации выдвигаемого нами тезиса о влиянии стиля невербального поведения и типа отношений между партнерами на значение и интерпретацию жестов касаний.

В функциональном невербальном стиле, когда связи между партнерами чисто деловые (например, в русской культуре в социальных ситуациях общения врача с пациентом, парикмахера с клиентом, тренера со спортсменом, учителя с учеником), один из партнеров касается другого, если хочет сделать тому что-то, или если хочет, чтобы тот другой сделал для него что-нибудь. Иными словами, значение касания здесь — ‘привлечение внимания адресата для осуществления последующего речевого акта: просьбы, приказа, совета и пр.’.

При функциональном стиле общения в целом ряде случаев разрешены, а иногда и необходимы прикосновения к различным интимным местам человеческого тела, как, например, в ситуации общения портного, банщика или массажиста с своими клиентами, врача с пациентом. Само по себе это обстоятельство, однако, еще не делает касания интимными. И вообще, не будь отношения между участниками коммуникации сугубо деловыми, подобного рода касания при достаточно малой степени знакомства были бы совершенно недопустимыми.

В каждой культуре в социальном невербальном стиле и вежливых отношениях существуют жесткие нормы, предписывающие, кто, кого, как и когда может трогать. Из наиболее типичных жестов здесь можем назвать **рукопожатия** (см. описание условий употребления рукопожатия — жеста мужской субкультуры — в [18; 19]), **поцеловать руку, подать руку 2**, когда мужчина помогает женщине, например, выйти из автобуса. Языковое отображение этих жестов может быть богаче невербального, насыщаясь дополнительными смыслами. Так, в предложении *Но вы! Кто же вы, наш ангел, наше Провиденье?»* — восклицала вдова, покрывая поцелуями руки императрицы (М.Алданов) сочетание *покрывать поцелуями руки* — это выражение не только почтения перед царственной особой, но и благодарности за некое оказанное ею благодеяние.

Смысловой инвариант этих жестов-касаний можно в первом приближении сформулировать следующим образом: ‘демонстрация признания другого лица как имеющего данный социальный статус (в частности, признание в коммуникативном партнере женщины, признание у адресата статуса «высокого лица», например, религиозного, установление отношений равенства с адресатом и т.п.) и установление связи, единения со своим коммуникативным партнером (например, соучастие с ним в каком-то деле)’.

Взаимные касания, или невербальные реципроки, такие, как мужские рукопожатия, могут в ряде случаев нивелировать различия в социальных статусах. Как пишет Д.Шифрин, «когда за руку здороваются мужчины, это означает не только их равное участие в данном ритуале, но и равное достоинство двух лиц» [18, 190]. **Рукопожатие** — это не только намерение продемонстрировать отсутствие оружия и мирные намерения [19], но и, учитывая важные смысловые компоненты взаимности и симметрии, демонстрация равенства и солидарности, это знак того, что после рукопожатия партнеры становятся доступны один другому; ср. *руки, созданные для рукопожатия во время опасности* (О.Мандельштам).

Интересно сопоставить **рукопожатие** как жест близкого приветствия с жестом **махать рукой 1 (в направлении «слева направо»)** как жестом приветствия на расстоянии. Приветствие, совершаемое на дальнем расстоянии (дальнее приветствие) в виде жеста **махать рукой**, содержит в своей семантической структуре императивный компонент, который делает данный невербальный знак непригодным для использования при встречах с людьми более высокого статуса. К тому же жест намекает на некую интимность отношений между коммуникантами, неприемлемую в данном стиле общения. В связи с жёстами **рукопожатие** и **махать рукой** представляет интерес одно замечание современного английского психолога и антрополога П.Коллета: «Когда европеец или американец машут рукой другому лицу на далеком расстоянии в знак приветствия, они исполняют этот жест с целью привлечь внимание адресата, показать, что адресата заметили или опознали, а также предупредить его о возможном предстоящем приветствии на близком расстоянии. Следовательно, приветствия на дальнем расстоянии представляют собой своеобразные невербальные ритуалы, выражающие просьбу о разрешении доступа к другому, а само отношение между коммуникантами проясняется только при близком приветствии. Если приветствия на дальнем расстоянии предполагают, что адресат в ответ каким-то образом покажет или обозначит, будет ли он доступен и открыт для общения, то близкие приветствия применяются для выражения разных степеней солидарности и уважения» [20].

Таксономический класс «дружба-теплота», в отличие от двух предыдущих, определяет неформальные отношения между партнерами по коммуникации. Для дружеского невербального стиля общения типичны возникновение недоразумений и частые коммуникативные провалы из-за того, что в интерактивном акте один из участников, как правило, мужчина, прибегает к касаниям, присущим совсем другому, любовному, стилю общения. Реакциями на подобное «нахальное» поведение могут явиться невербальные «касания» совсем иного типа: **пощечины**, **«вырывания из рук»** и под., часто сопровождаемые словесными репликами *Пусти; Отстань; Ты что, с ума сошел?* и др. Эти реплики говорят о явной неуместности и резком неприятии адресатом такого поведения. С другой стороны, то же невербальное поведение может быть оценено и как выказывающее любовь или сексуальное влечение, хотя и в

этих случаях касания способны привести к коммуникативным, да и не только к коммуникативным, конфликтам. Различная интерпретация стилей и отношений в невербальных событиях-касаниях — это один из основных источников недоразумений, ссор и полного разрыва человеческих отношений.

В любовном невербальном стиле общения, который сочетается с очень близкими, интимными, отношениями между партнерами, и в сексуальном контакте касания передают смыслы 'любовь' и 'сексуальное желание'. Способы касаний (ср. слова и сочетания *нежные, ласковые прикосновения, поцелуи, интимные касания, поглаживания*) и места касаний не должны вызывать у партнеров даже малейшего ощущения дискомфорта. Любовные и особенно сексуальные касания должны быть приятны обоим партнерам и доставлять им обоюдное удовольствие/наслаждение, и эта информация входит в смысл соответствующих жестов.

По мере перехода от функционального стиля к сексуальному растет индивидуация партнера, то есть его выделение из общества и самоидентификация: происходит движение от человека — социальной личности к частному человеку, индивиду. Однако наиболее нейтральным стилем для касаний является не функциональное, а дружеское общение и сопряженная с ним теплота взаимоотношений: именно здесь человек, полностью контролируя свои действия, что далеко не всегда бывает в сексуальном стиле невербального общения, более свободен в выборе жестов-касаний (по сравнению с другими невербальными стилями и отношениями) и более толерантен к возможным отклонениям от нормы. Жестовое касание является прежде всего актом связи, установления контакта с коммуникативным партнером, а потому на уровне дружеского общения, когда уже не просто завязаны контакты, а установлены тесные отношения, люди вполне открыты для разнообразного по форме тактильного подтверждения своей близости друг к другу.

* * *

Подведем итог. Из множества кинетических переменных и параметров, которые должны использовать правила, призванные описывать тактильное поведение человека в невербальной коммуникации (**правила тактильного поведения**), в настоящей работе были рассмотрены следующие: социальное положение партнеров, пол, степень знакомства, отношение участников коммуникации друг к другу и к самим актам касания, стиль тактильного поведения, физическое и психологическое состояния партнеров, присутствие в акте коммуникации «третьих» лиц, тип касания (например, статичное оно или динамичное) и пр. Другие, по-видимому, не менее важные, факторы, определяющие тактильное поведение людей в коммуникативном акте, такие, как число участников тактильной ситуации, например, участвуют в ней двое или более лиц, возраст участников, тип культуры или субкультуры, в рамках которой происходит тактильное общение, сопровождается ли тактильная коммуникация другими видами коммуникации, и если да, то каковы правила взаимодействия тактильной с другими знаковыми системами, были оставлены нами в стороне. Полный анализ

влияний каждого из выделенных параметров на тактильную коммуникацию, не говоря уже о формальном описании соотношений параметров друг с другом, в невербальной семиотике до сегодняшнего дня никем не проведен. Один из основных ее разделов, гаптика, находится лишь в самом начале своего рождения и исследовательского пути: она еще только создает свой язык, выявляет и описывает необходимые формальные и содержательные противопоставления, совершенствует понятийный и терминологический аппарат и определяет круг проблем, идей и подходов к их решению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейдлин Г.Е. Невербальные акты и глаголы касания // Сборник научных работ к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., (в печати).
2. Harlow H. The Nature of Love // American psychologist, 13, 1958, 673—685.
3. Heslin R., Alper T. Touch: A bonding gesture // Wiemann J.M., Harrison R.P. Nonverbal interaction. London: Sage, 1983, 47—75.
4. Montagu A. Touching: The human significance of skin. New York: Harper & Row, 1971.
5. Крейдлин Г.Е. Национальное и универсальное в семантике жеста // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999, 170—185.
6. Williams T.K. Cultural structuring of tactile experience in a Borneo society // American anthropologist, 68, 1966, 27—39.
7. Davis P. The power of touch. Carson, CA: Hay House, 1991.
8. Lewis D. The body language of children: How children talk before they can speak. London: Souvenir Press, 1978.
9. Jibson J.J. The senses considered as perceptual systems. Boston: Houghton Mifflin, 1966.
10. Kleinke C.L., Bustos A.A., Mecker F.B. & Staneski R.A. Effects of self attributed and other attributed gaze in interpersonal evaluations between males and females // Journal of experimental social psychology, 9, 1973, 154 — 163.
11. Coppola A.F. Reality and the haptic world // Phi Kappa Phi journal, 1, 1970, 14—15.
12. Goffman E. Relations in public. New York: Basic Books, 1971.
13. Shuter R. Proxemics and Tactility in Latin American // Journal of Communication, 26, 1976, 46—52.
14. Fraser J.G. Weeping as a Salutation // Fraser J. G. Folk-lore in the Old Testament: Studies in comparative religion, legend and law. London, vol. 2, 1919, 92—93.
15. LaBarre W. The cultural basis of emotions and gestures // Journal of personality, 16, 1947 (1948), 49—68.
16. Hall E.T., Whyte W.F. Intercultural communication: a guide to men of action // Human organization, 19, 1960, 567—576.
17. Heslin R. Steps toward a taxonomy of touching. Paper presented at the annual meeting of the Midwestern psychological association, Chicago (May), 1974.
18. Shiffrin D. Handwork as ceremony: The case of the handshake // Semiotica, 12, № 2, 1974, 189—202.
19. Hall P.M., Hall D.A.S. The handshake as interaction // Semiotica, 45, 3 / 4, 1983, 249—264.
20. Collett P. Meetings and misunderstandings // G.Bochner (ed.). Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction. Oxford: Pergamon Press, 1982, 81—98.

МОДАЛЬНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

Жизнь — это постоянный обмен информацией с окружающим миром. Информация о внешнем мире и о своем месте в нем приходит к нам по нескольким каналам, которым соответствуют способы чувственного восприятия. Наиболее важные для человека информационные каналы — это зрительный (визуальный), слуховой (аудиальный), а также кинестетический, несущий информацию о положении собственного тела в пространстве и об изменении этого положения, которым соответствуют ощущения напряжения, расслабления, движения различных мышц тела. Удельный вес информации, воспринимаемой другими органами чувств незначителен. В обычных условиях большую часть информации о мире мы получаем зрительным путем, воздействие через аудиальный и кинестетический каналы более ограничено, однако это не значит, что последние два канала играют по отношению к визуальному подчиненную роль. Соотношение этих трех каналов в информационном взаимодействии человека с миром может быть разным, и различия определяются не только характером воспринимаемого явления (музыка приходит к нам по аудиальному каналу, а звездное небо, очевидно, может быть воспринято только зрительно). Это соотношение может также определяться чисто индивидуальными психологическими особенностями человека. Дело в том, что многие явления действительности — и, по-видимому, сюда относятся самые значимые для нас явления, такие, например, как язык, речь, — воздействуют на разные каналы или воспринимаются в разных модальностях. В процесс овладения языком и восприятия речи вовлечены все три основных канала. Роль аудиального канала в данном случае очень велика, но не менее важна также и роль кинестетического канала, так как воспроизведение звуков языка осуществляется мышечным движением — работой органов речи. Зрительный канал также вовлечен — в меньшей степени, когда мы имеем дело с звучащей речью (мы воспринимаем больший объем информации, когда имеем возможность наблюдать мимику говорящего), и в гораздо большей, когда мы имеем дело с письменной речью, а в современных условиях мы, пожалуй, чаще получаем языковую информацию зрительно: надписи разного рода стали неотъемлемой частью искусственно созданной человеком среды. Слова языка, таким образом, представлены для человека во всех трех основных модальностях: аудиальной, визуальной и кинестетической. Однако при восприятии речи и запоминании слов у разных людей на первый план выходит, как правило, одна из трех модальностей восприятия. Одним, чтобы лучше запомнить слово, требуется услышать его. В этом случае у

человека преобладает аудиальный канал. Таких людей называют аудиалами. Другим — их называют визуалами — необходимо увидеть слово написанным, и в этом случае ведущим оказывается визуальный канал. Наконец, существуют люди третьего типа. Им, чтобы запомнить слово, нужно произнести его, причем не обязательно вслух, важно, чтобы пришли в действие соответствующие мышцы языка и гортани. Это так называемые кинестетики, у них ведущей является кинестетическая модальность. В современном наполненном всяческими надписями мире взрослые кинестетики не обязательно мысленно проговаривают слово, они могут мысленно его написать, воспроизводя мышечные ощущения в руке, а не в органах речи. Но это касается взрослых кинестетиков, а в детстве роль кинестетического канала обычно бывает выше, дети в большей степени кинестетики, чем взрослые.

Ориентация на разные каналы восприятия проявляется у людей и в других сферах деятельности. Она проявляет себя прежде всего в процессе овладения каким-либо действием или какой-либо деятельностью, то есть при обучении, а также при восприятии новой информации, когда возможен выбор модальности. Типология личностей, основанная на преобладающем способе восприятия в последнее время очень интенсивно разрабатывается в когнитивной психологии и психологии обучения (см., например, [4; 5; 6]), а также в тех областях психологии и психотерапии, которые основаны на использовании языка и различных образов при направленном воздействии на личность человека не только через его сознание, но и через его подсознание (см. многочисленные работы в области нейролингвистического программирования — очень популярного сейчас направления в психотерапии, например, [1; 2; 3; 4]). В рамках нейролингвистического программирования (НЛП), в частности, разработаны некоторые аспекты взаимодействия между ведущей для человека модальностью восприятия и особенностями его речи, проявляющимися в отборе соответствующих предикатов, а также в использовании соответствующей данному типу языковой образности (метафор, сравнений). Собственно говоря, речь идет о тех аспектах использования языка, которые находятся в ведении лингвистической стилистики.

В самом общем виде эти наблюдения сводятся к тому, что в речи конкретного человека статистически преобладают слова, непосредственно отражающие ведущую модальность. У визуалов чаще, чем у других типов, в речи встречаются слова, связанные с зрительным восприятием. Ведущим для них предикатом является глагол *видеть*. При описании мультимодальной ситуации выделяются зрительно воспринимаемые ее аспекты, при этом вероятно использование таких предикатов, как *бросаться в глаза*, *ясно себе представить* и т.п. Подобного же рода лексика предпочитается при описании чувственно не воспринимаемых явлений: *было ясно, что...*,

смысл его слов был темен и т.п. Используемые метафоры основаны на «переводе» чувственно не воспринимаемой данности в ведущую модальность, причем этот перевод настолько естествен, что человек часто не осознает метафоричности в употреблении привычных для него слов в подобных контекстах. Для аудиалов, соответственно, большую роль играет «слуховая» лексика. Ведущий предикат в этом случае *слышать*. При описании ситуации акцент делается на ее звуковых аспектах, возможные предикаты при этом *послышаться, раздаться*. Привычные метафоры основаны на переводе чувственно не воспринимаемых данных в слуховую модальность, это аудиал, скорее всего, *не сможет достучаться* до другого человека или будет рассчитывать на *ответное действие*. Для кинестетика ведущим предикатом является глагол *чувствовать*, а реакция на описываемую ситуацию вполне может быть выражена словами *почва уходит из-под ног, взять себя в руки* и т.п. Выбор тех, а не иных предикатов, как правило, осуществляется бессознательно, и, направленно манипулируя ими, психолог может с их помощью установить контакт человеком на оптимальном для психологического воздействия уровне.

Язык вообще содержит весь набор предикатов, соответствующих основным модальностям, а также некоторый набор привычных метафор, основанных на трех основных модальностях. Так, сила впечатления, произведенного на человека, может в русском языке быть представлена в терминах визуальной модальности: *ослепительная красавица*; в терминах аудиальной модальности: *оглушительный успех*; и в кинестетических терминах: *потрясающий фильм, сногшибательное платье*. Однако языки, как и человеческие индивидуумы, по-видимому, могут обнаруживать различия в употреблении связанной с модальностями восприятия лексики, которая является более привычной при описании мультимодальных ситуаций, а также с направлением ее метафоризации. В настоящей статье, не претендующей на какие-либо глобальные обобщения, с этой точки зрения сопоставляются русский и английский языки¹.

Мы рассматриваем типичные случаи употребления предикатов, наиболее отчетливо отражающих основные модальности.

В языковом отношении наиболее простыми являются визуальные и аудиальные предикаты. В английском и в русском языках, как, очевидно, и во всех других, семантически отчетливо выделены однословные обозначения, однозначно соотносящиеся в этих двумя модальностями. Это основные предикаты *смотреть, видеть* — look, see и их синонимы; *слышать, слушать* — hear, listen и их синонимы, предикаты, отражающие неспособность восприятия в данной модальности: *слепой, глухой* — blind,

¹ По этому признаку можно сопоставлять и различные культуры. Например, такие восточные культуры, как японская, китайская, более кинестетичны по сравнению с западными с их опорой в первую очередь на визуальную модальность.

deaf. Сюда также следует отнести параметрические прилагательные, описывающие соответствующие данным модальностям свойства: *светлый, темный* — *light, dark*; *громкий, тихий* — *loud, soft*.

Начнем с основных визуальных и аудиальных предикатов в двух языках.

Уже один взгляд на номенклатуру таких предикатов оставляет впечатление, что в русском языке аудиальные предикаты несут большую информационную нагрузку, чем в английском, и, наоборот, для англоговорящих относительно большая часть информации о мире соотносится с зрительной модальностью. В английском языке, при его в целом очень богатой синонимии, набор основных аудиальных предикатов ограничен фактически двумя словами: *listen* и *hear*. В русском, наряду с *слушать, слышать*, имеется глагол *внимать* с его производным *внимание*, обозначающим готовность к восприятию любой информации. Аудиальная модальность в русском языке пересекается с другими модальностями восприятия, отсюда синестетические сочетания *слышать запах* или *ног под собой не слышать*, с одной стороны, а с другой, возможность использования глагола *чуять* как синонима *слышать*, ср. (из известной сказки): *Бабушка, ты ничего не чуешь!* — *Где хочешь, там и заночуешь*. Подобное употребление полностью исключено для соответствующих английских глаголов. Синестетичностью в английском языке отмечено только употребление *hear* в выражении *to hear from smb* — получать весточки, письма от кого-либо (букв. “слышать от кого-либо”). Еще один случай синестезии, причем синестезии разнонаправленной, можно рассмотреть на примере параметрических аудиальных прилагательных — русского *тихий* и соответствующего английского *soft*. Если в английском языке для обозначения малой интенсивности звука используется прилагательное, изначально связанное с другой модальностью (кинестетической, к которой тесно примыкает осязание), то в русском языке *тихий* является изначально аудиальным прилагательным, которое в качестве параметрического активно используется в другой модальности, также, впрочем, кинестетической: ср.: *тихий ход, двигаться потихонечку*. Примечательно, что в обоих языках прилагательные обозначающие высокую интенсивность звука, используются для характеристики зрительных впечатлений: *кричащие цвета, loud colours*.

История словопроизводства тоже показательна. Оба основных аудиальных глагола в русском языке восходят к древнему корню *сл-*, который мы находим также и в других словах, связанных с информацией, и прежде всего в самом слове *слово*, а также *слыть, слава* и в самом этническом названии *славяне*, что, на наш взгляд, можно рассматривать как свидетельство значимости этого корня и связанной с ним модальности.

Набор основных зрительных предикатов достаточно широк в обоих языках, и это вполне согласуется с общим положением о том, что зрение

поставляет нам относительно большую часть информации о внешнем мире. Но здесь русским глаголам зрительного восприятия *видеть, увидеть, узреть, смотреть, глядеть* с их производными *посмотреть, подсмотреть, усмотреть, поглядеть*: *наблюдать* английский язык противопоставляет более впечатляющий ряд глаголов, включающий слова разной этимологии: *see, scan, behold, discern, descry, sight, espy, observe, glimpse, view, watch; look, gaze, eye, stare, peer, glance, peep, peek; scrutinize, contemplate, survey* — и это не полный список. Отметим также, что английский родовой глагол восприятия *perceive* регулярно используется в качестве зрительного предиката.

Наблюдения над использованием основных визуальных и аудиальных предикатов при описании типичных ситуаций подтверждают впечатление о большей нагруженности аудиальных предикатов в русском языке. Всем владеющим русским и английским языками известно модальное несоответствие предикатов, которые используются в ситуациях, когда мы хотим привлечь внимание к своим словам. По-русски мы говорим: *Слушай! Послушай!*, а по-английски мы обращаемся чаще к зрительной модальности: *Look!*², или же в центр ситуации ставится не слушающий, а говорящий, а вместо предиката восприятия используется предикат действия: *I say!* Предикаты действия также привычны для англоговорящих и в некоторых других ситуациях, связанных с общением, где русские естественно используют аудиальные слова. Когда мы готовы уделить другому человеку внимание, по-английски свою готовность мы выразим в предикате действия: *What can I do for you?* ('Что я могу для Вас сделать?'), по-русски — в предикате *слушать*: *Я Вас слушаю*. Отвечая на телефонный звонок, по-английски, мы действуем: *Speaking!* (букв. 'Говорю'), а по-русски воспринимаем через слуховой канал: *Слушаю!*

Предпочтение русским языком аудиальной модальности там, где английский выбирает визуальную, иллюстрирует также семантика прилагательных *глухой* и *blind*. Стену без окон по-русски мы назовем глухой, англичане же ее опишут как «слепоую»: *blind wall*. Примеров прямой замены русской аудиальной модальности английской визуальной в целом не так много, можно еще упомянуть аналогичное соотношение у русского безусловно аудиального слова *ушко* в *ушко иголки* и английского *the eye of the needle* (букв. "глазок иголки"). Косвенных свидетельств того, что в русском и английском языках мы имеем разное соотношение этих двух модальностей и что в семантике русского языка прослеживается сдвиг в сторону аудиальной лексики, а в английском — в сторону визуальной, можно привести множество.

² Listen в таких высказываниях также возможно, но редко: в этом случае слушающий настраивается на восприятие в первую очередь именно звука, а не информации как таковой.

В обоих языках метафоризация основных предикатов аудиальной и визуальной модальностей идет сходными путями. На основе аудиальной модальности развиваются значения, отражающие общую информированность субъекта: *I heard about it* — *Я об этом слышал* (это мне известно), *I've never heard about it* — *Никогда об этом не слышал* (это для меня новость). На основе визуальной модальности развиваются значения, связанные не с чувственным, а с интеллектуальным восприятием: *He вижу в этом смысла, I see what you mean* — *Мне ясно, что вы имеете в виду*. Однако есть и различия. У русских аудиальных предикатов перенос значений идет также и по другим направлениям. *Слушать кого-либо, прислушиваться к чьим-либо советам* и, наконец *слушаться кого-либо* предполагают особое уважение к источнику информации. Дальше в этом направлении нас уведут производные слова: *послушный, непослушный, послушание, послушник*, где реализуются в большей или меньшей степени социальные импликации таких отношений. В другом направлении, но также связанном с информацией развивается значение у слова *внимание*. Внимание — это настроенность на восприятие информации. Подобных значений у английских аудиальных предикатов или их производных нет. Однако английские визуальные предикаты характеризуются большим набором переносных значений, а также и более широкой сферой употребления в таких значениях, чем соответствующие русские предикаты. *I see* (букв. 'Я вижу') — это привычная реакция на слова собеседника, это подтверждение того, что его слова достигли цели. По-русски мы сказали бы: *Понятно* или *Ясно*. *Let me see* (букв. 'Дайте мне увидеть') — это то, что обычно говорит англичанин, если он не готов с ходу дать определенный ответ. Русский в подобной ситуации может сказать: *Минуточку*, а чаще просто ничего не скажет. Англичанину свойственно *видеть* юмор в чьих-то словах или в ситуации (*see the joke*), суть чьих-то слов (*see the point*). Англичанин должен *увидеться* с человеком, чтобы получить от него нужную информацию, также в основном словесную (*see a doctor, a lawyer*), по-русски мы скажем: *сходить к врачу, посоветоваться с юристом*. Сходные тенденции легко обнаруживаются и в употреблении других слов, связанных с двумя модальностями в русском и английском языках.

Языковое выражение кинестетической модальности имеет свою не зависящую от средств конкретного языка специфику. Кинестетическое восприятие связано с разнообразными телесными ощущениями и не соотносится однозначно с определенным органом чувств. К сфере кинестетических ощущений непосредственно относится осязание, но сам спектр кинестетического восприятия гораздо шире и включает все осознаваемые ощущения состояния тела: движение, неподвижность, напряжение, боль, комфорт. В частности, именно кинестетическое восприятие дает нам представление о трехмерности физического пространства, зрительное воспри-

ятие здесь только следует кинестетическому, по сути своей оно двумерно, тогда как аудиальное восприятие одномерно. Предикатов, однозначно ориентированных на кинестетическую модальность, подобных визуальному *видеть* или аудиальному *слышать*, в русском и английском языках нет, как нет их, очевидно, и в других языках. Основные предикаты *чувствовать* и *feel*, выделяемые психологами для этой модальности, в обоих языках являются родовыми обозначениями, соотносимыми со всеми модальностями, кроме визуальной и аудиальной (мы чувствуем и вкус, и запах, и тепло, и холод), и, кроме того, с неопределимым, но не менее важным «шестым чувством» (можно чувствовать опасность) и со всей эмоциональной сферой. Впрочем, эмоции, по-видимому теснее всего связаны именно с телесными ощущениями. Отсутствие в языке чисто кинестетических основных предикатов при их наличии для других модальностей легко объяснимо. Зрительные и слуховые органы четко локализованы и однозначно ориентированы на восприятие внешней информации, представленной в соответствующей модальности. Эти органы могут также быть в рабочем состоянии и могут быть «отключены» как по воле самого воспринимающего субъекта, так и помимо его воли. С другими модальностями дело обстоит сложнее. Если даже восприятие информации телесно локализовано, как, например, обстоит дело со вкусом и обонянием, то информационная функция не является для соответствующих органов единственной. Язык и нос у человека ассоциируются не только, и даже не в первую очередь, со вкусом и запахом. В других же случаях — и прежде всего это относится к восприятию в кинестетической модальности — нет ни постоянной телесной локализованности, ни однозначно предназначенного к восприятию соответствующей информации органа, нет и возможности произвольно или непроизвольно его «включать» или «отключать». Предикаты *чувствовать*, *feel* как раз и ассоциируются скорее с общим состоянием человека, с его реакцией на информацию. Однако английский глагол *feel*, видимо, немного более «кинестетичен», чем русский глагол *чувствовать*: с соответствующим обобщенным значением он совмещает и более конкретное значение «щупать, нащупывать», то есть направленно «включать» или «отключать» осязание: *feel one's way in the darkness* (двигаться в темноте на ощупь). Информация, которую воспринимают органы зрения и слуха, обычно связана с внешними по отношению к нам объектами и явлениями, тогда как то, что мы связываем с чувствами, от нас неотделимо, и это отражается на сочетаемости основных предикатов. Дополнение при визуальном или аудиальном предикате может обозначать не только тип информации, воспринимаемой в соответствующей модальности: *видеть цвет, свет; слышать звуки, речь*, но и сам воспринимаемый конкретный объект или явление: *видеть человека, дом, дерево; слышать человека, колокольчик, приближающийся поезд*. (Правда, такие возможности у аудиальных

предикатов ограничены). При глаголе *чувствовать* (как и *feel* в его более общем значении) возможны дополнения только отвлеченного характера: *чувствовать запах, вкус, холод, голод, напряжение, боль, давление, тяжесть* и т.п.

В обозначении разнообразных частных кинестетических ощущений разные языки обнаруживают гораздо большие расхождения, чем при описании восприятия в визуальной и слуховой модальностях. Количественная оценка относительной значимости кинестетической модальности на основе простого сопоставления употребления кинестетических предикатов в русском и в английском языке вряд ли возможна. Некоторые предварительные наблюдения можно сделать относительно языковых способов представления кинестетически воспринимаемой информации и направлениях кинестетической метафоризации в двух языках.

Расхождения обусловлены в первую очередь тем, что количество однословных обозначений в этой области невелико, чаще разнообразные кинестетические ощущения представляются описательно, с помощью словосочетаний: *чувствовать тяжесть в ногах, стеснение в груди* и т.п. Многие словосочетания частично или полностью фразеологизированы и нередко отличаются ярко выраженной образностью, например, *ком в горле, кишки марш играют, мороз по коже, волосы встают дыбом*, англ. *make one's flesh creep, make one's hair stand on end, have butterflies in one's stomach*.

В русском языке некоторые сочетания такого рода употребляются в безличных предложениях: *В жар (в холод, в дрожь) бросает; ногу свело*. Английские описания имеют другую структуру и отмечены другой коннотацией: *feel hot (cold), shiver, be seized with cramp*. Кроме того, целая группа кинестетических предикатов в русском языке имеет субъектно-предикатную структуру, с обозначением какой-либо части тела в роли подлежащего: *ноги подкашиваются, глаза слипаются, руки не поднимаются*. Прямых коррелятов в английском языке у них, как правило, нет. В английском языке названия частей тела (обязательно с притяжательным местоимением) в роли подлежащего употребляются в основном с именными предикатами и связкой, выраженной глаголами *be* или *feel*, это главным образом свободные сочетания: *My hands (feet, head) feel (are) heavy (warm, cold)*. Другие глаголы при таких подлежащих употребляются сравнительно редко. Близкие параллели иногда возможны, ср. *У него закружилась голова — His head swam*. Английскому предложению, однако, точнее соответствует *Все поплыло у него перед глазами*. Русское *голова кружится* описывает состояние, когда человек нетвердо стоит на ногах, в английском языке оно также описывается прилагательными *giddy, dizzy*. В целом, при сопоставлении русских и английских кинестетических предикатов

вскрывается очень сложная картина частичных соответствий и частичных несоответствий.

Метафоризация кинестетических предикатов идет по нескольким направлениям. Наиболее естествен перенос кинестетических ощущений в эмоциональную сферу. Метафоры, основанные на таком переносе, имеются в обоих языках. Иногда они основаны на одних и тех же образах, как, например, *волосы встают дыбом*, *one's hair stands on end* — оба выражения описывают высшую степень страха. Однако расхождений больше, как это обычно и бывает при метафорическом употреблении слов. В английском языке источником целого ряда метафор является образ боли: *to be a headache* — “постоянно доставлять неприятности, затруднения”, *pain-in-the neck* — “человек, вызывающий раздражение, зануда”, *painful* — “неприятный, обременительный”, (например, об обязанности), *to hurt* — “обижать”. В русских метафорах этот образ эксплуатируется реже. На основе одного и того же образа могут реализоваться разные ассоциации. Головокружение для русского человека ассоциируется с опьянением, вызванным приятными обстоятельствами (*головокружение от успехов*), для англичанина *giddy life* предполагает не стесненную никакими моральными ограничениями жизнь, жизнь ради удовольствия.

Другое направление связано с состоянием свободы или несвободы как в действиях, так и в поведении. Метафоры, основанные на кинестетической образности, мы находим в обоих языках: *быть связанным по рукам и ногам*; *быть скованным, раскованным* — *to be cramped, confined, restricted, unshackled, foot-loose, to have a free hand* и т.п. В русском языке чаще, чем в английском, с помощью кинестетических метафор описывается стиль поведения, в котором раскрывается психологический тип человека, ср.: *стесняться, стеснительный, зажатый, распушенный*.

Наконец, еще одно направление переноса значений кинестетических слов — это сфера деятельности, активности или пассивности. Состояние готовности или неготовности, способности или неспособности к действию в обоих языках часто описывается в кинестетических терминах, причем чаще всего с упоминанием рук: *руки чешутся, не покладая рук, сидеть сложа руки* — *not lift a hand* (ср. *пальцем не шевельнуть*), *sit on one's hands* — “бездействовать”, *to keep one's hand in* — “практиковаться, чтобы не потерять сноровку”. В английском языке, однако, с руками прежде всего ассоциируется передача чего-либо другому, готовность отдать что-то ближнему или оказать помощь: *open one's hand* — “давать”, отсюда *open-handed* — “щедрый”, *give with both hands* — “раздавать направо и налево”, *lend, give a hand* — “помочь”. Для русских же рука — это орган, предназначенный не только для того, чтобы давать, но и для того, чтобы брать: *ходить с протянутой рукой*. Различаются также и ассоциации, которые в русском и в английском языках связываются с ногами. Рука по-русски сама может быть объектом, который

мы даем другому (*подать руку*), причем это действие может иметь разные импликации, и на основе этого сочетания создаются разные образные значения, ср. *подать руку помощи* (действие) и *не подавать руки* (моральное осуждение, выражающееся в не-действии). Почти все русские метафоры основаны на представлении о ногах как опоре: *твердо стоять на ногах*, *ноги не держат*, *ноги подкашиваются* (*заплетаются*, *подгибаются*), *валиться с ног*, *едва ноги волочить*. В английском языке ноги — это также активный орган, ногами можно действовать: *not to put a foot wrong* — “действовать осмотрительно”, *to put one's foot down* — “проявить твердость”, *to put one's best foot forward* — “показать на что способен, проявить себя наилучшим образом”.

Кинестетических метафор в обоих языках множество. На этой модальности, в частности, основана семантика параметрических прилагательных *легкий* и *тяжелый* — их производные значения в русском и английском языках развиваются в разных направлениях. Заканчивая этот весьма поверхностный обзор, хотелось бы обратить внимание на группу русских кинестетических предикатов, которые выше уже были упомянуты в связи с их синтаксическими особенностями. Это сочетания типа *руки опускаются*, *ноги не держат*. Чаще всего они описывают невозможность для органа выполнять его основную функцию, его отказ. На этих значениях в русском языке возникли метафоры, констатирующие наличие внутреннего запрета на совершение какого-то действия: *язык не поворачивается*, *рука не поднимается*, или на преодоление такого запрета: *рука не дрогнет*. Перенос из кинестетической сферы в моральную, по-видимому, более характерен для русского языка.

Речь до сих пор шла о лексике, соответствующей одной, четко определенной модальности — о мономодальной лексике. Многие слова в языке соотносятся с явлениями, которые воспринимаются одновременно или альтернативно в двух или в трех модальностях. Так, очень многие словосочетания, описывающие движения человеческого тела (*поднять руку*, *наклониться*, *развести руки в стороны* — это весь арсенал словесных инструкций для утренней гимнастики, для танцев и т.п.) являются бимодальными: в освоении движений, в тренировке нашего тела очень важно подражание, здесь тесно взаимодействуют восприятие в зрительной и в кинестетической модальности. Действие, обозначаемое словом *писать*, предполагает восприятие в визуальной и кинестетической модальности, так же, как и действие, обозначаемое глаголом *читать*. Однако в русском языке глагол *читать* совместим также и с аудиальной модальностью. Это находит проявление в таких сочетаниях как *читать лекцию*, *читать нотацию*. В английском языке у глагола *read* аудиальная модальность, по-видимому, отсутствует. В сочетании *read a lecture* глагол *to read* осмысливается точно так же, как и в сочетаниях *to read a book*, *to read an article*, то есть визуально воспринимать письменный текст, который может быть и записью лекции. Многие слова (*мысль*, *идея*, *считать* и т.п.)

соотносятся с чисто интеллектуальной деятельностью и не предполагают непосредственной соотнесенности с чувственным восприятием, их можно было бы назвать безмодальными. Однако исторически интеллектуальные действия связаны с определенной модальностью чувственного восприятия. Овладение счетом, например, и сейчас неотделимо от кинестетического восприятия: первым счетным инструментом являются наши собственные пальцы. Анализ значений чисто интеллектуальных слов может вскрыть подобные связи.

Сопоставительное изучение лексики разных языков обычно проводится в рамках лексико-семантических или тематических групп, объединяемых по признакам, которые мы обнаруживаем во внешнем мире. Модальности восприятия отражают особенности самого человека, воспринимающего и организующего вокруг себя мир. Для самого языка, который также ориентирован на внешний мир и в то же время является собственно человеческим орудием, организующим информацию о внешнем мире, они не менее важны, чем выделенные на их основе и с их участием признаки внешнего мира. Особенности восприятия мира, обусловленные предрасположенностью к определенной модальности, отражаются и в языковой семантике. Они могут быть выявлены в процессе сопоставительного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэндлер Р. Используйте свой мозг для изменения. СПб., 1994.
2. О'Коннор Дж., Сеймор Дж. Введение в нейро-лингвистическое программирование. Новейшая психология личного мастерства. Русский перевод книги американских психологов в Интернете по адресу: www/tm.odessa/moshkow/koi/NLP/nlp/txt.
3. Пуселик Ф., Люис Б. Магия нейролингвистического программирования без тайн. СПб., 1995.
4. Bandler R., Grinder J. The Structure of Magic. Palo Alto, CA, 1979.
5. Fleming E., Levie W. (eds). Instructional Message Designs. Englewood Cliffs, New Jersey, 1993.
6. Keefe J W. Learning Styles. Cognitive and Thinking Skills, Reston, VA, 1991.
7. Reiff J.C. Learning Styles. Washington D.C., 1992.

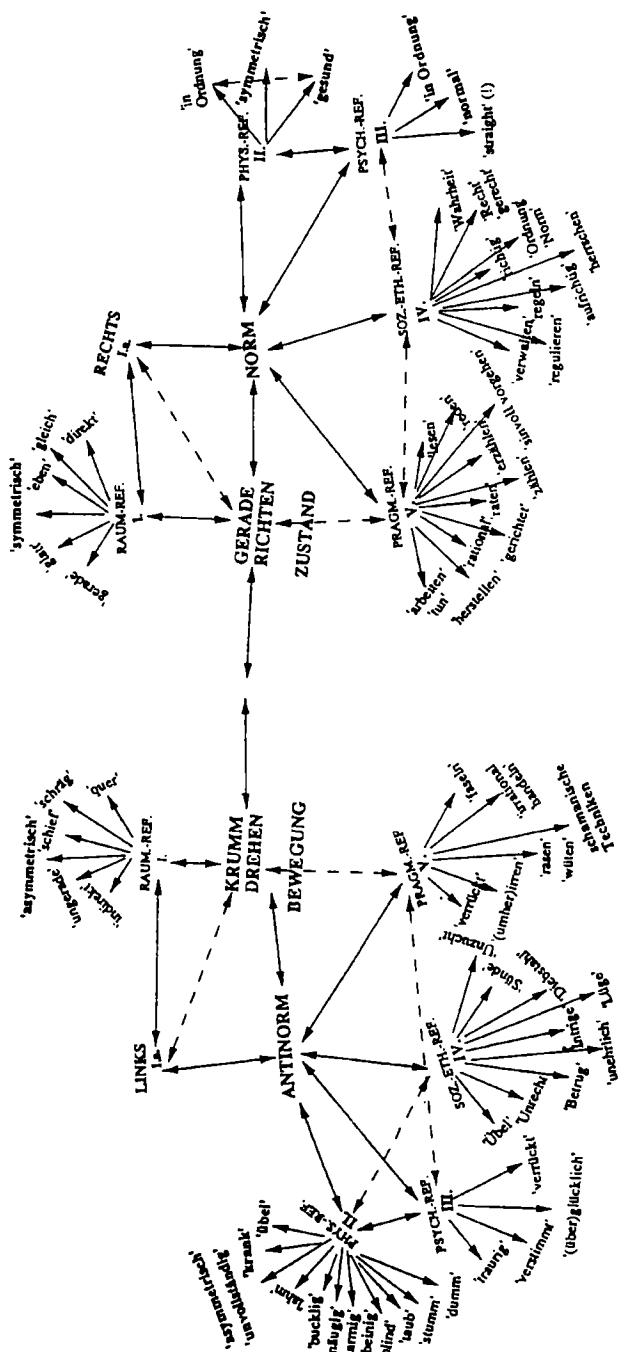

Схема 1: Моделирующая функция оптимизации КРИВОГО / ПРЯМОГО, ВРАЩЕНИЯ / ВЫПРЯМЛЕНИЯ и ДВИЖЕНИЯ / СОСТОЯНИЯ в рамках понятийного поля АНТИНОРМЫ И НОРМЫ

ДИНАМИЧЕСКОЕ И СТАТИЧЕСКОЕ НА ФОНЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО и РАЦИОНАЛЬНОГО

Настоящая статья является продолжением и развитием темы, представленной мною в докладе на конференции «Языки этики» (Москва, 1998 г.). Тогда я говорила о семиотизации противопоставления АНТИНОРМЫ и НОРМЫ, или ОТКЛОНЕНИЯ ОТ НОРМЫ и НОРМЫ, в стандарте и нон-стандарте языков европейского ареала¹. В связи с этим я подчеркнула семиотическую значимость того бинарного концептуального поля, которое охватывает категории КРИВОЕ/ПРЯМОЕ, ВРАЩЕНИЕ / ВЫПРЯМЛЕНИЕ, присоединяя к ним оппозицию категорий ДВИЖЕНИЕ и СОСТОЯНИЕ (ZUSTAND). Это концептуальное поле, так же как и моделируемое им комплексное понятийное поле АНТИНОРМА и НОРМА, показаны на схеме 1.

Существование этого поля подтверждается интер- и интраязыковым сравнением внутренней формы большого количества выражений со значениями, соприкасающимися на уровне десигната и совпадающими на высшем понятийном уровне. Концептуально-десигнативное совпадение особенно очевидно там, где АНТИНОРМА и НОРМА приобрели эксплицитное выражение, как это происходит в поле социально-этических референтов (см. схему 2)², о чем я как раз и говорила в 1998 году.

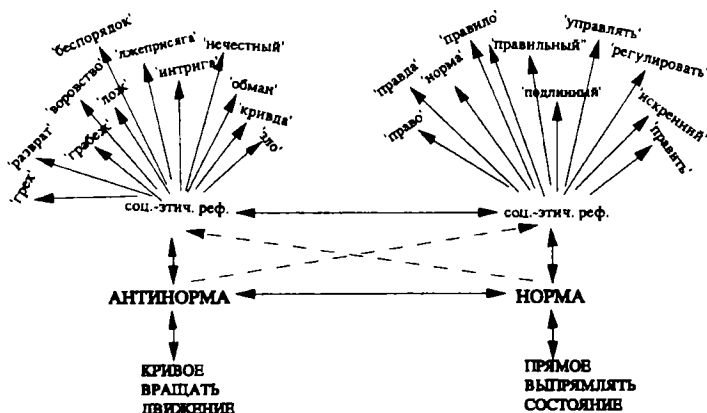

Схема 2: Противопоставление НЕПРАВИЛЬНОГО и ПРАВИЛЬНОГО как КРИВОГО/КРУЧЕНИЯ и ПРЯМОГО/ПРАВЛЕНИЯ (домен социо-этических референтов)

¹ Ср.: ван Лейвен-Турновцова 1998 (далее ван Лейвен или van Leeuwen).

² Более детальный анализ семантических отношений и культурно-семантической мотивировки противопоставления КРИВОГО и ПРЯМОГО в рамках этого поля дается в статьях van Leeuwen 1991 и 1991a.

Здесь выступает характерная полярность ПРЯМОГО и КРИВОГО, ср. *правда* и *кривда* в славянской юридической терминологии, полярность ВЫПРЯМЛЕННОГО и ИСКРИВЛЕННОГО в латинском *directum* и *tortum*, моделируемых на кельтском фоне, или в англосаксонских правовых терминах, к которым принадлежит и английское *wright* и *wrong*.

Эту концептуальную полярность можно наблюдать и в более широком окружении данных десигнатов, прежде всего в контексте маркированной АНТИНОРМЫ. Десигнаты 'обман', 'кража', 'грабёж' и тому подобные актуализируются в разговорном языке и аргументально на фоне КРИВОГО и ВРАЩЕНИЯ, как и вообще (непрямого) ДВИЖЕНИЯ³. Внутренняя форма целого ряда соответствующих выражений свидетельствует о присутствии в нашей модели эксплицитной динамической компоненты.

Таким образом, категории КРИВОЕ и ПРЯМОЕ, ВРАЩЕНИЕ и ВЫПРЯМЛЕНИЕ, так же как ДВИЖЕНИЕ и СОСТОЯНИЕ, образуют комплексное, в концептуальном отношении относительно гомогенное поле. При этом они моделируют некое понятийное поле, или, точнее, существенный фрагмент такого поля, семантические границы которого мы обозначили противопоставлением архилексем АНТИНОРМА и НОРМА. Объединяющий их структурный принцип мы, следуя Витгенштейну и терминологии современной когнитивной диахронной семантики, называем принципом «семейного сходства»⁴.

³ Ср. актуализацию понятий 'ОБМАН' и 'ВОРОВСТВО' на примерах нестандартного (и стандартного) европейского ареала: 'ОБМАН' — пол. *kłeczenie*, чеш. *švindl*, ит. (станд.) *imbroglio* «обман», пол. *kłeciciel* «обманщик», русск. *крутить динамо, пуговицу* и т.п., чеш. *švindlovat*, ит. *imbrogliare, avvilluppare*, фр. *embrouiller, entortiller, embobiner* «обмануть», русск. *прокататься на шаре* «искать выгоды», *крутануться* «получить выгоду», русск. *телегу /на кого/ накатать*, чеш. *koulet co na koho* «навлечь подозрение на другого», русск. *кривой, обманщик, кривство* «обман» и т.п.; 'ВОРОВСТВО': (нонстанд.): чеш. *votočit co* «украсть что», нем. *böhmischier Zirkel* «воровство», англ. *twister* «профессиональный взломщик», *to screw* «взломать», нем. (станд.) *etw. entwenden* «завернуть», др. русск. *ворон* «грабёж», *вѣрнсти* «грабить» (ср. лит. *verpti* «прятать» и его лат. соответствия — вопреки Фасмеру и согласно Потёбне).

⁴ Простейшие примеры «семейного сходства» можно представить в виде цепных структур типа АБ-БВ-ВГ и т.д.: «звенья» одной категории соединяются друг с другом, образуя единое категориальное целое. Помимо этого количественно-простого, десигнативно же весьма сложного типа внутренней структуры когнитивных категорий, есть и более сложные кластеры (англ. *cluster*), которые могут выводить даже к прототипическим — основанным на глобальном сопоставлении с центральным примером — структурам. Кластерные соединения категориальных признаков встречаются и на синхронном (в концептуальных структурах полисемии), и на диахроническом уровне (здесь они существенны для процессов изменения значения). Принципы когнитивно ориентированной диахронной семантики подробно излагаются в работе Гейрертса, ср. Geeraerts 1997.

На концептуальной основе перечисленных выше категорий формируется, как было сказано, бинарное понятийное поле, которое мы ограничиваем здесь оппозицией АНТИНОРМА и НОРМА. Оно охватывает ряд десигнативно связанных семантических полей⁵. Денотативно эти поля связаны друг с другом взаимным соприкосновением значений. Десигнативно же они — хотя их границы проницаемы — отделены друг от друга, поскольку коррелируют с разными, с течением времени отдаляющимися друг от друга референциальными доменами.

К указанному полю относятся (на схеме 1 с середины сверху до середины снизу, слева и справа): поле пространственной асимметрии и симметрии (I), поле ЛЕВОГО и ПРАВОГО (Ia), поле физических, точнее, психо-физических референтов (свойств живых существ II), поле психических референтов (III), поле социально-этических референтов (IV, см. также схему 2), и бинарное поле ИРРАЦИОНАЛЬНОГО и РАЦИОНАЛЬНОГО (V, см. также схему 3). Типы возникающих при этом десигнатов обозначены марровскими кавычками: они представлены обширным числом интер- и интраязыковых (диахронных, диатопных и диастратных) лексических единиц⁶.

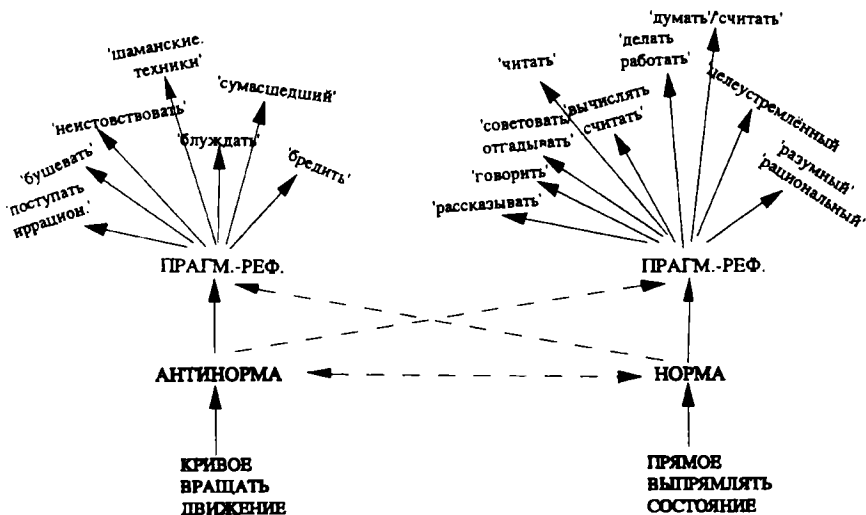

Схема 3: Противопоставление ИРРАЦИОНАЛЬНОГО и РАЦИОНАЛЬНОГО в домене прагматических референтов

⁵ См. схему 1, где они перенумерованы.

⁶ Наша модель, таким образом, отличается от структуралистических семантических полей, всегда предполагающих принципиальную синхронную, синтопную, синстратную гомогенность материала. У нас же представлена потенциальная, виртуальная модель.

На конференции 1998 г. я попыталась показать, как функционируют концептуальные и десигнативные связи в рамках отдельных референционных полей⁷; уже тогда я говорила об эксплицитном динамическом слое и соответственно о динамической по преимуществу концептуализации десигнатов ИРРАЦИОНАЛЬНОГО (см. схему 3)⁸.

Эта динамическая компонента манифестируется при (лексической) семиотизации таких сакральных персонажей, как демоны, маги, колдуны, при семиотизации ярости/гнева и бешенства, входящих в технику экстаза, и при семиотизации относящихся к этому элементов устной традиции, в частности, рифмованных вербальных текстов, хранителями которой и являются эти персонажи.

Соответствующая динамическая компонента манифестируется далее при лексикализации различных форм профанно-иррационального поведения. Она является основой общеевропейской метафорики сумасшествия и проявления всякого рода сильных чувств и моделирует лексическую семиотизацию иррационального, бессмысленного и бесцельного поведения, будь оно вербальным или невербальным⁹.

В поле ИРРАЦИОНАЛЬНОГО имеются, как мы видели, десигнативные соприкосновения и перехлёстывания различных видов ДЕМОНИЧЕСКИ-МАГИЧЕСКОГО с техниками экстаза, сумасшествием, дописьюменной мнемотехникой (и, кроме того, ВИХРЕМ), происходящие эксплицитно или имплицитно на концептуальном фоне категории ДВИЖЕНИЕ. Взаимные перехлёстывания этих компонентов в контексте семиотизации сферы магического приведены на схеме 4.

Эта схема является реконструкцией десигнативных и концептуальных связей, выступающих в семантической структуре различных деривационных гнёзд, в которых возникают десигнаты 'дух', 'бог', 'колдун', 'ярость',

⁷ Тогда в качестве примера было выбрано поле физических и психо-физических свойств человека, с десигнатами 'одноглазие', 'одноноготь', 'хромота', 'глухота', 'немота', 'слепота' и 'глупость'. Оказалось, что все эти типы десигнатов — а не только лексикализация таких физических асимметрий, как одноноготь или одноглазие, — семиотируются и в пределах нашего понятийно-концептуального поля. Ср. также van Leeuwen 1994.

⁸ Детальный анализ противопоставления ИРРАЦИОНАЛЬНОГО и РАЦИОНАЛЬНОГО см. в статье van Leeuwen 1996.

⁹ Этот динамический слой концептуализации моделирует актуализацию названий 'бешенства' и 'иррационального поведения' (прежде всего — но не исключительно — в нонстандарте европейского ареала): чеш. *protáčet* «сходить с ума», *roztočit se* «развлекаться/гулять», *vyuotit koho* «разозлить кого» ('раскрутить'), ит. *divertirsi*, *divertimento* «развлекаться, развлечение», англ. *screw* «сумасшедший», нем. *spinnen*, *durchdrehen* «сходить с ума», *aufgedreht* «сильно взволнованный», станд.: ст.-сл. *наглокручинство* «вспыльчивость», др.-рус. *кручина* «болезнь», ит. *vertigine* «бешенство» и т.п.

‘ода’, ‘стих’ и т.п.¹⁰ Соответствующие связи наблюдаются и во вторичных семиотических системах, в обозначениях атрибутов и способностей шаманов, колдунов, духов и божеств, в шаманских техниках экстаза и т.д.¹¹

Схема 4: Десигнативные связи элементов поля ИРРАЦИОНАЛЬНОГО, возникающие на основе ДВИЖЕНИЯ

Я уже давно рассматриваю эти десигнативно-концептуальные связи не только в кругу понятийного поля АНТИНОРМА и НОРМА, но и как отражение семиотического противопоставления комплексов АНТИКУЛЬТУРА и КУЛЬТУРА, или, точнее, ПРИРОДА и КУЛЬТУРА. В его рамках оппозиция ДВИЖЕНИЯ и СОСТОЯНИЯ начинает играть всё более определяющую роль, поскольку она коррелирует с постоянно возрастающим противопоставлением ПРИРОДЫ (как АНТИКУЛЬТУРЫ) и КУЛЬТУРЫ, приобретающем нормативный характер¹².

Под ДВИЖЕНИЕМ понимается в первую очередь не прямое (не целенаправленное) движение. Оно воспринимается как составная часть природных процессов, как форма выражения элементов природы, враждебных культурным гипостазам человека. В итоге динамический концепт рассмат-

¹⁰ Ср.: van Leeuwen 1996: 309—320.

¹¹ Ср., например: Плотникова 1996.

¹² Уже перечень пифагорейских бинарных оппозиций, которую приводит Аристотель в 1-ой книге «Метафизики» и в рамках которой противопоставляется не только ЛЕВОЕ ПРАВОМУ, ЖЕНСКОЕ МУЖСКОМУ, КРИВОЕ ПРЯМОМУ, но и ДВИЖЕНИЕ НЕПОДВИЖНОСТИ (СОСТОЯНИЮ), имеет отчетливо оценочный характер, включающий оппозицию ПЛОХОГО и ХОРОШЕГО. Позитивная оценка НЕПОДВИЖНОСТИ и негативная ДВИЖЕНИЯ присутствуют и в идеальном устройстве космоса в ренессансе. Ср.: Burke 1984: 180. Такая морализирующая концепция макрокосмоса не могла не оказать влияние на представления о структуре микрокосмоса (и об-ратно).

ривается и оценивается как симптом своеволия, бесконтрольности и отказа от порядка (АНТИНОРМЫ). Параллельно с этим происходит семиотизация ПРЯМОГО и ВЫПРЯМЛЕНИЯ как атрибутов и основ *правильного, целенаправленного* ПОРЯДКА, НОРМЫ и КУЛЬТУРЫ¹³.

Хотя ПРЯМОЕ и ВЫПРЯМЛЕНИЕ, по сути, не являются чисто статическими категориями, тем не менее, на их базе конституируется выраженный статический субконцепт: чем больше и более ценимых видов культурной деятельности опирается на ПРЯМОЕ и на различного рода ВЫПРЯМЛЕНИЕ непрямого, тем позитивнее воспринимаются эти категории и тем негативнее комплекс КРИВОГО и ВРАЩЕНИЯ. Чем доминантнее линейаризация культурного процесса, чем большую культурную непрерывность оно создает, тем статичнее становится КУЛЬТУРА, тем негативнее воспринимается феномен ДВИЖЕНИЯ, тем однозначнее он связывается с АНТИКУЛЬТУРОЙ.

Остановлюсь подробнее на феномене направленности и линейаризации.

ОСМЫСЛЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

На схеме 2 уже была показана связь между десигнатами сферы социально-этических референтов типа 'править', 'управлять', 'руководить', 'право', 'правда' и т.п. и концептом ВЫПРЯМЛЕНИЯ, НАПРАВЛЕННОСТИ и ЛИНЕАРНОСТИ. Эта связь повторяется и в домене прагматических референтов, в поле РАЦИОНАЛЬНОГО (ср. схему 3). Здесь — на той же самой или аналогичной основе — возникают такие десигнативные генерализации как 'делать', 'творить', 'чинить', с одной, и 'говорить' / 'рассказывать' или 'располагать' и 'докладывать', с другой стороны. В тесной связи с ними происходит концептуализация не только десигната 'читать', но и обозначения интеллектуальных техник типа 'вычислять' / 'считать' или 'считать' / 'полагать'. Эти десигнаты и/или их комбинации возникают снова в различных деривационных гнездах, семантическая структура которых в определенной степени повторяется¹⁴. Наряду с концептуальными соответствиями или аналогиями между различными типами десигнатов, типичными феноменами являются семантические перехлестывания и полисемные кластеры.

¹³ По разного рода причинам мы, к сожалению, не можем проиллюстрировать историческую экспансию ПРЯМОГО за счет КРИВОГО в области материальной культуры и интеллектуальных приемов, с ней связанных. Эта экспансия захватывала прежде всего технику земледелия, домостроительства и градостроения и моделировала их теоретические основы, отражавшиеся в соответствующих приемах геометрии и архитектуры.

¹⁴ Ср. основу **prav-* на схеме 5, основу **dhe-* на схеме 6, основу **re-*/**ra-* 1 и 2 на схеме 7, вариант *(a)*ri-* этой основы на схеме 8, далее основу **reĝ-* на схеме 9 и основу 1/3 **del-* на схеме 10.

Схема 5: Ареальная структура дериватов корня *prav-, моделируемых в рамках поля РАЦИОНАЛЬНОГО (славянский ареал)¹⁵

Схема 6: Ареальная структура дериватов корня *dhē-, моделируемых в рамках поля РАЦИОНАЛЬНОГО¹⁶

Особенно тесные связи существуют между концептуализацией десигнатов 'делать' / 'творить' и 'чинить' и десигнатов 'говорить' / 'рассказывать'¹⁷, с одной, и 'сочинять стихи', с другой стороны¹⁸ (ср. схемы 5, 6, 7 и схемы 8, 9), далее между десигнатами 'делать' и 'считать'/'вычислять' или 'число'/'счет' (ср. схемы 7, 9, 10).

Схема 7: Ареальная структура дериватов корня *rē-/rə-, моделируемых в рамках поля РАЦИОНАЛЬНОГО¹⁹

¹⁵ Исходные «значения», т.е. реконструкции семантики исходной основы, даются по словарю Покорного (Pokorny, 1959, 1). Лексические репрезентации дериватов основы *prav- еще не полностью десемантизированы, так что связь с концептом ПРЯМОГО остается достаточно эксплицитной. К примерам полисемных кластеров см. еще русск. *править* (ср. десигнационные соответствия — хотя и не полные — в других славянских языках). Ср. чеш. *vupravovat*, болг. *разправя(м)* 'рассказывать'. Об использовании данной основы в геометрической терминологии излишне напоминать.

¹⁶ Ср.: Pokorny 1959, II: 235 ф). Ср. ц.-сл. *deti* 'класть', русск. *деть* 'положить', 'воткнуть', (старо-) чеш. *diti* 'сказать' и дериваты той же основы *delatъ*, *dělat*. К этой основе принадлежат нем. *tun*, англ. *to do*.

¹⁷ Вариантом этих десигнатов является и 'речь' (сравни схему 10). Данные концептуальные связи повторяются и в интра- и в интерязыковых отношениях.

¹⁸ Вариантом являются десигнаты 'стих', 'песнь', 'рифма', 'сказка' — ср. схемы 8 и 10.

¹⁹ Ср.: Pokorny 1959, I: 55 и сл. В качестве примеров приведем хотя бы серб. *raditi* «работать», нем. *reden* «говорить», нем. *raten* «советовать», англ. *to read* «читать». Концепт ПРЯМОГО и значение «прямо/направленно» имеется в нем. *gerade* «прямо», значение «ряд» — в др.-сев. *rod* и т.п.

Схема 8: Ареальная структура дериватов корня **re-/rə-*, (вариант **(a)rī-*), моделируемых в рамках поля РАЦИОНАЛЬНОГО²⁰

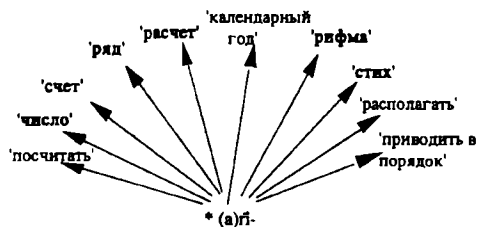

Схема 9: Ареальная структура дериватов корня **reg-*, моделируемых в рамках поля РАЦИОНАЛЬНОГО²¹

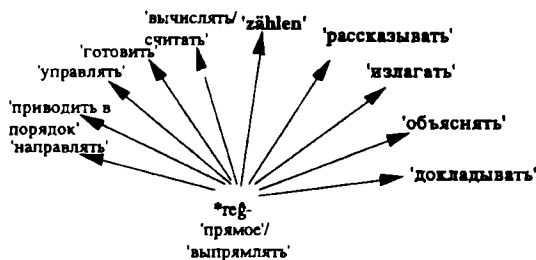

Схема 10: Ареальная структура дериватов корня *1/3 *del-*, моделируемых в рамках поля РАЦИОНАЛЬНОГО²²

Существуют явные семантические перехлёстывания и между десигнатами 'считать' / 'вычислять' и 'думать' / 'располагать'²³, которым посвящена последняя часть моей статьи.

Почему десигнаты типа 'делать' / 'творить' или 'чинить' концептуализируются на основе ПРЯМОГО и НАПРАВЛЕННОСТИ, я уже говорила: они формируются как метонимии или синекдохические генерализации особенно салиентных, особенно значимых и культурно ценных приёмов и техник²⁴. Ими являются — о чём и свидетельствуют этимологическая ос-

²⁰ Ср. Pokorny 1959, I: 59 и сл. и наш анализ в van Leeuwen 1996: 323 и сл.

²¹ Ср.: Pokorny 1959, I: 854 и сл.

²² Ср.: Pokorny 1959, I: 193, 194 и EWdD 1989, III: 2002 и сл.

²³ Сюда же относится и концептуализация десигнатов 'объяснять', 'докладывать', 'читать'. Ср. van Leeuwen 1996.

²⁴ Ср.: van Leeuwen 1991, 1991a, 1996, 1999.

нова и её постоянная актуализация в процессе деривации — складывание, сколачивание, соединение, составление из частей и вообще любое (целенаправленное) строение, т.е. то, что относится прежде всего к организации пространства и домостроительства и связанным с ними мануальным техническим приемам²⁵. Направленность и линейность этих приёмов включена в глубинную структуру соответствующих десигнатов и лексем и влияет на дальнейшее развитие семантических кластеров в отдельных деривационных гнездах.

Десигнаты типа 'строить', 'соединять', 'сколачивать', 'выпрямлять' и т.п. переводят, таким образом, категории ПРЯМОЕ, НАПРАВЛЕННОЕ, ЛИНЕАРНОСТЬ из исходного домена мануальных техник в социальный, этический, моральный и интеллектуальный домены и моделируют возникновение и диахронную передачу концепта ПРАВИЛЬНОГО и ПОРЯДОЧНОГО (упорядоченного). НАПРАВЛЕННОСТЬ и ЛИНЕАРНОСТЬ становятся тем самым и важнейшими репрезентациями понятийного поля КУЛЬТУРА.

Концептуальные интерференции между десигнатами 'делать' и 'говорить' или 'рассказывать' можно объединить значением *'складывать (линейно/последовательно/правильно)'²⁶. Эти интерференции повторяются и ареально, и интраязыково и отражают параллельные или совместные культурные процессы.

Соприкосновения и перехлестывания десигнатов являются при этом следствием синекдохической генерализации, при которой первоначально контекстуально связанный концепт переходит из своего исходного в другие домены, сохраняя при этом собственную структуру. ВЫПРЯМЛЕНИЕ и вообще ЛИНЕАРНЫЕ ПРИЕМЫ постепенно становятся доминантными репрезентациями всякой (осмысленной, соответствующей порядку, целенаправленной) культурной деятельности и, тем самым, осмысленного и последовательного говорения (ср. схему 9).

Существует, как мы видим, и практическая сторона семиотизации ПРЯМОГО как привилегированной репрезентации НОРМЫ, ПОРЯДКА и КУЛЬТУРЫ. Она связана с практической организацией пространства, с обмерами земель, строительством домов и поселений. Но при этом существует и более абстрактный уровень, предполагающий гипостазирование указанных приемов: многие культурные техники либо изначально по-

²⁵ Почти эксплицитно эти связи выступают в деривационном поле основы **dhe*- (ср. схему б).

²⁶ Связь между десигнатами типа 'делать' / 'творить' или 'чинить' и десигнатами типа 'отгадывать' / 'советовать', с одной, и 'читать', с другой стороны, возникает на аналогичной основе: 'отгадка' — это то, что соответствует и совпадает с загадкой, 'совет' — это то, что хорошо «складывается» с вопросом, 'читать' — это осмысленно, правильно соединять.

строены по линейному («направленному») принципу, либо — ср. осмысленную речь или метрическую поэзию — трактуются сквозь призму линейности. Другие же техники укоренены в линейности как таковой.

СЧИТАТЬ и ПОСТУПАТЬ НАМЕРЕННО

К этому линейному концепту приводит нас анализ десигнатов 'счет', 'расчет', 'число' и 'ряд' и их деривационных соприкосновений²⁷. Чтобы «оживить» эти рутинные концептуальные связи, сделаем экскурс в примитивную технику счета. Пред-математический метод определения множеств состоял, как известно, в попарном сравнении объектов и их репрезентаций. Множество, состоящее из «сорока овец» можно было пересчитать с помощью сорока камешков, обойдясь без числа «сорок», т.е., соответственно, без абстрактного понятия числа.

Понятие числа, разделяющее объекты и множества, как и рекурсивное, линейное исчисление, развивались постепенно: сначала с помощью первого счетного инструмента — собственного тела, которое находится на границе между попарным сравнением и рекурсивным сложением.

Абстрактное понятие числа опирается на графическое изображение множеств: первая ступень его — это изображение множеств с помощью зарубок на дереве или костях, которое сначала является попарной корреляцией между объектами и графическими знаками и лишь потом приводит к обособлению нотации и тем самым к гипостазированию понятия числа, символа числа и абстрактного (выучиваемого наизусть) вычисления. Возникшее таким образом число отражает упорядоченную последовательность и рекурсии, и нотации. Оно гипостазиирует четкий порядок числовых позиций.

Первые числовые символы возникают — вспомним историю римских цифр и их соответствий по всему Средиземноморью — из зарубок. В течение долгого времени они остаются единственными известными нам числовыми символами. Когда позже начинают оперировать большими множествами, то эти символы заменяются сначала на линейные ряды букв, потом на цифры, нотацию позиции и на позиционный, включающий ноль, счет. Построенная на зарубках система записи и счета объединяет (как и вычисление с помощью человеческого тела) принцип позиции с принципом линейного упорядочивания и семиотизирует в связи с этим пространственную линейность нотации. Позиция есть ЧИСЛО, упорядочивание есть РЯД²⁸. Концептуальная общность 'числа' и 'ряда' вытекает из ре-

²⁷ См. схемы 7 и 8.

²⁸ РЯД в свою очередь символизируется и реализуется в пространстве в виде прямой линии, идущей в единственном, прямом направлении. Этот автоматизм является генерализацией нотационных привычек.

курсии к позиции через прибавление одинаковых основных единиц: ЧИСЛО и РЯД суть две стороны одного и того же линейного порядка.

Эти связи манифестируются и в лексическом материале, особенно четко в поле **reg-*, куда входят многочисленные дериваты в древнеиндийском, авестийском, греческом, латинском и германских языках. А здесь наличествует уже известный нам концепт направленной, осмысленной речи и корреляция между десигнатами 'считать', 'излагать по ряду', т.е. «как надо», «правильно», и десигнатом 'говорить'²⁹. То же самое действительно и в связи с соприкосновением и перехлестыванием 'числа', 'счета', 'рассказывания' и 'говорения' в деривационном поле основы **del-*, структура которого показывается на схеме 11.

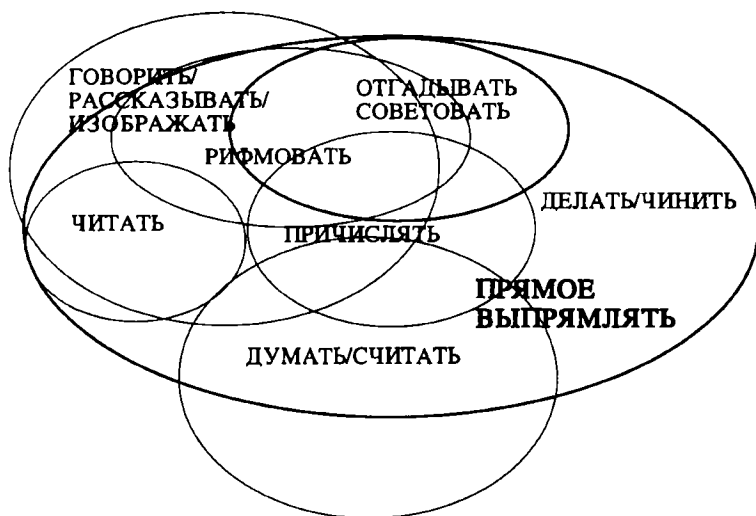

Схема 11: Денотативные связи элементов поля РАЦИОНАЛЬНОГО, возникающие на основе ПРЯМОГО и ВЫПРЯМЛЕНИЯ

Повторяющиеся взаимопереходы между десигнатами 'считать', 'приводить в порядок', между 'считать' и 'докладывать', 'излагать' и 'говорить', далее между 'считать' и 'читать', ср. нем. *zählen* и *erzählen*, серб. *raditi* и нем. *reden* и *raten*, ит. *conto* и *raccontare* или польск. *liczyć* «считать» и чеш. *ličit* «излагать/докладывать» и т.п., отражают концептуальные связи между линейностью 'выпрямления', 'направленного (и правильного) поведения', о чем я говорила выше. Структура перехлестывания субконцептов представлена на схеме 12.

²⁹ Ср. ср.-в.-нем. *rechenen* «считать», «сводить счеты», ср.-нидерл. *rekenen* «обставлять», «готовить», «рассчитывать» и «(в определенном порядке) описывать», др.-англ. *gerecenian*. «разъяснять», «докладывать» и т.п.).

СЧИТАТЬ, ПОЛАГАТЬ и ДУМАТЬ

Я хочу выделить еще один аспект языкового выражения концепта линейности: связь между значениями 'считать', 'полагать' и 'думать'. Эта связь проступает в деривационном поле основы 1 **kuei*-(t)/v. 2 **kuei*- (см. схему 12) и действует на весьма обширном ареале, в том числе славянском.

Схема 12: Ареальная структура дериватов корня 1/2 **kuei*-, моделируемых в рамках поля РАЦИОНАЛЬНОГО³⁰

К этим по сути дела идентичным основам, глобальное значение которых Pokorný 1959, I: 636 сл. определяет как «обращать внимание» и «складывать», принадлежат, с одной стороны, десигнаты типа 'наблюдать', 'ждать', с другой стороны, 'чтить', 'ценить', 'мстить', 'каяться', далее десигнаты типа 'считать', 'читать', 'думать', 'чинить', 'делать' и 'сочинять стихи'³¹.

Если мы обратимся к тому, что было уже сказано о линейности, моделирующей десигнаты 'чинить', 'делать', 'сочинять стихотворения', 'говорить', и 'считать', и проанализируем их связь с десигнатами типа 'чтить', 'ценить', 'мстить' и 'каяться', то и здесь обнаружится концепт, основанный на НАПРАВЛЕННОСТИ и ЛИНЕАРНОСТИ. 'Мечь' (и мечь) и 'покаяние' (и покаяние) — это два аспекта 'оценки' (и оценки). 'Оценка' в свою очередь — определение отношения между двумя величинами, абстрактной и материальной стороной которых является 'цена' (= 'стоимость'), с одной, и 'цена' (= 'награда'), с другой стороны. Имплицит-

³⁰ Ср.: Pokorný 1959, I: 637 и сл.

³¹ Ср. др.-гр. *poieo* «делать», «сочинять стихи», слав. *чинить*, *чинь* и т.п., др.-ц.-сл. *чисти*, русск. *почитать*, *читать*, чеш. *čísti*, *čítat*, *číslo*. русск. *число* и *почитать* и, не в последнюю очередь, русск. *считать* «полагать». В русск. *полагать* — между прочим — актуализируется та же концептуальная основа. Аналогичные явления имеются в лит. *skaititi* «считать», «читать», лат. *skityti* «полагать», *skaititi* «считать», «молиться», более древние слои представлены в др.-инд. и других языках, где имеется также значение 'думать': св.-др.-инд. *cetati* «думать», «принимать во внимание», «понимать», *ketas* «желание», «мысль», «намерение», *citti*- авест. *čisti*- «мысль».

ная компонента данного отношения — это позитивная соотносительность сопоставляемых элементов, то есть правильность данного отношения, что отражено в обычном праве, в правилах кровной мести и т.п.

Действие этой линейно направленной счетной модели можно, как мне кажется, предполагать и в кругу семантических соотношений деривационного гнезда основы $1/2 *k\check{u}ei-$ на гораздо более широком ареале. Концепт мышления и интеллекта, который соприкасается с десигнатами 'цена', 'уважение', 'честь' и 'месть' соответствует концепту, который впоследствии обеспечит явную полисемию русского *считать*³². Действие, аналогичное указанной модели, надо предполагать и на фоне таких абстрактных десигнагов, как 'внимать' / 'уделять внимание' и 'наблюдать'³³.

ЛИНЕАРНОСТЬ

Итак, семантические категории ПРЯМОЕ и ВЫПРЯМЛЕНИЕ были включены в особую культурную парадигму, в рамках которой они представляют понятийное поле ПОРЯДОК (и КУЛЬТУРА). Семиотическое функционирование этих категорий было выведено из социального и технического праксиса: ПРЯМОЕ и ВЫПРЯМЛЕНИЕ являются важнейшими элементами практической и символической организации социально-пространственной сферы человека. Они приобретают актуальность со времени неолитической революции и выражаются в упорядочении пахотных земель и территорий для поселений; они всё в большей степени определяют реальную и символическую организацию городских цивилизаций. Они обеспечивают возможность наделения земель и разделения на равные или сравнимые части территорий для сельского хозяйства и для поселений и, тем самым, создают реальную основу для разработки начатков терминологии ПРАВА, СПРАВЕДЛИВОСТИ и ПРАВОТЫ.

На следующей ступени — в городской цивилизации — они приобретают функцию символических универсалий. Здесь все, сделанное человеком (в первую очередь мужчиной), становится прямым, прямоугольным или квадратным: от храма или сквера, до военного лагеря (и строящегося в нем военного караула) и до фабрики и относящейся к ней системы рабочих общежитий. ПРЯМОЕ, ВЫПРЯМЛЕНИЕ и СОСТОЯНИЕ превращаются в универсальные символы порядка. Они, в качестве отдельных категорий, начинают представлять то, что, в качестве технического прогресса, приписывается концептуальному полю КУЛЬТУРА.

Мои наблюдения показали, что распространение прямой / направленной парадигмы идет гораздо дальше: практическая и техническая органи-

³² Дифференциации значений «считать» и «думать» посвящена статья: Зализняк 1991: 187 и сл.

³³ Сравни деривацию основы $*k\check{u}ei-$ в др.-инд. и авест.

зация материального мира понимается как продолжение линейной тенденции, которая представляется ингерентной культурной деятельности человека. Исследование пещерных росписей 35-тысячелетней давности, как это показал Леруа-Гуран, обнаруживает в них отчетливую тенденцию к линейности и абстрактности³⁴. Абстрактность и линейность — два существенных (ранних) признака графизма.

Вопрос о том, насколько эта тенденция к линейности закодирована генетически, остается здесь открытым. Очевидно, что в процессе практического обучения она должна была быть актуализирована, разработана и укрепена. Она появляется, как мы видели, не только при концептуализации осмысленного говорения и делания, приказывания, организации, руководства и управления, но и при графизме, счете, а также концептуализации мышления. Через эти усвоенные навыки линейная модель постепенно превращается в универсальную репрезентацию КУЛЬТУРЫ. Она сопровождает развитие логически-линейного, каузально-абстрактного, рационального мышления. Она формирует дальнейшее освоение мира и вводит отрицание КРИВОГО, ВРАЩЕНИЯ и ДВИЖЕНИЯ и тем самым отрицание ПРИРОДЫ, воспринимаемой как АНТИКУЛЬТУРА.

ЛИТЕРАТУРА

1. ван Лейвен-Турновцова Й. Панстратические и пантопические аспекты семантизации отклонений от нормы в стандарте и нестандарте европейских языков // Языки этики (в печати).
2. Плотникова А.А. Слав. *вити в этнокультурном контексте // Концепт движения в языке и культуре / Под ред. Т.А.Агапкиной. М., 1996, с. 104—114.
3. Зализняк А.А. Читать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991, с. 187—194.
4. Burke P. Die Renaissance in Italien. Sozialgeschichte einer Kultur zwischen Tradition und Erfindung. Berlin, 1984.
5. EWdD: Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, Red. Pfeier, W. et al., Berlin, 1989.
6. Geeraerts D. Diachronic Prototype Semantics. A Contribution to Historical Lexicology. Oxford, 1987.
7. van Leeuwen-Turnovcova J. KRUMM und DREHEN im Kulturparadigma der ORDNUNG. *Znakolog*, 3, 1991, S. 131—166.
8. van Leeuwen-Turnovcova J. Warum ist das Recht gerade? // *Zeitschrift für slavische Philologie*, 51, 1991a, S. 291—313.
9. van Leeuwen-Turnovcova J. TAUB, BLIND, STUMM und DUMM. Semantische Konzepte der Abweichung vom Gewohnten // *Zeitschrift für Slawistik*, 39, 1994, S. 545—559.

³⁴ См. Leroi-Gurhan 1988.

10. van Leeuwen-Turnovcova J. 'RATIONALITÄT' und 'IRRATIONALITÄT' als LINEARITÄT und ZIRKULARITÄT: Zur Konzeptualisierung der *Verrücktheit* und der *praktischen Vernunft* // Zeitschrift für Slawistik, 41, 1996, S. 305—337.
11. van Leeuwen-Turnovcova J. Das kulturelle und das sprachliche Gedächtnis // Eurolinguistik. Ein Schritt in die Zukunft. Wiesbaden, 1999, S. 129—150.
12. Leroi-Gurhan A. Hand und Wort: Die Evolution der Technik, Sprache und Kunst. Frankfurt a.M., 1988.
13. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I, Bern, München, 1959.

НА СЕМИОТИЧЕСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ: МОТИВЫ ДВИЖЕНИЯ ТЕЛА В НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ, В ЯЗЫКЕ И МЕТАЯЗЫКЕ

1. Мир движений тела человека: три первые (предъязыковые) ступени семиозиса

Онтология движений тела человека противоречива: здесь сопряжены и взаимодействуют биология и культура, бессознательное и намеренное, незнакомые (утилитарные) движения тела и движения-знаки. Жесты и мимика уходят корнями в биологию человека, но при этом широко варьируются в зависимости от географических и этнокультурных факторов, индивидуальных особенностей людей (пол, возраст, воспитание и социальный статус, темперамент), а также условий конкретного эпизода общения (тип взаимоотношений участников коммуникации; степень их языковой близости; количество разных семиотик, используемых в данном эпизоде общения; его коммуникативный жанр, стиль, прагматика).

В филогенезе все движения тела обусловлены биологически, что исключает их «природную» (изначальную) семиотичность¹. Те движения, которые в биологическом смысле являются обязательными для человека («ест», «спит», «справил (малую / большую) нужду», «идет», «сел» и т.п.), в своих обычных (не ритуальных), массовых проявлениях не являются се-

¹ Ч. Дарвин описал разные виды биологической обусловленности тех движений, которые могли бы показаться «природными» жестами или «природными» мимическими знаками. Так, часто имеет место «прямое действие сенсорной сферы на тело»: сильная ярость, радость, ужас выражаются движениями, которые обусловлены не волей, не привычкой, а возникающим избытком нервной энергии, которая распространяется в определенных направлениях, зависящих от связи нервных волокон и мышц. «Порыв радости и чувство живого удовольствия сопровождаются сильным стремлением к различному бесцельным движениям и к издаванию различных звуков. Мы видим это на примере наших маленьких детей, когда они громко смеются, хлопают в ладоши и прыгают от радости» [3, 739]. Почесывание головы при умственном затруднении (присущее и обезьянам и людям; ср. фразеологизм *чесать затылок* (или *в затылке*) 'о жесте, выражающем раздумье, недоумение, размышление' [МАС, IV, 671], англ. *scratch one's head*) Дарвин объяснял как «полезное действие», направленное на уменьшение неприятного, но некогда привычного зуда в голове. Еще один вид чисто биологической обусловленности тех движений, которым впоследствии приписали вполне определенную семантику, Дарвин назвал «принципом антitezы»: «Некоторые в высшей степени выразительные движения возникли в результате попытки сдержать другие выразительные движения или воспрепятствовать их обнаружению; так, наклонное положение бровей и опускание углов рта возникает в результате усилия помешать приближающемуся приступу крика или сдержать его, когда он уже наступил» [3, 912—913].

миотическими событиями. Вне семиотики находятся также повседневные утилитарные движения людей: «встал (чтобы подойти к телефону)», «поднял руку (чтобы достать книгу с полки)», «открыл рот (на приеме у стоматолога)», «высморкался (чтобы облегчить нос)», «плюнул (чтобы освободиться от слюны)» и т.д.

Однако, с другой стороны, движения тела человека находятся в поле постоянного внимания людей: глядя на своих близких и дальних, старших и младших, клиентов и конкурентов.., человек все время спрашивает себя о своем партнере (хотя и молча и между прочими вопросами): «что могут значить этот быстрый (или прямой) взгляд», «эти растопыренные пальцы», «что это он так ноги расставил» или «отчего кусает губы»...

Многовековой опыт таких вопросов и ответов привел к высокой с е м и о т и з а ц и и движений тела: люди постоянно стремятся увидеть в них знаки — безотчетные симптомы и/или сознательные сообщения. Поэтому в истории человечества в мире движений тела постоянно идет семиозис: незнакомые явления начинают трактоваться как симптомы; симптомам приписывается конвенциональность; если движение не семантизируется (хотя бы как слабый симптом), люди склонны его не замечать. Движения тела человека, как никакая другая группа физических движений, насыщены семиотическими явлениями.

С точки зрения семиотики, в обыденной жизни (которую будем отличать от ритуально-религиозных практик, сценических искусств и искусства кино) существуют три класса движений тела: 1) психологически нерелевантные (для непрофессионального сознания) физические движения тела и физиологические процессы («почесался», «открыл глаза (проснувшись)», «разжал кулак» и т.п.); 2) явления п с и х о л о г и ч е с к о й с и м п т о м а т и к и — психологически релевантные движения тела, головы, лица, конечностей, т.е. значимые позы, жесты, мимические и артикуляторные движения, которые, однако, не являются конвенциональными знаками в составе сообщения, направленными от говорящего к его адресату («плакал», «улыбнулся», «поморщился», «надулся», «стиснул зубы», «(непроизвольно) зевнул», «забил в ладоши (от радости)», «вспотел», «дрожал», «расправил плечи»); сюда же следует отнести внешние (звуковые и «цветовые») проявления психологически значимых состояний («стонал», «рыдал», «стучал зубами», «покраснел», «побледнел», «мямлил», «произнес дрожащим голосом» и т.п.); 3) явления к и н е з и к и , т.е. к о м м у н и к а т и в н о релевантные телодвижения, жесты, мимические и артикуляторные движения, используемые говорящими в качестве конвенциональных знаков в составе сообщения («встал (в знак приветствия или уважения)», «кивнул (в знак приветствия или согласия)», «погрозил кулаком», «козырнул», «(демонстративно) зевнул», «поцеловал руку (женщине, священнику) в знак приветствия или почтения», «аплодировал», «расшаркался»; сюда же следует отнести звуковые проявле-

ния коммуникативно значимых действий, в том числе глаголы-звукоподражания речи («присвистнул», «кричал», «шептал», «прогнусавил», «щелкнул каблуками», «процедил сквозь зубы» и т.п.)².

Три названных класса движений тела соответствуют трем первым (предъязыковым) ступеням семиозиса (знакообразования): а) н у л е в а я степень знаковости: физическое движение равно самому себе, т.е. оно совершается с утилитарной, а не информационной целью и не является для окружающих источником сведений о внутреннем (невидимом) состоянии субъекта соответствующего действия; б) минимальная, но ненулевая степень знаковости, для которой характерны знаки-индексы (с и м п т о м ы): произвольное или безотчетное и потому нецеленаправленное физическое действие является частью (или проявлением) другого действия или состояния и поэтому может быть источником информации о субъекте действия или состояния³; в) более высокая степень знаковости: явления к и н е з и к и, т.е. телодвижения (или специальные позы, жесты, мимические движения), каждое из которых в данном социуме имеет узуальное значение и используется в качестве конвенционального носителя данного содержания.

² В ритуально-магической практике, в традиционной народной культуре, а также в их окказиональных отголосках круг явлений кинезики существенно шире (таковы телодвижения и жесты, имитирующие половой акт; «скатологические вольности» смеховой культуры; представления о магии и магические запреты, связанные с чиханием, почесыванием, мочеиспусканием, расчесыванием волос и т.п.). Ср. следы представлений о участии в речи слюней: в русских сказках в ряду «волшебных средств», помогающих бегству героев, встречаются их говорящие «слюнки»: пока Баба-яга топит баню, девушка узнает об опасности и, убегая, оставляет «слюнки» в углах горницы; на вопрос Бабы-яги *Дѣвица, прядешь ли?* «слюнки» отвечают: *Пряду, бабушка...* Ср. также белор. фразеологизм *што сліна на язык прынясе* 'Зусім не думаючы і абы-што (гаварыць, плесці, балабоніць і пад.)' [Лепеш., II, 354]. Окказионально в любой физиологии можно увидеть не только симптоматику, но и семиотику, ср.: *Газ из кишок исходил у него* [у Вас. — Н.М.] *по-разному, отражая его внутреннее состояние. Иногда как ясное короткое слово, иногда как тихая протяжная жалоба, а иногда как дикий вопль ужаса* (Ф.Горенштейн. Псалом).

³ С произвольностью движений-симптомов связана их безадресность. Ситуация плача как адресуемого аргумента, которую передает К.Чуковский в «От двух до пяти» («*Ну, Нюра, довольно, не плачь!*» — «*Я плачу не тебе, а тете Симе*»), потому и приводится, что это достаточно особый случай (хотя и не уникальный — в той мере, в какой люди во взаимоотношениях друг с другом «*играют*» = 'принимают на себя тот или иной вид с целью ввести в обман, заблуждение'). Однако в целом в своих жестах и мимике, а также в интонации говорящие более искренни или, точнее говоря, в большей мере обнаруживают свои эмоции, желания и отношения, чем в словах. Разумеется, бывают двойственные и переходные случаи: искренние улыбки при встрече друзей не столько «адресуются», сколько «имеют место», хотя, конечно, воспринимаются ими. В той улыбке, о которой говорят *вежливая, деланная, казенная, театральная, фальшивая* или, как М.Жванецкий, *И держи улыбочку, пока я перевешивать буду*, «адресация» присутствует.

Более высокие ступени семиозиса связаны с названием телодвижений, жестов, мимики и артикуляции словами (или сочетаниями слов) звукового языка, т.е. с их отображением в речи и закреплении в языке. Наряду с созданием языковых знаков (обозначений) для телодвижений и мимики, могут иметь место следующие, семиотически еще более высокие и содержательно более сложные виды знаковой деятельности — использование двигательно-мимических симптомов и кинезики в ритуалах и искусствах⁴. На каждом более высоком семиотическом уровне смысловая емкость (магическая, гадательная, мифопоэтическая, философская) каждого отдельного знака, связанного с движениями тела человека, возрастает. Ср. культурологические экспликации семантики таких действий, как «расчесывать», «стричь», «мыть», «расплетать» волосы [9]; как «стоять», а также «лежать» [10]; «делать в жизни первые шаги», а также «спотыкаться» и «падать (учась ходить)» [8].

В сценических искусствах семиотика жестов и мимики достигает наибольшей содержательности. Это связано не только с общей большей выразительностью лица и тела актера (по сравнению с поведением неактера), но и более сложными взаимоотношениями между вербальным и паравербальным компонентами в партитуре роли: паралингвистика далеко не всегда аккомпанирует слову. Вс.Мейерхольд, например, считал важным выявить или усилить смысловой диссонанс между словом и пластикой роли: «Жесты, позы, взгляды, молчание определяют *истину* взаимоотношений людей [...] Можно фразе придать пластику, очень соответствующую словам, но это в такой же мере естественно, как совпадение логического ударения со стихотворным в стихе» [5, 135—136].

2. Языковые ступени семиозиса: семиотически значимые движения тела в антропоцентрическом зеркале языка

Языковая картина семиотически значимых (т.е. релевантных в кинезике или симптоматике) движений тела (в том числе движений головы, конечностей, лица), включая артикуляцию речи, представлена в части соматических

⁴ Давний спор о том, что такое кинезика по отношению к звуковому языку — *п р а я з ы к* или *п а р а я з ы к*, — в представленной семиотической схеме решается, таким образом, в пользу первой гипотезы (впрочем, «довольно романтической», по характеристике У.Эко [12, 396]). Сложность вопроса в том, что в архаических обществах символика действий (включая ритуальные практики) была значительно богаче и *н е о б х о д и м е е* для социума, чем жестовая коммуникация в современном мире, в то время как для истории звукового языка характерна полярно противоположная динамика: его информационная емкость, его «левополушарность» (включая независимость от ситуационных условий коммуникации, в том числе от мимики и жестов), его конвенциональность возрастают.

глаголов (*остолбенеть, потеть, кивать*), в том числе глаголах говорения (*гаркнуть, картавить, шептать*), а также в глагольных фразеологизмах, которые включают соматизмы и называют коммуникативно или симптоматически значимые действия (*пожать плечами* 'сделать движение плечами в знак недоумения, при незнании чего-л. и т.п.' [МАС, III, 234]⁵; *качать головой* 'делая движение головой из стороны в сторону, отрицать что-л., сомневаться; кивая головой, выражать согласие с кем-л.' [Фед., I, 235]; англ. *to raise the eyebrows* 'поднять брови (в знак удивления или пренебрежения)'; *to bite one's thumb at smb.* (дословно 'грызть большой палец на ком-л.') 'выказать свое презрение к кому-л.')⁶.

Соматические глаголы, называющие семиотически релевантные движения тела, достаточно разнородны по своим лексико-грамматическим свойствам. Они относятся к самым разным залоговым классам и подклассам, а в славянских языках — к разным группировкам по характеру реализации значений вида и способа действия. Здесь, кажется, нет чисто видовых пар, что обычно говорит о семантической нерегулярности, капризности лексической подсистемы (ср. *целовать* и *поцеловать*: в глаголе совершенного вида присутствует сема однократности); есть глаголы *imperfectiva tantum* (*хлопать* 'аплодировать', *его мутит* (безличн.), *драть горло, сотрясать воздух, стучать языком* (не **стукнуть языком*) в значении 'болтать попусту, тратить время на пустые разговоры' [Фед., II, 193], *гримасничать* и др.) и *perfectiva tantum* (*в голову стукнуло* 'неожиданно пришла мысль', *проглотить язык* 'о человеке, который не может или не хочет сказать что-л.' [МАС, III, 474]); двувидовые глаголы (*аплодировать*); есть глаголы однократные, многократные и немаркированные по признаку кратности (*моргать* — *моргнуть* — *помаргивать*).

⁵ Ссылки на лексикографические источники приводятся в сокращенном виде (их полное описание см. в конце работы). Том и страница (соответственно римская и арабская цифры) приводятся только для фразеологических оборотов, а также при обращении к ЭССЯ (в силу условности алфавита его словника и с учетом многочисленности выпусков издания). В древнегреческом и латинском материале ссылки на «Греческо-русский словарь» А.Д.Вейсмана (М., 1991 [репринт 5-го издания 1899 г.]) и «Латинско-русский словарь» И.Х.Дворецкого (М., 1976) опущены.

⁶ Круг устойчивых (воспроизводимых) оборотов, в которых язык запечатлел симптоматику и кинезику человека, существенно шире того, что представлено в словарях. Ср.: *Я отозвалась о его* [Льва Гумилева. — Н.М.] *стихотворении холодно. Он ушел, кусая губы* (Э.Гернштейн. Лишняя любовь). Между тем в привлекаемых словарях оборота *кусать губы* нет, и это далеко не единственный случай (ср. *постукивала* (или *барабанила*) *пальцами* (по чему-л.); *рвать на себе рубашку* (или *тельняшку*) и т.п.). Однако по принципиальным соображениям иллюстративный материал статьи ограничен лексикографическими (т.е. экспертными) данными.

2.1. Межсемиотические корреляции: движения тела и соматические глаголы; артикуляция и глаголы говорения. Названные выше три семиотических класса движений тела (незнаковые движения, движения-симптомы и кинезика) в языке, т.е. в обозначениях, дифференцированы недостаточно. В редких случаях имеются соотносительные пары соматических глаголов, из которых один называет физическое движение, а второй — семиотико-физическое действие (как в *наклониться* — *поклониться*). Однако в паре *плевать* — *расплеваться* отношения уже иные: в *расплеваться* нет физического плевания (и, следовательно, его связь с соматическим глаголом *плевать* принадлежит только этимологии); ср. также *шаркать* — *расшаркаться* 'проявить почтительно-подобострастное отношение к кому-л., чему-л.' [МАС].

Более обычны случаи, когда один и тот же глагол в зависимости от контекста выступает то в физическом значении, то в симптоматическом или семиотико-физическом: *надуть шарик* — *надуть губы*, *встал рано* — *встал здороваясь*, *морищить* (гладкую поверхность; ср. у Пушкина: *Бáлдушка, погоди ты морищить море*) — *морищить лоб* и т.д. При этом, по видимому, неслучайно то, что ни один глагол не может обозначать все три семиотических вида физических движений тела (чисто физическое движение, движение-симптом и движение-сообщение).

Языковая картина движений человеческого тела противоречива. В ней имеются многочисленные лакуны, только отчасти компенсируемые фразеологией (раздел 2.2). С другой стороны, в языковой презентации жестов, мимики и особенно артикуляции есть фантастические (реально не существующие) мотивы (раздел 2.3). Существенно также, что некоторые соматические глаголы (из релевантных для симптоматики и кинезики) заметно снижают свою языковую активность (раздел 2.4).

2.2. Лексические лакуны, отчасти компенсируемые фразеологией.

Мир движений тела богат и разнообразен, однако в языке он отражается только частично. В первую очередь вербализованы некоторые основные биологические движения и действия (эти обозначения составляют «ядро» соматических глаголов). Происходила также вербализация наиболее древних и отчетливых движений, приобретавших психологическую или семиотическую (коммуникативную) релевантность: *целовать*, *кланяться*, *(смотреть) исподлобья*, *делать большие (круглые) глаза* 'выражать крайнее удивление, недоумение' [Млтк., 130] и т.п.

За пределами предположительно универсального «ядра» соматических глаголов (15—20 названий биологически необходимых действий человека, включая глаголы со значениями 'сидеть', 'стоять', 'лежать', 'спать'), «чисто соматические» названия тех или иных движений в конкретных языках могут отсутствовать. Некоторые движения тела обозначаются не собственно соматическими глаголами, но общими глаголами фи-

зического движения, отнесенность которых к сфере тела создается соответствующим субстантивом, а не глаголом (ср. *согнуть палку* и *согнуть руку*, *открыть окна* и *открыть глаза* и т.п.). Таким образом, соматические глаголы не представляют собой группы глаголов, очевидным образом противопоставленных другим обозначениям физических действий.

Существенно, что для многих жестикуляторно-мимических движений основным обозначением служит не слово, но устойчивый оборот, как правило, неидиоматический, ср.: *качать головой* ('в знак укоризны, неодобрения' [МАС, II, 42]), *жать / пожимать руку / пальцы* ('сжимать чью-л. руку, пальцы в знак приветствия, прощания, в знак благодарности и т.п.' [МАС, III, 234]), *показать язык* ('высунуть язык, дразня кого-л.' [МАС, III, 244]); ср., впрочем, идиоматичность значения глагола *всплеснуть* в обороте *всплеснуть руками* 'вскинув руки, слегка хлопнуть в ладоши под влиянием какого-л. сильного чувства' [МАС, I, 232]⁷. Просмотр языкового материала показывает, что в кругу обозначений значимых движений тела продуктивность фразеологизированных (неоднословных) наименований существенно выше, чем в группах обозначений любых других физических действий. Распространенность однословных обозначений говорит о каких-то мыслительных или семиотических трудностях в назывании движений тела.

По-видимому, психологическая и в особенности коммуникативная релевантность жеста или мимического движения способствует тому, чтобы данное движение получило вербальное закрепление. При всей стихийности в жизни слов, их серийное наличие или отсутствие значимы⁸. Тем не менее в каждой культуре есть семиотически релевантные и достаточно определенные жесты, не имеющие, однако, устойчивого вербального обозначения. Таков, в частности, жест «рука, поднесенная или прижатая к груди» ('извините за ошибку'); жест «отталкивания» (ладонь обращена к собеседнику: 'не требуйте!, не соглашусь') [4, 219, 223]; жест тремя пальцами, которые как бы считают деньги⁹, и мн. др. По-видимому, в языке отображались наиболее древние и общезначимые жестикуляторно-мимические движения. Ср. отсутствие ус-

⁷ За пределами оборота *всплеснуть* означает 'плеснуть, взметнуть вверх (воду, жидкость)' [МАС, I, 232].

⁸ Вот почему А.Вежбицкая настаивает на том, что различия между языками в лексической «разработанности» тех или иных сфер или тем существенны для характеристики не только языков, но и культур, что, в частности, позволяет, после просмотра речений, допустим, со словом *голова* (*биться головой о стену*, *хвататься за голову* и под.), прийти к выводам такого рода: «С англосаксонской точки зрения, указанные выражения звучат совсем драматично и предполагают культурные нормы, поощряющие более "экспрессионистское" эмоциональное поведение» [1, 540].

⁹ Иногда жест сопровождается несловарным словечком *тити-мити*, ср. у И.Бродского: «И потом — тити-мити». «Простите?» «Э-э... презренный металл» («Новый Жюль Верн»).

тойчивых вербальных «переводов» у ряда относительно поздних жестов: характерное для публичной речи «скандирование рукой» (обычно в такт речевой сегментации и интонационным подчеркиваниям [2, 10]); такие выразительные жесты, как «покрутил пальцем у виска», «щелкнул себя по кадыку» и т.п. Естественно, есть случаи лексикализации и достаточно поздних жестов (вроде рус. *голосовать* 'поднятием руки просить остановиться попутную машину' [MAC]), однако это менее типично.

Таким образом, жесты и мимика, в том числе узуальная кинезика, вербализованы только частично¹⁰. Более того, судя по некоторым признакам, состав вербальных знаков для явлений кинезики и психологической симптоматики сужается и обедняется.

2.3. Названия для движений-фантомов. В межсемиотическом «переводе» движений тела в языковые знаки есть не только лакуны, но и обозначения несуществующих (невозможных, фантастических) движений. Такого рода знаки предполагают недословное, фигуральное понимание или восстановление эллипсиса. Например, физически неосуществимый жест, представленный в обороте *кусать (себе) локти* = 'досадовать, сожалеть о непоправимом, потерянном' [MAC, II, 155], понимается как компрессия примерно следующего сравнения: 'досадовать о такой бесповоротной невозможности поправить дело, какая была бы у стремления укунить свой локоть'. Обороты *ломать (себе) голову* 'усиленно думать, придумывать что-л.' [Фед., I, 284, 285], *ломать зубы* 'терпеть неудачу в каком-л. нелегком деле' [Фед., I, 284], *умирать со смеху* 'неудержимо, до изнеможения смеяться' [Фед., I, 295] — представляют собой гиперболические сокращенные сравнения (например, последнее из них может быть эксплицировано как 'смеяться до такого полного изнеможения, какое бывает, когда человек умирает'). Ср. также обороты *показать кукиш в кармане* 'о трусливом, высказанном за глаза несогласии, осуждении или угрозе' [MAC, II, 146], *высосать из пальца* 'выдумать, сказать без всяких оснований' [MAC, I, 282], *фигу (тебе) с маслом* (где «добавка» *с маслом* — начальная издевательская фантастика).

Подобные фантастические картинки особенно продуктивны в идиомах метаязыкового характера, ср.: *язык чешется, язык свербит, зубы чешутся, чесать языком, трепать языком, болтать языком, стучать языком, распусть язык, язык хорошо подвешен, язык без костей, длинный язык, закусить язык* 'внезапно замолчать' [MAC, I, 535], *прикусить язык, наступить на язык* 'заставить молчать' [MAC, II, 402], *язык проглотил, сорвалось с языка, держать язык за зубами, дернуло за язык, как только*

¹⁰ У психологов такие жесты иногда получают окказиональные имена: *Собирание Несуществующих Ворсинок*, *Поднятый Вверх Большой Палец* (= 'Нет проблем'), *Жест Прихорашивающегося Мужчины* и т.п. [7].

язык повернулся, кто тебя за язык тянул, чтоб у тебя язык отсох!, как это языки не отсохнут!, чего молчишь — язык отсох?!, распуснуть горло, рвать глотку, заткнуть рот и т.п. Приведенные метаязыковые обороты лексически связаны с названиями отделов речевого аппарата, однако это только уничижительные м е т о н и м и и (или синекдохи); в «собранном» виде идиомы относятся не к артикуляции или акустике, но к речи, высказыванию в целом (см. раздел 4).

2.4. О снижении языковой активности соматических глаголов. Признаки уменьшения их активности различны. У некоторых глаголов сужается сочетаемость; иногда сокращается число дериватов. Например, сейчас *кивают* только головой, а в XIX в. — еще и пальцем (Даль приводит даже поговорку: *Не кивай пальцем, сам будешь старцем*); раньше был и возвратный глагол: *кивается* — ‘раскачивается’; *Его не докиваешься* — т.е. ‘не сметлив’; было не только слово *кивок*, но и *кив*, а также *кивка* — ‘проворство в работе’ (и поговорка: *Не печь кормит, а кивка*); были *nomina agentis*: *кивач*, *кивуша*, *кивунья* — ‘кто кивает головой, перемигивается или делает скрытно знаки кому-либо’ [Даль].

Аналогичные процессы были в истории глаголов *моргать*, *мигать*. В современном языке *моргнуть* можно только глазом, но еще у Жуковского кролик *мешок понюхал, поморгал ноздрями* («Кот в сапогах»). У глаголов было больше дериватов (*Насилу тебя доморгался*; *Глаза выморгал, ничего не вижу*), в том числе *nomina agentis*: *мигуша* — ‘кто часто мигает либо подмигивает’; *мигун*, *мигунок*, *мигуша* — ‘резвушка, шалун, волокита’; *моргач*, *моргун* — ‘кто часто моргает; волокита, зевака, ротозейка, лентяй’ (и поговорка *Моргачу кости* — ‘зевাকে, опоздавшему’). Они были известны и в других поговорках: *Под старость не моргается* (говорится о волокитстве); *Одному кивнул, другому моргнул, третий сам догадался*; *Близко видать, да далеке мигать* (т.е. ‘намигаешься, пока дойдешь’) [Даль, II, 106, 325, 345]).

В современном языке сказуемое от *насупиться*, *супиться* относится или к слову *брови*, или к обозначению человека [МАС, II, 403; III, 307], в то время, как у Даля и *Небо супится* (*хмурится, помрачается к непогоде*); *Курица супится* (*хохлится, пыжится, надулась*); были возможны безличные конструкции: *На небе насупилось*; *Нечего супиться, тебе дело говорят*; ср. также дериваты: *насуна* — ‘угрюмый человек, который все хмурится’, *насупчивый*, *насупистый* — ‘угрюмый, мрачный’, *супырь* — ‘надутый, брюзгливый, недоступный’ [Даль, II, 478; III, 361].

У соматических глаголов достаточно часто парадигма — неполная. В силу произвольности многих телодвижений, жестов, мимических реакций, у соответствующих глаголов невозможен императив (во всяком случае в прямом значении и без отрицания: **морщись*, **ежься*, **поникни*, **надуйся*, **дрожи*, **хлопни себя по лбу* ‘неожиданно, вдруг вспомни о

чем-л.') или, напротив, в фигуральном значении: **снимай шляпу* (в значении 'вырази кому-л. свое почтение, глубокое уважение')¹¹. У других глаголов формы мн. ч. могут пониматься только фигурально (Ср.: *Но сурово брови мы нахмурим; Доктора только руками развели*); для третьих бессмысленны формы ед. ч. (заклячая сделку или соглашение, нельзя одному *ударить по рукам*); для четвертых не засвидетельствованы формы настоящего времени (*В голову стукнуло* = 'неожиданно пришла мысль' [МАС, IV, 294], но не **В голову стучает (стучит)*, **Ваня насупливается*).

2.5. Усиление в соматических глаголах коммуникативно-конвенциональных значений. История соматических глаголов свидетельствует, что в прошлом многие из них (*кивать, мигать, моргать, (на)супиться, морщить, пыжиться* и др.) обозначали физические движения не только тела, но и разных других природных предметов. В исторических словарях ранние значения носят широкий, общий характер.

Ср.: «*Морщиться*. Собираться складками. *Растирати [олифу] рукою, чтоб не морщилася*» [Сл. XI—XVII, IX, 270]; «*Морщина* — складочка, сборка, сгиб ткани, кожи; *морщить* — собирать в сборочки, складывать в складки, мять или сгибать, делать морщины; хмурить» [Даль, II, 349]. В современном языке в семантике всех приведенных глаголов на первое место (по употребительности) вышли семиотические значения, при этом у некоторых глаголов (*кивать, насупиться, пыжиться*) несемантические значения утратились. Указанная тенденция отчетливо прослеживается в истории тех метаязыковых глаголов, которые восходят к древним соматическим глаголам (см. разделы 3.1—3.2).

3. Метаязыковые ступени семиозиса: мотивы движения тела в обозначениях речевых действий

Во многих случаях эта связь вполне очевидна, ср.: *кланяться* — 'словесно или письменно через кого-л. свидетельствовать свое уважение, внимание'; 'униженно просить о чем-л., заискивать перед кем-л.' [МАС]; *оплевать* — 'незаслуженно опозорить, оскорбить, унижить и т.п.' [МАС]; *гладить по головке* — 'хвалить, одобрять; потакать, потворствовать чьим-л. поступкам' [МАС, I, 312]. Однако для понимания генезиса данного вида мотивации метаязыковых глаголов, следует обратиться к некоторым более ранним случаям.

¹¹ На сомнительности императивов от некоторых глаголов, связанных с передачей выражения лица, основан комизм обращения Бельведонского к портретируемому «главначпупсу»: *Блесните глазами через правое плечо и через самотишущую ручку-с* (В.Маяковский. Баня).

Древнейшие обозначения речевых действий, мотивированные соматическими глаголами, относятся к временам индоевропейской и праславянской общности. Одни из них восходят к названиям физических движений в составе тех или иных ритуалов (раздел 3.1); другие — к названиям биологически релевантных соматических движений (раздел 3.2); метаязыковые глаголы третьей группы образовались на основе звукоподражаний (раздел 3.3).

3.1. Ритуальная кинезика. В происхождении клятвы, молитвы, присяги жесты и телодвижения предшествовали речевым действиям [подробно см. 6, 49—51]. Древнейшие *verba dicendi* (перформативы и дескриптивные глаголы) некогда обозначали речевые действия в составе ритуала и были мотивированы названием того ритуального движения (позы, жеста, мимического движения), которое сопровождалось ритуальными словесными формулами.

Таковы, в частности, лат. *supplico* ‘становлюсь на колени, припадаю к ногам; коленопреклоненно прошу; молюсь’ (от лат. *plico* — ‘складываю, свертываю’); праслав. **pěti* ‘воспевать божество в ритуале’, образованное на базе **pojiti* ‘поить, давать пить (совершать возлияния)’, т.е. восхваление (речевое действие) вторично по отношению к ритуальному физическому действию [10, 319]; цслав. *кѣнѣ* (от праслав. **kloniti*: «славянин во время клятвы склонялся до земли, касаясь ее рукой» [(А.Брюкнер); ЭССЯ, X, 38]; цслав. *присагати* (от **sengati* ‘доставать, достигать, дотрагиваться’; *присага* — ‘клятва священным предметом (первоначально сопряженная с прикосновением к нему)’ [Срезн., II, ч. 2, 1476]); цслав.-русск. *цѣловати* — ‘приветствовать’; ‘целовать крест, икону в подтверждение клятвы, присягать’ [Срезн., III, ч. 2, 1451—1452]; русск. *целовать крест* — (истор.) ‘целуя крест, давать клятву, присягу, присягать’ [МАС, II, 127]; цслав. *порукы възложити* — ‘совершить рукоположение’ [Срезн., II, ч. 2, 1218], *рукополагать* — ‘поставлять в священный чин, возложением рук архиерея на главу рукополагаемого’ [Даль]; цслав.-русск. *обручитися* — ‘назваться женихом или невестой, стать помолвленным’ [МАС]; русск. *ручаться* — ‘заверять в чем-л., гарантировать что-л., принимать на себя ответственность за кого-, что-л.’ [МАС], при этом в МАС слово толкуется уже вне связи с *рука* (что свидетельствует о дезтимологизации глагола); ср. еще живую связь у Даля: *ручаться* (приводимое в статье *рука*) означает ‘быть порукой, стоять, отвечать за что собою или имуществом своим’; *рукобитье* — ‘битье по рукам отцов жениха и невесты, обычно покрыв руки полами кафтанов, в знак конечного согласия’ [IV, 112]; в статье *обручать*: *обручить жениха с невестой* (...) — ‘надеть кольца’ ...; *обручение* — ‘рукобитье, зарученье, помолвка’ [II, 616].

3.2. Биологическая кинезика. Древнейшие глаголы речи, этимологически связанные с названиями биологически обусловленных движений мышц рта и лица, принадлежат индоевропейской поре. В русском языке

это глаголы *орать*, *ругать(ся)*, *лыбиться* ('улыбаться, усмехаться'). Они образованы от названий таких движений рта, которые физиологически предшествуют собственно речи и которые, в силу естественной смежности речи и соответствующих движений рта, метонимически развили метаязыковые значения.

Праслав. **lybiti sę* О.Н.Трубачев в дополнении к Фасмер [II, 539] со ссылкой на П.Я.Черных (1956) сближает с **lъbъ* 'череп', подчеркивая роль экспрессии в развитии значения: 'скалиться подобно черепу' ⇒ 'улыбаться'. *Ругать(ся)* родственно слав. *рагнѣти* 'зиять', словенск. *regniti* 'раскрыться, лопнуть', *režati* 'зиять, быть открытым; скалить зубы; ворчать, злобствовать', хрв., срб. *regniti* 'заворчать, зарычать', лат. *rignor* 'разеваю рот, скалю зубы; сержусь', лит. *reñgtis* 'обвинять, винить' [Фасмер; Snoj].

Рус. *орать* 'кричать' (несмотря на и.-е. параллели, в славянских языках глагол известен, кроме русского, еще только сербскому и хорватскому языкам: *орити се* 'отдаваться (о звуке)' [Фасмер]) родственно др.-инд. *aryati* 'восхваляет, превозносит', греч. *ἀράομαι* 'молюсь, умоляю', *ἀρώω* 'кричу, говорю', лат. *oro* 'говорю, прошу'. Согласно А.Вальде, глагол связан с языком религии и древнего права и первоначально означал 'произносить ритуальную формулу (в проклятии, призыве, специальном обращении)'; не будучи производным от *os*, *oris* 'рот', *oro* тем не менее в языковом сознании ассоциировано с *os*, *oris* [Walde]. По-видимому, мотивация *oro* имеет гибридный индексально-иконический (а с точки зрения канала восприятия — смешанный зрительно-звуковой) характер: само произнесение слова *oro* с двумя долгими открытыми гласными (и.-е. **o* — открытое) имитирует выразительную (полную, сильную) артикуляцию особо значимых вербальных формул ритуала. Ср. аналогичное семантическое развитие: рефлексы праслав. **zěvati* 'зевать' и (на другой ступени чередования) **zъjati* 'зиять' в ряде славянских языков и диалектов развили, наряду со значениями 'зевать' и 'зиять', также значения 'кричать, громко говорить, плакать' [Даль; Фасмер; Snoj]; ср. также приведенную выше связь в *рагнѣти* значений 'зиять' и 'ругаться'. Иначе говоря, значения 'быть раскрытым (о рте, пасти)' и 'кричать, реветь' взаимно связаны и легко индуцируют друг друга.

К рассмотренной модели близки метаязыковые глаголы, мотивированные названиями телодвижений и жестов человека. Древнейшие из них восходят к словам со значениями 'сидеть' и 'плакать': лат. *sedeo* 'сижу' и 'заседаю' (*in* или *pro tribunali*); русск. *беседовать* (праслав. **bez-* + **sěda* 'сидение снаружи'); ср. также именные дериваты: русск. *посиделки*, *заседатель*, словен. *beseda* 'слово'; интернациональную метонимию *круглый стол*, а также, с учетом аспекта восприятия речи, *слушания* [ТСРЯ—XX]. С семьей 'плакать' (праслав. **plakati sę* первоначально — 'бить себя (в грудь в знак скорби)', от и.-е. **plaHk-* 'бить, хлопать руками,

истончать' [Snoj]) связаны лат. *plango* 'предаваться скорби, горестно оплакивать кого-л.'; рус. *плакаться* 'высказывать жалобы, сетования, сожаления по поводу чего-л.; жаловаться' [MAC].

Более поздние (этимологически прозрачные) метаязыковые глаголы, образованные от названий неритуальных соматических движений, восходят к двум основным группам этимонов: а) к обозначениям, связанным с работой речевого аппарата и артикуляцией звуков; б) к обозначениям семиотически значимых телодвижений и жестов.

В названиях говорения (и воздержания от него), мотивированных анатомо-артикуляционной стороной речи, главным «героем» является язык. В русской фразеологии язык предстает своевольным и не всегда послушным голове субъектом речи: *язык чешется, дернуло за язык, сорвалось с языка, язык проглотил* и др. (ср. также обороты, приведенные в разделе 2.3 как примеры названий для соматических движений-фантомов). Конечно, есть и более «реалистические» представления речи: *язык немеет, язык прилип к гортани, придержи язык* и т.п. (два последние — из Псалтыри, ср.: *Язык мой прильпнул к гортани моей* (Пс 21, 16), *Удерживай язык свой от зла и уста свои от коварных слов* (Пс 33, 14). Синекдохический язык означает 'дар языка', 'разговорчивость', ср., *языкастый* 'острый на язык; любящий поговорить, поспорить, поругаться' [MAC], а с другой стороны, лагерную поговорку о молчаливом человеке: *засунул язык в задницу* [СлТюрм, 339].

Другие отделы речевого аппарата или подробности артикуляции представлены реже: *рвать глотку, разинуть хлебoreзку* 'начать говорить, кричать' [МолСл], *зубы чешутся, попасть на зубок (зуб)* 'стать предметом чьих-л. насмешек, сплетен, язвительной критики' [Млтк., 342], *раскрыть варежку, как в рот воды набравши, цедить сквозь зубы* 'говорить, произносить небрежно, сквозь зубы' [MAC, IV, 636], *брызгать слюной* 'говорить волнуясь, не сдерживаясь, громко, отчасти как бы теряя контроль'. Лингвистическая зоркость языкового сознания в отношении паралингвистики еще не до конца эксплицирована профессиональным знанием, но с успехом используется говорящими, ср.: *О книгах Пелевина критика или цедит сквозь зубы, или брызжет слюной* (А.Генис).

Глаголы, мотивированные названиями семиотических жестов, поз, мимических движений, как правило (в своих первых значениях), обозначают коммуникативные, но не речевые действия (т.е. называют явления паравербального общения). Ср.: *аплодировать* 'хлопать в ладоши в знак одобрения или приветствия' [MAC]; *бить (или ударить) по рукам* 'заключать сделку, соглашение' [MAC, III, 738]; *валяться в ногах (у кого)* 'униженно просить' [MAC, I, 136]; *качать головой* 'в знак укоризны, неодобрения' [MAC, II, 42]; *кивать* 'приветствовать; соглашаться'; *кланяться* 'делать поклон (кому-л.) в знак приветствия, почтения, благодарности;

словесно или письменно через кого-л. свидетельствовать свое уважение, внимание; униженно просить о чем-л., заискивать перед кем-л.' [МАС]; *kozyрьять* 'приветствовать по-военному, прикладывая руку к козырьку' и *взять под козырек* 'отдать честь по-военному, приложив руку к козырьку' [МАС, II, 69]; *ломать руки* (или *пальцы*) 'о жесте, выражающем сильное горе, волнение' [МАС, II, 198]; *ломать шапку перед кем* '(шутл.) проявлять глубокое уважение к кому-л., первым снимая головной убор и низко кланяясь' [МАС, II, 198]; *развести руками* 'повести руками в разные стороны, выражая недоумение, удивление' [МАС, III, 592]; *снимать шапку* 'почтительно приветствовать кого-л., сняв в знак уважения головной убор' [Фед., II, 170]; *снимать шляпу* 'выражать кому-л. свое почтение' [Фед., II, 170]; *топать* 'стучать, бить ногой (ногами) об пол, землю; производить такое действие при выражении сильного чувства (обычно гнева, раздражения)' [МАС]; *топтать в грязь* 'унижать чье-л. достоинство, клеветать на кого-л., порочить кого-л.' [МАС, IV, 384].

3.3. Звукоподражания в метаязыке: симптоматика говорения, превращенная в звук. В разделе 1 было показано, что к явлениям симптоматики и кинезики (т.е. семиотически релевантным жестам, мимическим и артикуляторным движениям) следует отнести также и з в у к о - в ы е проявления коммуникативно значимых действий, в том числе глаголы-звукоподражания речи (*шепелявить*, *гундосить* и др.). Звукоподражательные глаголы говорения содержат информацию о «невидимом» процессе артикуляции, примерно в такой же мере, в какой глаголы *вспотел* или *покраснел* содержат «превращенную» информацию о «невидимых» процессах, протекающих внутри тела.

К древнейшим звукоподражаниям (индоевропейской и праславянской поры) восходят глаголы *говорить*, *молвить*, *кликать*, *волхвовать*, *колдовать*, *ворчать*, *врать*, *кричать*, *роптать*, *вопить*, *лепетать*, *мямлить*, *гнусавить*, *шептать*, цслав. **глаголати**, англ. *speak* (из *spreak* 'шуметь' [Skeat]) и мн. др. Не исключен звукоподражательный характер *шутить*, *баяти* (родственно греч. φημί 'говорю', лат. *fari* 'говорю', от и.-е. **bhaH-* 'говорить'), *корить* (в особенности с учетом связи с др.-инд. *karkarī-* 'вид музыкального инструмента', греч. *καράκάρω* 'прогудеть' и того, что для и.-е. значения четко прослеживаются семы 'устное действие' и 'отрицательная экспрессивность' [ЭССЯ, XI, 74—76]. Звукоподражания остаются продуктивным источником глаголов речи, в том числе в случаях использования «нечеловеческих» звукоподражаний для обозначения речи человека: *шипеть*, *мурлыкать*, *брехать*, *выть* и т.п. (см. также раздел 4).

4. Заключение

4.1. Движения тела и их семиотические отражения. Физические движения тела человека являются началом следующего семиотического процесса: 1) некоторые движения стали симптомами психо-физиологических процессов и состояний, т.е. образовали жесты и мимику («расправил плечи», «улыбнулся»); 2) некоторые жесты и мимические движения стали конвенциональными знаками общения, т.е. образовали кинезику («кивнул», «прижал руку к груди», «показал языку»); 3) в языках появились соматические глаголы (рус. *сесть, наклониться, встать на цыпочки...* и их соответствия в других языках); 4) развились лексика и фразеология, в которых обыденное сознание удерживает психологическую симптоматику: русск. *надулся, ходить на цыпочках, снимать шляпу...*; англ. *to be in the pouts* ‘дуться’ (*a pout* — ‘надутые губы’); *to shrug* ‘пожимать плечами (в недоумении)’, *to shrug smb. off* ‘игнорировать, не обращать внимания’...; 5) развились лексика и фразеология, в которых обыденное сознание удерживает метакоммуникативные и метаязыковые значения названий движений тела (или дериватов от таких названий), иначе говоря, удерживает результаты начальной рефлексии над процессами языкового и неязыкового общения: русск. *орать, беседовать, расшаркиваться, погладить по голове*; лат. *sedeo* ‘сиджу’ и ‘заседаю’; *oro* ‘говорю’ от *os* ‘рот’; англ. *twist of the tongue* ‘косноязычие’ (дословно ‘вывих языка’); *to rub the wrong way* ‘гладить против шерсти; раздражать’ (дословно ‘тереть не в ту сторону’); *to give a wink* — ‘подмигнуть; намекнуть’ (*a wink* — ‘моргание, подмигивание’); *to take a bow* — ‘раскланиваться (в приветствиях)’ (*a bow* — ‘поклон’)...

4.2. О роли мотивов движения тела в метаязыке (примеры знаний о языке в «народной лингвистике»). Эвристическая ценность рассматриваемых мотивов может быть показана на примере двух серий метаязыковых глаголов, в анамнезе связанных с представлениями о движениях тела. Во-первых, это глагольная идиоматика с компонентом *язык* (о ней шла речь в разделах 2.3, в связи с «движениями-фантомами», и в 3.2). Во-вторых, это глаголы-звукоподражания (о них см. раздел 3.3).

Преимущественно иронические русские идиомы с компонентом *язык*, как было показано в 2.3, относятся не к артикуляции, а к общей характеристике человека в качестве *homo loquens*. В совокупной семантике этих идиом народное сознание увидело своего рода конфликт между человеком и языком. Суть конфликта в том, что человек — не вполне хозяин своего языка, а язык не всегда послушен человеку: то человек не может его запустить в дело, то, напротив, язык действует как бы без спросу (как в одной русской пословице сказано с осуждением *Язык прежде ума рыщет*). При этом вторая непослушность (‘язык действует не спросясь’) в метаязыковой идиоматике выступает как большая беда.

Фонетическая проницательность звукоподражаний может быть показана на нескольких примерах. 1) Звучание таких метаязыковых звукоподражательных дериватов, как немой, англ. *dumb* 'немой', нем. *stumm* 'немой', франц. *muet* 'немой', говорит о том, что в (попытках) звуковой коммуникации немых присутствуют носовые звуки. 2) Междометия *тсс* и *цыц* (призыв к тишине, молчанию) имитируют не молчание, но требуемую артикуляцию — «держание языка за зубами». 3) В звукоподражании *шамкать* (Даль приводит также и его варианты: *шамать*, *шамонить*, *шамшавить*, *шамшить* и толкует так: 'пришепетывать по-стариковски; говорить как беззубый') дан акустический «снимок» вполне определенного артикуляционного дефекта. 4) Судя по выражениям *возвысить голос* 'разговаривать громче обычного, иногда с оттенком раздражения' [Фед., I, 70], *повышенный* (о голосе) 'более громкий, чем обычно, раздраженный, резкий' [МАС, III, 164], *повышать тон, голос* 'говорить раздраженно, громче, чем обычно' [Фед., II, 53], *поднять голос* 'решительно высказать свое мнение' [МАС, III, 203], *сбавить* (или *понизить*) *тон* — 'начать говорить менее взволнованно, раздраженно или менее заносчиво' [МАС, IV, 380], *тоном ниже* (*говорить, сказать*) 'менее взволнованно, раздраженно или менее вызывающе, заносчиво' [МАС, IV, 380], тревога, волнение выражаются в увеличении высоты (частоты) голоса. (Глагол *возвысить* и его производные в приведенных оборотах — это, конечно, не звукоподражание, а дескрипция, характеристика звучания). 5) Звучание глагола *сюсюкать*, развившего значение 'подделываться под уровень развития, образ мышления, язык и т.п. кого-л. (обычно ребенка); обращаться с кем-л. как с маленьким ребенком' [МАС], отражает фонетические черты детской речи и ее имитации: в такой речи больше, чем в обычной, палатализованных, губных, закрытых гласных и звуковых повторов.

К последнему примеру функционально-прагматически близки выражения *губки бантиком держать*, *складывать губки сердечком* (о манерной, кокетливой или утрированно женственной речи). В шутивно-иронических образах само звучание оборотов имитирует артикуляционные особенности женской речи, в частности, более выразительное участие губ (в сравнении с мужской артикуляцией тех же губных звуков). Не будучи звукоподражаниями, эти «картинки» артикуляции «намекают» на особенности звучания женской речи — примерно в такой же мере, в какой *шамкать*, *мямлить*, *гнусавить*, *гундосить*, *шепелявить*, *лепетать*, *тсс*, *цыкать* и т.п. передают особенности не только звучания, но и той артикуляции, которая создает соответствующее звучание.

4.3. О гуманитарной ценности межсемиотического перевода. Те движения тела человека, которые в истории обыденного сознания получили коммуникативную или психологическую значимость и стали элементами общения людей, и те знаки звуковых языков, в которых оказались запечатленными эти движения тела, образуют своего рода с т ы к (мост, пе-

реходную и трансформирующую зону) между первой (предъязыковой) и второй (языковой) ступенями семиозиса. Здесь происходит перевод содержания знаков одной семиотики (связанной с кодами бессознательно-го и биологического) в знаки другой семиотики, более надежной и социализированной.

Мир психологически значимых движений тела человека, запечатленный в языковой «картине человека», интересен своей близостью к первичному, телесному опыту жизни — близостью к природе, безотчетности, искренности. В наше время природная и психологическая подоплека движений человека — это во многом «уходящая натура». К ней растет музейно-исследовательский интерес, но изучение не остановит ее забывания, утраты. Люди все меньше замечают, воспринимают, чувствуют «телесную» психологию друг друга. И все же язык в состоянии долгие всех сохранять этот истончающийся опыт человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Везжибицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
2. *Волоцкая З.М., Николаева Т.М., Сегал Д.М., Цивьян Т.В.* Жестовая коммуникация и ее место среди других систем человеческого общения // Из работ московского семиотического круга / Составление и вступительная статья Т.М.Николаевой. М., [1962] 1997. С. 8—17.
3. *Дарвин Ч.* Выражение эмоций у человека и животных // *Дарвин Ч.* Сочинения. Т. 5. М., [1872] 1953.
4. *Красильникова Е.В.* Жест и структура высказывания в разговорной речи // *Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест.* М., 1983.
5. *Мейерхольд В.Э.* К истории техники театра // *Мейерхольд В.Э.* Статьи. Письма. Речь. Беседы. Часть первая. 1891—1917. М., [1908] 1968.
6. *Мечковская Н.Б.* Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий. М., 1998.
7. *Пиз А.* Язык телодвижений: Как читать мысли других людей по их жестам. Новгород, 1992.
8. *Седакова И.А.* Первые шаги ребенка: магия и мифология ходьбы (славяно-балканские параллели) // *Концепт движения в языке и культуре.* М., 1996.
9. *Толстой Н.И., Усачева В.В.* Волосы // *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* М., 1995.
10. *Топоров В.Н.* Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // *Концепт движения в языке и культуре.* М., 1996.
11. *Трубачев О.Н.* Славянская этимология и праславянская культура // *Славянское языкознание: X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации.* М., 1988.
12. *Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию. М., 1998.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

- Walde:** *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Auflage von J.B.Hofmann. Heidelberg, Bd. 1, 1938; Bd.2, 1954.
- Даль:** *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1978 [факсимиле издания 1880—1882 гг.].
- Лепеш:** *Лепешаў І.Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: У 2-х тамах. Мінск, 1993.
- МАС:** Словарь русского языка: В 4-х томах / 2-е изд., испр. и доп. М., 1981—1984.
- Млтк:** Фразеологический словарь русского языка / Под ред. *А.И.Молоткова*. М., 1967.
- МолСл.:** *Никитина Т.Г.* Так говорит молодежь: Словарь сленга. По материалам 70—90-х годов. СПб., 1998.
- Skeat:** *Skeat W.W.* An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1961.
- Сл.ХІ—ХУІІ:** Словарь русского языка ХІ—ХУІІ вв. Т. 1—19. М., 1975—1994 [издание продолжается].
- СлТюрм:** Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы. М., 1992.
- Срезн.:** *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. Репринтное издание. М., 1989.
- Snoj:** *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997.
- ТСРЯ—ХХ:** Толковый словарь русского языка конца ХХ в.: Языковые изменения. СПб., 1998.
- Фасмер:** *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и дополнения О.Н.Трубачева. Т. 1—4. М., 1964—1973.
- Фед.:** Фразеологический словарь русского литературного языка конца ХУІІІ—ХХ в.: В двух томах / Под ред. *А.И.Федорова*. Новосибирск, 1991.
- ЭССЯ:** Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1—24. М., 1974—1997 [издание продолжается].

А. В. ГИК

О СООТНОШЕНИИ ДВИЖЕНИЯ ВВЕРХ / ВНИЗ / ПО КРУГУ
В ФИЗИЧЕСКОМ И МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВАХ
ЛИРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА М.КУЗМИНА

Модели движения в физическом пространстве могут описывать трудно эксплицируемый внутренний мир человека. В поэтической практике М.Кузмина характер физического движения часто напрямую соотносится с особенностями структурирования ментальной и эмоциональной сферы бытия.

Выбранные для анализа направления движения в координатах пространства: вверх/вниз/по кругу рассмотрим на примере глаголов: *бежать* 41¹, *двигаться* 3, *кружить* 6, *кружиться* 13; *летать* 10, *лететь* 38; *плясать* 3, *танцевать* 7, рассматривается также употребление таких слов, как *возврат*, *кружение*, *танец*, *пляс*, *пляска* и некоторые другие.

Итак, зададим первый вопрос, который нас интересует: что и кто в идиостиле Кузмина движется по направлению **вверх** 9. Почти все контексты говорят о традиционном употреблении этого слова: *Чашка с грехами / Вверх поднялась* (1902); *Солнце вверх летит, что мячик...* (*солнце летит* только с субъективной точки зрения падающего предмета, а в данном случае, души) (1917—1918); *К зениту вверх стремится свой бег оно <светило дня>* (1908).

Однако поэт не ограничивается данными строчками, а пытается назвать одну из причин движения вверх. Летучее семя (по Кузмину, метафора любви) является причиной существования самых разнообразных явлений², причиной жизни вообще:

Что ребенка рождает? Летучее семя.
Что кипарис на горе вздымает? Оно.
Что возводит звенящие пагоды? Летучее семя.
Что движением кормит Divina Comedia? Оно!
Что хороводы вверх водит
Платоновских мыслей
И Фокинских танцев,
Серафимских кругов?
Летучее семя.
Что ничего не рождает,
А тяжелой смертью
В самом себе лежит,
Могильным, мокрым грузом?
Бескрылое семя (1922)

¹ Цифры после слова обозначают количество словоупотреблений в поэтических текстах Кузмина (общее число словоупотреблений — 68800).

² О сексуальных коннотациях глаголов движения пишет Т.М.Толстая.

Вверху, как известно, в воздушном пространстве основной способ передвижения — полет. Обратимся к глаголам *летать* и *лететь*.

Глагол *летать* встречается 10 раз в различных контекстах, в том числе таких, которые характеризуют внутреннее состояние человека: *Печаль с надеждой руки соплетают / И лебедями медленно летают* (1908—1909). Картина полета бабочки, голубят или мошек не становится объектом описания в стихе, а создает символическую атмосферу, сопутствующую напряженному внутреннему состоянию человеческих чувств: *Бабочки сумеречные летали. / Слова все менее ясные, / Слова все более страстные / Губы запекшиеся шептали.* (1907).

Полет птиц сравнивается с высшей степенью проявления чувств — любовью: *Лишь в огне летают саламандры, / Не сгорает в пламени любовь* (1907—1908); *Любить так смело, как птице летать* (1912—1913).

Глагол *лететь* 38 употребляется Кузминым как в традиционных (*Семя летело, / Летело и улетело, / а плода нет; Летит орел, прицелов жалких мимо; Лепесток летит миндальный*); так и в метафорических контекстах (*о, песни вздох, лети, лети!*). В некоторых случаях актуализируется значение интенсивного передвижения (как бы идти с высокой скоростью): *Завует март... лети, лети за ним!; По веселому морю летит парод.* В состоянии полета могут находиться и не «летучие объекты»: *Сердце медлит лететь вперед; Поцелуй вчерашний, / Лети, лети!; Моя душа, как бабочка, / Летит на запах липки; И к телу летит душа, / Жасмином небес дыша; Солнце вверх летит, что мячик; Над пропастью летит она <повесть> вольней / Газели скока; Что ж летишь ли, мой скворец?* — о душе; *И строки вашей повести летят легко и едко.*

Идея полета положительно оценивается в поэтической картине мира Кузмина, падение же — напротив — отрицательно: (*Нам бы взлечьиться, подняться*) / *Унылым грузилом / В темноту падаем.*

Свойством «летучести» обладает у Кузмина большой класс объектов. Этот вывод напрашивается при анализе словоупотребления основного «средства передвижения» — крылья. Рассмотрим употребление лексемы *крыло* и ее производных.

Крыло 4: *И сон махнет тебе крылом* (1908—1910).

Крылатый 25: *Я обрел себе Вожакого — / Он прекрасен и крылат* (1908); *Всегда твой образ зреть не смею — / Я в зеркале его имею, / Он так же светел и крылат* (1908); *я мыслю крылатой / Искал вотще исчезнувших забав* (1909); *Полюбишь в новый вновь. / Она придет, она придет, / Крылатая любовь* (1912—1913); *Крылато сбивчивое лепетанье, / Почти невысказанное «люблю»* (1921); *Крылатая свирель поет!* (1921); *В ком жив полет влюбленный, / Крылато сердце бьется* (1921); *Любовь — движенье, / Недвижный не любит, / Без движенья — не крылато семя* (1922); *Я крылья не покину, / Крылатое дитя,* — о летающем мальчике из оперы Моцарта (1922).

Оказывается, средством передвижения по небу может быть и лодка: так, один из циклов стихов Кузмина называется *Лодка в небе* (1915). Ср. также следующие контексты: *В золоченой утлой лодке / По зеленому пространству, / По лазури изумрудной / Я <душа-София> ждала желанных странствий* (1917—1918). Лексемы *луна*, *месяц* и *лодка* у Кузмина имеют прочную образную связь: *В лодке зеленой сестрица луна* (1919—1920); *Все лодки дремлют над водой, / Второй грядкою спят на небе* (1922); *Кофей стынет, тонкий месяц / В небе лодочкой ныряет* (1919—1920).

Данные словоупотребления хорошо согласуются с используемой символистами идеей двоемирия. В традиции платоновского и романтического двоемирия два начала бытия предстают как сущность и кажимость, истина и ее «отзвук искаженный». У Кузмина символика материального мира как «теней идей», как отображения вечно и первично Сущего, дополняется иной: два облика Единого разлучены временно, они ждут грядущего «синтеза» (ср. сборники Вяч.Иванова «Кормчие звезды» 1903 и «Прозрачность» 1904). Видимая Вселенная предстает в образе двух зеркал, обращенных друг к другу, которые отражают друг друга и друг в друге отражаются: *Вверх взгляни на неба свод: все светила! / Вниз склонись над чашей вод: все светила!* (1908); *А птицы-рыбы, черные чаинки, / Чертят лазури зыблемый топаз!* (1917). Не удивительно, что в описание творческого процесса Кузмин вплетает образы зеркальности и соответствия (этого, земного мира и воображаемого — небесного): *Косые соответствия / В пространство бросить / Зеркальных сфер, — / Безумные параболы...* (1922).

Теперь остановимся на движении по направлению **вниз** 19. В поэтических текстах встречаются как тривиальные контексты: *Зачем все режешь и осторожней / Глядишь, опустивши очи вниз?* (1907—1908); *Наш ангел смотрит вниз* (1913); *Нянька ходит часто вниз* (1917); *Месяц (всегда этот месяц!) повис / Рожками вниз, / Как таинственный мага брелок...* (1920); *Перекрестился мелко, / Нырнул с обрыва вниз... <неведомый купальщик>* (1927); *Взгляни с балкона прямо вниз: / Растет малютка кипарис* (1928); так и контексты, насыщенные сложной метафорикой: *Как явно стекает вниз / Прозрачность теплыми волнами!* (1915); *Синий пурпур кружит вниз* (1921); *Озверелые затеи / Театральнейшего мира / Помогли гонимой вере / Рай свести на землю вниз* (1921).

Итак, мы взглянули с балкона прямо вниз, на земную поверхность. Основные способы передвижения здесь: **бежать** и **ходить**.

Представим краткий анализ данных глаголов.

Бежать 41:

Тривиальные контексты: *замечаю, какой бежит пароход* (1906); *Мо-ре, воле лунной вторя, / То бежит к земле, то нет* (1907); *Мимо бежит глухой Париж...* (1908—1910); *ручей звеня бежит с высот в долину,* (1908); *в поддевке молодец бежит* (1911—1912); *за рояль бежит Мими*

(1918); *Скорей бежать из этих улиц темных* (1926); *бежит с фонарем гайдук ...* (1927); *Глядит, глядит и не бежит [песик]* (1928).

Куда, с какой целью (в физическом пространстве): *Я бегу обнять колени* = спешу (1908-1910); *на далекий Ганг* (1911—1912); *на зов обманчивой улыбки* (1912).

Переносные и метафорические употребления: *Берега бегут игриво, / Будто Моцарта мотивы* (1906); *Мы опять засветили любви огни, / И далеко бежала былая тень* (1908—1910); *К моей душе, так долго молчаливой, / Бегут стихи, как стадо резвых коз* (1910); *Как ровно дни бегут вперед!* (1911—1912); *Впервые кровь бежит по сети вен, Впервые день весны благословен!* — о состоянии влюбленного человека (1916); *Бежит, горя, летучий пламень, / Взволнованно вздымая грудь.* — о гении Пушкина (1921).

В значении 'избегать': *Когда пойду известною тропой, / Которой, без любви, бежал я сам?* (1908—1909); *Как бежать своих терзаний в склонах гор?* (1908); *Ах, долго я искал заоблачной дороги, / Куда бы мог бежать темницы и оков* (1908—1910); *Мне матушка твердила: / «Беги любви злой ...»* (1912—1913).

Идти 82:

Тривиальные контексты: *Уж не слышен конский топот, / Мы одни идем в пути* (1907); *День и ночь он <дождь> идет, гулко стуча в окно* (1909); *Не верю солнцу, что идет к закату, / Не верю лету, что идет на убыль* (1908—1909); *Идем дыханье затая, / И в сердце огненной горою / Не купина — горящий лес* (1913); *Дорога в гору идет...* (1913); *Сидит за прялкою придурковато дочь / И не идет она поить псаломских ланей* (1925).

Идея путешествия (без специальных средств передвижения) является одной из сюжетообразующих и идеологически значимых для многих стихотворных текстов поэта. Лексема *идти* встречается как в прямых, так и в переносных значениях: *Ты идешь легко, спокоен. <...> / Сам в себе себя лобзая, / Прелесть Мая презирая, / Ты идешь и не глядишь. / Мнится: вот раскроешь крылья / И без страха, без усилья / В небо ясное взлетишь* (1907); *Кто в путь собрался — пусть идет* (1907); *Стезей любви идти и трепетать* (1907); *я знаю ясно, вне сомненья, / Что за спиною ты приник. / Когда иду по строкам книг* (1908); *Шесть дней идем, заря седьмая* (1909); *Идем беспечно / До сладкой межжи* — о любовных отношениях (1912); *Тайной все идем тропой, / простецы с душою мудрой, / Мудрецы с душой простой* (1913); *Зовут <очи> томительно и нежно / В неведомую даль идти, / И сердце сладостно-мятежно / Готово к новому пути* (1913); *Не лучше ль свадебной поездки / Идти пешком, уста в уста?* (1913); *Мы — два веселых подмастерья / Идем, обнявшись, поутру.* (1913); *Так юношеское житье / Идет капризными путями!* (1927).

К трудно интерпретируемым контекстам мы отнесли такие, для толкования значения слов в которых необходимо обращаться ко всему произ-

ведению, а иногда и всему творчеству поэта. В таких случаях под описанием движения в физическом пространстве следует понимать изменения, происходящие в ментальном пространстве лирического субъекта. У Кузмина, как во многих фольклорных произведениях (сказки, заговоры, плачи), перемещение в пространстве главного действующего лица может приводить в иное время и к новому ментальному состоянию: *Бежит, бежит, бежит / девочка вдоль роиц: / <...> / Девочка все бежит, бежит, / глупая. / Пробежала полсотни лет, / а конца нет...* (1921).

Для того, чтобы адекватно проинтерпретировать эти строки, необходимо провести «реконструкцию» образной системы целого текста. Это стихотворение — сложный случай соотношения реальных и условных образов (по терминологии Ярхо-Гаспарова). В этом и во всех подобных случаях основной образ не может быть точно определен, но все же колеблется в точно ограниченных текстом пределах. Можно предположить, что речь идет о Психее (душе) в образе девочки, т.к. в заключительных строчках стихотворения Психее приписывается песенка: *Я пестрых крыльев не имею, / Но не поймал меня никто...* Еще одно стихотворение-сновидение построено по такому же принципу: *Я шел дорожкой Павловского парка, / Читая про какую-то Элизу / Восьмнадцатого века ерунду. / И было это будто до войны, / В начале Июня, жарко и безлюдно. / «Элизум, Элиза, Елисей», — / Подумал я, и вдруг мне показалось, / Что я иду уж очень что-то долго: / Неделю, месяц, может быть года. / Да и природа странно изменилась: / Болотистые кочки все, озерца, (1922) — т.е. ко времени сотворения земли: «Земля была безвидна и пуста» (Быт.)*

Собственно глагол *двигаться* 3 определяется Кузминым как основной, отличающий живое от не живого, точнее жизненное от нежизненного: *Верьте, куклы могут жить, / Двигаться и говорить, / Могут плакать и смеяться* (1918); *Разве можно хвалить человека / за то, что он дышит, / движется, смотрит?* (1913); данный глагол имеет у поэта и сексуальные коннотации: *Двигался стержень, / Лоно недвижно. / Семя летело* (1922).

Существительное *движение* 12 употребляется без зависимых слов: *Горгона, Горгона, / смерти дева, / ты движенья на дне бесцельного вод жива!* (1917); *Мы путники: движение — обет наш, / мы — дети Божьи: творчество — обет наш, / Движение и творчество — жизнь, / Она же Любовь зовется. / Движение только вверх: Мы — мужчины, альпинисты и танцоры. / Воздвиженье!* (1922); а также в конструкциях с родительным падежом: *Движеньем рук томленье выражая, / К себе манит проезжего она* (1908); *Движение частиц, любовь и сила, / Прилив, отлив, таинственный обмен, — / Весь жалостный состав — благословен — о телесности человека* (1922).

Отсутствие движения является отрицательной характеристикой любого явления и предмета в картине мира Кузмина, но как ни парадоксально,

именно в результате «беспорядочного» движения лирический субъект приходит к внутреннему покою (но не надолго): Покоя полна мятежность; И думал я: «Взволненный стих / Пронзив меня, пронзит других, — / Пронзив других, спасет меня, / Тоску покоем заменяя»; Святой покой в душе залег; Вот пороги той дороги, / где не шли порока ноги, / где — покой; Моя душа в любви не кается — / Она светла и весела. / Какой покой ко мне спускается! Покой найдя, встал рыцарь успокоен, / Любовь найдя, поднялся он влюблен.

Итак, лирическому субъекту Кузмина в большинстве случаев не важно направление движения (на вопрос «Куда идти?», он бы ответил неопределенное: «Туда»: Я встречи жду, стремясь и убегая, / Не слыша, что кругом звенит весна. / Вперед, назад, туда, сюда — все то же; Неизвестен путь далекий: / Приведет, иль заведет; «Друг, ты знаешь ли дорогу? / Не боишься ль гор и вод?» / — Успокой, мой друг, тревогу / Прямо нас звезда ведет.

В процессе физического движения внутренний мир героя также приходит в состояние движения (т.е. не-стояния, не-лежания), а возможно просто колебания. Если попытаться описать движение во внутреннем пространстве лирического субъекта, то надо признать, оно не только не поступательное, но возвратное (**возврат** 11): Возвратный тиф — опаснее и злее. / Проходит все, моя любовь — не та же, / Моя любовь еще сильнее; И терпеливо так давно / Обещанного жду возврата. / И память сердца так светла, / Печаль не кажется печальной; Дороже сына, роднее брата / Ты стал навеки душе моей, / И без тревоги я жду возврата / Румяно-ясных, осенних дней; Помнил я тебя и ждал возврата, / Скоро ль снова встанешь на пороге? Поздний Кузмин пользуется семантическим контрапунктом: Чем круче сжимаешься — / Звук резче, возврат дружбы.

Сравним некоторые строки из стихотворений разного периода: Чем круче сжимаешься — звук резче, возврат дружбы (1927); Помнил я тебя и ждал возврата (1910). Возврат позволяет накопить силы. Первая попытка может не привести к успеху. Надо быть терпеливым, ждать своего часа, а так как раньше все уже было, то оно вернется, вспомнится. И будет действенным и живым еще больше, чем раньше. Т.е. чем дальше отойдешь, тем удачнее «прыгнешь», точнее попадешь в цель. Идея возврата перекликается с гностическим учением о душе, упавшей на землю и стремящейся вернуться к отцу. Чтоб возникло это сильное желание (желание возвращения), надо, чтобы прошло время в разлуке, время, которое позволит осознать ценность того, что потерял.

Кузмин в стихотворении 1911 г. спорит со строчками из романса на стихи Д.М.Ратгауза: «Проходит все, и нет к нему возврата»: Проходит все, и к чувствам нет возврата / <...> Возвратный тиф — опаснее и злее, / Проходит все, моя любовь — не та же, / Моя любовь теперь еще сильнее.

Обратимся к разбору строчек из вступления к поэме «Форель разбивает лед»:

Ручей стал лаком до льда:
Зимнее небо учит.
Леденцовые цепи
Ломко брянчат, как лютия.
Ударь, форель, проворней!
Тебе надоело ведь
Солнце аквамарином
И птиц скороходом - тень.
Чем круче сжимаешься -
Звук резче, возврат дружбы.
На льду стоит крестьянин.
Форель разбивает лед.

Перед нами лубочная картинка: солнечный морозный день, крестьянин стоит на льду и смотрит, как рыба бьет замерзшую воду ручья. Она может быть прочитана как аллегория: форель — это душа любящего человека, которая стремится «пробить» холод непонимания. Такое истолкование этих строк подкрепляет богатая образная параллель в других стихах. Например: *Слежу я сквозь оконце льдистое, как зеленеет небо чистое*. Мотив преграды — льда / стекла / снега, которую растапливает/разбивает любовь/форель/душа, находим и далее: *То воля мудрого стрелка <Эрота> / Плавильщика снегов упорных*.

Боязнь остаться без движения, стать «замороженным», т.е. лишиться возможности любить и быть любимым, проходит через все творчество Кузмина с вариациями: *Боже упаси, не стало <сердце> ль старо, / Заморожено ль какой кручиной*.

Идея возврата концентрируется и обретает материальные черты в **бумеранге**: *Беги хоть на далекий Ганг, / Не скрыться там, — / Вернешься вновь, как бумеранг, / к моим ногам*.

Особо необходимо отметить употребление глагола **качаться** 7. Это движение разнонаправленное, неустойчивое, что хорошо объясняет состояние неуверенности, вечного изменения: *Все кончается, / Позабудь! / Уж качается / Сонно муть* (1919); *Качались светила / В стоячей воде* (1921). Не случайно этим глаголом описывается состояние летающего мальчика — Эрота: *Гонец я сновидений / Жилец волшебных стран. / Летая и качаюсь, / Качаюсь день и ночь...* (1921).

Движением без конечной цели (ценным само по себе) становится и движение по кругу, ср. **кружиться** 13: *Все кружится, и все на месте... / Все близко так, и все поет; Что нам знать? / О чем жалеть? / Кружись, кружитесь: держитесь крепче за руки; и слово **кружение**: Я несусь в своем кружении, повторяя танец мук (о любовных отношениях). Кружение вводит героя в inferнальное состояние, в котором ему открывается сокровенное: *Тошнотное кружение... / В руке пустой бокал... / За сердце я схватился — / И друга увидал; В пророческом кружится дух бреду*.*

Круг становится символом любви: *О круг святой любви!; Зима и осень, весна и лето / Теперь — единый, счастливый круг, / Когда все сердце тобой согрето, / Мой неизменный, желанный друг; Любовь большими кругами до последнего дна доходит.* Круг — это и образ полноты, самодостаточности, и способ движения любви — не прямое движение, а извилистое, круговое (возвратное).

К такому же типу движения относится и движение в танце. Не случайно в кузминской поэтике смысловое поле танца представлено достаточно широко: *пляс 1, пляска 5, танец 14, станцевать 1, танцевать 7, танцовщица 1, танцор 1, танцующий 1, танцы 1.* Кузмин придумывает даже неологизм с основой *пляс-* — *плясавить*: *Бесстыдный черный отрок / Плясавит странный цирк* (1917).

Эта группа слов опять-таки пересекается с полем любви и творчества: *Скок высокий, Эрос, Эрос! / Пляс стеклянный, райский скок! / Отрок вечный, Эрос, Эрос, / Лет божественный высок!* Ср. также следующие контексты: *пляска нег, любовная пляска, Танцуйте, милые, играйте / Шутливый и любовный сон.*

Все направления движения: вверх, вниз по кругу — нашли свое воплощение в танце. У Кузмина нет движения однонаправленного: только вверх, только вниз, а есть разнонаправленное, часто бесцельное движение ради самого движения.

В физическом Кузмин видит символическое. Ведь самым наглядным примером движения без цели («лабиринтообразного движения»?) является танец. Перенесенное на графический уровень движение в танце становится созданием чертежа жизни: два шага вперед, три назад (возврат). Лирический субъект Кузмина чаще всего танцует ритуальный танец любви. Такой танец можно рассматривать как динамическую версию лабиринта, понимаемого как воплощение некоего сакрального движения, или пути. Странствие и путешествие становится образом жизни и условием существования поэта.

В идиостиле Кузмина соотношение движения вверх / вниз / по кругу, по нашему мнению, пересекается в универсальном для лирического субъекта движении — танце. В танце все направления движения (не только по вертикали и по кругу, но и по горизонтали) сосуществуют. Синкретичность направлений движения в танце моделирует и «невидимые миры» лирического субъекта: постоянное движение, искание внутренних «путей духа», как писал Кузмин в предисловии к рассказу «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» и являются по Кузмину целью жизни (ср.: *Душа стремится (вдаль ли? ввысь ли?)*). Не важно, куда стремится, а важно, что стремится.

Так второстепенные метафоры движения в поэтике Кузмина, определяющие представление о конкретном объекте или частной категории объектов, преобразуются в ключевые, определяющие способ мышления о мире. Основные признаки движения — изменение и развитие становятся базовыми для творчества и жизненной философии Кузмина.

СИМВОЛИКА ДВИЖЕНИЯ—НЕПОДВИЖНОСТИ
В СТИХАХ ИЗ «РИМСКОГО ДНЕВНИКА 1944 ГОДА» ВЯЧ. ИВАНОВА

В речи, произнесённой 10 апреля 1933 года на одном из «литературных понедельников» в Санремо, Вяч. Иванов назвал культ жизни среди основных установок современного духа¹. По мысли докладчика, культ жизни является красноречивым примером «перехода от идей, выработанных на вершинах отрешённого сознания, в реальные двигатели социальной психики», но рождается он, скорее, «из блестящей и безответственной деятельности современной техники» и связан с признанием в материи «всемирного критерия истины» [8, 457, 461, 471]. В своём нетворческом и насильственном прикосновении к материи, отмечал Иванов, внешний мир торопится, устремляясь куда-то с дикою поспешностью и отдаваясь нелепому круговороту, — он нашёл нового бога, «давно предображённого античными мифами в образе Иксиона, прибитого четырьмя гвоздями к бешено вращающемуся, огненному колесу»², и призывает его «под именем Динамизма» [8, 437]. Являясь культом и становясь самоцелью, динамизм опасен, но при наличии доброй воли и с Божьей помощью связанная с ним мобилизация сил может стать «надёжным средством для исцеления нас от духовного паралича», — поэтому ориентацию благотворно искать в «вещах духовных». В этих поисках, говорил в заключение докладчик, «нам естественно устремляться к высшему Солнцу и вечным Звёздам, понимаемым в смысле анагогическом»³, к «Любви божественной», которая «впервые привела в действие все эти чудесные вещи»⁴.

Яркое поэтическое свидетельство духовных поисков и ориентиров человека XX века оставил Вяч. Иванов в стихах из «Римского дневника 1944 года» — этом необычном в истории словесности дневниковом жанре, созданном автором за несколько лет до своего 80-летия (род. 16 февр. 1866 г.). Сим-

¹ Речь В.И. «Размышления об установках современного духа», записанная по-итальянски, была опубликована в журнале «Il Convegno», посвящённом рассмотрению творчества Иванова. В русском переводе О.А. Дешарт опубликована в брюссельском издании сочинений Вяч. Иванова [1979, 111]

² В наказание за похвальбу Иксиона своей победой над Герой Зевс велит привязать его к вечно вращающемуся колесу (по многим версиям мифа, огненному) и забросить в небо [10, 1, 504].

³ *anagōgē* (греч.) — внутренний, глубокий, т.е. мистический.

⁴ Цитируя Данте и называя его величайшим поэтом христианства, В.И. приводит затем заключительный стих Дантова «Рая» — о «Любви, которая движет Солнце и другие звёзды» — «verso l'Amor che muove il Sole e l'altre stelle» [8, 474, 484] (выдел. мною. — А.Г.).

волы, а точнее, система символов⁵, извлекаемая из 117 стихотворений «Римского дневника», включает довольно значительную группу тех, что прямо или через символические связи и соотношения выражают идею динамичности мира, а также противоположаемую ей идею его неподвижности, статики. В контексте упомянутой выше речи Иванова в Санремо первым из этой группы символов следует назвать символ **титана**, за которым стоит новый миф об Иксионе — этом божестве динамизма. Ему посвящено одно из июльских (6) стихотворений поэта, где образ-символ титана занимает начальную позицию в первом стихе текста:

Титан, распятый в колесе,
Зажжённом яростью круженья,
Дух человека, дух движенья...

Раскрытию идеи динамического в этом символе служат его предикаты⁷: традиционный символ кругового движения **колесо** и отглагольные имена **круженья** и **движенья**. Конструкции пассива при этом подчёркивают зависимость движения субъекта, обозначаемого символом титана, от деятеля неопределённого, скрытого от наблюдения, но значительного по своей активности, воздействию на человека⁸ — см. *распятый в колесе, зажёжённом яростью круженья*. Следующая за этим трёхстишием конструкция начинается с глагола движения в инфинитивной форме: *Пройти ты должен через все...* и включает отглагольные имена, в которых идея движения представлена как изменение с нейтральным или отрицательным знаком: *...Преображенья, искаженья*. Далее синтаксическое движение этого небольшого по объёму стихотворения, благодаря присоединительному характеру конструкций в пассиве, выражающих перерыв в движении и его исчерпанность — см. *снятым быть, обуглен, наг; прочь взят из ножен; Твой пепел дымящийся положен*, — а также благодаря символам **саркофага** и **пепла** с их идеей застывшего и себя уничтожающего движения, обнаруживает яркую тенденцию к развитию прямо противоположных динамизму смыслов, ср.:

И снятым быть, обуглен, наг,
С креста времён, прочь взят из ножен
Твой светлый меч, и в саркофаг
Твой пепл дымящийся положен.

⁵ Термин **символ** употребляется здесь в значении, принятом у символистов, ср. у Иванова: «Истинный символизм не отрывается от земли, он хочет сочетать корни и звезды и вырастает звездным цветком из близких, родимых корней» [7, 611]. О системности символов в поэзии Вяч. Иванова пишет С.С.Аверинцев [1, 172].

⁶ Здесь и далее тексты приводятся по брюссельскому изданию сочинений Вяч. Иванова [1979, III].

⁷ О соотношении символа и стоящих при нём глаголов-предикатов пишет Иванов в [7, 608].

⁸ Поэтика пассива в связи с творчеством Б.Пастернака описана в [9, 179—181].

В этой заключительной части стихотворения миф о титане Иксионе дан автором в перспективе христианской традиции с ключевым для неё символом **креста** — не только знака страданий, смерти, но также и новой жизни, восхождения в духе, устремления к Богу, Вечности [10, 2, 12—13]⁹. Будучи включённым в круг смыслов, выражающих идею неподвижности, символ креста, таким образом, означает здесь вертикальный аспект антропоцентрического по своему характеру духовного движения.

Один из ключевых символов в поэзии Вяч. Иванова, неоднократно встречающийся и в стихах «Римского дневника» — символ **родника** (по Далю — ключ, бьющая из земли водяная жила), даёт тему движения в его безусловно положительном аспекте. В стихотворениях «Зверь щетинится с испугу...» и «С тех пор как путник у креста...» при этом символе стоят поясняющие его предикаты со значением прерванного и вновь восстанавливаемого движения, связанного со сферой духовной жизни и поэтического творчества, ср.: *Быть может, в нас / Только трубы роковые / Родники любви впервые, / Разомкнут — в последний час* (апр. 7); *И гимнам чужды, одичали / В безлирной засухе уста <...> И римским водомётам в лад / Взыграл родник запечатлённый* (авг. 3).

В стихотворении «Ты жив ли, друг?...» (май. 8), обращённом к Юрию Верховскому¹⁰, родник символизирует непрерывность исторической и культурной памяти (см. внутреннюю форму слова *родник* у Даля в ст. РАЖДАТЬ, там же приводится и корнеслов *родь*), связь с прошлым и открытость будущему:

Священных ставленник теней,
Ты снёс ли для грядущих дней
Под неутешной скифской бурей
Родник преемственных огней,
Светильник Муз, мой бедный Юрий?

Непрерывность-преемственность движения, связанного здесь с символом **родника**, противопоставлена движению стихийному, символизируемому в образе *неутешной скифской бури*. Будучи употребленными в двух смежных стихах, эти два символа могут рассматриваться в качестве повтора как генератора смысла, заключающего в себе идею движения. Но вместе с тем они дают два различных образа движения, являя собой один из примеров антитетического противопоставления, которое, наряду с повтором, составляет одну из отличительных особенностей поэтики Вяч. Иванова [3, 38, 42].

⁹ Ср. реализацию связанной с символом креста оппозиции смерти-жизни, неподвижности-движения в стихотворении «С тех пор как путник у креста...» (авг. 3), где за стихами: *И гимнам чужды, одичали / В безлирной засухе уста* идёт строфа с апофеозом возрождённого движения: *Благословенный, возделенный / Я вновь увидел Вечный Град, / И римским водомётам в лад / Взыграл родник запечатлённый*.

¹⁰ Поэт, переводчик, историк литературы. Входил в дружеский круг В.И.

Семантически и функционально близок к символу родника, но вместе с тем обнаруживающий более тесную связь с природным миром — символ **ручья**, в котором идея направленного движения связана с водой. В стихотворении «Ты жив!» — ручей журчит...» из апрельского цикла «ЛЕТНАЕА» ручей выступает символом жизни. Поясняющие его предикаты глагольного и именного происхождения — см. *журчит, моет, бурлит, Веселый спорщик* — характеризуют связанное с ним действие-движение как активное, настойчивое по отношению к своему объекту — камню. Соотношение символа со сферой человеческой деятельности и его положительный смысл раскрываются в именной метафоре *Веселый спорщик*, где главное слово означает человека, высказывающего противоположное другому мнению, стоящего на своем в ситуации спора¹¹. Символу ручья в этом стихотворении противопоставлен символ **камня**, а определяющие его предикаты содержат отрицание движения, вообще действия — см. *недвижим, молчит, покоит*. В этом же ряду находится и именной предикатив *Беспамятство* с его префиксальным способом отрицания корнеслова *память* — по Вяч. Иванову, «начала динамического»¹². Закрывающая стихотворение параллель: *Так, жизнь небытия / Понять не может* лишь подчёркивает противопоставленность символов ручья и камня, движения и неподвижности¹³.

Два соприродных символа — **ручей** и **река** — определяют смысловое развитие и образ движения в стихотворении «Жизнь, грешница святая...» (март. 5). Символизируя отдельную человеческую жизнь и жизнь в её общем течении, образы ручья и реки здесь оказываются тесно связанными со сферой духовного в его отрицательном и положительном, сакральном аспектах: *Ручей с рекою смешан, / Твоим грехом я грешен, / Твоей святыней свят* (выдел. мною. — А.Г.). Идея заключённого в образах направленного движения актуализируется контекстом всего стихотворения: о жизни в её земных пределах: *Жизнь, грешница святая, / Уста мои смолкая, / Тебя благословят*; о смерти на кресте и посмертной любви: *Пусть розы, расцветая / Из язвин, крест увьют*¹⁴.

Круг смыслов, выражаемых символами титана, родника, ручья и другими соотносительными с ними символами и их поясняющими предикатами в стихотворениях Вяч. Иванова, позволяет отнести к этой группе и образ-

¹¹ Весёлым спорщиком можно назвать одного из собеседников В.И., соавтора и адресата «Переписки из двух углов», принципиального монологаиста М.О.Гершензона [8, 401, 415, 816].

¹² В противоположность памяти — забвение, по Иванову, это «усталость и прерыв движения» [8, 396].

¹³ Впрочем, свойства камня, минерала в особенности, В.И. связывал не только с «абсолютной статичностью», но и с «наибольшим движением» [2, 84].

¹⁴ Смысловая ёмкость этого двустишия связана с употребляемыми в нём символами **креста** и **розы**. Розы символизируют здесь мученичество, всепрощение и божественную любовь [10, 2, 386].

символ **мирового дерева**. Ему посвящено одно из стихотворений «Римского дневника» — «Нисходят в душу лики чуждых сил...» (июн. 1). Поэтическое изображение мирового дерева в составе первой строфы — этого, думается, не случайно трёхстрофного текста, — отсылает к германо-скандинавской традиции: *Так веющими зашелестит листьями / Вселенской жизни древо, Игдрасил*, — в которой ясьень Игдрасиль связывает землю, где живут люди, с небом, где находятся боги, и с подземным миром, где находится царство мёртвых [10, 1, 288]¹⁵. Глагол-сказуемое *зашелестит* здесь подчёркивает то, что момент начала действия-движения и момент полноты его проявления совпадают и не различимы. Во второй строфе текста можно видеть поэтическое воспроизведение трёхчленной схемы мирового дерева, представляющей собой образ «любого динамического процесса, предполагающего возникновение, развитие и завершение»¹⁶, ср.:

Одетое всечувственной листвою,
Одно и всё во всех — в тебе, во мне, —
Оно растёт, ещё дремля в зерне,
Корнями в ночь и в небеса главою.

Присутствующий в этом описании символ **зерна** означает, что одним из условий «возникновения и развития», одним из моментов роста мирового дерева является умирание, смерть (ср. в Евангелии от Иоанна: *если пшеничное зерно, падиши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода* [12, 24]).

В третьей строфе за символом мирового дерева, названного здесь Древом Жизни, возникает его геометризованный вариант — **крест** (см. его сигналы в тексте: «Сыном будь, не беглецом! — Тебя ко Древу Жизни пригвозждает»). Символизируя высшие сакральные ценности, крест подчеркивает идею центра и движения изнутри вовне¹⁷, а в духовном смысле «восхождение в духе», к Богу, к Вечности [10, 2, 12]. Этому движению в тексте противопоставляется движение разделившееся в самом себе и движение как бегство, удаление от Бога. Ср.:

Ты ж отделиться хочешь, быть лицом...
Блажен, чей лик Архангел ограждает
И, молвив: «Сыном будь, не беглецом!» —
Тебя ко Древу Жизни пригвозждает.

¹⁵ В одном из вариантов мифа вертикальные части мирового дерева объединены циркулированием священного мёда, как источника жизненного обновления и магических сил [10, 1, 288].

¹⁶ [10, 2, 404]. См. сигналы этой схемы в тексте: *корнями — в тебе, во мне — в небеса главою*.

¹⁷ В отличие от креста **круг**, также часто встречающийся у Иванова (в варианте **колесо** — в стихотворении «Титан, распятый в колесе...»), связан с идеей разграничения внутреннего и внешнего пространства [10, 2, 12].

Качественно различное и разнонаправленное движение выражено здесь именами-символами (*сын, беглец, Древо Жизни*), но не глаголами, что косвенно указывает на одну из ярких особенностей поэтики Иванова, проявившуюся еще в «Кормчих звездах» [4, 41].

В стихах из «Римского дневника» несколько раз встречается символ, определивший заглавие первого поэтического сборника Вяч. Иванова «Кормчие звёзды» (1903 г.)¹⁸ — книги, которая, по словам О.А.Дешарт, представляет собой «правдивую и точную запись того, как томимый духовным голодом человек «ходит по мукам» в туманном пределе бездорожья» [6, 42]. Знаменательно, что в последнем лирическом цикле автора, составившем «Римский дневник 1944 года», символ *звезда* встречается в стихотворениях, написанных в начале и конце года (6 янв. и 29 дек.), хотя только этими текстами его употребление здесь не ограничено. В стихотворении «Как древний рай покрыла схи́ма...» (янв. 4) смыслы символа *звезда* отсылают к ветхозаветной и новозаветной традициям. Так, в составе поэтической формулы *Звезда, венчавшая Эдем*, — располагающейся в границах третьего стихоряда, этот символ означает верхнюю и абсолютную границу *рая* — места вечного блаженства. В варианте *древний рай* этот второй символ означает состояние человечества до грехопадения, в варианте *Эдема* мифологизирующая традиция связывает его с человеческой историей, обозначая невинное начало пути человечества. Упоминание *Вифлеема* и «Окрест Младенца и Марии» *девственного Эдема*, определение символа как *Звезды божественной природы* актуализируют в нём смыслы, связанные с новозаветной традицией, дающей историю человечества под знаком искупления греха. Но линии, отсылающие к обеим традициям, наряду с этими динамическими моментами в семантике символа, подчёркивают и столь же существенные для него значения неизменности, устойчивости, стабильности. В тексте стихотворения динамический аспект выражен не только последовательностью в употреблении символизирующих имён *рай — Эдем — Вифлеем*, но и стоящими при символе *звезда* предикатами со значением исчезновения-появления — см. *незрима, указала*. Динамизирующий момент усиливается и за счёт динамичной позиции субъекта восприятия: *С ним стала нам и ты, незрима — Пока трем небо-видцам чистым / Ты, в хороводе став лучистом, / Не указала Вифлеем — Увидим ли, подобно тем / Пришельцам в ночь Епифании*. Начало пути, возврат к началу, исчезновение и появление, движение по кругу (*Ты в хороводе став лучистом*) и по вертикали (*Твоих — небес родные своды / Увидим ли*) — вот неполный список значений, определяющих динамический образ мира в стихотворении, написанном в канун Рождества Христо-

¹⁸ См. упоминание этого сборника как поэтической песни в одном из сентябрьских стихотворений «Римского дневника»: *Ликуя, топчет спелый грозд / Багряный Вресень, виноградарь, / Мой запедало Кормчих звёзд* (выдел. мною. — А.Г.).

ва (6 янв.) — в день, когда так уместно спросить, обращаясь к *Звезде божественной природы*:

Твоих небес родные своды
Увидим ли, подобно тем
Пришельцам в ночь Епифании,
Окрест Младенца и Марии
Узревшим девственный Эдем?

Декабрьское стихотворение с символом звезды — «И снова ты пред взором видящим...» — сразу отсылает к новозаветной традиции, давая во втором стихе образ *Вифлеемской Звезды*. Повторяющееся и связанное с началом действие-движение, субъектом которого является звезда, подчеркнуто наречием *снова*, которое вместе с присоединительным «И» занимает позицию первого слова в тексте, тем самым определяя характер его семантического развития. Вертикальный характер этого движения дан в глаголе-сказуемом *Встаёшь*. Однако более значительными в этом стихотворении оказываются те смыслы символа, что имеют отношение не к динамическому аспекту мира, а к его стабильности, устойчивости, неизменности. Символизирующим эти смыслы звезды является образ маяка, а стоящий при нём предикат с отрицанием исключает самое незначительное передвижение, действием какой бы то ни было силы оно не предполагалось: *Но твой маяк с высот не сдвинется*.

Отрицательный аспект динамичности мира дан в этом стихотворении через образы *стана ненавидящего, океана и бездн морских, Левиафана, Легиона, бесноватого, судорог небытия*. Исход движения, направленного снизу вверх, внезапного и стихийного, множественного, хаотичного и нездорового, богоборческого по духовным установкам и пафосу изображается автором в серии ярких картин, включающих глагольные формы со значением затухания движения: *Равниной мёртвых вод уляжется / Изнеможённый Легион <...> И бесноватый успокоится от судорог небытия*. Однако такой исход дан в заключительных строках текста под знаком условного будущего: *Когда навек очам откроется / Одна действительность твоя*, — где местоименная форма отсылает к символу Вифлеемской Звезды.

Сложность и динамизм значений рассматриваемого символа могут быть результатом синтеза стоящих за ним мифологических и культурных традиций. Показательным в этом отношении является одно из стихотворений июньского цикла — «Звёзды, тайные магниты...» Магическим и таинственным, заключающим в себе смертельную угрозу для человеческого мира изображается воздействие-притяжение звёзд в первой и начале второй строф текста: *Вы почто сердца и взоры / Привлекаете в просторы / Нам убийственной пустыни, / За копейные защиты? // К вам смертельно приближенье*. При этом человеческий мир, будучи объектом этого воздей-

ствия, обнаруживает пассивность, и его движение в направлении к звёздам (см. *сердца и взоры / Привлекаете*) это, скорее, состояние вовлечённости, а не действие. Названный круг смыслов, как можно видеть, отсылает к астральным мифам, в которых судьбы мира и человечества определяются воздействием на них движения небесных светил [10, 2, 117]. Но уже конец второй строфы с его ярким антиномическим утверждением, напоминающим смысловые ходы и поэтику византийского средневековья — *Праздник вечного начала — / Небеса многоочиты*, — даёт иной образ движения. В плане мифологического метафора *вечное начало* есть образ рая, где всё дано изначально и, распространяясь, не изменяет своего состава, т.е. пребывает в вечности¹⁹. Третья строфа изображает звёздный мир (и его движение) как дальний и чуждый, но не враждебный — *Дальних, чуждых, вас мы славим* — и уже поэтому могущий быть ориентиром в духовных устремлениях и движении человеческого мира: *И по вам кормила правим*. Закрывающая строфу метафора — *Лавры Божьей киновиты* (от *киновия* — общежительный монастырь) — подчёркивает Богоцентричный характер звёздного движения. И, наконец, четвёртая строфа (последняя) с её метафорой *звездное служенье* закрепляет за символом его духовный, анагогический смысл. Параллельный этой метафоре образ *ответного движенья* — *Будит звездное служенье / В нас ответное движенье* — по сути является формулой диалогической связи звёздного и человеческого миров в их динамическом аспекте. О природе такой связи между макрокосмом и микрокосмом Вяч. Иванов писал ещё в 1907 г. в статье «Ты Еси»: «Ибо то, что религиозная мысль называет первобытным раем есть нормальное отношение макрокосма и микрокосма, — ноуменальное всечувствование вещей, равно и тожественно сущих вместе и внутри человека, сына Божия» [8, 268]²⁰. Поэтическая формула *ответное движенье* не исключает при этом и того смысла в понимании диалогичности, на котором настаивал римский собеседник Вяч. Иванова и известный исследователь Библии М.Бубер: «Мы отвечаем мгновению, но отвечаем и за него, мы несём ответственность за него. В наши руки отдан новый континуум мира, мы ответственны за него» [5, 107]²¹. Это ответно-ответственное движение *В нас* далее в лирическом сюжете связано с образом внезапно и мгновенно расширяю-

¹⁹ О метафорах: *исток — возврат — затвор* у Иванова пишет С.С.Аверинцев. В плане метафизическом *вечное начало*, подобно истоку, — «это *realia*: платоновская “идея”, аристотелевская “энтелехия”, постепенной реализацией которой ощущает себя поэзия Вячеслава Иванова» [1, 174—175].

²⁰ Эту статью очень выделяла и любила Л.Д.Зиновьева-Аннибал.

²¹ О значении идей М.Бубера для понимания природы лирического диалога пишет И.И.Ковтунова в работе «Синтаксис поэтического текста», с которой мы имели возможность познакомиться до её публикации.

щегося пространства микрокосма до пределов макрокосма с его звёздами и небесным сводом:

Миг — и в нашей келье тесной
Свод вращается небесный,
Запредельные пустыни
Веют ужасом святыни,
Ночь браздят светил орбиты...

Рассмотренными выше символами не исчерпывается ни каталог символов, выражающих идею движения-неподвижности в стихах «Римского дневника» Вяч. Иванова, ни связи между ними. Но и этих примеров достаточно для того, чтобы увидеть степень замкнутости и стабильности системы символов у Иванова, какой она ни была, по словам С.С.Аверинцева, «ни у одного русского символиста» [1, 172]. И всё же об одной группе символов, представляющей своего рода микросистему в системе символов, связанных у этого поэта с идеей динамизма, нельзя не сказать в заключение. На неё косвенно указывает одно из определений Вяч. Ивановым искусства: «Искусство поскольку оно динамично, живёт и стремится, неподвластно дьяволу» [2, 39].

В стихах «Римского дневника» тема искусства наиболее непосредственно выражена в традиционных символах **Музы / Муз, Лиры, Пегаса, Поэзии**. Из них лишь в символе **Пегаса**²² — крылатого коня — идея движения дана сразу. Ближайший предикат этого символа — *Пока стоянки длится час* — выражает, наоборот, идею остановленного, хотя и на время, движения. В других символах этой группы идея динамического обычно раскрывается благодаря стоящим при них предикативным определениям и глаголам-сказуемым, а также более широкому контексту, включающему разнообразные образы-символы динамического мира. Так, например, в стихотворении «Когда б не развязались чресла...» (анр. 4) символ **Музы** имеет определение *вожатая* и глагольный предикат-сказуемое *мечтать*, а предшествующий контекст содержит такие яркие образы, выражающие идею движения, как: *седло, вольный бег, ветры, невидимое скитанье*. В стихотворении «Затем ли в полумрак древесный...» (май. 10) данный символ определяется синонимичным глаголом *грезить* в составе конструкции *Звала ты грезить наяву*, за которой в контексте следуют образы *дикой и дивной музыки, солнечных коней, звучной пены, лиственной реки*, выражающие различные аспекты динамического мира. Эпитет *божественная* прилагает поэт к символу **Лиры** в одном из стихотворений майского цикла (6), а связанное с Лирой, Музами движение имеет гармонический характер, хотя оно соотносится и с макрокосмом, и с микрокосмом в их единст-

²² Внутренняя форма этого имени в греч. — см. πηγή — ‘источник’ — связывает его с символами родника, ручья и др., о которых речь шла выше.

ве, ср.: *Светила звучат и плывут, / Послушны божественной Лире. / Верь Музам! В нестрое земли / Гармония строится мира, / И в буре к нам боги сошли / Из сфер мусикийских эфира.* Приведенный пример обращает на себя внимание значимостью глагольных предикатов, выражающих идею движения — *звучат и плывут, строится, сошли*. Ср. также: *Вы, чьи резец, палитра, лира / Согласных Муз одна семья, / Вы нас уводите из мира / В соседство инобытия* (дек. 5). Глагольность предиката суждения, отмеченная ещё А.Белым в связи с анализом второго сборника Вяч. Иванова «Прозрачность» (1904 г.)²³ — отличает, таким образом, и поэтику стихов «Римского дневника».

Но едва ли не самым замечательным в приведенных и других стихах Иванова о творчестве и с символами творчества является момент противопоставления динамики и покоя и его «остроумное», в духе византийского средневековья, разрешение. В стихотворении «Вы, чьи резец, палитра, лира...» поэтическое суждение о действии-движении Муз — *Вы нас уводите из мира / В соседство инобытия* — содержит образ *инобытия*, поясняемый в следующей строфе как *жизнь иная, свет иной*, где движение и покой, изменчивое и вечное утрачивают свою противопоставленность. Образы второй строфы, казалось бы, больше выражают идею статики и покоя: *И чем зеркальней отражает / Кристалл искусства лик земной, / Тем явственней нас поражает / В нем жизнь иная, свет иной*, но значения сопровождающих их глагольных форм (*отражает, поражает*) суть элементы динамического мира. Так, на неуловимых переходах динамики в статику и наоборот, их противоположениях и сближениях строится лирический сюжет о природе искусства и тайне его воздействия на человека.

В контексте сказанного не кажется странным и противоречащим утверждению Иванова о динамичности всякого искусства начало одного из стихотворений февральского цикла (12):

Поэзия, ты — слова день седьмой,
Его покой, его суббота

— ведь за ним следуют абсолютно динамичные метафоры: *ладья живая, крылатый слон, лепет паруса, полет прямой*. Сакральный характер творчества при этом одинаково связан и с его статичным образом — *суббота*, и с динамичным — *Святит в крылатом сне ладья живая Богу*.

²³ В «Кормчих звёздах» Иванов, по определению А. Белого, — «поэт существительных» [4, 41, 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.С.* Системность символов в поэзии Вяч. Иванова // Аверинцев С.С. Поэты. М., 1996.
2. *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995.
3. *Барзах А.Е.* Материя смысла // Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб., 1995. Т. I.
4. *Белый А.* Вячеслав Иванов // Белый А. Поэзия слова. СПб., 1922.
5. *Бубер М.* Диалог // Бубер М. Два образа веры. М., 1995.
6. *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Брюссель, 1971. Т. I.
7. *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. II.
8. *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. III.
9. *Ковтунова И.И.* О поэтических образах Бориса Пастернака // Очерки истории языка русской поэзии XX в. М., 1995.
10. Мифы народов мира. М., 1991. Т. I, II.

В.ХЛЕБНИКОВ: ВЕХА, ДВИГАВА И ПУТЬ*

«Всё — волны», — говорит Старший во «Взломе Вселенной» (антипод Старшого из «Ночного обыска») и добавляет: «Мы не на гребне, / А в упадке». «Мы едины, мы равны, / Дети правды и волны», — сообщают нам Сестры-Молнии (всё в том же 1921 г.), которые «порхают там и здесь», как бы олицетворяя «динамический аспект мира». Такой явной эстетизации движения мировая поэзия, кажется, еще не знала. Не то чтобы тексты Хлебникова «символизировали» космическое движение или очевидные для всех нас земные метаморфозы. «Осада времени» у него — это осада поэтом-ученым важнейших законов мироздания — как *плосок коромысла* (в разных значениях этих слов), так и взаимодействия «созвучий» и «раззвучий» (не только у Скрябина, но и в химии, и в конкретике противостояния большевиков и эсеров), так и отношения между категориями времени, пространства, движения и языка (не только «звездного»). Отделить в его *Weltanschauung*'е внимание к красоте космоса от внимания к непонятной «воле события», «коврам обманчивых событий», «волнам мирового пляса» в истории «множеств» или человеку как «звучу миров», или «миру звуков» человеческой речи если и возможно, то с тщательной оглядкой на занимавшие Хлебникова связи между такими и подобными им «объектами», на присущее ему ощущение их динамического, часто оппозитивного, единства.

«Достигая истины», Будетлянин не «преодолеывает движения». Ему его еще предстоит продолжить: «И то не ложь, и это истина», — примерно так подвергает он сомнению любые «истины чёлны», выстраиваемые им таким образом, чтобы они не давали течи от напора «самокритики», в море самопроверок. Известно, что в 1908 г. он и самого себя своеобразно «проверил», когда переплыл в Крыму «трехверстный залив Судака».

* * *

Весной и летом 1920 года в Харькове, перед «броском на юг» (в Баку и Персию), накануне итогового озарения «мировыми скрепами» того, что сегодня мы называем, вслед за поэтом, «основным законом времени» (хотя и плохо понимаем, что это такое), Хлебников заносил в особую тетрадь первые наброски поэмы «Ладомир» и как будто не имеющие с ней ничего общего свои мысли о «движении во времени личности, росте личности» в их соотношении со «статикой пространства»¹. Не надо думать, что для интерпретации этих мыслей понадобятся челобитные к физикам и математикам. Нет, объединенных наций гуманитариев было бы вполне достаточно,

чтобы стало возможным в проекции на контекст всего творчества Вехи² ввести содержание этой тетради в доступный всем научный оборот. Правда, до последнего пока еще далеко.

На обороте л. 6 этой тетради находится неологизм *двигава* — возможный синоним «западного» слова *динамика*. Рукописи Хлебникова нередко содержат неологические потенциальные «замены» такого рода. В них можно видеть действительные словотворческие эксперименты Вехи, не претендующие на непрременное вытеснение западного чужака из нашей и его собственной речи. Ни сама *двигава*, ни соположенные ей в рукописи *силава* и *идава* не удовлетворили автора, и нетрудно понять, почему: в слове *динамика* семы движения и силы объединены, неологизмы же как бы разрывают их единство; налицо наглядный отрицательный, тем и ценный, результат словотворческого эксперимента.

Появлению этой неологической троицы непосредственно предшествует запись о том, что в мире существует особый «закон преград», почему, как пишет Хлебников, «критики» (чуть дальше он паронимически и эмоционально именует их *крикунами*)³ «при всей своей бездарности и цезарской> преступности?» вечны!»; «Динамике, — заключает поэт, — вечно <противостоит> статика», (или, без иностранных слов) «силе движения> — сила сто<яния>»⁴. У нас еще нет вполне надежных статистических данных (никто пока не проводил интериодиостилевых частотных сопоставлений), но пристрастие Будетлянина к глаголам движения и формам императива со временем, кажется, только растет⁵.

На этом фоне обращает на себя внимание также ранний неологизм *движина*, открывающий серию слов на *-ина* (по образцу *глубина* или *тишина*; 60 : 136 об.; 1908). Впрочем, в той давней тетради интерес ученого-поэта к аффиксам и квазификсам еще мог в какой-то мере и преобладать над непосредственным интересом поэта — начинающего ученого и мыслителя — к категории движения. Напомним: уже в 1910 г. Веха публикует глубокую статью о метабиозе, где маркирована именно категория движения во времени (и движения не только физического). С этого времени и до конца своих дней поэт делает ключевым понятие *смены*.

Анализируя «лингвистическую теорию» Будетлянина, А.Г.Костецкий [4, 38] уже отмечал первостепенную роль лексем из поля «движение» в определениях «азбуки ума» (т.е. «звезднгл языка») по девяти статьям поэта (1912—1920). Если обратиться теперь также и к тексту «Зангези» (1920—1922) [10, 477—485; плоскости VII—X], трем опубликованным «листам» из «Досок судьбы» и архивным записям Вехи в эти самые последние годы его жизни, можно дополнительно представить материалы для осмысления всего единого здания, которое воздвигнул Будетлянин, — воображаемой филологии, неотделимой у него ни от воображаемой истории, ни от воображаемой метафизики⁶.

* * *

План «Досок судьбы» несомненно намечал и разделы, которые должны были соположить числовым соотношениям, уже выявленным, как думал Хлебников, в Природе и Обществе, также все то, что он обнаруживал в предшествующие годы, наблюдая «мудрость языка». Весной 1922 г. им был подготовлен раздел «Малые небеса азбуки», обобщающий лишь отдельные материалы по языку в самостоятельный «лист VIII»⁷. Свою словотворческую ипостась и самовитое слово, или слово как таковое, Веха здесь обходит (по некоторому контрасту с тетрадью 1908 г.)⁸. Еще в харьковских материалах 1920 г. появляется само обозначение «*Доски судьбы*» и — характерно, что почти рядом с ним, — слово-указатель *Пути* (86: 37, 46), которое войдет в заглавие заключительного раздела «Листа II» [7, 34]⁹. Тогда же был определен и анализ Азбуки в проекции на такие ряды слов, как *кипеть*, *купать*, *капать*, *копать*, *копить* и др. под. (84: 3 об. и след.; 85: 3 и след.), отчасти повторявший поиски «смысла» у гласных звуков-букв в 10-е годы, а что касается согласных, еще слабо намечавший (сверх того, что уже было установлено в таких статьях, как «Наша основа», 1919) их более глубокую связь со всё пронизывающей в этом мире борьбой динамики и статики, так же как с фундаментальной категорией движения (см. выше)¹⁰.

В подготовительных материалах к «Доскам судьбы» автор заявляет со всей возможной для лета или осени 1920 г. (?) , т.е. до открытия в декабре этого года «основного закона времени», четкостью: «Вы, запутавшиеся в языках, учитесь мыслить движением» (89: 8). Еще примерно с августа и почти до апреля 1921 г. «осада времени» сильно теснит «осаду слова». Соответственно, хотя и *mutatis mutandis*, как бы единое до того времени жанровое пространство, целостное для работы и над «Зангези», и над «Досками судьбы», уже расщепляется на более-менее самостоятельные области¹¹. Призыв к «запутавшимся в языках» обосновывается и здесь, и там, но «осаду слова» Веха ведет теперь прежде всего в «Зангези», а «языковой» упомянутый выше «лист VIII» в «Досках судьбы» оказывается далеко не первым, если не оттесненным в их конец¹².

Такая композиция «Досок судьбы» отвечает их значимости для Вехи, их главнейшему месту в его субъективной иерархии в оценке собственного творчества, их «приоритетности» перед «Зангези»¹³. Но тем большее значение в этом аспекте тексты «Зангези» приобретают для филолога. Вместе с тем, временно как бы «оттесняемые» на второй план, они творчески оплодотворяются именно приоритетной рефлексией поэта над «Досками судьбы», их содержанием и их композицией. Когда, наконец, они будут изданы с достаточной полнотой (как и материалы, связанные с «Зангези»), картина беспримерного взаимодействия жанров у Вехи предстанет во всей своей грандиозности и красочности.

* * *

А.Г.Костецкий дал сводку видов неметафорического движения у Вехи: «поворот, удар, проникновение, вращение, колебание, отражение, покой как отсутствие движения и т.д.». Они связаны в «азбуке ума» с полями пространства («ось, плоскость, круг, дуга, высота, ширина, луч, угол, площадь и т.д.») и математических понятий («деление, вычитание, умножение и т.д.») [4, 38]. «Зангези» не вносит в эти отношения чего-то принципиально нового, но, с одной стороны, усложняет, а с другой — детализирует их (см. также разделы «Звездный язык» в «Предисловии» к работе [7] и в ее основном тексте).

Детализация касается двух моментов¹⁴. Виды движения пополняются: фиксируются «остановка», «просечение насквозь», «удаление от» (и в связи с этим) «рост объема» («точечного множества»), «распыление объема», «выход» («сияние»), «встреча» (и «остановка» иной природы), «преграда». Обозначения ряда единиц «Азбуки» приобретают варианты и, возможно, также новые, тонкие дифференциальные признаки для самих видов движения. Ср. хотя бы такие варианты, как *Эль* и *Ла*, *Гэ* и *Го*, *Пэ* и *Пи* etc.)¹⁵.

Зангези, сопоставляя в соседних номинативных фразах «частицы речи»¹⁶ и «части движения», даже провозглашает: «Слова — нет, есть движения в пространстве и его части — точек, площадей». В устах «безумствующего» это — уже явный перебор как результат отчаяния в попытках донести до слушателей сущность своих идей. Слова языка, на котором говорит Зангези, всё усложняются, но остаются словами и в качестве «шкур» для пространства, «пучков лучей» и «тайных глыб языка» [10, 480—481].

Это отчетливо демонстрирует следующая же «плоскость» (часть, глава) — «плоскость мысли IX», проводимый в ней «смотр всех родов разума».

Здесь внимания лингвиста не может не привлечь, а читателя со вкусом, не ограниченным «парадигмой Блока» и левовским «футуристическим изводом будетлянства», и эстетически не оставит равнодушным «игра» Хлебникова с основой -ум. Именно эта «игра» с «большим набатом в колокол ума» обусловила то, о чем шла речь в двух предшествующих наших абзацах.

Стихотворение начала 1920 г. «Слово о *Эль*» теперь вполне могло бы называться «Словом о *Ла*». *Ла* и *Эль* оказываются «морфами одной морфемы». То же самое можно сказать и об *Эр*, *Ро* и *Ра*, *Не* и *Ни*, *Эм* и *Мо* etc. Правда, проясняется не всё. Так, если *Зэ*, *Зо* и даже *За-За* выступают здесь как синонимы, то *Пэум*, «забытый» Будетлчином по очевидной оплошности, несет в себе смысл, отличный от *Поум* и *Паум*, а возможно, и *Хоум* — от *Хаум*, а *Моум* — от *Миум*¹⁷.

Тем не менее несомненно, что Хлебников возвращается на новом уровне к давнему этапу своей воображаемой филологии, который был когда-то назван нами «этапом поиска 'наималов' в 'предлогах-приставках'» [3, 325—326] и сводился к созданию неологизмов типа *выус* как обозначе-

ние 'конца усов' или *проух* 'отверстие ушной раковины'. В «Зангези» такие «наработки» и дали в названиях «родов разума» гибкий сплав единиц Азбуки звездного языка с массой «предлогов-приставок» и частиц.

Для наглядности выпишем в алфавитном порядке разъясняемые Вехой имена умов с «частицами»¹⁸:

Боум, Быум, Воум, Выум, Даум, Изум, Ниум,
Ноум, Нуум, Оум, Праум, Проум, Соум, Суум.

Соположим им, но уже не в соответствующем этому перечню, а в том порядке, как они следуют в «Зангези», их разъяснения:

изобр<етающий ум>, <...> нелюба старого <...> слетевший обруч глупости
враждебный ум, ведущий к другим выводам <...> спорящий
отвлеченный, озираю<щий> всё кругом себя, с высоты одной мысли
выпрыг из пределов бытового ума
утверждающий
половинный ум
разум-сотрудник
приказывающий
желающий разум, сделанный не тем, что есть, а тем, чего хочется
отрицающий
предвидение
разум далекой старины, ум-предок
следующий голосу опыта
гвоздь мысли, вогнанный в доску глупости

Задача соотнести эти названия с этими разъяснениями представляется едва ли не детской. И не только для филолога. На возможных частных затруднениях, диктуемых др.-рус. *бо* или метафорической конкуренцией в разъяснениях (ср. *вы-* и *из-*), или незнанием мотивов, которые привели верлибристов к выбору *Воума* в качестве названия для своего журнала, etc., задерживаться не будем.

Заметно, что Зангези не разъясняет таких упоминаемых им новых видов ума, как *Уум, Паум, Приум, Наум, Двуум, Треум, Деум* и *Поум* (в том порядке, в каком их предлагает Зангези [10, 482—83]). Реконструировать их напрашивающиеся значения, в стиле, близком к «Зангези», или куда более строгом стиле определений в лингвистическом (*а не поэтическом*) дискурсе, не составило бы особого труда¹⁹.

Остается пара *-умов* — *Доум* и *Заум*. Эти имена также говорят сами за себя; ум, в чём-то или чем-то в своем движении ограниченный, и ум, за которым ощущается «заумный» (прежде всего — «звездный») язык. *Заум* как-то связан с «особым подъемом духа <-> странными волнами времени, проходящими сквозь нас» (77: 51 об.; 1921). Помощь физиков была бы не-

обходима для выработки адекватного комментария к двум поздним записям Вехи, связанным с концептом движения напрямую. В одной из них речь идет о «вращении времени» (89: 29). В другой — о том, что время — это «движение вне пространства» (87: 94). Узко логическая или только филологическая интерпретация подобных высказываний попросту невозможна. Но они остаются и в постоянно расширявшейся Вселенной хлебниковского воображения, в полях Гаммы Будетлянина [10, 629 и др.], той же Азбуки и «государства времени», связанного с общественным движением Председателей Земного шара и строящего «Город Музыки», где «звук сладкие до ужаса» (89: 70 об.). А Город отличает и красота звуков речи, их своеобразные движения в разных последующих плоскостях «Зангези». Etc. А всё это проецируется также на движение еще множества тем в неустанном творчестве последнего полугодия жизни поэта. Пространство «Сдвигологии» у Кручёных не идет ни в какое сравнение с простором хлебниковских умов.

О набросках хлебниковского «разговора», озаглавленного «Заумец и доумец», и о *Главдзрасмысл* как принимаемом *заумцем* Вехой титуле, которым увенчивает его *доумец* (117: 1—2 об.; очень может быть, что прототипом доумца был Мандельштам), см. в других наших работах (в их числе и серия статей о движении идиостиля Мандельштама к *пути* Хлебникова)²⁰. «Старушки-сестры» *неумь*, *разумь* и *безумь* из раннего стихотворения добудетлянских времен [9, т.2, 264] обернулись в 1922 году, около «Зангези» и «Досок судьбы», добрыми мблодцами, двумя поэтами. Драматическая эстетика борьбы умов, тяготеющих к *Лауму* (и *Глауму* как символам народовластия) или *Коуму* (символу застоя), к *Рауму* («не знающему границ, преград, лучистому, сияющему уму») или *Гоуму* («высокому», «верховному разуму») и характеризует последнюю из сверхповестей Вехи.

* * *

В первой половине 10-х годов Хлебников предупреждал, что «будет называть *азами* людей отва<ги>»²¹. Примеры *азов* образовывали любопытное единство (сегодня, возможно, оно покажется наивным, но «что-то в нем есть»; может быть, и «что-то пушкинское»): Пугачёв, Белинский, Наполеон (там же). Путь от этой записи к сверхпоэме «Азы из Узы» (1919—20—22) был долгим и нелегким, но имени *Аза* в этом смысле сам Хлебников-Веха несомненно заслужил своей особой и постоянной готовностью к риску, накоплению не только душевной, но и физической энергии для заранее рассчитанного и всё же неожиданного «броска» — *движения* по неизведанному *пути* [10, 695—6], сопряженному и с драматическими «движениями души». Стихи Вехи, написанные в 1922 г., и последние плоскости в «Зангези» — поучительный материал для тех, кто по дурной традиции думает, что слово Хлебникова не освещено живым человеческим голосом, личным чувством.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Размышляя над программой нашей конференции в целом и соотнося разнообразные темы ее докладов со своим, я обнаружил (с некоторым изумлением, впрочем, быстро прошедшим), что с Хлебниковым должна быть так или иначе соотнесена добрая половина концептов и аспектов, которые обсуждают участники конференции. В этом свете настоящая статья — не более чем самое предварительное сообщение.

¹ РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 9, лл. 2 об., 3 об. (далее ссылки привожу по сокращенной схеме 9 : 2 об., 3 об. и под.).

² Это — один из псевдонимов Хлебникова, который он использовал в 1918 г. и которому явно придавал как общесемантические признаки *вехи* — «указатели пути; поворотного момента; важного этапа в развитии», так и метабиотические признаки понятия «смена», выработанные поэтом еще в 900-е годы. Пожалуй, самой интригующей и многообещающей для исследователя в этом псевдониме окажется его несомненная открытость символическому, общесторическому и «метафизическому» толкованию палиндрома *В.Х. > Х.В.* Но этот сюжет следует обсуждать не здесь, а в рамках большой проблемы «*Вера / мера* у Хлебникова и религия».

³ Уже на л. 2 об. критики, постоянно и по-разному досаждавшие поэту, были уподоблены «прокурорам» («мь») же, т.е. «воины будущего», — «подсудимые»), «жандармам» и «городовым от искусства», которые сажают поэтов «в поэтическую кутузку», т.е., иначе говоря, обрекают их «на голод речи, заносит на черную доску, <в> списки тех лиц, которых нельзя печатать». — Ср.: «Здесь я бродил осажденный / Печатного слова сворой собаку» (1922) [9, т. 5, 95]. «Нормального» театрального критика в 1913 г. предлагалось именовать мягко: словосочетанием *обсуждаль вымысла* [9, т. 5, 300].

⁴ В ряду таких контрастов-сомножителей и их произведений-констант, как «зло · добро», «время · пространство», «сознание · вещество» и др., *Веха*, не найдя для имени «Хлебников» подходящего сомножителя, завершил свой перечень формулой «футуристы на критиков = К» (9 : 10). См. также [6, 118: оппозиции 32 и 33].

⁵ Показательны как заметка «Образчик словововществ в языке» [9, 253—255] (неологизмы с основой *лет-* / *лёт-*), впервые напечатанная в сб. «Поощения общественному вкусу» в декабре 1912 г., когда автор уже сам «налетался» в стихах (например, в стих. «Гонимый — кем, почему я знаю?..» с множеством глаголов движения), так и поздние тексты *Вехи*, о которых еще будет сказано ниже. Здесь надо упомянуть стих. «Море» (1920—1921?) — настоящее пиришествие движения. См. еще в этой связи [6, 157—158], где речь идет о пристрастии Будетлянина и к междометиям типа *а-ха-ха, а-ца-ца, вззы-ы!, гоп!, дзы!, киш и киш!, но-но-но!, цитт* и др. Ср. в словаре Н.Н.Перцовой [7, 436 и 428] изобилие неологизмов в гнезде ЛЕТАТЬ и бедность гнезда ДВИГАТЬ. А поздний неологизм *летлюди* (65: 3) после явно метафорического *полета* человечества в «Ладомире» («Лети, созвездье человецье, / Все дальше, далее в простор, / И перелей земли наречья / В единый смертных разговор»; «И твой полет вперед всегда / Повторят позже ног скупцы, / И время громкого суда / Узнают истины купцы»; «рок, слетевший к изголо-вью» etc.) имеет в виду уже не только воздухоплавание 1912 г., Л.Берно и В.Каменского.

⁶ При этом нам не хотелось бы соглашаться с жесткой оппозицией «художественные тексты / нехудожественные текст», предложенной Р.Врооном в его стимулирующей полемику статье [2]. Логика ИИИ здесь и для поэта-мыслителя, и для мыслителя-поэта предпочтительней логики ИЛИИЛИ, подрывающей единство эстетической гносеологии. Неадекватной

для творчества насквозь «лиро-эпического» Вехи кажется и типология лирических субъектов, разработанная В.Вестштейном [1]. С другой стороны, «черта обратности событий» [8, 5] и вечная угроза «противособытия» [8, 6] характеризует не только «душу Гоголя» [8, 11; ср. 9, т. 5, 272—73], но, очевидно, и наше время. Почему тройка-Русь «не дает ответа»? Возможно, и потому, что «косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства», а нам всё не приходит в голову, что «постораниваться» — это необходимое каждому достойное движение тела и души. Но ведь «наша-то — самая хорошенькая»?

⁷ Остается догадываться, сколько всего «листов» потребовалось бы Вехе для реализации идей «Досок судьбы». За первыми тремя листами (48 страниц), опубликованными посмертно в 1922—23 гг., следовали, как минимум, еще пять. Из них четыре нам известны и в копии с автографа оглавления, которую сделал П.В.Митурич (РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 69; ср. автографы — ед. хр. 72—75). Метафоры в их названиях существенно и явно пересекаются друг с другом, увлеченные и увлекающие своим пафосом: «IV. Одночество», «V. Глашатай <...>», «VI. Жезл жизни», «VII. Мера <-> лик мира». Ед.хр. 76 и дополняет их автографом (14 лл. + 9 об.) «VIII. Малые небеса азбуки». Здесь Л.В.Щерба, по обмолвке, назван «товарищем Щербиной» и сделаны три общих вывода (среди прочих): 1) «грамматика входит в единую формулу мира»; 2) «о сходстве Азбуки и людского»; 3) о том, что «языки отличаются друг от друга» показателями степеней числа колебаний гласной» (76: 3-9; ср. 75: 2, 14, 26; 77: 2, 2 об. и др.; пример: горы / *góry*). Для дальнейшего см. важные заметки Вехи (1920), опубликованные Р.Вроном [11, 199—204: appendix A; ср. appendix B-6].

⁸ В другом месте мы касались вопроса о напряжении, возникшем между словотворческой оппозицией *дворяне / творяне* (1920) и «новой оппозицией» противопоставляющей «Д-слова» — «Т-словам» (начало 1922; стих. «Трата и труд, и трение...» с его идеей: «Два — движет, трется — три» [10, 179]). Видимо, Будетлянин преодолел бы «противоречие», в котором оказываются при этом Дз и Тз (как фонемы общего языка и они же как единицы Азбуки языка «звездного»), обычным для себя путем: поле словотворчества у него в принципе относительно независимо от ряда других полей — частей всего широкого пространства, в которое он помещает «воображаемую филологию», «воображаемую историю» etc.

⁹ Заглавие выглядит так: «Починка мозгов. Пути».

¹⁰ Для того, чтобы проследить все этапы становления этой категории в идиостиле Хлебникова, потребуется специальная работа.

¹¹ См. примеч. 6. — Необходимо иметь в виду непосредственную связь и с «Зангези», и с «Досками судьбы» такой «поэмы», как «Царапина по небу» (1920) — их общего истока и опыта «соединения звездного языка и обыденного» [9, т. 3, 75]. Еще никем не было проведено сопоставление Азбук в «Царапине» и «Зангези»; такая задача остается на будущее.

¹² Внимательное обследование всех подготовительных материалов к «Доскам судьбы» может выявить еще немало неожиданного. Отмечу, в качестве примеров, только такие записи, связанные с «движением» в широком смысле и языком: 1) «Внутреннее склонение слов»; «Формулы падежей» (89 : 47, 49 об.); 2) «Боги как обожествленная азбука» (89: 64 об.; 86: 22 об.); 3) «И Эль безмерное в движении, / И Ка искусное в сражении» (80: 36); 4) «Туда легла стезя моя, / Где жег торжественный маяк» (80: 39; рядом, на л.40, — имя Маяковский; поэтому необходимо внести поправку в нашу статью из сб. [5, 372; о «единственном» маяке у Вехи]; 5) наброски значений нескольких «букв азбуки»: Вэ, Ка, Эль, Пэ и Эс (98: 53—54, 59 об., 60).

¹³ Возможно, одни из самых ранних набросков планов «Досок судьбы» и «Зангези» записаны Вехой в 1920 г. на двух сторонах одного и того же листа (87: 63, 63 об.).

¹⁴ Детализируется и пространство. Так, активизирован «объем». Но в эти детали здесь мы входить не станем. Приходится оставить в стороне и анализ, кажется, очень перспективный, образного словоупотребления в «Зангези», с одной стороны, и «Досках судьбы» — с другой (призывая к такому анализу молодых велимироведов). Опять же см. примеч. 6.

¹⁵ Обнаружить за позиционным варьированием гласных Э, О, А, И в этих обозначениях (как и редким использованием гласного У) какой-то более глубокий смысл (гесп. «смысл гласных») или прямое возвращение к идее «внутреннего склонения слов»; но см. примеч. 12) не удалось. Сама задача, однако, не снята. Нет, видимо, оснований усматривать в таких вариациях гласных что-либо подобное преимущественной тяге Вехи к «благозвучию». Этому препятствует уже сочетание «*Ри* и *Ро*» в той же «Царапине» [9, т. 3, 79]. А вот к подобию «сингармонизма» Хлебников вполне мог бы стремиться...

¹⁶ Как увидим далее, это обозначение аккумулирует и смысл *нашмалов*, и собственно лингвистическую семантику.

¹⁷ См. также достаточно полные перечни вариантов обозначений для единиц Азбуки в [7, 515—33]. К ним прибавлены *ли* и любопытное *лало* [7, 60]. Но словотворческий этап «предлогов-приставок» этот Словарь, кажется, оставил без специальной интерпретации.

¹⁸ В первой половине 10-х гг. Хлебников составлял «Словарь частиц». В нем область *частиц* распространялась и на *бо, бы, па, при, про* etc., и на будущие *Че, Жэ* или *Эм*, так что уже тогда оказывались в одном ряду *Гоум, Воум* и *Праум* (ОР РНБ, ф. 1087, ед. хр. 26, фрагм. 3, лл. <3—4>).

¹⁹ Исключения — *Дѳуум* и *Треум*. В духе положений «основного закона времени», как они представлены в творчестве Вехи 1921—22 гг., *Дѳуум* можно было бы с осторожностью интерпретировать как «авангардный», оптимистический, жизнеутверждающий, прогрессивный, передовой etc. ум'; *Треум* — как его антипод. Впрочем, в чистом виде каждый из них выглядел бы чем-то вроде *Суума*. — Неясно, нейтрализована ли здесь связь *Дѳуума* с тем, что у Хлебникова получило название «двуумного слога», поскольку он полагал, что «в речениях есть опись хода дел» etc. (64: 62 об.; 125: 20 об.; ср.: 125 : 25 об.).

²⁰ См. также статью Л.Г.Пановой в наст. изд.

²¹ ОР РНБ, ф. 1087, ед. хр. 30, л. 16 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вестштейн В.Г.* Лирический субъект в поэзии русского авангарда // *Russian Literature*, vol. 24, 1988.
2. *Вроон Р.* Генезис замысла «сверхповести» «Зангези»: К вопросу об эволюции лирического «Я» у Хлебникова // *Вестник Общества Велимира Хлебникова*, I. М., 1996.
3. *Григорьев В.* К диалектике воображаемой филологии // *Velimir Chlebnikov (1885—1922): Myth and reality*. Amsterdam, 1986.
4. *Костецкий А.Г.* Лингвистическая теория В.Хлебникова // *Структурная и математическая лингвистика*, 3. Киев, 1975.

5. Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
6. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Т.1. М., 1990.
7. Перцова Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien—Moskau, 1995.
8. Хлебников В. Доски судьбы. М., 1922—1923.
9. Хлебников В. Собрание произведений. Т. 1—5. Л., 1928—1933.
10. Хлебников В. Творения. М., 1986.
11. Vroon R. Velimir Khebnikov's shorter poems: A key to the coinages. Ann Arbor, 1983.

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ КРУГОВОГО И ПРЯМОЛИНЕЙНОГО ДВИЖЕНИЯ У А. ПЛАТОНОВА¹

В настоящей статье нами будет проанализирована сцена в ночном ресторане из романа А. Платонова «Счастливая Москва» и описание картины в комнате Веры из повести «Джан». В обоих случаях у писателя присутствует противопоставление сферы (шара) и прямой линии и/или кругового и прямолинейного движения. Нами будет доказано, что Платонов при этом заимствовал понятийную и образную систему древнегреческого философа Платона, но с противоположными оценочными знаками. Устанавливается также влияние на А. Платонова Аристотеля и О. Шпенглера. Обращение писателя к древнегреческой философской мысли закодировано в романе «Счастливая Москва» в виде ссылок на интерес персонажей к древнегреческой истории.

В романе «Счастливая Москва» ставятся антропологические проблемы, связанные с неразрешимой загадкой человеческого сознания. Сцена в ночном ресторане призвана раскрыть такое свойство сознания, как его рефлексивность (замкнутость на самом себе), которое препятствует обретению человеком полноты существования.

Анализируемая сцена [3, 37—38] построена на противопоставлении кругового (замкнутого) и прямолинейного движения. Семантика круга задана сферической формой зала, круглой формой головы и подчеркнута круговым движением зала, музыки, танцующих и человеческой мысли. Само описание тоже построено по принципу кругового движения. Это достигается за счет постоянного повторения близких по смыслу номинаций: «сферический зал ресторана» (3 раза) / «сферическая мысль»; «шар головы» / «безвыходный шар»; «катались мысли» / «катая такт»; «вращался зал» (2 раза) / «вращалась музыка», «тоска»; «повторяющаяся мысль» / «страдание повторялось». Часто встречается слово *круг* и его производные: «круглый шар головы» / «круглая голова» / «кружились на одном месте» (о людях) / «никуда не закругляясь» (о ветвях дерева). Случайный собеседник Москвы Честновой хочет рассказать ей о том, что положено человеку «по сюжету <...> судьбы, по всему *кругу счастья*». На это Москва отвечает, что надо жить «без сюжета и *круга*». Круговому движению и замкнутости противостоит пространственная бесконечность и прямолинейное движение, что подчеркнуто употреблением слов соответствующей семантики: «*прямое пространство*», «жить по *прямой* линии», «грудные соски глядят *вперед* как два *пробойных* острия», «расти *прямо* вверх» (о ветвях дерева), «*стрела* действия», «*безвозвратное* движение *вдаль*».

¹ Данная статья представляет собой фрагмент работы, которая в полном виде будет опубликована в журнале Russian Literature (Amsterdam).

Сцена в ночном ресторане целиком построена на системе образов древнегреческого философа. Вращающийся сферический зал ресторана представляет собой модель Вселенной Платона. Круговое вращение мышления в сферической голове тоже выписано А. Платоновым с конкретной наглядностью. В диалоге «Тимей» философ размышляет о форме и движении космоса, ума, а также бессмертной части души человека. Согласно Платону, космос имеет сферическую форму, которая была придана ему путем вращения (33b). Круглые очертания наиболее совершенны. Это же совершенство характеризует и круговое движение, которое «ближе всего к уму и разумению» (34a), поэтому бог заставил космос «единообразно вращаться в одном и том же месте, в самом себе, совершая круг за кругом» (там же). Оболочку космоса представляет небо, тоже «кругообразное и вращающееся» (34b). Говоря о создании человека, Платон подчеркивает, что в нем «круговращения бессмертной души» оказываются несколько нарушенными, что связано с «притоком и убылью в теле» (43a). «Круговращение нашего мышления» сродни «круговращениям ума в небе», хотя и «подвержено возмущению» (47bc). Каждый из нас должен следовать «мыслительным круговращениям вселенной», «дабы через усмотрение гармоний и круговоротов мира исправить круговороты в собственной голове» (90cd). Круглую форму человеческой головы Платон объясняет тем, что эта форма соответствует круговращению Вселенной, ума и сферической форме космоса: «боги, подражая очертаниям Вселенной, со всех сторон округлой, включили оба божественных круговращения в сферовидное тело, то самое, которое мы ныне именуем головой...» (44d). В другом месте диалога Платон называет голову «головной сферой» (45a).

Вращение космоса и ума предполагает не только бесконечность движения, но и пребывание на одном месте. Подобно тому как у Платона космос вращается «на одном и том же месте, в самом себе», у А.Платонова танцующие в зале кружатся «на одном месте посреди». Беседуя о жизни, Москва Честнова советует своему собеседнику перестать «буксовать на одном и том же месте». Здесь ясно видно отличие между Платоновым и Платоном: круговое движение, которое несет у Платона печать божественности и совершенства, у А.Платонова становится тем принципом устройства души, «от которого бывает счастье, мученье и гибель» (с. 39). Круговое движение должно быть преодолено.

В противопоставлении кругового движения прямолинейному Платонов следует уже не Платону, а Аристотелю. Платонов перерабатывает и приспособляет аристотелевскую систему понятий для достижения своих творческих целей, меняя при этом оценку кругового и прямолинейного движения на противоположную и солидаризируясь в этом со Шпенглером.

В трактате «Физика» Аристотель задается целью выявить бесконечный и непрерывный вид движения, который лежит в основании бытия. Таковым, по его мнению, является круговое движение. Отрицание Аристотелем бесконеч-

ности и непрерывности у прямолинейного движения связано с тем, что им отрицается существование бесконечности: космос обладает сферической формой, ограничен и замкнут в себе. Аристотель пишет, что «круговое движение первичнее прямолинейного, поскольку оно проще и более совершенно. Прямолинейное движение не может быть непрерывным и бесконечным» (VIII, 9, 265a 16—17), потому что «на прямой определены и начало, и конец» (VIII, 9, 265a 30). Оно, правда, может включать в себя возврат назад, но это предполагает остановку, что лишает прямолинейное движение непрерывности.

У А.Платонова, напротив, признак бесконечности характеризует именно прямолинейное движение. Это связано с отрицанием античной идеи замкнутого космоса. Для Платонова характерно напряженное переживание пространственной бесконечности мира, которая представляет собой проекцию метафизического стремления человека вовне, за свои пределы. Это определяет пространственное восприятие жизни, то есть представление о жизни как пути, которое с особой отчетливостью выражено в романе «Счастливая Москва». Здесь заметно влияние на А.Платонова идей О.Шпенглера (см. также [2; 1]). В книге «Закат Европы» О.Шпенглер подробно останавливается на ощущении глубины и бесконечности пространства, утвердившееся в западном восприятии мира в Новое время. Для целей нашего исследования особую значимость имеет присутствующее у Шпенглера прямое противопоставление античного и западного восприятия мира. Это же противопоставление заявлено А.Платоновым в сцене в ночном ресторане.

В романе «Счастливая Москва» Платонов не только отмечает особенности человеческого сознания, он ищет также пути освобождения человека, избавления от прикованности к себе, обретения им целостности и единства. Один из таких путей отражен в мечте о крылатом человеке. В романе о крылатости человека говорится как об утраченном им свойстве: «Человеческое тело летало в каких-то погибших тысячелетиях назад... Грудная клетка человека представляет свернутые крылья» (с. 22).

Очевидны параллели между образом крылатого человека у А.Платонова и представлениями Платона о крылатости бессмертной души, которая, «будучи совершенной и окрыленной», «парит в вышине и правит миром» (Федр, 246bc). Теряя крылья, душа падает и вселяется в земное смертное тело. Стремление души вновь приобщиться к утраченной ею полноте описывается как эротическое движение и рост у души крыльев, «ведь она вся была искони пернатой» (251bc). С учением Платона о душе перекликается представление об обитающих за пределами воздуха вечных птицах.

В романе «Счастливая Москва» надежды на обретение бессмертия связываются писателем не только с медицинскими изысканиями Самбикина, но и с достижением воздушной «страны бессмертия». У А.Платонова, как у Платона, понятие бессмертия души оказывается тесно связанным с ее божественной

полнотой. Недостижимость полноты души означает одновременно недостижимость для человека бессмертия.

В романе «Счастливая Москва» А.Платонов переводит античное представление о крылатом Эросе в план биологический (когда рассуждает о летавшем в прежние века человеческом теле) и технократический. Присутствующие на страницах произведения самолеты и парашюты не только отражают дух эпохи, но и призваны проиллюстрировать онтологическую сверхзадачу. Однако движение Москвы в воздухе — не восходящее, а нисходящее, не подъем, а полет-падение с парашютом вниз. Крылатость человека, также как и его божественная полнота, остаются недостижимой мечтой.

Мысль о крылатом человеке звучит в романе на фоне античных представлений об устройстве мироздания. На вечере в районном клубе рассуждения Мульдбауэра о «воздушной стране бессмертия» (с. 26) разрабатывают заданную чуть раньше песней на слова Языкова тему «блаженной страны», находящейся за «далью непогоды». Описывая особые атмосферные условия на высоте между пятьюдесятью и ста километрами, Мульдбауэр заключает: «Это было “Небо” древних людей и счастливая страна будущих» (с. 26). Эти же рассуждения повторяются в рассказе Платонова «Фро» (1936). В этих рассуждениях платоновские герои апеллируют к античным представлениям об устройстве космоса. Так, в трактате «О небе» Аристотель, ссылаясь на мифы древних, разграничивает «нижний», «подлунный» мир, в котором мы существуем, и небо, или «верхнее место» («надлунный мир», «первое тело»), которое «древние отвели в удел богам, как единственно бессмертное» (II, 1, 284a, 13). Еще древние указали на различие между двумя мирами: если нижний мир состоит из четырех элементов: земли, огня, воздуха и воды, — то верхний заполнен эфиром, который «нельзя уподобить ничему в нашем мире» (Метеорологика, I, 3, 339b 27—28; см. также: О небе, I, 3, 270b 22—23). «Блаженная страна» находится действительно «за далью непогоды» — там не образуются облака, и Аристотель подробно поясняет причины этого (Метеорологика, I, 3, 340a 24 — 341a 36).

В романе «Счастливая Москва» причудливым образом сочетаются античные представления об устройстве мироздания, соответствующие идее конечного, замкнутого космоса, и новейшие представления о пространственной бесконечности. Сопоставление пространственной бесконечности как модели мировосприятия, свойственной Новому времени, и античной модели мира повторяется и углубляется Платоновым в повести «Джан» (1934—1936), в описании картины, которую видит Чагатаев в комнате Веры:

Картина изображала мечту, когда земля считалась плоской, а небо — близким. Там некий большой человек встал на землю, пробил головой отверстие в небесном куполе и высунулся до плеч по ту сторону неба, в странную бесконечность того времени, и загляделся туда. И он настолько долго глядел в неизвестное, чуждое пространство, что забыл про свое остальное тело, оставшееся ниже обычного

неба. На другой половине картины изображался тот же вид, но в другом положении. Туловище человека истомилось, похудело и, наверно, умерло, а отсохшая голова скатилась на тот свет — по наружной поверхности неба, похожего на жесткой таз, — голова искателя новой бесконечности, где действительно нет конца откуда нет возвращения на скучное, плоское место земли.

Замкнутости небесного свода противопоставлена здесь «новая бесконечность», пустое пространство. Однако содержание картины в целом неизмеримо шире.

П.-А.Будин и независимо от него Я.Шимах-Рейфер ближайшим источником описываемой Платоновым картины называют гравюру французского астронома Камилля Фламмариона [5, 19; 4, 272—274]. На гравюре изображен человек, который, движимый любопытством, пробил голову небесный свод и выглянул за его пределы, с восторгом созерцая устройство мироздания.

Первая часть диптиха, описываемого А.Платоновым, действительно во многом соответствует гравюре Фламмариона. Но есть и существенные отличия. Они связаны в первую очередь с тем, что у Фламмариона изображенный человек является странником и выглядывание его за край небесной сферы вызвано тем, что он достиг края земли в движении. Если А.Платонов и отталкивался от гравюры Фламмариона (что представляется достаточно вероятным), он тем не менее значительно сместил акценты: горизонтальному движению человека по плоскости земли он противопоставил его вертикальную устремленность вверх, к небу и за его пределы. Здесь очевидна не физическая, а метафизическая подоплека движения. Две части описанного А.Платоновым диптиха составляют единое целое, должны быть исследованы в качестве такового.

Как представляется, картина в комнате Веры является иллюстрацией гносеологических взглядов писателя зрелого периода творчества и символизирует безуспешность попыток приблизиться к разгадке тайны мира человеческого существования на путях научного познания. Небесный свод означает предел, границу в познании и в целом соответствует метафорической стене, часто встречающейся у Платонова. То, что описание картины дано в повести «Джан», а сама картина висит в квартире Веры, представляется на первый взгляд случайным. Она была бы более уместна, скажем, в комнате Сарториуса («Счастливая Москва») или у Федора, героя рассказа «Фро». Но эта случайность только кажущаяся. На самом деле все указанные произведения, относящиеся к одному периоду творчества писателя, объединяются общей мыслью о необходимости поисков путей к ближнему как единственному пути спасения.

В повести «Джан», как и в рассказе «Фро», мы сталкиваемся с одним тем же художественным приемом. А.Платонов помещает в эти произведения фрагменты, которые кажутся слабо связанными с основным ходом повести

вания. На самом деле это — рассыпавшиеся отражения романа «Счастливая Москва», знаки того, что писатель продолжал находиться в поле его притяжения, даже работая над другими произведениями. Свою полную интерпретацию эти фрагменты могут получить только в контексте романа, отразившего увлечение А. Платонова древнегреческой философией. Так, можно утверждать, что ближайшим источником разработки изобразительного ряда, составляющего содержание картины в комнате Веры, послужил ряд мотивов диалогов Платона «Тимей», «Федр» и особенно «Федон». Это касается нескольких моментов.

Вертикальная ориентация человеческого тела головой вверх по направлению к небу получает свое объяснение в свете диалога «Тимей», где Платон говорит о том, что «божественный вид души, обитающий на вершине нашего тела», в голове, «кустремляет нас от земли к родному небу как небесное, а не земное порождение; <...> ибо голову, являющую собой наш корень, божество простерло туда, где изначально была рождена душа, а через это оно сообщило всему телу прямую осанку» (90а).

С мотивами выхода головы за пределы небесного свода и обозревания ею иного мира мы сталкиваемся в диалоге «Федон». Здесь Платон, ссылаясь на миф, рассказывает о том, что космос неоднороден: наверху находится чистое небо, которое обычно называют эфиром. Жители земли ошибочно считают свой мир истинным: они живут в земных впадинах, а думают, что находятся на поверхности. Это происходит потому, что мы не в силах подняться до крайнего рубежа воздуха и заглянуть за него.

Но если бы кто-нибудь все-таки добрался до края или же сделался крылатым и взлетел ввысь, то, словно рыбы здесь, у нас, которые высовывают головы из моря и видят этот наш мир, так же и он, поднявши голову, увидел бы тамошний мир. И если бы по природе своей он был способен вынести это зрелище, он узнал бы, что впервые видит истинное небо, истинный свет и истинную землю (109е).

Обратим внимание на то, что достижение рубежа воздуха представлено у Платона двояко: нужно либо добраться до края, либо сделаться крылатым и взлететь. На картине в комнате Веры представлен первый способ, мысль же о крылатом человеке составляет, как уже отмечалось, один из мотивов романа «Счастливая Москва».

Очевидно, что первая часть диптиха, находящегося в комнате Веры, достаточно точно соответствует описанию Платона. (Не исключена возможность, что Фламмарин обращался к тому же источнику.) Есть также переключки и с диалогом «Федр», в котором греческий философ рисует картину созерцания бессмертными душами мира идей, который находится за пределами космоса. Души «поднимаются к вершине по краю поднебесного свода» и, достигнув вершины, «выходят наружу и <...> стоят, небесный свод несет их в круговом движении, и они созерцают то, что за пределами неба» (247bc). Уподобляя душу парной упряжке крылатых коней и возникшему, в другом

месте диалога Платон говорит о том, что занебесную область созерцает «голова возничего» (248a).

Перейдем ко второй части диптиха. Мысль об отмирании тела человека, заглянувшего за небесную сферу, несомненно, была навеяна А.Платонову чтением той части диалога «Федон», где Платон рассуждает о душе и теле с точки зрения познания истины. Платон отмечает, что лучше всего душа мыслит тогда, «когда, распростившись с телом, она останется одна <...> и устремится к [подлинному] бытию, прекратив и пресекиши, насколько это возможно, общение с телом» (65с). Чтобы достичь истины, нужно отречься от тела, «ибо оно смущает душу» (66a). В результате получается одно из двух: «или знание вообще недостижимо, или же достижимо только после смерти. <...> ведь только тогда, и никак не раньше, душа остается сама по себе, без тела» (66е—67a). Во второй части диптиха травестируются эти рассуждения Платона. На картине смерть настигает не только тело, но и голову — вместилище божественной части души. В философском контексте диалогов Платона смерть изображенно-го на картине человека должна восприниматься не только как указание на туликовость гносеологического пути, но и символизировать абсолютную невозможность для человека достичь подлинного, целостного бытия, обрести истинную полноту. Эта мысль составляет внутренний нерв романа «Счастливая Москва»: устремленность человека вверх, за свои пределы, побеждается замкнутостью сознания — движением мысли вниз. Здесь гносеологическая проблематика смыкается у Платонова с антропологической. Показательно, что в романе «Счастливая Москва» есть аналог картине в комнате Веры. Описание огромной шаровидной опухоли, выросшей на голове у мальчика, явно перекликается со зрительным образом головы человека, пробившего в своем любопытстве полусферу небесного свода.

За левым ухом у мальчика, заняв полголовы, вырос шар, наполненный горячим бурым гноем и кровью, и этот шар походил на вторую дику голову ребенка, сосущую его изнемогающую жизнь [...]. В живом сознании Самбикина с точным ощущением встала болезнь ребенка, и он потер у себя за ухом, ница шаровидную опухоль, — вторую безумную голову, в которой сжимается смертный гной (с. 19).

В контексте романа этот образ получает особую значимость. Описание больного мальчика и операции по удалению опухоли является начальным эпизодом в ряду последующих, где разрабатывается семантика двойственности как характерного признака сознания (души). Так, у мальчика вырастает «вторая голова», мальчика бреют «две сестры», которые в его воспаленном мозгу принимают вид «двух матерей», около операционной залы висят «два баллона с кислородом» (с. 19). После первой операции мальчику делают «вторичную трепанацию черепа» (с. 32). Дальнейшее развитие эта тема получает в диалоге Сарториуса и Самбикина о двойственности человеческого сознания, где она подчеркнута многократным повторением слова *два* и его

производных («двойственное» / «двойное сознание», «двойственность сознания», «думать две мысли» / «вдвойне по каждому вопросу», «двойственное существо» [о человеке], «два чувства» / «страсти» / «темных течения», «нас двое», «„двусмысленная“ мысль», «двойные устройства» (с. 31)). В описании ночного ресторана семантика двойственности углубляется мотивом кругового движения и возвращения к себе, но одновременно получает и эксплицитное выражение: «...всякий голос в нем раздавался *дважды* и страдание *повторялось*» (с. 37).

Образ умершего от опухоли на голове мальчика несет в романе ту же смысловую нагрузку, что и смерть сына нищенки в романе «Чевенгур», а также Насти в повести «Котлован». У А.Платонова смерть ребенка — всегда крушение надежд, показ несостоятельности иллюзий. Но характер иллюзий в разных произведениях различен — роман «Счастливая Москва» посвящен развенчанию не социально-исторической, а антропологической утопии. Все попытки человека победить двойственность своего сознания обречены на неудачу: круговая замкнутость не дает надежды на смену ее прямолинейным движением. Об этом свидетельствует и жизненный путь Сарториуса. Его стремление жить под чужим именем и чужой жизнью — это иллюзорное бегство от себя. Роман «Счастливая Москва» остался незаконченным — это еще одно свидетельство невозможности прийти к какому-либо позитивному решению глубинной антропологической проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриовская М.А. «Загадка времени»: А.Платонов и О.Шпенглер // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997.
2. Корниенко Н.В. История текста и биография А.П.Платонова (1926—1946) // Здесь и теперь. М., 1993. № 1.
3. Платонов А.П. Счастливая Москва // Новый мир, 1991, № 9.
4. Шимак-Рейфер Я. В поисках источников платоновской прозы: (Заметки переводчика) // Новое литературное обозрение, 1994, № 9.
5. Bodin P.-A. The Promised Land — Desired and Lost. An Analysis of Andrej Platonov's Short Story «Dzan» // Scando-Slavica, 1991. Tomus 37.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕДИКАТОВ ДВИЖЕНИЯ В РАССКАЗАХ ДИЛАНА ТОМАСА

Метафоры движения играют важную роль как в повседневной, так и в художественной речи. В обыденной речи часто применяются стертые, языковые метафоры: *Жизнь течет; любовь ушла; он (она) летит на крыльях любви*. В художественной литературе использование метафор движения имеет многогранный характер и отражает авторскую картину мира, идиолект писателя.

В творчестве выдающегося британского поэта и прозаика Дилана Томаса метафора занимает важное место. Автор создает оригинальные тропы, в том числе метафоры движения. Метафорическое использование предикатов движения в рассказах Томаса выполняет две основные функции. Первая функция — это транспозиция в другие сферы бытия, особенно в эмоциональную и духовную сферу человека. Вторая функция заключается в передаче авторского представления о непредметных сущностях (жизни, времени, любви), т.е. метафоры выполняют концептуальную функцию.

Первая функция выразительно реализуется при соположении, слиянии мира природы и мира человека. Внешне метафоризация заключается в приписывании такого свойства, как движение, неподвижным природным объектам (горам, долине, деревьям), однако на самом деле реальными субъектами тропов являются не природные явления или объекты, а люди, наблюдающие или соприкасающиеся с этими объектами.

Так, в рассказе Томаса «The Dress» безмерно уставшему, бегущему от преследователей человеку земля кажется мячом: *The world was a ball under his feet; it kicked as he ran; it dropped; up came the trees*. Развернутая метафора представляет собой не характеристику движения земли под ногами и даже не столько описание бега человека, сколько отражение физического и эмоционального состояния человека, его ощущений. Аналогия между землей и мячом призвана передать, что земля как мяч ускользает от человека, затрудняет его бег, мешает его движению, что в свою очередь усиливает усталость бегущего человека. Таким образом, данный троп, помимо метафорического, включает и метонимический компонент: описание движений человека заменяется описанием движения мира, земли, по которой человек бежит. Кроме того, существительное *world* (*мир*) одновременно замещает более конкретное, более узкое по смыслу слово *earth* (*земля*) и является примером того, что бельгийские ученые, авторы «Общей риторики» называют обобщающей синекдохой [2, 188]. Обобщающая синекдоха *world — earth* в данном предложении помогает представить событие рас-

сказа как общечеловеческое явление, сделать отношения «человек — природа» универсальными, показать их единство и противоречие.

В рассказе «The Enemies» эмоциональное состояние, страх священника Дэвиса перед природой переданы с помощью контрастных тропических картин окружающего мира: *The farther he walked, the stranger was the scenery around him; it rose to undreamed of heights, and then fell down again into a valley no bigger than the palm of his hand. And the trees walked like men.* Пейзаж изображается метафорически с помощью как антонимических глаголов *rose — fell*, так и противопоставления гиперболического эпитета *undreamed of heights* и мейотического сравнения *a valley no bigger than the palm of his hand*. Однако фактически посредством изменения пейзажа описывается движение самого человека, и метафоры-хронотопы имеют метонимический смысл. Реально через движение природных объектов передается изменение места наблюдателя (священника) в пространстве, изменение ракурса видения. Вместе с тем фантастический характер сравнения движения деревьев с людьми (*the trees walked like men*), экспрессивное описание пейзажа отражает, наряду с ракурсом, тот элемент видения, который Л.Витгенштейн называет видением как (*seeing as*), т.е. «отзвуком мысли во взгляде» или «видением, являющимся как бы эхом мысли» [1, 299—300].

В данном случае аспект видения включает испуг персонажа, его ужас перед неизвестной местностью. Весь отрезок текста благодаря сильной образной иррадиации последнего сравнения воспринимается как отражение природы не только во взгляде, но и в душе человека, как своеобразный пейзаж души.

Сочетание метафорических и метонимических компонентов в тропах в ряде рассказов Томаса, замена описания физического или душевного состояния человека характеристикой природы способствует размыванию границ между человеком и природой, их слиянию. Аналогичное явление, но в более широком масштабе, отмечает Р.Якобсон в поэзии и прозе Б.Л.Пастернака, где «образы внешнего окружения оказываются отброшенными бликами, метонимическими выражениями лирического «я»» [5, 329]. Присутствие лирического героя в прозе Пастернака предстает метонимическим, первое лицо отодвигается на задний план. В рассказах Пастернака и Томаса природа становится как бы зеркальным отражением действий и эмоций персонажей.

Противоположный по прагматической направленности пример транспозиции предикатов движения в эмоциональную сферу человека присутствует в рассказе «A Prospect of the Sea». Здесь движение вносит в хронотоп радостные изменения. Главный персонаж рассказа Д. Томаса — мальчик — наслаждается красотой природы, гармонией с ней, что выражено как при помощи метафор движения, так и посредством единиц прямой се-

мантики. Мальчик лежит на земле, смотрит в небо, а его радость и восхищение природой переданы с использованием метафорических глаголов перемещения в пространстве: *Now he was riding on the sea, swimming through the golden corn waves, gliding along the heavens like a bird; in seven-league boots he was springing over the fields*. Таким образом, именно глаголы движения *riding, swimming, gliding, springing* помогают отразить эмоциональное состояние мальчика, его восторг, а сила его фантазий подчеркивается гиперболическим характером предиката (*springing over the fields*) и эпитета (*seven-league boots*). Отметим, что «теснота» тропического ряда — сочетание метафорических глаголов со сравнением и эпитетом выделяет этот отрезок текста, делает его заметным и прагматически важным в интродуктивной части произведения.

Значительный прагматический эффект производит еще один пример использования метафор движения в интродуктивной части рассказа «The Enemies». Если в вышеприведенных случаях движение описывается как процесс, то в данном произведении образная картина является результатом движения. Трансформация объектов природы — травинки — происходит вследствие их движения вниз, к земле под воздействием ветра: *The wind blew back the heads of the nearby grasses and made an oracle of each green mouth*. Очень экономными образными средствами Томас превращает обычную картину природы в религиозное, божественное действо: головки, верхушки травинки под ветром склоняются к земле, и каждая травинка становится похожей на жреца (*oracle*), шепчущего пророчества. Тем самым природа наделяется духовными свойствами, что соответствует пантеистическому мировосприятию автора. Данная метафора основывается на эффекте метаморфозы (*green mouth* → *oracle*) и включает в себя также метафорический эпитет *green mouth*, что отражает именно авторский аспект видения.

Второй важный аспект функционирования метафор движения в рассказах Д. Томаса состоит в использовании этих тропов для передачи авторского понимания непредметных сущностей, абстрактных понятий. Ярким примером таких тропов является образное сравнение *his God grew up like a tree from the apple-shaped earth* и метафора *God grows in strange trees* в рассказе «The Tree». Здесь движение проявляется как рост — движение в пространстве и во времени. Такое понятие, как Бог, сопоставляется с природой, с природным объектом (деревом) и семантически приравнивается к природе. Происходит как бы взаимообмен между двумя сферами, двумя денотатами — Бог описывается как часть природы и, наоборот, природа характеризуется как божественное явление (близкая по семантике метафора встречается в рассказе «The Enemies»).

Метафора выполняет концептуальную функцию при обозначении непредметных сущностей, таких, как Бог, жизнь, любовь, время и т.д. Такая метафора называется концептуальной метафорой. При обозначении не-

предметных сущностей «прием переноса имени служит цели вербализации понятия, материализации в языковом значении свойств объектов» [3, 66].

Дилан Томас в своих ранних рассказах часто использует метафоры движения для описания, вербализации такого понятия, как время. В рассказе «The Visitor» автор часто характеризует астрономические отрезки времени как течение, движение воды: *For many miles the months flowed into years, rounding the dry days*. В целом лексические единицы, обозначающие определенные виды движения, используются для характеристики времени как в обыденной речи, так и в художественной литературе во многих языках. Примерами могут служить концептуальные языковые метафоры в русском языке *Время бежит (летит, течет)*, в английском языке *Time flies (runs)*. На Украине несколько лет назад была очень популярна песня на стихи Б.Лепкого, которая начинается метафорой: *Час рікою пливе*.

Дилан Томас переосмысливает традиционные представления о времени при создании авторских тропов, вносит новые нюансы. В рассказе «The Mouse and the Woman» времена года тоже описываются с помощью метафор движения, но на этот раз образами метафор являются существительные: *Break up the rhythm of the old figures moving, the spring trot, summer canter, sad stride of autumn, and winter shuffle*. Использование автором в качестве объектов (или образов) тропов лексических единиц, обозначающих бег коней (*trot* — бег рысью, *canter* — легкий галоп), для характеристики весны и лета может быть основано на концептуальном представлении об ускоренном темпе жизни весной и летом, на стремлении автора подчеркнуть, выделить это ускорение. И наоборот, метафора *winter shuffle* акцентирует медленный ритм жизни зимой, т.к. образ метафоры — существительное *shuffle* — обозначает шаркающую, медленную походку, как у пожилого человека.

Вербализация абстрактных понятий в произведениях Томаса нередко проявляется в стремлении автора создать наглядный образ такого понятия, сделать его зримым: *I move defying time, the old gentleman whose beard wags in Egyptian wind* («The Mouse and the Woman»). Здесь время изображается в виде старика с бородой, а глагол движения *wags* (*развевается*) можно интерпретировать как указание автора на большую длину бороды, т.е. на дряхлость, древность данного денотата. Такой троп мы назовем визуальной концептуальной метафорой, ибо данный вид тропа выполняет иконическую функцию, он используется для изображения, отражения авторского наглядного видения непредметной сущности.

Как отмечает Л.О.Черненко, «единственный способ изобразить время — показать движение либо вещей, либо взгляда» (4, 59). Метафора бега коней как движения времени, движения времен года или метафора старика с бородой как образ бога времени в прозе Томаса представляют собой визуальное воплощение авторского понимания времени и его движения. В рассказе «The End of the River» с движением времени, с жизнью человека и его семьи сопоставляется

течение реки. Концептуальная метафора «жизнь — река» развертывается на протяжении второй половины произведения. Главный персонаж сэр Перегрин продельывает длительный путь по течению реки в поисках ее конца. И когда он приходит к месту, где река кончается, где останавливается движение реки, он осознает, что это конец его жизни, конец его семьи и его поместья: *At the end of the water the end of everything.*

Аналогичным образом визуальная метафора опирается на глаголы движения (*enter, galloped*) в интродуктивной части рассказа «The Horse's Ha», где чума как символ смерти изображается в виде страшного, уродливого всадника на белом коне: *He saw the plague enter the village on a white horse. It was a cancerous horseman, with a furuncle for a hat, that galloped the beast over grass and cobble and the coloured hill.* Томас создает зримую картину, называя детали внешности всадника (*furuncle*) и пейзажа.

Таким образом, основной особенностью использования метафорических предикатов движения в рассказах Д.Томаса является их транспозиция в эмоциональную сферу человека. Во-первых, движение природных объектов, описываемое метафорически, замещает описание физического состояния человека, его чувств и эмоций, таких как страх, усталость, радость. В результате метафорический перенос взаимодействует с метонимией или ее разновидностью — синекдохой. Во-вторых, воображаемая гиперболизация различных видов движения (полет, прыжки над полем) отражают фантазии, душевный подъем персонажа. Кроме того, метафоры движения реализуют также концептуальную функцию, в них отражается авторское понимание и видение таких сущностей, как время, жизнь, смерть, Бог. Предикаты движения в прозе Томаса не только служат цели вербализации понятия, но и способствуют их наглядному, зримому представлению в виде конкретных объектов. Результатом такого образного употребления предикатов движения является создание концептуальной визуальной метафоры. Метафоры движения в рассказах Томаса отражают авторскую картину мира, прежде всего отношение писателя к природе как к духовному, божественному явлению, как к могущественной и прекрасной силе, а также авторское понимание взаимосвязи физического и духовного мира человека и мира природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994.
2. Общая риторика. М., 1986.
3. Опарина Е.А. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
4. Чернейко Л.О. Способы представления пространства и времени в художественном тексте // Филологические науки, 1994, № 2.
5. Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

С. Н. Лобода

ФИЗИКА И МЕТАФИЗИКА ДВИЖЕНИЯ В ПОЭЗИИ Н.ГУМИЛЕВА И И.БРОДСКОГО

Принцип познания мира через движение — один из основных принципов творчества Н.Гумилёва и И.Бродского [4; 6]. В стихотворениях обоих поэтов от ранних произведений до текстов последней поры — тема движения раскрывается прежде всего как «перемещение в пространстве», «путешествие» и является одной из программных тем. Мотив «странствия» в большинстве произведений поэтов легко «дешифруется» благодаря устойчивому набору поэтических «знаков», образующих в структуре произведения автономную подсистему [3].

Семантическое поле движения включает три главных смысловых компонента: «начало движения», «путь» и «цель», которые являются определяющими для лингвопоэтической специфики произведений разных периодов творчества Н.Гумилёва и И. Бродского. Причём в контексте каждого конкретного произведения может выстраиваться своеобразный синонимический ряд, соответствующий смысловой доминанте «движение».

Смысловые компоненты движения определяют лексический состав стихотворений, представляющих собой творческий результат реальных путешествий, которые неоднократно предпринимали как Н.Гумилёв, так и И.Бродский.

И отправился бедный абиссинец <...>
Двадцать раз обновлялся месяц,
Пока он дошёл до Каира, <...>
И пошёл назад той же дорогой (Н.Гумилёв, «Занзибарские девушки»).

Я из дому вышел, когда все спали,
Мой спутник скрывался у рва в кустах,
Наверно, наутро меня искали,
Но было поздно, мы шли в полях.
<...>

Мы видели горы, лес и воды,
Мы спали в кибитках чужих равнин,
Порою казалось — идём мы годы,
Казалось порою лишь день один.

Когда ж мы достигли стены Китая,
Мой спутник сказал мне: «Теперь прощай...» (Н.Гумилёв, «Возвращение»).

Как бессчётным жёнам гарема всесильный Шах
изменить может только с другим гаремом,
я сменил империю <...>
Дуя в полую дудку, что твой факир,
Я прошёл сквозь строй янычар в зелёном,

Чужая холод их злых секир,
Как при входе в воду. И вот с солёным
вкусом этой воды во рту
я пересёк черту,
я поплыл сквозь баранину туч.

<...>

Я заснул, когда я открыл глаза,
север был там, где у пчёлки жало.

Я увидел новые небеса

и такую же землю (И. Бродский, «Колыбельная трескового мыса»).

Прошёл сквозь монастырский сад,

к воде спустился и назад

нетерпеливо оглянулся. <...>

И то, что было за спиной,

он пред собой увидел — волны (И. Бродский, «Прошёл сквозь монастырский сад»).

Модель физического мира, создаваемая Н. Гумилёвым, разворачивается по горизонтали и вертикали:

Солнце скрылось на западе

За полями обетованными

И стали тихими заводи

Синими и благоуханными («Заводи»).

На полярных морях и на южных

По изгибам зелёных зыбей,

Меж базальтовых скал и жемчужных

Шелестят паруса кораблей.

<...>

Пусть безумствует море и хлещет,

Гребни волн поднялись в небеса... («Капитаны» (1)).

В приведённых примерах создаётся образ окружающего мира, воспринимаемого в чётко заданных географических координатах («Солнце скрылось на западе...»; «на полярных морях и на южных»). Внешние детали этого мира могут иметь такие характеристики, как глубина и высота («Гребни волн поднялись в небеса» — высота; «заводи», «море» — глубина).

Движение в координатах внешнего мира в поэзии Н.Гумилёва от его ранних стихов до поэм «Огненного столпа» ассоциируется с поиском, открытием «неведомой страны».

О, если бы и мне найти страну,

В которой мог не плакать и не петь я,

Безмолвно поднимаясь в вышину

Неисчислимые тысячелетия! («Деревья», 1916).

Я спал; и смысла пена белая

Меня с родного корабля,

И в чёрных водах помертвела,

Открылась мне моя земля («Одиночество», 1907).

Сложные синтаксические конструкции, включающие придаточные предложения с союзным словом «где», являются частотным способом реализации смыслового подтекста «странствия» в поэтических текстах раннего периода творчества Н.Гумилёва.

И пел красивый чародей:
«Пойдём со мною на высоты,
Где кроют мраморные гроты
Огнём увенчанных людей» («Рассказ девушки», 1905).

С тобой я буду до зари,
 Наутро я уйду
Искать, где спрятались цари,
 Лобзавшие звезду («С тобой я буду до зари...», 1905).

Ключевым компонентом образно-семантической структуры этих стихотворений является образ далёкой чудесной страны. Текст цитируемых отрывков Н.Гумилёва насыщен глаголами движения, одним из основных смысловых компонентов которых является тайна («кроют», «искать», «спрытались»). По «закону единства и тесноты стихотворного ряда» в приведенных контекстах происходит усложнение семантической структуры глаголов движения, основным смысловым компонентом прямого значения которых является перемещение («пойдём», «уйду»). Значение этих глаголов обогащается новым смысловым компонентом «поиску», который как бы наслаивается на основное значение. Описываемое в приведённых примерах движение, осуществляемое лирическим субъектом, является не просто пространственным перемещением, но поиском, направленным на достижение конкретной цели. Таким образом, сложноподчиненные предложения с союзным словом «где» на малом участке стихотворного текста, часто в пределах одного предложения, способны отражать саму идею движения — путешествия в его «смысловой триаде» и выступают в пространственно-изобразительной функции, создавая образ далёкой чудесной страны.

Модель физического мира И.Бродского центристична (центр мироздания — дом, город, столик в кафе и т.п.):

Лети кораблик, не бойся бури.
 Неистойей, но бесцельней пули,
 Она и сама не знает, в ту ли
 сторону ей
 кинуться, или в эту. Или
 в третью. Их вообще четыре.
Ты в этом смысле почти в квартире:
 владелец — Гиперборей («Подражание Горацию»).

Осенний вечер в скромном городке...
 <...>
 Уставшее от собственных причуд
 Пространство как бы складывает бремя
 величья, ограничиваясь тут
чертами Главной улицы... («Осенний вечер в скромном городке...»).

Модель физического мира И. Бродского строится как бы вопреки традиционным представлениям о геометрии:

Одни плывут вдаль, проглотив обиду.
Другие — чтоб насолить Эвклиду («Подражание Горацию»).

Пространство в стихах этого поэта «одушевляется» человеческим присутствием, оно трактуется, прочитывается человеком, зависит прежде всего от взгляда субъекта лирического повествования на мир.

Пока существует взгляд, существует даль («Храм Мельпомены»).

Зазимует же тут, с чёрной обложкой рядом,
Проницаемой стужей снаружи, отсюда — взглядом... («Заморозки на почве и облысение леса»).

Замена объективных характеристик реального физического мира «точкой зрения» составляет основу поэтики И. Бродского:

Помни: пространство, которому, кажется, ничего
не нужно, на самом деле нуждается сильно во
взгляде со стороны, в критерии пустоты.
И сослужить эту службу способен только ты («Назидание»).

Взгляд в поэтике И.Бродского может выполнять телесные функции по отношению к внешнему, предметному миру, участвуя в конструктивно-рациональном познании мира. Однако взгляд, обращенный к областям духовного, интуитивно-чувственного, открывает перед человеком иную трансцендентную, метафизическую реальность.

Характер предикативных отношений, которые предполагает ситуация непосредственного сенсорного восприятия, даёт возможность состояться лирическому повествованию как референтно ориентированному:

...Дать эту вещь как груду
скучных подробностей, в голой избе на курьих
ножах. Плюс нас, со стороны, на стульях.
Или слившись с теми, кого любили
в горизонтальной постели. Или автомобиле
суть в плену перспективы, в рабстве у линий («Кентавры III»).

Сенсорные глаголы или слова с сенсорной семантикой создают эффект объёмного, перспективного видения окружающего мира, что, с одной стороны, отражает реальную геометрию пространства, с другой — создаёт иллюзию восприятия субъективной модели как объективно данной.

Движение в координатах реального мира векторно, т.е. однонаправлено.

Уйдя из точки «А», там поезд на равнине
Стремится в точку «Б», которой нет в помине («Пятая годовщина. (4 июня 1977)»).

Лирический субъект в стихотворениях И.Бродского является отправной точкой, «сердцевиной» мира независимо от тех географических перемещений, которые он совершает.

Основой для трактовки значения языковых единиц, репрезентирующих в поэтических текстах Н.Гумилёва и И.Бродского категории движения, времени, пространства, явилось противопоставление в творчестве этих авторов научной и «наивной», «субъективной» систем знаний о мире. Современная лингвистика ориентирована на сопоставление, соположение научной и наивной систем понятий и представлений о мире (Н.Д.Арутюнова, Ю.Д.Алпесян, Е.С.Яковлева, А.Вежицка, В.Н.Топоров и др.). Принимая во внимание результаты этих исследований, можно заключить, что поэтический язык в целом и поэтический язык Н.Гумилёва и И.Бродского в частности характеризует синтез разных способов видения мира: от интуитивно-чувственного до конкретно-рационального. Внешний мир в поэтических текстах обоих поэтов описывается в терминах элементарной Евклидовой геометрии (эта же терминология применяется и при описании метафизических пространств: «...свидимся вновь, будь то Рай ли, Ад ли. / Два этих жизни посмертных вида / лишь продолжение идей Эвклида» — И.Бродский), однако, как показывает предыдущий анализ стихотворений, для поэтического языка Н.Гумилёва и И.Бродского актуально понимание пространства и перемещения в нём в теории Эйнштейна, которая даёт возможность раскрыть в языковой семантике такие значения, которые репрезентируют мир не как абстрактную сущность, но «одушевлённое», «прочитываемое» человеком пространство. В таком пространстве движение переносится из временных и пространственных сфер в сферу внутренней жизни.

Метафизика («движения»), его ноуменология всегда занимали этих поэтов. Поэтические тексты Н. Гумилёва и И. Бродского, в которых темой поэтической рефлексии авторов становятся духовные, религиозные сферы, передают эти экзистенциальные «переживания» с помощью метафоры «странствия»:

И отвечала мне душа; <...>

Безумная я бросила свой дом,

к иному устремлясь великолепью... (Н.Гумилёв, «Душа и тело»).

Отче! Каждая страсть, коей меня ты пытаешь,

душу мою, меня — вдалёк разгоняет больше (И.Бродский, «Прощальная ода»).

Движение в пространстве внешнего бытия может переводиться в пространство бытия внутреннего, чисто географические понятия могут становиться метафорами внутреннего пути человека, что в поэтических текстах достигается за счёт увеличения структурно-смысловой нагруженности глагола [5, 48—50; 7, 94—98]:

Ах, бежать бы, скрыться бы, как вору,

В Африку, как прежде, как тогда.

Лечь под царственную сикомуру

И не подниматься никогда (Н.Гумилёв, «Вероятно, в жизни предыдущей...»).

Я этой ночью слышал зов Аллаха,
Аллах сказал мне: — Встань, Ахмет-Оглы,
Забудь про всё, иди не зная страха,
Иди, провозглашая мне хвалы;
Где рыжий вихрь вздымает горы праха,
Где лошадь ржёт над трупом бедуина,
Туда иди: там Мекка, там Медина (Н.Гумилёв, «Паломник»).

Я был в Мексике, взбирался на пирамиды.

<...>

Куда ни странствуй,
всюду жестокость и тупость воскликнут: «Здравствуй,
вот и мы!» (И.Бродский, «К Евгению»).

Вот я вновь посетил
Эту местность любви, полуостров заводов,
парадиз мастерских и аркадию фабрик,
рай речных пароходов,
я опять прошептал:
вот я снова в младенческих ларах.
Вот я вновь пробежал Малой
Охтой сквозь тысячу арок (И.Бродский, «От окраины к центру»).

Как видно, группа глаголов движения утрачивает значение конкретного действия. С их помощью раскрывается авторское восприятие жизни, бытия как внутреннего движения. Представленные в этих стихотворениях образы странства наделены особой семантикой или даже сакрализированы. Для Н.Гумилёва таким духовным знаком отмечена Африка, для И.Бродского — Петербург. Оба поэта чувствовали особую метафизическую атмосферу Венеции.

Н.Гумилёв определял «движение» как непрерывный атрибут любого из явлений материальной, феноменальной жизни. «Движение» в поэтическом мире этого автора выступает как всеобъемлющее абсолютное начало

Ах, в одном божественном движении
Косным нам дано преображение,
В нём и мы — не только отражение,
В нём живым становится, кто жил...
О, пути земные, сетью жил,
Розой вен вас Бог расположил!

<...>

Дикий зверь бежит из пушей в пуши,
Краб ползёт на берег при луне,
И блуждает ястреб в вышине, -
Голодом и страстью всемогущей
Все больны, — летящий и бегущий,
Плавающий в чёрной глубине.

<...>

...Будь как Бог: иди, лети, плыви! («Открытие Америки»).

«Движение» не исчерпывается «внешними» проявлениями, но раскрывается как метафизическая данность. Такое понимание «божественности» движения восходит к философии Гераклита Эфесского. Он писал, что мир в своём движении подчинён Логосу, который существует вечно и имеет универсальный характер.

тер: Логос состоит в том, что всё течёт, всё изменяется, и существует и не существует.

Интересные смысловые нюансы добавляет обращение к акцентуальным философиям Востока, где образ Пути является одним из наиболее важных. Здесь «я» изначально пребывает в потоке возникновения-исчезновения:

Косным нам дано преображение,
В нём и мы — не только отражение,
В нём живым становится, кто жил... (Н.Гумилев).

Философская интерпретация категории движения И.Бродского тяготеет к идеям Парменида о великом Покое. Истинное Бытие Парменида — наиболее впечатляющая геометрическая метафора метафизики, вырастающая из мифологеми Покая. Истина возникает только тогда, когда преодолены пространства несовершенного, неистинного бытия, само Истинное бытие есть финальная точка, цель этого пути.

Сравним у И.Бродского:

Неукоснительно движется корвет.
За кормою — Европа, Азия, Африка, Старый и Новый Свет.
Каждый парус выглядит в профиль, как знак вопроса.
И пространство хранит ответ («Новый Жюль Верн»).

И по комнате точно шаман кружа,
Я наматываю, как клубок,
На себя пустоту её, чтоб душа
знала что-то, что знает Бог («И по комнате точно шаман кружа»).

Путь к Истине И.Бродский описывает в терминах центробежного движения (в «Науке логики» Г.В.Ф.Гегеля переход от бытия к сущности также интерпретируется посредством понятий центробежного-центростремительного движения [1, 255]). И.Бродский мыслит путь к Истине как недвижимость в реальном мире:

Постоянство суть эволюция принципа помещения
в сторону мысли. Продолженье квадрата или
параллелепипеда средствами, как сказал бы
тот же самый Клаузевиц, голоса или извилин («Элегия»).

Это «путь движения», отрицающего себя, движения к покою. Вот как говорит об этом даосская философия: «Не выходя со двора, мудрец познаёт мир, не выглядывая из окна, он видит естественное Дао. Чем дальше он идёт, тем меньше познаёт. Поэтому мудрый не ходит, но познаёт» [5, 16].

Поэтический язык Н.Гумилёва и И.Бродского отражает движение, происходящее не в раздробленном пространстве и времени, но в едином потоке общечеловеческой культуры. Это движение через слово-символ, которое одновременно является и движением через социокультурные пространства.

В муках и пытках рождается слово,
Робкое, тихо проходит по жизни,
Странник оно, из ковша золотого
Пьющий остатки на варварской тризне (Н.Гумилёв, «Правый путь»).

Настоящее странствие, милая амазонка,
начинается раньше, чем скрипнула половица,
потому что губы смягчают линию горизонта,
и путешественнику негде остановиться (И.Бродский, «Ты узнаёшь меня по почерку. В нашем ревнивом царстве...»).

Сама идея движения осмысливается поэтами как творческий порыв. Поэтическое слово для обоих поэтов — это способ выражения своего индивидуального опыта освоения мира, но с другой стороны — поэтическое слово способно воссоздавать образы культур многовековой давности. Таким образом, синтез индивидуально-авторского и культурной традиции отражает в поэтическом тексте динамику органичного слияния прошлого культуры с её настоящим. Поэтическое слово трансформирует бытийное пространство в поля социокультурных смыслов.

На протяжении всего своего творчества оба поэта, Н.Гумилёв и И.Бродский, обращались к идее «движения» как к 1) универсальному абсолютному началу мироздания; 2) характеристике творческого мирозерцания и 3) условию миропостижения.

В своём познании мира Н.Гумилёв и И.Бродский пытаются соединить европейскую и восточную традиции в религии и культуре. Однако Н.Гумилёв избирает путь мистический, эзотерический, путь познания через сопричастность, видение, когда свет проливается в душу («Открытие Америки», «Ослепительное»). И.Бродский избирает путь интеллектуального познания мира. В его стихотворениях ощущается стремление логического упорядочивания поэтической мысли. Тексты содержат долгие философские размышления, огромное количество скрытых цитат, т.е. идет сложное выстраивание мысли о мире через множественность референций авторского «я» («Исаак и Авраам», «Горбунова и Горчаков» и др.).

Культурно-семантические компоненты движения поэтических текстов Н.Гумилёва и И.Бродского, с одной стороны, определяют специфику динамики создаваемой каждым поэтом модели картины мира, с другой стороны, являются отражением общечеловеческой культурной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. М., 1970—1972. Т. 1.
2. Дао-дэ-цзин. Книга пути и добродетели. Киев, 1992.
3. Зобнин Ю. В. Странник духа // Н.С.Гумилев: pro et contra. М., 1995. С. 5—51.
4. Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка // Гумилев Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 5—34.
5. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
6. Куллэ В. Иосиф Бродский: Новая Одиссея // Бродский И.А. Собрание сочинений. В 6 т. М., 1997. Т. 1. С. 283—298.
7. Синельникова Л.Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках. Луганск, 1993.

DU MOUVEMENT AVANT TOUTE CHOSE,
или движение в поэзии О.Мандельштама¹

Нужно пояснить, почему в заглавии статьи стоит французская цитата и откуда она. Поэтому я начну с одного небезызвестного факта поэзии и поэтики Осипа Мандельштама. Мандельштам начинал как символист² и разделял многие символистские идеи. Одна из таких идей — стихотворение должно строиться по музыкальному принципу и звучать как музыка. Конечно же, русские символисты не были первооткрывателями этого принципа; они переняли его у символистов французских. Как известно, знаменитейшее программное стихотворение Поля Верлена *Art poétique* [Искусство поэзии], открывалось строчкой —

(1a) *De la musique avant toute chose* [Музыка прежде всего].

Нет никаких сомнений в том, что Мандельштам прекрасно знал это стихотворение: цитаты из *Art poétique* неоднократно встречаются в его статьях. Первая отсылка к *Art poétique* содержится в статье «Франсуа Виллон» (написана в 1910 г., напечатана в 1913 г.):

(1b) *Если б Виллон в состоянии был бы дать свое поэтическое credo, он, несомненно, воскликнул бы, подобно Верлену:*

Du mouvement avant toute chose! [Движение прежде всего]³ [1, 139].

Сама статья о Вийоне во многом симптоматична: она является едва ли не первым свидетельством меняющихся ценностей и приоритетов в мировоззрении Мандельштама. И, действительно, с 1912 г. можно уже говорить о Мандельштаме-акмеисте, т.е. о новых темах, новой поэтике, и, в конечном счете, новом отношении к миру. Акмеистическое мировоззрение обнаруживает себя, в частности, в том, что на место непознаваемых миров раннего, символистского периода творчества заступает зримый материальный мир. В фокус описания Мандельштама-акмеиста попадает и человеческая деятельность по познанию мира. А осуществляется она как раз через движение, перемещение.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Поэтика как точная наука» (Научная школа М.Л.Гаспарова) Российского фонда фундаментальных исследований.

² Символистский период охватывает стихотворения 1908—1912, не вошедшие в сб. «Камень», и частично стихотворения «Камня» этого же периода.

³ Эти переводы французских цитат, к сожалению, не передают неопределенно-количественного значения партитивного артикля. Буквальный перевод выглядел бы так: «Музыки <движения> прежде всего». И именно в таком виде эти поэтические лозунги приемы для Мандельштама.

Статья о Франсуа Вийоне представляет для нас интерес еще по одной причине. Франсуа Вийон входит в галерею типично мандельштамовских героев, которых можно условно назвать *homo movens*, человек движущийся; к ним, кстати говоря, относил Мандельштам самого себя, ср.:

(2а) Бродяга, я люблю движенье (1912),

а также Данте, ср. часто цитируемое место из «Разговора о Данте»:

(2б) Чтение Данта есть прежде всего бесконечный труд, по мере успехов отдаляющий нас от цели. Если первое чтение вызывает лишь одышку и здоровую усталость, то запасайся для последующих парой неизносимых швейцарских башмаков с гвоздями. Мне не на шутку приходит в голову вопрос, сколько подметок, сколько воловых подошв, сколько сандалий износил Алигьери за время своей поэтической работы, путешествуя по козьим тропам Италии [1, 217],

Андрея Белого, ср.:

(2в) Ему кавказские кричали горы / И нежных альп стесненная толпа, / На звуковых громад крутые всхоры / Его ступала зрячая стопа (1934), и других.

Как известно, герои Мандельштама являются до какой-то степени его *alter ego*. Но тогда мы вправе задать себе два вопроса: в какой степени *credo* Франсуа Вийона *Du mouvement avant toute chose!* отвечало представлениям о мире самого Мандельштама? и какое место в иерархии категорий внутри картины мира Мандельштама отводится движению?

Ответ на первый вопрос напрашивается сам собой: биографические сведения о Мандельштаме изобилуют рассказами о его многочасовых прогулках, путешествиях, странствиях (и даже о ссылках 1935—38 гг.). Общеизвестна его любовь к ходьбе, как общеизвестно и то, что в его поэзии она выливается в настоящую «оду пешему ходу» — в прославление человеческого шага, ср.:

(2г) И Гамлет, мысливший пугливыми шагами (1933—34),

(2д) Чтоб звучащи шаги, как поступки (1937),

и человеческой походки, ср.:

(2е) К пустой земле невольно припадая, / Неравномерной сладкою походкой / Она идет, чуть-чуть опережая / Подругу быструю и юношупогодка (1937).

По-видимому, движение — это *credo* самого Мандельштама, которым он щедро делится с героями своей прозы и поэзии.

Ответ на второй вопрос вроде бы тоже лежит на поверхности. Движение (слово непозитическое!) употребляется в поэзии Мандельштама 3 раза в широком значении, как родовое понятие, и 2 — в узком, как ‘перемещение’, см. примеры (2а) и (16)), в общей сложности 5 раз. Отсюда можно сделать предположение о значимости этой категории для художественного мировидения Мандельштама. Подтвердить или опровергнуть нашу гипотезу сможет только

языковой материал. Но прежде чем мы обратимся к нему, сделаем два небольших терминологических отступления.

Метаслово **движение**, используемое в лингвистических описаниях, употребляется в двух значениях — в широком, как родовое слово для любого физического движения, и в узком, как 'перемещение'. Во избежание путаницы мы будем различать **движение** (как родовое слово) и **перемещение** (как одну из разновидностей движения). Далее пойдет речь преимущественно о перемещении⁴ с некоторыми «выходами» на движение. При этом мы будем опираться на фрагмент частотного тезауруса, соответствующий категории **перемещение**.

Теперь определим, что такое перемещение. **Перемещение** лежит в области пространства-времени, которые в данном случае образуют нечто вроде хронотопа. С одной стороны, перемещение не может осуществляться вне пространства, раз оно напрямую связано с 1) переменной мест; кроме того, оно описывается и через другие пространственные термины — 2) расстояние, 3) трассу/маршрут, 4) начальную и 5) конечную точку перемещения, 6) направление. Но, с другой стороны, перемещение с неизбежностью предполагает и 7) срок, и 8) скорость. А это уже область времени. Но на этом общность со временем не заканчивается. Как показывает А.Вежбицка, у перемещения и у времени есть общий компонент 'становление' [2]. Наконец, с движением связаны 9) способ (например, пешком) или средство (на поезде). Более подробно мы остановимся на них чуть позже.

Соответственно терминам, описывающим перемещение, категориальная сфера «Перемещение» в картине мира Мандельштама членится на девять понятийных областей. В нее попадают собственно глаголы перемещения (ср.: *ходить, ступать*), каузативные глаголы (они передают такое воздействие на объект, в результате которого он перемещается, ср.: *катить (тележку)*), соответствующие отглагольные существительные, наречия и предлоги со значением начальной и конечной точки, трассы или направления и др. Если говорить о значимости этой категориальной сферы на языке цифр, то на всю эту сферу приходится 1401 употребление; это очень большая цифра, если учесть, что на всю сферу «Пространство» (включая «Перемещение») приходится 3699 употреблений. Добавим к этому, что и семантический вес всех этих номинаций в поэтических текстах достаточно высок.

Далее мы остановимся с большей или меньшей степенью подробности на трех «сюжетах» из поэтики и поэзии Мандельштама, освещающих движение. Это «Перемещение в картине мира Мандельштама», «Категориальная сфера «Перемещение» и ее составляющие» и «Метафоры перемещения».

⁴ Нужно сразу предупредить, что провести четкую разграничительную линию между глаголами перемещения и глаголами, передающими другие виды движения, едва ли возможно. И мы заранее приносим извинение за примеры, которые представляют собой такие переходные случаи.

І. Перемещение в картине мира Мандельштама

Перемещение — одна из связующих нитей между разными периодами творчества Мандельштама. Мандельштамоведы выделяют, по меньшей мере, три таких периода (см., например, [3]): символистский (с которого начинался доклад), акмеистический и постакмеистический, в котором соединились художественный опыт Мандельштама-акмеиста и Мандельштама-символиста. Для нас же существенно только отграничение символистской поэзии (1906—1911/12) от основной — акмеистической и постакмеистической (1912—1938) на том основании, что им соответствуют две разных модели мира⁵. Заметим пока следующее: меняется образ мира — меняются и типы перемещения.

В символистской модели «мир сей» передавался в одних случаях в образах хаоса, бездны, всеобъемлющей стихии, а в других — как допредметный. Как и у многих других символистов, у Мандельштама *мир сей* был одним из многих. Поскольку человек в *мире сем* чувствовал себя неудобно, то душою и мыслями он стремился к *мирам иным*. И вполне естественно, что в этой модели приоритет отдавался перемещению по вертикали. Если это было перемещение снизу вверх, то от земли к небу (небу идеальному, не физическому) или к другим мирам, ср.:

(3а) *К повелевающим светилам / Смиренным возлетишь лучом* (1909), если сверху вниз — то от земли, обрыва — на самое дно, в бездну, ср.:

(3б) *И, как испуганный орел, / Вернувшись, больше не нашел / Гнезда, сорвавшегося в бездну* (1910).

Помимо падения и движения вверх другим излюбленным мотивом в ранней поэзии Мандельштама была несвобода человека, его подвластность высшим силам. На лексическом уровне идея подвластности передавалась глаголами каузированного перемещения. Ср.:

(4а) [о созвездии Весы] *Там, в беспристрастном эфире, / Взвешены сущности наши — / Брошены звездные гири / На задрожавшие чаши* (1910).

При этом сила, движущая объект, могла «оставаться» за кадром; если же она и называлась, то это была, как правило, стихия, ср.:

(4б) *И волной нахлынувшей стихии / Поднят был корабль безумный мой* (1910).

Чтобы закончить с мотивами, которые тесно переплетаются с перемещением, отметим, что переход от небытия к бытию, от жизни к смерти также передавался через перемещение, ср.:

(5) *Мне стало страшно жизнь отжить — / И с дерева, как лист, отпрянуть, / И ничего не полюбить, / И безымянным камнем кануть* (1910).

Теперь обратим внимание на то, кто/что перемещается в этой модели. Вовлеченными в движение оказывались, прежде всего, не предмет-

⁵ Далее мы будем называть эти две модели мира так — **символистская** и **основная**.

ные сущности или же такие сущности, которых невозможно идентифицировать или хотя бы отнести к какому-либо классу, ср.:

(ба) *И опять к равнодушной отчизне / Дикой уткой взывается упрек* (1911);

(бб) *И достигает звезд полет веретена* (1911).

Перемещаются, естественно, и стихи и, ср.:

(бв) *Ветер веет неутомимо, / Веет вечно и веет мимо* (1909).

Гораздо реже предикаты перемещения «приписывались» человеку и вещам. Интересно, что человеку в этой модели было свойственно нецеленаправленное перемещение ср.:

(бг) *Я блуждал в игрушечной чаше / И открыл лазоревый грот* (1911).

Не только в семантике используемых Мандельштамом глаголов, но даже и в семантике именных номинаций была заложена идея бесцельности перемещения и/или отсутствие четкого маршрута, ср.:

(7) *скитальцы 1; путник 1; бродяга 1; пилигрим 1* (а также *путешественник 1; прохожие 1*).

Что же касается вещей, то для них было характерно каузированное или неконтролируемое перемещение, ср.:

(8) *И поднятой чаше / Суждено упасть* (1910).

Обращает на себя внимание отбор глаголов, передающих перемещение. Среди них есть такие, которые переосмысляются в глаголы перемещения, ср. *веять* в контексте наречия *мимо* (см. (бв)), *сорваться* в контексте директивного обстоятельства *в бездну* (см. (3б)); среди них есть и глаголы с семантической воздвигательной функцией, ср. *налетать, надвигаться*. Наконец, некоторые из них стилистически маркированы — они относятся к высокому стилю, ср. *кануть* (см. (5)), *возлететь* (см. (3а)) и др.

В основной модели мир наделяется прямо противоположными характеристиками: *мир сей* становится предметным⁶, земным, зримым, осязаемым; если он чему-то и противопоставляется, то только миру иному. Одна из акмеистических заповедей, сформулированная Мандельштамом, гласит: пока живешь на земле — занимайся делами земными; будь в мире хозяином, а не гостем, мечтающим о мирах иных. Поскольку *мир сей* является высшей ценностью для человека, то из этого логически вытекает приоритетность перемещения по горизонтали. И, действительно, статистика подтверждает, что в этой модели человек и вещи не нарушают закона гравитации и перемещаются естественным для них образом, ср. горизонтальное перемещение по земле —

(9а) *От Воробьевых гор до церковки знакомой / Мы ехали огромною Москвой* (1916),

⁶ Попутно отметим, что в этой новой поэтике вещам возвращаются их конкретные, видовые имена.

по поверхности моря —

(9б) *Влача через влажные рытвины хрупкий прибор геометра* (1922),
по воздуху —

(9в) *Как быстро тучи пробегают / Неосвященною грядой* (1917).

В поэзии «зрелого Мандельштама» один из наиболее типичных мотивов становится *de rerum natura*, рассуждения о природе вещей. Любопытно, что описывая приметы и свойства вещей (в широком смысле), Мандельштам нередко упоминает и каким образом они перемещаются. По сравнению с символистской поэтикой меняется словоупотребление: на место редких и экзотических глаголов перемещения приходят типовые; например,

черепахи ползают —

(10а) *Нерасторопна черепаха-лира, / Едва-едва беспалая ползет* (1919);
бабочки летают —

(10б) *В суматохе бабочка летает* (1920);
автомобили несутся, мчатся —

(10в) *По набережной северной реки / Автомобилей мчатся светляки* (1916).

Интересно, что самыми частотными глаголами оказываются наиболее употребительные —

(10г) *идти* 22, *бежать* 15, *ходить* 7 / *хаживать* 1, *ступать* 6;
плыть 18, *плавать* 2; *лететь* 19, *летать* 10; *литься* 11; *мчаться* 7, *нестись* 11; а также *ползти* 3, *ползать* 1.

Прежде чем перейти к тому, кто/что перемещается, сделаем небольшое отступление о движении (в широком смысле). В основной модели Мандельштама весь мир вовлекается в движение. Даже и статические объекты, в норме не предполагающие динамики, у Мандельштама начинают двигаться, перемещаться или выполнять какие-нибудь действия, ср.:

(11а) *В темной арке, как пловцы, / Исчезают пешеходы, / И на площади, как воды, / Глухо плещутся торцы* (1915).

Движение — это глобальный закон, по которому существует мир, норма, а статика — отклонение от нормы. По прозе Мандельштама хорошо известно, что неподвижность оценивается им со знаком минус; более того, в историософских статьях Мандельштама бездейственность отождествляется с буддийским началом и противопоставляется европейскому, деятельному. В поэзии же бездействие (статика), как правило, следует за каким-либо действием, ср.: *замирать, неметь, окаменеть* или

(11б) [описание Нотр-Дамского собора] *И свода дерзкого бездействует таран* (1912).

Даже восприятие башен и колоколен — которые, естественно, неподвижны, все равно полно динамики:

(12а) *И колокольни я люблю полет* (1912);

(12б) *Выпить здоровье кружащейся башни* (1937).

Две даты, 1912 и 1937, говорят о том, что для поэзии Мандельштама мир в динамике — это константа.

Как можно было видеть, предикаты перемещения в основной модели приписываются абсолютно всему — предметным и непредметным сущностям, подвижным и неподвижным. Однако по сравнению с символистской моделью заметно сокращается число движущихся стихий, зато резко возрастает число вещей (в широком смысле).

Остановимся чуть подробнее на теме «Человек движущийся». В этот период, во-первых, наибольшую частотность имеют слова, передающие пеший ход — не случайно глаголы серии *ходить* относится к самым употребительным (см. (10з)), ср.:

(13) *Ты каждый раз, как иностранец, / Сквозь рошу портиков идешь* (1914).

И среди глаголов, и среди названий лиц явно преобладают те, которые передают целенаправленное перемещение, ср.:

(14) *пешеход* 1; *пловец* 1, *мореплаватель* 1, *мореход* 1; *гонимый* 1, наряду со *странником* 1, *бродягой* 3.

У Мандельштама мы также встречаем различные трансформации метафоры *зрячей стопы* (см. (2в)) и *собирателя пространства* (там же), которые передают идею познания местности и ее истории, культуры через перемещение.

Как мы имели случай убедиться, и в символистской, и в основной модели при описании перемещения нередко совмещается предметная и не-предметная области, ср.

в символистской модели —

(15а) *И тишину переплывает / Полночных птиц незвучный хор* (1910);

в основной —

(15б) [о декабристе] *Среди гражданских бурь и яростных личин <...> / Ты шел бестрепетно, свободный гражданин, / Куда вела тебя Психея* (1916).

Это, по-видимому, неменяющаяся художественная топика Мандельштама.

Переходя к различиям в художественной технике, отметим, что свойственная Мандельштаму-символисту ориентация на музыку (стихотворение должно звучать как музыка или как песня) у Мандельштама-акмеиста сменяется ориентацией на пространственные виды искусства (прежде всего, на архитектуру); в частности, многие пейзажи начиная с 1912/13 гг. строятся по законам нереалистической живописи; затем, уже в 30-е гг., Мандельштам начинает использовать технику движущейся живописи — кинематографа, ср.: *С дроботом мелким расходятся улицы в чоботах узких железных* (1931); [восприятие из движущегося поезда] *В паутину рядясь, борода к бороде, / Жгучий ельник бежит, молодея, в воде* (1935).

II. Категориальная сфера «Перемещение» и ее составляющие

Второй сюжет будет посвящен тому, какими языковыми средствами в поэзии Мандельштама 1912—1938 гг. (т.е. соответствующей основной модели) передается перемещение и какие его аспекты особо акцентируются. В основной модели (а дальше речь пойдет только о ней) поражает не только многообразие видов и форм перемещения, но и та обстоятельность их описания, которая свойственна Мандельштаму. Выше мы перечислили девять семантических компонентов, которыми описывается перемещение. Сразу отметим, что из всех пространственных компонентов практически полностью исключается **расстояние**, а из временных — **промежуток времени**⁷. Для начала отметим, что в поэтическом языке Мандельштама у глаголов перемещения не только заполняется максимальное количество валентностей, но сверх того при них появляются еще и факультативные обстоятельства. Таким образом, читатель получает исчерпывающие сведения о том, кто движется, куда, откуда и каким образом.

Семантический компонент '**место**' актуализируется у глаголов с приставками *в-, вы-, от-, с/со-, по-, за-, у-*, которые передают перемещение из одного места в другое; среди них — *выйти* 6, *выходить* 7, *вынимать* (каузатив) 4, *вырваться* 5; *Уж я не выйду в ногу с молодежью / На разливованные стадионы... В стеклянные дворцы на курьих ножках / Я даже тенью легкой не войду* (1931). С местом частично пересекаются две другие области, начальная и конечная точка. **Начальная точка перемещения** передается преимущественно в предложно-падежных конструкциях, ср.: *ИЗ + Род.* 38, *Из горящих вырвусь рядов* (1922); *ОТ + Род.* 11, см. (9а), как и **конечная точка перемещения** — *В + Вин.* 188, *Посох взял, развеселился / И в далекий Рим пошел* (1914); *НА + Вин.* 169, *Я убежал к Нереидам на Черное море* (1931); *К + Дат.* 79, *Как будто в гости водяная дева / К часовицику подземному пришла* (1930), а кроме того наречиями, ср. *туда* 4 — *Идем туда, где разные науки / И ремесло — шашлык и чебуреки* (1920).

Трасса/маршрут передается достаточно часто Творительным Трассы — *И ласточки когда летели / В Египет водяным путем <...>* (1915), транзитивными предлогами *ПО + Дат.* 45, *И собирался плыть, и плавал по дуге / Неначинающихся путешествий* (1937); *СКВОЗЬ + Вин.* 13, *Ты каждый раз, как иностранец, / Сквозь роуцу портиков идешь* (1915); *ЧЕРЕЗ + Вин.* 5.

Направление содержится в семантике целенаправленных глаголов, которых большинство, и отсутствует в семантике менее частотных нецеленаправленных глаголов, ср. *И прямо на луну взлетает враль плечистый* (1933) vs. *Где больше неба мне — там я бродить готов* (1937).

⁷ И расстояние, и промежуток времени, например, часто встречаются в поэзии Н.С.Гумилева, ср. срок — *Восемьдесят дней шел мой караван*.

Указание на **скорость** содержится, как правило, в семантике глаголов, ср.: *Только злой мотор во мгле промчится* (1920); *Чтоб вертелась каруселью / Кисло-сладкая земля* (1931); *Везя всклокоченное сено / Плетется на асфальте (sic!) воз* (1913) и крайне редко передается наречиями или прилагательными, см. (9в).

Наконец, Мандельштам специально оговаривает **средство и способ перемещения**. Транспортное средство вводится предложно-падежными конструкциями *НА + Вин. 16, И вся Москва на яликах плывет* (1931); *Пускай там итальяночка, / Покуда снег хрустит, / На узеньких на саночках / За Шубертом летит* (1931). Способ перемещения актуализируется Твор. способа — *Благословить тебя в далекий Ад сойдет / Стопами легкими Россия* (1917); есть единичные случаи, когда способ перемещения задается наречиями — *Твоим нежным ногам по стеклу босиком, / По стеклу босиком, да кровавым песком* (1934). Порядок перемещения объектов передается предлогом *ЗА + Твор. 17, И идешь за ними следом, / Сам себе немил, неведом — / И слепой, и поводыр* (1937).

Поэтику Мандельштама справедливо называют «поэтикой опущенных звеньев». Но тем удивительнее, что перемещение (как и другие виды пространственности) представляет собой столь детально проработанную область. Например, самые употребительные предлоги — *в + Вин. 159, на + Вин. 81, к + Дат. 78, из + Род. 55, с + Род. 38, от + Род. 12* ... составляют большой класс, 375 случаев. Все это заставляет думать, что перемещение само по себе, безотносительно к связанным с ним темам и мотивам, имеет большую ценность для поэта.

Перемещение попадает еще и в «фокус» метафор и сравнений; любопытно, что при этом перемещение одного объекта метафоризируется через перемещение другого объекта. Итак, мы вплотную подошли к третьему сюжету.

III. Метафоры перемещения

Метафоры или, если быть до конца точными, сложные тропы Мандельштама, как правило, представляют собой двухчастное образование, которое с синтаксической точки зрения равняется одной пропозиции.

Структура тропа Мандельштама

	1	2
Определяемая реалия	Генитивная метафора Метафорический эпитет Сравнение (как, словно) Творительный сравнения Метафора-переименование (редко)	Метафорический предикат

С определяемой реалией, во-первых, согласована генитивная метафора, метафорический эпитет, сравнение и т.д., а во-вторых, метафорический предикат. При этом обе части тропа настолько взаимосвязаны, что рассматривать их отдельно представляется абсолютно некорректным. Здесь нам опять-таки потребуется сравнение с символистской поэтикой, в которой символы и метафоры-переименования нарушали категориальное членение мира. Мандельштам, начинавший как символист, а в дальнейшем ставший одним из его суровых критиков, так определял символистские метафоры: *Роза кивает на девушку, девушка на розу. Никто не хочет быть самим собой* [1, 183]. Сам Мандельштам был исключительно точен и аккуратен как в выборе вспомогательных образов метафоры, так и в их синтаксическом оформлении (подробнее см. [4]).

Если судить по статистическим данным, «образцовое» перемещение для Мандельштама было связано с миром природы. Во всяком случае, именно из этой области черпает Мандельштам вспомогательные образы, ср.:

1) **Животные и их способ передвижения** — ср.: [об американке] *Чтоб сахар мраморный толочь, / Влезают белкой на акрополь* (1913); [на смерть Ольги Ваксель] *И твердые ласточки круглых бровей / Из гроба ко мне прилетели* (1935) и др.;

2) **Вода и ее способ передвижения** — ср.: *Льются мрачно-веселые толпы / Из каких-то божественных недр* (1916); *И морщинистых лестниц уступки / В площадь льющихся лестничных рек* (1937) и др.

В поэтическом мире Мандельштама человек также задает особый тип перемещения, с которым ассоциативно связывается движение стихий —

3) **Человек и способ его передвижения** — ср.: *Катит гром свою тележку / По торговой мостовой / И расхаживает ливень / С длинной плеткой ручьевою* (1932).

Траектория движения также нередко акцентируется в метафорах; как правило, это

4) **круг, обруч ... колесо** — ср.: *А счастье катится, как обруч золотой, / Чужую волю исполняя* (1920); *Изредка выскочит дельфина колесо* (1921) и др., а также **стрела ... зигзаги** — *О, длительные перелеты! / Семь тысяч верст — одна стрела* (1915); *Тянулись иностранцы лентой черной* (1912); *В час, как полоской заря над острогом встает* (1931) и др.

Совместное передвижение нескольких объектов метафорически передается с помощью существительных, в семантике которых заложена идея собирательности. В этих случаях метафора отражает еще и зрительное восприятие перемещения, ср.:

5) *И бледная женщина, сходящая за мир бездыханный, / Тихонько шевелит огромные спицы теней / И желтой соломой бросает на пол деревянный* (1920); *Обратно в крепь родник журчит / Цепочкой, пеночкой и речью* (1923); *Их тысячи — передвигают все, / Как жердочки, мохнатые колени, / Трясутся*

и бегут в курчавой пене, / Как жеребья в огромном колесе (1915); И маршируют повзводно полки / Птиц голенастых по желтой равнине (1930).

Форма совместного перемещения может также задаваться существительными типа журавлиный клин, в семантике которых содержится идея 'собираемость, получающаяся в результате общего перемещения', ср.:

б) Летит в туман моторов вереница (1913); Многоярусное стадо / Пропыленную армадой / Прямо в голову плывет (1934); И словно пневматическую почту / Иль студенец медузы черноморской / Передают с квартиры на квартиру/ Конвейером воздушным сквозняка, / Как майские студенты-шелапуты (1931).

При всей мозаичности трех рассмотренных сюжетов, они все-таки недвусмысленно свидетельствуют о том, что движение (и — уже — перемещение) концептуализируется как модус существования человека и мира в поэзии Мандельштама. Более того, движение проникает в сферу этики (см. (2d)), эстетики (см. (17)) и невидимых миров (см. (15a-b)).

В заключение нам остается только вернуться к сюжету «музыка и движение». В поэзии Мандельштама имела место не только смена музыкальной «парадигмы» на пространственно-кинетическую (мы имеем ввиду внутреннюю организацию стихотворений), но и мирное сосуществование музыки и движения (правда, теперь уже на уровне образов и тем). Здесь музыка и движение не только взаимодополняют друг друга, но и определяют друг друга: есть примеры, когда музыка сопровождает движение, ср.:

(16) Площадками лестниц — разлад и туман — / Дыханье, дыханье и пенье — / И Шуберта в шубе застыл талисман — / Движенье, движенье, движенье (1935) (с аллюзией на песни Шуберта), и примеры, когда музыка описывается и метафоризируется через движение, ср.:

(17) Флейты греческой тэта и йота — / Словно ей не хватало молвы — / Незваянная, без отчета, / Зрела, маялась, шла через рвы (1937).

Именно так рождается синтез явлений разного порядка, который становится художественной техникой и художественным мировидением Мандельштама 1916—1938 гг. Но это уже тема совсем другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Осип Мандельштам. Сочинения* в 2-х т., т. 2. М., Художественная литература, 1990.
2. *Wierzbicka Anna. Semantic Primitives*. Frankfurt am Main: Athenaum, 1972.
3. *Гаспаров М.Л. Поэт и культура: три поэтики Осипа Мандельштама* // De visu, 1993, № 10 (11).
4. *Панова Л.Г. Метафора движения в поэзии О.Мандельштама* // Смерть и бессмертие поэта: Сб. материалов конференции (в печати).

Н. Н. Перцова, А. В. Рафаева

**«СТАРЧЕ БОЖИЙ! ЗАЧЕМ ИДЕШЬ?»
(КОММЕНТАРИЙ К ПОСЛЕДНЕМУ СТИХОТВОРЕНИЮ
В.ХЛЕБНИКОВА)**

В ИРЛИ (Пушкинском доме) хранится рукопись стихотворения В.Хлебникова «Святче Божий» (ф. 172, N 123) с двумя следующими пометами неустановленного лица: «Передать К.С. [К.С.Малевичу. — *Н.П., А.Р.*] последнее перед смертью написанное в деревне у Митурича стихотворение В.Хлебникова» (вверху листа), «Это понять может только Казимир Северинович» (внизу листа). Само стихотворение публиковалось неоднократно (см. например [Хлебников 1986, 180]); ниже оно воспроизводится по рукописи:

Святче Божий!

Старец бороною сед!
Ты скажи, кто ты?
Человек ли еси
Ли бес.
И что имя тебе?
И холмы отвечали:
Человек ли еси
Ли бес?
И что имя тебе?
Молчал
Только нес он белую книгу
Перед собой
И отражался в синей воде.
И стояла на ней глаголица старая
И ветер волнуя бороду
Мешал идти
И нести книгу.
А стояло в ней
«Бойтесь трех ног у коня
Бойтесь трех ног у людей»
Старче Божий!
Зачем идешь?
И холмы отвечали
Зачем идешь!
И какого ты роду племени
И откуда ты?
Я оттуда где двое тянут соху
А третий сохою пашет
Только три мужика в черном поле!
Да тьма воронов.
Вот пастух с бичом
В узлах чортики от дождя спрятались
Загонять коров помогать ему они будут.

Судя по воспоминаниям П.В.Митурича [Митурич 1997], в Санталове, куда они с Хлебниковым отправились из Москвы 15 мая 1922 г., поэт был в состоянии работать не более десяти-двенадцати дней. В один из этих дней и было закончено стихотворение. Однако работа над ним началась еще в Москве. В записной книжке 1922 г. (РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 98) имеется его первый вариант (л. 48 об.)¹:

Святче божий
 старец брадоу сед.
 Кто ты?
 Человек ли [ты] еси?
 [если]
 ли бес?
 и что имя тебе
 Эхо
 кто? ты и бес
 а о звездном течени<и>
 речи машь?
 Бесы кричаще аки свиньи.

Начало стихотворения, как было указано Р.В.Дугановым (см. [Григорьев 1990: 128]), восходит к жизнеописанию Михаила Клопского². На сходство формы стихотворения с народной загадкой обратила внимание Л.В.Евдокимова (см. [Евдокимова 1998]). Целый ряд фольклорных источников для разных заметок записной книжки, включая и первый вариант стихотворения, был обнаружен Х.Бараном (см. [Баран 1994]). Однако стихотворение продолжает хранить множество тайн. Кто этот загадочный старец? Откуда, куда и зачем он идет? Не претендуя на окончательные ответы на эти и другие возникающие вопросы, мы все же попытаемся предложить некоторые гипотезы.

Сведения о Михаиле Клопском Хлебников мог почерпнуть, к примеру, из таких книг, как [Некрасов 1870], в приложениях к которой опубликованы две редакции жизнеописания святого³, или [Ключевский 1871]. В ночь накануне дня Ивана Купалы, 23 июня 1402 г., монахи Клопского монастыря, что близ Новгорода, возвращаясь с всенощной, обнаружили в келье попа Макария неизвестного старца, сидящего на стуле перед горящей свечей и пишущего «Деяния св. Павла и Плавание». Игумен Феодосий «молви ему, кто еси ты, человек ли еси или бес, что тебе имя, и он ему отвечает те ж речи». Феодосий повелел кадить, старец «от темьяна закрывается, а крестом знаменается». «И игумен еще воспроси его Феодосий, как к нам пришел откуда еси, что еси за человек и что ти имя твое, и старец ему отвеча те же речи»; «и не могли ся у него допытати ту имени». Тогда Феодосий обратился к чернецам со словами: «Старцы, Бог нам послал сего старца», и Михаил остался в Клопском монастыре [П 1]. Лишь спустя несколько лет в нем опознали «своитина» Великих князей Московских [П 3]. Среди его многочисленных пророчеств были предсказания близкой смерти князю Дмитрию Юрьевичу (Шемяке): в 1449 г. — «Княже, достигнешь трилокотного гроба», в 1450 г. трижды — «Княже, земля

вопиет ти!» (в другой редакции: «Всеу тружаешься, княже, чего бог не даст и не будет ти. Земля вопиет ти втрое и третицей княже земля вопиет ти») [П 8, 36]. После смерти (1453 г.) Михаил был причислен к лику святых. Иван IV в грамоте 1569 г. по случаю завоевания Полоцка между другими святыми, «спомоществовавшими» ему, упоминает и Михаила Клопского.

Как представляется, к преподобному Михаилу Хлебникова привлекло не только таинственное начало его жизнеописания (оно не уникально и встречается, к примеру, в апокрифе о Соломоне и Китоврасе). Само время появления старца в Клопском монастыре — канун окутанного купальскими легендами дня летнего солнцестояния, дня, который чрезвычайно интересовал поэта. Возможны некоторые исторические аналогии, от отмеченного в Новгородской летописях голода 1445 г. («И бысть скорбь и печаль христианом велми велика, толко слышати плач и рыдание велие, во граде и по улицам и по торгу. Многие падающе от глада и умирающе дети пред родителями своими»), во время которого Михаил питал голодных [П 21], до противостояния Новгородской республики и Московского княжества (Михаил был одним из немногих новгородцев, желавших объединения русских земель). Вероятно, был близок поэту аскетизм Михаила («А не требовал ни постели ничего а келью топил неземом да коневым калом. А сам на песке лежал»; «ни одежды постели изголовья ни платия какого развие ряски и мантии в чем в церковь ходил» [П 9, 41]), не говоря уже о его поражавшем современников пророческом даре. Заключает жизнеописание посмертное спасение Михаилом тонущего корабля. Купец Михайло Марков, любивший старца, поехал торговать за море и был там год. На обратном пути была буря. Купец призывал Бога и угодника его Михаила. Михаил явился невидимый и взял корабль за нос. «И стала тишина великая» [П 10].

В упоминавшейся выше записной книжке Хлебникова приведено пророчество Михаила Дмитрию Шемяке (л. 16): «Княже, земля вопиет ти / и трижды вопиет» (возможно, к нему же относится фраза «Князь земля зовет тебя» — л. 70). Из вопросов же, которые монахи задавали Михаилу Клопскому, в первом варианте стихотворения оставлена лишь часть: «Кто ты? / Человек ли еси? / ли бес? / и что имя тебе»; зато добавлен еще один, достаточно неожиданный вопрос: «а о звездном течени<и> / речи машь?».

В окончательном варианте стихотворения круг вопросов расширен и приближен к вопросам из жизнеописания Михаила Клопского, причем на большую часть вопросов старец не отвечает и лишь на последний вопрос — «И какого ты роду<->племени / И откуда ты?» — дает иносказательный ответ: «Я оттуда где двое тянут соху / А третий сохою пашет / Только три мужика в черном поле! / Да тьма воронов». Начало этого ответа перекликается с заметкой из записной книжки: «когда двое везут соху / а трети<й> пашет» (л. 46 об.)⁴. Близким к описанию этого действия представляется обряд «опахивания», однако, насколько нам известно, его всегда производили не мужчины, а женщины.

Обряд опахивания описывался в фольклористике XIX в. неоднократно (см. например [Афанасьев 1865, I, 556; III 115]). В случае моровых болезней людей или скота вокруг селения сохой или плугом проводили магическую черту, которую не смела переступить зараза, причем пахотное орудие тащили на себе две женщины, управляемые третьей. Часто процессия несла с собой икону св. Власия, поскольку в народном сознании к нему перешла функция защиты домашних животных, принадлежавшая некогда языческому Велесу. Итак, кроме несомненного сходства с Михаилом Клопским, старец, по-видимому, вбирает в себя черты другого христианского святого — Власия, а вместе с ним и древнего языческого бога. (Можно вспомнить и то, что, согласно «Слову о полку Игореве», Боян — Велесов внук).

Откуда же идет старец? Из какого-то места, где «тьма воронов» и где совершение обряда противоположно принятому: то, что полагается делать женщинам, делают мужчины. Оба признака указывают на тот свет, загробное царство. Подтверждается это предположение тем, что тема отражения, зеркальности развивается в стихотворении в разных ракурсах: старец отражается в воде, эхо отражает обращенные к нему слова и т.д. В народном сознании символы удвоения действительности, такие, как зеркало, отражение в воде и др., открывают границу в потусторонний мир [СМ 195], который противоположен миру живых.

«Представление о разграничении того света на рай и ад возникли, по-видимому, под влиянием христианства. Наиболее архаические верования изображают рай и ад территориально не расчлененными. В апокрифических преданиях загробный мир расположен на земле за водным пространством, где соседствуют праведные и грешные души. Судя по мотивам духовных стихов и народным рассказам о посещениях душой спящего человека того света, страна грешников отделена от страны праведников лишь пропастью, огненной рекой, глухой стеной, оградой и т.п.» [СМ 374]. Можно предположить, что в картине, рисуемой Хлебниковым, роль этой ограды выполняет магическая черта, проведенная сохой.

Старец, идущий с того света и отражающийся в воде, вероятно, пересекает водное пространство (по какому-то мосту или прямо по воде, как шел Михаил Клопский к купцу Маркову — см. выше), т.е. идет на этот свет. Он, несомненно, олицетворяет силы добра, что подтверждается и «белой книгой» в его руках. Священная книга — неперменный атрибут и ангелов, и христианских святых, защищающий от бесовщины — встречается повсеместно, от Библии до сказаний и духовных стихов. Предостережение же белой книги — «Бойтесь трех ног у коня / Бойтесь трех ног у людей» — связано с печатью антихриста, дьявольским наваждением (например, германская Гелла ездит на треногом коне [Афанасьев 1865, I, 112]) и простонародными поверьями об уродстве как следствии волшебства [Афанасьев 1865, III, 514]. Очевидно, что обращение к

тройке, отождествляемой в хлебниковских «уравнениях рока» с концом, смертью (в отличие от двойки-жизни), не случайно в данном контексте. (Кстати, тема тройки также «отражается»: мужиков в черном поле трое.)

Старец не отвечает на вопрос, зачем он идет. Однако, опираясь на народные поверья, можно сделать некоторые предположения: старец идет за человеческой душой. «В поверьях “проводниками” душ служили ранее умершие родственники, ангелы, святой Николай, архангел Михаил и др. персонажи христианского культа. Главным рубежом, отделяющим “этот” свет от “того”, считалась мифическая река (Забыть-река)» [СМ 373].

Оба варианта стихотворения заканчиваются темой бесовщины, которая в неявном виде присутствует в нем с самого начала. Если в жизнеописании Михаила Клопского вопросы повторяет сам старец, то у Хлебникова старец в основном молчит («повсеместно существует запрет откликаться на голос или оборачиваться в ту сторону, откуда он слышится, поскольку тем самым человек открывает нечистой силе доступ к себе» [СМ 139]), а отвечает эхо, «холмы» (ср. народное поверье, что эхо — это голос лешего [Афанасьев 1865, I, 339]). Причем вместо простого повторения вопроса эхо возвращает либо «блзнящее» утверждение («ты и бес»), сопровождаемое свинным визгом бесов⁵, либо грозное предостережение («Зачем идешь!»). К нечистой силе, согласно [Афанасьев I, 331], относятся и ветры. В конце стихотворения («Вот пастух с бичом / В уздах чортики от дождя спрятались / Загонять коров помогать ему они будут») персонажи и предметы, олицетворяющие силы зла, умножаются. Страшны не только сами чертики, но и их местонахождение: бич — один из атрибутов смерти [Афанасьев I, 44], узел — многоплановый магический символ, служащий, в частности, для нарушения нормальной связи души с телом [Афанасьев III, 552—554]. Вся эта рать появляется, чтобы сразиться со старцем. «Во время кончины появляется, приходит за душой какое-то мифическое лицо — Смерть, Бог, архангел Михаил, святой. По восточно-славянским верованиям, ангел и черт в момент агонии борются за душу умирающего, и кто из них победит, тот и берет душу» [СМ 359]. Сходные сведения приводятся и в [Афанасьев III, 57]: «По нашим преданиям, при одре умирающего присутствуют и спорят за его душу ангел-хранитель и дьявол; если добрые дела человека перевешивают злые, то ангел-хранитель прогоняет дьявола копьём, а если перевешивают злые дела, то ангел удаляется с плачем».

Исход подобной битвы, ожиданием которой наполнено стихотворение Хлебникова, как представляется, предрешен. Чертики прятутся от (ожидаемого или уже идущего) дождя, который может быть «знаком, что душе простятся грехи» [Афанасьев III, 246]. В записной книжке имеется запись, рисующая характерный для житийной литературы финал такой битвы:

держа книгу велику
разогна бесы
яко дым исчезоша
и
и наступи языки

последних времен (л. 47 об.).

Упоминание же коров возвращает нас в языческую мифологию и заставляют вспомнить, что первоначально Велес — пастырь стад небесных, к которым относятся как небесные тела, так и души усопших, которые движутся по Млечному пути, предшествуемые небесной коровой [Афанасьев I, 691—696; III, 282—283]. О том, что Хлебников действительно имел в виду это поверье, свидетельствует, вероятно, и вопрос «а о звездном течени<и> / речи машь?» в первом варианте стихотворения.

Не имея возможности подробно останавливаться на литературных и фольклорных параллелях стихотворения «Святче Божий», назовем здесь лишь две.

Подробная разработка в записной книжке Хлебникова темы антихриста заставляет вспомнить трилогию Д.Мережковского «Христос и Антихрист», в которой в смертный час жертвам антихриста является «белый как лунь» старец с чашей, подобной солнцу; в частности, в ее четвертом томе «Антихрист (Петр и Алексей)» старец приходит к обоим героям-страдалцам — царевичу Алексею и Тихону.

В записной книжке широко представлена и тема матери — сырой земли. Как установил Х. Баран в статье [Баран 1994], основным источником выписок о земле была работа [Смирнов 1913]. Однако упомянутый в ней обряд прощания с землей (дважды переписанный Хлебниковым в записную книжку), по указанию самого С.Смирнова, был сообщен ему владимирским священником Алексеем Соболевым. Соболев опубликовал свои наблюдения об этом обряде в книге [Соболев 1914], и можно предположить, что поэт был с ней знаком. Заканчивается эта книга следующими духовными стихами:

Стихи о иноке-черноризце

Идет старец из пустыни,
Инок-черноризец из вертепа,
А навстречу-то Сам Бог идет.
«Что ты, инок, горько плачешь,
Черноризец, что рыдаешь?»
— «Господи, господи, как мне не плакать,
Черноризцу-иноку как не рыдати:
Потерял я книгу святую-золотую,
Опустил от рая ключи в море!»
Возглагодал ему тут Сам Господь:
«Иди, инок-черноризец, возвратися,
В свою тесную келью затворися;
Там усердно Богу помолися,
Молись Богу со слезами,
Со великими трудами, —
Найдешь книгу святую, золотую.
Возмути слезами глубокое море,
Там найдешь ключи от рая».

Мы снова встречаем здесь инок-черноризца, его келью, святую книгу, воду...

В заключение упомянем еще одну страницу записной книжки Хлебникова. На л. 67 (о времени заполнения которого можно судить по датировке предшествующего листа — 11 мая) мы встречаем трогательно-

детское по своей тональности стихотворение, прямо называющее то, на что лишь намекает «Святче Божий» (запись очень неразборчива, и наше прочтение — не более, чем догадка):

Христос воскрес:
сын мой милый
мир здесь прими ты
Мила моя могила
Мне дорог крест твой
он чашу всей твоей жизни
держит с молитвой

Итак, стихотворение «Святче Божий» — попытка, опираясь на народные представления, проникнуть за границы жизни, в «засмертие». Кто знает, случайна ли близость дат (приход Михаила в Клопский монастырь и его ответы братии — вечер 23 июня, смерть Хлебникова — утро 28 июня) или это последнее пророчество поэта?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Временем его создания, судя по расположению в тетради, можно считать март — начало апреля: лл. 25 и 30 датированы 31 января 1922 г., л. 66 — 11 мая, на лл. 54 об. имеется помета «Великий Четверг» — этот день в 1922 г. приходится на 13 апреля.

² Пользуемся случаем, чтобы выразить свою искреннюю признательность профессору Гейл Ленхофф за ее ценную консультацию по житийной литературе.

³ Именно из этой книги взяты нами приводимые далее цитаты о Михаиле Клопском. Приложения к книге имеют собственную нумерацию страниц (1—44), что отмечено в ссылках ниже буквой «П», за которой следует номер страницы.

⁴ Л.В.Евдокимова на основе ряда русских загадок сопоставляет рассматриваемую группу метафор (как, впрочем, и следующий далее образ пастуха) с процессом письма [Евдокимова 1998, 29], приводя, например, такие загадки:

Не небо, не земля, виденьем бела,
Трое по ней ходят, одного водят,
Два согладают, а один повелевает.

Бысть некая вещь: светла, распростерта,
На ней черные птицы,
Две призирают, три созидают,
Один повелевает.

Первое из названных сопоставлений кажется вероятным, и оно как будто подкрепляется началом жизнеописания Михаила Клопского, который пишет в то время, когда ему задаются вопросы. (Множественность смыслов — один из основных принципов Хлебниковской поэтики.)

⁵ Согласно [Афанасьев 1865, I, 781], бесы часто представляются «в различных звериных образах и между прочим громко хрюкающими свиньями» или полулюдьми с свиным хвостом. Ср. следующее описание беса из хлебниковской записной книжки (л. 57):

какой он
злюб<ный>
дело обыч<ное>
хвостик поросенка
крылья летучей мыши за плечам<н>
собачий язык усталый запыхавшийся

Тема бесов и антихриста («сына погибели») разворачивается на многих страницах записной книжки. Как показал Х.Баран, в основном это конспекты из книги [Рязановский 1915].

и со всяя земл<и> созову
единым словом все гады и
птицы и звери и по морестей
бездн<е> учнет ногами свои
ходить аки по суху
он идет
сын погибели (л. 52);
бесы седни пикам<и>
тащат ужом святого в озеро.
темный венец.
ступ<ил> бес в болото и болезных
синия видения башу грозны и мрачны (л. 58).

(Записи в целом ряде случаев очень неразборчивы. Здесь приводятся наши конъектуры записей, далеко не всегда совпадающие с конъектурами Барана; например, слово, которое мы понимаем как «венец», он понимает как «синец».)

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I—III. М.: Индрик, 1994. [Воспроизведение изд. 1865 г.]
2. Баран Х. Фольклорная и древнерусская тематика в записной книжке В.Хлебникова // Русский авангард в кругу европейской культуры. М.: Радикс, 1994, 273—323.
3. [В.П.Григорьев.] Опыт описания идиостилей. Велимир Хлебников // Очерки истории русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста / Под ред. В.П.Григорьева. М.: Наука, 1990, 98—166.
4. Евдокимова Л.В. О загадке как архетипе творчества В.Хлебникова (к постановке проблемы). // Велимир Хлебников и художественный авангард XX века. VI Международные Хлебниковские чтения. 8—12 сентября 1998. Научные доклады, статьи, тезисы. Астрахань: Изд. АГПУ, 24—30.
5. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
6. Митурич П. Записки сурового реалиста эпохи авангарда. Дневники, письма, воспоминания, статьи // Архив русского авангарда. М.: Литературно-художественное агентство «РА», 1997.
7. Некрасов И.С. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса: тип. П.Францева, 1870.
8. Рязановский Ф.А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915.
9. СМ: Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Под ред. В.Я.Петрухина, Т.А.Агапкиной, Л.Н.Виноградовой, С.М.Толстой. М.: Эллис Лак, 1995.
10. Смирнов С. Приложение II. Исповедь земле // С.Смирнов. Древнерусский духовник. М., 1913, 255—283.
11. Соболев А.Н. Обряд прощания с землей перед исповедью, заговоры и духовные стихи. Владимир, 1914.
12. Хлебников В. Творения / Под общ. ред. М.Я.Полякова, составление, подготовка текста и комментарии В.П.Григорьева и А.Е.Парниса. М.: Советский писатель, 1986.

Л. Н. Синельникова

СМЕРТЬ КАК ФЕНОМЕН ДВИЖЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ, СВЯЗАННЫЙ С МОМЕНТОМ ИСТИНЫ

У знания тревожные глаза:

В них вещая растерянность незнания

Лия Владимировна

Тема смерти заставляет любого обращающегося к ней войти в зону риска: смертным не дано знать смерть. «Переход к уже-не-присутствию изымает присутствие как раз из возможности иметь опыт этого перехода и понять его как испытанный», — писал Хайдеггер [1, 237]. Смерть может быть описана лишь как некий набор представлений о ней, причем количество свидетельств не может быть гарантией объективного знания (А.Эйнштейн говорил, что никакая наука не приближает нас к тайне Сámого). Онтология смерти уникальна своей связью с принципом трансцендентального горизонта, удаляющегося по мере кажущегося приближения.

Наращение знаний о смерти происходит в жизни, которая и есть «бытие к смерти» (Хайдеггер). Наиболее значимое время для обдумывания смерти как сущего — «метафизический возраст», когда чувствуется «Аид» и «Небо» [2, 354]. В состоянии «метафизического возраста» находятся философы и поэты. Именно бесконечно развивающееся философское и лирическое знание дает человечеству пополняемую сумму представлений о смерти.

Непрекращающееся движение мыслей живых о смерти уравнивает ее с жизнью. «Стрела познания» [3] — то живое, что возникает в целокупности жизни и смерти, способствует особому переживанию чувства целостности мира.

Человек, природно ангажированный в смерть, при жизни находится под ее влиянием. Смерть составляет глубинный параметр жизни. Жизнь и смерть вовсе не оппозиция, они связаны человеческой психикой, бесконечным зацеплением друг за друга. Философы справедливо считают, что «без символа смерти, без того, чтобы жить в тени этого символа, — ничего нельзя понять, ничего нельзя в действительности испытать...» [4, 15]. Эта мысль находит полную поддержку у поэтов, соединяющих жизнь и смерть в единый поток: «Благословенны: — жизни ток, / И стылость смерти непреложной, / И — зеленеющий листок, / И — ветхий корень придорожный» (А.Белый); «А я подумал: жизнь моя, / Как нить, за Божьими перстами / По легкой ткани бытия / Бежит такими же стежками. // То виден, то сокрыт стежок, / То в жизнь, то в смерть перебегая...», «Что даже смертью, гордой, своевольной, / Не вырвусь

я; / Что и она — такой же, хоть окольный, / Путь бытия» (В.Ходасевич); «Мысль о смерти — это мысль о жизни» (В.Соколов); «Смерть — Госпожа! чего ты ни коснешься, / все обретает странную надежду — / жить наконец — иначе и вполне» (О.Седакова); «Жизнь пройти — что поле перейти, / К звездам плыть — они в твоей горсти, / В тень сойти — сойти в нетленный свет, / Смерть найти — понять, что смерти нет» (Л.Владимирова); «Вот мужество! — как будто бы со страху / пред смертью все сущее живет», «Смерть — это дар? / Дар смерти?... Жизнь относится к смерти, как камень к праще. / «Смерть» восходит к понятию «мера», «Разжимаются пальцев фаланги / узловатые, сыплется медь, / и сплетаются две лесбиянки / длинноногие — жизнь и смерть» (С.Соловьев).

Художественная картина мира формируется прежде всего как результат представлений поэта о взаимоотношениях жизни и смерти. Так, бытийственная связь жизни и смерти особо отражена в стихотворениях О.Мандельштама: «Когда б не смерть, так никогда бы / Мне не узнать, что я живу», «Я должен жить, хотя я дважды умер», «Неужели я настоящий и действительно смерть придет?...». Такой подход к смерти оценивается исследователями как мировоззренческая доминанта поэта: «Из своего предстояния смерти он сделал все, что мог, во славу жизни — не той, которой «снится убивать», а той подлинной, свидетельствующей о высоком достоинстве человека, не отменяемом, но, напротив, усиливаемом смертным жребием» [5, 445]; «...через смерть дается образ некоей строгой гармонии, которая несовместима со счастьем, но глубже счастья и, может быть, дороже, нужнее сердцу, чем счастье» [6, 268].

Сила когнитивной метафоры «дар смерти» наделяет витальностью такие понятия, как страдание, горе, скорбь. «Болит душа, болит душа, болит душа... И что делать с этой болью — я не знаю. Но только *при боли* я согласен жить», — писал В.Розанов. И у него же: «Только горе открывает нам *великое и святое*». Так же способны воспринимать боль души поэты: «И только с горем я солидарен» (И.Бродский); «Мне боль придает одержимость и силу», «Зато в страданье, / Как в щелочной воде, отбелится душа» (А.Кушнер); «Говорят лишь утраты. Да и то — не о том» (С.Соловьев). Смерть переводит страдание в радость: «Жаждет смерти сердце наше», «Мы дышим легче и свободней / Не там, где есть сосновый лес, / Но древним мраком преисподней / Иль горним воздухом небес» (В.Ходасевич).

Смерть переживается как судьба, поскольку их роднит неизбежность, загадочность, трансцендентность, «ускользающая сверх-разумность» [7]: «Совершает медленный обход / Смерть — твой повелитель непреклонный», «На миг мы преданы размеренному стуку, / И ритм сердец в движенья верно влит, — / Но на последний вздох Тоска наложит руку, / И холод вечности тела оледенит» (В.Ходасевич); «Не спасешься от доли кровавой /

Что земным предназначила твердь. / Но молчи: несравненное право — / Самому выбирать свою смерть» (Н.Гумилев). Предопределенность судьбы и неизбежность смерти могут как страшить, так и возвышать: «То, значит, существует час, / В который то должно случиться, / Что превращает в лики лица / И над судьбой подьемлет нас» (Л.Миллер). Это возвышение имеет особый духовный вектор, связывающий человека с Богом, с бессмертием души. В христианской теологии смерть предстает как сокровенное знание, подвластное только Богу.

Человек, погруженный в любовь, может обрести бессмертие души. Об этом размышляет В.В.Розанов: «...Есть *чувство бессмертия* души, и истекает оно из любви». Смерть задает любви параметр предельности, высшего напряжения, так как «сам факт смерти, факт того, что мы смертны, уже заложен в том, как мы вообще можем осознавать, видеть, понимать, чувствовать» [4, 126]. Любовь связана со смертью понятием вечности.

«Время создано смертью» (И.Бродский). Это о земном времени. Внеземное время — вечность: «...смерть гроыхнет тугим засовом / и вечность выпустит тебя» (В.Набоков); «Свободные души взлетают, чтоб впредь / И вечное слышать, и вечное зреть» (Л.Миллер). Вечность — это структурирование пространства и времени «за чертой», которые в поэтических текстах заполняются событиями, знакомыми по земной жизни, и тем самым продлевается жизнь после жизни: «И слушаю, уже оттуда, / Моей качалки мерный стук» (В.Ходасевич); «Жизнь не кончается там, где кончается, — / Что-то другое там начинается. // Только не райское, только не адское: / Ляжешь пылинкой на чьем-то лацкане, / Станешь травинкой и чей-то сказкою, / Белой снежинкой проникнешь ласково / К чьему-то окошку в вечерний час» (В.Шефнер); «За концом, пределом, краем, / За чертой, где умираем, / Простираются края, / Протекает жизнь земная, / Тропы новые вия» (Л.Миллер); «Умереть — это значит шуметь на ветру / Вместе с кленом, глядящим понуро. / Умереть — это значит попасть ко двору / То ли Ричарда, то ли Артура. // Умереть — расколоть самый твердый орех, / Все причины узнать и мотивы. / Умереть — это стать современником всех, / Кроме тех, кто пока еще живы» (А.Кушнер).

Через смерть сознание впитывает понятие вечности как будущего, не вмещающегося в парадигму физического времени. Будущее *там* не то же самое, что будущее *здесь*, но «у нас нет ни адекватных слов, ни силы воображения, способных передать образ иных измерений» (А.Мень), поэтому и используется опыт земных эмоций, предметный мир и мир прочувствованных в земной жизни событий.

Фрейд говорил, что подсознательно никто не верит в свое полное уничтожение. Увидеть мир вне находимости в нем — значит полностью

убрать страх исчезновения. Поэты предъявляют модель уникального взгляда на смерть с сохранением сенсорно означенного *я*: «И умер я... и видел пламя, / Не виданное никогда...», «Мертвый, увижу, как в бледном небе / С огненным черным борется бог» (Н.Гумилев); «Зато сквозь смерть услышу, / друг живой, / Как на груди моей ты робко переменишь / Мешок со льдом заботливой рукой» (В.Ходасевич); «Будь осторожен. / Меня больше нет» (С.Соловьев); «И руки стиснувши до хруста, / Глядеть в за-жженное окно, / Где и не горько, и не грустно, / А просто нет меня давно» (Л.Владимилова). Если в мире, жестко разделенном на живое и неживое, сенсорные глаголы могут вводить небудущее время индикатива, то в поэзии, воспринимающей инобытие как жизнь, этот запрет снят.

Смерть связывается с состоянием покоя: «Открою дверь — и свет рекой, / Войду и рухну. И покой» (Л.Миллер). Неземной покой — это свобода от суеты, сиюминутности. Такой покой требует молчания, тишины. Таким образом, молчание становится параметром иного мира. Речь, слова имеют земное предназначение. «Рождаемость не есть ли тоже выговариваемость себя миру...» — спрашивает В.В.Розанов. И заключает: «На том свете мы будем немymi. И восторг переполнит наши души». «Язык возникает как страх перед смертью», и если страх преодолен, «человек из кокона выходит на космическую площадь, обретая движение без костылей языка» [8, 156]. О молчании такого рода говорят поэты: «И мертвым предкам непостижима / Потомков суетная речь», «А под конец узнай, как чудно / Все вдруг по-новому понять, / Как упоительно и трудно, / Привыкши к слову, — замолчать», «И все покорней, все безмолвнее / Целую руку Тишины» (В.Ходасевич); «И никто меня не манит, / Я сама туда спешу, / В тишину, в которой канет, / Все, чем маюсь и живу» (Л.Миллер). Молчание — способ постижения главного. Смерть избавляет от обилия слов, сопровождающих земную жизнь, и приводит к одному слову — Бог: «Но забыли мы, что осиянно / Только слово средь земных тревог, / И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что слово это — Бог. // Мы ему поставили пределом / Скудные пределы естества, / И, как пчелы в улье опустелом, / Дурно пахнут мертвые слова» (Н.Гумилев).

Смерть соединяет видимое и невидимое. Когнитивный опыт смерти включает воображение, фантазии, сон. Смерть часто интерпретируется в событиях сна — смещенных, иррациональных, тревожных и счастливых. П.А.Флоренский считает сон первой ступенью жизни в невидимом. Сон «восторгает душу в невидимое и дает даже самым нечутким из нас предощущение, что есть и иное, кроме того, что мы склонны считать единственной жизнью» [9, 37]. Время во сне имеет трансцендентальное измерение и связано с движением как пребыванием в разных слоях сознания, в разных мирах [10].

Смерть является предельным представлением о жизни. Философская концепция жизни как нарастающей кульминации, как экзистенциального крещендо связывается со смертью, продлевающей жизнь. Понятая смерть — путь к истине.

Смерть — культуuroобразующий феномен. Духовность как полнота бытия в русской философской и поэтической мысли соотносится как с жизнью, так и со смертью в их континуальном единстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
2. Розанов В.В. Уединенное. М., 1990.
3. Мамардашвили М.К. Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). М., 1996.
4. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. М., 1995.
5. Топоров В.Н. О «психофизиологическом» компоненте поэзии Мандельштама // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.
6. Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев С.С. Поэты. М., 1996.
7. Стрелков В.И. Смерть и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
8. Соловьев С. Пир. Симферополь, 1993.
9. Флоренский П.А. Иконостас. М., 1995.
10. Ильченко В.И., Синельникова Л.Н. Сон как способ самоидентификации и расширения пространства отношений с Богом и Миром // Метод качественных структур: пространство отношений и жизнь. Третья международная научно-практическая конференция. Киев, 1998.

Н. А. Фатеева

«ОПЯТЬ БЕЖАТЬ...?»
(О КОНЦЕПТЕ «БЕГА» У Б. ПАСТЕРНАКА)

В своих более ранних работах [1; 2] мы уже отмечали, что мир Пастернака при всей своей цельности весь находится в движении, при всем своем разнообразии стремится к единству. Поэтому все сущности этого мира и их части представлены в движении, создаваемом «водоворотом качеств» [3, 32], в который у поэта вплетаются и существительные, и глаголы, и прилагательные. Такая исходная предикативность поэтического языка поэта, отражающая глубинную структуру семантических связей, и лежит в основе взаимодействия в его языке метонимии и метафоры. Признаки сначала метонимически отрываются от их носителя в концептуальную сферу (например, 'бега', 'ловли', 'касания', 'раскачивания'), а затем привязываются к новым денотатам, образуя метафорические переносы. Так, от Девочки и лирического «Я» книги «Сестра моя — жизнь» («СМЖ») динамические признаки передаются саду:

*Огромный сад тормозится в зале,
Подносит к трюмо кулак,
Бежит на качели, ловит, салит,
Трясет — и не бьет стекла!*

Неопределенность отнесения признака или «безразличие», с каким словом признак связан непосредственно, заставляет его относить не к какому-либо конкретному слову, а к ситуации в целом. Такое строение стиха и порождает у читателя соприсутствие в сознании разнородных явлений, которые находятся в непрестанном — то в размеренном, то ускоряющемся движении.

У раннего Пастернака подобная подвижность «нервного» и «мыслительного» состава получала поверхностное выражение в особой лексической и грамматической семантике глаголов с корнем *бег*. Концепт «бега» в этом смысле организует всю систему преобразований поэта, которую М. Цветаева назвала «преображением вещи» [4, 348]. Звукосемантические схождения глагола *бежать* и идеи «преображения» обнаруживаются уже в первых произведениях поэта, к примеру, в «Июльской грозе» (1915): *Гроза в воротах! на дворе! / Преображаясь и дуря, / <...> / Она бежит по галерее*, где появляются и зеркала, в которых отражается бегущая гроза. Это скрещение смыслов затем окажется важным для анализа функций как глагола *бежать* (направленного действия), так и глагола *бегать* (ненаправленного действия) в книге «Сестра моя — жизнь» и последующих текстах поэта. Доминирующим в обоих этих глаголах окажется

семантический признак 'быстроты и некоторой резкости движения', который переносится Пастернаком из физической сферы в ментальную и духовную: у глагола *бежать* и производных от него этот признак будет прежде всего связан с 'передвижением вперед'; у глагола *бегать* — с 'движением взад-вперед' либо со 'сменой направления движения', которая детерминируется приставками.

Сама же последовательность трансформаций, которые задаются в книге этими глаголами, предстанет в наиболее эксплицированном виде, если будем обращаться к более ранним и более поздним поэтическим и прозаическим текстам Пастернака.

В работе [1, 187] мы уже писали о том, что благодаря комбинаторной памяти глагола *бежать* в книге «СМЖ» закрепляются родовые трансформации «Я-сад → Девочка-ветка», а идея движения передается, во-первых, от целого к части, и во-вторых, от сущностей мужского рода к объектам женского рода, которые являются их семантическими коррелятами. Однако не менее важным оказывается и последовательность предикатов, присваиваемых «саду»: *К качелям бежит трюмо. / Огромный сад тормозит в зале, / <...> / Бежит на качели, ловит, салит*, в которой заложена последовательность действий этих смысловых переносов: обращенность перспективы и/или присвоения признака (поскольку «бег» отражается и отражен в трюмо), амплитуда возвратного движения (*качели*), а также перенос признака с одного предмета на другой (*салит*). Следовательно, в концепте «бега», как мы далее покажем более явно, фактически фиксируется быстрота метонимических преобразований, а также трансформаций образов и субъектно-объектных превращений.

Основа этой цепочки наиболее явно проступает в ситуации «бега» повести «Детство Люверс» («ДЛ»), где она также соединяет дом и сад, но дана метонимически через *ноги* и через *они* — 'дети' без обозначения рода: *«Ноги, ноги!», но им горелось, они приходили пьяные с воли, со звоном в ушах, за которым упускали понять толком сказанное, и рвались поживей отлебать, отжесаться, чтобы, <...>, бежать назад, в этот навывлет, за ужин ломящийся день, где <...> пронзительно щебетала синева...* [5, 43]. Еще более интересные ситуативно-смысловые схождения «бега» «СМЖ» и «ДЛ» можно обнаружить в стихотворении Пастернака «Полярная швея» (1916). Там находим строки: *На мне была белая обувь девочки*, которые станут до конца ясны только после того, как в «Людах и положениях» (1956-57), Пастернак напишет, что одним из его детских суеверий было то, что в прежней жизни он был девочкой (ср. обращение к *Девочке* в стихотворении «Из суеверья» книги «СМЖ»: *О, неженка, во имя прежних / И в этот раз твой / Наряд щебечет, как подснежник / Апрелью: «Здравствуй!»*). Далее в стихотворении 1916 года следуют строки: *Я любил от того, что в платье милой / Я милую видел без платья*. В «СМЖ» в

стихотворении о «намокшей воробышком ветви» читаем: *Вдруг дух сырой прогорклости / По платью пробежал*, а далее в «Дожде» бежим уже во множественном числе, когда «она со мной»: *Теперь бежим соципывать, / Как стон со ста гитар / Омытый мглой липовой / Садовый Сен-Готард*. Затем «дождь» мужского рода превращается в «СМЖ» во «влагу» женского рода, связанную с «душистой веткой»: *Душистою веткою машучи, / Впивая впотьмах это благо, / Бежала на чашечку с чашечки / Грозой одуренная влага*. И в этом круговороте сливается женский и мужской род «бега», как женское и мужское начало жизни, а также одушевленные и неодушевленные субъекты, подчиняющиеся стихии «бега».

Сущностную же значимость этого явления раскрывают самые первые прозаические наброски Пастернака о Реликвимини («Рлк»), где ясно сказано, что ситуация «бега» связана с самыми основами «жизни» и «оживления» (одушевления) неодушевленного: *...так было и в жизни, — стояли неодушевленные начала, и требовали разбега; люди разбегались здесь, и некоторые из них, те, которые думали всегда дальше других и скорее становились неузнаваемыми для своих знакомых, они выносили это сладостное страдание: работать, думать на неодушевленное* [5, 745]. Именно поэтому так естественна в «СМЖ» «предикативная ассимиляция» [6, 426] в метафоре *ветка* ('девочка') *вбегает в трюмо*, которая превращает «ветку» из объекта в субъект — «девочку», а затем она превращается во «второе трюмо», т.е. приобретает функцию отражения субъекта.

Оживление прежде всего происходит благодаря «бегу» воды, и омытые водой растения становятся «исцеляющими», ср. в «Рлк»: *... желтая антисептическая ромашка, темно-лиловые колокольчики, лопающиеся <...> разбежавшимися ручьями журчащих цветений*. Благодаря этому контексту расшифровываются строки стихотворения «Елене» «СМЖ»: *Луг дружил с замашкой / Фауста что ли, Гамлета ли, / Обегал ромашкой, / Стебли по ногам летали*, в которых прячутся «действующие лица» книги. Так, сквозь призму ситуаций «бега» и «ног» Девочки и природного субъекта мужского рода новый ракурс видения в «Елене» приобретает ситуация стихотворения «Образец» (*И ползала, как ПАСыНоК ТРАва, в ногах у нЕй*) с анаграммой имени поэта, которое своей внутренней формой связано с травой. В «Елене» же лирическим субъектом становится целый луг ('пространство земли, покрытое травянистой растительностью'), который *обегал* — т.е. 'бегая, торопливо переходил из одного места в другое, пытаясь охватить все возможное пространство', видимо, *ромашкой*, «разбежавшейся ручьями цветений». Вспомним, что ранее в книге уже появлялась *Роскошь крошеной ромашки в росе* («Лодка колотится в сонной груди...»), ниже же в данном стихотворении обнаруживаем источник этой «влаги»: *Дождик кутал / Ниву тихой переступью / Осторожных капель*.

Синтаксический параллелизм строк с *ли* (*Луг дружил с замашкой / Фауста что ли, Гамлета ли*) и конечных строк *Пусть судьба положит / Матерью ли, мачехой ли* обнажает отличительные признаки, в первом случае, героя, во втором — героини, при этом и сама Елена в «СМЖ» концептуально связывается то с Еленой из «Фауста» [7], то с Офелией из «Гамлета». Сама Елена приобретает альтернативный облик то растения, то девушки, а альтернативность и переходность закрепляется творительным падежом *ли-ли-ю*, где *ли-ли* (ср. также *Стеб-ли по ногам ле-та-ли; И-ли еле-еле, <...> Жемчуг ожерелья На плече Офе-ли-ином*, где все *ле-* также произносятся как [ли]) — повторяющийся «квазикорень» одновременно и со значением альтернативности, и со значением мягкого перехода от одной формы к другой (т.е. корня глагола *ли-ть(ся)*, связанного с водой); а *-ю* может быть вычленено и как окончание творительного падежа, и как местоимение (*Век в душе качаясь, / Лилюю, праведница!*). Мы наблюдаем то, что Ю.Н.Тынянов назвал «интенсивацией колеблющихся признаков», т.е. «интенсивацией семантического момента в стихе» [8, 84], и эта интенсивация во многом у Пастернака задается метафорами «бега» и «раскачивания». Именно поэтому в конце стихотворения Елена — царица Спарты находится в альтернативных родственных связях по отношению к лирическому субъекту (*Пусть судьба положит / Матерью ли, мачехой ли*), а в творительных падежах с *ли* запечатлен еще один возможный облик — растения «мать-и-мачеха».

Такая признаковая стереоскопия и позволяет отразить единство и разнообразие мира «СМЖ». «Осуществление этой системы связей обеспечивает сквозная пронизываемость, которая является важным признаком пастернаковского пространства» [9, 189]. Глагол «бега» в этом случае выполняет функцию быстрого заполнения всего сквозного пространства и передачи признаков и «смысловой» энергии от одного объекта другому.

Если использовать термин «психомиметическое событие» философа В.Подороги, то глагольные формы «бега» как бы передают энергию самому тексту, динамизируют его форму, а «читатель резонирует в такт этим скоростям и напряжениям. В результате фундаментальный «активный слой» текста существует до понимания, помимо понимания. Более того, он действует тем сильнее, чем ниже уровень понимания, тормозящего действие внутритекстовых скоростей» [10, 20]. В целом же категория «одушевления» Пастернака, связанная с идеей «бега», подчиняется модели динамизации объекта субъектом немецкого психолога Х.Вернера: «Подобная динамизация вещей, основанная на том, что объекты в основном понимаются через моторное и аффективное поведение субъекта, может привести к определенному типу восприятия. Вещи, воспринимаемые таким образом, могут казаться «одушевленными» и даже, будучи в действительности лишены жизни, выражать некую внутреннюю форму жизни» ([11, 69], цит. по [10, 21]).

Непосредственно метафора «бега» обнажается в стихотворении Пастернака «Мельницы». Мельницы у поэта — это физическое воплощение идеи 'измельчения' и 'круговращения', которые в ментальном пространстве аналогичны 'движению и преломлению мысли' [2, 245—251]. Во второй редакции этого стихотворения (1928) появляются строки ...и буря, / <...> / *Вбегаёт и видит, как тополь, зажмурясь, / Нашествием снега слепит небосклон*, которые вводят уже ранее существовавшие в первой редакции: *Тогда просыпаются мельничные тени. / Их мысли ворочаются, как жернова. / И они огромны, как мысли гениев, / И несоразмерны, как их права*. Иными словами, «мельницы», благодаря преобразованию природной энергии в энергию движения (буря *вбегаёт* в мельницы, как ранее *ветка в трюмо*), становятся метафорой отражательного мыслительно-языкового процесса. Так Пастернак, следуя своему пониманию искусства, «не сам выдумывает метафору, а находит ее в природе и свято воспроизводит» [5, 188]. Точно таким же способом «бега» связываются, по Пастернаку, и поколения поэтов. Говоря о «молодом искусстве» XX века, он в «Охранной грамоте» пишет: «...и это была историческая цельность, то есть отдача той страсти, с какой только что *вбежало в них*, спасаясь с общей дороги, в несчетный раз *избежавшее конца человечество*» [курсив мой. — *Н.Ф.*] [5, 211].

В этой связи интересно расшифровать пастернаковский вопрос *О, куда мне бежать От шагов моего божества?* В поэме «905 год» этот вопрос ситуативно связан со Скрябиным, однако в расширенном поэтическом контексте его можно понимать более широко. Если говорить об интертекстуальном генезисе, то содержательно вопрос Пастернака ближе всего к вопросу пушкинского «Странника» «*Куда ж бежать?*», а по своей звуковой инструментовке первой строке стихотворения Фета «*Когда Божественный бежал людских речей...*». Предлог же *от* (*бежать от*) отсылает к другим знаменитым контекстам Пушкина, где герои бегут от «погони»: ср. в сне Татьяны из «Евгения Онегина» — *Она бежит, он все вослед, / И сил уже бежать ей нет*; а затем в «Медном всаднике» — *И вдруг стремглав / Бежать пустился. / <...> / Бежит и слышит за собой — / <...> / — Тяжело-звонкое скаканье / По потрясенной мостовой*.

В то же время в «Людах и положениях» поэт развивает идею «бега», связанную с любимым композитором, в своей собственной «легкой» манере: «Скрябин любил, *разбежавшись, продолжить бег как бы силою инерции вприпрыжку, <...>*, точно немного недоставало, и он отделился бы от земли и поплыл бы по воздуху. Он вообще воспитывал в себе разные виды *одухотворенной легкости и неотягощенного движения на грани полета*» [курсив мой. — *Н.Ф.*] [5, 304]. Точно так же незадолго до этого описана Лара в романе «Доктор Живаго», которая является аналогом «девочки, вбегающей в трюмо»: *Точно обий разгон к жизни она взяла давно, в дет-*

стве, и теперь все совершается у нее с разбегу, само собой, с легкостью вытекающего следствия [12, 293]. И ранее в романе: *Какая-то сила несла ее, словно она шагала по воздуху, гордая, воодушевляющая сила* [12, 51].

Следовательно, *бежать от*, бежать от таких «шагов по воздуху» для Пастернака возможно только в одном направлении — «поверх барьеров», подчиняясь инерции заданного «одухотворяющего» движения, бежать «преображаясь».

Возможность нового «преображения» и открывает книга «Второе рождение» («ВР»), в которой рождается формула «Опять бежать?» со знаком вопроса. В этом смысле значима последовательность стихотворений в книге, в которых задается энергия «бега». Впервые глагол «бега» появляется в открывающем книгу стихотворении «Волны», в котором «бег» связан с заглавной метафорой «волн» и дан в отраженной проекции по отношению к предшествующей жизни и творчеству: *Ко мне бегут мои поступки, / Испытанного гребешки / <...> / Но все их сменю одето, / Как пеные моря пеной волн*¹. Второй раз метафора «бега» появляется тоже в «Волнах»; она приписана лесу, и этот «бег» подобен развитию текста книги: *Зовите это как хотите, / Но все кругом одевший лес / Бежал, как повести развитье, / И сознвал свой интерес*. Если рассматривать эти строки в контексте всего творчества Пастернака, то они оказываются отраженными по отношению к строкам «СМЖ»: *Разбег тех роц ракетовых, / Куда я письма слал* («Образец»), где «бег» дается с точки зрения внешнего наблюдателя (*стал окидывать*), причем этот «наблюдатель» довольно неопределенный: и «я», и некий природный субъект. В «Волнах» же лес сам является и субъектом «бега», и субъектом «сознания», то есть ассимилирован с лирическим субъектом. Следующий глагол «бежать» появляется в конце стихотворения «Смерть поэта» (*На то и рассуждений ворох, / Чтоб не бежала за края / Большого случая струя*), и по своей комбинаторике он прямо отсылает к «Подражательной» вариации на темы Пушкина и морской стихии: *Он стал спускаться. Дикий чайник / Гремел ковшом, и через край / Бежала пена*. Таким образом, парадигма «бега» связывается с пушкинской темой (на что указывает и заглавие стихотворения) и при этом в ней акцентируется стихийное, неконтролируемое начало «бега» (*через край*). Так замыкается первый круг «бега» в книге «ВР», отражающий уже «испытанное» и кончающийся «Смертью поэта».

Новый же круг волнового «бега» в книге открывает стихотворение «Никого не будет в доме...», где появляется строка *Пробежит вторженья дрожь*; затем вместе с наречием *опять* «бег» входит в стихотворение

¹ Это «волновое» отражение раскрывается в метаописаниях Цветаевой [4, 442—443], которая пишет о Пастернаке: *С той же водой — другая волна. Важно, что волна. Важно, что вернется. Важно, что вернется всегда иному <...> за повторяемостью морских и лирических непредвиденностей, за неизменностью смен и перемен*.

«Опять Шопен не ищет выгод...» (*Опять бежать и спотыкаться, / Как жизни тряский дилижанс?*), и наконец признак «бега» передается стихам в повелительном наклонении: *Стихи мои, бегом, бегом. / Мне в вас нужда, как никогда* (во всех строках в звуковом отношении обращает на себя звук [ж], доминирующий в строках о «вторжении дрожи»), раньше же он был также через глагол *бежать* связан с *преображением*).

Проанализируем в этой связи все стихотворение «Никого не будет в доме...» более подробно. Это стихотворение загадочно, потому что его адресатом «ты» (как, впрочем, и раньше *вы* во «Второй балладе», если б не намеки на «женщин в детстве» и посвящение, которое остается за текстом) может быть некто как мужского, так и женского рода. При этом стихотворение по своему строению четко распадается на две части: до и после строки *Пробежит вторженья дрожь*. В первой его части доминируют слова с отрицательными префиксами и частицами *не-/ни-*, которые интенсифицируют признак 'не/ни' и в словах, в которых эти звуко сочетания встречаются. Ср.:

слова с явным отрицанием

*Никого
не будет
незадернутых
неотпущенной
нежданно*

слова с звуко сочетаниями *не-/ни-*

*зимний
снег
снега
иней
прошлогоднее
унынье
доныне
крестовине*

Одновременно выделяется еще одна группа слов, в которых звуко сочетание *ни-* перевернуто и приобретает благодаря местоимению *иной* колеблющееся значение «инаковости» — 'отличия от прежнего состояния': *один, гардин, иной, неотпущенной виной, крестовине, дровяной, тишину*. Следовательно, в строках, предшествующих *вторженью дрожи* доминирует семантика 'отрицания' и 'неопределенности', и даже 'унынья' на фоне *снега* и *иней* (три слова с этой семантикой открывают стиховые ряды: *никого, незадернутых, неотпущенной*), но при этом все же подготавливается смена этого состояния. Именно поэтому перед противительным союзом *но* и после местоимения *иной* идет строфа, в которой звуко сочетание *и-ни-* составляет акrostих, то же звуко сочетание, связанное с *иной*, — [*ине*]², высвечивают и рифмующиеся концы строк:

² Если следовать логике А.Жолковского, то звуковой комплекс *-Ине-* (часто *-сИне-*) связан у Пастернака с анаграммой ЗИНЕ (З.Н.Нейгауз), и эта связь обнаруживается прежде всего во «Второй балладе», где данное звуко сочетание образует рифму [3, 24]. В данном стихотворении тоже существуют подобные звуковые комплексы, в которых можно «подозревать» анаграмму, особенно с точки зрения фонетической записи (ср., например, *зимний, зимы иной, з(ачертит) иней*); еще более красивой анаграммой можно считать акrostих приводимой нами ниже строфы, если учесть, что [с] произносится здесь как [з]: ср. ИНИЗ. Однако мы не склонны этого делать.

*И опять кольнут доныне
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.*

При этом союз *но*, с одной стороны, прерывает трехкратный анафорический повтор конструкции *И опять*, с другой — вводит слово, где фактически борются два смысла — оператор ‘не’ и ‘ожидание’, из которых побеждает второй: србатывает эффект *Не-задержанных гард-ин* — строки, задающей противопоставление начал и концов и создающей эффект сходящегося занавеса³. В строке *Но неожиданно по портьеру* занавес как бы раскрывается — распадается на две части — смена подготавливается организацией согласных строки: первая ее часть состоит из согласных корня *жда-*, окруженных с двух сторон двумя сонорными «н» (*нн-жд-нн*), вторая часть состоит из взрывных и дрожащих звуков *пртр*. Последние и подготавливают переход к звукописной строке *Пробежит вторженья дрожь*, в звуковом составе которой закодирована семантика глагола *пробежать* ‘быстро, бегом переместиться»; прозвучать, быстро распространяясь — этими звуками, которые бегут, как раз оказываются звуки заглавия книги «ВР»: ср. *вторженья дрожь* / *второе рождение*⁴. При этом, видимо, необходимо вспомнить, что занавеска, портьера у Пастернака всегда является посредником в его диалоге с высшими силами (см. например, [14, 35, 42]). Еще во фрагментах о Реликвимии Пастернак писал, что «одухотворение» входит во все предметы и явления, лишь стоит «потянуть шнур» занавеса, «свивающий с границы неодушевленного» [5, 746]. Это означает, что представления о «занавесе» и «беге» у Пастернака по своим функциям подобны⁵, смежны и взаимозаменяемы: занавес — это материальное воплощение контакта (внешнего и внутреннего), бег — кинетическое, способ касания, передачи энергии, чаще всего с эффектом моментальности действия.

³ Ср. по контрасту строки «Зимней ночи» (1913, 1928): *Никого не ждут. Но — наглухо портьеру*.

⁴ Релевантность этого звукового соотношения доказывается и тем, что в первоначальном варианте стихотворения «Жизни ль мне хотелось слаще?...» также была введена строка с подобным «Второму рождению» звуковым составом: *Будем верить, жить и ждать*.

⁵ Это доказывают, например, ситуации бега «июля с грозой», которые образуют у поэта целую цепочку «преображений», начиная с уже упомянутой «Июльской грозы» 1915 года (*Гроза в воротах! на дворе! / Преображаясь и дуря, / <...> / Она бежит по галерее*) и кончая «Июлем» (1956) последней книги «Когда разгуляется» (*Вбегает в вихре сквозняка / И с занавеской, как танцоршей...*). И в этой цепочке преобразований то появляется, как во «Втором рождении», то прятается в вопросах (*Кто этот баловник-невежа / И этот призрак и двойник?*) двойник поэта, принимающий вид то «стихийного», то «человеческого», то «божественного» субъекта.

Все эти схождения позволяют соединить идею «вторженья дрожи» с появлением «божественного» существа, о чем говорят следующие строки стихотворения:

*Тишину шагами мера,
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.*

Причем первая строка хранит еще признак *ин-*, но звонкое [ж] уже заменяется ономапоэтически на [ш/ш'] и в ней появляются реальные меры движения, проникновения — *шаги*, которые у поэта также связаны с обучением «бегу» и «вторым рождением». Идея «шагов» как перехода к «бегу» рождается у поэта в диалоге с «инстинктом» при переделке стихотворения «Марбург» (1928) книги «Поверх барьеров» («ПБ») («Шагни, и еще раз», — *твердил мне инстинкт* / <...> / «Научишься шагом, а после хоть в бег», — *Твердил он...*) вместе с реальным текстовым стихотворным воплощением идеи «второго рождения»⁶ (*Я мог быть сочтен / Вторично родившимся*). Интересно при этом, что в первой редакции «Марбурга» (1916) также «были занавески» и *Ласка июля плескалась в тюле, / Тюль, поднимаясь, бил в потолок* (см. сноску 5).

При обращении же к более поздним, уже цитированным нами текстам, «шаги» некоего «ты» можно воспринять как вид «одухотворенной легкости и неотягощенного движения на грани полета» (о Скрыбине), или «шаги по воздуху» (о Ларе). Все эти «панхронические» соответствия дают основания оживить в памяти строку о «шагах божества» и воспринять слова о «белых материях» анализируемого нами текста в библейском контексте, контексте «Преображения» (о чем говорится в работе [15, 76—77]).

Обычно Ты в «белых одеждах» соотносят с женщиной, новой любовью поэта (З.Н. Нейгауз-Пастернак), но в этом нет противоречия. Как объяснил Пастернак в романе «Доктор Живаго», для него триединство Бога, Женщины и Личности неделимо: *Какая короткость, какое равенство Бога и жизни, Бога и личности, Бога и женщины!* [12, 408]. Такое же скрепление смыслов, как мы показали, наблюдается и при анализе комбинаторной памяти слов с корнем *бег-* и *шаг-* у Пастернака. Однако как раз в стихотворении «Никого не будет в доме...» обращение к новой любви под сомнением, так как в первой части стихотворения мы сталкиваемся с рамочной конструкцией *Не-отпущенной в-иной* (а в первом варианте сти-

⁶ Параллельно словосочетание «второе рождение» появляется в «Охранной грамоте» в связи со смертью В. Маяковского: *Так это не второе рождение? Так это смерть?* [5, 234].

хотворения с нотным текстом со строкой *Так и нам прощенье выйдет, / Будем верить, жить и ждать*). Если же исследовать комбинаторику «дрожи», то мы неминуемо обратимся к стихотворению, посвященному первой жене Пастернака (Е.В.Лурье-Пастернак), а именно строке *Мне Брамса сыграют, — я вздрогну, я сдамся...*, туда же нас приведет и нотный текст, вставленный в стихотворение «Жизни ль мне хотелось слаще...», а именно музыкальная фраза из Интермеццо Брамса (ор. 117, № 3) непосредственно перед строкой *Никого не будет в доме...* (первоначально это стихотворение открывало во «ВР» цикл из 10 стихотворений и за ним непосредственно следовало «Годами когда-нибудь в зале концертной...»). Само же прощанье с обликом первой жены происходит в слезах⁷.

Следующее появление глагола *бежать* в книге связано с именем Шопена, который, как и Скрябин, *Но окрыляясь на лету, / Один прокладывает выход / Из вероятья в правоту*. Связь «полета» и музыки Шопена задана Пастернаком еще во второй редакции «Баллады» (1928) книги «Поверх барьеров»: *Открылась мне сила такого сцепленья, / Что можно подняться и землю унести*. Сила этого сцепленья открылась поэту очень рано (*лет в шесть*), причем она была связана с «мертвым Шопеном» — именно поэтому в эссе Пастернак пишет, что произведения Шопена — «музыкально изложенные исследования по теории детства и отдельные главы фортепьянного введения к смерти» [5, 406]. Не случайно поэтому в стихотворении «Опять Шопен...» и выводится основная формула «Второго рождения» — *Рождать рыдания, но не плакать, / Не умирать, не умирать?* — в такой же безличной инфинитивной конструкции, с таким же знаком вопроса, как и формула «Опять бежать...?», и с подобной «вторженью дрожи» звуковой параллелью *рождение / рождать рыдания*. Знаменателен здесь и тройной повтор частицы *не*, который обращает нас к открывающей стихотворение заглавной строке «Опять Шопен не ищет выгод...» и местоименному числительному *один*, значимому и в предыдущем тексте, а также имплицитно к словам *рыдание* и *пенье*, в которых как бы эхом отдается это *не*. Не раз отмечалась параллель этих строк о «рыдание» со строками из «СМЖ», где отмечалась связь музыки и слез: *Как*

⁷ Параллельный анализ этого стихотворения и отрывка из послесловия к «Охранной грамоте», посвященного Е.Лурье-Пастернак, показывает, что за обоими текстами стоит закадровый концептуальный оксюморон «улыбки сквозь слезы», который прочитывается благодаря тому, что тексты замыкают один и тот же круг преобразований с разных концов. Прозаический текст начинается с тяжелых воспоминаний и завершается светлым исходом, стихотворный как бы начинается с конца, с приятных воспоминаний, но получает разрешение «в слезах». Склонность Пастернака к слезам, отмечаемая многими исследователями, лучше всего обнажается в «Повести», где о главном герое говорится: *Он либо плакал, либо смеялся, и этого нельзя было еще решить. <...> Он плакал так, точно прорвало не его, а их. <...> Словно слезы эти должны были иметь влияние на дальнейший ход житейских вещей* [5, 129]. См. об этом подробно [1, 249—252].

музыка: века в слезах, / А песнь не смеет плакать, / Тряслась, не прорываясь в ах! — / Коралловая мякоть. Однако не все обращали внимание на то, эта «пенье» связано с «тряской» и «дрождью». Ср. также в книге «Темы и вариации»: Он *трясется*, лицо *обхватив*. / *Вихрь догадок родит в биографе* / Этот мертвый, как мел, *мотив*. Именно поэтому строки *Опять бежать и спотыкаться*, / *Как жизни тряский дилижанс?* становятся параллельными строкам о «рождении рыдания», и «интенсификация колеблющихся признаков» (Ю.Н.Тынянов) происходит за счет звукописной «дрожи» звука [ж].

Неудивительно поэтому, что когда С.Волков [16, 270] задал вопрос И.Бродскому о рождении стиха, то тот заговорил о Пастернаке и Мандельштаме, также используя метафору «бега»: «когда они натываются на деталь или на метафору, то ее, как правило, разворачивают. Как розу. В их творчестве ты все время ощущаешь *центробежную силу*. Которая присутствует в стихотворении, когда оно как бы *само себя разгоняет*» [курсив мой. — Н.Ф.].

Эти строки Бродского логически приводят нас к стихотворению Пастернака «Стихи мои, бегом, бегом...» (посвященное первой жене), которое замыкает на этот раз круг «вторженья». По своей строфической и тематической структуре этот текст явно распадается на две части: и в открывающей его части, которая заканчивается словами ... *я люблю*, как бы в противовес стихотворению «Никого не будет в доме...» возникает тема ударного «да» (*Мне в вас нужда, как никогда, Где дней порвалась череда; Есть дом, где хлеб как лебеда, / Есть дом, — так вот бегом туда*), «дома» (3 раза повторяется *есть дом*) и явного ожидания (*есть дом, Где <...> ждут*). Причем эта неопределенно-личная форма *ждут* (с ударным глагольным окончанием 3 РІ -*ут* /мягкий вариант -*ют*) становится центром звуковой иррадиации:

нужда - уют - труд - думают - ждут - пьют - воду - полудрем - туда - радугой

Лабializedованное [у] становится ведущей гласной первых трех строф и постепенно благодаря строке *Полубессонниц, полудрем* все плотнее соединяется с [л]. Подобную же по структуре строку обнаруживаем в открывающем стихотворении «Жизни ль мне хотелось слаще?...» четверостишии: *я хотел / Только вырваться из чащи / Полуснов и полудел*. В этих же строках обнаруживается параллельная тема, связанная с глаголом *рваться*, однако в анализируемом нами стихотворении она дана в другой проекции: *есть дом, / Где дней порвалась череда*. Если в первом случае тема «вырваться» активно связана с волей лирического субъекта, то во втором *череда дней* (параллельная по семантике *чаще полуснов и полудел*) «рвется» без вмешательства субъекта: бессубъектность создается дислокацией и инверсией глагола, который оказывается между соподчиненных слов группы грамматического субъекта, «разрывая» мерное течение слов

и единство ряда: *Где-дней порвалась че-ре-да*. Однако во второй строфе благодаря конечным и внутренним рифмам разрыв снимается: *бром / полудрем / дом / дом / бегом* — группа же наречий *бегом туда* как бы указывают путь самим стихам, поскольку именно к ним обращена энергия «бега».

При разлуке, как точно отмечает Р.Барт во «Фрагментах речи влюбленного», «другой отсутствует как референт, присутствует как адресат. Из этого необыкновенного разрыва рождается какое-то невыносимое настоящее время; я зажат между двумя временами, временем референции и временем адресации — ты уехал (о чем я жалуюсь), ты здесь (поскольку я к тебе адресуюсь)» [17, 316—317]. Таким образом, «бег» стихов сокращает расстояние между настоящим и прошедшим и соединяет «череду дней».

И в третьей строфе появляется снова (как и в «Никого не будет в доме...») зима (*вьюга с улиц*), но она не страшна ни лирическому субъекту, ни стихам, к которым поэт обращается на «вы», поскольку она соединяется с конечными элементами *-лю*, которые, распространяясь по тексту, проходят путь от *с улиц улуюлю до я люблю*. При этом стихи «передвигаются» не только *бегом*, или иницируясь субъектом (*я вас шлю*), но и *вестью*, и *сном*, т.е. вне зависимости от «я», подобно «радуге».

Так, признак быстроты «бега» присваивается Пастернаком самим стихам как самой «непосредственной форме выражения». Об этом он пишет в своем более позднем эссе «Поэтический стиль Шекспира»: «Стихи были наиболее *быстрой* и непосредственной формой выражения Шекспира. Он к ним *прибегал* как к средству *наискорейшей* записи мыслей» [курсив мой. — *Н.Ф.*] [5, 414]. То же можно сказать и о стихах самого Пастернака. Поэтому не случайно, что М.Цветаева воспринимала все творчество Пастернака как «бег по кругу, но круг — *мир (вселенная)*» [3, 302]. Подобный «бег» позволяет Пастернаку одновременно показать все мирозданье и как «*волшебный мир всеобщих соответствий*», и как «*беглый очерк чувства*» (определения Пастернака [3, 529, 338]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фатеева Н.А.* Семантические преобразования в поэзии и прозе одного автора и в системе поэтического языка // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995.
2. *Фатеева Н.А.* Картина мира и эволюция поэтического идиостиля Бориса Пастернака // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыт описания идиостилей. М.: Наследие, 1995.
3. Переписка Бориса Пастернака. М., 1990.
4. *Цветаева М.* Проза. М., 1986.
5. *Пастернак Б.Л.* Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 4. М., 1991.

6. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М., 1990.
7. O'Connor K. Elena, Helen of Troy and the Eternal Feminine. Epigraphs and intertextuality // Boris Pasternak and his times. Selected papers from the second international symposium on Pasternak. Berkeley, 1989.
8. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924.
9. Zsolt M. Зеркало как метафора познания: (Анализ стихотворения Б.Пастернака «Зеркало») // Пушкин и Пастернак. Материалы Второго Пушкинского Коллоквиума. Будапешт, 1990.
10. Ямпольский М. Демон и Лабиринт (Диаграммы, деформации, мимесис). Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. VII. М., 1996.
11. Werner H. Comparative Psychology of Mental Development. New York: International Universities Press, 1948.
12. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 3. М., 1990.
13. Жолковский А.К. Баллада самообладания. Смысл и стих в нейгаузовской «Балладе» Пастернака // Die Welt der Slaven XLIV. 1—26, 1999.
14. Жолковский А.К. К описанию смысла связного текста. V. Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 61. М., 1974.
15. Смирнов И.П. Роман тайн «Доктор Живаго». М.: Новое литературное обозрение, 1996.
16. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998.
17. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad marginem, 1999.

С. В. Шешунова

ДВИЖЕНИЕ ОГНЕННОГО КОЛЕСА
(А.И.СОЛЖЕНИЦЫН И ДЖ.Р.Р.ТОЛКИЕН)

Речь пойдет в основном о двух эпосах: сказочном эпосе Толкиена «Властелин Колец» и тетралогии Солженицына «Красное колесо». Несходство этих художественных миров (жанровое, стилистическое и т.д.) бросается в глаза. Возможно ли говорить о точках пересечения между ними, об их внутренней близости? Попробуем ответить на этот вопрос, рассмотревшись к движению огненного колеса.

У обоих авторов этот образ — центральный; у Толкиена — на уровне сюжета, у Солженицына — на уровне композиции. Это ведущий лейтмотив его повествования о Февральской революции. Закономерно, что образ колеса дал название всему произведению. Во всех романах эпопеи он появляется по одному и тому же принципу: некий предмет (печать на письме, крест на косынке сестры милосердия, шелковая розочка и т.д.) начинает медленно поворачиваться; затем вращение ускоряется и предмет превращается в красное или огненное колесо. Например, экран показывает горящую мельницу, крылья которой начинают

«...медленно кружиться! Без ветра, что за чудо?»

Странным обращением движутся красно-золотистые радиусы из одних ребер — как катится по воздуху огненное колесо» [9, т. 1, 260].

У Толкиена в огненное колесо превращается единственный предмет, зато это главный предмет в повествовании. Хотя эпос и назван «Властелин Колец» («The Lord of the Rings»), ведущую роль в сюжете играет одно кольцо — кольцо всевластья, которое Фродо несет на груди в Мордор. В начале повествования оно выглядит как обыкновенное золотое колечко, но перед развязкой Сэм на несколько секунд видит скромного Фродо «другим зрением» — как властелина с огненным колесом на груди: «...stern, untouchable now by pity, a figure robed in white, but at its breast it held a wheel of fire. Out of the fire there spoke a commanding voice» [15, 922]. Сам же Фродо в конце пути ощущает своё кольцо колесом постоянно. Он жалуется Сэму: «I begin to see it in my mind all the time, like a great wheel of fire. (...) I am naked in the dark, Sam, and there is no veil between me and the wheel of fire» [15, 898, 916]. Выражение «огненное колесо» (a wheel of fire) возникает в эпосе Толкиена трижды, и все три раза — в одной и той же, кульминационной главе.

Итак, в огненное колесо превращаются обыденные по своей видимости предметы. Все эти предметы способны двигаться самостоятельно. Неживое ведет себя как живое. Это ненормально и потому жутко. У Толкиена кольцо постоянно характеризуется как действующее лицо. «Оно слишком долго за тебя

держалось. Дай ему уйти!» — уже в первой главе говорит о нем Гэндальф, обращаясь к Бильбо [12, 40]. Кольцо «ушло», «пришло», «случайно скользнуло на палец. Это еще вопрос: случайно ли? Уж не решило ли оно показаться кому-то, чья воля ощущалась здесь, в зале?» [12, 170]. Глагол скользнуть передает коварство движений кольца (у этого кольца поистине скользкий нрав). Интересен в этой связи контекст слова «скольжение» у Солженицына: Самсонову подносят «стройный план скользящего щита — и в нем тоже было круговращение, повторявшее вращение неба». Самсонов доверчиво «ищет опору в этом вращении» [9, т. 1, 377], приводит тем самым армию к катастрофе и от горя кончает с собой. Коварство колеса, таящаяся в его движении опасность выявляются и во внутреннем монологе Ленина: «Как бы ты ни был насторожен, предусмотрителен, недоверчив — убаюкивает проклятая безмятежность (...). ...не рассмотрев, ты, как к стенке, прислоняешься к массивной чугунной опоре — а она вдруг сдвигается, а она оказывается большим красным колесом паровоза (...) — и уже тебе закручивает спину — туда! Под колесо!! И, барахтаясь головой у рельсов, ты поздно успеваешь сообразить, как по-новому подкралась глупая опасность» [9, т. 1, 207]. У Толкиена Гэндальф призывает Фродо остерегаться кольца: «*It may slip off treacherously...*» [15, 54]. В русском переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого оттенок предательского скольжения пропадает: «Кольцо может покинуть владельца, переменить его» [12, 64]. Сильнее, чем в переводе, и активность кольца. Достаточно сравнить фразы «*Кольцо хочет вернуться к своему прежнему хозяину*» [12, 64] и «*The Ring was trying to get back to its master*» [15, 54]; в оригинале кольцо не просто испытывает желание, а действует. Казалось бы, у Толкиена самостоятельность движения предмета объясняется его волшебностью. Но это лишь на первый взгляд; в эпосе есть и другие магические кольца, например, кольцо Галадриэли, которое никуда не уходит и не скользит (и закономерно, что по ходу действия оно оборачивается не огненным колесом, а звездой).

А у Солженицына вращение колеса вообще, как правило, необъяснимо, и эта непонятность, наряду с аномальной самостоятельностью, усиливает ощущение жути. Например, в романе «Август Четырнадцатого» при паническом ночном бегстве от лазаретной линейки на ходу отскочило колесо —

*«...и само! обгоняя! покатило вперед!
колесо!! всё больше почему-то делается,
Оно всё больше!!
Оно во весь экран!!!
КОЛЕСО! — катится, озаренное пожаром!
самостийное!
неудержимое!
всё давящее!*

Безумная, надрывная ружейная пальба! пулемётная! пушечные выстрелы!!

Катится колесо, окрашенное пожаром!

Радостным пожаром!!

Багряное колесо!!

И — лица маленьких, испуганных людей: почему оно катится само? почему такое большое?» [9, т. 1, 318].

В «Марте Семнадцатого», тоже в экранной главе, красный крест, знак «всемирного милосердия», вдруг перекашивается —

«будто сдвинут, свёрнут по оси.

Заметней.

Еще заметней.

Да он медленно кружится вокруг своего центра. (...)

Вот снова выравнился —

и тут же ушёл. (...)

Заведенный не своей силой — он

кружится — и всё быстрее.

(...) уже не крест, и не милосердия (...).

Рябит — и сливается! —

в красное колесо» [9, т. 7, 389—390].

Даже в том случае, когда колесо запускают люди (эпизод в ресторане Кюба), оно всё равно ведет себя по-своему, не согласуясь с их намерениями: вертящийся национальный флаг, созданный из бенгальских огней, превращается в красное колесо вопреки воле пиротехников [9, т. 4, 19—20].

В нормальной жизни человек заводит колесо по своей воле. Таково колесо в романе «Раковый корпус» — метафора нарастающего взаимного влечения Олега и Зои: *«Как велосипед, как колесо, раз покатавшись, устойчивы только в движении, а без движения валятся, так и игра между мужчиной и женщиной, раз начавшись, способна существовать только в развитии (...). Весёлое расцвеченное колесо их игры должно было прокатиться дальше, чем в первый вечер и в воскресенье днем. Все толчки к этому качению он ощущал в себе и предвидел в ней...»* [10, 20]. Колесо катится усилиями участников любовной игры и по их воле, поэтому оно «веселое расцвеченное». Огненное колесо людям не подчиняется. Они чувствуют на себе его касание, но не управляют его ходом. Так обстоит дело уже в том романе Солженицына, где оно появляется впервые — «В круге первом». Рубин в присутствии гзбэшников слушает запись рокового разговора Володина. Повествователь комментирует: *«Все молчали. Все чувствовали на себе касание огненного колеса»* [8, 68]. Это и колесо власти (от расшифровки зависит карьера многих людей), и колесо судьбы, причем судьбы не только отдельных персонажей, но и всей страны, и всего человечества, поскольку речь идет о краже секрета атомной бомбы. Кто крутит огненное колесо? В «Красном колесе» много раз подчеркивается, что оно движется не по воле человека, но и «не своей волей». А чьей? Волей некоего без-

личного космического закона? Или волей Бога? Волей князя мира сего, то есть сатаны? Ответа нет; есть лишь ощущение жуткой тайны.

Вращение колеса несет в себе нечто пугающее не только потому, что аномально и что источник его непонятен; оно страшно и своей причастностью к теме революции. *«У революции — невыработанная колея. Разбегается сто колея, и не знаешь, в какую ж именно уставить своё колесо, чтобы покатило. Ещё три дня назад Саше Ленартовичу казалось, что он попал в самую огненную — а вот она вяло разливалась в ничто»* [9, т. 8, 180]. Глаголы движения, соединяемые в эпосе с образом колеса, присутствуют и там, где упоминания о собственном колесе нет, но есть тема революции и ее развития. Так, Ленин весной 1917-го думает о своем соглашении с Германией: *«У немцев с одной стороны тянулось, с другой — крутилось и чересчур проворно, верней — одна машина крутила независимо от другой»* [9, т. 8, 364]. Братья Некрасовы заходят в Государственную Думу: *«А в голове, повторяя круженье Таврического, кружилось и своё одурение...»* [9, т. 6, 219]. Генерал Гурко размышляет о предстоящей встрече с министрами Временного правительства: *«От этого или дальше покатится — или всё-таки можно остановить? объяснить им?»* [9, т. 10, 447]. Революция, как и колесо, набирает обороты непонятно какой силой. *«Все удивлялись, — размышляет один из персонажей Солженицына, — что для колоссального переворота никому не пришлось приложить совсем никаких сил. Да, земных»* [9, т. 8, 576]. Тайна колеса у Солженицына есть тайна власти над ходом истории. А этот ход истории совершенно явным образом обретает на страницах эпосеи сатанинский, адский характер. Для сравнения напомним, кто тот хозяин, по чьей воле кольцо соскальзывает с пальца, к которому оно пытается вернуться. Все порядочные существа в эпосе предпочитают называть этого хозяина просто «Враг», избегая упоминать имя собственное — Саурон. В английском языке, точно так же, как в русском, «враг» (the Enemy) — эвфемизм, обозначающий дьявола. По словам С.С.Аверинцева, в лице Саурана Толкиен возрождает забытый образ сатаны как «страшного, унылого и внутренне мертвого космического властолюбца» и тем самым противостоит всем «реабилитациям» этого персонажа в романтической и постромантической литературе [5, т. 2, 414]. Английский автор бросил вызов двухвековой традиции изображать дьявола как привлекательного гордого страдальца, умного и остроумного — так же, как Солженицын бросил вызов привычному одобрению Февральской революции как праздника свободы и показал ее кровавой, бессмысленной и попросту пошлой.

Итак, у обоих писателей в повествовании важен предмет, превращающийся в огненное колесо. Чтобы стать таким колесом, он должен начать двигаться. У Толкиена кольцо становится колесом лишь приближаясь к концу своего пути (в Мордоре его власть все время возрастает, и его свойства проявляются всё более отчетливо). В эпосе Солженицына крас-

ное колесо — не просто движущийся предмет, это предмет, вне движения не существующий.

А вот траектории этого движения в двух эпопеях резко различаются. У Солженицына колесо только в одном случае движется вперед (хотя и это движение бессмысленно) — колесо санитарной повозки; в остальных эпизодах оно кружится, вертится на месте. Превращаясь в колесо, предмет деформируется, подчас уродливо — например, изящная шелковая бутоньерка. Она *«медленно-медленно вращается вокруг оси, как любясь сама собою или давая полюбоваться нам»*. Далее это уже *«красный бант двуконечный»*, который

*«сдвинулся боком, и — сдернулся боком,
нет, это он начал вертеться,
и быстрее, хотя всё различаем бант.*

А в самом вращении он меняется, теряет форму (...)... большой рваный красный лоскут, отхваченный как попало, лохматый как огонь, приколотый где пришлось,

*вокруг точки прикола вращается своими углами, отрывами, лохмами.
Во весь экран
шальное кружение,
и почему-то страшное»* [9, т. 6, 514].

У Толкиена кольцо не крутится на одном месте. Оно или само целенаправленно перемещается, пытаясь вернуться к Владыке Мрака и тем стократно умножить его силу, или его столь же целенаправленно перемещают персонажи (сюжет на том и строится, что его нужно отнести в самое страшное, труднодоступное, попросту сатанинское место и там бросить в жерло вулкана). Именно в этом месте, в этом огне оно когда-то и было создано; оно может быть уничтожено только в той единственной точке пространства, в которой родилось. Так что один круг кольцо у Толкиена всё-таки совершает, но это не вращение. Это путь.

Напомним, что во время пути кольцо не просто становится страшным соблазном, способным превратить честного человека в чудовище (судьба Боромира); само его несение, т.е. физическое продвижение вместе с ним, рисуется как всё более мучительное. Но главный герой не может и не имеет права передать эту ношу другому. Здесь очевидна параллель с несением креста, что не случайно: известен мотив с двумя пересекающимися линиями внутри круга — «колесный крест» [13, 155]. В «Красном колесе» есть фрагмент, во время которого крест превращается в колесо — это красный крест, символ милосердия, на косынке арестованной императрицы (а царская власть, как известно, сама по себе есть особый крест).

Но в отличие от английской эпопеи, в русской не находится персонажа, способного уничтожить огненное колесо, выбросить его из мира — и тем обеспечить восстановление нормальной жизни. У Солженицына, как и у Тол-

киена, многие герои понимают, что это необходимо сделать срочно, в считанные дни, а потом будет поздно и попросту невозможно, произойдет «заковка путей» (последние «узлы» «Красного колеса»). Разница в том, что у Толкиена это удается, а у Солженицына — нет: история, увы, не сказка.

В обеих эпопеях явлена идея неповторимости каждого момента истории. По контрасту, в буддийской картине мира символический образ колеса связан как раз с цикличностью, с повторяемостью событий. Колесо Бытия несет человека от одного воплощения к другому в непрерывных циклах, а его неподвижным центром является Будда. В даосизме ось колеса также является символом мудреца, который достиг неподвижного средоточия изменяющегося мира [13, 156]. Но Солженицын и Толкиен — до мозга костей европейцы, у них всё наоборот. Всё неповторимо. Если ты упускаешь миг, данный тебе для выполнения своего дела и своего долга, его не восполнить уже ничем и никогда. В мире обоих авторов нет незыблемости; он хрупок, он уязвим, он может быть разрушен — одним словом, его надо спасать.

Впервые вертящееся колесо возникает в эпопее Солженицына как зловещая и величественная горящая мельница, в последний раз — как жалкое резиновое колечко, которое рассеянно крутит на карандаше участник одного из бесчисленных заседаний. Тем самым от «Августа Четырнадцатого» до «Апреля Семнадцатого» образ последовательно снижается, приземляется. Этот нисходящий образный строй отражает в повествовании общую деградацию страны. Ж.Нива назвал «Красное колесо» «поэмой о потере добродетелей», на которых зиждется мир: справедливости, благоразумия, воздержания и мужества. «Нарушено всякое равновесие, — пишет исследователь. — Помрачение разумом заволакивает Россию, замыкает все пути в будущее» [6, 292, 295]. Для сравнения напомним, насколько значим у Толкиена устойчивый мотив мрака, постепенно заволакивающего мир. Что касается Солженицына, то у него для связи вертящихся предметов с идеей помрачения, разрушения жизни есть основания в значениях глаголов, производных от *колеса*. Обратимся к столь любимому Солженицыным В.И.Далю: *колесить* означает не только «делать объезд, ездить околицей», но и «плутать, блуждать», а *говорить околесицу* — «пространно пустословить, говорить чепуху». *Доколесились. Опять заколесил (загородил). Камешек подколесил, завяз под колесом*. В приведенных примерах, взятых из словарной статьи В.И.Даля «Колесо» [4], очевидно неодобрение, оценка действия как неудачного или бессмысленного. Насколько это соотносимо с «Красным колесом», очевидно: во-первых, страна заблудилась, потеряла путь (*заколесила*); во-вторых, один из главных объектов авторской иронии — бесконечная пустопорожняя болтовня политиков, в том числе лидеров Думы (они, главным образом, *несут околесицу*). Уместно в связи с эпопеей Солженицына вспомнить и глагол *колесовать* — «предавать мучительной смерти, ломая кости колесом». Ав-

тор показывает, как Россия именно *колесуется* — точнее не скажешь. Словом, «Красное колесо» объясняет, как мы *доколесились* до ГУЛАГа.

Образ вертящегося колеса использовался в произведениях на ту же тему и до Солженицына. А.Аверченко в рассказе «Чертовое колесо» (цикл «Дюжина ножей в спину революции», 1921) перечисляет аттракционы, которыми тешился «русский дурак». *«Но самое замечательное, самое оудоряющее, схожее — это «Чертовое Колесо»! Вот вам февральская революция — начало ее, когда колесо еще не закрутилось... Посередине его, в самом центре стоит самый замечательный «дурак» современности — Александр Керенский...»* Он обещает Милкову и Гучкову: *«Славно закрутим... Ну... все сели? Давай ход!»* [1, 248]. Здесь «Чертовое Колесо» — горизонтально крутящийся круг, на котором пытаются удержаться участники аттракциона. Но «раскрученное колесо» выбрасывает тех, кто на нем сидит, «непреодолимо центробежной силой». Очевидно, что это аллегория, призванная быть средством политической сатиры. Образ колеса соединяется с темой революции и в рассказе И.С.Шмелева «На пенях» (1924). Рассказчик, бывший профессор, в ужасе от происходящего обращается за моральной помощью к английскому коллеге. Тот *«ответил письмом чудесным. О колесе Истории... Колесо вертится! Жертвы, палачи... палачи — жертвы... Он — историк. И часто он краснеет, что колесо так вертится»* [14, 253]. В финале тот же образ возникает в речи самого рассказчика: *«... колесо Истории! вертится, а я — краснею!...»* [14, 256]. Тут показательно соседство колеса с красным цветом, однако и здесь, как у Аверченко, образ вполне однозначен и соотносим с колесом Фортуны — распространенной эмблемой жизненных взлетов и падений. Отголоски такого аллегорического решения есть и у Солженицына. Например, Стеков чувствует, как необходимо для его карьеры немедленное заключение мира с Германией. *«А без того — он скользил всё вниз и вниз, и скоро не на чем будет удержаться»*. Через одну фразу как комментарий к этой главе дается пословица: *«НА КОЛЕСЕ СИДИШЬ — ПОД КОЛЕСО ГЛЯДИ»* [9, т. 9, 579].

Но всё же красное колесо в одноименной эпопее — принципиально иной образ. По словам Ж.Нива, мир Солженицына одухотворен, «пневматичен» — его романы отличает «космическое чувство Творения» [7, 78, 94]. И движение колеса у него — это движение космических сфер, а не пошлый аттракцион (хотя и эту пошлость он описывает). Само многообразие предметов, становящихся колесом, есть подтверждение того, что его вращение происходит одновременно в разных жизненных сферах, на разных уровнях бытия. С документальной точностью воссоздаваемые исторические реалии образуют как бы первый план художественного мира, из которого «прорастает» второй образный ряд — более возвышенный и отвлеченный, открывающий иные горизонты. К этому ряду образов относится и колесо. За его вращением угадывается нечто, происходящее в духовных сферах; сдвигается что-то грандиозное в самом мироздании, а вертящиеся колеса — лишь земные воплощения этого сдвига.

Образ колеса как символическая интерпретация небесного, космического движения уходит корнями в самую глубину европейской архаики. Древний обряд скатывания горящих колес с горы в реку известен почти у всех народов Европы, в том числе у русских и англичан [11, 318]. Он приурочен или к весеннему равноденствию, или к летнему солнцестоянию (напомню, что и у Толкиена, и у Солженицына решающие события происходят в марте). По одной распространенной версии, горящее колесо в этом обряде имитирует солнце, которому нужно пройти некий рубеж и уйти [11, 298—299]. По другой, колесо (и заменяющие его в обряде горящие предметы домашнего обихода) символизирует ведьму, которую нужно уничтожить, изгнать из мира [2, 111—112].

У Толкиена сохраняется непосредственно сам сюжетный мотив, восходящий к архаическому обряду — сбрасывание колеса с горы. Прямо перед тем, как кольцо всевластья падает в бездну, его огненность еще раз подчеркивается: «Кольцо сияло, словно действительно было выковано из живого огня» [12, 909]. Вместе с кольцом в бездну падает Голлум (в переводе названный Горлумом) — раб кольца, воплощение предательства и низости. И мир тем самым избавляется от нашествия Врага. У Солженицына огненное колесо также причастно демонизму, но подобного сюжетного хода у него по известным причинам нет.

Зато обе эпопеи в равной степени сохраняют иное архаическое значение огненного колеса — значение власти, причем власти всеобъемлющей. Уже говорилось о том, что у Толкиена кольцо прямо названо кольцом всевластья. У Солженицына Ленин, размышляя о смысле начавшейся войны, решает, что настал его час вершить судьбы мира: «... момент пришел! Крутится тяжелое разгонистое колесо — как красное колесо паровоза, — и надо не потерять его могучего кручения. (...)... какими ремнями от этого колеса, от своего крутящегося сердца, их всех завертеть, но — не как увлекает их сейчас, а — в обратную сторону?» [9, т. 1, 224]. Крымов в разговоре с Воротынцевым замечает о поспешном отречении императора: «Ежели колесо соскочило — значит плохо было насажено» [9, т. 7, 271].

Откуда эта общность связи между колесом и темой власти? В мифологии самых разных народов колесо было атрибутом божества, имеющего всемирную власть [13, 155]. Колесо с шестью спицами, называемое «колесом Юпитера» (или «громовым знаком») — один из самых устойчивых общечеловеческих символов. В архаической культуре он выражает идею не только солнца, но и неба вообще, и повелителя неба, чья власть особенно ощутима в грозе, в ударах молнии и громе, и идею «белого света», всей Вселенной [11, 297, 455]. На русском Севере в деревянной резьбе нередко громовые знаки в форме круга с шестью изогнутыми пламенеющими язычками, как бы передающими вращение шара. Форма этого знака воспроизводит опаснейшую для человека молнию — шаровую [11, 301].

С темой грозы, опасности, суда, возмездия огненное колесо связано очень прочно. В осетинском нартском эпосе описано страшное, всё на своем пути сокрушающее «колесо Балсага»; оно, «охваченное пламенем, несется с неба на землю через леса и долины, обращая в пепел деревья...». Это колесо — небесного происхождения; оно посылается богом солнца Балсагом, чтобы убить героя нартского эпоса, богатыря Сослана [5, т. 1, 665]. Может быть, Солженицын, выросший на Северном Кавказе, был знаком с этим эпосом; может быть, нет. Но что совершенно очевидно могло на него повлиять — так это образ огненного колеса в Ветхом Завете, в книге пророка Иезекииля. Как и в эпосе Солженицына, таинственные страшные колёса появляются там неоднократно: идут, стоят, поднимаются от земли, следуют за херувимами (гл. 1, ст. 15—21). Вслед за тем Израилю дается пророчество: «Третья часть у тебя умрет от язвы и погибнет от голода среди тебя; третья часть падет от меча в окрестностях твоих; а третья часть развею по всем ветрам (...); и будешь посмеянием и поруганием, примером и ужасом у народов, которые вокруг тебя...» (гл. 5, ст. 12, 15). Голос Бога далее говорит: «О, Город, проливающий кровь среди себя (...)! Кровью, которую ты пролил, ты сделал себя виновным...» (гл. 22, ст. 3—4). «Искал Я у них человека, который поставил бы стену и стал бы предо Мною в проломе за сию Землю, чтобы Я не погубил ее — но не нашел!» (гл. 22, ст. 30). «И попустил им учреждения недобрые и постановления, от которых они не могли быть живы» (гл. 20, ст. 25). Параллели с эпосеями Солженицына более чем очевидны: «Красное колесо» повествует не только о «потере добродетелей», но и о возникновении «недобрых учреждений». «Обращаясь к древнему библейскому символу колеса, — утверждает Жорж Нива, — Солженицын выводит на Страшный Суд Россию века сего. В старинной византийской базилике в Торчелло, на венецианской лагуне, где сохраняются самые первые христианские мозаики, под Христом-Вседержителем, над ангелами, взвешивающими души, — красное колесо...» [7, 151]. «В «Красном колесе», — вторит отечественный исследователь Л.Е.Герасимова, — показан «человек, гонимый политическим и идеологическим ветром эпохи, и тот же человек перед таинством мира и неизбежностью Суда» [3, 141]. С темой Страшного Суда связан и путь кольца у Толкиена. Эта тема звучит в названии горы, где Фродо должен уничтожить кольцо: Mount Doom. Doom — многозначное слово: рок, судьба, гибель, приговор, осуждение. В переводе Н.Григорьевой и В.Грушецкого Mount Doom — «Роковая гора» и «Огненная гора». Но в английском есть дополнительный оттенок, поскольку существует идиома the Day of Doom — день Страшного Суда. Фродо должен бросить сатанинское кольцо в Crack of Doom, что переведено как «Роковая щель». Однако Crack of Doom — тоже идиома, обозначающая трубный глас, которым открывается Страшный Суд. Получается, что без перевода английский и русский писатели ближе друг к другу!

Главное же, в обеих эпосах образ колеса напрямую связан с самым ядром содержания — с проблемой свободного нравственного выбора, с темой

власти и роли личности в истории. Интерпретация этих проблем у Солженицына и Толкиена родственна. У одного изображается мир сказочный, у другого — конкретно-исторический, но оба показывают мир в решающий момент исторического перелома, когда в считанные дни завершается одна эпоха и определяется лицо другой. Судьба вселенной зависит от того, насколько трезвыми и ответственными будут в эти дни и полководец, и садовник, и наследник династии, и владелец уютной усадьбы, всегда сторонившийся великих дел. Каждый персонаж оказывается предоставленным самому себе; каждый вынужден поступать по своему собственному разумению, каждый становится действующим лицом истории, в которой важен каждый личный выбор. И выбор этот проходит под знаком кольца всевластья — огненного колеса. Сказанное в равной степени относится к обоим эпопеям. Глубина различий между мифологическим миром Толкиена и повествованием Солженицына, выросшим из тысяч подлинных документов, эту общность лишь подчеркивает. Причина тому, думается — глубочайшая укорененность этих писателей в традиционных культурах их стран. Их корни соприкасаются на той глубине, на которой европейская культура едина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверченко А.Т.* Записки Простодушного. М., 1992.
2. *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Мотив «уничтожения-проводов нечистой силы» в восточнославянском купальском обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
3. *Герасимова Л.Е.* Двучастные рассказы А.И.Солженицына // Постигая прошлое и настоящее. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1997, вып. 6.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. СПб., 1996, т. 2, с. 137.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. М., 1991.
6. *Нива Ж.* Поэма о «разброде добродетелей» // Континент, 1993, № 5.
7. *Нива Ж.* Солженицын. М., 1992.
8. *Солженицын А.И.* В круге первом // Новый мир, 1990, № 2.
9. *Солженицын А.И.* Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах. В 10-ти т. М., 1993—1997.
10. *Солженицын А.И.* Раковый корпус // Новый мир, 1990, № 7.
11. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1994.
12. *Толкиен Дж.Р.Р.* Властелин Колец / Пер. с англ. Н.Григорьевой, В.Грушецкого. Л., 1991.
13. *Тресиддер Дж.* Словарь символов / Пер. с англ. С.Палько. М., 1999.
14. *Шмелев И.С.* Собр. соч. В 5-ти т. М., 1998, т. 2.
15. *Tolkien J.R.R.* The Lord of the Rings. Glasgow, 1995.

Таня Аништатт

СТРЕМЛЕНИЕ К ЛУЧШЕМУ: СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ДВИЖЕНИЯ КАК БАЗА ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ

Введение¹

Значение движения является интересным предметом исследования не только как результат, но и как исходный пункт семантического развития, которое в свою очередь может пролить новый свет на понятие движения. Интересный пример — развитие выражений оценки, которые так часто происходят из слов со значением движения, что даже можно говорить о системной связи поля движения с полем оценки. Эта связь отражается как на синхронном, так и на диахронном уровне и осуществляется в разных типах исходных и конечных значений. Выражение *стремление к лучшему* ярко демонстрирует различные аспекты данного феномена. Слово *стремление* имеет два значения: первое — ‘быстрое движение куда-л.’, а второе — ‘настойчивое влечение; намерение, желание’². Связь между движением в каком-л. направлении, с одной стороны, и влечением к чему-л., с другой, здесь проявляется на уровне синхронной многозначности, т.е. эти значения в сегодняшнем языке связаны одно с другим. Во втором слове заглавия связь с движением существует только на диахронном уровне. Этимологически слово *лучший* связано с общеславянским глаголом **лучити* в значении ‘бросать, попадать в цель’, и *лучший* первоначально обозначало ‘точнее, лучше попадающий в цель’³.

Цель данной статьи — во-первых, показать частоту развития ‘движение’ > ‘оценка’. Приводятся разные слова, прежде всего из русского, польского и немецкого языков, у которых названный процесс наблюдается или на синхронном, или на диахронном уровне. Во-вторых, предлагается семантическая классификация, т.е. анализ материала и его группировка в разные подтипы. Таким образом должно выясниться, по каким путям может идти развитие и какие элементы при этом важны. Тогда станет ясно, что перед нами пути лексикализации, по которым развитие идет регулярно.

При этом под оценкой понимаются не только значения чистой оценки, как у слова *хорошо*, но и относительные оценки, связанные с другим элементом значения, как, напр., *ловкий*⁴.

Мы исходим из того, что как в полисемии, так и в этимологии отражаются одни и те же принципы, базирующиеся на человеческом восприятии мира. Интересно при этом систематическое использование конкретного опыта для выражения более абстрактных концептов⁵.

Именно поле движения не раз описывалось как образующее структуру более абстрактного мышления, ср. разные концепции когнитивной семантики⁶. Что касается оценки, то ее отношение с вертикальным движением описано Лакоффом и Джонсоном через модель «доброе — наверху, плохое — внизу»⁷. В когнитивной семантике схема горизонтального движения «источник — путь — конечный пункт»⁸ рассматривается как база множества метафор, в том числе и выражения намерения⁹. Хотя для более подробного семантического анализа в этой модели слишком мало элементов, важна мысль, что вообще такое развитие можно описать одной моделью, а не сотнями отдельных объяснений, как это часто бывает в традиционных этимологических словарях¹⁰.

Процесс развития значения движения к значению оценки, о котором здесь идет речь, прежде всего касается слов со значением целенаправленного движения, при помощи которого достигается близость движущегося человека или предмета к тому предмету, который образует цель. Поэтому в качестве наивысшей модели предлагается оценка близости как чего-то хорошего. Онтологические причины положительности близости разные: то, чему я разрешаю близость, приятно или полезно для меня; к близким вещам я могу прикоснуться своими руками и распоряжаться ими; движение с результатом большой близости имеет оптимальный эффект и т.д. Слова отрицательной оценки иногда отражают оборотную сторону этой модели: неприятные вещи должны быть далекими от меня; ср., напр., *бросовый*.

Элементы анализа

При анализе развития 'движение' > 'оценка' надо принять во внимание три аспекта: во-первых свойства исходного значения движения, во-вторых, свойства нового значения, возникшего в результате данного семантического процесса, т.е. разные виды оценки; в-третьих, связь между исходным и конечным значениями, т.е. *tertium comparationis*, или третье сравнения. В ней отражается момент перехода от поля движения к полю оценки, она является реконструируемым шагом в семантическом развитии, которым описывается, что при переходе находится в фокусе.

Важными элементами движения являются его участники, которые здесь описываются при помощи семантических падежей¹¹. В данном контексте нужны следующие падежи: агентив (тот, кто добровольно каузирует движение), объектив (носитель перемены или состояния), инструмент

(использован агентивом при каузации события) и локатив (пункт в пространстве, к которому относится позиция или перемена ситуации другого участника). Тот участник ситуации, который движется, называется темой¹². При помощи этих элементов можно выделить следующие типы движения¹³ (в скобках даны глаголы, которые как прототипы представляют данную группу¹⁴):

А. Тема ≠ Агентив

1.1. +Агентив (*бросать*)

1.2. –Агентив (*падать*)

Б. Тема = Агентив

2. Движение к локативу (*идти*)

3. Движение к объективу:

3.1. Движение агента (*ловить*)

3.2. Движение части агента (*хватать*)

В группе А тема (т.е. то, что движется) не совпадает с агентивом. Здесь дано два разных типа, которые семантически очень близки друг с другом. В первом (подтип 1.1) агентив каузирует движение инструмента или объектива, как напр. в действии бросания. Во втором подтипе (1.2), агентив вообще отсутствует; типичный пример — *падать*. В обоих случаях результат тот же: интенсивный и тесный контакт вследствие очень быстрого движения.

В группе Б тема совпадает с агентивом. Тип 2 состоит из глаголов, выражающих движение агента к локативу. Результат движения — близость агента к чему-то.

В типе 3 цель движения агента не локатив, а объектив. В подтипе 3.1 агентив в целом движется к объективу (напр., *ловить*), в подтипе 3.2 агентив движет только руку или другой инструмент (ср. *хватать*). Агентив в результате движения имеет объектив при себе.

Агентивность при семантической перемене часто теряется, но все же для характеристики исходного представления она играет важную роль.

Соотнося три элемента, можно сформулировать модели развития, которые должны изображать найденные типичные пути развития 'движение' > 'оценка'. В моделях на первом месте дается тип или типы движения (для наглядности с глаголом-примером как типичным представителем этого типа), от которого можно производить данное значение оценки. Само это значение оценки дано в конце. Между этими двумя элементами в прямых скобках дано третье сравнения, то, что находится в фокусе и делает возможным шаг к новому значению оценки.

Модели развития 'движение' > 'оценка'

1. Модель: 'движение типов 1.1 (бросать), 2 (идти), 3.1 (ловить), 3.2 (хватать)' [агентивное движение, объект или цель имплицитно оцениваются как позитивные] > 'желать'

Как первый вид оценки надо назвать произведение значения 'желать' от глаголов со значением движения. При этом объект или цель оцениваются косвенно. На уровне движения перед нами находятся разные типы с общим элементом 'агентив движет себя или вспомогательное средство в одном направлении, чтобы быть близким к объекту или цели'. Так как приближение добровольно, можно сделать заключение, что агентив оценивает близость к предмету как желательную и поэтому сам предмет для него положителен. Из сферы движения эта модель переносится на общую сферу человеческого поведения; главный момент при этом — агентивность. Рассмотрим несколько примеров этой модели:

К типу движения 1.1 можно отнести развитие глагола *целить*, для которого МАС дает значения: 'направлять выстрел, бросок, удар в цель; направлять свои действия на какую-л. цель, стремиться занять какое-л. положение, должность и т.п.'. Прямое значение является подготовительной фазой действия бросания, а переносное значение относится к стремлениям, желаниям. При переходе от прямого к переносному значению в фокусе находится тот факт, что некий агентив при помощи какого-л. инструмента добровольно стремится к попаданию в какую-л. цель.

Движение типа 2 плюс добавочный компонент 'быстро' является исходным пунктом гнезда слов *стремить*, *стремиться* 'спешить; желать', *стремление* 'быстрое движение; желание' как и *устремление*, *устремлять*. В немецком языке по этому образцу функционирует *streben* 'спешить; желать', в польском *dążyć* 'спешить; желать', *dążenie* 'быстрое движение; желание'. Развитие всех этих слов одинаковое: всегда первое значение — 'быстро двигаться, направляться куда-л.', а производное — 'испытывать тяготение, влечение к кому-, чему-л., стараться достичь чего-л., настойчиво добиваться чего-л.'. Опять третьи сравнения состоит в том, что движение агентивное, хотя в отличие от типа 1.1, темой является не объект, а сам агентив.

На типе 3.1 базируется развитие глаголов *ловить* 'охотиться; стараться догнать', *гнаться* 'преследовать кого-, что-л.; стремиться'. Значения глагола *тянуться* 'протягивать руку к кому-, чему-л.; стремиться куда-л., желать быть где-л.'¹⁵ образован по типу 3.2. В диахронном плане сюда относится, с одной стороны, немецкое *verlangen* 'желать', производное от *langen* 'хватать, протягивать руку'. С другой стороны, к этой модели с типом движения 3.2 принадлежит и русский глагол *хотеть*, который являет-

ся производным от корня *хвот-¹⁶ и этимологически связан с глаголом *хватать* 'схватывать, брать в руки'¹⁷.

На этом фоне можно интерпретировать спорное развитие *охота* 'желание' > 'преследование зверя' как развитие в обратном направлении. Так как эти представления тесно связаны друг с другом, и обратный путь кажется вполне объяснимым: движение мыслей или желания переносится к реальному движению¹⁸. Интересной параллелью слова *охота* является славянское *мысливьць* 'охотник', производное через прилагательное *мысливь*¹⁹ от глагола *мыслити*²⁰. Этот глагол в славянских языках обозначает не только 'думать', но и 'желать, намереваться, стараться'²¹ и относится к индоевропейскому корню **mēudh-* 'стремиться к чему-л., страстно желать'.

Интересны в контексте этой модели и некоторые примеры развития, где объект косвенно характеризуется как отрицательный, нежелаемый. Они базируются на модели, противоположной к вышеуказанной общей — в отличие от хороших вещей, которые должны быть близкими, плохие должны быть далекими. Так имплицитно плохая оценка объекта имеется у русского глагола *гнать*, *прогнать* 'заставить, принудить уйти откуда-л.'. У слова *бросать* 'устранять как ненужное, выбрасывать; уходить от кого-л.; оставлять, покидать' и у производного прилагательного *бросовый* 'никуда не годный, плохой' отрицательное значение стало эксплицитным. Наконец, надо отметить, что и цель сама может служить как выражение желаемого, ср. немецкое *Ziel* и русск. *цель*, *мета*, которые все обозначают 'предмет, место, в которые надо попасть при стрельбе или метании' и 'то, к чему стремятся, чего хотят достичь'.

2. Модель: 'движение типа 2 (*идти*)' [быстрое, беспрепятственное движение к цели] > 'иметь успех'

Слова движения типа 2 (*идти*) с добавочным элементом 'быстро' могут приобретать значение 'удаться, иметь успех'. В фокусе находится момент быстрого, беспрепятственного движения к цели. Интересным примером этой модели является довольно обширная группа индоевропейского корня **spē-*. К ней относятся как славянское *спѣти* 'спешить', так и германское **spōdi-* 'спешить'. Родственные слова других индоевропейских языков²² показывают, что развитие от значения 'быстрое движение' к значению 'успех' имело место уже в индоевропейском языке. В некоторых соответственных славянских лексемах сохраняется эта старая связь: модель и далее была продуктивной, и разные значения не мешали друг другу. Так, напр., древнерусские слова *спѣти* 'спешить; стремиться; преуспевать; способствовать', *спѣхъ* 'поспешность, быстрота; успех, преуспевание, удача, счастье' и *успѣхъ* 'поспешность, движение вперед; польза' обладают еще обеими группами значений.

Однако в современном русском языке эти группы разделились, ср. с одной стороны — *спеть, спелый, успеть, успех* со значением положительной оценки, а с другой стороны — *спешить, спех, спешный, поспешность* и т.д. со значением быстрого движения.

В германских языках эта двойная семантическая структура тоже нашла отражение, ср. глагол, присутствующий в немецких диалектах, в нидерландском и др. языках, **spōden* ‘иметь успех’, а также немецкое *sputen* ‘спешить’.

Другой пример — глагол *достигать/достигнуть* (или *достичь*) ‘дойти, доехать до какого-л. места, предела; получить желаемое’ и, еще ярче, производное существительное *достижение* ‘успех’. Гнездо относится к индоевропейскому корню **steigh-* ‘шагать, спешить’, ср. общеславянский глагол **stignŭti*, *-*stigti* ‘бежать, гнать’²³; в приставочных формах при помощи префикса *до-* выражается движение до конечной точки, до цели. И здесь значение быстрого движения перенесено на сферу положительной оценки. Семантической параллелью является украинский глагол *постигати* ‘зреть’, где тоже отражается достижение желаемого состояния.

К этой группе можно отнести еще употребление глагола *везти/повезти* ‘удаваться’ в конструкциях типа *ему/ей везет/повезло*, имеющий соответствующую форму в польском *wieść / powieść się* ‘удаваться’, к которому относится существительное *powodzenie* ‘счастье’. Однако движение здесь немного отличается от вышеназванных примеров, так как соответствующий глагол является переходным и ему не хватает элемента ‘быстро’.

В немецких глаголах *glatzgehen* ‘удаться’ < ‘идти гладко» и *gelingen* ‘удаться’ < ‘идти легко»²⁴ отражается момент беспрепятственного движения к цели.

На противоположном представлении, т.е. ‘не достичь цели’, базируется отрицательное значение немецкого глагола *schieflgehen* ‘не удаться’ < ‘идти наперекос’.

Так же как в первой модели, и здесь можно привести интересный пример обратного развития, т.е. от положительной оценки к движению: польский глагол *udać się* ‘удаться’ в соответствующих контекстах может выражать движение к цели, ср. *udać się do miasta*, *udać się w podróż* ‘отправиться в город, отправиться в путешествие’. И в этом случае обе части модели — быстрое или беспрепятственное движение и достижение успеха — так тесно связаны друг с другом, что ассоциация способствует как одному, так и другому направлению семантической деривации.

3. Модель: ‘движение 1.2 (падать)’ [неагентивное движение, внезапное столкновение] > ‘счастье/несчастье’

Значение ‘счастье’, с одной стороны, выступает как дальнейшее развитие значения ‘успех’, ср. выше названные др.-русск. *спѣхъ*, польск. *powodzenie*. То есть, перед нами развитие внутри поля положительной оцен-

ки. Развитие 'успех' > 'счастье' можно объяснить как преобразование значения 'положительные обстоятельства, которые сам агентив установил' в значение 'положительные обстоятельства, которые установила какая-л. власть'²⁵

Кроме этого косвенного развития имеется и непосредственное произведение значения 'счастье' из поля движения; в этом случае, правда, чаще встречается значение 'несчастье'. Важными элементами здесь являются неагентивность и внезапность. Оба элемента присутствуют в развитии сербского/хорватского слова *среча* 'счастье' (близким является старославянское *сѣрашѣ* 'встреча, судьба'). Отрицательная оценка, т.е. значение 'несчастье' обнаруживается в русских словах *удар* 'несчастье, неожиданная неприятность' и *напасть* 'беда, несчастье'. И здесь как неагентивность, так и внезапность оказываются в фокусе, хотя в этих случаях и вертикальность движения может играть некую роль.

4. Модель: 'движение 1.2. (падать)' [неагентивное движение, объектив точно попадает в цель] > 'нравиться'

Близка к третьей четвертая модель, по которой производится группа оценки 'нравиться' или 'совпадение с собственным воззрением'. Так, производными от глаголов со значением 'падать' являются следующие слова положительной оценки: русское *совпадать во мнении*²⁶, немецкое *gefallen* 'нравиться' и *beifallen* 'соглашаться' (от этого глагола и произведено существительное *Beifall* 'одобрение') от глагола *fallen* 'падать', польское *przypadać / -paść* во фразеологизмах *przypaść komuś do gustu, do serca, do smaku* 'нравиться, быть по вкусу'. Представление падения доминирует и в английском *to hit* 'ударять', 'соглашаться, совпадать мнением', где *hit* обозначает столкновение как результат падения.

Модель исходит из движения первого, т.е. неагентивного типа, а третье сравнения состоит не только в неагентивности, но и в точном попадании объектива во что-то, так что результатом является оптимальная близость.

5. Модель: 'движение 1.1. (бросать)' [результат движения: точное попадание в цель] > 'хороший, подходящий; правильный'

По этой модели, с одной стороны, образуются слова с самым общим значением в поле положительной оценки 'хорошо' или с его вариантом 'подходящий' (т.е. 'хороший, учитывая данные обстоятельства'; эти два значения практически невозможно отделить друг от друга). С другой стороны, здесь встречаются слова с более специальным оценочным значением 'правильный'. Во всех случаях в фокусе находится точное попадание в цель как результат данного движения, которое оценивается положительно, ибо бросок или удар с таким результатом имеют оптимальный эффект.

Сюда относится упомянутое в начале слово *лучший*, связанное с общеславянским глаголом **лучити* 'бросать, попадать в цель' и первоначально обозначавшее 'точнее, лучше попадающий в цель'. Параллельным к нему развитием является употребление в русских диалектах глагола *мести* в значении 'годиться', которое можно объяснить как деривацию из старого значения 'бросать'²⁷. Дальше по этой модели можно объяснить не только немецкие *treffen* 'попадать; подходить', *trefflich, vortrefflich* 'попадающий в цель; хороший, подходящий', но и польское *trafną* 'попадающий в цель; подходящий'²⁸. Очень похожее развитие обнаруживается у слов с исходным значением 'ударять', ср. нем. *schlagend* 'ударяющий, попадающий в цель; подходящий', *hinhaue* (разг.) 'ударять; подходить', польс. *stosowny* 'подходящий', относящееся к существительному *stos* 'удар'.

К этой группе, пожалуй, можно добавить еще одно слово с пока неясной этимологией — общеславянское **ладъ*, **ладнѣ*²⁹, которое встречается напр. в польском (*ładny* 'красивый, хороший'), а также в русском языке, где оно имеет разные значения из поля положительной оценки³⁰. Довольно обширная группа славянских родственников имеет общий элемент 'подходящий, хороший, красивый, согласный'. Его возможные внеславянские соответствия со значениями 'бросать' и 'гнать'³¹ по словам Трубачева «для раскрытия структуры славянского слова ничего не дают»³². Однако на фоне здесь предлагаемой модели путь развития от какого-л. значения движения — будь то 'бросать' или что-то близкое другое — к значению оценки кажется вполне возможным.

Интересное развитие в обратном направлении представляет собой славянское *годити* 'целить, бросать, попадать в цель' (напр. в русских диалектах или в разных западнославянских языках) от корня **god-* 'подходящий'³³. Опять, как и в других случаях обратного направления, и здесь, видимо, существует теснейшая связь между двумя значениями, так что развитие могло идти и в том, и в другом направлении.

Как специальный подтип оценки, нередко образованный по данной модели, надо выделить слова, которые эксплицитно ссылаются на какую-л. внешнюю норму, т.е. слова с значением 'правильно' или 'неправильно'³⁴. К ним относятся русское *меткий* 'попадающий без промаха в цель' (ср. *меткий удар*), 'правильно и остро схватывающий что-л.' (ср. *меткое сравнение*) и немецкое *treffend, zutreffend* 'правильно' от глагола *treffen* 'попадать в цель'³⁵. Еще чаще в этой связи выступает развитие отрицательной оценки 'промах' > 'ошибка', ср. нем. *Fehler* 'промах; ошибка', *fehlen* 'промахнуться; ошибиться' и *verstoßen* 'промахнуться; нарушить норму'³⁶. На этой модели также базируется развитие слов *ошибка, ошибаться*, производных от славянского корня *шиб-* 'удар'³⁷, где приставка выражает непопадание. Та же самая мотивировка лежит в основе польского *chybić* 'не попасть в цель, не удался' и *chyba* 'ошибка'³⁸, ср. первоначальное значение корня **chub-* 'качать; промахнуться'³⁹.

6. Модель: 'движение 2' (*идти*) [результат движения: большая близость к чему-л.] > 'хороший, подходящий'

Шестая модель близка к пятой по типу оценки, но имеет другой исходный пункт и другой фокус. Опять в конце развития стоит общее положительное значение 'хороший' или его вариант 'подходящий'. Как пятая, так и шестая модель базируется на представлении о возможно большей близости как результате движения, однако речь идет о разных типах близости. Если бросок или удар оканчивается столкновением, то результатом движения типа *идти* является пространственная близость двух предметов или лиц без обязательного прикосновения друг к другу. Как же в этом случае можно объяснить связь между близостью и положительной оценкой?

Для объяснения надо опираться на следующее представление: близкие вещи сходны друг с другом, а то, что сходно, хорошо подходит друг к другу. Ф.Леман, занимаясь семантической связью между близостью и сходством и приводя в качестве примеров предлоги и приставки *под, по, с, при*, польское и чешское *podle* и др.⁴⁰, объясняет связь таким образом, что вещи, оказавшиеся в том же самом временном или пространственном пункте, почти идентичны. Интересно отметить, что и в его примерах часто можно наблюдать дальнейшее семантическое развитие, а именно возникновение значения 'подходящий': напр., у предлога *под* в употреблении *панталоны под фрак* 'панталоны подходящие к фраку', или у предлога *при-* в болг. *приличен*, которое не только означает 'сходный', но также 'подходящий' (ср. и русский *приличный*). Среди прилагательных на связи между значениями 'близкий' и 'подходящий, хороший' еще базируются славянское **lъpъjъ*⁴¹ из первоначального 'прилегающий, липнувший' и нем. прилагательное *füglich* 'подходящий, хороший' от глагола *fügen* 'пригонять, подгонять'. Так как представления близости и сходства оказываются так тесно связанными одно с другим, представляется возможным говорить о регулярной деривации 'близкий' > 'подходящий', причем значение 'подходящий', в свою очередь, почти всегда приводит к значению 'хороший'.

Рассмотрим теперь слова, которые в соответствии с шестой моделью начали свое развитие от движения типа 2 (*идти*). Пожалуй, самым ярким примером является само слово *подходящий*, по происхождению причастная форма глагола *подходить*. Интересно отметить, что у глагола значение 'оказаться соответствующим чему-л., годным' в МАС дается только как шестое, т.е. как менее важное, в то время как у причастия-прилагательного лексикализированным является только значение 'такой, который отвечает каким-л. требованиям, условиям, годный'. Бесприставочный глагол *идти* также располагает значением 'подходить, соответствовать; быть к лицу'⁴²; его можно понять как производное от значения 'приближаться'⁴³. Дальше ср. параллельное развитие в немецком *hinkommen* 'приходить; оказаться соответствующим, подходить' (разг.) и в английском *to go* 'идти; оказываться соответствующим, подходить'. Только в диахронном плане эта связь обнаруживается в словах нем. *passen* 'проходить

мимо; достигать цель' > 'оказаться соответствующим, подходить', *bequiet* 'удобный' к древневерхненемецкому *biquetan* 'приходить'⁴⁴ и в английском *comely* 'красивый' к глаголу *to come* 'приходить'.

Самое новое развитие — русск. *катить/подкатить*, употребляющееся в молодежном жаргоне в значении 'хорошо получаться, быть подходящим'⁴⁵. Новые, разговорные употребления *катить* и *hinkommen* демонстрируют и сегодняшнюю активность этой модели.

7. Модель: 'движение 1.1 (бросать), 2 (идти), 3.1 (ловить), 3.2 (хватать)' [агентив имеет способность двигаться быстро к цели / точно попадать в цель] > 'ловкий'

Производные от слов движения прилагательные иногда обозначают положительную способность человека. При этом исходные слова относятся к разным типам — главную роль здесь играет не род движения, а оценка способности агентива к быстрому движению или достижению цели, и соответственно именно это здесь оказывается в фокусе. Посмотрим примеры по типам исходного движения.

К типу 1.1 'бросать' относится устар. русск. *броский* 'проворный'⁴⁶, украинское *меткий* 'то же'⁴⁷; польское *celować* 'целовать; быть отличником' и производное от него *celujący* 'выдающийся'⁴⁸.

На типе движения 2 'идти' базируется русск. *проворный* 'быстро движущийся; такой, который все делает быстро, ловко, умело', родственное с древним глаголом *варити* 'идти вперед, предварить'⁴⁹. Совершенно параллельно — русск. диал. *стрёмный, стрёмкий, стрёмый* 'прыткий, проворный'⁵⁰ восходящее к глаголу *стремить* 'быстро двигаться'. Интересно, что в современном московском жаргоне молодежи слово *стрёмный* встречается в значении 'очень хороший, приятный, отличный'⁵¹.

К типу 3.1 'ловить' ср. *ловкий* 'обладающий физической сноровкой; хитрый; удобный, ладный' от глагола *ловить* 'стараться схватить'. Это прилагательное в русских диалектах употребляется в самых различных положительных значениях: 'красивый, стройный; хороший, добрый (о человеке); хорошо сделанный', в украинском и в значении 'вкусный'⁵². Первый шаг к оценочному значению ярко отражается в сербскохорватском *lvak* 'способный поймать, ухватить'.

К типу движения 3.2 относится *хитрый*, этимологически связано с общеславянским глаголом *хытити, хытати*⁵³. Его развитие можно интерпретировать как параллельное слову *ловкий*⁵⁴. В русском языке это прилагательное выступает в значениях 'лукавый; искусный', в других славянских языках как 'умный; быстрый' (чеш., серб.-хорв.). У нижнелужицкой формы *chytšy* семантическое развитие дошло до общего значения 'красивый, хороший, добрый; живой, проворный'.

Видно, что практически все агентивные типы движения могут участвовать в этом развитии, которое, в свою очередь, часто приводит к более общим значениям оценки.

8. Модель: 'движение 3.2. (хватать)' [инструмент такой, что он может достигать цель] > 'быть достаточным'

Последнюю подгруппу образует значение 'быть достаточным, удовлетворяющим, подходить по количеству', регулярно образующееся от типа движения 3.2 'хватать'. Ср., напр., полисемию глагола *достать* 'взять что-л. находящееся на расстоянии; оказаться в достаточном количестве, хватить' (и производное прилагательное *достаточный* 'удовлетворяющий, соответствующий'), дальше *хватить* — то же, немецкое *langen* 'схватить, взять'; быть достаточным', *reichen* — то же. Старославянское *гонѣти* 'быть достаточным' — родственное к глаголу *гнати/гонять* и тем самым тоже относится к восьмой модели. В фокусе здесь, очевидно, способность инструмента (т.е. руки или чего-то другого) достичь цель, так как 'быть достаточным' базируется на представлении достижения определенной границы.

Замечание. Не всегда возможно точно определить исходный тип движения, особенно если речь идет о диахронной, этимологической связи, так как значения и в самом поле движения связаны друг с другом. Ср., напр., общеслав. глагол *хытити, хытати*, который в славянских языках встречается в значениях 'хватать, взять; бросать, спешить'. То же самое имеет силу и для поля оценки; здесь одно значение часто приводит к развитию других значений положительной оценки, ср. напр. *ловкий* 'обладающий физической сноровкой' > 'хитрый' > 'удобный, ладный'. Таким образом, иногда трудно определить, возникли ли значения одно за другим или же развитие шло параллельно. Но несмотря на эти трудности можно сказать, что есть модели, по которым идет типичный путь развития 'движение' > 'оценка'. Важен при этом не только исходный тип движения, но и прежде всего то, что находится в фокусе, так называемое третье сравнения. Различия в фокусе могут привести к разным значениям оценки, ср., напр., русское *меткий* 'правильно и остро схватывающий' и украинское *меткий* 'ловкий'.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что выражения положительной оценки очень часто развиваются из поля движения. Это касается как диахронного, так и синхронного уровня и действует не только в русском, но и в других языках. В начале изложения было выдвинуто положение, что за этим в качестве наивысшей модели стоит оценка близости как чего-то хорошего. При анализе разных подтипов развития 'движение' > 'оценка' их пути были описаны в моделях, где на первом месте дается тип или типы движения как исходный пункт, на втором месте тот элемент, который в данном процессе находится в фокусе, а на третьем месте результат развития — оценочное значение. Таким образом были показаны восемь моделей, имеющих в фокусе тот или другой аспект достижения близости. Это может быть быстрое, беспрепятственное движение к цели (2), внезапное столкновение (3), точное попадание в цель (4, 5) или движение в не-

посредственную близость к чему-то (6). При этом часто играет роль агентивность (1, 7) или неагентивность (3, 4), т.е. является ли движение добровольным, сознательным или нет. В последнем рассмотренном случае (8) в фокусе находится инструмент достижения близости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ За стилистические и другие замечания сердечно благодарю Ирину Левонтину, Аурелию Метцгер и Владимира Бурдина.

² Все данные значения русских примеров взяты из «Словаря русского языка в четырех томах» (1981—1984) (МАС), если не указано иначе.

³ Хотя первые шаги этимологического развития глагола *лучить* являются спорными (ср., напр., Фасмер (1986—1987, см. *лучше*), который полагает связь со словом *лук*, и Трубачев (1974 и сл., см. *лучший*), у которого находится родство с *луч*), реконструкцию дальнейшего развития как 'бросать, попадать в цель' > 'лучше попадающий в цель' можно рассматривать как общепринятую.

⁴ 'Хорошо' является семантическим примитивом, другие значения — составными.

⁵ Другой пример такого типа развития — регулярное образование слов со значением 'время' от слов со значением 'подходящий', ср. Anstatt (1996).

⁶ Напр., Lakoff (1987), Johnson (1987), Lakoff, Johnson (1980), обзор в Radden (1988).

⁷ "Good is up, bad is down", ср., напр.: *I'm feeling up; I fell into a depression* (Lakoff, Johnson 1980, 16).

⁸ "Source-path-goal schema" (Lakoff 1987, 275 и сл.).

⁹ Lakoff (1987, 277).

¹⁰ Ср. напр. объяснения этимологии у Kluge (1963) немецких слов *Schlager* 'музыкальное или другое искусственное произведение, имеющий колоссальный успех' в статье глагола *schlagen* 'бить': "Das Bild wohl vom einschlagenden Blitz" («образ, наверное, от ударяющей молнии»), или *gefallen* 'нравиться' от *fallen* 'падать': "dem Wtirfein oder Losen ... entlehnt" («заимствовано от игры в кости или бросания жребия»).

¹¹ Ср. напр. Fillmore (1987); данные дефиниции следуют уточнениям Гивона, ср. Givón (1984, 88 и сл.).

¹² Ср. Levelt et al. (1976).

¹³ Здесь рассматривается только движение к конечному пункту, шире — к цели (причем под целью подразумевается и конечный пункт в случае падения). Цель этого списка не исчерпывающая классификация движения, а только описание релевантных для данной статьи типов.

¹⁴ Для краткости глагол несовершенного вида представляет оба вида; имеются в виду как движение, так и результат движения.

¹⁵ Ср. значения 4 и 5 в МАС.

¹⁶ Трубачев (1974 и сл., см. *xotéti*).

¹⁷ Как показывает статья Греня (Grenj 1988), и другие слова, употребляемые в славянских языках в значении 'хотеть' — *искати* в болгарском и сербохорватском языках, *saka-ti* в македонском — произведены от значения 'искать, следовать', т.е. от значения, связанного с движением в одну сторону. О связи представлений 'искать' и 'движение' свидетельствует и русск. диалектальное *искать* 'преследовать зверя' (там же, 86).

¹⁸ По этому вопросу ср. статью Кантора (Kantor 1993), где объясняется это развитие через значение 'счастье', так как это чувство с древних времен связано с преследованием зверя.

¹⁹ Значение прилагательного 'относящийся к охоте, ловле' встречается в разных западно- и восточнославянских языках, а возникло в польском и чешском, откуда оно было заимствовано в другие языки (Трубачев 1974 и сл., см. **myslivy*).

²⁰ За указание на эту параллель я благодарю Ижину ван Левен.

²¹ Напр. в чешском, белорусском и в украинских диалектах, ср. Трубачев (1974 и сл.) см. **mysliti*.

²² Как, напр., древнеиндийское *sphāyatē* 'преуспевать, стать толстым' (ср. Kluge 1963, см. *sputen*).

²³ Ср. Фасмер (1986—1987, см. -*стигать*).

²⁴ Глагол *gelingen* относится к индоевропейскому корню **le(n)guh-* 'легкий в движении и весе', и его развитие можно реконструировать как сначала 'двигаться легко, быстро' (ср. Kluge 1963, см. *gelingen*).

²⁵ Это смещение первого актанта отражается в следующих примерах, приводимых Срезневским (1893—1903) для древнерусского слова *спѣхъ*: *на спѣхъ велнкъ приведе мѣсто наше* (*спѣхъ* 'успех'), *противънии вѣтрн на спѣхъ намъ быша* (*спѣхъ* 'счастье').

²⁶ Ср. также русск. жарг. *западать на что-л.*

²⁷ В славянских языках у этого глагола в общем два разных значения — 'бросать' и 'удалять сор при помощи метлы'. В последнее время их больше не рассматривают как относящиеся к отдельным лексемам, но как связанные одно с другим; общим исходным значением считается 'кружиться, бросать' (ср. Трубачев 1974 и сл., см. **mesti*).

²⁸ Правда, польское *trafic*, от которого образован *trafny*, заимствовано из немецкого, и по данным словаря *Slownik staropolski* (1982ff., см. *trafic*) не совсем ясно, были ли оба значения заимствованы из немецкого или развились самостоятельно в польском. Однако факт, что оба существуют и в современном польском, говорит о присутствии связи концептов.

²⁹ *Достоверной этимологии слово до сих пор не имеет* (Трубачев 1974 и сл., см. **ladъ*).

³⁰ Правда, с разговорной окраской; ср. данные в «Словаре русского языка» (1981—1984): 1. (разг.) добротню сделанный; 2. (прост.) вполне соответствующий требуемому качеству; 3. (разг.) хорошо сложенный, статный; 4. (разг.) дружный, согласный; 5. (разг.) согласованный, стройный.

³¹ Ирл. *laaim* 'бросать, класть, посылать', греч. ἐλάω, ἐλάυνω 'гнать', гот. *lētan* 'пускать' (Трубачев 1974 и сл., см. **ladnyj*).

³² Там же.

³³ Следы исходного значения показывают бесчисленные производные в славянских языках, ср. напр. русское *годный* или *годиться*. Подробнее см. Anstatt (1996, 43 и сл.), где приводятся многие производные и анализируется семантическое развитие этого гнезда слов, особенно развитие значения 'время'.

³⁴ Однако мотивацию самого слова *правильно*, как и немецкого *richtig* и других слов из этого поля, можно объяснить моделью связи нормы с представлением прямолинейности, выработанной ван Левен-Турновцовой (van Leeuwen-Turnovcová 1990, 248 и сл.; 1991).

³⁵ Образования от того же глагола *treffen* — *treffend*, *zutreffend* ‘правильно’ и *trefflich*, *vortrefflich* ‘хороший, подходящий’ показывают близость обоих концептов.

³⁶ Ср. объяснение Пауля (Paul 1992, см. *verstoßen*).

³⁷ Ср. русск. *шибать* ‘бросать, кидать, ударять’. Об этимологии слова *ошибаться* ср. Черных (1993).

³⁸ Это значение в польском сегодня устарело, но сохранилось в других славянских языках. В польском остались только значения ‘может быть’ (связано с представлением качания) и ‘кроме’ (от движения наружу, мимо чего-то).

³⁹ Ср. Трубачев (1974 и сл.). Родственность самих корней **chyb-* и **šib-* является спорным, ср. Фасмер (1986—1987) см. *ошибиться* и дискуссию между Брюкнером и Цупицей, отражающуюся в статье Брюкнера (Brückner 1910).

⁴⁰ Ср. *под Москвой* (пространственная близость) — *стихи под Пушкина* (сходство), глагол *подделывать* (сходство); *с-* в русском *сходный* и т.д. (Lehmann 1988, 355 и сл.).

⁴¹ Ср. древнерусское *лѣпши* ‘подходящий, хороший, красивый’ или польскую форму сравнительной степени *lepszy* ‘лучший’.

⁴² Ср. напр.: [*К Катеньке*] почему-то чрезвычайно идет название чистенькой девочки; Разве идет Маше эта голубенькая кофточка? (МАС).

⁴³ Ср. *Поезд идет* (МАС).

⁴⁴ Ср. Collitz (1931, 36).

⁴⁵ Это значение дается у Попова (1995, см. *катить*). Ср. и следующие примеры: *Зоя на эту роль никак не «катит»* (А.Маринина. Посмертный образ, 46); *Другие просто не катят* (из рекламы жвачки; благодарю Григория Левонтина за этот пример).

⁴⁶ По данным Даля (1903—1909, см. *бросать*).

⁴⁷ К *мѣтлѣ* ‘целить’; по Трубачеву (1974 и сл., см. **метѣть*) исходное значение *меткий* — ‘обладающий способностью верно оценивать расстояние и попадать в цель’.

⁴⁸ Опять наблюдается феномен, что лексикализовано у причастия только то значение, которое относится к оценочному значению глагола.

⁴⁹ Ср. Фасмер (1986—1987, см. *проворный*).

⁵⁰ Даль (1903—1909, см. *стремнина*).

⁵¹ Благодарю Светлану Шешунову (Дубна) за эту информацию.

⁵² Ср. Трубачев (1974 и сл., см. **ловѣть*).

⁵³ Эти формы связаны чередованием с глаголом *хватати*. К этому и другим данным об этой форме ср. Трубачев (1974 и сл., см. *хитрый*) и Фасмер (1986—1987, см. *хитрый*). Так как глаголы *хытити*, *хытати* в славянских языках употребляются в значениях ‘хватать; спешить, бросать’ здесь возможно развитие другим путем — по типу 1.1 или 3.1.

⁵⁴ С другой стороны, здесь возможно и развитие на базе метафоры ‘взять > понять’ как в русском *понять*, немецком *begreifen* или английском *to grasp*. Однако именно параллели к словам *ловкий* или *меткий* делают правдоподобным предлагаемую интерпретацию как развитие ‘движение’ > ‘оценка’.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль Владимир*. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб., 1903—1909.
2. *Попов А.* Русский молодежный жаргон, М., 1995.
3. Словарь русского языка в четырех томах. М., 1981—1984. (МАС)
4. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, СПб., 1893—1903. (Репродукция 1956 г.).
5. *Трубачев О.Н.* (ред.) Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. М., 1974 и сл.
6. *Фасмер Макс*. Этимологический словарь русского языка, М., 1986—1987.
7. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1993.
8. *Anstatt Tanja*. 'Zeit'. Motivierungen und Strukturen der Bedeutungen von Zeitbezeichnungen in slavischen und anderen Sprachen, München, 1996.
9. *Brückner Anton* Etymologische Glossen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. 1910, 4, 301—327.
10. *Collitz Klara H.* Verbs of motion in their semantic divergence. Philadelphia, 1931.
11. *Fillmore Charles*. Types of lexical information // Dirven, René; Radden, Günter (eds.). Fillmore's Case Grammar: A reader. Heidelberg, 1987, p. 47—54.
12. *Givón Talmy*. Syntax: A functional-typological introduction. Vol. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1984.
13. *Greń Zbigniew*. Pojęcie 'chcieć' w językach słowiańskich // Prace Językoznawcze 87. 1987, 81—91 (Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego 861).
14. *Johnson Mark*. The body in the mind. The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago, 1987.
15. *Kantor Marvin*. On the "desire" to hunt // Journal of Slavic Languages. 1993, 1/1, 83—91.
16. *Kluge Friedrich*. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1963.
17. *Lakoff George*. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago; London, 1987.
18. *Lakoff George, Johnson Mark*. Metaphors We Live By. Chicago; London, 1980.
19. *Leeuwen-Turnovcová Jiřina van*. Rechts und Links in Europa. Ein Beitrag zur Semantik und Symbolik der Geschlechterpolarität. Berlin, 1990.
20. *Leeuwen-Tumovcová Jiřina van*. Warum ist das Recht gerade? Anmerkung zur Kultursemantik einiger slavischer Rechtstermini // Zeitschrift für slavische Philologie. 1991, 51, 292—313.
21. *Lehmann Volkmar*. Zur diachronen Motivierung der Bedeutungen slavischer Ausdrücke mit der Funktion "ähnlich" (*pod, po, podrobić, podražat, podobnyj* etc.) // Kosta, Peter et al. (eds.). Studia Indogermanica et Slavica. Festschrift für W. Thomas, Specimina Philologiae Slavicae, Suppl. 26, München, 1988, 355—366.
22. *Levelt W.J.M., Schreuder R., Hoenkamp E.* Struktur und Gebrauch von Bewegungsverbem, in: Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1976, 6, Heft 23/24 (Psycholinguistik), 131—152.
23. *Paul Hermann*. Deutsches Wörterbuch, Tübingen, 1992.
24. *Radden Gunter*. The Concept of Motion // Hüllen, Werner; Schuize, Rainer (eds.). Understanding the Lexicon: Meaning, Sense and World Knowledge in Lexical Semantics. Tübingen (Linguistische Arbeiten 210), 1988.
25. Słownik staropolski / Ed. Stanisław Urbańczyk. Wrocław et al., 1982ff.

ДВИЖЕНИЕ К ХУДШЕМУ: ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В ЗНАЧЕНИИ ПОРЧИ¹

Однонаправленные глаголы движения — *идти, ползти, ехать, лезть, течь* — имеют в качестве одного из своих значений значение разрушения:

(1) *Крыша течет*; (2) *Ковер лезет*; (3) *Чулок поехал*.

Этот тип характеризуется конверсией семантических актантов Агенс и Место по сравнению с *течь1* в

(4) *Вода течет по крыше (сквозь крышу)*.

Если у *течь1* Агенс движения играет роль подлежащего, а Место — обстоятельства, и Место не принадлежит к числу обязательных участников, то в примере (1) *Крыша течет* с *течь2* семантическое Место выдвигается в позицию подлежащего; о повышении периферийных актантов до центральных говорит Ч. Филлмор [5, 522—523], см. также [3, 9]. В статье Ч. Филлмора [5, 522—523] также рассматривается один из сдвигов семантического Места — это сдвиг от семантического Места к синтаксическому дополнению: *залить бензин в бак — залить бак бензином*. В примере же (1) Место идет еще на более существенное повышение — оно выдвигается в позицию подлежащего, что, вообще говоря, не характерно для русского языка, весьма «осторожного» в выборе своих подлежащих: в русском языке у глаголов действия, деятельности и движения подлежащее чаще всего одушевленное — человек — или машина, самодвижущаяся стихийная сила — вода, ветер, огонь.

При многозначности типа *течь1-течь2* обозначаемая онтологическая ситуация, которая состоит в том, что происходит течение самодвижущейся жидкости в некоторой точке пространства — Месте, в *течь2* по сравнению с *течь1* сохраняется. Но в *течь2* возникает прагматическая добавка — отрицательная оценка ситуации говорящим: ток жидкости понимается как несанкционированный. Поэтому предложение

(5) *Трубы текут*

имеет толкование: '*Вода течет сквозь трубы, и это плохо: трубы испортились*', а предложение

(6) *У Васи нос течет*

значит, что Вася нездоров.

Другие глаголы движения также подвержены подобной многозначности. Как реконструируется прототипическая ситуация у глагола *пойти2* в

(7) *Лицо пошло пятнами, прыщами, сытью?*

Учитывая метафорическое переосмысление (так как пятна, вообще говоря, не имеют ног и не ходят), можно сказать, что исходная ситуация состоит в том,

¹ An INTAS grant (project number: INTAS-96-0085) provided support for the preparation of this paper.

что по лицу пошли пятна. Но языковое сознание может трактовать эту ситуацию не только как

(8) *Пятна пошли по лицу,*

но и в иной перспективе — (7) *Лицо пошло пятнами.* Такой сдвиг точки зрения выражается тем же глаголом *пойти* (*идти*). Прагматическая добавка — отрицательная оценка: в предложении типа *Х пошел У-ом (У-ами)* У — всегда плохой. Это пятна, прыщи, сыпь.

Значение деструктивного движения имеют также глаголы *ползти* и *ехать*, когда речь идет о том, что на трикотажных изделиях образуется прореха в виде стрелки. Спущенная петля действительно выглядит как движущийся ручеек, т.е. налицо метафора, при которой освобождающиеся петли уподобляются ползущему или едущему телу. Онтологическая ситуация состоит в движении дорожки на чулке, но номинация устроена метонимически, т.е. так, что подлежащее соответствует семантическому Месту:

(8) *Чулоч пополз /поехал.*

Таким образом, предложение (8) представляет собой пример метафоры, «помноженной» на метонимию. Заметим также, что перед нами пример не окказиональной метонимии (ср. *Зал затих*), а лексикализованной, при которой к переносу по смежности добавляется еще и отрицательная оценка.

В предложениях с *лезть*₂ (ср. (2) *Ковер лезет*) онтологическая ситуация состоит в том, что ворс, пух или мех от ветхости теряют контакт с поверхностью пушистых предметов, «сезают». Но это обозначается не как

(9) *Ворс сезает с ковра*

(а такой тип номинации тоже существует и он более «прототипичен»), а как (2) *Ковер лезет.*

Итак, онтологическая ситуация, обозначаемая рассматриваемыми глаголами состоит в том, что некий предмет портится таким образом, что в нем возникает разрушительный ход: приходят в движение составляющие этот предмет части или окружающие чужеродные субстанции — в месте, где течет вода, у нее образуется несанкционированное русло, на поверхностях возникают изъязвы, пятна, раны, язвы, сорняки, проплешины, дыры. В терминах исходной, прототипической, ситуации движения можно сказать, что в некотором Месте (*сквозь крышу, из ковра, на чулке*) течет вода, лезет мех и движется стрелка. Однако это может выражаться соответствующим глаголом с именем Места в качестве подлежащего. Если при этом Агенса движения тривиален, то он не выражается — (1) *Крыша течет* (очевидно, что водой); (2) *Ковер лезет* (так сказать, ворсом). Если нетривиален, то он должен быть выражен: *пойти пятнами; порости осокой*. Изменяется и таксономическая категория: глагол теперь обозначает не процесс (*течь*) или деятельность (*идти*), а свойство.

Для *порости*₂ —

(10) *Пруд порос ряской* —

прототипической служит ситуация, когда быстро размножающиеся растения — У-и, покрывают Место Х, т.е. У-и растут там, где Х. Однако, если У-и плохие и растут сами по себе не возделываемые заботливой рукой, то говорят, что Х ими порос или зарос. Заметим, что при многозначности типа *течь*_{1-течь}₂ у

глаголов могут быть разные видовые пары: у *порасти осокой* — *порасти*, а у *порасти немножко* и *перестать* видовой пары нет.

Глагол *протекать* тоже демонстрирует аналогичную многозначность, ср. *протекать*¹ (пример (11)) и *протекать*² (пример (12)):

(11) *Река Лена протекает вдоль Верхоянского хребта*; (12) *Башмаки протекают*.

Сходную модель управления имеют глаголы *кишеть* и *изобиловать*. И несмотря на то, что концепт изобилия имеет, как может показаться, положительную коннотацию, т.е. изобилие — это обилие хорошего, опрос информантов показал, что многие из них считают, что *изобиловать* — это плохо, т.е. что статья может изобиловать ошибками, недочетами, несообразностями и недостатками, но не удачными примерами, счастливыми находками и блестящими наблюдениями. Конверсия актантов у глагола *кишеть* —

(13) *Муравейник кишит муравьями* — (14) *Муравьи кишат в муравейнике* — меняет только коммуникативную перспективу, т.е. толкование *кишеть* изначально содержит указание на присутствие наблюдателя, который смотрит на муравьев и оценивает это зрелище как неприятное. Здесь отрицательная оценка заложена в составе прототипической ситуации. В английском для аналогичных примеров с неактивным подлежащим, т.е. когда актуализуется роль наблюдателя, характерно время Continuous — время с актуальным наблюдателем:

(15) *The garden is swarming with bees; The river is teeming with fish.*

В примерах (15) движение концептуализуются как объект восприятия. Отрицательной оценки здесь, по-видимому, нет, однако значение превышения нормы, которое также выдает присутствие говорящего, несомненно, имеется.

У *бежать*, *плыть* и *лететь* подобной многозначности не обнаруживается. Окационализм *Кран бежит* понимается в значении '*Кран протекает (Вода бежит там, где кран)*', т.е. '*из крана течет (бежит) вода, и это плохо*'. Ю.Д.Апресян рассматривает глагол *облететь*: *С деревьев облетели листья* — *Деревья облетели* [1, 210].

В особую группу выделим *истекать*² и *исходиться*²:

(16) *Х истекает (исходит) У-ом (истекать кровью, изойти слезами, слюной, криком, злобой, гневом); когита истекает жиром*.

Х здесь — не место, а Посессор-Источник крови, слюны и злобы. Прототипическая ситуация обозначается глаголами *истекать*¹ и *исходиться*¹:

(17) *Кровь истекает из жил*; (18) *Народ исходит из Египта*.

Ограничение на употребление глаголов *истекать*¹ и *исходиться*¹ состоит в следующем: нельзя исходить радостью, счастьем, улыбками, а только чем-то превеличенным, гротескным и чрезмерным. Нетрудно заметить, что в рассмотренных примерах на заднем плане опять возникает говорящий.

Особенностью многих из рассматриваемых глаголов служит черта, которая получила в книге Ю. Д. Апресяна [1, 279—280] название полного охвата, см. также [3—4; 5, 528]. Авторы выделяют класс глаголов полного охвата объекта действием. Эти глаголы характеризуются целым рядом общих признаков, которые в наиболее полном виде приводятся в работах Е.В.Падучевой и Р.И.Розиной [3—4]. К глаголам *облетать*, *порасти*, *протекать*², *исхо-*

дить² понятие полного охвата тоже применимо. Если *наполнять* в *наполнять бассейн водой* имеет семантический признак полного охвата объекта действием (бассейна водой), то *облетать*, *порастать*, *протекать*², *исходить*² — это глаголы полного охвата Места свойством или состоянием. Так, в предложении

(19) *Вася истекает кровью*

имеется в виду, что весь организм Васи вовлечен в процесс кровотечения. Аналогично, глагол *исходить*² в сочетаниях *исходить слюной/злостью* имеет гиперболическое значение — как будто слюну или злобу источает каждая точка тела Васи. Характерная черта — сочетаемость с лексемой *весь*:

(20) *Заледелена роза и облетела вся* (Окуджава); *Весь двор порос бурьяном и колючей крапивой* (Чехов); *Хоть ты весь изойди криком, я и глазом не поведу!*; *Все лицо пошло сыпью*.

Подведем итоги. Сущность изучаемой диатезы с Местом-Посессором в роли подлежащего состоит в следующем (о понятии диатезы см. [2; 6]).

1. Диатеза в предложении типа (1) *Крыша течет* не является исходной (семантически немаркированной). Исходной служит диатеза в предложении *Вода течет сквозь крышу*. В (1) перед нами диатеза с периферийным семантическим актантом — Местом — в качестве подлежащего.

2. Таксономические категории глаголов исходных и производных диатез соотносятся как «деятельность», «процесс» или «действие» vs. «свойство», т.е. исходная диатеза (*Вода течет*) — это процесс, а производная (*Трубы текут*) — свойство. Сравним также примеры с глаголами других тематических классов, которые обнаруживают то же соотношение таксономических категорий: *Вася режет хлеб* — это действие, а *Нож не режет* — свойство. Здесь мы вышли за пределы семантического поля движения, потому что столкнулись с более общим свойством глаголов-свойств и показали, что один из типов регулярной многозначности предполагает противопоставление действий/процессов (*Вода течет*; *Вася пошел в школу*; *Вася режет хлеб*; *Вася поворачивает машину направо*) свойствам (*Крыша течет*; *Лицо у Васи пошло сыпью*; *Этот нож режет хорошо*; *Дорога поворачивает на юг на десятом километре*). Значит, таксономические категории исходных диатез (т.е. таких, у которых вклад синтаксической структуры в семантическую минимальный) характеризуются активным Агенсом в роли подлежащего, а пассивный участник ситуации в роли подлежащего характерен для производных диатез с более изысканной семантической структурой.

3. Рассмотренный материал подтверждает идею о том, что если подлежащее — неодушевленный объект, за кадром возникает человек, который наблюдает за ситуацией и оценивает ее.

Итак, мы рассмотрели некоторые способы концептуализации мира, воплощенные в русских глаголах движения. Оказалось, что вторичные значения у рассмотренных глаголов осложнены действием «человеческого фактора», т.е. имеют добавку в виде прагматического, оценочного, значения. Этот компонент предполагает присутствие человека, который воспринимает свойства предметов в мире и, будучи пессимистом, оценивает ситуации как неблагоприятные.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
2. *Мельчук И.А., Холодович А.А.* К теории грамматического залога: (определение, исчисление) // Народы Азии и Африки, 1970, № 4.
3. *Падучева Е.В., Розина Р.И.* Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-семантические свойства // Вопросы языкознания, 1993, № 6.
4. *Розина Р.И.* Объект, средства и цель в семантике глаголов полного охвата // Вопросы языкознания, 1994, № 5.
5. *Холодович А.А.* Залог: 1. Определение. Исчисление // Категория залога. Материалы конференции. Л., 1970.
6. *Филлмор Ч.* Дело о падеже открывается вновь // Новое в лингвистике. Вып. X. М., 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

ДВИЖЕНИЕ В ЛЕКСИКЕ

<i>Н.Д.Арутюнова</i> . Путь по дороге и бездорожью	3
<i>М.Гиро-Вебер, И. Микаэлян</i> (Экс-ан-Прованс, Франция). Семантика глаголов прикосновения во французском и русском языках: <i>toucher, касаться, трогать</i>	18
<i>О.П.Ермакова</i> (Калуга). Обратимость куда и зачем в русском языке	35
<i>А.Д.Кошелев</i> . Описание когнитивных структур, составляющих семантику глагола <i>ехать</i> ...	41
<i>Т.А.Майсак, Е.В.Рахилина</i> . Семантика и статистика: глагол <i>идти</i> на фоне других глаголов движения	53
<i>И.И.Макеева</i> . Семантические константы глаголов движения в истории русского языка ...	67
<i>В.В.Морозов</i> (Дубна). Сопоставительный анализ глаголов движения в английском, русском и французском языках	78
<i>Е.В.Падучева</i> . Глаголы движения и их стативные дериваты (в связи с так называемым движением времени)	87
<i>Р.И.Розина</i> . Движение в физическом и ментальном пространстве	108
<i>Н.К.Рябцева</i> . Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве	119
<i>Н.Ф.Спиридонова</i> . Глухой забор, или бег с препятствиями	138
<i>В.М.Труб</i> (Киив, Украина). О семантической структуре предикатов поисковой деятельности	148

ДВИЖЕНИЕ В ГРАММАТИКЕ

<i>В.И.Гаврилова</i> . Сознательные действия, стихийные процессы и ситуация создания и снятия преграды	159
<i>В.В.Гуревич</i> . От движения к покою или наоборот? (О некоторых парадоксах семантической деривации)	175
<i>Ю.П.Князев</i> (Великий Новгород). Обозначение направленного движения в русском языке: средства выражения, семантика и прагматика	182
<i>В.А.Матвеевко</i> . Вечное против «мимолетного». Преодоление грамматического времени	193
<i>В.А.Плунгян</i> . К типологии глагольной ориентации	205
<i>Б.Тошович</i> (Грац, Австрия). Глагол в треугольнике «движение—покой—отношение»	224
<i>И.Б.Шатуновский</i> (Дубна). Настоящее динамическое НСВ в современном русском языке	232

ДВИЖЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ

<i>Е.М.Верещагин</i> . Язык статического мира: замирание движения в славяно-русской гимнографии	244
<i>О.А.Казакевич</i> . Путешествие шамана (по материалам шаманских легенд и волшебных сказок северных селькупов) ...	254
<i>Е.Ю.Кукушкина</i> . Типы перемещений в севернорусском свадебном обряде (по материалам свадебных причитаний)	260
<i>И.Б.Левонтина, А.Д.Шмелев</i> . На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке	269

<i>Т.А. Михайлова.</i> «Прыжок в Иной мир» как элемент обряда инициации	286
<i>С.Е. Никитина.</i> Роду путешественного... (о концепте пути в русских конфессиональных культурах)	297
<i>Г.М. Яворская</i> (Киев, Украина). Образ человека в движении (к описанию этноцентрических стереотипов)	304

СЕМИОТИКА ДВИЖЕНИЯ

<i>Анна А. Зализняк.</i> Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности	312
<i>И.П. Земскова.</i> Концептуальное поле ПОРЯДКА	321
<i>Г.Е. Крейдлин.</i> Движения рук: касание и тактильное взаимодействие в коммуникации людей	330
<i>Л.Б. Лебедева</i> (Дубна). Модальности восприятия и их отражение в языке	349
<i>Й. ван Лейвен-Турновцова</i> (Йена, Германия). Динамическое и статическое на фоне противопоставления иррационального и рационального	360
<i>Н.Б. Мечковская</i> (Минск, Белоруссия). На семиотическом перекрестке: мотивы движения тела в невербальной коммуникации, в языке и метаязыке	376

ОБРАЗЫ ДВИЖЕНИЯ

<i>А.В. Гук</i> (Калининград). О соотношении движения вверх/вниз/по кругу в физическом и ментальном пространствах лирического субъекта М.Кузмина	394
<i>А.Г. Грек</i> (Луганск, Украина). Символика движения—неподвижности в стихах из «Римского дневника 1944 года» Вяч. Иванова	402
<i>В.П. Григорьев.</i> В.Хлебников: <i>Веха, двигава и путь</i>	413
<i>М.А. Дмитриовская</i> (Калининград). Противопоставление кругового и прямолинейного движения у А.Платонова	423
<i>А.В. Емец</i> (Хмельницкий, Украина). Метафорическое использование предикатов движения в рассказах Дилана Томаса	431
<i>С.Н. Лобода</i> (Луганск, Украина). Физика и метафизика движения в поэзии Н.Гумилева и И.Бродского	436
<i>Л.Г. Панова.</i> <i>Di mouvement avant toute chose</i> , или движение в поэзии О.Мандельштама	444
<i>Н.Н. Перцова, А.В. Рафаева.</i> «Старче Божий! Зачем идешь?» (комментарий к последнему стихотворению В.Хлебникова)	455
<i>Л.Н. Синельникова</i> (Луганск, Украина). <i>Смерть</i> как феномен движения и изменения, связанный с моментом истины	463
<i>Н.А. Фатеева.</i> «Опять бежать...?» (о концепте «бега» у Б.Пастернака)	468
<i>С.В. Шешунова</i> (Дубна). Движение огненного колеса (А.И.Солженицын и Дж.Р.Р.Толкиен)	481

ДВИЖЕНИЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

<i>Таня Анштатт</i> (Тюбинген, Германия). Стремление к лучшему: семантическое поле движения как база для выражения оценки	491
<i>Таня Янко.</i> Движение к худшему: глаголы движения в значении порчи	506

CONTENTS

THE VOCABULARY OF MOTION

<i>N.D.Arutiunova</i> . A way along and without roads	3
<i>M.Guiraud-Weber, I.Mikaelian</i> (Aix-en-Provence, France). The semantics of touch verbs in French and in Russian: <i>toucher, kasat'sia, trogat'</i>	18
<i>O.P.Yermakova</i> (Kaluga). Reversibility of <i>kuda</i> ('where to) and <i>zачем</i> ('what for') in Russian	35
<i>A.D.Koshelev</i> . A description of cognitive structures underlying the semantics of the verb <i>jekhat'</i>	41
<i>T.A.Maisak, E.V.Rakhilina</i> . Semantics and statistics: the verb <i>idti</i> ('go') against the background of other motion verbs	53
<i>I.I.Makeyeva</i> . Semantic constants of motion verbs in the history of the Russian language	67
<i>V.V.Morozov</i> (Dubna). Contrastive analysis of motion verbs in English, Russian and French	78
<i>E.V.Paducheva</i> . Motion verbs and their stative derivatives (concerning the so called movement of time)	87
<i>R.I.Rozina</i> . Movement in physical and in mental space	108
<i>N.K.Riabtseva</i> . Hindrances, barriers and obstacles in physical, social and mental space ...	119
<i>N.F.Spiridonova</i> . <i>Glukhoj zabor</i> ('a blind wall') or a steeple-chase	138
<i>V.M.Trub</i> (Kiev, Ukraine). On the semantic structure of search activity predicates	148

THE GRAMMAR OF MOTION

<i>V.I.Gavrilova</i> . Conscious acts, spontaneous processes and the situation of setting up and lifting a barrier	159
<i>V.V.Gurevich</i> . From motion to rest or the other way about? (On some paradoxes of semantic derivation)	175
<i>Y.P.Kniazev</i> (Velikij Novgorod). Designation of directed movement in Russian: means of expression, semantics and pragmatics	182
<i>V.A.Matveyenko</i> . The eternal versus the 'by-passing'. Transcending the grammatical tense	193
<i>V.A.Plungian</i> . On the typology of orientation in the verb	205
<i>B.Tošović</i> (Graz, Austria). The verb in the triangle "motion—rest—relationship"	224
<i>I.B.Shatunovsky</i> (Dubna). The Present Dynamic Tense in modern Russian	232

MOTION IN NATIONAL CULTURES

<i>E.M.Vereshchagin</i> . The language of a static world: the subsidence of motion in Slav-Russian Hymnography	244
<i>O.A.Kazakevitch</i> . The journey of a shaman (on the material of shaman legends and magic tales of Northern Selkups)	254
<i>E.Yu.Kukushkina</i> . Types of movement in the marriage rites of Northern Russia	260
<i>I.B.Levontina, A.D.Shmelev</i> . <i>Na svoikh dvoikh</i> ('on foot'): the vocabulary of pedestrian movement in Russian	269

<i>T.A. Mikhailova</i> . "A leap into another world" as an element of the initiation rite	286
<i>S.E. Nikitina</i> . Rodu puteshestvennogo ('of the travelling kind')... (on the concept of way in Russian denomination cultures)	297
<i>G.M. Yavorskaya</i> (Kiev, Ukraine) The image of man in motion (towards the description of ethnocentric stereotypes)	304

SEMIOTICS OF MOTION

<i>Anna A. Zalizniak</i> . Motion metaphor in the conceptualization of intellectual activity	312
<i>I.P. Zemskova</i> . The conceptual field of ORDER	321
<i>G.Ye. Kreidlin</i> . The movement of hands: touch and tactile interaction in human communication	330
<i>L.B. Lebedeva</i> (Dubna). Perceptual modalities and their reflection in language	349
<i>J.van Leeuwen-Turnovcova</i> (Jena, Germany). The dynamic and the static against the background of the rational-irrational opposition	360
<i>N.B. Mechkovskaya</i> (Minsk, Belorussia). At the semiotic cross-roads: motivation of body movements in non-verbal communication, in language, in metalanguage	376

IMAGES OF MOTION

<i>A.V. Gik</i> (Kaliningrad). On the correlation of the up/down/around movement in the physical and mental spaces of the lyrical subject of M.Kuzmin	394
<i>A.G. Grek</i> (Lugansk, Ukraine) The symbolics of motion—immobility in the poems of "The Rome Diary" by Viach. Ivanov	402
<i>V.P. Grigoriev</i> . V.Khlebnikov: <i>Vekha, dvigava</i> and <i>put'</i>	413
<i>M.A. Dmitrovskaya</i> (Kaliningrad). The opposition of circular and rectilinear movement with A.Platonov	423
<i>A.V. Yemets</i> (Khmelnitsky, Ukraine). Metaphoric use of motion predicates in Dylan Thomas' stories	431
<i>S.N. Loboda</i> (Lugansk, Ukraine). The physics and metaphysics of motion in the poetry of N.Gumilev and J.Brodsky	436
<i>L.G. Panova</i> . Du mouvement avant toute chose, or motion in the poetry of O.Mandelshtam	444
<i>N.N. Pertsova</i> , <i>A.V. Rafayeva</i> . "Starche bozhij, zachem idiosh?" ('God's old man, why are you going?') (a commentary on the last poem by V.Khlebnikov)	455
<i>L.N. Sinelnikova</i> (Lugansk, Ukraine). Death as a phenomenon of motion and change connected with the moment of truth	463
<i>N.A. Fateeva</i> . "Opiat' bezhat' ...?" ('Run again ...?') (on the concept of 'running' in the poetry of B.Pasternak)	468
<i>S.V. Sheshunova</i> (Dubna). The movement of the fire wheel (A.I.Solzhenitsin and J.R.R.Tolkien)	481

MOTION: THE AXIOLOGICAL ASPECT

<i>Tanja Anstatt</i> (Tübingen, Germany). Pursuit of the better: the semantic field of motion as a basis for the expression of evaluation	491
<i>Tanja Yanko</i> . Movement towards the worst: motion verbs denoting degradation	506

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЯЗЫКИ ДИНАМИЧЕСКОГО МИРА

Редактор *И.Б.Шатуновский*
Технический редактор *Г.А.Володина*
Компьютерная верстка *Г.А.Володиной*

ЛР № 040863 от 16.12.97 г.

Рукопись поступила 15.11.99. Подписано в печать 24.12.99
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Компьютерная верстка

Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 32,5.

Тираж 800 экз. Заказ № 4391.

Международный университет природы, общества и человека «Дубна»
141980, г.Дубна Московской обл., ул. Университетская, 19

Областная типография
170000, г. Тверь, Студенческий пер., 28

